

ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ ИЗДАНІЮ ТВОРЕНІЙ

СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

—•••—
ЧАСТЬ ОДИННАДЦАТАЯ.
—•••—

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ В. ГОТЬЕ.

1852.

ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ ИЗДАВАНІЮ ТВОРЕНІЙ

СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ.

ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ ИЗДАНІЮ ТВОРЕНІЙ

СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

ЧАСТЬ ОДИННАДЦАТАЯ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ В. ГОТЪЕ.

1852.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Февраля 18 дня, 1852 года.

*Цензоръ, Московской Духовной Академіи
Инспекторъ, Архимандритъ Сергій.*

С Л О В О,

ВЪ НЕДѢЛЮ СЫРОПУСТНУЮ И НА ПАМЯТЬ СЯТИТЕЛЯ АЛЕКСІЯ, ГОВОРЕННОЕ СИНОДАЛЬНЫМЪ ЧЛЕНОМЪ, ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШИМЪ ФИЛАРЕТОМЪ, МИТРОПОЛИТОМЪ МОСКОВСКИМЪ, ФЕВРАЛЯ 10 ДНЯ, 1852 ГОДА.

Облецытеся Господемъ нашимъ Исусъ Христомъ, и плоти угодія не творите въ похоти. Рим. 13, 14.

Сіе наставленіе Апостола провозглашено нынѣ среди церкви: слѣдственно, предложено нашему вниманію, уразумѣнію и дѣятельному исполненію.

Но прежде нежели войдемъ въ разсужденіе о семъ наставленіи, не бесполезно—дать вамъ нѣкоторое объясненіе особенности настоящаго дня, не часто встрѣчающейся. Праздникъ блаженнаго преставленія отъ земли Святителя Алексія совершаемъ нынѣ двумя днями ранѣе обыкновеннаго. Почему такъ? Потому что такъ повелѣли богомудрые Отцы наши, учредители церковныхъ чиноположеній. А почему они такъ повелѣли? Потому что находили неудобнымъ, чтобы въ день строгаго поста и покаянія благочестивая

печаль смѣшена была съ радостію праздника. Неужели и благочестивая радость можетъ иногда быть неблаговременна? Такъ, видно, думали богомудрые Отцы наши; и нашъ долгъ—не состязаться съ ихъ мнѣніями, а правильно понимать ихъ, и брать себѣ въ руководство.

Благочестивая печаль невраждебна благочестивой радости, и даже сама раждаетъ ее, какъ сіе испыталъ и исповѣдалъ предъ Богомъ Пророкъ: *по множеству болѣзней моихъ въ сердце моемо утѣшенія Твоя возвеселиша душу мою* (Пс. 93, 19.). Но дабы печаль, яже по Бозь, которая, какъ сказуетъ Апостоль, *покаяніе нераскаянно во спасеніе содѣлываетъ* (2 Кор. 7, 10.), возымѣла въ чловѣкѣ полное дѣйствіе, и принесла плодъ, — для сего долженъ онъ предаться сей печали полнымъ сердцемъ, и не разстраивать ея дѣйствія постороннею радостію, даже и благочестивою. Сего требуетъ законъ единства, который имѣетъ великую силу какъ въ природѣ, такъ и въ дѣлахъ чловѣческихъ, и особенно духовныхъ. Едино есть на потребу (Лук. 10, 42.). Не можете двѣма работати (Матѣ. 6, 24.). Царство раздѣльшееся на ся не станетъ (Матѣ. 12, 25.). Чловѣкѣ потолкну живеть и дѣйствуетъ на земли, поколпну пребываютъ въ единствѣ его душа и тѣло и существенныя части состава тѣлеснаго. Онъ достигаетъ полнаго успѣха и совершенства только въ томъ дѣлѣ, на которое одно устремлено все его вниманіе, мысль и воля. Раздѣляясь мыслями и желаніями на разные предметы, онъ не можетъ не колеблясь пдти къ цѣли, подобно храмлющему на оба колѣна.

Благотворному закону единства подчиняетъ насъ, а отъ опасной раздѣльности предостерегаетъ, и слышанное нынѣ Апостольское наставленіе. Оно, какъ единственный предметъ, который бы наполнялъ и обнималъ наши способности, мысли, желанія, дѣятельность, предлагаетъ Господа нашего Иисуса Христа: *облецытеся Господемъ нашимъ Иисусъ Христомъ*; и возбраняетъ разсѣваться мыслями и желаніями по предметамъ чувственнаго міра: *плоти угодія не творите въ похоти*.

Чтобы вѣрно воспользоваться симъ наставленіемъ Апостола,—должно примѣтить въ ономъ опредѣленность мысли и точность выраженія. Онъ не говоритъ: не дѣлайте ничего угоднаго плоти, не прилагайте о ней никакого попеченія, совсѣмъ не обращайтесь на нее вниманія. По естеству, какъ онъ же говоритъ въ другомъ мѣстѣ, *никтоже когда свою плоть возненавидѣлъ, но питаетъ и грѣтъ ю* (Еф. 5, 29.). Плоть, или иначе, тѣло, съ его чувствами, силами, членами, по назначенію Создателя, есть орудіе или слуга души. Работающему орудіемъ надобно пещись, чтобы орудіе было исправно. Господину надобно пещись, чтобы слуга имѣлъ силу и способность дѣлать дѣло, на него возлагаемое. Такъ, человеку надобно пещись о своемъ тѣлѣ. Но говоритъ Апостоль: *плотоугодія не творите въ похоти*, не дѣлайте плоти такого угожденія, котораго требуютъ не природа и разсудокъ, а пожеланія чувственныя, не управляемыя разумомъ, прихотливыя, страстныя, необузданныя, преобладающія. Потому что въ семъ случаѣ плоть становится не только непокоривымъ слугою души, но даже властелиномъ надъ нею, ея работителемъ и мучителемъ.

Употребляй пищу и питіе по требованію голода и жажды, для поддержанія жизни, силъ, здоровья: сего требуетъ природа; сего не возбраняетъ законъ; сего не отвергаетъ здоровое ученіе. Если и избранную пищу употребишь въ праздникъ, въ день радости, съ благодареніемъ Богу, дающему намъ вся обильно въ наслажденіе (1 Тим. 6, 17.): и въ семь оправдаетъ тебя притча, на трапезъ благовременнаго веселія предлагающая тельца упитаннаго (Лук. 15, 23.). Но дабы въ слѣдъ за естественнымъ услажденіемъ вкуса не подкралась похоть, а за нею немѣренность, объяденіе, пїянство, сладострастіе,—для сего и обыкновенное благоразуміе совѣтуетъ, и врачебная наука вразумляетъ, и правило духовной опытной мудрости повелѣваетъ, вообще—отсѣкать нѣчто отъ количества пищи, требуемаго чувственнымъ пожеланіемъ, особенно же въ нѣкоторыя времена и количество пищи уменьшать, и качество ея измѣнять, отлагать утучняющее и согрѣвающее, и употреблять легкое и прохлаждающее. Законъ духовный предписываетъ употреблять постъ, какъ оружіе для отраженія похотей плоти, давать постъ и молитву, какъ крила, духу, для возвышенія его къ Богу. Впрочемъ, правило церковное, строгое противъ похоти, снисходительное къ немощи, требуетъ поста, и осуждаетъ непостящагося *кромъ препятствія отъ немощи тѣлесныя* (прав. Апост. 69.), слѣдственно, позволяеть облегченіе поста, ради немощи тѣлесныя; и весьма справедливо; потому что немощь сама собою доставляетъ то, что ищется посредствомъ поста, то-есть укрощеніе чувственности и бездѣйствіе плотскихъ страстей; и слѣдственно, для немощнаго не то

нужно, чтобы усмирять плоть постомъ, а то, чтобы немощное тѣло поддерживать питаніемъ и врачеваніемъ, дабы оно не сдѣлалось вовсе неспособнымъ служить душѣ.

Подобно сему и въ-отношеніи къ одеждѣ и жилищу, къ дѣйствованію и отдохновенію, къ занятіямъ пріятнымъ и удовольствіямъ чувствъ, законъ духа для плоти заключается въ томъ, чтобы умѣренно удовлетворять естественнымъ ея требованіямъ, разумительно снисходить къ ея немощамъ, и притомъ не оскорблять достоинства духа и нравственнаго чувства, не противорѣчить намѣреніямъ Творца природы въ дарахъ Его, не рабѣльствовать страстямъ и похотямъ. *Плоти угодія не творите въ похоти.*

Если предъ чистымъ зеркаломъ закона духовнаго поставимъ нашу дѣйствительную жизнь: какъ неблагообразны должны показаться многія дѣла, которыми многіе не смущаются, а иные даже хвалятся!

Учащаемыя пиршества безъ праздника,—ежедневныя увеселенія безъ случаевъ къ веселію,—забавы, берущія болѣе времени, и причиняющія болѣе утомленія, нежели труды,—зрѣлища, предъ которыми скромность должна бы закрыть глаза,—пѣсни, отъ которыхъ цѣломудріе должно заградить слухъ,—и мало ли что можно было бы еще указать, въ чемъ обличается *угодіе плоти въ похоти*, уже переставшее бояться обличенія?

Страннымъ показалось бы слово, которое прямо указало бы на нѣкоторыя странности, по прихоти людей сдѣлавшіяся обыкновенными.—Недовольствуясь пристрастнымъ *угодіемъ плоти*, которому даетъ нѣкоторый поводъ природа (какъ напримѣръ, изъ

потребности пищи и питія заимствуетъ себѣ поводъ неумѣренность въ пищу и питіи), — они изобрѣли *угодія плоти*, мимо намѣреній природы; образовали у себя вкусы, которыхъ естественное чувство не знало, и къ удовлетворенію ихъ приспособили потребности, которыми природа не думала ихъ обременять: и какъ въ неестественномъ должно быть болѣе зла, нежели въ естественномъ, то мимо природы вымышленная прихоть предавшихся ей порабощаетъ привычкою съ ббльшею жестокостію, нежели воздержаніе въ пищу.

Можетъ быть, скажутъ: стббитъ ли труда возставать противъ угожденія плоти, хотя и съ страстію соединеннаго, которое никому вреда не дѣлаетъ?— Не смущаюсь отъ сего упрека: потому что его дѣлаютъ не мнѣ одному, но прежде меня святому Апостолу Павлу, который написалъ: *плоти угодія не творите въ похоти*.

Для усмотренія, — что Апостоль, проповѣдуя противъ угожденія плоти въ похоти, не объ мелочахъ заботился, но предупреждалъ зло, не страшное въ началѣ, пагубное въ-послѣдствіи, — довольно представить одинъ примѣръ изъ Св. Писанія. Пророкъ Исаія говоритъ іудеямъ, что они — на краю гибели: *разшири адъ душу свою, и разверзе уста своя*. Отъ чего это? Какъ дошли до сего іудей? Выслушайте объясненіе Пророка! *Съ гуслими бо и пѣвницами, и тимпаны, и свирѣльми вино пѣютъ, на дѣла же Господня не взираютъ, и дѣлъ руку Его не помышляютъ* (Иса. 5, 12—14.). Необузданное плотоугодіе довело ихъ до забвенія Бога: а удаляющіеся отъ Бога куда идутъ, если не къ аду? *И адъ раз-*

ширлетъ душу свою и разверзаетъ уста свои, чтобы поглотить ихъ.

Благодареніе Апостолу Христову, который не только старается не допустить насъ до сей опасности увѣщаніемъ, но и показываетъ вѣрнѣйшее средство и надежнѣйшую помощь къ нашему охраненію отъ оной. *Облецытеся, говорить, Господемъ нашимъ Исусъ Христомъ, и плоти угодія не творите въ похоти.* Подвизайтесь исполнять первую часть сего наставленія: и въ семь найдете средство и помощь къ удобнѣйшему исполненію второй.

Облеки во Христа твой умъ посредствомъ поученія въ словѣ Его, и благоговѣйныхъ о Немъ помышлений, — твое сердце посредствомъ вѣры въ Него и молитвы и любви къ Нему, — твою волю посредствомъ послушанія заповѣдямъ Его, — твою жизнь посредствомъ подражанія примѣру житія Его: и твой духъ облечется силою духа Его, къ низложенію мятежной силы плоти, къ восполненію естественной немощи плоти.

Помяни Христа въ вертепъ и въ темницъ; и тебя не будетъ прельщать великолѣпно украшенный домъ.

Помяни Христа въ ясляхъ, на соломѣ: и ты устыдишься твоего мягкаго одра.

Помяни Христа обнажаемаго и облакаемаго въ одежду поруганія: и для тебя не желательна будетъ изящная одежда.

Помяни оцетъ и желчь, вкушаемые Христомъ: и ты не взалчешь роскошнаго пищества.

Помяни Христа, Котораго, по изображенію пророческому, *кольна изнемогоста отъ поста* (Псал.

108, 24.): и постъ будетъ для тебя сладокъ и питателенъ паче пиршества.

Пріимите въ сердце ваше Христа страждущаго и умирающаго на крестъ: и умертвитеся *уды ваша, лже на земли* (Колос. 3, 5.) и не дерзнуть ожить страсти и похоти.

Святителю Отче Алексіе! Какъ отецъ начинающему обмогаться отъ болѣзни сыну помогаетъ облещись въ одежду здравыхъ: такъ и Ты намъ, отъ немощей и болѣзней грѣховныхъ возмощи желающимъ, силою молитвъ Твоихъ и данныя Тебѣ благодати, помози облещися Господемъ нашимъ *Иисусъ Христомъ*, да въ Немъ ходимъ, и дойдемъ туда, гдѣ Ты со Христомъ живещи во вѣки. Аминь.



О ПРОРОЧЕСКОМЪ СЛУЖЕНІИ АМОСА

И КНИГЪ ЕГО ПРОРОЧЕСТВЪ.

Время призванія Амоса къ пророческому служенію видно изъ самого надписанія его книги: *слова Амосова.... во дни Озіи, Царя Іудина, и во дни Іеровоама, сына Іоасова, Царя Израилева, прежде двою лѣтъ труса (1, 1.)* (а). Въ другомъ мѣстѣ

(а) На время царствованія Іеровоама II указываютъ и нѣкоторыя историческія обстоятельства, упоминаемыя у Пророка Амоса: границы царства израильскаго простирались въ это время отъ Емаѳа до Мертваго моря (Ам. 6, 14.), и самый Емаѳъ представляется покореннымъ (6, 2.); со времени основанія до Іеровоама II царство израильское никогда не было такъ обширно (4 Цар. 14, 25.). Филистимскій городъ Геѳъ также представляется у Пророка разрушеннымъ (6, 2.), а это разрушеніе было въ царствованіе Озіи, Царя Іудина (2 Цар. 26, 6.). Іеровоамъ вступилъ на престолъ на 15 году царствованія Амасіи, Царя Іудина (285 г. предъ Р. Х.), и царствовалъ 41 годъ; следовательно, онъ правилъ государствомъ одновременно съ Амасією 14 лѣтъ, и 27 лѣтъ—съ Озією, его преемникомъ (отъ 811 до 784 г.). Это видно изъ подробнаго лѣтосчисленія 4 Цар. 14, 1. 2. 17. 23; но изъ сказаннаго въ 15 гл. ст. 1. надлежало бы заключить наоборотъ, что Іеровоамъ царство-

Пророкъ предвѣщаетъ погибель дому Іеровоама (7, 9.); а жрецъ веонльскій Амасія жалуется Іеровоаму на Пророка, какъ на возмутителя общественнаго спокойствія въ царствѣ израильскомъ (ст. 10.). О семь трусъ или землетрясеніи упоминаетъ Пророкъ Захарія (14, 5.); но мы не знаемъ, въ какомъ именно году пятидесятидвухлѣтняго царствованія Озіи случилось это событіе. Іудейскіе писатели полагаютъ, что сіе землетрясеніе произошло въ тоже время, когда Озія былъ пораженъ проказою (2 Пар. 26, 16 и дал. 4 Цар. 15, 5.). Но такого мнѣнія не лзя принять по соображеніямъ хронологическимъ (б). Съ вѣроятностію можно предположить только то, что Пророкъ Амосъ проповѣдывалъ въ царствѣ израильскомъ подъ конецъ царствованія Іеровоама II; потому что завоеванія его были окончены, и подданные его, наслаждаясь плодами побѣдъ надъ сосѣдственными народами, предались крайней безпечности и роскоши (См. Ам. 3, 15. 5, 11. 6, 1—7. 13.).

валъ до Озіи 27 лѣтъ и одновременно съ Озіею—14 лѣтъ. Для объясненія сего противорѣчія одни допускаютъ въ последнемъ мѣствѣ ошибку переписчика, другіе думаютъ, что Іеровоамъ при жизни отца считался соправителемъ 14 лѣтъ. Къ періоду времени отъ 811 до 784 г. должно отнести и проповѣдь Пророка Амоса.

(б) Такое мнѣніе находимъ у Іосифа Флавія (*Antiquit. Lib. 11. IX, 10.*), и въ Тургумъ Іонаана (*Comm. in Ies. 6, 1.*), который подъ годомъ смерти Озіи разумѣетъ отреченіе его отъ управленія царствомъ. Но сего мнѣнія не лзя принять; потому что Іоаамъ, сынъ Озіи, вступившій въ управленіе государствомъ послѣ смерти Озіи на 25 году своей жизни, во время пораженія отца проказою былъ бы двухлѣтнимъ младенцемъ и следовательно, не могъ быть соправителемъ (см. 2 Пар. 27, 1. 26, 24.); ибо Озія жилъ 25 лѣтъ по смерти Іеровоама 11.

СОСТОЯНІЕ ЦАРСТВА ИЗРАИЛЬСКАГО ВО ВРЕМЕНА ПРОРОКА АМОСА ВЪ ГРАЖДАНСКОМЪ ОТНОШЕНІИ.

Прежде изложенія свѣдѣній о жизни Пророка Амоса должно изобразить состояніе царства израильскаго въ его время какъ въ гражданскомъ, такъ въ религіозномъ и нравственномъ отношеніяхъ. После сего для насъ яснѣе будетъ причина призванія Амоса къ пророчеству и самый предметъ его пророчествъ.

Чтобы оцѣнить заслуги Іеровоама II для царства израильскаго въ гражданскомъ отношеніи, нужно представить неудачи предшествующихъ царей въ войнахъ съ сосѣдними народами.

Съ того времени, какъ десять коленъ, отложившись отъ дома Давидова, избрали себѣ царемъ Іеровоама и основали особое царство подъ именемъ израильскаго, царства іудейское и израильское стали враждебны другъ другу. Царствующему дому Давидову трудно было отказаться отъ желанія присоединить къ своему царству возмущившихся подданныхъ; а цари новаго израильскаго царства, которое было обширнѣе іудейскаго по пространству и могущественнѣе по народонаселенію, почитали возможнымъ покорить подъ свою власть и остальные два колѣна, оставшіяся вѣрными преемникамъ Давида. Это и было причиною войнъ между обоими царствами отъ времени Іеровоама I до вступленія на престолъ израильскій даже Амврія.

Но не смотря на очевидный перевѣсъ гражданскаго могущества въ царствѣ израильскомъ, при враждебномъ столкновеніи его съ царствомъ іудей-

скимъ и другими сосѣдственными племенами, оно постоянно терпѣло неудачи. Иеровоамъ I, предпринявшій войну противъ Авіи, сына Ровоамова, на двадцать первомъ году своего царствованія, былъ совершенно разбитъ Царемъ іудейскимъ, не смотря на то, что войска израильскія были вдвое многочисленнѣе іудейскаго ополченія. Города: Ефронъ, Иесана и даже Веилъ, гдѣ Иеровоамъ учредилъ новое богослуженіе, вмѣстѣ съ сосѣдними селеніями, достались во власть Авіи (2 Пар. 13, 19.).

Вааса, убійца Новата, сына Иеровоамова и основатель новаго царствующаго дома въ царствѣ израильскомъ открылъ враждебныя дѣйствія противъ царства іудейскаго при Асѣ, сынѣ Авіи. Чувствуя свое безсиліе, Аса цѣною золота, собраннаго въ храмъ іерусалимскомъ и своемъ дворцѣ, склонилъ Царя дамасскаго Венадада I нарушить миръ съ Царемъ израильскимъ и объявить ему войну. Въ войнѣ съ союзными Царями Вааса потерялъ много городовъ. Венададъ овладѣлъ городами, лежавшими по обѣимъ сторонамъ верховьевъ Іордана, а Царь іудейскій покорилъ нѣсколько городовъ, находившихся въ горахъ Ефремовыхъ (2 Пар. 15, 2.). Такимъ образомъ, не смотря на военныя дарованія Ваасы (в), царство израильское значительно было ослаблено, такъ что при Иосафатѣ, преемникѣ Асы, царство іудейское показало себя могущественнѣе израильскаго (2 Пар. 17, 1.).

(в) 3 Пар. 16, 5. И сильнаго его, съ евр. и мужество, или храбрость его.

Но самымъ гибельнымъ слѣдствіемъ этой войны для царства израильскаго было враждебное столкнове- ніе съ Царемъ сирійскимъ. Оно открыло сирійцамъ слабость израильскаго царства и было причиною постоянныхъ войнъ между царями Сиріи дамаской и царствомъ израильскимъ до временъ Факея Царя израильскаго.

Похититель престола Амврій, чтобы упрочить свою власть внутри царства, заключилъ съ Венададомъ I миръ на условіяхъ невыгодныхъ для своего царства и уступилъ ему нѣкоторые города (3 Цар. 20, 34.); въ числѣ ихъ, вѣроятно, находился и Рамаѳъ галаадскій, за который въ-послѣдствіи возникла война между Ахаавомъ и Венададомъ II. Ахаавъ, одержавшій двѣ победы надъ Венададомъ II, былъ въ-послѣдствіи разбитъ имъ вмѣстѣ съ союзникомъ своимъ Іосафатомъ. При Охозіи отложились отъ царства израильскаго моавитяне, платившіе дань до смерти Ахаава. Въ царствованіе Іорама, преемника Охозіи, Венададъ осадилъ Самарію, и столица израильская была спасена только чудомъ, по молитвѣ Пророка Елиссея. Іорамъ, преслѣдуя сирійцъ, пораженныхъ ужасомъ, успѣлъ овладѣть только Рамаѳомъ галаадскимъ, въ войнѣ за который былъ убитъ Ахаавъ.

Но самый страшный врагъ израильскаго царства былъ Асаилъ, убійца Венадада II. Асаилъ былъ полководцемъ Царя дамаскаго и отличался особенною храбростію и военными талантами—*блѣ силенъ и мужъ силы* (4 Цар. 9, 16.). Пророкъ Елиссея съ плачемъ предсказывалъ ему престолъ и вѣнецъ царства дамаскаго, видя въ немъ орудіе Іеговы для наказанія царства израильскаго. Скоро почувствовалъ

Іорамъ тяжкую руку новаго врага своего. Онъ принужденъ былъ послать въ Рамаѳъ галаадскій наблюдательный отрядъ и выступить въ походъ на защиту своихъ владѣній, но Асаиль разбилъ войска израильскія, и самъ Іорамъ былъ раненъ.

Низверженіе дома Амвріева Інуемъ и происшедшее отсюда потрясеніе въ царствѣ способствовали еще болѣе утверженію могущества Асаила. Інуй, не смотря на свою хитрость и личную храбрость, принужденъ былъ уступить Асаилу всю земли на восточной сторонѣ Іордана, даже до потока Арнона, то есть, до границъ моавитскихъ (4 Цар. 10, 32—34.). Потеря такой большой области, населенной двумя съ половиною колѣнами, была очень значительна для царства израильскаго.

Изъ этого краткаго обзора исторіи царства израильскаго открывается, какъ пагубно было для израильтянъ неуваженіе къ царской наследственной власти; каждый разъ, при низверженіи царствующаго дома, израильтяне теряли какія-нибудь области. На это частое уничтоженіе прежнихъ и возникновеніе новыхъ династій, показывавшее неуваженіе къ царской власти, жалуется Богъ чрезъ Пророка Осію (7, 7. 8, 8.). Но особенно бѣдственно было царствованіе Іоахаза, сына Інуя. Онъ покушался возвратить потерянные отцемъ его области, но безъ всякаго успѣха. Престарѣлый Асаиль всегда одерживалъ надъ нимъ побѣду (4 Цар. 13, 22.). А сынъ его Венададъ III (г), завоевалъ даже по сю сторону Іордана много городовъ, которые Іоахазъ принужденъ былъ уступить

(г) у LXX Адеръ.

во власть Сиріи (ст. 25.). Аммонитяне, пользуясь слабостію израильскаго царства, старались разширить границы свои въ Галаадъ, и въ жестокости обращенія съ плѣнными не уступали сирійцамъ (Ам. 1, 3. см. 4 Цар. 8, 12.). Даже въ самую средину израильскихъ владѣній вторгались войска моавитянъ (4 Цар. 13, 20.). Постоянные набѣги сосѣдственныхъ народовъ до того уменьшили силы Иоахаза, что онъ могъ выставить въ поле только 50 всадниковъ, 10 военныхъ колесницъ и 10,000 пѣхоты (4 Цар. 14, 7.). Вообще, какъ тяжки были обстоятельства царства, — видно изъ того, что Иоахазъ, не отличавшійся благочестіемъ (13, 2.), обратился къ Господу съ молитвою о помощи (ст. 4.). Молитва его была услышана.

Въ продолженіе шестнадцатилѣтняго правленія Іоаса, сына Иоахазова, побѣда начала склоняться мало помалу на сторону израильтянъ. Своими побѣдами онъ былъ обязанъ Пророку Елссеею (4 Цар. 13, 14—20.). Іоасъ возвратилъ отъ сиріянъ города на западной сторонѣ Іордана, отнятые Венададомъ III у отца его (13, 25.), и одержалъ надъ нимъ три побѣды. Но царство израильское, не смотря на сіе, находилось еще въ бѣдственномъ положеніи (4 Цар. 14, 26.).

Наконецъ, въ лицѣ сына и наследника Іоаса Іеровоама II явился освободитель царства израильскаго отъ притѣсненій Сиріи. Его царствованію предшествовало пророчество о его будущемъ величій. Пророкъ Іона, сынъ Амаѣинъ отъ Геоаховера, предсказывалъ, что Іеровоамъ будетъ побѣдителемъ окрестныхъ народовъ. Дѣйствительно, во время своего царствованія

онъ завоевалъ у сиріянъ всѣ области принадлежавшія царству іудейскому во времена Давида и Соломона; покорилъ Дамаскъ и Емаоъ, моавитянъ и аммонитянъ заставилъ платить дань, хотя они находились подъ управленіемъ царей изъ своего племени (Ам. 1, 14. 15. 2, 2. 3.). Доказательствомъ того, что моавитяне были покорены Іеровоамомъ, служатъ слова св. Дѣяна: *приврати предѣлы израилевъ до моря Аравитскаго* (до моря пустыни *baarabah*) (4 Цар. 14, 25.), то есть, завоевалъ земли на восточной сторонѣ Іордана до мертваго моря. Но это еще яснѣе видно изъ обозначенія южной границы царства израильскаго у Пророка Амоса (д). Покоривъ заіорданскія области, Іеровоамъ съдѣлалъ народную перепись двумъ съ половиною колѣнамъ, обитавшимъ въ Васанъ и Галаадъ (1 Цар. 5, 17.).

Іеровоамъ царствовалъ 41 годъ. Можно было бы ожидать, что подъ управленіемъ такого могущественнаго Царя израильское царство возвратится, наконецъ, къ своему прежнему величію; спокойствіе народа было, повидному, обезпечено его побѣдами, народное богатство возрасло быстро (Ам. 3, 15. 6, 4—6.).

(д) См. Ам. 6, 14: до водотечи западовъ—*Nachal-haarabah* (см. подобное мѣсто Иса. 15, 7.). Можно разумѣть здѣсь и потокъ Арнонъ, потому что моавитяне владѣли въ сіе время областію, лежавшую къ сѣверу отъ Арнона: такъ, Пророкъ Исаія перечисляетъ нѣкоторые моавитскіе города, лежавшіе сѣвернѣе Арнона (гл. 15 и 16.), или потокъ, называемый нынѣ арабами Ель-Акса, впадающій въ мертвое море южнѣе Арнона. Въ книгахъ Моисея онъ называется Заредъ (Втор. 2, 13. 15.), и составлялъ границу между владѣніями моавитянъ и іудеевъ.

По окончаніе долговременнаго царствованія Іеровоама показало, что основанія гражданскаго могущества въ царствѣ израильскомъ были слишкомъ нетверды, и судъ Божій уже грозилъ израильтянамъ разрушеніемъ ихъ царства. Со времени смерти Іеровоама протекло пятьдесятъ лѣтъ, и земля израильская превратилась въ пустыню, въ жилище дикихъ звѣрей (4 Цар. 17, 25.). Столь быстрое паденіе царства израильскаго для насъ было бы необъяснимо, если бы кромѣ Св. Лѣтописей, представляющихъ только краткія свѣдѣнія, не осталось никакихъ другихъ памятниковъ. Но именно къ этому времени принадлежатъ Писанія Пророческія, въ которыхъ мы находимъ объясненіе грозныхъ судовъ Божіихъ надъ израилемъ. Къ числу такихъ Пророковъ принадлежатъ Амось, Осія и Исаія.

СОСТОЯНІЕ ЦАРСТВА ИЗРАИЛЬСКАГО ВЪ ПРАВСТВЕННОМЪ ОТНОШЕНІИ.

Слѣдствіемъ побѣдъ Іеровоама было то, что народъ послѣ продолжительныхъ бѣдствій и самыхъ тяжкихъ притѣсненій со стороны враговъ началъ снова жить спокойно въ домахъ своихъ, какъ и въ прежнія времена (4 Цар. 13, 5. см. 14, 27.). Невозможнаго благоденствіе народа, продолжавшееся до конца долговременнаго царствованія Іеровоама, и богатство, какъ плодъ его завоеваній, вдохнули въ израильтянъ безпечность и гордость: *не крѣпостію ли нашею, говорили израильтяне, имамы роги* (Ам. 6,

13.)? Но Пророки израильскіе сильно возставали противъ такой самонадьянности. Уповалъ еси, говоритъ Пророкъ Осія, на оружіе твое, во множество силъ твоихъ. И встанетъ пагуба въ людехъ твоихъ, и вся ограды (крѣпости) твоя погибнутъ (10, 13. 14.). Забылъ израиль Сотворшаго и, и возгради третища (чертоги), и іуда умножи грады утверждены, но пошлю огонь на грады его, и потребитъ основанія (чертоги) его (8, 14.). И будетъ въ той день сокрушу лукъ израилевъ во удолю Іезраилевъ (1, 5.). Сыны же іудины помилую; и спасу я о Господь Богъ ихъ, и спасу ихъ не лукомъ, ни мечемъ, ни бронію, ни конми, ниже конниками (ст. 7.).— Израильтяне надѣялись на множество укрѣпленныхъ городовъ и гордились обширностію своихъ владѣній. Посему, Пророкъ Амосъ, указывая имъ на судьбу соединенныхъ народовъ, которые не избавились отъ пораженія ни крѣпостію городовъ, ни обширностію своихъ владѣній, говоритъ : Мимойдите Халану и видите, и прейдите оттуду въ Емаѳъ великій, и сидите оттуду въ Гевъ шоплеменниковъ (Филлстимлянъ), крѣпчайшія отъ всѣхъ царствъ сихъ : аще больше (не больше ли) предѣлы ихъ предѣлъ вашихъ (6, 2.)? Се Азъ воздвигну на вы, доме израилевъ, языкъ, глаголетъ Господь Богъ силъ, и сокрушатъ васъ еже не внити въ Емаѳъ и до водотеи западовъ (отъ Емаѳа до потока пустыни 6, 14.). И погибнетъ бѣгство отъ скоротекущаго, и крѣпкій не удержитъ крѣпости своя, и храбрый не спасетъ души своя, и стрѣляяй изъ лука не постоитъ, и быстрый ногами своими не уцѣлеть, и конникъ не спасетъ души своя, и крѣпкій не обрящетъ

сердца своего въ силахъ , пагъ погибнетъ въ той день, глаголетъ Господь (2, 14—16.).

Вмѣстѣ съ богатствомъ появились въ народѣ: изнѣженная жизнь, роскошь и страсть къ чувственнымъ удовольствіямъ. Пророкъ Амосъ упоминаетъ о домахъ зимнихъ и лѣтнихъ, о чертогахъ, украшенныхъ слоновою костью (2, 15.). Въ другомъ мѣстѣ онъ такъ описываетъ роскошную жизнь вельможъ израильскихъ: *спящии на одръхъ отъ костей слоновыхъ, и ласкосердствующии на постеляхъ своихъ, ядущии козлища отъ паствъ, и телцы млекоу питаемы отъ среды стадъ, плещущии (подпѣвающіе) ко гласу пицалей (арфы), аки стояща мльша, а не яко бѣжаща (е): пьющии процъженое вино, и первыми (отличными) вонями мажущися, и не страдаху (не скорбятъ) ничесоже въ сокрушеніи Іосифовъ (6, 4—6.).* Здѣсь Пророкъ обличаетъ израильтянъ въ изнѣженности, соединенной съ роскошью, въ прихотливомъ чревоугодіи, въ праздныхъ увеселеніяхъ, въ пьянствѣ и въ совершенномъ равнодушіи къ грознымъ предреченіямъ Пророка. Богатые дѣлали притѣсненія бѣднымъ: *продаша праведнаго на сребрь, и убогаго на сапозъхъ* (за пару сандалій 2, 6.). Въ другомъ мѣстѣ Пророкъ обличаетъ купцевъ израильскихъ въ томъ, что они увеличивали цѣну сикля, а эфу—мѣру при продажѣ хлѣба дѣлали меньше съ тою цѣлю, какъ говорили они, *ди притяжемъ убогія сребромъ, и ницаго за сапоги (8, 5. 6.).*

(е) То-есть считаютъ такіа удовольствія постоянными, а не пользуются ими, какъ преходящими. Но по чтенію еврейскому мѣсто сіе имѣетъ такой смыслъ: какъ Давидъ, вымышляютъ себѣ музыкальныя орудія.

Подъ вліяніемъ язычества благопріятствовавшего сладострастію, порокъ сей глубоко укоренился. Пророкъ Осія такъ описываетъ вліяніе язычества на поврежденіе нравовъ израильтянъ: *На верстьхъ горъ кадыху, и на холмьхъ жряху подъ дубомъ, и подъ елію, и подъ древомъ вѣтвеннымъ, яко добръ кровъ. Сего ради соблюдаютъ дщери ваша, и невьсты ваша возлюбодють. И не прістшу на дщери ваша, егда соблюдаютъ, и на невьсты ваша, егда возлюбодють: яко и тїи со блудницами смьсишася, и со блудниками требы жряху: и людїе смысляціи со блудницею сплетася* (4, 13. 14.). И Пророкъ Амось, конечно, имѣя въ-виду блудлица, основанныя при капищахъ Ваала и Астарты, говоритъ: *сынъ и отецъ его влазаста ко единой рабынь, яко да осквернавятъ имя Бога своего* (2, 7.). При такой склонности къ сладострастію женщины получили большую власть надъ своими мужьями и еще болѣе увеличивали это зло; посему и къ нимъ Пророкъ обращаетъ грозное слово (4, 1—3.).

СОСТОЯНІЕ ВѢРЫ ВЪ ЦАРСТВѢ ИЗРАИЛЬСКОМЪ.

Состояніе вѣры въ царствѣ израильскомъ было не лучше нравственнаго, или, правильнѣе, оно-то и было причиною развращенія нравовъ. Первый Царь отложившихся отъ дома Давидова десяти колѣнъ, чтобы утвердить самостоятельность своего царства и прервать союзъ своихъ подданныхъ съ храмомъ іерусалимскимъ (3 Цар. 12, 26.), учредилъ на сѣверъ своихъ владѣній—въ Данъ и на югъ—въ Веилъ особыя святилища, въ которыхъ поклонялись Іеговѣ

подъ образомъ тельца , или вола. Всѣ преемники Іероваама до самого паденія царства, по тому-же побужденію поддерживали введенное Іеровааомомъ служеніе , хотя и происходили изъ разныхъ династій. При Ахаавѣ введено было въ царствѣ израильскомъ служеніе Ваалу и Астартѣ , заимствованное отъ финикянъ и , не смотря на обличенія Пророка Іліи , оставалось и въ царствованіе преемниковъ Ахаава , доколь Інуи , истребившій домъ Амврія , не разрушилъ храма Ваалова и статуи божествъ языческихъ. Богъ чрезъ Пророка возвѣстилъ Іную , что дѣло, которое онъ совершилъ , пріятно Ему (4 Цар. 10, 30.). Это было какбы побужденіемъ ему къ такой-же ревности по истинной религіи. Но дѣла благочестія Інуя только и ограничились уничтоженіемъ языческаго святилища и идоловъ; увлекшись побужденіями прежнихъ царей, онъ возстановилъ служеніе Іеговъ подъ образомъ тельца. Во времена Іероваама II ревность къ сему богослуженію особенно усилилась (Ам. 4, 4. 5.). Кромѣ святилища въ Веонль , которое называлось царскимъ (Ам. 7, 19.), и другаго въ Дань , было еще третіе въ Галгалахъ (4, 4. 5, 5. Сн. Ос. 4, 15. 9, 15. 12, 11.). Народъ израильскій былъ такъ усерденъ, что посѣщалъ даже отдаленную Вирсавію , лежавшую на южной границѣ царства іудейскаго, вѣроятно потому, что и здѣсь было учреждено незаконное служеніе Іеговъ (5, 5, 8, 14.) (ж).

(ж) Вирсавія пользовалась уваженіемъ у евреевъ по священнымъ воспоминаніямъ, какъ мѣсто обитанія Патріарховъ: Авраама, Исаака и Іакова. Можетъ быть, здѣсь и не были приноsimы жертвы тельцамъ, какъ въ Веонль и Дань, хотя сопоставленіе Вирсавіи съ сими городами даетъ некоторымъ образомъ предполагать, что и въ Вир-

Богослуженіе Іеговъ подь образомъ тельца было гораздо выше языческихъ религій (4 Цар. 3, 2.); потому что при немъ соблюдаемы были празднества, установленныя закономъ Моисеевымъ : праздникъ кущей (3 Цар. 12, 32.), новомѣсячія, субботы и другіе праздники (Ос. 2, 11.). Пророкъ Амось говоритъ, что израильтяне любили хвалиться своею ревностію къ служенію тельцамъ, исправно приносили утреннія жертвы каждый день и отдавали десятины, и не только совершали жертву хвалы, но и жертвы произвольныя (Лев. 7, 16. 22, 18. Сн. Ам. 4, 4. 5.) (з). Хотя символическое служеніе Богу подь образомъ тельца и было установлено по образцу богослуженія въ храмъ іерусалимскомъ; но оно было достойно наказанія, потому что было произвольно и слѣдовательно незаконно, и вело къ язычеству (и). Какъ-

савин было служеніе Іеговъ, подобное Вееильскому; по крайней мѣрѣ, несомнѣнно то, что израильтяне по благочестивымъ обѣтамъ путешествовали въ Вирсавію и приносили тамъ жертвы, — дѣйствіе также незаконное, потому что, кромѣ храма іерусалимскаго, поклонники истиннаго Бога нигдѣ не должны были приносить жертвы. Слова клятвы израильтянъ, приводимыя Пророкомъ, читаются въ подлинникѣ: *живѣ путь твой, Вирсавія* (Ам. 8, 14.). LXX перевели: *живѣ Богъ твой, Вирсавсе*, на основаніи паралелизма, разумѣя подь словомъ *derek* — *cultus divinus, religio* (Thesaurus Schlensn. с. 246с). Халдейскій Парафрастъ переводитъ: *да живутъ законы Вирсавіи*: мысль таже, какъ и у LXX.

(з) Ам. 4, 5. Вмѣсто словъ: *vekater mechamez toda*, LXX читали: *vekaren nichuz tora*. Съ подлинника должно перевести: *и приносите изъ кваснаго жертву хвалы*; произносите произвольныя обѣты и разглашаете о семъ.

(и) Пророкъ Осія называетъ служеніе израильское блуженіемъ, выражая симъ названіемъ его незаконность 2, 1 и въ другихъ мѣстахъ.

скоро духовное поклоненіе Богу ниспадало до чувственныхъ изображеній, статуй или идоловъ: то различіе между истинною, духовною религіею и религіями языческими исчезало, она уже близко граничила съ ними; и мы видимъ, что израильтяне, поклонявшіеся Богу истинному подъ символомъ тельца, привыкли называть Его Вааломъ (Ос. 2, 16.); совершая праздники въ честь Іеговы (Ос. 2, 11.), въ то же время праздновали и дни Ваалимовъ (ст. 13.). Вообще, при каждомъ удобномъ случаѣ язычество легко проникало въ царство израильское. Такъ и не смотря на то, что Іууй разрушилъ храмъ Ваала, сокрушилъ идоловъ и умертвилъ идолопоклонниковъ, при сынѣ его Іоахазѣ язычество является снова въ царствѣ израильскомъ (4 Цар. 13, 6.). При Іеровоамъ II поклоненіе Ваалу опять усилилось (Ос. 2, 13. 16. 17.). На языческое богослуженіе указываетъ и Пророкъ Амосъ (7, 9.).

При такомъ состояніи царства израильскаго Богъ воздвигъ Пророка Амоса для проповѣди заблуждающему народу, чтобы спасти отъ грядущаго гнѣва хотя остатокъ израильтянъ, если не лѣзя уже обратитъ всѣхъ къ истинному богопочтенію и доброй жизни.

Свѣдѣнія о Пророкѣ Амосѣ.

Нѣкоторыя свѣдѣнія о жизни Пророка Амоса находятся въ книгѣ его пророчествъ.

Думаютъ (i), что Пророкъ Амосъ былъ отцемъ

(i) Clemen. Alexandr. Strom. 1, p. 327.

Пророка Исаи. Это мнѣніе основывается на сходствѣ произношенія того и другаго имени, и можетъ быть, на современности того и другаго Пророка; но оно опровергается правописаніемъ, какъ замѣтилъ еще Блаженный Иеронимъ (к). Св. Кирилль Александрійскій также отличаетъ Амоса отъ отца Исаи (л).

Пророкъ Амосъ происходилъ изъ города Текоа, принадлежавшаго къ царству іудейскому, и слѣдовательно, былъ іудей по происхожденію. Нѣкоторые впрочемъ, вѣроятно, основываясь на томъ, что онъ дѣйствовалъ въ царствѣ израильскомъ, считаютъ его израильтяниномъ. Но городъ Текоа никогда не принадлежалъ къ царству израильскому. При раздѣленіи царствъ, онъ остался въ зависимости отъ царя іудейскаго и стоитъ въ числѣ городовъ, укрѣпленныхъ Ровоамомъ (2 Пар. 11, 6.). Пустыня Текоа, получившая названіе отъ города, составляла часть пустыни Іудовой (2 Пар. 20, 20. 1 Макк. 9, 13.). Самое географическое положеніе города показываетъ, что онъ

(к) Бл. Иеронимъ показываетъ происхожденіе сего мнѣнія и опровергаетъ его слѣдующимъ образомъ: *Amos propheta—non est ipse, quem patrem Isaiæ prophetae legimus. Ille enim scribitur per primam et ultimam nominis sui literam—Aleph et Sade, et interpretatur fortis atque robustus. Hic vero per Ain et Samech, et interpretatur populus avulsus: mediae literae—Mem et Vau utrique communes sunt. Apud nos autem, qui tantam vocalium literarum et S literae, quae apud Hebraeos triplex est, differentiam non habemus, haec et alia nomina videntur esse communia, quae apud Hebraeos elementorum diversitate et suis proprietatibus distinguuntur* (Comment. in Amos, praef.).

(л) Praef. in Am: ἐπισημηνύσθαι δὲ χορησίμον ὡς ἕτερος ἦν Ἀμώς ἢ Παίς πατῆρ.

долженъ принадлежать къ царству іудейскому , а не израильскому. По свидѣтельству Блаж. Іеронима (м), Ѳекоа находился отъ Іерусалима въ 12 , а отъ Виеолеема въ 6 римскихъ миляхъ въ южномъ направленіи, и самъ Іеронимъ каждый день видѣлъ изъ Виеолеема этотъ городъ, лежавшій на горѣ. Кромѣ сего происхожденіе Пророка Амоса изъ царства іудейскаго ясно показываютъ слова жреца израильскаго Амасіа: *Видли (прозорливецъ) гряди , и отъиди ты на землю іудину , и тамо да прорицаеши. А въ Веоили по семъ не приложи прорицати , яко освященіе царя есть и домъ есть царства (Ам. 7, 12. 13.)*. Амасія возстаетъ здѣсь на то, что Амосъ прорицаетъ *среди дому израилева* (ст 10.) и отсылаетъ его въ землю іудину, какъ въ его отечество. Древнее названіе города сохранилось досель у арабовъ палестинскихъ ; развалины, нынѣ находящіяся здѣсь, они называютъ *Текуа* (н).

До призванія къ пророческому служенію Амосъ былъ пастыремъ овецъ и занимался собираніемъ плодовъ сикоморы (7, 14.) (о). Окрестности Ѳекоа способствовали тому и другому занятію. Блаженный Іеронимъ называетъ ихъ странною , особенно удобною для стадъ (п), и описываетъ слѣдующимъ образомъ:

(м) Comm. in Ierem. 6, 1 et praef. comm. in Amos.

(н) Reise nach Morgenl. Robins. S. 409.

(о) Comment. in Am. 1, 1.

(п) Еврейское слово *boles* LXX перевели, *κρίτων*, выражая смѣль способъ приготовления плодовъ сикоморы. Около того времени, какъ они поспѣваютъ, ихъ обыкновенно прокальваютъ, чтобы сдѣлать больше вкусными. (Бохартъ Hieroz. II, 39 приводитъ мѣста изъ сочиненій Іеронима, Θεодорита, Θεοφραστα, Πλινія и др., объясняющія

«поселку на сухой и песчаной почвѣ совершенно не родится плодовъ, то всѣ окрестности наполнены на с-тухами, чтобы множествомъ стадъ вознаградить безплодіе» (p). Изъ новѣйшихъ путешественниковъ Робинзонъ, описывая съверовосточныя окрестности на полчаса пути отъ Текоа, говоритъ: «страна хотя на первый взглядъ кажется небогатою, потому что все представляется взору утесистымъ и бесплоднымъ, но она удобна для скотоводства, какъ это показываетъ множество стадъ» (c). Другимъ занятіемъ Пророка, доставлявшимъ ему средства къ пропитанію, было собираніе плодовъ сикоморы. Сикоморы, или дикія смоковницы, принадлежащія къ породѣ фиговыхъ деревъ, въ такомъ множествѣ росли въ Палестинѣ, что изобиліе ихъ вошло даже въ пословицу (3 Цар. 10, 27.). Сикоморовыя рощи при Давидѣ имѣли особыхъ надзирателей (1 Пар. 27, 28.). (т) Сладкіе

способъ приготоуленія ихъ). Исихій такъ объясняетъ слово *κίζων*, *τάκισσι κεντῶν*, ὅσα γυρίσθαι πέλειρα.

(p) Praef. Comment. in Amos.

(c) Reise nach morgenl. s. 406. 407.

(т) Во времена Бл. Иеронима въ окрестностяхъ Текоа сикоморовъ уже не было: nobis autem, quia solitudo, in qua morabatur Amos, nullum hujus modi gignit arborem, magis videtur rabos dicere, qui afferunt moга, ac pastorum famem et penuriam consolantur. Comment. in Am. 7, 14. Оскуднѣніе сикоморъ есть слѣдствіе нерадвія жителей: они не только не заботятся о разведеніи ихъ, но даже истребляютъ и существующія деревья. «Я никогда не видалъ сикоморы въ Европѣ,—пишетъ Ламартинъ,—стволь ея бываетъ болѣе нашихъ дубовъ—отъ 30 до 40 футовъ въ окружности; она растетъ долгое время и ветви ея, начиная разширяться на разстояніи 14 или 20 футовъ отъ земли, простраются горизонтально на огромное пространство; верхнія ветви

плоды, растущіе на сикоморахъ во множествѣ (у), доставляли Амосу безъ большаго труда съ его стороны обильную пищу.

ПРИЗВАНІЕ АМОСА КЪ ПРОРОЧЕСКОМУ СЛУЖЕНІЮ.

Въ этихъ мирныхъ занятіяхъ протекала жизнь благочестиваго пастыря до того времени, какъ Духъ Святыи призывалъ его показать ослѣпленнымъ израильтянамъ ихъ нечестіе и проповѣдывать необходимость раскаянія и обращенія отъ ложнаго богопочтенія къ истинному, отъ жизни беззаконной къ истинному благочестію. Пророкъ Амосъ, изображая свое состояніе до

группируются въ небольшіе конусы и представляютъ издали форму нашихъ буквъ. Тѣнь сихъ деревь, нарочно, кажется, разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ, простирается на большое разстояніе отъ ствола, какъ гостепріимное облако на горячей и пустынной почвѣ, и нерѣдко можно видѣть до полусотни верблюдовъ, столько-же лошадей и арабовъ, расположившихся станомъ среди жаркаго дня подъ сѣнію одного изъ сихъ деревь. Но и здѣсь, какъ и во всемъ, встрѣчаешь небрежность восточныхъ жителей и правительства ихъ. Сія дерева, которыя должно было бы сохранять съ заботливостію, какъ гостиницы, устроенныя самою природою для каравановъ, преданы глупой непредусмотрительности людей, укрывающихся подъ ними. При корняхъ сикоморы арабы раскладываютъ огонь, и большая часть сихъ прекрасныхъ деревь имѣютъ стволъ почернѣвшій отъ пламени разводимыхъ подъ ними огней. *Voyag. en Orient. tom. 1. p. 205.* По тойже причинѣ нѣтъ болѣе сикоморовъ около Іерихона, гдѣ они росли во времена Іисуса Христа. Лук. 19, 4.

(у) Плиній называетъ плодъ сикоморы *praedulcis* (*Hist. natur. 13, 14.*); большая часть изъ новѣйшихъ путешественниковъ называютъ пріятнымъ (*Oken. allgem. Naturgesch. III, s. 1560. Winer Realwörterbuch*).

призванія къ пророческому служенію, говорить: *не бѣхъ пророкъ азъ, ниже сынъ пророкъ (7, 14.)*, то есть не принадлежалъ къ обществу учениковъ пророческихъ, гдѣ подъ надзоромъ и руководствомъ великихъ Пророковъ приготовлялись люди благочестивые къ пророческому служенію. Но добродѣтельная жизнь Амоса служила для него достаточнымъ приготовленіемъ. Такимъ образомъ, какъ некогда Богъ открылъ Себя въ пустынь мадіамской Моисею, пасшему стада при Хоривѣ, и призвалъ его къ великому дѣлу избавленія израиля отъ рабства: такъ Духъ Святой избралъ Своимъ орудіемъ пастыря овецъ Амоса. *Не сотворитъ Господь Богъ дѣла*, говоритъ Пророкъ Амосъ, *аще не открытъ наказанія Своего къ работъ Своимъ Пророкомъ (3, 7.)*. Дѣйствительно, Богъ открылъ Пророку тяжесть бѣдствій, угрожавшихъ израильтянамъ за нечестіе, въ двухъ видѣніяхъ: подъ образомъ саранчи и всепожигающаго огня. Но Пророкъ молился за народъ заблуждающій: *Господи! Господи! милостивъ буди! Кто воставитъ іакова, яко малъ есть (7, 1—7.)?* И Господь помиловалъ израиля по молитвамъ Пророка. Наконецъ, послѣднее видѣніе означало конечное истребленіе царства (7—10.), и Пророкъ уже не осмѣливался просить Господа о помилованіи народа. Господь сказалъ Амосу: *Иди и пророчи на люди Моя Израилл (ст. 15.)*. *Левъ возреветъ, и кто не убоится? Господь Богъ глагола, и кто не проречетъ (3, 8.)?* Слѣдуя Божественному повелѣнію, Амосъ оставилъ свои стада и, подобно Пророку, облечившему Іеровоама I за нарушеніе Божественнаго закона (3 Цар. 13, 1 и д.), отправился прямо въ Весполь—главное мѣсто незаконнаго служенія Іеговъ въ царствѣ

израильскомъ (Ф). Сюда, вѣроятно, особенно стекались ефремяне, какъ это видно изъ самаго значенія веѳильскаго святилища, которое называется святилищемъ царя и домомъ царства (7, 13.), то-есть, главнымъ храмомъ въ царствѣ.

Нѣсколько времени Пророкъ проповѣдывалъ спокойно и, вѣроятно, его проповѣдь имѣла нѣкоторое дѣйствіе; Амасія жалуется Іеровоаму на Пророка: *не возможетъ земля подъяти всѣхъ словесъ его* (7, 10.). Чѣмъ больше народъ внималъ словамъ Пророка, и чѣмъ далѣе разносилась проповѣдь его во израили, тѣмъ бѣльшая опасность грозилъ господствующей религіи и благосостоянію жрецовъ золотого тельца. Посему, на защиту искаженной религіи и собственныхъ выгодъ возсталъ противъ Пророка жрецъ веѳильскій Амасія. Вѣроятно, онъ былъ главнымъ жрецомъ при веѳильскомъ святилищѣ, и потому считалъ своею обязанностію воспретить пророческую проповѣдь Амось въ Веѳиль. Но онъ не осмѣлился употребить насиліе противъ Пророка, и обратился съ жалобою къ Царю, чтобы онъ своею властію изгналъ его изъ предѣловъ израильскихъ. Амасія, воспользовавшись тѣмъ, что Амось угрожалъ царству израильскому разрушеніемъ (6, 14.) и близкимъ паденіемъ дома Іеровоамова (7, 9.), представлялъ Іеровоаму, что Пророкъ человекъ опасный и для царства и для самаго Царя; потому

(Ф) Веѳиль находится въ такомъ-же разстояніи отъ Іерусалима, какъ и Ѳекоа, то есть въ 12 римскихъ миляхъ: десяти часовъ пути было достаточно, чтобы прійти изъ Ѳекоа въ Веѳиль. Euseb. et Hier. Onomast. Art. Βαεθλ.

что производитъ возмущеніе противъ него (*развраты творитъ на тя ст. 10.*). Вѣроятно, жалоба Амасіи не имѣла никакого дѣйствія; изъ книги пророчествъ Амоса не видно, чтобы Іеровоамъ употребилъ противъ него насиліе. Посему, самъ Амасія хотѣлъ убѣдить Амоса оставить царство израильское и возвратиться въ Іудею: и рече Амасія ко Амосови: *видѣй, гряди отъиди ты на землю іудину, и тамо живи (и тамъ ѣшь хлѣбъ) и тамо да прорицаеши (12.)*. Можетъ быть, Амасія думалъ, что Проконъ пришелъ въ Веоиль проповѣдывать для того, чтобы добывать себѣ пропитаніе. Проповѣдь Пророка въ царствѣ іудейскомъ могла, по мнѣнію Амасіи, доставить ему средства къ пропитанію; ибо люди, уважавшіе Пророковъ и имѣющіе нужду въ ихъ помощи, обыкновенно приходили къ нимъ съ подарками (1 Цар. 9, 7. 3 Цар. 14, 3.). (х). *А въ Веоили посемъ не при-*

(х) Такъ понимаетъ и Св. Ефремъ Сиринъ 7 гл. ст. 12. Онъ пишетъ: когда Амасія, жрецъ веоильскій, увидѣлъ, что намѣреніе его убить Амоса не исполнится по снисходительности Царя, то самъ приступаетъ къ Пророку и говоритъ ему: что ты не нищешь себѣ мѣста въ Іудѣ, гдѣ запитіе пророчествомъ можетъ быть для тебя выгоднымъ, и гдѣ ты можешь получать хлѣбъ для устъ твоихъ (насущенный) въ награду за пророчество. Это значитъ, какъ всякому извѣстно, что Пророки, особенно въ колѣнѣ Іудовомъ, пользовались великимъ уваженіемъ. Пророкъ отвѣчалъ ему: *я пастырь, собирающій сикоморы*. Вотъ что говорилъ Пророкъ, благочестивый чтиль Бога своего жрецу, грабившему капища боговъ своихъ: я не учился пророчеству, какъ ремеслу, привыкнуши жить плодами сикоморовъ, пищею доступною для каждаго (Сом. in Am. 7, 12.). Такъ же точно онъ объясняетъ слова сии и въ другомъ мѣствѣ (in sар. 3 и дал.).

ложи прорицати, яко освященіе царя есть и домъ царства (13.). Въ Веилъ не смѣй прорицать; потому что здѣсь главное святилище царства установленной Царемъ и покровительствуемой имъ религіи.

На упрекъ Амасіи въ томъ, что іудейскій Пророкъ не имѣеть права проповѣдывать въ царствѣ израильскомъ вопреки принятому здѣсь богослуженію, Пророкъ Амосъ отвѣчаетъ: *не бѣхъ пророкъ азъ, ниже сынъ пророкъ... помя мѧ Господь отъ овецъ, и рече ко мнѣ: иди и пророчи на люди Моя ізраиля.* Другое предположеніе Амасіи, будто бы Онъ пришелъ въ Веилъ за тѣмъ, чтобы пророчествомъ добывать себѣ пропитаніе, Пророкъ опровергаетъ тѣмъ, что прежній образъ его жизни былъ достаточенъ для его пропитанія, и онъ не имѣлъ нужды, подобно ложнымъ пророкамъ, прибѣгать къ пророчеству, какъ средству пропитанія (Мих. 3, 5 и д.); *пастырь бѣхъ, говоритъ Амосъ, и ягодиція обирая (14.).* А чтобы показать Амасіи свое посланничество отъ Бога, исполненный Духа Божія, Амосъ говоритъ жрецу израильскому: *И нынѣ слыши слово Господне: ты глаголеши не прорицай на ізраиля, и не возмущай народа на домъ Іаковль. Сего ради сія глаголетъ Господь: жена твоя во градъ соблудитъ, сынове же твои, и дщери оружіемъ падуть, и земля твоя ужемъ измърится, и ты на земли нечистѣй скончаешися, и ізраиль плъненъ отведетъся отъ земли своея (16. 17.).* Должно полагать, что участь, предсказанная Пророкомъ Амасіи, исполнилась при нападеніи на царство израильское Фула, Царя ассирійскаго. Дальнѣйшая судьба самого Пророка неизвѣстна. Вѣроятно, онъ принужденъ былъ возвратиться въ свое отечество.

ство, къ своимъ мирнымъ занятіямъ, и здѣсь свои пророческія рѣчи изложилъ въ письменахъ, чтобы онѣ служили свидѣтельствомъ для потомковъ, что Пророкъ исполнилъ свое призваніе и народъ самъ уже виновенъ въ своей погибели; потому что былъ предваренъ о ней. (ц).

СОДЕРЖАНІЕ КНИГИ СЕГО ПРОРОКА.

Содержаніе книги (ч) Пророка Амоса опредѣляется нравственнымъ и религіознымъ состояніемъ народа израильскаго. Пророкъ видѣлъ причину закоснѣнія израильтянъ во грѣхахъ въ надеждѣ на происхожденіе отъ избраннаго племени, въ ихъ роскошной

(ц) Въ сочиненіи, приписываемомъ Св. Епифанію, сказано, что вевильскій жрецъ Амасія злословилъ Пророка и часто наказывалъ его, а сынъ Амасія, озлобленный обличеніями Амоса, смертельно ранилъ его, ударивъ жезломъ по виску, и онъ полумертвый уже возвратился въ свое отечество, умеръ тамъ и погребенъ съ отцами своими (Eriph. opp. II. p. 245.). Въ сочиненіи Дородея, Епископа тирскаго, говорится, что Амосъ, по возвращеніи въ отечество, жилъ только два дни (Chron. pasch. ed. Dindorf. II. p. 121.). Исидоръ севильскій говоритъ, будто бы Пророкъ былъ убитъ Озією, Царемъ іудейскимъ; но овъ, очевидно, смѣшиваетъ Амасію, жреца вевильскаго, съ Амасією, Царемъ іудейскимъ, а сына Амасія—съ Озією (Aner. v. 172.).

(ч) Есть причины думать, что Пророкъ 1), самъ изложилъ на письмѣ свои рѣчи 2), изложилъ по окончаніи устной проповѣди въ Вевиль. Первое видно изъ того, что Амосъ вездѣ говоритъ о себѣ въ первомъ лицѣ (7, 1. 8, 1. 9, 1.), кроме того мѣста, гдѣ онъ излагаетъ историческое преслѣдованіе жреца вевильскаго (7, 10 и дал.). Второе видно изъ того, что Пророкъ въ своей книгѣ обращаетъ особенное вниманіе на возраженія и отговорки ефремянъ, слышанныя имъ въ Вевиль (3, 2. 5, 14. 18. 9, 7. 11.), дальс—

жизни, въ надеждѣ на свое богатство, на обширность своего царства и на военную силу. Успокоиваясь такими ложными надеждами, нѣкоторые думали, что день суда надъ народомъ, о которомъ проповѣдывалъ Амосъ, еще не близокъ (6, 3.), и угрозы Пророка, можетъ быть, совершенно не исполнятся (9, 10.); другіе подобно современникамъ Исаи (5, 19.), и Иереміи (17, 15.), смѣялись надъ предостереженіями Пророка и желали пришествія дня Господня (5, 18.). Пророку нужно было пробудить израиля отъ безпечности и усыпленія сильными обличеніями; посему, тонъ его рѣчи по большей части обличительный и грозный. Но поелику и въ царствѣ израильскомъ сохранялось святое сѣмя—люди истинно благочестивые: то Пророкъ въ концѣ своей книги духовнымъ очамъ вѣры ихъ показываетъ въ отдаленной будущности день, когда Господь возставитъ скинію Давида падшую и когда настанетъ для духовнаго израиля блаженное время внутренняго общенія съ Богомъ.

Книга Пророка Амоса раздѣляется на двѣ части: въ первой отъ 1 до 7 главы содержатся обличенія и предостереженія; во второй отъ 7 гл. до конца книги—грозныя видѣнія, означающія подъ разными

Пророкъ въ разныхъ мѣстахъ своей книги даетъ видѣть, что онъ испыталъ сопротивленія и преслѣдованія (2, 12. сл. 8, 11. и дал. 3, 1—8. 5, 10. 12, 13.). Это объяснить можно только тѣмъ, что онъ писалъ уже послѣ того, какъ въ Веилѣ подвергся преслѣдованіямъ (7, 10.). Наконецъ, изъ самой книги видно, что рѣчи Пророка записаны не каждая отдѣльно, въ порядкѣ хронологическомъ, какъ напр. у Пророка Осии и нѣкоторыхъ другихъ Пророковъ, но всѣ онѣ тѣсно соединены между собою, и вся книга составляетъ одно полное и стройное цѣлое.

символами уничтоженіе самостоятельности царства и плѣненіе народа.

Пророческая проповѣдь Амоса начинается изображеніемъ Господа, грядущаго отъ Іерусалима судить народы. Гнѣвъ Божій преимущественно обращенъ на израильтянъ—народъ избранный и облагодѣльствованный Богомъ, но забывшій Его благодѣянія, упорно державшійся искаженной Іеровоамомъ религіи, впадшій въ идолопоклонство и нечестіе. Но, какъ Судія всей земли (Быт. 18, 25.), Господь не оставитъ безъ наказанія и сосѣднихъ языческихъ народовъ, своими преступленіями превзошедшихъ мѣру долготерпѣнія Его. И если Онъ не пощадитъ язычниковъ: то тѣмъ строже взыщетъ съ народа избраннаго. Посему, Пророкъ въ началѣ своей книги излагаетъ грозныя предсказанія Сиріи дамасской, филистимлянамъ, тирянамъ, идумеямъ, аммонитянамъ и моавитянамъ.

Каждое изъ сихъ пророчествъ начинается одинаковыми словами: *за три нечестія и за четыре не отверащуся*. Іудейскіе толковники и нѣкоторые изъ христіанскихъ, напримѣръ, Бл. Іеронимъ, принимаютъ сіи слова въ буквальномъ смыслѣ и стараются указать въ историческихъ происшествіяхъ три и четыре преступленія каждаго изъ упомянутыхъ народовъ. Но Отцы Церкви принимаютъ сіи слова въ смыслѣ неопредѣленнаго множества преступленій, которыхъ уже не могло простить милосердіе Божіе. Св. Еоремъ Сириинъ говоритъ: «Амосъ поставляетъ опредѣленное число—три и четыре—вмѣсто неопредѣленнаго» (ш). Блаженный Теодоритъ пишетъ: «за

(ш) Comment. in Am. 1, 3.

три и за четыре означает множество; следовательно, Богъ говоритъ: многократно прощая многія преступленія Дамаску, нынѣ Я не буду болѣе долготерпѣть, и не отвращусь, чтобы не видѣть ихъ безчисленныхъ беззаконій».

Мы изложимъ кратко преступленія народовъ, которыми Богъ угрожаетъ наказаніемъ, и исполненіе пророчествъ.

3—5. Преступленіе сиріянъ состояло въ томъ, что они безчеловѣчно мучили жителей Галаада, терзая плогь ихъ особеннаго рода молотильными машинами. Это показывало не только враждебное, но и ожесточенное отношеніе сиріянъ къ царству израильскому. Посему, Пророкъ возвыщаетъ истребленіе дома Асаила и дворцовъ Венадада (вѣроятно III, сына Асаила), ожесточенныхъ враговъ царства израильскаго, — истребленіе жителей долины Авенъ (щ), владѣтеля изъ дома Еденъ (ъ) и переселеніе арамеевъ въ Киръ (ы).

(щ) LXX, вѣроятно, разумѣли Онь, или Илюполь, нынѣ Баалбенъ, развалины котораго находятся въ прекрасной долинѣ недалеко отъ Дамаска.

(ъ) Еврейское слово *scheret* LXX перевели въ значеніи поколѣнія — *φύλη*; слово *beth* перевели собирательнымъ — *ἀνδρες*; вмѣсто *Eden* читали *Хаѳ'ѳ'аѳ'*, которое въ еврейскомъ нѣсколько сходно по начертаніямъ съ словомъ *Eden*, посему и перевели: и *послѣку племя отъ мужей Харранихъ. Еденъ*. Нынѣ называется тѣмъ же именемъ мѣстечко, лежащее на день пути отъ Баалбена къ С. В. на восточномъ склонѣ Ливана. Еще нынѣ магометане называютъ долину между Ливаномъ и Антиливаномъ земнымъ раемъ по ея прекрасному мѣстоположенію.

Св. Ефремъ Сирійскій, принимая *Еденъ* не за собственное имя, а за нарицательное и переводя его съ еврейскаго языка въ значеніи *удовольствія*, относитъ къ самому Дамаску и его окрестностямъ. «Пророкъ называетъ самый Дамаскъ и окрестность его жилищемъ удовольствій по особенной пріятности, богатству и плодородію (Ephr. Com. in Am. 1, 5).»

(ы) *Людѣ Сирстіи нарочити*. Съ подлинника: народъ ара-

Пророчество Амоса исполнилось надъ Дамаскомъ при нашествіи на Самарію Оелгафелласара, который разрушилъ арамейское царство, переселилъ жителей Дамаска въ Киръ и умертвилъ Царя дамаскаго Раассона (4 Цар. 16, 9.).

6—8. Филистимляне, древніе враги евреевъ, продавали плѣнныхъ идумеямъ, которые перепродавали ихъ другимъ народамъ; посему, Богъ угрожаетъ городамъ филистимскимъ разрушеніемъ (ъ). Владѣнія филистимлянъ были опустошены Саргономъ (въ славян. Арною), котораго бѣльшая часть историковъ считаютъ за одно лице съ Сеннахиримомъ (Иса. 20, 1. 6.), потомъ, Псамметихомъ (ъ), и наконецъ, въ продолженіе войнъ между египтянами и халдеями (Иерем. гл. 47.).

9. 10. Финикіяне, подобно филистимлянамъ, продавали братьевъ братьямъ, плѣнныхъ израильтянъ идумеямъ. Пророчество противъ финикіянъ исполнилось отчасти при Салманассарѣ, который овладѣлъ Сидономъ, Арною и Палетиромъ и съ кораб-

мейскій въ Киръ. Въмсто *Kira* LXX читали *Kara* и перевели словомъ: ἐπίλυτος, Киръ. Нѣкоторые разумють мѣстечко въ Мидіи, о которомъ упоминаетъ Шоломей (*Κόρημα* VI, 2.). Но бѣльшая часть толкователей разумють область по теченію рѣки Куры, впадающей, по соединеніи съ Араксомъ, въ Каспійское море. Богъ угрожаетъ арамеямъ переселить ихъ туда-же, откуда они выселились (Ам. 9, 7.).

(ъ) *Плѣненіе Соломоне*. Бл. Иеронимъ такъ объясняетъ происхождение такого перевода: pro captivitate perfecta septuaginta captivitatem Solomonis interpretati sunt, verbum hebraicum *Salma*, quod significat perfectum, atque completum, nomen Solomonis aestimantes (Comm. in Am. 1, 6.).

(ъ) Herod. L. 2. c. 156.

лями сидонянъ осадилъ новый Тиръ (э); но окончательно исполнилось при Навуходоносорѣ, который, по свидѣтельству Флавія и позднѣйшихъ іудейскихъ лѣтописей (ю), завоевалъ Тиръ.

11. 12. (я) Идумеи, происходившіе отъ Исава, называются у Пророка братьями израильтянъ; они вели торговлю между филистимскими и финикійскими городами, между торговыми городами при Аравійскомъ и Персидскомъ заливахъ (Іезек. 27, 16.) (а) и, не смотря на родственныя отношенія къ евреямъ, продавали ихъ чужеземцамъ. — Казнь Божія надъ идумеями совершилась позднѣе, нежели надъ финикіянами и сиріянами. При разрушеніи Іерусалима халдеями, идумеи находились въ числѣ союзныхъ войскъ Навуходоносора (4 Цар. 24, 2.) и радовались гибели іудеевъ (Іезек. 25, 8.); но наконецъ, халдеи поработили и самихъ идумеевъ (Іерем. 27, 3. Іезек. 25, 12—15.) (γ). Іоаннъ Гирканъ покорилъ идумеевъ и заставилъ ихъ принять обрѣзаніе (въ 120 г. предъ Р. Х.).

(э) Joseph. Flav. Antiquit. L. IX. c. 14.

(ю) Seder - Olam. s. 126.

(я) Ст. II. Смыслъ послѣднихъ словъ такой: за то, что преслѣдуетъ брата своего мечемъ и истребилъ въ себѣ милосердіе, и всегда разрушительнъ гнѣвъ его, и ярость свою сохраняетъ непрестанно.

(а) Heeren, ideen 1, 2. s. 107.

(γ) Ефремъ Сиринъ, объясняя пророчество Авдїи противъ Идумеевъ, пишетъ: «пророчество сіе исполнилъ Навуходоносоръ вавилонскій, совершенно опустошивъ Идумею и переселивъ ея жителей въ другую страну (Comm. in Avd. v. 6.).»

13—15. Аммонитяне, издревле питавшіе непримиримую ненависть къ евреямъ (Суд. 10, 8. 9. 1 Цар. гл. 12. 2 Цар. гл. 10—12.), пользуясь слабостію царей израильскихъ, нападали на смежный Галаадъ и обнаруживали такую жестокость надъ плѣнными, что разрѣзывали беременныхъ женщинъ, чтобы истребить плодъ въ утробѣ матери. Неизвѣстно, какая участь постигла аммонитянъ при нашествіи на Галаадъ Оелга-Фелласара. При нашествіи Навуходоносора на Іудею они сражались въ войскахъ его и, по возвращеніи іудеевъ изъ плѣна, препятствовали построенію храма. Храбрый Іуда Маккавей вытѣснилъ аммонитянъ съ западной стороны Іордана, и съ того времени имя ихъ совершенно исчезаетъ въ исторіи (1 Макк. 5, 6—8.).

2, 1—4. Пророкъ Амосъ упоминаетъ о томъ, что моавитяне сожгли кости Царя идумейскаго, какъ о преступленіи особенно важномъ. Въ Св. Книгахъ о семъ событіи не упоминается. Но Бл. Іеронимъ говоритъ: «у іудеевъ есть преданіе, что моавитяне сожгли кости уже умершаго идумейскаго Царя, который вмѣстѣ съ Іорамомъ, Царемъ израильскимъ, и Іосафатомъ іудейскимъ былъ въ походъ противъ моавитянъ» (а).

При недостаткѣ историческихъ свѣдѣній, нельзя съ несомнѣнною увѣренностію опредѣлить, когда исполнилось предреченіе Амоса на моавитянахъ. Пророкъ Исаія опредѣляетъ время опустошенія земли моавитской чрезъ три года послѣ своего проро-

(a) Comm. in Am. 2, 1.

чества (Иса. 16, 14.), но не даетъ прямого указанія на то, съ какого года должно считать этотъ срокъ. Впрочемъ, исполненіе предсказанія пророческаго относится къ времени нашествія Салманассара, который послѣ трехлѣтней осады взялъ Самарію (4 Цар. 17, 5.), и въ тоже время могъ опустошить землю моавитянъ.

Наконецъ, Пророкъ излагаетъ угрозы и противъ царства іудейскаго за идолопоклонство и пренебреженіе къ Закону, но касается сего какбы мимоходомъ (ст. 4 и 5.), и обращаетъ свою пророческую рѣчь исключительно къ царству израильскому, означая снмъ то, что гнѣвъ Божій, имѣющій покарать весь окрестные народы, только слегка касается царства іудейскаго и отяготѣетъ совершенно на царствѣ израильскомъ за то, что израильтяне забыли законъ Божій и служили своимъ богамъ (6—8.), не смотря на благодѣянія, которыя Богъ оказалъ своему народу (9—11.); за то, что они, надѣясь на собственную силу, насмѣхались надъ назореями, принуждая ихъ нарушать свои обѣты, и запрещали проповѣдывать Пророкамъ (12—16.). Эта часть служить какбы введеніемъ обличительной рѣчи Пророка противъ ефремлянъ.

Съ 3 главы до 7 можно различать пять отдѣленій по одинаковому началу и окончанію рѣчей. 3, 1. 4, 1. 5, 1. начинаются словами: *слышите слово сіе*; 5, 18. 6, 1. словами: *увы-лють*, или просто: *лють*. Въ началѣ обыкновенно Пророкъ излагаетъ преступленія ефремлянъ, а въ концѣ возвѣщаетъ наказанія за нихъ. Заключеніе каждаго отдѣленія начинается словами: *сего ради* (см. 3, 11. 4, 12. 5, 16. 6, 7.).

Въ 3 главѣ Пророкъ обличаетъ тѣхъ, которые считали себя достойными помилованія, потому что происходятъ отъ избраннаго народа. Но это самое преимущество Пророкъ и поставляетъ главною виною бѣдствій, угрожающихъ избранному народу: если гнѣвъ Божій не оставитъ ненаказанными преступленія язычниковъ, незнающихъ истиннаго Бога, не тѣмъ ли болѣе Онъ покараетъ народъ избранный, который нарушаетъ законъ Его и забываетъ Его благодѣянія (2)? Безумно не вѣрить предостереженіямъ Пророковъ только потому, что Богъ избралъ израиля изъ всѣхъ языковъ; ибо какъ вообще въ природѣ нѣтъ дѣйствія безъ причины, такъ и слово пророческое зависить отъ Бога: оно возвѣщается, потому что Богъ открываетъ его Пророкамъ (3—8.). Но поелику израильтяне не хотѣли внимать словамъ Пророка: то онъ обращается къ сосѣднимъ языческимъ народамъ, призывая ихъ быть свидѣтелями развращенія ефремлянъ (9. 10.). Грѣхи ихъ не могутъ остаться ненаказанными; страшныя бѣдствія постигнуть жителей, безопасно живущихъ въ великолѣпныхъ домахъ своихъ (11—15.), и только немногое число избранныхъ избѣгнетъ отъ наказанія (12.).

Въ 4 главѣ Пророкъ обращаетъ обличенія къ тѣмъ израильтянамъ, которые предавались безпечности потому, что имѣли средства къ роскошной жизни. Виновницами роскоши были главнымъ образомъ женщины самарійскія, получившія власть надъ своими мужьями; посему, Пророкъ угрожаетъ имъ страшною и неотвратимою погибелію (1—3.). Пророкъ обличаетъ ложное и только внѣшнее благоче-

стіе, которымъ израильтяне думали загладить грѣхи свои (4. 5.), и потомъ перечисляетъ бѣдствія, которыя Богъ посылалъ на нихъ для обращенія ихъ къ истинному богопочтению: голодъ (6.), засуху (7. 8.), созженіе зноемъ полей, истребленіе саранчею виноградниковъ, фиговыхъ и оливковыхъ садовъ (9.), язву египетскую, несчастныя войны (10.), и вообще, бѣдствія, равныя съ тѣми, какія постигли Содомъ и Гоморру; но, не смотря на все это, израильтяне не обратились къ истинному Богу. Богъ чрезъ Пророка уже готовъ былъ возвѣститъ конечное наказаніе безчувственному народу: *сега ради сѣе сотворю ти іеруслимю*, но останавливаетъ грозное слово Свое, еще ожидая обращенія израиля; еще разъ требуетъ Пророкъ отъ него покаянія, представляя величіе Бога, какъ Творца и Правителя вселенной (12. 13.).

Но Амось видѣлъ, что жестоковѣрный народъ не обратится къ своему Богу, и потому, продолжая свою рѣчь, прерванную въ концѣ 4 главы, предсказываетъ близкую и неминуемую погибель царства (5, 1.). Погибель народа такъ близка, что Пророкъ начинаетъ уже пѣнь плача о *дѣвицѣ іеруслимь*, какъ о царствѣ уже упавшемъ (2. 3.). Потомъ Пророкъ указываетъ израильтянамъ средства, если они хотятъ отвратить страшное наказаніе, именно, оставить ложное служеніе тельцамъ и обратиться къ законному служенію Іеговы; изображаетъ величіе и всемогущество Вседержителя; обличаетъ ихъ въ жестокосердіи и невниманіи къ совѣтамъ людей благочестивыхъ (4—10.), и въ суетной надеждѣ на свое богатство, снова убѣждаетъ къ жизни благочестивой,

яко да помилуетъ Господь вседержитель оставшая Иосифова (11—17.).

Конецъ пятой главы содержитъ обличеніе противъ тѣхъ, которые, не вѣря исполненію пророчествъ Амоса, говорили какбы съ насмѣшкою: *пусть прійдетъ день суда Господня!* Пророкъ предвозвѣщаетъ имъ, что сей день Господень, день суда надъ народами, будетъ для нихъ днемъ пагубы (18—20.). Другіе надѣялись на внѣшнія дѣла благочестія: но Пророкъ возвѣщаетъ, что Богъ ненавидитъ и отвергаетъ праздники ихъ и праздничныя собранія, всеожженія и разнаго рода жертвы, гласъ пѣсней и пѣсни органовъ (21—23.); все это, при недостаткѣ внутренняго благочестія (24.), такъ-же точно не можетъ быть названо истиннымъ богослуженіемъ, какъ и открытое идолослуженіе въ пустынь Синайской. Посему, какъ тогда, за открытое идолослуженіе народъ не удостоился вступить въ землю обѣтованія, такъ и теперь одно внѣшнее, и притомъ, незаконное, богослуженіе будетъ причиною того, что народъ будетъ изверженъ изъ святой земли (25—27.) (6).

(6) 5, 25—27. Моисей нигдѣ не упоминаетъ о служеніи евреевъ въ пустынь Ремфану и Молоху; посему, нѣкоторые переводятъ сіе мѣсто такъ: «вы приносили Мнѣ заколенія и жертвы въ пустынь въ продолженіе сорока лѣтъ; но теперь вы *воспріяте* скинью Молохову... сего ради *преселю* вы *далее* Дамаска.» Но такой переводъ 1) несогласенъ съ еврейскимъ словосочиненіемъ; ибо въ подлинникѣ употреблена рѣчь вопросительная; 2) исторически нельзя подтвердить существованіе въ царствѣ израильскомъ служенія Молоху и Ремфану во времена Пророка Амоса; 3) Первомученикъ Стефанъ упрекаетъ въ идолослуженіи не современниковъ Амоса, но современниковъ Моисея (Дѣян. 7, 42.). Моисей во многихъ мѣ-

Въ шестой главѣ такъ-же, какъ и въ четвертой, Пророкъ обличаетъ вельможъ іудейскихъ и израильскихъ, которые, надѣясь на силу и обширность предѣловъ своего государства, безопасно утопали въ роскоши. Бѣдственная участь сильныхъ сосѣдственныхъ народовъ ясно должна была показать имъ, какъ суетна надежда на собственныя силы; но они, усугубляя свои пороки, думали, что день суда Божія надъ народами еще далекъ (ст. 1—3.). Далѣе Пророкъ живыми красками описываетъ роскошь и изнѣженность израиль-

ствахъ Пятокнижія ясно дастъ замѣтить, что народъ не строго соблюдалъ полученный на Синаѣ законъ. Такъ, онъ упрекаетъ ихъ въ томъ, что въ пустынѣ они приносили жертвы, кому гдѣ было угодно (Втор. 12, 8.), тогда какъ былъ уже законъ приносить жертвы только въ Скиніи (Лев. 17, 5.). Въ другомъ мѣстѣ онъ ясно упрекаетъ евреевъ въ идолопоклонствѣ (Лев. 17, 7.). Въ томъ-же преступленіи упрекаетъ современниковъ Моисея и Пророкъ Іезекіиль (20, 6—8 и дал.). Моисей не излагаетъ подробно преступленій евреевъ, вышедшихъ изъ Египта, какъ поколѣнія уже осужденнаго Богомъ; и вообще, по удаленіи евреевъ отъ Синая лишь немногія событія замѣчены въ сказаніи Моисея.

Еврейское слово *Kijin LXX* замѣнили словомъ Ремфанъ, болѣе известнымъ. Ремфанъ, или Рефанъ на коптскомъ языкѣ означаетъ планету Сатурнъ. Идолопоклонство евреевъ, какъ объясняетъ св. Первомученикъ Стефанъ, состояло въ поклоненіи звѣздамъ: *предаде ихъ служити во емъ небеснымъ* (Дѣян. 7, 42.). Моисей, можетъ быть, имѣя въ-виду этотъ родъ идолопоклонства, предостерегаетъ отъ него новое поколѣніе евреевъ (Втор. 4, 19.). — Подъ словомъ *скинія* разумѣютъ небольшой походный храмъ (*tabernacle*), въ которомъ египтяне носили съ собою во время путешествія изображенія боговъ. См. Letronne, recueil, des inscriptions de l'Égypte. T. I. p. 306.

гнѣвъ, и говорить, что гнѣвъ Божій застигнетъ ихъ внезапно: одни изъ нихъ будутъ отведены въ плѣнь (4—7.), остальные будутъ истреблены врагами (8—11.) за то, что измѣнили законъ правды и надѣялись на свою силу, а не на помощь Божию (12. 13.).

Вторая часть книги Пророка Амоса (гл. 7—9) содержитъ въ себѣ видѣнія, означающія подѣ разными символами разрушеніе царства израильскаго. Каждое видѣніе вмѣстѣ съ рѣчью, присоединенною къ нему, составляетъ особое отдѣленіе; главы 7, 8 и 9 составляютъ отдѣльное цѣлое. Въ концѣ всего собранія (9, 11—14.) пророчествъ находятся обѣтованія о возстановленіи падшей Давидовой скиніи. Такимъ образомъ, грозная проповѣдь Пророка оканчивается утѣшительными обѣтованіями.

Въ 7 главъ (1—10.) Пророкъ излагаетъ видѣнія, въ которыхъ Господь открылъ ему тяжкія наказанія, грозившія израильскому народу за нечестіе. Первое видѣніе объ опустошеніи полей саранчею означало меньшее наказаніе (1—3.); второе видѣніе огня пожирающаго (4—6.) означало болѣе тяжкое наказаніе; но, по молитвѣ Пророка, Господь отвращаетъ и то и другое наказаніе. Последнее видѣніе самого Господа стоящаго на стѣнѣ, съ адамантомъ (отвѣсомъ) въ рукѣ, и разбѣряющаго разрушеніе стѣны, означало конечное опредѣленіе Божіе объ истребленіи царства, и Пророкъ не осмѣливается уже просить Господа о помилованіи народа. Господь угрожаетъ неотвратимымъ бѣдствіемъ какъ самому народу, такъ его капищамъ, высотамъ и дому Іеровоамову (7—9.). Свои видѣнія Пророкъ возвѣстилъ народу въ Веоиль, и это было

причиною гоненій противъ него веилскаго жреца Амасіи (11—17.).

Въ главѣ 8 Пророкъ изображаетъ четвертое видѣніе жатвенной кошницы, которое означало, что грѣхи израиля созрѣли, мѣра беззаконій его исполнилась и слѣдовательно, наказаніе за грѣхи неизбежно (1—3.). Пророкъ еще разъ обличаетъ ожесточеніе народа, его несправедливые поступки съ бѣдными, его обманы въ купль и продажъ (4—7.), описываетъ тяжесть беззаконій израильтянъ и тяжесть наказанія за нихъ (7—10.) и угрожаетъ народу не голодомъ хлѣба, не жаждою воды, но голодомъ слышанія слова Божія (11—14.).

Въ 9 главѣ Пророкъ изображаетъ видѣніе храма, разрушаемаго по Божественному повелѣнію и погребашаго всѣхъ подъ своими развалинами. Это видѣніе имѣетъ тѣсную связь съ послѣднею утѣшительною частию пророчества (9, 11—15.), въ которой содержатся обѣтованія, относящіяся ко времени пришествія Христа Спасителя. Посему, намъ нужно обратить особенное вниманіе на это отдѣленіе пророческой книги.

Ст. 1. *Видѣхъ Господа столица на жертвенницѣ.* Одни разумѣютъ здѣсь жертвенникъ веилскій, устроенный по образцу законнаго жертвенника въ храмѣ іерусалимскомъ (Ам. 3, 14. Исх. 27, 2.); другіе—алтарь всесоженій во дворѣ храма іерусалимскаго. Послѣднее мнѣніе заслуживаетъ болѣе вѣроятія уже потому 1), что Пророкъ не говоритъ, какой именно алтарь, и тѣмъ даетъ разумѣть здѣсь алтарь по преимуществу, или законный алтарь храма іерусалимскаго; 2), на алтарь стоитъ самъ Господь; нельзя предполагать, чтобы Господь освятилъ Своимъ присутствіемъ

алтарь веоильскій; 3,) такъ же точно Господь со двора храма іерусалимскаго показываетъ въ видѣніи Пророку Іезекілю беззаконія царства израильскаго (8, 3—6.). Какъ въ 1 гл. ст. 2. Пророкъ изображаетъ Господа судящимъ все народы въ Іерусалимѣ: такъ и здѣсь изъ Іерусалима Господь даетъ гласъ Свой о судьбѣ царства іудейскаго и израильскаго. Равно и подь образомъ разрушающагося храма должно разумѣть храмъ іерусалимскій. Хотя главнымъ предметомъ пророчества Амоса было царство израильское: но Пророкъ не опускаетъ изъ вида и царство іудейское; свою угрозу *за три нечестія и за четыре* обращаетъ не только къ царству израильскому и народамъ языческимъ, но и къ іудеямъ за то, что они оставили законъ Господень и служили ложнымъ богамъ (2, 4. 5.), и въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что онъ прорицаетъ не только на домъ израилевъ, но и на все племя, изведенное изъ земли египетской (3, 1.); наконецъ, утѣшительная часть пророчества относится къ тому и другому народу вмѣстѣ.

И рече: порази очистилище, и поколеблются преддверія, и прѣсьцы въ главы всѣхъ. Съ еврейскаго: ударъ въ верхъ столпа, и поколеблются пороги, и обрушь на головы всѣхъ. Пророкъ созерцаетъ весь народъ избранный собраннымъ около храма, въ которомъ Господь обѣщалъ принимать молитвы вѣрныхъ подь условіемъ исполненія Его заповѣдей. Теперь Господь призываетъ народъ Свой къ храму, какъ Судія: *аще же отвращающесе отвертитесе вы и чада ваши... и изрину Ізраиля изъ земли, юже дахъ имъ, и храмъ сей, егоже освятихъ имени Моему, отвергу отъ лица Моего* (3 Цар. 9, 6—8.). Господь повелѣ-

ваеъ ударить по колоннамъ и обломки храма обрушить на главы народа. Наказаніе будетъ всеобщее; никто изъ спасшихся при разрушеніи храма нигдѣ не скроется отъ смерти. Пророкъ, подобно Псалмопѣвцу (Псал. 138, 7—10.), самыми возвышенными чертами описываетъ вездѣприсутствіе Господа, отъ суда Котораго преступникъ нигдѣ не можетъ скрыться (ст. 2—6.).

Ст. 7. *Не якоже ли сынове еѳіоптіи вы есте Мои сынове Израилевы, глаголетъ Господь? Не израиля ли изведохъ изъ земли египетскія, и иноплеменики (филистимлянъ) изъ Каппадокіи (изъ Кафтора) (в) и сиряны изъ Рава (Киръ)?* Св. Ефремъ Сиринъ такъ объясняетъ слова Пророка: «если вы хвалитесь изшествіемъ вашимъ изъ Египта; то вспомните, что Я равнымъ образомъ извелъ филистимлянъ изъ Каппадокіи и арамеевъ изъ Кира (г)?»

Но возвыщая погибель грѣшникамъ, Пророкъ въ тоже время утѣшаетъ благочестивыхъ тѣмъ, что Господь не вконецъ отвергнетъ домъ израилевъ, хотя разсѣетъ его *во вся языки* (ст. 8.). Это составляетъ переходъ къ послѣдней, утѣшительной части пророчества. Пророкъ очами вѣры созерцаетъ то блаженное время, когда уничиженный домъ Давидовъ, въ лицѣ своего Великаго Потомка, возстановится не только въ прежнемъ, но и въ большемъ величіи; потому что къ Его царству будутъ принадлежать не только

(в) Большая часть толкователей подъ именемъ Кафтора разумють островъ Критъ. О словѣ *Киръ* см. выше.

(г) *Сотт. in Am. 9, 7.*

іудей и израильтяне, но и весь языкъ, на которыхъ будетъ наречено имя Божіе (11. 12.); изображаетъ подъ символомъ особеннаго плодородія земли обиліе благодатныхъ даровъ (13.), возвращеніе израильтянъ изъ плѣна и изобильную жизнь ихъ.

Ст. 11. *Въ той день возставлю скинію Давидову падушую, и возгражду падшая ея, и раскопанная ея возставлю, и возгражду ю, якоже дніе вѣка.*

Слова *въ той день*, или, какъ передаетъ слова Пророка Амоса Апостолъ Іаковъ, *по сихъ* (Дѣян. 15, 15.), указываютъ на то время, когда определенное время наказаній израильтянъ окончится и настанетъ для нихъ лучшая будущность, иначе, время открытія благодатнаго царства Мессіи.

Возставлю скинію Давидову падушую. Пророкъ, называя царствующій домъ Давидовъ *скиніею*, выражаетъ симъ то, что могущество дома Давидова, уменьшившееся въ-слѣдствіе отдѣленія 10 коленъ, умалится въ будущемъ еще болѣе и будетъ *скиніею падушею, раскопанною*. Тоже уничиженное состояніе дома Давидова предъ пришествіемъ Іисуса Христа Пророкъ Исаія выражаетъ подъ символомъ древа усѣченнаго до корня, отъ котораго возникнетъ новая отрасль (11, 1 и дал.). Пророкъ предсказываетъ израильтянамъ избавленіе и возстановленіе въ лицѣ Потомка Давидова. Они тогда только получаютъ избавленіе, когда уничтожится гражданское и религіозное отдѣленіе израильтянъ отъ іудеевъ, когда они покорятся истинному Потомку Давидову и отвергнутъ незаконное богослуженіе, введенное царями израильскими. Подъ симъ условіемъ и другіе Пророки представляютъ спасеніе израиля: *и соберутся сынове іудины*, говоритъ

Пророкъ Осія, и сыны ісраилевы вкупѣ, и поставятъ себѣ власть едину и изыдутъ отъ земли (то-есть плѣненія) (1, 11.); и въ другомъ мѣстѣ: и по-семъ обратятся сынове ісраилевы, и възыщутъ Господа Бога своего, и Давида царя своего, и почудятся о Господѣ, и о благодѣяхъ Его въ послѣднія дни (3, 5.).

Ст. 12. Яко да възыщутъ Мене оставшіися чело-вѣцы, и вси языцы, въ низже призвася имя Мое въ нихъ. Переводъ LXX отличается отъ нынѣшняго еврейскаго чтенія. Съ еврейскаго должно перевести: и наслѣдять, или возобладають остаткомъ Едома, и всѣми народами. Но правильность перевода LXX подтверждается во 1-хъ свидѣтельствомъ Апостола Іакова, который приводит сіе мѣсто почти буквально такъ-же, какъ у Александрійскихъ Переводчиковъ, замѣняя только, сообразно ходу своей рѣчи, слово Мене словомъ Господа (Дѣян. 15, 16. 17.); во 2-хъ построеніемъ самой рѣчи: въ нынѣшнемъ еврейскомъ чтеніи нѣтъ лица, къ которому бы должно было отнести глаголъ возобладать, тогда-какъ это мѣсто у Александрійскихъ Переводчиковъ логически правильно; наконецъ въ 3-хъ, большею сообразностію съ предъидущимъ и послѣдующимъ. Пророкъ, предсказывая судьбу идумеевъ (1, 11. 12.), ничего не говоритъ о томъ, что отъ наказанія Божія спасется остатокъ идумеевъ, но предвѣщаетъ имъ такую-же гибель, какъ и прочимъ народамъ. А предшественникъ Амоса Пророкъ Іоиль ясно противопоставляетъ судьбу идумеевъ судьбѣ іудеевъ: *Идумея въ поле погибели будетъ за озлобленіе сыновъ іудиныхъ, понеже проліяша кровь праведную на земли своей: Іудея*

же во вѣки населится, и Иерусалимъ въ роды родовъ (3, 19. 20.). Напротивъ, Пророкъ, предсказывая наказаніе Божіе народу избранному, угрожаетъ только грѣшнымъ (8.), и предсказывая разсыпаніе его во вся языки, въ то же время говоритъ отъ лица Божія: *обаче не скончаю отвергу домъ ізраилевъ.* (8. 9.). Такимъ образомъ, Пророкъ разумѣетъ здѣсь вообще тотъ остатокъ избраннаго народа, который возвратится изъ земли плѣненія, и преимущественно тотъ небольшой остатокъ избранныхъ, которые, по пророчеству Исаи, спасутся (10, 21. 22.), будутъ наречены святыми и впишутся въ книгу живота (4, 3.), то-есть, какъ объясняетъ Апостоль Павелъ, тѣ изъ іудеевъ, которые призваны въ духовное царство Іисуса Христа наравнѣ съ язычниками (Рим. 9, 27. см. ст. 24.) (д).

И вси языцы, въ нихже призвася имя Мое въ нихъ. Послѣ того, какъ возстановится падшая скинія Давидова, то-есть, откроется благодатное царство Мессіи, язычники сами будутъ желать и искать присоединенія къ сему царству, какъ и предсказывали другіе

(д) Основываясь на нынѣшнемъ еврейскомъ чтеніи, нѣкоторые думаютъ, что пророчество сіе исполнилось при Іоаннѣ Гирканѣ (Flav. 13, 9, 1.), который заставилъ іудеевъ принять обрѣзаніе: но такое объясненіе несправедливо. Ибо 1, Гирканъ посредствомъ обрѣзанія присоединилъ къ іудейской религіи однихъ только іудеевъ, но не всѣ народы, какъ сказано въ пророчествѣ; 2, присоединилъ по своему произволу и насиліемъ, тогда-какъ у Пророка сказано, что Господь самъ сотворитъ сіе (ст. 12.); 3, принятіе іудеевъ и всѣхъ язычниковъ въ царство Божіе должно совершиться, какъ предвозвѣщаетъ Пророкъ, по возстановленіи падшей скиніи Давидовой; следовательно, при царѣ изъ потомства Давидова.

Пророки (Иса. 2, 2. Иерем. 3, 17. Мих. 4, 2.). Такое добровольное подчинение всѣхъ языковъ царству Мессіи показываетъ, что отношеніе ихъ будетъ не такое, какъ отношеніе покоренныхъ народовъ къ царству Давидову. Но это еще яснѣе видно изъ сихъ словъ Пророка: *въ нихже призвася (или на нихже наречеса) имя Моє.* Нареченіе на комъ имени Божія означаетъ отдѣленіе и освященіе, какъ принадлежащаго Богу. Такъ Богъ говоритъ евреямъ: *возставитъ тя Господь Богъ твой Себѣ людъ святъ, якоже клятсѣ отцемъ твоимъ... и узрѣтъ тя вси языцы земнии, яко имя Господа Бога твоего призвася на тя* (Втор. 28, 9. 10.). Здѣсь призваніе имени Господня на израиля означаетъ, что онъ будетъ народомъ святымъ, отдѣленнымъ отъ міра языческаго. Въ томъ-же смыслѣ употребляются сии слова: Иерем. 14, 9. 7, 10. 11. Иса. 63, 19. Иерем. 15, 16.

За симъ Пророкъ изображаетъ (13—15.) подъ чувственнымъ образомъ блаженство людей, имбующихъ принадлежать къ царству Божию. Пророкъ описываетъ такое плодородіе земли, что земледѣлецъ круглый годъ будетъ собирать плоды: едва окончится сѣяніе, какъ уже поспѣетъ жатва, и во время самого сѣянія созрѣютъ виноградные грозды, такъ что труды земледѣльца будутъ вознаграждаться скоро и обильно; горы источать виноградный сокъ и холмы—млеко. Такое необычайное плодородіе уже само собою показываетъ, что слова Пророка должно принимать въ духовномъ смыслѣ. Онъ другими словами проповѣдуетъ *льто Господне пріятно*, о которомъ возвѣщала и современникъ его Исаія (61, 1. 2.), и которое дѣйствительно настало для духовнаго израиля съ

пришествіемъ на землю Христа Спасителя. Такъ понимаетъ сіе мѣсто и Св. Ефремъ Сиринъ: «въ смыслѣ духовномъ», пишетъ онъ, «слова сіи означаютъ небесныя дары и Божественныя дарованія, сообщенныя намъ по воскресеніи Христовомъ» (e).

Пророкъ Амосъ не обозначаетъ опредѣленными чертами то лице изъ потомковъ Давида, посредствомъ котораго будутъ возстановлены оба царства; но изъ самого описанія величія царства уже видно, что онъ разумѣлъ обѣтованнаго Спасителя. Царство Его будетъ *якоже дніе вѣка*, то-есть, вѣчно, какъ обѣщаль Богъ самому Давиду (2 Цар. 7, 16.); оно будетъ *всеобщее*, потому что къ нему будутъ принадлежать не только іудей и израильтяне, но и всѣ язычники, на которыхъ наречется имя Господне (ст. 12.). Израильтяне, возвратясь изъ плѣна, будутъ наслаждаться полнымъ изобиліемъ и *вѣчно* обитать въ землѣ своей (14. 15.). Всѣ сіи обѣтованія нельзя относить къ тому времени, когда іудей вмѣстѣ съ Зоровавелемъ возвратились изъ плѣна вавилонскаго; потому что ни-одна черта пророчествъ Амоса не исполнилась въ то время. Посему, обѣтованія, изображенныя Пророкомъ, должно относить къ великому потомку Давида Иисусу Христу, Который призвалъ въ Свое духовное и вѣчное царство не только іудеевъ, но и язычниковъ, и излилъ на вѣрующихъ обиліе благодатныхъ даровъ Святаго Духа.

Святой Апостоль Іаковъ, говоря о предопредѣленіи Божіемъ, призвать язычниковъ въ Церковь Хри-

(e) Comm. in Amos. 9, 13.

стову, приводитъ слова Пророка Амоса о возстановленіи падшей скинии Давидовой, и слѣдовательно, относитъ сіе пророчество къ Иисусу Христу (Дьян. 15, 15.). Бл. Иеронимъ говоритъ, что іудеи въ его время относили пророчество Амоса къ Мессіи и тщетно ожидали буквальнаго исполненія обѣтованій Пророческихъ (ж).

Если мы обратимъ вниманіе на духъ пророчествъ Амоса: то увидимъ, что Пророкъ обличалъ въ народъ израильскомъ тѣже суевѣрія, какія обличалъ и самъ Спаситель въ іудеяхъ. Современники Амоса, подобно фарисеямъ, полагали благочестіе во вѣншемъ исполненіи закона обрядоваго и оставляли *вящая закона: судъ, милость и вѣру* (Матѳ. 23, 23. сн. Ам. 5, 24.); но Пророкъ Амосъ ниспровергаетъ эту слѣпую увѣренность въ оправданіе законное, научая, что жертвы и вѣщія дѣла закона безъ внутренняго благочестія не имѣютъ достоинства (Ам. 4, 4. 5. 5, 21—24.).

Израильтяне основывали свою надежду на особенное къ нимъ благоволеніе Божіе на томъ, что Богъ избралъ ихъ изъ среды всѣхъ другихъ народовъ, освободилъ изъ рабства египетскаго (Ам. 3, 2. 9, 7.) и ввелъ въ землю обѣтованія. Это избраніе Божіе они считали какбы залогомъ Божественныхъ благодѣній и на будущее время, какъ-будто бы Богъ уже непременно долженъ былъ всегда спастъ

(ж) Hagstenb. Christol. III. Th. s. 229. Въ Талмудъ пророчество Амоса также относится къ Царю Мессіи Saahedr. fol. 96. 2 Brechit-Rabbah. Sect. 88.

народъ Свой и не могъ его отвергнуть. Основаніемъ сего заблужденія была та, въ существѣ своемъ истинная, мысль, что Богъ избралъ народъ по Своей свободной благодати, и слѣдовательно, сохранить избранный народъ по Своей правдѣ и по неизмѣнимости Своихъ опредѣленій. Но народъ израильскій забылъ, что онъ избранъ изъ всѣхъ народовъ подлѣ условіемъ истинной вѣры въ Бога и истиннаго благочестія (Втор. 28, 15—68.). Посему, Пророкъ Амосъ съ особенною силою возстаетъ противъ такой ложной увѣренности, и говоритъ, что происхожденіе отъ избраннаго народа само по себѣ еще не имѣетъ большой важности: ибо избраніе израильтянъ есть дѣло одной милости Божіей, и Онъ такъ-же точно можетъ сдѣлать народомъ избраннымъ египтянъ (Кушитовъ); а изведеніе евреевъ изъ Египта, на которое израильтяне указывали, какъ на залогъ благодѣяній Божіихъ, послѣ того какъ они сами нарушили заветъ, такъ-же точно не обязываетъ Бога изливать на нихъ особенныя милости, какъ изведеніе Его Промысломъ филистимлянъ изъ Кафтора и сиріянъ изъ Кира (9, 7. 3, 2. 5, 14.).

Такимъ образомъ, Пророкъ Амосъ обличаетъ ту же ложную увѣренность въ неизмѣнимости Божественнаго предопредѣленія о спасеніи всего народа еврейскаго вообще, какую обличалъ и самъ Спаситель въ фарисеяхъ, говорившихъ: *сымя Авраамле есмь* (Іоан. 8, 33.), *Отца имамы Авраама* (Матѣ. 3, 9.); и, подобно Апостолу Павлу, Пророкъ различаетъ израиля—по плоти отъ израиля—по духу (Рим. 9, 6. 7.). *Обрѣзаніе пользуетъ, аще законъ твориши, аще же закона преступникъ еси, обрѣзаніе твое*

необрѣзаніе бысть (Рим. 2, 25.), учить Апостоль Павелъ. *Глаголю вамъ: яко можетъ Богъ отъ каменія сего воздвигнути чада Аврааму* (Матѣ. 3, 9.). И Пророкъ Амосъ проповѣдуетъ, что только благочестивые израильтяне, истинные потомки Авраама по вѣрѣ получаютъ спасеніе, а всѣ грѣшныя изъ народа не избѣгнуть погибели (9, 8—10. 3, 12.).

Если же одно происхожденіе отъ сѣмени Авраамова безъ истинной вѣры и благочестія не можетъ служить залогомъ спасенія: то значить, что языческое происхожденіе не можетъ быть препятствіемъ ко спасенію, если будетъ соединено съ чистою вѣрою въ Бога и въ обѣтованнаго Мессію. Посему, Пророкъ Амосъ, опровергая ложную самоувѣренность израильтянъ, ясно говоритъ о призваніи въ царство Мессіи и язычниковъ (9, 12.). Ученіе о призваніи язычниковъ въ-послѣдствіи было яснѣе и опредѣленнѣе раскрыто Исаіею, Михеемъ и другими Пророками. Не тоже ли говорилъ Господь Иисусъ Христосъ іудеямъ: *Узрите Авраама, и Исаака, и Иакова и вся пророки во царствіи Божіи, васъ же изгонимыхъ вонъ. И придутъ отъ востокъ и западъ, и съвера и юга, и возлягутъ въ царствіи Божіи* (Лук. 13, 28. 29.)?

Апостоль Петръ, указывая невѣровавшимъ іудеямъ исполненіе на Иисусъ Христъ ветхозавѣтныхъ пророчествъ, говоритъ: *все пророцы отъ Самуила, и иже по сихъ, елицы глаголаша, предвозвѣстиша дни сія*, то-есть, дни пришествія Христова (Дѣян. 3, 24.). Изъ содержанія пророчествъ Амоса дѣйствительно открывается, что онъ былъ провозвѣстникомъ Мессіи; ибо не только предвозвѣстиль Его прише-

ствіе, но и показалъ ясными чертами величіе Его царства и, указывая на недостаточность оправданія закономъ, давалъ израильтянамъ видѣть духъ Новаго Завета, требующаго живой и дѣятельной вѣры и истиннаго благочестія. Посему, если, по словамъ Апостола Павла, законъ былъ *пльстуномъ во Христа* (Гал. 3, 24.): то, безъ сомнѣнія, можемъ называть дѣтководителемъ ко Христу богодухновеннаго истолкователя закона—Пророка Амоса.

ОСОБЕННОСТИ ЕГО КНИГИ.

Во внѣшнемъ изложеніи книги пророчествъ Амоса, призваннаго къ своему служенію изъ пустыни и отъ стадъ овецъ, замѣтны нѣкоторыя особенности. Бл. Иеронимъ въ толкованіи на книгу Пророка Амоса говоритъ: «Естественно, чтобы всѣ художники пользовались въ рѣчи сравненіями, заимствованными отъ своего искусства; и кто провелъ жизнь въ какомъ-нибудь занятіи, тотъ заимствуетъ и подобіе отъ него. Для чего сіе сказано? Для того, чтобы показать, что Пророкъ Амосъ, бывшій пастыремъ изъ пастырей и пастыремъ не въ мѣстахъ воздѣланныхъ и насажденныхъ виноградниками, и не въ лесахъ и зеленѣющихъ лугахъ, но въ обширной пустынь, въ которой свирѣпыя львы нападаютъ на стада, употреблялъ выраженія, заимствованныя отъ своего занятія. Такъ, гласъ Господа онъ называетъ страшнымъ и ужаснымъ рыканіемъ лвинымъ, сравниваетъ разрушеніе городовъ израильскихъ съ безпокойствомъ пастырей и изсушеніемъ горъ (з)». Хотя вообще

(з) Hieron. Comment. in Amos. 1, 2.

всѣ св. писатели любили заимствовать символы и подобія изъ природы; но изъ явленій природы, которыми пользуется для своихъ подобій Пророкъ Амосъ, особенно много такихъ, которыя окружали его въ пустынь, вдали отъ городской жизни; книга его исполнена подобіями, взятыми изъ сельской природы и обстоятельствъ жизни пастырей. Изобиліе вина и пшеницы служить у него символомъ счастливой жизни (9, 13.), и напротивъ, символомъ бѣдствія—изсушеніе зноемъ пажитей и лѣсистыхъ горъ (1, 2.), и истребленіе травы саранчею (7, 1.). Людей сильныхъ онъ сравниваетъ съ высокимъ кедромъ и крѣпкимъ дубомъ, а погибель ихъ—съ деревомъ, пораженнымъ отъ вершины до корня (2, 9.); опасность, грозившую народу израильскому, сравниваетъ съ жестокостію льва и медвѣдицы (3, 8. 5, 19.). Тщетное стремленіе избѣжать угрожающей опасности уподобляетъ томленію жаждою, особенно страшною въ знойной и безводной пустынь (8, 13.); небольшой остатокъ израильтянъ, которые избѣгнутъ отъ общей погибели народа, уподобляетъ двумъ голенамъ, или обушію уха, которыя пастырь исторгаетъ изъ пасти льва (3, 12.), и съ полусозжевною головою, исторгнутою изъ огня (4, 11.). Свои обличенія и угрозы представляетъ подь образомъ рыканія льва, возвѣщающаго симъ, что онъ поймалъ добычу (3, 4.), или подь образомъ птицы, пойманной въ разставленный силокъ, и подь образомъ силка захлопнушагося за пойманною птицею (3, 5.).

ЗНАЧЕНИЕ КНИГИ.

Пророки, писавшіе послѣ Пророка Амоса, иногда приводятъ буквально нѣкоторыя мѣста изъ его книги, а иногда употребляютъ свойственные ему обороты и выраженія. Ближайшій преемникъ Пророка Амоса въ пророческомъ служеніи Осія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ повторяетъ угрозы и обличенія Прор. Амоса почти буквально. Такъ, у Прор. Осія Богъ угрожаетъ послать огнь на города іуды, чтобы истребить дворцы его (7, 14.); сія угроза въ тѣхъ же самыхъ словахъ выражена и у Прор. Амоса (2, 5. см. 1, 4. 7. 10. 12. 14. 2, 2.). Осія, подобно Прор. Амосу, убѣждая незаконный народъ обратиться ко Господу Богу своему, напоминаетъ ему о благодѣяніяхъ, оказанныхъ Богомъ—объ изведеніи изъ Египта и объ откровеніяхъ среди его Пророковъ; объ сіи мысли стоятъ рядомъ у того и другаго Пророка (Ам. 2, 10. 11. Ос. 12, 9. 10.). Это показываетъ, что книга Прор. Амоса вскорѣ послѣ написанія сдѣлалась извѣстною въ царствѣ израильскомъ, и Прор. Осія, сближая свои пророчества съ пророчествами Амоса, подтверждалъ ихъ богодухновенность. Такое-же сходство съ книгою Пророка Амоса находимъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ у Прор. Исаіи, начавшаго свое служеніе въ концѣ царствованія Озіи, слѣдовательно, вскорѣ послѣ Прор. Амоса (см. Иса. 30, 10. Ам. 2, 12. Иса. 32, 9. 11. Ам. 4, 1. 3.). Но особенно у Прор. Іереміи много сходныхъ мѣстъ съ пророчествами Амоса (Іерем. 49, 27. см. Ам. 1, 4. Іерем. 49, 3. Ам. 1, 15. Іерем. 46, 6. Ам. 2, 14. Іерем. 25, 30. Ам. 1, 2.

и въ другихъ мѣстахъ). Такое же сходство можно находить и у другихъ Пророковъ (Иезек. 28, 26. см. Ам. 9, 14. Агг. 2, 18. Ам. 4, 9. Зах. 3, 2. Ам. 4, 11. Зах. 13, 5. Ам. 7, 14.).

Ясное, хотя не прямое, указаніе на книгу Прор. Амоса находится у Іисуса сына Сирахова, который упоминаетъ о двѣнадцати такъ называемыхъ меньшихъ Пророкахъ, слѣдовательно, разумѣетъ и Пророка Амоса (Сирах. 49, 12.). Товитъ, принадлежавшій къ немногому числу израильтянъ, сохранныхъ Богомъ, при разрушеніи царства, вспоминаетъ, въ плѣнѣ ассирійскомъ, о пророчествѣ Амоса и приводитъ въ своей книгѣ слова его: *и помянухъ пророчество Амоса, якоже рече: обратятся днѣ ваши въ плачь, и вся веселія ваша въ сѣтованіе* (Тов. 2, 6. Ам. 8, 10.).

Св. Первомученикъ Стефанъ приводитъ слова Прор. Амоса о идолослуженіи евреевъ во время сороколѣтняго странствованія по пустынь и говоритъ, что сіе написано *въ книгѣ Пророкъ* (Дѣян. 7, 42. 43. Ам. 5, 25.). Апостоль Іаковъ приводитъ пророчество Амоса о возстановленіи падшей скиніи Давида и называетъ его *словесами Пророкъ* (Дѣян. 15, 16. 17. Ам. 9, 11.). Такимъ образомъ, книгѣ Пророка Амоса со времени написанія и на всѣ времена усвоится значеніе книги богодухновенной.



НАЧАЛО

МОСКОВСКОЙ СЛАВЯНО-ГРЕКО-ЛАТИНСКОЙ АКАДЕМИИ.

XVII вѣкъ, вѣкъ возрожденія Руси, замѣчательный многими прекрасными явленіями въ жизни Церкви и Государства, прославленный дѣяніями Пожарскаго, Царей Михаила и Алексія, подвигами Филарета и Никона,—вѣкъ, даровавшій Россіи Петра, не менѣе замѣчательнъ и какъ вѣкъ водворенія наукъ въ столицу Россіи. Мысль о потребности образованія, возникшая вслѣдствіе сознанія вреда отъ упорнаго невежества расколоучителей, нашла живое сочувствіе на Востокъ у Грековъ; имъ судилъ Промыслъ сообщить Руси и свѣтъ христіанства и свѣтъ древней мудрости. При Царѣ Алексіѣ Михайловичѣ сильно говорили въ пользу образованія Митрополитъ газскій Паисій Лигаридъ и за нимъ Патріархи александрійскій и антиохійскій, пріѣзжавшіе въ Москву въ 1666 году. Голосъ правды былъ услышанъ, и преемникъ Царя Алексія, воспитанный ученымъ мужемъ того времени Симеономъ Полоцкимъ, спѣшилъ исполнить завѣтъ отца и желаніе Патріарховъ восточныхъ. И греки совѣтовали, и русскіе сознавали, что ученіе должно

вынести не съ Запада, опаснаго по враждебному духу латинства, но съ Востока, хранившаго въ чистотѣ мудрость, переданную вѣками. Тамъ въ это время подъ тяжкими ударами исламизма едва держалось просвѣщеніе: Царю Ѳеодору пересказалъ объ этомъ живой свидѣтель бѣдствій грековъ, русскій іеромонахъ Тимофей, долго жившій въ Палестинѣ и на Аеонѣ. Это было новымъ побужденіемъ поспѣшить заведеніемъ школы, и она открыта въ московскомъ типографскомъ домѣ въ 1679 году. Первые же успѣхи учениковъ возбудили радость въ сердцѣ Царя и Патріарха Іоакима, и въ скоромъ времени Царь пожелалъ дать училищу гораздо большіе размѣры: онъ рѣшился основать въ Москвѣ Академію, приказалъ составить проэктъ академическаго образованія и поручилъ посламъ отправлявшимся въ Константинополь просить у Вселенскихъ Патріарховъ учителей для будущей Академіи. Но, не успѣвъ привести своего намѣренія въ исполненіе, Царь Ѳеодоръ скончался (въ Апр. 1682 года); преемникамъ его Іоанну и Петру суждено было выполнить благодѣтельную мысль брата.

Въ Константинополь отправлены при Ѳеодорѣ послами окольничій Чириковъ и дьякъ Прокопій Возницынъ. Послѣдній, заступивъ мѣсто Чирикова, умершаго вскорѣ по пріѣздѣ къ мѣсту назначенія, обратился къ Патріархамъ цареградскому, антиохійскому и александрійскому съ прошеніемъ прислать въ Москву испытанныхъ въ православіи и ученіи наставниковъ: тогда же и Патріархъ московскій Іоакимъ поручилъ іеродіакону греку Мелетію писать о томъ же изъ Москвы къ Патріарху іерусалимскому Доси-

ею. Въ 1683 году, въ бытность Возницына въ Константинополь, прѣехали туда изъ Венеціи двое ученыхъ грековъ, — родные братья, іеромонахи Іоанникій и Софроній Лихуды. Цѣлью прѣзда ихъ было — посѣтить отчизну своихъ предковъ и принять благословеніе у восточныхъ Патріарховъ на должность наставниковъ и проповѣдниковъ на Востокъ. Патріархи предложили имъ ѣхать въ Россію по вызову Царя, и они согласились. Уваженіе къ великимъ трудамъ сихъ насадителей науки на почвѣ русской требуетъ сказать нѣчто о ихъ происхожденіи и предварительной дѣятельности на югѣ Европы.

Фамилія Лихудовъ замѣчательна и древностію и знатностію. По допросу, сдѣланному Лихудамъ въ Москвѣ, они показали, что еще въ XI вѣкѣ князья Лихуды занимали высшія мѣста въ Имперіи, и одинъ изъ нихъ Константинъ, женатый будто бы на дочери Императора Константина Мономаха, по свидѣтельству Зонара, былъ первымъ сановникомъ въ царскомъ синклитѣ и совѣтникомъ Императора. Въ 1042 году Мономахъ отдалъ ему во владѣніе Болгарію и предназначилъ его быть своимъ наследникомъ. Но желаніе Мономаха не исполнилось: по смерти его, когда воцарился Михаилъ Стратіотикъ, Константинъ Лихудъ былъ вызванъ изъ Болгаріи, передавъ княженіе дѣтямъ; при нашествіи Исаака Комнина явился миротворцемъ и потомъ по смерти жены, какъ свидѣтельствуешь Іоаннъ Куропалатъ, возведенъ на патріаршій престолъ. По разореніи Болгаріи турками, потомки Лихуда переѣхали отсюда въ Константинополь, а въ 1453 году, по взятіи турками Царяграда, переселились на Цикладскіе острова; вытѣсненные

турками и отсюда въ 1456 году ушли на островъ Кефалонію, съ честію были приняты Никифоромъ Дукою и получили отъ него помѣстья въ Закинфѣ и самой Кефалоніи. Здѣсь отъ одного изъ князей Лихудовъ Марка родились Іоаннъ (1633 г. Марта 30) и Спиридонъ (1652 г.), послѣ въ монашествѣ Іоанникій и Софроній (и). Начатки ученія сообщили юнымъ Лихудамъ одинъ священникъ кефалонійскій; потомъ, въ Венеціи они учились богословію и философіи у ученаго Герасима Влаха, бывшаго послѣ митрополитомъ Филадельфійскимъ (і). Послѣ того,

(и) Родословная Лихудовъ помѣщена въ сочиненіи ихъ: Мечеть Духовный (рукоп. М. Д. Академіи) и еще въ одной рукоп. Главн. Моск. Арх. Мин. иностр. дѣлъ N 3. о выездахъ иностранцевъ въ Россію 7193—7207 годовъ. Изъ последней видно, что генеалогія Лихудовъ была представлена въ Посольскій Приказъ дѣтми Іоанникія Николаемъ и Анастасіемъ, которые, пріѣхавъ въ Москву въ 1689 году, испрашивали себѣ позволенія титуловаться Князьями Българскими.

У греческихъ лѣтописцевъ о родѣ Лихудовъ находимъ слѣдующія извѣстія: у Зонары: «Исаакъ Комнинъ поставилъ патріархомъ Константина Лихуда (*Λιχυδης*) протовестіарія; этотъ человекъ долгое время съ похвалою стоялъ на поприщѣ политическомъ и служилъ безукоризненно; ему еще Мономахъ поручилъ надзоръ за Арсеналомъ (*Μαγυαα*) и приказалъ составить проектъ о свободѣ мастеровыхъ отъ пошлинъ» (Zonar. Annal. Lib. 18 num. 5.). Михаилъ Глика пишетъ: «на мѣсто Михаила поставленъ въ патріарха Константинъ протовестіарій, по прозванію Лихудъ, который извѣстенъ былъ всѣмъ по своей благотворительности и щедрости и по мудрымъ распоряженіямъ» (Anch. pag. 4. p. 323.). Іоаннъ Куропалатъ: «Константинъ Лихудъ былъ мужъ отличавшійся на высокой чредѣ государственнаго служенія еще при Мономахъ и стяжавшій большую славу за свои правительственныя распоряженія.» (Annal. p. 809).

(і) Богословскіе и философскіе уроки Герасима Влаха сохран. въ рукоп. М. Д. Академіи подъ N N 276, 298, 303.

9 лѣтъ учились въ Падуѣ, въ Коттоніанской Академіи, гдѣ слушали уроки у іеромонаха Арсенія Каллуди и гдѣ получили докторскіе дипломы. Въ 1670 году возвратились въ Кефалонію и посвящены въ іерейскій санъ Архіепископомъ Кефалонійскимъ Пансіемъ. Скоро Іоаннъ овдовѣлъ и постриженъ въ монашество (подъ именемъ Іоанникія). Парѣней Патріархъ александрійскій назначилъ его намѣстникомъ епархіи кефалонійской, а Пансій поручилъ ему начальство надъ училищами Ликсурія и Аргастолія, городовъ кефалонійскихъ. Спиридонъ постригся еще прежде своего брата и принялъ имя Софронія (к); и ему также поручено училище въ городъ св. Георгія. Спустя нѣсколько времени Софроній по вызову Митрополита Варѣоломея пріѣхалъ въ Навпакту и Арту, училъ тамъ философію и проповѣдывалъ слово Божіе; но по случаю голода удалился отсюда въ Македонію и Фессалію, и здѣсь въ продолженіи четырехъ лѣтъ ревностно исполнялъ должность учителя и проповѣдника. Въ 1680 году онъ возвратился въ Кефалонію, и два года училъ здѣсь и проповѣдывалъ. Въ 1683 году въ Мартъ мѣсяць оба брата отправились на венеціанскомъ кораблѣ (*Dragonvolante*) въ Константинополь, и здѣсь выдержавъ испытаніе въ ученіи и православіи, по порученію Патріарха Діонисія, въ-продолженіе пяти мѣсяцевъ неоднократно говорили поученія въ кафедральной церкви въ присутствіи всѣхъ духовныхъ властей.

(к) Рукоп. Главн. Арх. Минист. иностр. дѣлъ N 8. Оба брата принадлежали къ братству монастыря Панагія Іерія близъ Венеціи. «Породою они гречане, жители города Кефалоніи, монастыря Преч. Богородицы Панагія Іерія; а тотъ монастырь близъ Венеціи».

Охотно принявъ предложеніе ѣхать въ Россію, Лихуды 3 Июля того-же 1683 года оставили Константинополь, получивъ отъ Патріарховъ Восточныхъ грамоту, свидѣтельствующую о ихъ православіи и учености. Они ѣхали на Молдавію и Валахію; въ Валахіи пробыли 9 мѣсяцевъ по случаю войны австрійцевъ съ турками, въ которой участвовали крымцы и Господари молдавскій и валахскій (л). Послѣ того, какъ Визирь Кара Мустафа разбитъ былъ подъ Вьною, пріѣхалъ въ Валахію и Господарь Іоаннъ Сербанъ Кантакузпшъ, который принялъ Лихудовъ съ честью, и по его просьбѣ они во всю четырехдесятицу говорили проповѣди въ его церкви. Потомъ поѣхали въ Трансильванію съ грамотами Сербана къ Князю Трансильванскому Михаилу Анафи; здѣсь три мѣсяца провели они въ ученыхъ спорахъ съ профессорами тамошней Академіи о предметахъ вѣры и въ особенности о исхожденіи Св. Духа. Наконецъ, отпущены были въ Польшу, и 5 Августа 1684 года въ одномъ мѣстечкѣ Залуковѣи представлялись Королю Іоанну Собѣсскому, который позволилъ имъ ѣхать въ Россію. Но іезуиты вступили съ ними въ споръ и внушили Королю задержать ихъ въ Польшѣ. Король въ это время шелъ съ войскомъ подъ Хотинъ, и Лихуды должны были слѣдовать за нимъ въ обозѣ

(л) Рук. Главн. Моск. Арх. иностр. дѣлъ N 8 о выѣздахъ грековъ. Въ распросѣ Лихуды показали: «и въ волоской землѣ жили для безстрашія крымской орды, какъ шли изъ подъ Вьны, девять мѣсяцевъ». Разбитые крымцы, на возвратномъ пути въ орду, производили страшные грабежи и опустошенія. См. Hammer. *Histoire de l'Empire Ottoman*. 11.) и Мечеть духовный.

(м); въ то время, какъ Король воевалъ съ турками, Лихуды держали преніе съ іезуитами. Послѣ того (26 Окт.), они перешли во Львовъ и здѣсь имѣли состязаніе съ іезуитомъ Руткою. Наконецъ, въ Декабрѣ получили подорожную; но іезуиты опять ихъ задержали и уже въ Январѣ 1685 года они тайно ушли изъ предѣловъ Польши къ Кіеву, въ Межигорскій монастырь, отсюда чрезъ Нѣжинъ прибыли въ Батуринъ, гдѣ ласково приняты были Гетманомъ Іоанномъ Самойловичемъ, и получили отъ него грамоту къ Царямъ Іоанну и Петру. Въ Москву пріѣхали Лихуды 6 Марта 1685 года.

По пріѣздѣ Лихуды явились въ Государственный Посольскій Приказъ, гдѣ были допрошены о цѣли пріѣзда, и представили двѣ грамоты: одну отъ Восточныхъ Патріарховъ, другую отъ Гетмана Самойловича (п). Патріархи восхваляютъ Лихудовъ, какъ

(м) Рукоп. Арх. № 8. «А изъ волоской земли ѣхали на венгерскую землю, на Брашевъ городъ, да Бѣлгородъ, а изъ Бѣлгорода ѣхали на польскіе города на Застръ и на Львовъ, и во Львовъ ихъ задержали, изъ Львова же взяли ихъ къ Королевскому Величеству въ обозъ подъ жванецъ, и въ польскомъ обозѣ при Королѣ были они три мѣсяца; а для чего задержаны были, того они не вѣдаютъ. А какъ Королевское Величество пошелъ къ Дибстру, и ихъ Іоанникія и Софронія, давъ имъ проѣзжей листъ, отпустилъ по прежнему во Львовъ, и во Львовъ жили они три мѣсяца». Слпч. Мечецъ духовный.

(п) Рукоп. Арх. Министр. иностр. дѣлъ № 8. «Носице сію настоящую грамоту словесивѣише учителя и проповѣдники евангелія, и преподобнѣише іеромонахи и духовники Куръ Іоанникій Лихудій, и Куръ Софроній Лихудій, отчество имѣюще отъ славнаго сожительства кефалонійскаго, братія и тѣлесами и душами и ученіями, обучившеся во священномъ ученіи довольно, и обѣян бывше философскими и богословскими ученіи толико, яко и сплу имѣти до-

извѣстныхъ по православію и учености и просятъ воздавать имъ подобающую честь. Грамотъ собственно къ Царямъ и къ Патріарху московскому Патріархи не послали съ Лихудамъ, потому что

вольную и учениковъ научити и священное евангеліе проповѣдати благочестивымъ православно и благочестиво, искусство же не малое отъ писанія книгъ избраша, и отъсюду священными одобреніи священо преукрашени, поразумѣша въ себя изыти отъ своего отечества и преходити чуждыя страны, не токмо смотрѣнія ради, но и многократнаго умноженія еже въ нихъ учительнаго таланта и пользы христіанъ. Тѣмже и довольное время въ Царь-Градѣ пребывше и познавшеса, яко благія части суть и поборницы догматовъ и ученія Восточныя Апостольскія и Каѳолическія Церкви ни на кую страну уклоняющеса, по средній и царственный путь шествующе, чада искренная первообразныя Восточныя Церкви, скверности въ догматахъ отнюдь не имѣюще, чисти душами и догматами, чистая объявленія аки чрезъ зеркало ихъ дѣла и ученія, иже въ душахъ ихъ вважныя добродѣтели непорочныя нашея вѣры подающія, предваряющая къ симъ и благопослушную славу ихъ и увѣряющуюся, и слика чрезъ ихъ дѣла намъ увѣриша и подлежатъ очесамъ зрящимъ въ честномъ души состояніи и во одеянїи и чинѣ богопроповѣдниковъ мужей. Сего ради и предъ лице наше и предъ ликъ Преосвященныхъ Архіереевъ и премудрѣйшихъ клириковъ на священномъ амбонѣ священныя изложиша словеса христіаномъ. Искусствомъ же и временемъ и истязаніемъ доблественнымъ искушени сіяніи истинными православію ясно возсіяша и по подражательству священныхъ богопроповѣдниковъ Апостольскія слѣды послѣдовати подвигнушеса, и отъ царствующаго града изыдушіе, и въ чуждо земскія страны грядущіе, и закономъ древнимъ покаяющеса, свидѣтельствовавшую отъ насъ испросиша грамоту, дѣло зело нужное паче иного еже у насъ объявляющую, сирѣчь въ началѣ еще не явленную добродѣтель сихъ мужей, имъ же отъ перваго начала благое, яко благое разумѣется и постигнется, и оттуда должную честь воспріяли бы отъ тѣхъ, къ нимъ же принудить и отъидуть. Того ради пишемъ соборнѣ и свидѣствуемъ симъ настоящимъ

«опасались въ то военное время отнятія у нихъ отъ турковъ или отъ татаръ на дорогъ» (о). 9 Марта Цари Іоаннъ и Петръ съ Царевною Софіею выслушали докладъ о Лихудахъ, и они призваны были видѣть пресвѣтлыя Государскія очи и говорили рѣчи: одинъ на латинскомъ, другой на греческомъ языкъ (п). По приказу Царскому (14 Марта) они помѣщены на время въ Никольскомъ греческомъ монастырѣ, и назначено имъ жалованья по двѣ гривны на день, да «въ прїѣздъ» дано по шести рублей и по сороку соболей каждому (р). Вскорѣ Лихуды подали Царямъ

всѣмъ благочестивымъ сихъ вышереченныхъ учителей начальнымъ и подначальнымъ явнымъ ихъ и дальнимъ и ближнимъ поставляемъ и засвидѣтельствуемъ православіе державныхъ и добродѣтели и учительнаго дарованія, и довольны ко изданію ученій и священнаго евангелія православно проповѣданія и ко воспріятію помышленій приходящимъ къ нимъ исповѣданія ради христіанъ, и довольныхъ быти ко исправленію и разсужденію прегрѣшаю сотворившееся оными. Притомъ дали есмы волю, пѣже они будутъ съ ведомости и съ мѣста того церковно предстательствующу творити, яже суть священства, и дѣйствовати и слово Божіе явно проповѣдати въ церквахъ и покаянія христіанъ прїимати и разсмотрѣти съ разсужденіемъ и воспрїимати должную честь священнымъ и учителямъ отъ всѣхъ».

(о) Рукоп. Арх. Министерства иностр. дѣлъ № 8. лист. 32.

(п) Лист. 39 наоборот. Лихуды поднесли Царямъ два креста рѣзныхъ кипарисныхъ и жалованы были къ рукъ.

(р) Лист. 46. «193 года Марта въ 14 день Великіе Государи и сестра ихъ В. Г. Благовѣрная Царевна пожаловали греческихъ іеромонаховъ новопрїѣзжихъ Іоанникія и Софронія Лихудисевъ, велѣли имъ жить въ царствующемъ градѣ Москвѣ въ Николаевскомъ греческомъ монастырѣ и давать имъ своего В. Г. жалованья съ прїѣзду ихъ и впредъ до своего В. Г. указу по двѣ гривны монаху; дякону, который при нихъ племянникъ ихъ, по 10 денегъ на день изъ большой

челобитную, что помѣщеніе въ греческомъ монастырѣ для нихъ неудобно и просили переселить ихъ въ другое мѣсто и прибавить жалованья. Въ-слѣдствіе сего указомъ 21 Марта отведено имъ помѣщеніе въ Чудовъ монастырѣ, въ келліяхъ, «въ которыхъ жилъ Аѳанасій словенска писанія учитель», и вѣлно «давать имъ изъ монастырскихъ доходовъ пищу и питіе противъ четырехъ того монастыря братій, а жалованья изъ приказа большіе казны по 15 алтынъ на день» (с). Но Лихуды и здѣсь не нашли для себя удобнымъ помѣщеніе и подали опять Царямъ челобитную: тогда имъ вѣлно было (Марта 31) выстроить въ Богоявленскомъ монастырѣ на казенный счетъ особыя деревянные келліи, въ которыя въ томъ-же году они и переселились (г).

казны помѣсячно; да имъ же Иеромонахамъ указали В. Г. и сестра ихъ В. Г. Благовѣрная Царевна дать своего В. Г. жалованья изъ приказа на пріѣздъ денегъ по шести рублевъ, да по сороку соболей, по 50 рублевъ сорокъ, монаху дякону денегъ три рубли, пару соболей въ пять рублевъ, челядинкомъ ихъ тремъ челоукомъ денегъ по рублю, да по сукну англійскому челоуку, денги изъ большіе казны, соболи изъ Сибирскаго Приказу, сукна съ казеннаго двора, и отослать тѣхъ монаховъ ко святѣйшему Патріарху съ памятью.

(с) *ibid.* лист. 25.—Слич. другую рукопись Арх. Минист. иностр. дѣль. греч. дѣл. N. 37. 7202 года.

(г) Рукон. Арх. N. 37. Челобитная Лихудовъ. «И они Иеромонахи въ тѣхъ келльяхъ (въ Чуд. монастырѣ) жить не похотѣли и для того имъ и монастырскаго корму не даютъ, а живутъ они Иеромонахи въ новопостроенныхъ келльяхъ въ Богоявленскомъ монастырѣ, а монастырнаго корму имъ въ томъ монастырѣ не даютъ же.» Рукон. Арх. Мин. иностр. дѣль. N 8, лист. 28 на оборот. «въ прошломъ въ 193 году по ихъ В. Г. указу построены въ Богоявленскомъ монастырѣ изъ ихъ В. Г. казны греческимъ учителямъ деревянные келліи». Челобитная Богоявленскаго Архимандрита Никифора.

Какъ-скоро они устроились, — тотчасъ открыли учене. На первый разъ къ нимъ перевели изъ типографской школы пятерыхъ учениковъ: Алексѣя Барсова, Николая Семенова-Головина, Ѳедора Поликарпова, Ѳедота Аггѣева и Юсифа Аѳанасьева; къ нимъ присоединились чудовскій монахъ Іовъ и іеродіаконъ Богоявленскаго монастыря Памладій Роговъ. Всѣ они стали учиться греческому языку. Между-тѣмъ въ томъ-же году начали строить обширное зданіе для Академіи въ Заиконоспасскомъ монастырѣ на сумму (2000 руб.), завѣщанную для сей цѣли іеродіакономъ Мелетіемъ, тѣмъ самымъ, которому поручено было Патріархомъ Іоакимомъ писать къ Патріарху іерусалимскому о присылкѣ учителей. Возведенію зданія для Академіи весьма много содѣйствовалъ и деньгами и распоряженіями сильный въ то время при дворѣ Князь Василій Васильевичъ Голицынъ, котораго Лихуды называли своимъ «заступникомъ, защитителемъ, помощникомъ, покровомъ и прибѣжищемъ» (у), и который имѣлъ къ нимъ особенное расположеніе. На слѣдующій годъ (1686) зданіе было окончено: самъ Патріархъ съ соборомъ духовенства присутствовалъ

(у) Рукоп. Арх. Мин. иностр. дѣлъ. Дѣла венеціанскія N 4. Письма Іоаннікія и Софронія Лихудовъ къ Голицыну. лист. 184 наобор. 223 наобор.—Русск. Вѣстникъ 1841. N 10. стр. 141. Извѣстія о Москов. де ля Нѣвилля. «Онъ (Голицынъ) построилъ огромное зданіе для коллегіума, гдѣ опредѣлилъ содержать 20 греческихъ ученыхъ людей, съ множествомъ книгъ, приказавъ дворянамъ отдавать дѣтей своихъ учиться въ сіе заведеніе». Древ. Рос. вѣвліюв. XVII. стр. 210. «Голицынъ былъ и самъ ученъ: говорилъ греческимъ и латинскимъ языкомъ; бывшіе при немъ въ Москвѣ ученые люди его весьма почитали».

при открытіи его, и благословилъ перейти туда Лихудамъ съ учениками изъ Боголюбскаго монастыря. Туда же переведены и всѣ ученики изъ типографской школы; къ нимъ по указу Царей вскорѣ присоединены до 40 боярскихъ дѣтей и значительное число разночинцевъ. Открылся полный, но постепенный курсъ ученія на двухъ языкахъ: латинскомъ и греческомъ. Грамматику и Піитику Лихуды преподавали на греческомъ, а реторику, логику и физику на обоихъ языкахъ. Успѣхи учениковъ такъ были блистательны, что они въ три года изучили означенныя науки, могли говорить на обоихъ языкахъ и перевели нѣсколько книгъ на славянскій языкъ.

Но едва только первая сѣмена науки начали приносить плоды, какъ учителя подверглись тяжкимъ искушеніямъ. Еще до пріѣзда Лихудовъ въ Москву, начали распространяться въ народѣ неправильныя толки о таинствахъ Евхаристіи, принесенныя съ запада: нѣкоторые держались мнѣнія лютеранъ о значеніи хлѣба и вина въ Евхаристіи; другіе хотѣли принимать ученіе римскихъ католиковъ о времени пресуществленія хлѣба и вина въ Тѣло и Кровь Христову. Въ девятый день, по пріѣздѣ, Лихуды уже имѣли споръ о святой Евхаристіи съ полякомъ Бѣлободскимъ въ присутствіи Царей и придворныхъ. Бѣлободскій, написавшій трактатъ о *безразличіи Церквей*, не могъ устоять въ спорѣ съ православными греками, сбился при самомъ началѣ спора, и просилъ себѣ срока на недѣлю для приготовленія къ пренію, и наконецъ сознался, что онъ «не причастенъ Богословіи» (Ф). Но

(Ф) Акось Лихудовъ рукоп. принадлеж. Арх. Мин. иностр. дѣлъ, лист. 38 на оборот.

такое благопріятное окончаніе спора было только началомъ продолжительныхъ состязаній, и слабость Бѣлободскаго вызвала на защиту его многихъ. Во главѣ приверженцевъ римско-католическаго ученія о Евхаристіи стоялъ стронитель Законооеспасскаго монастыря іеромонахъ Сильвестръ Медвѣдевъ, по отзывамъ современниковъ, «чернецъ великаго ума и остроты ученой» (х). Сильвестръ, питавшій нерасположеніе къ Лихудамъ съ самого ихъ пріѣзда въ Москву, потерявъ надежду быть главою Академіи, сталъ жаловаться, что Лихуды захватили подъ школы землю, принадлежащую его монастырю, что они посягаютъ въ ученикахъ плевелы ересей, и подобными клеветами успѣлъ при дворѣ охладить расположеніе къ Лихудамъ. Сообщниками Сильвестра были іеромонахъ Савва Долгій, игумень Иннокентій Монастырскій, окольничій Ѳеодоръ Щегловитый, и еще нѣсколько духовныхъ и мірянъ (ц). Неправомыслящіе открыто высказывали свои мнѣнія въ книгахъ, пустили въ ходъ сочиненіе игумена Ѳеодосія Сафоновича: *выкладъ о Церкви святой*; Сильвестръ представилъ свои мысли въ сочиненіи, подъ названіемъ: *манна*. Они силлись доказывать, что хлѣбъ и вино пресуществляются въ Тѣло и Кровь Христовы при произнесеніи словъ Спасителя, выражающихъ установленіе Таинства: *примите, ядите, сіе есть тѣло Мое; пійте отъ нея вси, сія есть кровь Моя*, и не считали важными послѣдующія слова молитвы церковной, которою призывается на освящаемые дары благодать Св. Духа. Для опровер-

(х) Туманск. Записк. 1. 209.

(ц) Щитъ вѣры лист. 211.

женія сего мнѣнія Лихуды написали: *акошь или врачеваніе противопологаемое ядовитымъ угрызеніямъ зміевымъ*, и на основаніи многихъ свидѣтельствъ, взятыхъ изъ преданій Апостольскихъ и писаній Св. Отцевъ изложили православное ученіе о времени пресуществленія. Противъ Акоса Спльвестръ написалъ: *тетрадь на Іоанникія и Софронія Лихудовъ*, на которую Лихуды отвѣчали: *діалогами грека учителя къ нѣкому Іусупу*. Споръ зашелъ такъ далеко, что о высокихъ предметахъ Таинства даже простой народъ сталъ толковать на торжищахъ; для пресѣченія соблазна Патріархъ Іоакимъ писалъ посланія къ Митрополиту кіевскому Гедеону, къ черниговскому Архіепископу Лазарю Барановичу, такъ какъ ложныя мнѣнія первоначально возникли на югъ Россіи, и получилъ отъ нихъ удостовѣрительныя листы, которыми они соглашались съ православнымъ ученіемъ и отвергали заблужденіе папистовъ; вступилъ въ сношеніе съ Восточными Патріархами, которые и прислали въ Москву собраніе церковныхъ свидѣтельствъ, подтверждающихъ православное ученіе о таинствѣ Причащенія (ч). По окончаніи сихъ сношеній, въ 1689 году открытъ былъ въ Москвѣ Соборъ, который предаль анаѣмъ поборниковъ папистическаго мнѣнія о Евхаристіи, и опредѣлилъ предать сожженію ихъ сочиненія, въ томъ числѣ и *манну* Медвѣдева; самъ онъ назначенъ въ заточеніе. Но, узнавъ о рѣшеніи Собора, онъ бѣжалъ, былъ пойманъ, лишенъ иноческаго сана и посланъ на покаяніе въ Троицко-Сергіеву Лавру. Здѣсь

(ч) Вся исторія споровъ подробно изложена въ статьѣ Смыловскаго: «Братья Лихуды» въ журн. Мин. Нар. Просв. 1845 года.

въ Декабрѣ того-же года онъ написалъ покаянное исповѣданіе, каялся въ прежнихъ заблужденіяхъ и просилъ разрѣшенія. Соборъ (Генв. 1690) простилъ Медвѣдева, но въ слѣдующемъ году за участіе въ стрѣльцкомъ бунтѣ онъ былъ обезглавленъ (11 Февр. 1691).

Еще до окончанія споровъ о Евхаристіи одинъ изъ братьевъ Лихудовъ Іоанникій отпросился у Царей въ Венецію для устройства дѣлъ своего семейства. При отъездѣ въ Россію онъ оставилъ двоихъ сыновей (Николая и Анастасія) и дочь у одного изъ единоплеменниковъ, жившаго въ Венеціи, Константина Метаксы. Метакса въ 1687 году умеръ, и дѣти Іоанникія, оставшись безъ надзора, начали жить слишкомъ свободно. Въ Генварѣ 1688 года Іоанникій былъ отпущенъ въ Венецію съ обѣщаніемъ, что онъ въ томъ же году возвратится назадъ «совершати купно съ братомъ богоугодное и великолѣпнѣйшее дѣло ученія» (ш). По ходатайству Голицына, Іоанникій получилъ отъ Царей рекомендательную грамоту къ Дожу венеціанскому Марко Антоніо Джустиніани. Съ нимъ поѣхалъ ученикъ его Петръ Артемоновъ. Но въ Венеціи пробылъ Іоанникій болѣе трехъ лѣтъ; чрезъ Голицына выпросилъ себѣ у Царей титулъ и должность русскаго посланника при дворѣ Дожа, и отправлялъ эту должность при слѣдующемъ Дожѣ Франческо Морозини. Впрочемъ, во время пребыванія въ Венеціи, Іоанникій не оставлялъ и ученыхъ занятій, и въ 1689 году написалъ комментарий *in octo libros phisycorum*

(ш) Дѣло объ отпускѣ Іоан. въ рукоп. Арх. Мин. ин. дѣлъ. Венеціанскія дѣла № 4 лист. 154 и слѣд.

Аристотеля. Въ томъ-же году онъ отправилъ въ Москву обонхъ своихъ сыновей съ покупками, сделанными по порученію Царей въ Венеціи; самъ ѣздилъ въ Вѣну, получилъ отъ Цезаря римскаго въ награду его портретъ на золотой цѣпи; былъ потомъ въ Молдавіи и Валахіи, и, такъ-какъ въ это время Голлицынъ воевалъ съ крымцами, то Іоанникій, обольщенный надеждами на успѣхъ войны, предлагалъ Царямъ отъ имени поработенныхъ турками народовъ мысль возстановить греческую Имперію и освободить отъ ига турокъ земли славянскія (ш). Однакожь, при неудачахъ войны *нельзя было и думать о выполненіи сихъ замысловъ*, и Іоанникій вызванъ былъ въ Москву, куда прибылъ въ 1691 году, и за отправленіе посольства награжденъ прибавкою жалованья по 8 алтынъ, по 2 деньги на день. И по пріѣздѣ въ Москву онъ продолжалъ быть посредникомъ въ сношеніяхъ русскаго Двора съ вѣнскимъ и ломбардскимъ, велъ переписку съ переводчикомъ австрійскаго Двора Адамомъ Стиллею и сообщаемыя имъ извѣстія о политическихъ дѣлахъ форменно передавалъ въ Посольскій Приказъ. Дѣти Іоанникія выхлопотали себѣ въ Москвѣ титулъ Князей Булгарскихъ (въ 1692 году); тогда же, вѣроятно, и самихъ Лихудовъ «по свѣтлости ихъ рода Цари почтоша и утвердиша быти и именоватися и писатися Князьями Булгарскими» (ъ).

(ш) Ibid отписки Лихуда къ Царямъ въ 1688 и 9 годахъ.

(ъ) Меч. духовн. въ концѣ сказанія о воспитаніи и дѣяніи Лихудовъ. О Николаѣ и Анастасіѣ Лихудахъ въ рукоп. Арх. Мин. иностр. дѣлъ N 3 о вываздахъ въ Россію иностранцевъ лис. 514 на обор. и слѣд. 7200 году Февраля въ 7 день Великіе Государи Цари

Въ отсутствіе Іоаннікія ученіе въ Академіи продолжалъ братъ его Софроній, который успѣлъ прочитать въ это время реторику на греческомъ и латинскомъ языкахъ, и въ 1690 году началъ логику по системѣ Аристотеля, и потомъ хотѣлъ объяснить восемь книгъ того-же философа о физикѣ. Такъ какъ съ заточеніемъ Медвѣдева волненія и споры въ Москвѣ еще не утихли, то Софроній отъ своего имени и имени брата въ концѣ 1689 года издалъ на греческомъ языкѣ *мечецъ духовный*, состоящій изъ 20 разглагольствій между грекомъ и іезуитомъ; тутъ помѣщенъ весь споръ Лихудовъ съ Руткою и другими польскими іезуитами (ы). Мечецъ опровергаетъ ученіе римскихъ католиковъ о главенствѣ папы, о образѣ совершенія крещенія, объ опреснокахъ, о чистилищѣ, о свѣтѣ преображенія, о безбрачій духовенства, о исхожденіи Св. Духа и отъ Сына и проч. Тутъ же вставлено разглагольствіе и о времени пресуществленія. Лихуды не успѣли поднести перевода сего сочиненія Патріарху

и проч. пожаловали выѣзжихъ грековъ венецѣйскихъ жителей Николая и Анастасія Іоаннікіевыхъ дѣтей Лихудіевъ, велѣли принять ихъ въ свою В. Г. службу и писать ихъ въ указяхъ и въ спискахъ и во всякихъ дѣлахъ княжимъ именовъ, а по прозвищу Лихудіевымъ. Замѣчательнъ допросъ, почему въ Москвѣ Іоаннікій и Софроній подписывались Лихуды, а не Лихуды. Получивъ титулъ Князя одинъ изъ дѣтей Іоаннікія Николай сталъ въ бумагахъ писаться *Princeps magnus*, но подвергся допросу и запрещенію носить этотъ титулъ.

(ы) Мечецъ духовный въ рукоп. Моск. Дух. Акад. «Входъ разглагольствіемъ бывшимъ отъ Іоаннікія и Софронія, самобратій Лихудіевыхъ съ Руткомъ іезуитомъ и со иными нѣкими латинскаго догмата въ Польской землѣ». Въ заглавіи сказано, что Мечецъ духовный изданъ въ Москвѣ при патріаршествѣ Іоакима въ лѣто 1690, и что переведенъ на славянскій языкъ при Патріархѣ Адріанѣ.

Іоакиму: въ Мартѣ 1690 года Патріархъ скончался. При вступленіи Адріана на престолъ патріаршій, ученики Академіи привѣтствовали его «срадовательнымъ словомъ»; говоря о смерти Іоакима и возведеніи на престолъ Адріана, они сравнивали себя съ птицами, которыя въ ненастную погоду скрываются въ гнѣздахъ, а при осіяніи солнца «на воздухъ показуются»; далѣе говорятъ, что хотя возрастъ ихъ и не позволяетъ имъ «явиться къ высочайшему подлежащему блаженства его», однако у нихъ есть «жалю, да явится въ міръ». Рѣчь заключается изъясненіемъ радости о новомъ покровителѣ Академіи: «срадуемся напоследокъ обще со вмѣстимымъ лицемъ о мѣстѣ и съ мѣстомъ о вмѣстимомъ... радуется и нашъ языкъ, и праведно, зане аще еврейскій языкъ превозносится, нбо имъ Богъ Адаму глагола и Божественное Писаніе написася; аще еллинскій языкъ славится, нбо имъ прекрасншія науки и художества написася; точнѣ можетъ и нашъ славенскій языкъ хвалитися нынѣ, зане имъ прославляется святѣйшее подлежащее блаженства твоего» (ѡ). Языкъ показываетъ, что ученики прослушали уже Риторику.

Новый Патріархъ, казалось, не могъ замѣнить для Академіи Іоакима, о которомъ питомцы «велиій дождь слезъ на землю пролили, яко сирѣи отъ отца оставшеся». Ученикъ Лихудовъ Поликарповъ говоритъ, что друзья и родственники Медвѣдева, воспользовавшись легковѣріемъ незлобиваго Патріарха, оклеветали предъ нимъ Лихудовъ, и что Патріархъ вслѣд-

(ѡ) Древн. Росс. вивлиоѳ. Том. VIII. стр. 357 и слѣд.

ствіе сего отрѣшили ихъ отъ должностей и выслали изъ Москвы. Но вѣрять Поликарпову въ этомъ случаѣ нельзя; какъ горячій приверженецъ своихъ наставниковъ, онъ хотѣлъ закрыть истинную причину немилости къ нимъ Патріарха и выставилъ причину слишкомъ маловажную. Приверженцы Сильвестра послѣ того, какъ онъ погибъ смертію уголовного преступника, не могли уже дѣйствовать оружіемъ Сильвестра, не могли имѣть силы при Дворѣ и у Патріарха: извѣстно, что Адріанъ вовсе не былъ расположенъ къ Сильвестровой партіи, онъ докончилъ пораженіе, нанесенное ей Лихудами и умиротворилъ Церковь, взволнованную спорами о Евхаристіи. Притомъ, мы знаемъ, что Лихуды были при Академіи въ 1694 году; это значитъ, что клеветы друзей Медвѣдева, начавшіяся, по словамъ Поликарпова, тотчасъ послѣ смерти Іоакима, если онъ и были, не имѣли на Лихудовъ никакого вліянія. Самъ Поликарповъ далѣе намекаетъ, что Лихуды отрѣшены отъ Академіи вовсе не по клеветамъ, а что въ чемъ-то они были виновны: «и праведникъ бо не безъ порока». Въ этомъ краткомъ, ненамѣренномъ, можетъ быть, замѣчаніи сказано многое. Письмо Патріарха іерусалимскаго Досифея къ Царямъ Іоанну и Петру (отъ 10 Авг. 1693 года) разрѣшаетъ вопросъ о удаленіи Лихудовъ изъ Академіи. Въ 1691 году отъ 29 Апр. Досифеи писалъ къ Лихудамъ съ племянникомъ своимъ Архимандритомъ Хрисанеомъ и писалъ благосклонно: называлъ ихъ мудрѣйшими учителями, восхвалялъ древною славу ихъ рода, изъявлялъ радость о успѣхахъ, какіе они оказываютъ въ Академіи. Въ заключеніе Патріархъ просилъ

Лихудовъ вспомошествовать Хрисанѣу, если онъ чего потребуеть въ пользу Гроба Господня (ѳ). Въ Ноябрь Хрисанѣъ явился въ Москвѣ и остался весьма недоволенъ приѣмомъ, какой ему сдѣлали Лихуды. Онъ жаловался на нихъ Патріарху московскому и, возвратясь въ Молдавію, гдѣ былъ тогда Доспеей, неблагопріятно отозвался о Учителяхъ московскихъ. Разгнѣванный Патріархъ послалъ въ Москву три письма: къ Лихудамъ (отъ 15 Іюля 1693 года) къ Царямъ и Патріарху (отъ 10 Августа того-же года). Къ Лихудамъ онъ писалъ совершенно не въ томъ тонѣ, какъ писалъ къ нимъ за два года: упрекалъ ихъ за непринятіе Хрисанѣа, за то, что они приняли участіе въ судьбѣ изверженнаго епископа грека Акакія, который «въ Вънѣ Кардиналу исповѣ-

(ѳ) Письмо Доспеея при Мечтѣ духовномъ. Доспеей милостію Божію Патріархъ св. града Іерусалима и всея Палестины.

Словеснѣйшій и мудрѣйшій іеромонахъ духовнѣйшій учитель куръ Іоанникіе и куръ Софроніе Лихудин, чада о Господѣ возлюбленная! Нашея мѣрности благодать и миръ и милость да будетъ вамъ отъ Бога, и отъ пресвятаго Гроба помощь и посѣщеніе, отъ насъ же молитва, благословеніе и прощеніе. Радумся о древней рода вашего славы, юже онамо боговънчаннѣйшими и державнѣйшими святыми Цари вы возвасте, радумся и о предсупнѣй, еже вами Господь сотвори и творить въ томъ-же православномъ родѣ, и молимъ самого Бога, да и отнынѣ превозпосылаеть сіе дѣло ваше отъ силы въ силу и свѣпоставитъ въ величайшее, еже по Христъ, совершество. А еже при насъ, да увѣдите отъ настоящаго, ему же и спомоществуйте, о нхже аще въ чесомъ востребуеть, или о животворящемъ Гробѣ или о какихъ случившихся Каѳолическѣй Церкви, да многа будетъ мзда ваша на небесѣхъ. Во Угровлахіи, сирѣчь въ волоской землѣ АѪХУЧА Апрѣля въ кѳ.

да папезство и общася возвратися иди въ Римъ»; наконецъ, Патріархъ грозилъ Лихудамъ отлученіемъ отъ Церкви (э). Въ письмѣ къ Царямъ Патріархъ представляетъ много обвиненій противъ Лихудовъ, но въ нѣкоторыхъ пунктахъ видны ясныя слѣды клеветы: въ прежнемъ письмѣ своемъ онъ восхваляетъ древною славу ихъ рода; теперь всѣми силами старается доказать, что они вовсе не благороднаго происхожденія, что они изъ низкаго званія (мужики), что ихъ родители питались и жили заступомъ и пашнею, что они солгали Царямъ, назвавшись князьями, и этотъ титулъ носятъ незаконно. Любопытно еще, что Патріархъ извращаетъ ихъ фамилію, называетъ ихъ, вмѣсто Лихудовъ, Лихудіями и производитъ это слово отъ *Λύκος* волкъ, тогда-какъ въ свѣдѣтельствующей грамотѣ Патріарховъ Восточныхъ и въ прежнемъ письмѣ Доснѣея они именовались и писались Лихудіями (*Λιχέδοι*); вѣроятно, Хрисановъ пересказалъ Патріарху слѣдственное дѣло о княжескомъ родѣ Лихудовъ, начатое по челобитной дѣтей Іоанникія и окончившееся утвержденіемъ Лихудовъ въ княжескомъ достоинствѣ, въ Февраль 1692 года. Слѣдуетъ замѣтить, что сами Учители, проживъ въ Москвѣ 7 лѣтъ, и не думали хлопотать о княжескомъ титулѣ и не имѣли ни нужды, ни права хлопотать о немъ, какъ отрекшіеся отъ міра, и получивъ его никогда не подписывались князьями. Дѣло о титулѣ начали и кончили дѣти Іоанникія, собственно для

(э) Сборн. грам. власт. греч. къ Царямъ и Патріарх. російск. съ 1689—1697. Рукоп. Синод. Библ. N 19.

себя; потому, упрекъ въ присвоеніи княжескаго достоинства монахами не совсѣмъ заслуженный. Далѣе Патріархъ укоряетъ Лихудовъ, что они совсѣмъ не занимаютъ дѣломъ ученія, что старшій Іоанникій оставилъ школу и ѣздилъ въ Венецію торговать на деньги Мелетія, которыя завѣщаны не для Академіи, а въ пользу св. Гроба, будто онъ проторговался и впалъ въ великое безчестіе. Но официальные царскія грамоты показываютъ, что Іоанникій ѣздилъ въ Венецію не для торговли, и что ему поручена была Царями должность посланника, за отправленіе которой онъ послѣ получилъ награду; если онъ и покупалъ что въ Венеціи, то по порученію Царей и для ихъ Двора, именно, парчу и краски (ю). Что касается до денегъ Мелетія, употребленныхъ будто Іоанникіемъ для торговыхъ оборотовъ,—то извѣстно, что эти деньги уже истрачены были для постройки Академическихъ зданій. Досиѣей возстасть еще на Лихудовъ за то, что они, получивъ отъ Патріарховъ приказаніе учить одному греческому языку, стали учить и латинскому и, вмѣсто того, чтобы преподавать грамматику, «забавляются около физики и философіи», отъ этого не вышло изъ ихъ школы ни-

(ю) Въ 1689 году Василій Голыцынъ писалъ къ Императору австрійскому Леопольду между прочимъ: «по указу Великихъ Государей посланъ въ Венецію іеромонахъ Іоанникій Лихудія для нѣкоторыхъ тамъ купецкихъ потребъ, годныхъ про самихъ ихъ Царскаго Пресвѣтлаго Величества, которому тамъ и посланничество новозбранному Князю и Сенату Венеційскому въ надлежащихъ дѣлахъ отправить наказано.» Рук. Арх. Мин. ин. д. Дѣла Венеч. N 4. Лист. 226.

одного учителя, да и ученики ничего не знают. И это обличеніе ослабляется тѣмъ, что обученіе латинскому языку предписано въ проэктъ Академическаго образованія: записки уроковъ, составленныя Лихудами, свидѣтельствуютъ, что они съ великою ревностію проходили постепенный курсъ ученія, начиная съ грамматики; изъ школы ихъ вышли достойные наставники, которые со славою послѣ проходили служеніе при Академіи. Наконецъ, Патріархъ винитъ Лихудовъ въ томъ, что они величаютъ себя первыми изъ грековъ на Москвѣ, что ведутъ себя слишкомъ гордо съ пріѣзжими греками, что взяли на себя обязанность представлять Царямъ отзывы о пріѣзжающихъ (я). Если что особенно вѣрно въ числѣ обвиненій, то это упрекъ въ корыстолобіи, отъ котораго дѣйствительно не были свободны Лихуды: къ тому же они не хотѣли дѣлиться съ пріѣзжавшими въ Москву ихъ единоплеменниками, и даже отказывались дѣлать пожертвованія священныя. Это и могло быть главною причиною неудовольствія греческихъ властей на Лихудовъ. Въ письмѣ къ Адріану Досноей пишеть, что неблагопріятныя извѣстія о Лихудахъ онъ получилъ отъ своего архимандрита Исаи и отъ многихъ другихъ, и проситъ принять противъ нихъ строгія мѣры (ѳ).

(я) Письмо Досноея къ Царямъ напечатано въ собр. запис. Туманск. часть X. 107—122.

(ѳ) Письмо это въ сборникѣ грамотъ власт. греч. къ Царямъ и Патр. росс. рукоп. Свод. Библ. подъ N IV грам. N 17. листъ 60. «Убо и учителя обличи, запрети, да уцѣлomuдятся, спрьчь не торговали бы, князьями не называлися бы ни они сами, ни дѣти

Письма Патріарха, написанныя такъ рѣзко и повидному такъ удостовѣрительно, не могли остаться безъ дѣйствія, тѣмъ болѣе, что въ это время сильныя покровители Лихудовъ — Царевна Софія и Князь Василій Голыцынъ лишились вліянія на дѣла государственныя: первая заключена въ монастырь, послѣдній сосланъ въ ссылку. Патріархъ Адріанъ, вѣроятно, еще въ Москвѣ принялъ жалобы Хрисанѳа, оказалъ ему расположеніе и вспомошествовалъ ему (γ). Получивъ письмо Патріарха и прочитавъ большое посланіе его-же къ Царямъ, Адріанъ долженъ былъ исполнить его требованія, но не хотѣлъ и не могъ поступить съ Лихудами слишкомъ строго; потому что за нихъ много говорила свидѣтельствованная грамота, подписанная Патріархами, потому что обвиненія касались главнымъ образомъ не дѣла ученія, потому что польза, принесенная ими Академіи, была для всѣхъ очевидна. Исполняя, однако, требованія Досиѳея, Патріархъ отрѣшилъ Лихудовъ отъ должности наставниковъ и высмалъ изъ Академіи въ типографію, гдѣ начали они учить желающихъ обучаться итальянскому языку. Это было во второй

ихъ, понеже случаемъ убогіе люди и ремесленные и непородные и они сами и родители ихъ и прадѣды ихъ. О школь подобаетъ прилѣжати, латинскаго же ученія весьма не показовати, яко ходатая великихъ злыхъ, и наконецъ, себе самихъ знати учителя токмо школы, а не иныхъ дѣлъ, и аще случится церковное дѣло, глаголати имъ Вашимъ повелѣніемъ, а не примати имъ лица судій.»

(γ) Ibid. Письмо Досиѳея къ Адріану отъ 1693 г. N 16. «Благодарствуюсь за страннлюбіе и приснабдѣніе, сже благое ване прозволѣніе явилъ еси нашему Архимандриту».

половинѣ 1694 года (а). Между-тѣмъ ученіе въ Академіи, по удаленіи Лихудовъ, не прекращалось.

(а) Рук. Арх. М. И. Д. Греч. дѣла N 37, 7202 (1694) Авг. 3. Челобитые Лихудовъ о прибавкѣ жалованья. Пренія извѣстія, основанныя на краткомъ свидѣтельствѣ Поликарпова, будто Лихуды еще въ 1690 году заключены въ Новоспасскомъ монастырь и потомъ сосланы въ Ипатьевскій, невѣрны (Словарь Евгенія и истор. іерархіи). Хрисановъ въ письмѣ къ Адріану отъ 20 Мая 1694 г. самъ напрашивается прислать въ Москву другихъ учителей, хотя Лихуды еще не были уволены изъ Академіи. Въ это время хотѣли печатать въ Москвѣ греческія и латинскія азбуки, и Хрисановъ предлагалъ прислать къ Патріарху справщика, который бы могъ быть и учителемъ. «Николай Спафарій писалъ ко мнѣ, что азбуки греческія и латинскія готовы... и ко книгамъ нужда есть до справщика, понеже трудъ надъ ними великій; сего ради да благоволятъ Ваше Святѣйшество прислати ко мнѣ писаніе, и по тому писанію пришесть отъ насъ не мѣшкая челоувѣкъ искусный и довольно испытанный во всемъ и въ наукахъ совершенный, и дондеже книги будутъ исправлятися и печататися, той же челоувѣкъ и первымъ ученикомъ можетъ удобно и философію показати, и единъ челоувѣкъ, и во одно время и за единымъ жалованьемъ, и книги справятся, и ученики совершенны въ наукахъ будутъ, и впредь отъ иноземцевъ ничего не востребуете. А дондеже пришесть отъ насъ таковой челоувѣкъ, можетъ учти послѣднихъ (т. е. вновь поступающихъ) учениковъ Николай (Семеновъ) и Федоръ (Поликарповъ) до философіи.» Письмо послано изъ Батурина (Сборн. пис. въ Синод. Библ. N 20.). Изъ письма его-же отъ 24 Октября того-же года видно, что Лихуды уже не служили въ Академіи: «если сіи проклятіи волцы (λίχοι—Лихуды) избавятся, сже не буди, въ школу бы пакы не входили за то, что злыи всегда золь и добра отъ него не будетъ. И еще молю, чтобы школа не праздна была, но чтобы преждедеченніи ученицы ученіе давали, сколько сами приими. И доволенъ есть рабъ Вашъ Николай таковое дѣло управляти. Дай Боже и другимъ толко научиться, елико словесность его знаетъ. И аще о иныхъ учителяхъ сомнѣваетсяя, благоволите спросить Николая Спафарія, яко ученаго челоувѣка и правдиваго.» Ibid. N 23,

Мѣста ихъ заняли ученики ихъ Николай Семеновъ и Ѳеодоръ Поликарповъ, которые пять лѣтъ съ половиною (1694—1699) преподавали грамматику, шитику и реторику на одномъ греческомъ языкѣ; латинскій языкъ, по настоятельному требованію Патріарха іерусалимскаго, изгнанъ изъ Академіи; философіи и богословіи они не преподавали, потому что имъ самимъ еще не успѣли преподавать сихъ наукъ Лихуды. Въ 1699 году и эти учителя оставили Академію по собственному желанію и поступили въ типографію въ справщики; ихъ мѣсто занялъ ученикъ же Лихудовъ Чудовскій монахъ Іовъ, который только нѣсколько мѣсяцевъ училъ въ Академіи. Адрианъ просилъ учителей у Патріарха іерусалимскаго; тотъ обѣщалъ, но не присылалъ «труднаго ради времени», потому что въ это время была война между Австріею и Турціей. Еще въ 1696 году Досноей писалъ Адриану: «учителя и справщика не посылаемъ досель; ибо теперь такое время, что не только писать къ вамъ или послать человека, но даже имя ваше произнестъ значитъ заслужить смертную казнь» (б). Послѣ неоднократныхъ просьбъ изъ Москвы, Досноей въ 1698 году отвѣчалъ тѣмъ-же, именно, что надобно переждать опасное время, и рекомендовалъ Адриану родоскаго грека Панагіота и еще іеромонаха Діонисія, учившагося въ Венеціи, Падуѣ, Римѣ, въ Англіи и Голландіи, отлично знавшаго греческій и латинскій языки, философію и богословіе. Дѣло стало за тѣмъ, что этотъ Діонисій дождался свидѣтельствовавшей

(б) Сборн. Синод. библи. писемъ. N 24.

грамоты изъ Царя града (в). Однакожь, въ Москву Дюписій не явился. Въместо его въ 1699 году возвратился изъ путешествія за границу іеромонахъ Палладій Роговскій, тотъ самый, который учился у Лихудовъ еще въ школь Богоявленскаго монастыря. Онъ сдѣланъ первымъ ректоромъ Академіи.

Обстоятельство, что Лихуды не были удалены изъ Москвы, оскорбило Доснѣея и Хрисанѣа, и они представили на нихъ новое обвиненіе, будто они пишутъ въ Константинополь, что Хрисанѣо посланъ былъ къ Москвѣ съ порученіемъ возбудить русскаго Царя къ войнѣ съ турками. Вслѣдствіе сего Доснѣей просилъ выслать Лихудовъ изъ столицы (г). На это Патріархъ московскій отвѣчалъ довольно уклончиво, что Лихуды принесли уже пользу Академіи и теперь принялись за другое дѣло, стали учить италіянскому языку. Что-жь намъ съ ними дѣлать? спрашиваетъ Адріанъ; они пришли отъ васъ, съ вашими свидѣтельствами, что они мудры и во всемъ совершенны; здѣсь оказали имъ честь и обогатили, но вамъ же на бѣду (д).

(в) Ibid. письм. Доснѣея отъ 28 Марта 1698 года N 30.

(г) Рукоп. Синод. Библ. Письмо Хрисанѣа къ Адріану изъ Валахій отъ 8 Юля 1696 года. Сначала Хрисанѣо говоритъ объ Епископѣ Акакіи, будто онъ писалъ къ французскому Резиденту въ Константинополь, что Хрисанѣо посланъ былъ въ Москву для возбужденія Царя къ войнѣ съ турками. Далѣе: «еще же и Учители, обрѣтающіися при васъ, не престають содѣяти тажежде чрезъ многія средства, но спасаются; тѣмже просить Блаженнѣйшій мой Владыко о учителяхъ, дабы изволилъ ты сослать ихъ въ дальное нѣкое мѣсто, зане въ таковомъ времени могутъ происходатайствовать намъ всякъ великое бѣдство».

(д) Ibid. N 28. Письмо Адріана отъ 20 Февр. 1697 года.

Судьба Акакія, въ которомъ принимали участіе Лихуды, была рѣшена : Патріархъ Адріанъ поручалъ Николаю Семенову Головину отобрать у Лихудовъ свидѣнія объ этомъ Епископъ (е), и Акакія сослали въ дальній монастырь, а Лихуды остались въ Москвѣ. Увольненіе ихъ отъ должности наставниковъ Академическихкихъ не лишило ихъ уваженія при Дворѣ : въ важныхъ случаяхъ они выступали на поприще общественной дѣятельности, прославляли подвиги Царей, оплакивали потери Государства. Это видно изъ ихъ рѣчей на торжественные случаи : Іоаннскій въ 1694 году написалъ надгробное слово Царицѣ Наталіи Кириловнѣ, въ 1696 году—похвальное слово блаженной памяти Царю Іоанну Алексіевичу; въ 1697 году—тріумфъ Царя Петра I надъ Азовомъ; въ 1698 — похвальное слово Петру по возвращеніи его изъ Голландіи. Царь Петръ, быстро проникавшій таланты людей, желалъ и умѣлъ отсюду извлечь пользу для образованія своего народа. Въ то время (въ 1697 году) подтвержденъ наступательный союзъ Россіи съ Венеціею противъ турокъ; поэтому, нужно было имѣть постоянныя сношенія съ Дожемъ и сенатомъ ломбардскимъ, когда движенія Порты всемъ были очевидны. Для облегченія сихъ сношеній Петръ считалъ весьма важнымъ, чтобы лучшія фамиліи узнали языкъ итальянскій, тѣмъ болѣе, что въ Венеціи не было переводчика съ русскаго языка (ж).

(е) Рукоп. Арх. Мин. И. Д. Греч. дѣл. связк. 74. N 14 годъ 7204).

(ж) Рукоп. Арх. Мин. Ин. Д. Дѣл. Венец. N 4. л. 185 на обор. Письмо Іоаннскія Лихуда къ Голицыну въ 1689 г. «и они (члены

Лихуды частнымъ образомъ учили желающихъ латинскому и итальянскому языку. Петръ обратилъ на это вниманіе, назначилъ имъ казенное жалованье и выдалъ указъ, чтобы бояре и другихъ чиновъ люди отдавали дѣтей своихъ къ Лихудамъ учиться итальянскому языку. Такимъ образомъ, въ Маѣ 1697 года у Лихудовъ набралось 55 учениковъ и многіе дѣти изъ знатныхъ фамилій (з). Это подтверждаетъ секретарь австрійскаго посольства Корбъ, бывший въ Москвѣ въ 1698 году (и).

Но къ жалобамъ на Лихудовъ присоединились новыя: въ Октябрѣ 1697 года пріѣхалъ въ Валахію къ Патріарху іерусалимскому родосскій грекъ Панагіотъ съ жалобою на Лихудовъ; это былъ клирикъ, рукоположенный въ чтецы родосскимъ Митрополитомъ Парөніемъ. Ему хотѣлось занять учительскую

Сената) говорили, что не имѣють переводчика русскаго языка, и всегда ихъ царское Величество къ нимъ латинскимъ языкомъ пишуть».

(з) Въ стар. Государ. Моск. Арх. хранится списокъ учившихся у Лихудовъ итальянскому языку въ 1697 году: «въ нынѣшнемъ 205 году Мая съ 15 числа по указу В. Г. Царя и В. К. Петра Алексіевича вся великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца и по росписи боярскимъ и иныхъ чиновъ дѣтемъ вельно учитися итальянскому языку у учителей грековъ у Оанникія и Софронія Лихудіевыхъ 55 человекамъ». Въ списокъ упоминаются между прочими дѣти князя Прозоровскаго, боярина Волинскаго, князя Хованскаго, князя Хилкова, князя Черкаскаго, Салтыкова, дѣти столяниковъ, дьяковъ и кущевъ.

(и) *Diarium itiner. in Moscov. descript. a Korb. Vienn. 1700 p. 205. in eadem domo, in qua typographia erecta est, aliquot Graeci Sacerdotes Tzareis sumptibus aluntur, qui linguam italicam volentes docent*».

каедру въ московской Академіи; можетъ быть, это было поводомъ къ неудовольствію противъ Лихудовъ; Панагіотъ просилъ себѣ у Досіея свидѣтельствова- ной грамоты, но Патріархъ, ошибшись, какъ ему казалось, въ Лихудахъ, опасаясь въ другой разъ подвергнуться нареканію въ Москвѣ за свои рекомен- дательныя письма, и отказалъ Панагіоту въ грамотѣ. Въ то же время онъ писалъ Адріану о Лихудахъ : «Мы слышали, что нѣкоторые, покровительствуя Учите- лямъ, говорятъ, что я писалъ прежде и хвалилъ ихъ, за чѣмъ же теперь порицаю ихъ? Но говорить такъ—неблагоразумно. Христось сердцеѣдѣць из- бралъ Іуду и сдѣлалъ его Апостоломъ, какъ добраго; а когда онъ сталъ золь,—отринулъ его. Св. Григорій Богословъ столько лѣтъ уважалъ цинника Максима, какъ честнаго; а когда онъ оказался дурнымъ челове- комъ,—онъ отринулъ его, такъ что второй Вселенскій Соборъ запретилъ того Максима именоватъ христіани- номъ. Такъ и намъ Учители показались на видъ смиренныи, и мы думали, что у нихъ сердце доброе, а они оказались послѣ злыми и лукавыми; и мы пи- сали о ихъ злобѣ и лукавствѣ, которое вы и сами видѣли, и не было нужды писать объ этомъ много грамотъ, но слѣдовало бы вамъ послѣ первой же грамоты сослать ихъ куда-нибудь дальше, чтобъ они не оставались въ Москвѣ и не писали, что имъ вздумается; они смириться не умѣютъ и пишутъ сюда всякую ложь, отъ чего можетъ произойдти зло (і).

(і) Сборн. Синод. Библ. письмо N 29 отъ 6 Марта 1698 г. изъ Бухареста.

Такія письма Патріарха, наконецъ, возымѣли свою силу. Всего болѣе, конечно, имѣла важности жалоба, что Лихуды стали принимать участіе въ политическихъ дѣлахъ и писать въ Константинополь о современномъ положеніи дѣлъ Государства. Патріархъ Адріанъ, конечно, долженъ былъ довести это до свѣдѣнія Царя; и Лихудовъ поселили въ Новоспасскомъ монастырѣ, а въ 1701 или 2 году сослали въ костромскій Ипатьевскій монастырь (к).

Въ Ипатьевскомъ монастырѣ Лихуды жили до 1706 года и тамъ не оставались безъ дѣла; они занимались въ это время обширнымъ полемическимъ сочиненіемъ противъ лютеранъ и кальвинистовъ; намъ извѣстна еще пространная греческая грамматика, оконченная ими въ 1705 году; конецъ предисловія показываетъ, что они пребывали въ то время въ монастырѣ. Поликарповъ свидѣтельствуетъ, что они жили тамъ «въ напастехъ». Но потребность науки, болѣе и болѣе ощущаемая на Руси, скоро вызвала ихъ изъ уединенія. Митрополитъ новгородскій Іовъ, вознамѣрившись завести у себя училища, призналъ нужнымъ обратиться для сей цѣли къ Лихудамъ и съ позволенія Государя вызвалъ ихъ изъ Ипатскаго монастыря и при ихъ содѣйствіи учредилъ въ Новгородѣ училище Словено-греко-латинское. Въ помощь имъ и

(к) Греч. дѣла въ Арх. М. И. Д. св. 78 № 2 годъ 7208 (1700); челобитная Лихудовъ о возвращеніи имъ изъ Посольскаго Приказа ихъ книгъ, взятыхъ для справокъ о ихъ фамиліи. См. Полн. изв. объ Акад. стр. 301. Въ 1701 г. въ пятую недѣлю великаго поста Іоаннскій говорилъ проповѣдь въ Заиконоспасскомъ монастырѣ; слѣд. свобода Лихудовъ, когда они жили въ Москвѣ, не была стѣснена.

для перевода книгъ Митрополитъ вызвалъ изъ Москвы некоторыхъ изъ ихъ учениковъ и между прочимъ Каріона Истомпна. Теперь ожила дѣятельность наставниковъ: въ продолженіе шести лѣтъ ученики выслушали у нихъ грамматику, піитику, реторику и часть логики; наставники перевели много книгъ съ греческаго и латинскаго языка, и въ первый же годъ своего пребыванія въ Новгородѣ кончили свое сочиненіе, вышедшее подъ заглавіемъ: обличеніе ересей Лютера и Кальвина (л). При содѣйствіи Лихудовъ ревностный Архидіаконъ распространилъ просвѣщеніе по всей Епархіи: въ городахъ, принадлежащихъ къ Новгородской епархіи открыто до 14 грамматическихъ школъ. Въ Декабрѣ 1708 года Софроній посланъ былъ Митрополитомъ въ Москву съ порученіемъ пріобрѣсть типографскіе станки для предполагаемаго учрежденія типографіи въ Новгородѣ: мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола Стефанъ Яворскій удержалъ его въ Москвѣ и приказалъ преподавать греческій языкъ въ школъ, открытой на Казацкомъ подворьѣ. Послѣ смерти Митрополита Іова въ Февр. 1716 года вызванъ въ Москву указомъ Петра I и Іоаннскій, и поселился вмѣстѣ съ братомъ. Но старость и долговременные труды скоро приблизили его ко гробу: онъ скончался 7 Августа 1717 года 84 лѣтъ отъ рожденія и погребенъ въ нижней

(л) Ἀποφανέωσις καὶ ἔλεγχος ἐρεσιῶν Λυτέρου καὶ Καλβίνου ἀπὸ τῶν διδασκάλων Ἰουαννίσκου καὶ Σωφρονίου (Рукоп. М. Д. А. N 275.). Въ концѣ посвященія книги 4-мъ Вселенскимъ Патріархамъ выставленъ 1706 г. Сент. 8. ἐν τῇ μεγαλοπόλει Νοβογροδία.

церкви Законоспасскаго монастыря, близъ «любезнаго ему училища». Время еще не стерло съ его надгробнаго камня трогательной эпитафiи, написанной ему братомъ на греческомъ и славянскомъ языкахъ (м). Софронiо выпалъ жребiй быть опять наставникомъ въ Академiи.

(м) Надпись см. въ словар. М. Евгенiя, Иоанникiй.



НАЧАЛО МОНАШЕСТВА ВЪ РОССИИ.

СТАТЬЯ 3.

Печерская обитель въ XI и XII вѣкахъ украшалась такимъ сонмомъ высокихъ подвижниковъ, исполненныхъ дарами Святаго Духа, что съ благоговѣйнымъ удивленіемъ останавливалась на этомъ времени мысль позднѣйшихъ подвижниковъ. Въ Печерскомъ монастырѣ, — пишетъ преподобный Іосифъ Волоколамскій, — въ одно время было тридцать чудотворцевъ, которые могли изгонять бѣсовъ, изцѣлять болѣзни и творить многія чудеса и знаменія. Если прочтемъ и весь житіа Святыхъ, то не найдемъ ни въ одномъ монастырѣ, гдѣ было бы столько Святыхъ, совершающихъ такіа чудеса. И какое они имѣли пощеніе, злостраданіе, подвиги и хриstopодобную нищету! Какое имѣли попеченіе о монастырскомъ благочиніи, о благоговѣннн и храненіи устава! Никто нынѣ ни словомъ, ни дѣломъ не можетъ представить того, что они творили» (а). Чѣмъ же поддерживалась сія святая жизнь въ Печерской обители? Однимъ изъ главныхъ средствъ

(а) Духовн. грамота Іосифа Волоколамскаго гл. 10-я.

къ поддержанію духа благочестія было строгое сохраненіе устава введеннаго Θεодосіемъ и вмѣстѣ воспоминаніе о жизни первоначальныхъ основателей обители Антонія и Θεодосія.

Мы не можемъ сказать опредѣленно, когда составлено было сказаніе о жизни Антонія, но не прошло и двадцати лѣтъ послѣ смерти Θεодосія, какъ преподобный Несторъ написалъ его жизнь. Цѣль написанія сей жизни была именно та, чтобы для современныхъ и послѣдующихъ иноковъ представить образецъ жизни иноческой въ Θεодосіѣ. «Я молился Богу, пишетъ преподобный Несторъ въ началѣ своего сказанія, да удостоитъ Онъ меня все по порядку написать о житіи святаго богоноснаго Отца нашего Θεодосія, дабы черноризцы, которые будутъ послѣ насъ, имѣя описаніе жизни и читая его, видя доблесть мужа, восхвалили Бога, и прославляя Его угодника, укрѣплялись на дальнѣйшій подвигъ, особенно, представляя, что въ нашей землѣ и въ наше время явился такой угодникъ. Были сохраняемы для памяти потомства и имена великихъ подвижниковъ Антонія и Θεодосія. Такъ, въ лѣтописи сохранилось сказаніе о жизни Даміана, Іереміи, Матѳія и Исаакія. Разсказъ и о гражданскихъ событіяхъ лѣтописецъ часто соединяетъ съ нравственными уроками и наставленіями. Назидаясь примѣромъ жизни прежнихъ подвижниковъ, какъ греческихъ, такъ и русскихъ иноки Печерскіе входили въ сношенія и съ современными подвижниками, чтобы отъ нихъ получать наставленія. Архимандритъ Печерскій Василій вмѣстѣ съ заботою о внѣшнемъ благолѣпіи Печерской обители соединялъ и попеченіе о внутреннемъ ея благоустройствѣ. Онъ

искалъ для себя совѣтовъ и руководства, въ жизни иноческой у людей опытныхъ. Сохранилось два посланія къ нему объ иночествѣ. Оба приписываются святому Кириллу Туровскому (б).

Сынъ богатыхъ и знатныхъ родителей, Кириллъ съ юныхъ лѣтъ отличался благочестіемъ жизни. Онъ любилъ изучать Священное Писаніе и писанія отеческія и, послѣдуя слову евангельскому, оставилъ домъ родительскій и посвятилъ себя строгой иноческой жизни. Еще въ XI вѣкѣ, вѣроятно, съ учрежденіемъ епископской кафедры въ Туровѣ, существовалъ здѣсь Борисоглѣбскій монастырь, гдѣ тогда же извѣстенъ былъ затворникъ Мартинъ. Здѣсь поселился Кириллъ, постомъ и бдѣніемъ изнуря свое тѣло (в). Не довольствуясь строгою жизнью обыкновеннаго инока, онъ принялъ на себя еще высшій подвигъ: взошелъ на высокій столпъ и заключился на немъ. Сей-то великій подвижникъ, бывшій послѣ епископомъ Турова, оставилъ свои наставленія инокамъ, въ сказаніи «о черноризскомъ чинѣ» и въ «притчѣ о бѣлоризцѣ человекѣ», писанной для Василя Архимандрита Печерскаго.

Утверждая свои наставленія на непоколебимомъ основаніи слова Божія, святой Кириллъ ищетъ для

(б) Туровъ въ нынѣшней Минской губерніи въ Мозырскомъ повѣтѣ надъ рѣкою Припятью. На мѣстѣ древняго Турова находится теперь урочище Проковъ или Ковень. Памятн. Росс. Слов. XII в. Калайд. стр. XI. XII.

(в) *Вблизи Турова* и доселѣ стоитъ часовня во имя страстотерпцевъ Бориса и Глѣба, построенная на мѣстѣ древней церкви Тамже стр. XXI. Извѣстіе о Мартинѣ встрѣчаемъ въ житіи Бориса и Глѣба.

жизни иноческой прообразований и постановлений въ Ветхомъ и Новомъ Заветѣ. Исходящіе изъ міра въ монастырь принимаютъ на себя одежду монашескаго образа: это дѣлается, говоритъ святой Кирилль, по уставу обоихъ Заветовъ. Чернеческій «кодманъ» (хитонъ) напоминаетъ въ Новомъ Заветѣ червленую одежду, въ которую облекли Христа, въ Ветхомъ—Аароновъ стихарь (Исх. 28, 31.). О Христѣ сказано: совлекоша ризы съ него и облекоша въ ризу червлену—за одежду изъ листьевъ смоковничныхъ, въ которую, по паденіи, облекся Адамъ; такъ, по совлеченіи своей воли, инокъ надѣваетъ кодманъ. Поясъ иноческій (г) напоминаетъ поясъ первосвященническій (Исх. 28, 4, 39, 39.) и осужденіе Христа на смерть (сл. Іоан. 21, 18.), которою обожилъ Онъ Адама, также препоясаніе правды и истины (Ис 11, 5.). Заповѣдано инокамъ носить аналавъ во знаменованіе того, что они на дѣлѣ должны являть послушаніе: это плетеницы или тресны и ободы (кольца) на верхней ризѣ Аароновой (Исх. 28, 22—28.), украшеніе царскаго сана (д), напоминающее о томъ, какъ іудеи привели Христа къ Пилиту, говоря: распни ѿ яко Сій Себе царя творить. Въ образъ того,—что первосвященники носили ефудъ (е) (Исх. 28, 15.),

(г) У св. Кирилла: *скимный съ праздники поясъ*. Повидному, это указываетъ на то, что на поясъ находилось изображеніе главѣйшихъ праздниковъ христіанскихъ, подобно какъ сіе было на древнихъ парамандахъ.

(д) Вѣроятно, разумется здѣсь украшеніе называемое *lorron*, которое встречается въ облаченіи царскомъ императоровъ константинопольскихъ.

(е) По описанію, Кирилль разуметь здѣсь собственно *слово*

а Христось былъ покрытъ платомъ, когда били Его, говоря: прорцы намъ, кто есть ударей Тя,—иноки носятъ малую мантию (ж), но не на персяхъ, не на лицъ, но за плечами. Въ образъ первосвященническаго кидара (Исх. 28, 37. 38.) и Христова тернового вѣнца у монаховъ постригаются власы. «Четвероскутная» мантия монашеская носится въ образъ ризы верхней Аароновой (з) (Исх. 28, 6—14.) и одежды Христовой, которую раздѣлили войны: иноки суть Христовы войны. Въмѣсто увясла (и) ветхозавѣтнаго надѣвается на иноковъ куколь—образъ смиренія Христа пригвоздившагося на крестъ. Посему, будь внимателенъ къ своему образу и жизни, инокъ!

Подобно, ветхозавѣтнымъ агнцамъ, закалаемымъ на Пасху, ты привесь себя въ жертву Богу. Помни же, что жертва должна быть непорочна (Лев. 22, 22.). Но ветхому закону вольный обѣтъ, великій и малый, долженъ быть приносимъ Богу отъ чистаго сердца. Да не будетъ и въ твоихъ мысляхъ порочнаго колебанія. Ты какъ свѣча: воленъ въ себя только до церковныхъ дверей; а потомъ не смотри, какъ и что изъ тебя сдѣлають. Ты какъ одежда: знай себя до тѣхъ поръ, пока не возьмутъ тебя въ руки; а потомъ не заботься, если разорвутъ тебя и на тряпки.

судное, которое возлагалось на перси сверхъ ефуда; ибо онъ говорить: въ ефудъ бо зряще проринаху.

(ж) У Кирилла: малая маньтка, по др. спискамъ парамандъ.

(з) Это и есть ефудъ, который Кириллъ называетъ четвероскутною ризою Ааровою.

(и) У Кирилла ошибочно поставлено: подиръ, который не былъ головнымъ украшеніемъ.

Имѣй свою волю только до монастыря; а по принятіи монашескаго образа, всего себя отдай въ послушаніе и не скрывай въ своемъ сердцѣ ни малаго своевольства, да не умрешь душею, какъ Ананія, услышавъ слово Петра: почто восхотѣлъ искусити Духа Святаго? не челоуѣкомъ солгалъ еси, но Богу (Дѣян. 5, 4.). Не будь нерадивъ къ своему обѣту, чтобы не сбылось на тебѣ слово Писанія: лучше бы не познать истину, нежели познавъ уклониться отъ нея (2 Пет. 2, 21.).

Богъ сказалъ Моусею: изведи изъ Египта люди моя израиля, да вшедше наслѣдять землю юже обѣщахъ Аврааму (Исх. 3, 11. 17.). А ты, братъ, желая послѣдовать Христу, ведущему тебя на небо, помышляй въ своемъ умѣ, для чего удалился ты изъ міра, мысленнаго Египта? Желая ли обѣщаннаго тебѣ царства, или не хотя страдать въ грѣховной работѣ діаволу, или не любя житейской печали, отъ которой нѣтъ пользы, а только гибель души, или смущаемый женою и дѣтьми? Если пожелаетъ и старецъ и болящій близкій къ смерти, —надлежитъ постричь его въ иночество: это кости Іосифовы, которыя перенесли евреи въ землю обѣтованную. Пройди вѣрою море, т. е. забудь дѣла житейскія, и, какъ манну, принимай отъ руки келаря хлѣбъ, надъ которымъ ты не трудился. Не люби богатой и мягкой одежды, но носи убогую, пока не дойдешь до горы боголюбныхъ добродетелей. Но и тогда не ослабѣвай, но потерпи, пока снидетъ съ горы Моусей, нося скрижали съ заповѣдями.

Не подражай живущимъ въ монастырь безъ страха Божія, мыслящимъ только о чревѣ и объ одеждѣ,

гордящимся велеръчіемъ, со всѣми спорящимъ, всѣхъ укоряющимъ, которые восхищаютъ себя земную честь и власть и послѣдуютъ своимъ учителямъ, дающимъ иныя заповѣди, по ихъ волѣ. Ты повинуйся заповѣди единаго Христа, Который, отъ рожденія до распятія, терпѣлъ досады, клеветы, поношенія и раны тебя ради, и приготовь себя къ терпѣнію скорбей. Подвизайся, не нарушай обѣта; мужайся, когда пріемлешь укоризны, противоръчіемъ не уподобляйся нечистому сосуду, испускающему смрадь, когда его бросать. Но вспомни себя и постриженіе главы твоей, что ты носишь образъ терноваго вѣнца Христова, и, терпя зло, носи крестъ свой со Христомъ, расни себя вольнымъ терпѣніемъ и побѣдишь врага.

Если уповаешь получить жизнь на небѣ, по слову: наше житіе на небесѣхъ; то храни заповѣдь, которую Христосъ, восходя въ Іерусалимъ, изрекъ ученикамъ: хотя въ васъ быти болѣй, да будетъ всѣхъ мнѣй и всѣмъ слуга (Марк. 9, 38. 10, 43.). Помни, что слышалъ при своемъ постриженіи: Се, здѣ Христосъ невидимо стоитъ! Блюди, кому общаешься? Пойми, не страшнѣ ли, чѣмъ на горѣ Синайской, тогда окружалъ тебя огонь присутствія Божія? Не тверже ли, чѣмъ на скрижаляхъ каменныхъ, вписаны слова обѣта твоего словомъ Божиимъ на скрижаляхъ плотныхъ сердца твоего? Не сокруши ихъ своимъ «худовѣріемъ». Если не сіяешь съ Моисеемъ чистою, по крайней мѣрѣ, курись, какъ гора, воздыханіемъ о грѣхахъ. Блаженны были тогда единомыслящіе съ Иисусомъ Навиномъ: и ты, братъ, постарайся найти мужа, имѣющаго духъ Христовъ, украшеннаго добродѣтелями, имѣющаго свидѣтельство отъ своей

жизни, а наче всего, пмѣющаго любовь къ Господу, послушаніе къ игумену, беззлобіе къ братіи, разумѣющаго Божественное Писаніе и имъ наставляющаго къ Богу идущихъ на небеса. Ему предай себя, какъ Халевъ—Иисусу, отсѣкши всю свою волю, и будешь, какъ чистый сосудъ, соблюдающій вливаемое благоволеніе, пока не содѣлаешься скиніей Святой Троицы, по слову Божию: Азъ и Отець придемъ и обитель у него сотворимъ (Іоан. 14, 23.).

За вѣшаніе Адама отъ заирешевнаго древа Христосъ напоенъ былъ оцтомъ и желчію. Подражая сему и инокъ долженъ держать постоянный постъ и отъ всего воздерживаться. Въмѣсто агнца, приносимаго во всесоженіе, по закону священниковъ, Принявшій на Себя образъ Адама самъ прободается въ ребро и сжигается Духомъ Святымъ, изливъ кровь и воду: и ты принеси въ жертву свою волю и сожги грѣхъи пролітіемъ теплыхъ слезъ. Возжелавъ вести жизнь ангельскую, чистую, не на словахъ только имѣй ее, но и укрась добродѣтелию. Славься не свѣтлыми ризами, но добрыми дѣлами, терпѣливо подвизайся, мужественно терпи всѣ скорби, подражая мученикамъ, излившимъ за Христа свою кровь. Если не излить, то изсушить ее въ себѣ долженъ инокъ, удовлетворяя только необходимыми требованіями тѣла, чтобы наслѣдовать часть съ преподобными, вѣнецъ ангельскій и небесное царствіе (i).

Глубокое значеніе жизни иноческой святой Кириллъ Туровскій раскрываетъ въ «притчѣ о бѣлоризцѣ чловецѣ», писанной для Василія Архимандрита Печер-

(i) Памятн. Росс. Слов. XII в. стр. 102—116.

скаго. Въ одномъ городѣ, говоритъ онъ, жилъ царь кроткій, милостивый и попечительный о своихъ подданныхъ; только въ одномъ онъ былъ неостороженъ, — не принималъ никакихъ мѣръ на случай военныхъ тревогъ и не держалъ ратнаго оружія. Онъ имѣлъ у себя многихъ совѣтниковъ и дочь отличнаго ума. Одинъ изъ совѣтниковъ, скорбя о неосторожности царской, искалъ удобнаго времени предложить ему нужное наставленіе. Однажды, ночью случился сильный мятежъ въ городѣ. Царь вышелъ съ совѣтниками, чтобы усмирить мятежъ, но не нашелъ виновныхъ; а городъ былъ въ ужасномъ волненіи. Тогда умный совѣтникъ повелъ Царя и дочь его къ великой горѣ, гдѣ въ пещерѣ лежало много разнаго оружія. Черезъ отверстіе взглянули они внутрь пещеры и увидѣли тамъ мужа облеченнаго рубищемъ; возлѣ него сидѣла его жена и пѣла пѣсни, слаще всякаго брашна. Передъ ними стоялъ нѣкто высокій и прекрасный на твердомъ камнѣ; онъ подавалъ сидящему вино въ чашь. Когда мужъ принималъ пищу, тогда вънчали его похвалами. Царь, увидѣвъ это, призвалъ къ себѣ друзей своихъ и сказалъ имъ: Что за чудо, друзья мои? Вы видите, какое снаружи худое житье; а лучше нашей державы веселится и свѣтлѣ внѣшняго сіяетъ внутреннее.

Городъ—человѣческое тѣло, люди, живущіе въ немъ,—чувства тѣлесныя, Царь—умъ обладающій тѣломъ; дочь—душа; совѣтники и друзья—житейскія мысли; ночь—мірская, суетливая, жизнь; шумъ и тревога—болѣзнь или какое-либо внезапное несчастье; гора—монастырь, въ которомъ есть духовныя оружія противъ діавола, т. е. постъ, молитва, слезы, воз-

держаніе, чистота, любовь, смиреніе, покореніе, трудолюбіе, нестяжаніе. Къ этой горѣ благоразумный совѣтникъ приводитъ Царя т. е. печаль направляетъ умъ къ монастырю: ибо онъ есть гора Божія, гора тучная, гора усыренная, гора, юже благоволи Богъ жити въ ней (Пс. 67, 16. 17.). Приближеніе къ горѣ есть изреченіе объѣта Господу. Приниченіе къ оконцу—это слушаніе душеспасительнаго ученія. Христось никого силою не влечетъ къ покаянію, но вразумляетъ различными средствами, чтобы познавшихъ Его ввести въ небесное царство. Глубокая пещера есть церковь монастырская. Свѣтлая заря, сіяющая изъ пещеры,—это богохвальныя воинства, немолчное аллилуія, гласы псаломскіе. Внутренній вертепъ—это уставъ келейной жизни, по которому никто не имѣетъ своей воли, но у всѣхъ все общее, ибо всѣ подъ властію игумена — какъ тѣлесные члены подъ властію единой главы—связуемые духовными жилами. Мужъ, сидящій въ вертепъ и живущій въ крайней нищетѣ, есть весь иноческій чинъ; сидѣніе означаетъ безмолвіе; а жизнь въ крайней нищетѣ это—осужденіе, досады, укоризны, хулы, насмѣшки отъ мірянъ, которые не столько считаютъ иноковъ работающими Богу, сколько обманщиками, погубляющими свою душу. Облеченіе въ рубище и безъ притчи означаетъ власяницу, сукошныя одежды и облеченіе изъ козыхъ кожъ; ибо всякое украшеніе плоти чуждо монашескому обычаю; вмѣсто сего иноки облечены цѣломудріемъ, препоясаны правдою, украшены смиреніемъ. Присѣдящая ему присно жена есть неотлучная память смертная, поющая сію сладкую пѣснь: Гласъ радости и спасенія въ селеніяхъ праведныхъ (Псал.

117, 15.). Праведницы во вѣки живутъ и мзда ихъ отъ Господа (Прем. Сол. 5, 15.). Смерть праведнику покой. Богатство еще течетъ, не прилагайте сердца (Пс. 61, 11.). Предстоящій мужъ есть самъ Христосъ, краснѣйшій паче всѣхъ сыновъ человѣческихъ, Сынъ Божій, шедшій съ небеси и воплотившійся ради нашего спасенія. Онъ подаетъ пищу и питіе всѣмъ вѣрнымъ—честное Свое тѣло, въ оставленіе грѣховъ,—и святую Свою кровь въ жизнь вѣчную. Хвалы, которыми вѣнчается приѣмлющій чашу, означаютъ прославленіе приобщающагося святаго тѣла и крови Христовой въ покаяніи и очищеніи души и тѣла; ибо самъ Богъ ублажаетъ таковыхъ гласомъ Пророка: блаженъ, имже оставишася беззаконія и имже прикрывшася грѣси, имже не вѣнчитъ Господь грѣха (Пс. 31, 1. 2.). Вѣнчаетъ ихъ Духъ Святый, потому что почиваетъ на святыхъ причастникахъ, нашедши ихъ достойными сосудами для Себя, и вселяется въ нихъ,—потому что они измыли храмъ Его слезами, устлали лоботрудными молитвами, украсили добродѣтелию, покадили чистыми воздыханіями. Христосъ съ святыми Ангелами веселится многою радостію; ибо радость на небеси бываетъ о грѣшникѣ кающемся: радуйтесь со Мною, говоритъ Онъ, яко обрѣтохъ погибшую драхму (Лук. 15, 9.). Усмотря все это Царь призвалъ друзей: усмотрѣніе есть благое намѣреніе отстать отъ грѣховныхъ обычаевъ и научиться богоугоднымъ, отвратить свои помыслы отъ суетной жизни, признать суету удовольствій міра сего и сказать съ Соломономъ: суета суетъ! Царь чудится ангельскому, богохранному иноческому житію, все забываетъ, самую печаль

тѣлесную : такъ, узнавшій мірское непостоянство, обращается, наконецъ, къ попеченію о своей душѣ.

Изъяснивъ сію притчу, святой Кирилль при-
совокупляетъ еще: Какъ дерево хвалятъ не за ростъ
и листья, а за плодъ; такъ и иноковъ не монастырь
дѣлаетъ славными, но добродѣтель иноковъ даетъ
славу монастырю. Это видно изъ примѣра Θεодосія,
игумена Печерскаго въ Кіевѣ, начальника общаго
житія. Поеліку онъ нелицемѣрно иночествовалъ,
возлюбивъ Бога и свою братію какъ свои члены;
то и Богъ возлюбилъ его и прославилъ ради его
сіе мѣсто болѣе всѣхъ монастырей русскихъ. Сіи
внутреннія добродѣтели жизни св. иноковъ сіяютъ
чудесами, болѣе мѣрской власти; посему и мірскіе
вельможи преклоняютъ главу свою предъ иноками,
воздавая имъ достойную честь, какъ угодникамъ
Божіимъ, по слову Господню: пріемляй праведника
во имя праведниче мзду праведнику пріемлетъ (Матѣ.
10, 41.); и еще: пріемляй васъ, Мене пріемлетъ
(Іоан. 13, 20.). Не бойся малое стадо, яко благоволи
Отець небесный дати вамъ царствіе небесное (Лук.
12, 33.); иже бо оставитъ отца или мать имене
Моего ради, сторицею пріиметъ и жизнь вѣчную
наслѣдитъ (Матѣ. 19, 29.). Ради сихъ-то обѣщаній
христіане стремятся понести яремъ Господень, т. е.
взять на себя иноческій образъ.

Если бы и мы вѣрно хранили обѣтъ нашего по-
стриженія, то не только получили бы очищеніе грѣ-
ховъ и честь на землѣ, какъ святые Отцы чудотвор-
цы, коимъ кланялись, падая ницъ, цари и князи, но
и вселились бы въ небесное царство и видѣли лице
Божіе; чего бы ни просили въ молитвѣ у Бога, все

бы скоро получали. Приемлющие на себя обеты и непреодоляющие своих немощей хотят получить освящение, читают Писание и думают спастись безъ подвига. Но мы забываемъ, что сказалъ Павелъ: безъ подвига никто не въичается (2 Тим. 2, 5.). Спашій не побѣдитъ и лѣнливый не можетъ спастись. Впрочемъ, нераскаивны дары Божіи; вѣренъ ходатай ихъ на небесахъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ, Который туне спасаетъ иноческій чинъ. Онъ самъ молится за насъ, говоря: Отче Святыи! не о мѣрѣ молю, но о сихъ, ихже далъ Ми еси, соблюди я во имя Твое, да пдѣже буду Азъ, ту и сіи будутъ со Мною и никтоже отъ нихъ погибнетъ (Іоан. 17. 9. 11. 12.). Инокѣ, имѣя такіа обѣтованія, подвизайтесь; нельзя, чтобы и въ нынѣшнихъ апостолахъ не было Іуды, но да блюдетъ каждый изъ васъ себя; не продадимъ слова Божія на лжи; крадя, грабя, обижая, мысля злое на гугмена, ложно кленясь, недостойно приступая къ причастию Святыхъ Таинъ, не распнемъ снова Христа, но во всемъ представимъ себе, по Апостолу, яко Божія слуги, въ терзніи мнози (2 Кор. 6, 4.). . . Какъ кони бѣгутъ, опережая одинъ другаго, такъ и вы ревнуйте подвигамъ святыхъ Отцевъ, превосходя другъ друга въ алканіи, бдѣніи, молитвахъ, въ дѣлахъ послушанія, дабы, разслабѣвъ объяденіемъ, пїанствомъ, плотскими похотями, не остановиться намъ въ адской пустынѣ и дабы тамъ не быть растерзанными отъ геенскихъ звѣрей, да не разсыплются кости наши при адѣ. Но расправивъ разумныя крылья, возлетимъ отъ губящаго насъ грѣха (к).

(к) Калайд. Пам. Росс. Слов. XII в. стр. 117—131.

Настоятели Печерской обители, входя въ сношенія съ подвижниками русскими, не переставали заимствовать правила иноческой жизни и отъ Святой Горы, отъ благословенія которой пошелъ Печерскій монастырь. Памятникомъ сихъ сношеній осталось посланіе одного изъ ближайшихъ преемниковъ Василія, Архимандрита Печерскаго Досноєя (л). Въ отвѣтъ на предложенные ему вопросы о жизни иноковъ Аѳонскихъ, онъ писалъ: «Послушники (на Аѳонѣ) живутъ по волѣ и благословенію старца. А тѣ, которые отдѣльно живутъ въ келліяхъ, держатъ во всю жизнь такое правило: всякой день прочитываютъ половину Псалтыри и по 600 молитвъ: Господи Исусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя. Если кто хочетъ прибавить, то въ его волѣ. Сверхъ того полагаютъ отъ трехъ до пяти сотъ поклоновъ. Но и всякой часъ, сяди, ходя, лежа и дѣлая рукодѣліе, безпрестанно говорятъ съ воздыханіемъ сердечнымъ: Господи Исусе Христе. Неумѣющіе грамотъ совершаютъ семь тысячъ молитвъ Исусовыхъ, кромѣ поклоновъ и церковнаго правила. А немощнымъ легчайшее правило. Престарѣлымъ больше предписывается совершеніе молитвы Исусовой и вниманіе умное, а поклоновъ по силѣ. Для Бога Святогорцы весьма любятъ и держатъ молчаніе и бѣгаютъ молвы, мятежа и бесѣды мірскихъ. Святые Отцы на Руси имѣютъ обычай въ великій постъ и въ другіе посты прочитывать всю Псалтирь, а кромѣ поста не

(л) Досноєй былъ Архимандритомъ Печерскимъ прежде Акнидина; ибо въ посланіи Симона къ Поликарпу упоминается уже о пѣвчѣ 12 псалмовъ, уставъ котораго принесть Досноєй съ Аѳона.

читаютъ ни псалма. Но Святогорцы живутъ не такъ: они одно правило держатъ во всю жизнь. Всякому брату надобно въ келліи имѣть иконостасъ или крестъ и передъ нимъ совершать установленное правило. Неумыющій читать долженъ служить рукодѣліемъ, повинованіемъ въ службѣ, съ отсѣченіемъ своей воли (м). Доснѣей сообщилъ русскимъ обителямъ уставъ о чтеніи двѣнадцати псалмовъ (н).

Инокамъ Печѣрской обители обязанъ своимъ появленіемъ Патерикъ Печерскій—книга, имѣющая такое обширное употребленіе среди православныхъ. Мы должны остановиться на этомъ произведеніи.

Патерикъ первоначально составилъ изъ двухъ посланій—Симона Епископа владимірскаго, бывшаго инокомъ Печерскимъ, къ его другу Поликарпу и изъ посланія Поликарпа къ Архимандриту Печерскому Акиндину. Посланіе Симона, направленное все къ одной цѣли — убѣдить Поликарпа, волнуемаго честолюбивыми помыслами, остаться въ Печерскомъ монастырѣ, обращено въ назиданіе и для всѣхъ (о).

(м) Рк. Лавр. Библ. Собор. въ 4 д. № 32 л. 281 на оборотѣ.

(н) Въ печатаемомъ при Псалтырь чинѣ, како подобаетъ пяти дванадцать псалмовъ, надписывается: сей чинъ принесе отъ святія горы преподобный Доснѣей Архимандритъ Печерскій.

(о) Патерикъ Печерскій настоящей свой видъ получилъ уже въ XVII в. Въ посланіяхъ Симона и Поликарпа нѣтъ никакого указанія, чтобы они думали къ своимъ трудамъ присоединять сказанія другихъ о подвижникахъ Печерской обители, сколько намъ известно. Не ранѣе конца XIV в. или начала XV в. съ посланіями Симона и Поликарпа соединены были: житіе Феодосія, писанное Несторомъ, повѣсть о началѣ Печерскаго монастыря, сказаніе о пренесеніи мощей Феодосія, сказанія о Даміанѣ, Матѣѣ, Іереміи и Исаакіѣ,

Братъ, шипеть Симонъ, съвъ въ безмолвіи, собери свой умъ и скажи къ себѣ: не оставилъ ли ты міра и плотскихъ родителей? Если ты пришелъ сюда для спасенія, а дѣлаешь недуховное, то для чего облекся въ иночество? Черныя ризы не избавятъ тебя отъ муки. Вотъ видишь, тебя величаютъ здѣсь князья, бояре, и всѣ друзья твои; они говорятъ: «блаженъ онъ, что возненавидѣлъ міръ и славу его, уже не печется ни о чемъ земномъ, желая небеснаго». А ты живешь не по-монашески.

Великій стыдъ объемлетъ меня за тебя. Чтò если ублажающіе насъ предвартъ насъ въ царствіи небесномъ? Они будутъ въ покоѣ, а мы, мучимые горько, будемъ вопіять. Кто помилуетъ тебя, когда самъ ты себя погубилъ? Восприни братъ, восприни и конекись мысленно о душѣ своей; работай Господви со страхомъ и со всякимъ смиренномудріемъ. Не будь нынѣ кротокъ, а завтра гнѣвливъ и золь; ненадолго молчаливъ, а потомъ опять склоненъ къ роптанію на шумена и его служителей. Не будь лживъ, подь предлогомъ болѣзни не отлучайся отъ собранія церковнаго. Ибо какъ дождь произращаетъ сѣмя: такъ и церковь оплодотворяетъ землю духовную на произращеніе добрыхъ дѣлъ. Чтò ни дѣлаешь внѣ церкви, не имѣетъ такой силы, какъ совершаемое въ церкви. Читаешь ли Псалтрь, или поешь 12 псалмовъ, это не сравняется съ од-

извлеченныя изъ летописи, и похвальное слово Феодосію, составленное во время владычества монголовъ надъ Россією. Древнѣйшій списокъ Патерика Печерскаго принадлежитъ Пов. Софійской библ. (XIV в.) См. пред. къ 1-му Т. Пол. Собр. русск. лѣт.

нимъ соборнымъ пѣніемъ: *Господи помилуй*. Вспомни, братъ, что верховный Апостоль Петръ, самъ церковь Бога живаго, когда былъ взятъ Иродомъ и посаженъ въ темницу, не молитвою ли церковною избавленъ отъ руки Ирода? И Давидъ въ молитвѣ говоритъ: *единою просихъ отъ Господа, тѣ възвѣщу, еже жити ми въ дому Господни вся дни живота моего и зрѣти ми красоту Господню и посѣщати храмъ святой Его* (Псал. 26, 4.). Самъ Господь говоритъ: *храмъ Мой храмъ молитвы наречется* (Матѣ. 21, 13.); *идѣже бо еста два или трие собрании во имя Мое, ту есмь посреди ихъ* (18, 20.). Гдѣ же собирается болѣе ста инокѣвъ, тѣмъ болѣе вѣруй, что съ ними Господь Богъ нашъ.

Отъ церковнаго огня приуготовляется и обѣдъ ихъ, котораго одна крушица для меня вождельннѣе всего, что предо мною. Свидѣтельствуюсь Господомъ, что не желалъ бы коснуться иного брашна, кромѣ укруха хлѣба и гороху, приготовленнаго для святой братіи. А ты, братъ, не дѣлай такъ, что нынѣ хвалишь соучастниковъ трапезы, а завтра ронщешь на повара и служащаго брата и тѣмъ, оскорбляя начальствующаго, подвергаешься одному наказанію съ тѣмъ недовольнымъ, о которомъ сказано въ Патерикъ (п). Не поноси келаря; ибо ронщущій себя вредъ причиняетъ. *Аще ясте, аще ли пиете, вся въ славу Божию творите* (1 Кор. 10, 31.). Терпи, братъ, и досажденіе; *претерпѣвый бо до конца, той спасется* (Матѣ. 24, 13.). Если и случится тебѣ быть оскорбленнымъ, и кто-нибудь придетъ и скажетъ тебѣ :

(п) Памяти. XII в. стр. 251.

такой-то очень не хорошо говорилъ о тебѣ, скажи вѣстнику: хотя онъ и укорилъ меня, но онъ мой братъ, я достоинъ этого, и онъ не самъ собою дѣлаетъ, но врагъ его подучилъ, чтобы разсорить насъ между собою. Господь да поразить лукаваго, а брата да помилуетъ. Скажешь: онъ въ лице оскорбилъ меня передъ всѣми? Не смущайся, чадо, и не предавайся скоро гнѣву, но, падши до земли, поклонись брату и скажи ему: прости меня. Исправь въ себѣ прегрѣшеніе, и побѣдишь всю силу вражю. Если на поношеніе будешь отвѣчать грубостію; то вдвойнѣ досадишь себѣ. Развѣ ты болѣе Царя Давида, котораго Семей поносилъ въ лице? А онъ намѣревавшемуся отмстить за него слугѣ своему сказалъ: не дѣлай сего, да видить Господь смиреніе мое, и воздастъ ми благая, клятвы его ради. —Вспомни, чадо, и болѣе, какъ Господь смирилъ Себя, бывъ послушливъ до смерти Отцу Своему, *стражда не прещаше* (1 Петр. 2, 23.); слыша хулы: *бѣса имаши*, по лицу бѣемый, заушаемый, оплеваемый, не гнѣвался, но и за распинающихъ молился, и тебя научилъ молиться за враговъ: *любите*, сказалъ, *враги ваша, добро творите ненавидящимъ васъ, благословите кленущія вы, молитесь за творящія вамъ напасть* (Матѣ. 5, 44.).

Довольно съ тебя, братъ мой, и того, что ты впадалъ въ малодушіе; моли со слезами о прощеніи, что, оставивъ святой монастырь и святыхъ Отцевъ Антонія и Θεодосія и святыхъ черноризцевъ, которые съ ними, принялъ на себя игуменство въ монастырь святыхъ безмездниковъ. Хорошо ты сдѣлалъ, что послѣ отказался отъ неразумительнаго наказанія и

не даль плещи врагу своему, который хотѣлъ погубить тебя. Развѣ ты не знаешь, что дерево не поливаемое, но часто пересаживаемое, скоро засыхаетъ? И ты, отказавшись отъ послушанія отцу и братіи своей, скоро погибъ бы: овца въ стадѣ безопасна, а отдѣлившись отъ стада, вскорѣ гибнетъ отъ волковъ. Тебѣ прежде надобно бы размыслить, для чего ты хотѣлъ выйдти изъ святой, блаженной и честной обители Печерской, гдѣ такъ удобно всякому желающему спастись. Я думаю, братъ, что самъ Богъ попустилъ сему быть въ наказаніе твоей гордости,—за то, что ты не захотѣлъ служить мужу святому, своему господину, а нашему брату Архимандриту Акиндину, игумену Печерскому. Печерскій монастырь, какъ море, не содержитъ въ себѣ гнилаго, но извергаетъ вонъ.

Слѣдуя своей волѣ, а не игумена, еще разъ захотѣлъ ты быть игуменомъ у святаго Димитрія. Я согласился на твое желаніе, но никто тебя не принуждалъ къ тому: ни игумень, ни князь, ни я. И вотъ ты испыталъ.... Узнай же, братъ, что Богу не угодно твое старѣйшинство, и потому, Онъ послалъ на тебя слабость зрѣнія. Но и этимъ ты не вразумился, чтобы сказать: *благо мнѣ, яко смирилъ мя еси, да научуся оправданіемъ Твоимъ.*

Пишетъ ко мнѣ супруга Князя Ростислава Верхуслава (р), что ей хотѣлось бы видѣть тебя еписко-

(р) Верхуслава, дочь Всеволода Георгіевича, сочеталась въ 1189 г. бракомъ съ Ростиславомъ Рюриковичемъ. Кар. III. Пр. 87.

помъ въ Новгородѣ на мѣсто Антонія (с), или въ Смоленскъ на мѣсто Лазаря, или въ Юрьевъ на мѣсто Алексія. Я готова, пишегъ она ко мнѣ, готова истратить для тебя и для Поликарпа, хотя бы то нужно было, до тысячи серебра. Но я отвѣчалъ ей: Дочь моя Анастасія! Дѣло небогоугодное хочешь ты сдѣлать. Если бы Поликарпъ остался въ монастырѣ и съ чистою совѣстію, въ послушаніи игумену и всей братіи, въ совершенномъ воздержаніи проводилъ жизнь: то не только во святительскую одежду былъ бы облеченъ, но удостоился бы и небеснаго царства. А ты, братъ, епископства ли пожелалъ? *Добра дѣла желаеши*, но прочитай, что говоритъ Апостоль Павелъ къ Тимоѳею, и подумай, находишь ли ты въ себѣ тѣ качества, какія долженъ имѣть епископъ. Если бы ты былъ достоинъ такого сана, — я не пустилъ бы тебя отъ себя, но своими руками поставилъ бы тебя намѣстникомъ въ обѣ епископіи: во Владимірѣ и въ Суздаль, какъ хотѣлъ Князь Георгій; но я не согласился. Братъ, не въ томъ совершенство, чтобы быть славимымъ отъ всѣхъ, но въ томъ, чтобы исправить свое житіе и явить себя чистымъ.

Изъ Печерскаго монастыря многіе поставлены въ епископовъ. Какъ отъ самого Христа Бога нашего Апостолы посланы были во всю вселенную: такъ отъ Его Матери Госпожи нашей Богородицы изъ монастыря Ея многіе поставлены были въ епископовъ по всей землѣ русской. Первый ростовскій Леонтій священномуче-

(с) Антоній былъ два раза архіепископомъ въ Новгородѣ 1211—1219 г. и потомъ опять съ 1224 г. пробылъ три года архіепископомъ и снова удаился въ Хутынь, откуда въ томъ-же году опять взятъ и былъ два года архіепископомъ.

никъ, котораго Богъ прославилъ нетлѣвїемъ, и онъ былъ первопрестольникъ, котораго невѣрныя послѣ многихъ мученій убили, и онъ сталъ третьимъ гражданиномъ небеснымъ русскаго міра, получилъ вѣнецъ отъ Христа, за Котораго убитъ съ двумя Варягами. О Иларіонѣ Митрополитѣ ты самъ читалъ въ житїи святаго Антонія, что имъ онъ постриженъ и послѣ того сподобился священства. Послѣ нихъ поставлены были Епископами Николай и Ефремъ въ Переяславль, Исаія въ Ростовъ, Германъ въ Новгородъ, Стефанъ во Владимірѣ, Цифонтъ въ Новгородъ, Маринъ въ Юрьевѣ, Мина въ Полоцкѣ, Николай въ Тмутаракань, Θεоктистъ въ Черниговѣ, Лаврентій въ Туровѣ, Лука въ Бѣлгородѣ, Ефремъ въ Суздаль. Если хочешь знать обо всѣхъ, прочти старую лѣтопись ростовскую, и найдешь, что всѣхъ было болѣе 30, а если считать и до насъ грѣшныхъ, то, думаю, будетъ около 50. Пойми, братъ, какова слава сего монастыря, и устыдившись, покайся и возлюби сіе тихое и безмятежное житіе, къ которому Господь привелъ тебя. Я бы радъ оставить епископство и служить игумену, но знаешь, что удерживаетъ меня. И кто не знаетъ, что у меня грѣшнаго епископа Симона соборная церковь во Владимірѣ красота города, другая въ Суздаль, которую я самъ создалъ? Сколько онѣ имѣютъ городовъ и селъ! И десятину собираютъ по всей землѣ той, и всѣмъ этимъ владѣть наша худость. Но предъ Богомъ скажу тебѣ: всю сію славу и власть за уметы вѣнчилъ бы, если бы мнѣ хотя коломъ торчать за воротами, и соромъ валяться въ Печерскомъ монастырѣ, и быть попираему людьми. Одинъ день въ дому Божїей Матери

лучше тысячи лѣтъ временной чести;—въ немъ хотѣлъ бы я жить лучше, нежели въ селеніяхъ грѣшничихъ. И вотъ я скажу тебѣ, почему я имѣю такое усердіе и вѣру къ святому Антонію и Θεодосію. Симонъ рассказываетъ потомъ, какъ во время игуменства Пименова былъ прозорливый инокъ *Онисифоръ*, который видѣлъ, что одинъ, недостойно жившій въ Печерской обители, монахъ прощенъ былъ по молитвамъ преподобнаго Θεодосія. Потому и я, заключаю свое сказаніе Симонъ, тужу и скорблю и плачу, желая тамъ умереть, чтобы получить хотя малую ослабу отъ многихъ грѣховъ моихъ по молитвамъ святыхъ Отець.

Чтобы показать, какіе были подвижники въ Печерскомъ монастырѣ, Симонъ повѣствуетъ далѣе о *Евстратѣ постникѣ* и *Никонѣ сухомѣ*; и, изобразивъ терпѣніе Никона, продолжаетъ: многое, и больше сего ты слышалъ отъ меня грѣшнаго Епископа Симона и худшаго въ епископахъ, недостойнаго быть подножіемъ для тѣхъ святыхъ черноризцевъ. Объ нихъ сказано: *такъ да просвѣтитсѣ свѣтъ вашъ предъ челоуьки, яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего, Иже на небесѣхъ* (Матѣ. 5, 16.). Какъ же теперь мы измѣнили обѣщанію нашему! Какая перемѣна въ жизни нашей! Отъ такой высоты мы ниспали въ глубину житейскую, тогда-какъ начальники и наставники наши равны безплотнымъ; они молитвенники и ходатаи ко Творцу, подобны Ангеламъ и украшены мученическими вѣнцами. Намъ ренно умалчиваю о блаженномъ *Кукишѣ*, о которомъ всѣ знаютъ.... Не стану много говорить о Святыхъ. Если для тебя недостаточно того, что

ты слышалъ изъ устъ монаховъ: то и Писаніе не увѣритъ тебя; если бы кто и изъ мертвыхъ воскресъ, ты не повѣрилъ бы.

Указавъ на сихъ подвижниковъ, Симонъ опять обращаетъ вниманіе Поликарпа на ту мысль, что послушаніе игумену и пребываніе до кончины въ Печерской обители могутъ всего вѣрнѣе привести ко спасенію, указываетъ на затворника Аѳанасія, который дѣйствительно отъ вратъ смерти возвращался, прожилъ послѣ того 12 лѣтъ въ затворѣ. И предъ смертію завѣщалъ братѣмъ: каяться во грѣхахъ, оказывать послушаніе игумену и стараться, чтобы быть погребеннымъ въ Печерской обители. «Если тебѣ кажется невѣрнымъ написанное здѣсь: то прочти житіе Антонія и Θεодосія, начальниковъ русскаго монашества, и тогда вѣруй. А если и послѣ сего не перемѣнится твое сомнѣніе, то мы невиноваты. Пусть сбудется притча, сказанная Господомъ: *изыде съяй съяти съмени своего, ово паде при пути, а другое посредь терніа, иже печальми житейскими подавляются* (Лук. 8, 5. 7. 14.). О такихъ Пророкъ говоритъ: *одебелъ сердце людей сихъ*».

Могъ бы я, продолжаетъ Симонъ, выбрать тебѣ приличное наставленіе изъ книгъ: но лучше для меня и для тебя—сказать что-нибудь полезное о семъ божественномъ и святомъ Печерскомъ монастырѣ; — и потомъ указываетъ на примѣръ блаженнаго Князя *Николая Святоши*, который, оставивъ княженіе и славу, и честь и богатство, и рабовъ и весь домъ свой, сдѣлался монахомъ. Обращу слово къ тебѣ, говоритъ далѣе Симонъ: Чтò ты такое сдѣлалъ? Богатство ли оставилъ? но не имѣлъ его. Славу ли?

но не пользовался ею. Ты изъ бѣдности перешель къ славѣ и ко всему благому. Помысли о семъ князѣ: подобнаго ему никто изъ князей русскихъ не сдѣлалъ. Никто изъ нихъ волею не пошелъ въ иночество; истинно онъ болѣе всѣхъ князей русскихъ. Какъ же сравняется твоя укоризна съ его власяницей? Ты призванъ въ наготу, а украшаешься одеждami; и поэтому, будешь обнаженъ одежды нетлѣннiя, и осужденъ, какъ немѣющій брачной одежды. И, приведши слова св. Іоанна Лѣствичника и инока Евагрія о самоотверженіи, прибавляетъ еще: вчера ты вступилъ въ монашество, и уже отрекаешься отъ него; не научившись иночеству, желаешь епископства; не научившись самъ покорности, хочешь всѣхъ смирить; мудрствуешь высокое, повелѣваешь съ гордоствію, отвѣчаешь вопреки. Изъ твоихъ устъ узналъ я, что ты помышляешь о земномъ, а не о небесномъ, о плотскомъ, а не о духовномъ, о похотяхъ, а не о воздержаніи, о богатствѣ, а не о нищетѣ. Ты отступилъ отъ свѣта и вдался въ тму; отвергъ жизнь, а уготовалъ себѣ вѣчную муку. Принявъ оружіе противъ врага, ты вонзилъ его въ свое сердце. Пробудись, братъ, и внимательно помысли о своемъ житіи, имѣя умъ и сердце неподвижными отъ сего святаго мѣста. — И еще скажу твоему усердію приличное о *Еразмѣ* черноризцѣ, своими пожертвованіями на украшеніе церкви Печерской стяжавшемъ обѣтованіе славы въ царствѣ небесномъ.

Зная сіе, не думай, братъ, что ты все истратилъ то, что имѣлъ: ибо все изочтено предъ Богомъ, даже до мѣдницы. Ождай отъ Бога милости за свой трудъ. Ты устроилъ двои двери въ святой и вели-

кой церкви Богородицы Печерской, и тебѣ отверзеть Богъ двери милости Своей. Ибо іерен всегда зывають въ той церкви: *освати, Господи, любящія благолѣпіе дому Твоего, и тыя прослави Божественною Твоею силою.* Вспомни того Патріція, который велѣлъ сковать крестъ изъ чистаго золота. Поревновавшій ему юноша и приложившій немного своего золота сдѣлался наслѣдникомъ всего. И ты, если истратишь то, что есть у тебя, на славу Божию и Пречистой Его Матери, не погубишь своей мзды. Скажи съ Давидомъ: *приложу на всяку похвалу Твою* (Пс. 70, 14.), дабы и тебѣ сказалъ Господь: *прославляющія Мя прославлю.* Ты самъ мнѣ сказалъ: лучше мнѣ истратить, что имѣю, на церковныя нужды, дабы не отнято было ни войною, ни татями, ни огнемъ. Я похвалилъ доброе твое намѣреніе. *Объщайтесь, сказано, и воздадите.* Ибо лучше—не общаться, нежели общавшись не отдать. Но если и случится быть окрадену, или лишиться отъ войны,—не ропщи, не смущайся, но прославь за сіе Бога и скажи со Іовомъ: *Господь даде, Господь отъя.*

Въ подтвержденіе своего увѣщанія Симонъ рассказываетъ объ Арефѣ, котораго онъ видѣлъ самъ въ пещерѣ: украденное у него ворамъ серебро вѣнчено было ему въ милостыню.... Если бы сего мало было для твоего вразумленія; вспомни старца въ Патерикѣ, который молился Богу, чтобы пришли къ нему разбойники и взяли то, что онъ имѣетъ. Его молитва была услышана и все, что имѣлъ онъ, отдалъ въ руки ихъ. Вотъ, братъ, всякими наставленіями я научилъ тебя. Проси у Господа Бога, чтобы скончать животъ свой тамъ въ покаяніи и послушаніи у

игумена своего Акиндина. Эти три вещи болѣе всѣхъ добродѣтелей, какъ засвидѣтельствовалъ Аѳанасій затворникъ.

Казалось бы, здѣсь Симонъ долженъ кончить свое посланіе; но онъ вспоминаетъ еще о нетерпѣливости къ обидамъ, обнаруженной Поликарпомъ, и въ назиданіе ему рассказываетъ повѣсть о Титѣ и Евагріѣ. «И вотъ еще нѣчто дивное скажу, чтѣ самъ видѣлъ». Рассказавъ о смерти Евагріа, непрощившаго Тита, Симонъ прибавляетъ: мы, слыша сіе, убоялись Бога рекшаго: *оставите, и оставится вамъ,— яко всякъ гнѣвайся на брата своего всуе повиненъ есть суду* (Матѣ. 5, 22.). Не дай мѣста гнѣвному бѣсу. Кто кому повинется, тотъ тому и поработаетъ. Скоро павши поклонись враждующему противъ тебя, чтобы ты не былъ преданъ немилостивому ангелу. Да сохранитъ тебя Господь отъ всякаго гнѣва; ибо Онъ сказалъ: *солнце да не зайдетъ во гнѣвъ вашемъ*.

Преподавъ наставленіе Поликарпу сообразно съ его душевными немощами, Симонъ переходитъ теперь къ сказанію о чудесномъ созданіи церкви Печерской для всеобщаго назиданія. «Перейду, пишетъ онъ, къ другимъ сказаніямъ, да узнаютъ всѣ, что самого Бога Промысломъ и волею, Его Пречистой Матери молитвами и хотѣніемъ создана и совершенна боголѣпная и великая церковь Святой Богородицы Печерской, Архимандритія всей русской земли, Лавра святаго Θεодосія». Здѣсь рассказываетъ Симонъ о чудесномъ началѣ Печерской церкви, о прибытіи мастеровъ церковныхъ и писцовъ изъ Константинополя, о освященіи церкви Печерской и о святой трапезѣ. «Много бы могъ я къ тебѣ писать, братъ

Поликарпъ», такъ заключаетъ свои сказанія Симонъ, но «постигнуть мя повѣсти дбюща лѣта» (т).

Посланіе Поликарпа не имѣетъ того единства, которымъ запечатлѣно посланіе Симона. По просьбѣ Архимандрита Акиндина, онъ передаетъ то, что слышалъ отъ Симона о подвижникахъ, жившихъ въ Печерскомъ монастырѣ (у). Цѣль своего посланія онъ высказываетъ самъ: «да и сущи по насъ черноризцы увѣдятъ благодать Божию, бывшую въ святѣмъ семъ мѣстѣ, и сами возревнують житію твхъ и прославятъ Отца небеснаго, показавшаго таковыя свѣтильники въ русской землѣ, въ Печерскомъ святомъ монастырѣ». Въ посланіи Поликарпа разсказывается о жизни, подвигахъ и чудотвореніяхъ Никиты затворника, бывшаго послѣ епископомъ новгородскимъ, Лаврентія затворника, Агапита безмезднаго врача, Григорія чудотворца, затворника Іоанна многострадальнаго, Моисея Угрина, Прохора, Марка пещерника

(т) Посланіе Симона къ Поликарпу писано не ранѣе 1225 года. Ибо Симонъ былъ уже епископомъ и выстроилъ суздальскую церковь, построеніе которой Лаврентьевская лѣтопись относитъ къ 1224 г., а въ слѣдующемъ году Симонъ скончался.

(у) Посланіе Поликарпа въ нѣкоторыхъ рукописяхъ имѣетъ такое надписаніе: *посланіе ко Архимандриту Печерскому господину Акиндину Поликарпа черноризца тогоже святаго монастыря Печерскаго о святыхъ и блаженныхъ Отцѣхъ Печерскихъ, еже повельно бысть ему списати*. Посланіе Поликарпово писано послѣ Сиимонова; потому что въ немъ уже упоминается посланіе Сиимоново. Въ нѣкоторыхъ спискахъ въ концѣ сказанія объ Агапитѣ, *современникъ пр. Антонія Печерскаго*, есть опредѣленіе времени, когда написано сіе посланіе: *се же речеса въ 15 лѣто твоего игуменства, еже не помяновено за 100 и 60 лѣтъ*.

и Θεοφιλα, Θεοдора и Василя, Спиридона и Николая просфорниковъ и Алимпія ꙗконописца, Пимена многострадательнаго (Ф).

Если бы блаженные Симонъ и Поликарпъ не сохранили для насъ сказанія о подвижникахъ Печерскихъ,—преданія о нихъ для насъ угасли бы, особенно въ наступившія вскорѣ смутныя времена раззоренія Россіи монголами.

Много было монастырей въ самомъ Кіевѣ; но что же мы знаемъ объ иноческой жизни въ сихъ монастыряхъ? У летописцевъ встрѣчаются только изрѣдка краткія упоминанія. Такъ, подъ 1127 г. говорится о Григоріѣ, игуменѣ монастыря Андреевскаго, что онъ былъ любимъ Княземъ Владиміромъ, пользовался честью Мстислава и у всѣхъ людей (х). Подъ 1185 г. летопись говоритъ объ игуменѣ монастыря Спасскаго, на Берестовѣ, Лукѣ, который посвященъ былъ въ епископа Ростову. Это былъ, пишетъ летописецъ, мужъ молчаливый, милостивый къ бѣднымъ и вдовицамъ, ласковый ко всякому богатому и бѣдному, смиренный и кроткій словомъ и дѣломъ утѣшалъ

(Ф) Въ посланіи Поликарпа въ нѣкоторыхъ спискахъ представляется первымъ сказаніе объ Агапѣ, а въ другихъ—сказаніе о Никитѣ. Въ предисловіи къ своему посланію Поликарпъ, говоря о томъ, что онъ хочетъ описать житія Печерскихъ Отцевъ, да сущіи по насъ черноризцы прославятъ Отца небеснаго, показавшаго таковыя свѣтильники, продолжаетъ: отъ нихже намено во первыхъ преподобнаго Никиту затворника... далѣе говоритъ: Лаврентій же блаженный теплѣ возревновавъ крѣпкому подвигу тогоже преподобнаго. Можно заключать отсюда, что сказанія о Никитѣ и Лаврентіѣ стояли напередѣ.

(х) Лавр. Лѣт. стр. 130.

печальныхъ. Послѣдую стопамъ Святыхъ восходили отъ подвига къ подвигу и возносили молитвы къ Богу какъ кадило, какъ еміямъ благовонный. Побѣдивъ мірскую похоть и поправъ діавола и его козни, явился неборимымъ противу стрѣль его, укрѣпляемый оружіемъ крестнымъ (ц). Подъ 1216 г. по случаю кончины Пахомія, Епископа ростовскаго, говорится, что онъ пять лѣтъ иночествовалъ въ Печерскомъ монастырѣ съ добрымъ исправленіемъ, потомъ, тринадцать лѣтъ былъ игуменомъ въ монастырѣ св. Петра (ч).

Изъ городовъ, ближайшихъ къ Кіеву, мы знаемъ, что въ Переяславѣ былъ монастырь Михайловскій, бывшій кафедральнымъ (ш), и Іоанновскій (щ). Въ Черниговѣ упоминаются три монастыря: Успенскій, Елецкій и Троицкій-Ильинскій, стоящіе на Болдиной горѣ, и Борисоглѣбскій. Основаніе первыхъ двухъ монастырей, по преданію, положилъ преподобный Антоній Печерскій. Князь Святославъ черниговскій въ 1060 г. на самомъ краю городского укрѣпленія къ югозападу выстроилъ церковь Успенія Богоматери, въ честь явившейся на семь мѣсть иконы Богоматери. Когда прибылъ сюда пр. Антоній въ 1069 году,— онъ въ верстѣ отъ Успенской церкви, въ той же горѣ, на которой стояла сія церковь, выкопалъ себѣ въ лѣсу пещеру. Князь Святославъ подлѣ сей пещеры выстроилъ церковь во имя Пророка Іліи и,

(п) Лавр. Лѣт. стр. 165.

(ч) Лавр. Лѣт. стр. 185.

(ш) Лѣт. Пест. подлѣ 1089 г. стр. 89.

(щ) Лавр. Лѣт. 1146 г. стр. 136. Ипат. Лѣт. стр. 24.

когда къ Антонію присоединилось еще нѣсколько пустынниковъ, — Святославъ устроилъ здѣсь монастырь. Антоній далъ совѣтъ устроить монастырь и при Успенской церкви, называемый Елецкимъ, въ память явленія иконы Богоматери на ели (ъ).

Вся сія монастыри нашествіемъ татаръ обращены были въ груды развалинъ. Сколько еще монастырей исчезло, не оставивъ, можетъ быть, и имени своего!

Въ 1231 г. былъ послѣдній торжественный праздникъ въ Печерскомъ монастырь. Это при посвященіи Кирилла. Тутъ были Архимандритъ Печерскій Акиндинъ, Игумень выдубецкій Михаилъ, Игумень спасскій Петръ, андреевскій Симонъ, еодоровскій Корнилій, васильевскій Аѳанасій, воскресенскій Симеонъ, кирилловскій Климентъ, изъ Чернигова Игумень борисоглѣбскій Іоаннъ. Несчетное множество народа было угощаемо въ обители Печерской (ы). Въ 1240 г.

(ъ) Скарбница Іоанникія Галатовскаго Нов. Сѣвер. 1676 г. Чудо 1-е и 2-е. Пещеры черниговскія были возобновлены въ 1792 г. Ходы въ нихъ большею частію искривленные, и ихъ довольно много; нѣкоторые свободны, а другіе такъ тѣсны, что едва можетъ пройти одинъ человекъ. Часть ихъ со сводами изъ кирпича, другіе безъ сводовъ. При возобновленіи сихъ пещеръ нашли въ нихъ немало костей человѣческихъ; это кости иноковъ, думавшихъ во время нашествія татаръ укрыться здѣсь, но избитыхъ ими. Возлѣ Чернигова между монастырями Елецкимъ и Троицкимъ были еще пещеры, простиравшіяся сажень на полтора. Лѣтъ за 50 можно было ходить въ нихъ свободно. Кромѣ того противъ Троицкаго монастыря къ востоку видны еще небольшія пещеры, которыя называются Овоаріевскими (Дост. Черниг. Чт. Москов. Общ. Ист. и древн. 1847 г. № 1. Слѣсь, стр. 12. 14.).

(ы) Лавр. Лѣт. 194.

татары взяли Кіевъ и раззорили Печерскую обитель. Стѣны монастырскія они разрушили до основанія, церковь разломали до половинны и всѣ другія зданія разрушили, иноковъ нныхъ умертвили, другихъ захватывали въ плѣнъ. Оставшіеся въ живыхъ иноки не имѣли уже въ Печерской обители пристанища сколько отъ разоренія, столько и отъ страха новыхъ нашествій. Иногда только сходились они тайно въ одинъ ущѣлвшій отъ разоренія придѣлъ церковный на Божию службу по благовѣсту въ малый колоколь, изрѣдка производимому. А постоянное пристанище они находили себѣ по лѣсамъ и дебрямъ, выкопали тамъ себѣ уединенныя пещеры, которыхъ и доселѣ много открывается по всей горѣ внизъ, отъ Печерскаго монастыря (ъ).

Болѣе другихъ пещеры Гнилецкія. Верстахъ въ семи отъ Кіева и въ трехъ отъ села Пирогова, еще до разоренія Кіева монголами, была Гнилецкая пустыня съ церковію въ честь Рождества Богородицы, Вблизи этого мѣста находятся пещеры, называемыя, по преданію, Антоніевыми. Самымъ устройствомъ Гнилецкія пещеры сходны съ Лаврскими. Онѣ имѣютъ два входа: одинъ съ восточной, другой съ западной стороны. Пространство отъ одного входа до другаго на поверхности около 15 сажень. Отъ каждаго входа пещерная улица идетъ покато внизъ, въ длину сажень около десяти, вышиной въ сажень, а шириной не болѣе аршина. Потомъ эти улицы раздѣляются на нѣсколько вѣтвей, или отдѣльныхъ вхо-

(ъ) Ипат. Лѣт. 179. Синопс. Кіев. 87 и 88.

довъ. Тамъ, гдѣ развѣтвляется восточная улица, встрѣчается ровная площадка, въ срединѣ которой устроена небольшая земляная палатка. При задней сторонѣ ея обдѣлана четверугольная глыба земли, напоминающая престолъ; съ лѣвой же стороны обдѣланная узкая глыба земли представляетъ подобіе жертвенника. По такимъ признакамъ, равно какъ и по разительному сходству этой палатки съ такъ называемою общиною св. Отцевъ, находящеюся въ Лаврскихъ Антоніевыхъ пещерахъ, въ которой совершалось древними иноками богослуженіе, не льзя не предполагать, что эта палатка устроена была для той-же благочестивой цѣли. Вокругъ нея, отдѣляясь ходами и простѣнками, на разныхъ сторонахъ ея находятся три келліи, шириною въ два аршина, длиною около трехъ. Въ каждой келліи устроено земляное ложе и на стѣнахъ вырѣзаны кресты. Здѣсь, вѣроятно, было главное пребываніе Печерскихъ иноковъ, бѣжавшихъ изъ своей разоренной татарами обители (ѣ).

Прошло много времени прежде, нежели Печерская обитель достигла вновь цвѣтушаго состоянія. Но ея заслуга уже была совершена. Долго она была учительницею нравственности христіанской. Больше 50 изъ числа ея иноковъ занимали епископскія кафедры. Ея уставъ принятъ всюду. Ея иноки положили начало многимъ обителямъ. Жизнь подвижниковъ Печерскихъ, сохранившался въ писаніяхъ Печерскихъ ино-

(ѣ) Кісмянинъ 1840 г. стр. 63. Фундукл. обзоръ. Кіев. древн. Кіевъ. 1841 г. стр. 27

ковъ, сдѣлалась примѣромъ для подражанія, побужденіемъ къ лучшимъ подвигамъ, и самыя писанія иноковъ Печерскихъ Іакова, Нестора, Симона и Полкарпа сдѣлались руководствомъ къ благочестивой жизни.

Послѣ раззоренія и опустошенія южной Россіи монголами, монашество замѣтно здѣсь угасло. Съ одной стороны мечъ монголовъ и крымскихъ татаръ, съ другой—постоянные набѣги литовцевъ не давали мирнаго пріюта для иноческой жизни. Любители иноческой жизни удалялись болѣе на сѣверъ Россіи, чтобы тамъ въ глубинѣ лѣсовъ проводить иноческую жизнь.

На югѣ Россіи, иноческія обители сохранялись и умножались на Волыни и въ Галиціи, подѣ защитою сильныхъ православныхъ князей.

На Волыни во Владиміръ былъ Богородичный каѳедральный монастырь (э), Михайловъ (ю), Святогорскій (я) и Апостольскій (ѳ). Въ Галицкомъ княжествѣ Даниловъ въ Угровскѣ (ѵ), въ Холмѣ каѳедральный и Полонинскій не вдалекѣ отъ Галича (а), Синеводскій въ Стрыйскомъ округѣ (б), Георгіевскій во Львовѣ (в), Сѣвскій близъ Санбора и Лавровъ

(э) Ипат. Лѣт. 202.

(ю) Тамже стр. 204.

(я) Несторъ въ житіи Θεодосія. Основанъ сей монастырь Варлаамомъ, первымъ Игуменомъ Печерскимъ.

(ѳ) Ипат. Лѣт. стр. 215. 222.

(ѵ) Тамже. 204.

(а) Тамже стр. 201.

(б) Ист. Госуд. Росс. Кар. IV. пр. 20.

(в) Тамже прим. 144.

въ Санборскомъ округъ (г). Для насъ сохранилось имя только одного изъ великихъ подвижниковъ сихъ монастырей Григорія Полонинскаго. Въ Князь Новгородъ Литовскаго Воишелкъ, жестокомъ язычникъ, пробудился страхъ Божій, и онъ рѣшился принять крещеніе, крестившись вполнѣ посвятить себя Богу, отказаться отъ княженія и вступить въ монастырь. Онъ пошелъ въ Полонинскій монастырь, гдѣ былъ игуменомъ Григорій. Григорій, говоритъ лѣтописецъ, былъ человекъ святой, какого не было до него и послѣ него не будетъ. Здѣсь Воишелкъ постригся и пробылъ подъ его руководствомъ три года (д). Потомъ, съ его благословенія, пошелъ въ святую гору Аѳонъ, но по опасностямъ времени принужденъ былъ возвратиться изъ Болгаріи въ отечество. Здѣсь на берегу Нѣмана, не далеко отъ Новогродка, основалъ онъ свой монастырь и сталъ подвизаться въ немъ. Ни насмѣшки, ни угрозы отца не могли его отклонить отъ иноческой жизни. Оставивъ на время монастырь (1263 г.), чтобы отмстить убійцамъ своего отца, иннокъ-князь почелъ для себя первымъ долгомъ вызвать священниковъ, преимущественно изъ Пскова для обращенія литовцевъ въ православную вѣру. Потомъ, въ 1268 г. опять удалился въ монастырь св. Даниїла и тамъ облекся въ иноческую одежду

(г) Акт. Зап. Росс. Т. 1. пр. 28. Въ Спасскомъ былъ и погребенъ его строитель Левъ Даниловичъ 1301 г.

(д) Ипат. Лѣт. 201. Новгород. Лѣт. 1. 58. Новгородская лѣтопись говоритъ, что Воишелкъ постригся въ св. горѣ Синайской и тамъ пробылъ три года. Но мы предпочитаемъ извѣстіе вольнскаго Лѣтописца, ближе знавшаго дѣло.

и призывалъ къ себѣ Григорія, чтобы опять пользоваться его наставленіями въ иноческой жизни. Здѣсь Княземъ Львомъ Воишелкъ былъ убитъ; и другой Князь литовскій Римонтъ, сынъ Тройдена, жилъ и умеръ инокомъ въ Новгородскомъ Лаврищевомъ монастырѣ (е). Василько, отецъ Князя галицкаго Владимира, провелъ остатокъ дней своихъ въ дикой пещерѣ подъ горою Георгіевскаго Львовскаго монастыря, оплакивая грѣхи мірскаго властолюбія и кровавой дѣятельности (ж). Никто изъ князей южныхъ не построилъ столько монастырей, какъ сынъ Василька Владиміръ, истинный страдалецъ Божій (з).

Промыслъ сохранялъ иноческія обители въ Червонной Руси, какъ свои служебныя орудія въ обращеніи язычествующихъ литовцевъ въ христіанство и въ защитѣ православія противъ вліянія папизма.

Подобное же значеніе имѣли иноческія обители и въ полоцкомъ княжествѣ на сѣверо-западной границѣ русскихъ владѣній.

Первые монастыри въ Полоцкѣ основаны вмѣстѣ съ учрежденіемъ епископской кафедры, еще въ XI в. (и). Но только въ XII в. подвиги полоцкой княжны Евфросиніи, по мірскому имени Предславы, дочери полоцкаго Князя Георгія-Святослава Всеславича, осветили для исторіи иноческую жизнь въ семь городѣ.

(е) Ипат. лѣт. 204. Густин. лѣт. 346. Лѣт. запад. росс. Т. 1. пр 28.

(ж) Карамз. 4. прим. 144.

(з) Ипат. лѣт. 204—225.

(и) Первый монастырь въ Полоцкѣ былъ Свѣтійскій кафедральный.

Предслава, одаренная рѣдкими совершенствами души и тѣла, въ самомъ цвѣтѣ юности отвергнувъ блестящія увеселенія не только княжескаго Двора, но и всего міра, рѣшилась посвятить себя на служеніе Богу. Въ то время, когда многіе князья искали руки ея для любимыхъ сыновъ своихъ и сами родители Предславы помышляли избрать для нея достойнаго супруга, она тайно оставила отеческій домъ и облеклась въ иноческую одежду въ одной изъ обителей, гдѣ жила инокинею ея тѣтка, супруга Князя Романа Всеславича. Евфросинія, — такъ названа Предслава по ея постриженіи, — пребывала сперва при епископскомъ Софійскомъ храмѣ въ уединенномъ притворѣ (голубцѣ), упражняясь въ постѣ и молитвахъ. Въ часы отдыха отъ молитвенныхъ занятій, она занималась списываніемъ Священныхъ Книгъ. Въ самыхъ дѣтскихъ годахъ она отличалась особенною любовью къ образованію, такъ что изумлялся ея отецъ этой охотѣ къ ученію. Потому и теперь списываніе книгъ было любимымъ ея занятіемъ. Цѣною трудовъ своихъ она питала нищихъ. Спусти нѣсколько времени, по любви къ безмолвію, пожелавъ переселиться за городъ, по указанію Ангела, она избрала себѣ для жительства такъ называемое сельцо или подворье съ угодьями, принадлежавшее къ архіерейской каюедрѣ, гдѣ находилась малая деревянная церковь, посвященная имени Спасителя, при коей погребали епископовъ полоцкихъ. Испросивъ себѣ у Епископа сіе мѣсто, Евфросинія, съ его благословенія, основала здѣсь дѣвичью обитель, воздвигла каменный храмъ Всемилостивому Спасу (і) и выпросила для онаго у

(і) Въ двухъ верстахъ отъ Полоцка при рѣчкѣ, на возвышенномъ

греческаго Императора Мануила и царградскаго Патріарха Луки ХризOVERга Ефесскую икону Богоматери (к). Сдѣлавшись игуменіею, она приняла къ себѣ въ обитель младшую свою родную сестру Гридиславу (Евдокію) и двоюродную Звениславу (Евпраксію), дочь Князя Бориса Всеславича, также двухъ племянницъ, дочерей брата своего Вячеслава. Евфросинія для себя и для сестры устроила на хорахъ съ правой и лѣвой стороны двѣ тѣсныя келліи, гдѣ онѣ и предавались богомыслію. Въ житіи Евфросиніи сохранилась трогательная бесѣда, которою возбуждала она сестеръ къ подвижничеству. «Я собрала васъ о Господѣ, какъ кокошь птенцовъ своихъ подъ крылья и какъ словесныхъ овецъ на божественную пажить. Итакъ, наситесь въ заповѣдяхъ Господнихъ и возрастайте въ добродѣтеляхъ отъ силы въ силу, чтобы я могла радостно пещись о вашемъ спасеніи и поучать васъ и съ веселіемъ видѣть духовныя плоды трудовъ вашихъ. Ибо стараюсь многими поученіями съять въ васъ слова Божіи; но сердечныя ваши нивы остаются въ прежнемъ видѣ и не зрѣютъ въ совершенство добродѣтелей, а время жатвы приближается и лопата готова на гумнѣ, чтобы отребить плевелы отъ пшеницы. И страшусь, да не обратятся въ васъ плевелы и да не будете преданы огню неугасному. Потщитесь, молю васъ, сестры

мѣсть, и теперь еще стоитъ храмъ, воздвигнутый Евфросиніею. Оставшіяся на стѣнахъ надписи и живопись относятся ко времени основанія храма. Кеппена опис. росс. памятн. М. 1822 г. 35.

(к) Икона Ефесской Богоматери находится теперь въ Торонпъ и именуется Корсунскою.

мои, потщитесь соблюсти себя отъ грѣховныхъ плевель и избѣгнуть огня геенскаго. Содѣлайтесь чистою пшеницею Христовою, измѣлитесь въ жерновахъ смиренія постническими трудами, чистою, любовію и молитвами, да будете Богу какъ хлѣбъ сладкій ».

Вблизи своей обители Евфросинія соорудила другую церковь во имя Пресвятой Богородицы, благолепно украсила ее иконами и учредила при ней особое общежитіе для иноковъ. Снабдивъ оба монастыря разными угодами и давъ имъ свой уставъ (нарядъ), поручила управленіе Спасской обители сестрѣ своей Гридиславѣ, а сама, по данному обѣщанію, отправилась съ братомъ княземъ Давидомъ и сестрою Евпраксіею въ Палестину для поклоненія гробу Господню.

Примѣры путешествія русскихъ иноковъ въ Иерусалимъ были нѣредки и въ первыя времена христіанства въ Россіи. Такъ, первый игумень Печерскій Варлаамъ былъ въ Иерусалимѣ около 1060 г. Въ половинѣ XII в. столько являлось желавшихъ идти на Востокъ, что пастырямъ Церкви надлежало оныхъ останавливать. Нифонтъ, Епископъ новгородскій, не дозволяя разрѣшать каждому идти на Востокъ, говорилъ: нѣмѣ идти за тѣмъ, чтобы, скитаясь тамъ и здѣсь, пить и ѣсть чужое; это худо, надобно запрещать (а). Церкви не запрещали совсѣмъ путешествій къ святымъ мѣстамъ, а только старались внушить богомольцамъ правильное понятіе о достоинствѣ сихъ подвиговъ. Въ началѣ XII в. былъ въ Иерусалимѣ игумень Даніиль. Въ своемъ хожденіи онъ пишетъ:

(а) Вопр. Кирика Памятн. Росс. Слов. XII в. Камайд. стр. 176.

«поставихъ азъ кадило на святомъ гробѣ и поклонихся честному тому гробу и облобызахъ съ любовію и слезами мѣсто святое, гдѣже лежало пречистое тѣло Господа нашего Иисуса Христа». Тамъ онъ молился за свою отчизну, за ея князей, друзей и знаемыхъ. Тамъ онъ нашелъ и другихъ русскихъ поклонниковъ. Даниилъ указываетъ и на заблужденіе, что многіе, сходявъ въ Іерусалимъ, считаютъ это за особую заслугу и гордостно теряютъ мзду свою (м).

Но чистое желаніе и одно горячее усердіе влекло Евфросинію въ святую землю. Посѣтивъ святыя мѣста, ознаменованныя подвигами и страданіями Спасителя, поставила она на гробѣ Его златую кадильницу съ еиміамомъ. Тамъ въ святой землѣ и кончила жизнь свою преподобная Евфросинія, въ Іерусалимскомъ монастырѣ Богоматери въ 1175 г. и, по завѣщанію ея, погребена въ палестинской обители Θεодосіа (н).

(м) Сказ. русск. вар. Сахар. Ч. 2. Путешествіе Даниила.

(н) Степ. кн. I, 271. Карамз. II, 441. Жизнь Евфросиніи описана была при Митрополитѣ Макаріѣ. Полное и основательное изслѣдованіе о жизни преп. Евфросиніи издано К. С. Сербиновичемъ. С. П. Б. 1841 г. Кроме монастырей, основанныхъ преп. Евфросиніей, въ Полоцкѣ известны еще монастыри: Троицкій за рѣкою Пологою, Михайловскій Городецкій, Воскресенскій или Мошенецкій въ нижнемъ замкѣ, Николаевскій на Лучнѣ, основанный Епископомъ Симеономъ Новгородцемъ въ XIII в., Борисоглебскій, или Бѣлицкій, Космодамианскій, Преображенскій, или Заполоцкій и Георгіевскій въ полѣ. Въ XIV в. Князьями полоцкими—Онуфриемъ построены Предтечинскій монастырь на островѣ Екиманскомъ, и Михайломъ Петровскій въ Полоцкомъ замкѣ. Акт. Зап. Росс. Т. I. пр. II. N 13. 14. 27.

Въ XII в. также распространилось монашество и въ области смоленской въ сосѣдствѣ съ Полоцкомъ. Изъ житія Авраамія смоленскаго видно, что иноческія обители образовались въ Смоленскѣ довольно рано. Преподобный Авраамій родился въ Смоленскѣ и воспитывался тамъ въ домѣ родительскомъ. Съ юныхъ лѣтъ прилежалъ онъ чтенію житій Святыхъ и къ слушанію слова Божія. Лишившись родителей, Авраамій рѣшился посвятить себя жизни иноческой. Раздавъ имѣніе свое бѣднымъ, онъ постригся въ монастырь Пресвятыя Богородицы, бывшемъ въ шести верстахъ отъ Смоленска (о), и вскорѣ удостоился сана священническаго. Ревнуя о просвѣщеніи коснѣвшихъ въ невѣжествѣ гражданъ, онъ сталъ говорить поученія и привлекалъ въ Богородицкую обитель своимъ краснорѣчіемъ множество слушателей. Но его слава возбудила зависть. Игумень сначала запретилъ ему проповѣдывать, а потомъ изгналъ изъ обители. Авраамій перешелъ въ Смоленскѣ и поселился тамъ въ монастырь св. Креста, находившемся на правой сторонѣ Днѣпра, на Покровской горѣ (п). Поученія Авраамія стали и здѣсь привлекать къ нему слушателей, а неуспынная его забота и старанія привели обитель въ цвѣтущее состояніе. Но и здѣсь зависть не дала покоя Преподобному. На него возстали городскіе священники. «Онъ отвратилъ отъ насъ нашихъ

(о) На мѣстѣ древняго Успенскаго монастыря теперь находится село Богородицкое въ шести верстахъ отъ Смоленска на Рославской дорогѣ.

(п) Слѣды Крестовоздвиженскаго монастыря указываютъ и теперь близъ нынѣшней кладбищенской церкви св. Гурія, Самона и Авива.

дѣтей духовныхъ », говорили они и выставяли его предъ народомъ еретикомъ, чернокнижникомъ, лже-пророкомъ, схватили его и представили на судъ смоленскому Епископу Игнатію. На судъ былъ и Князь Мстиславъ Ростиславичъ. Игнатій, желая прекратить смущеніе народное, отослалъ Авраамія въ прежній Богородицкій монастырь, запретивъ ему священнодѣйствіе. Защитникомъ Авраамія былъ священникъ Лазарь. Сдѣлавшись епископомъ Смоленскимъ, онъ призвалъ его къ себѣ, поставилъ игуменомъ вновь основаннаго монастыря Пресвятыя Богородицы въ Смоленскѣ и сдѣлалъ его Архимандритомъ прочихъ монастырей. Здѣсь Преподобный послѣ 50 лѣтняго иночества кончилъ жизнь свою. Богородицкій смоленскій монастырь именуется Аврааміевымъ (р).

При урочищѣ Смядынъ близъ Смоленска еще въ 1138 г. упоминается монастырь, въ которомъ въ 1145 г. выстроена каменная церковь во имя Бориса и Глѣба, въ память мученической кончины Князя Глѣба, убитаго здѣсь. Ослѣпленные владимірцами Князя Мстиславъ и Ярополкъ Ростиславичи, потомъ освобожденные Всеволодомъ Юрьевичемъ, на пути своемъ въ южную Россію, прозрѣли въ Смоленскѣ 15 Сент. 1177 г., съ усердіемъ молясь въ Смядынской церкви. Здѣсь постригся смоленскій Князь Давидъ Ростиславичъ предъ своею кончиною 1197 г. Апрѣля 28.

(р) Въ рукописномъ житіи Авраамія смоленскаго надписывается, что оно писано ученикомъ его Ефремомъ. Въ житіи Авраамія дѣйствительно сохранились многія черты, свидѣтельствующія о близости писавшаго ко времени жизни Авраамія.

С Л О В О (*)

**ВЪ ДЕНЬ СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ И ТЕЗОИМЕНИТСТВА
БЛАГОЧЕСТИВЪЙШАГО ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИ-
КОЛАЯ ПАВЛОВИЧА.**

*Повинуйтесь наставникомъ вашимъ
и покаряйтесь. Евр. 13, 17.*

И какъ не покоряться наставникамъ, иже глаголаша намъ слово Божіе (Евр. 13, 7.)? Какъ не повиноваться наставленіямъ ихъ, когда они бдятъ о душахъ нашихъ (13, 17.)? Для чего же мы и поминаемъ наставниковъ (13, 7.) нашихъ, для чего и совершаемъ память Святыхъ Божіихъ, если не хотимъ слѣдовать ни тѣмъ правиламъ, какимъ они слѣдовали и намъ заповѣдали слѣдовать, ни тѣмъ примѣрамъ благочестія, какіе они оставили намъ для подражанія? Но спросите: въ чемъ же мы должны покаряться и подражать тѣмъ, коихъ Апостоль называетъ наставниками нашими? *Подражайте вѣрѣ ихъ* (Евр. 13, 7.), говоритъ онъ. Ничто столько не нужно человѣку, какъ вѣра. Отъ нея зависить не только блаженство будущей жизни, но и благополучіе настоящей жизни, и не только благополучіе каждаго изъ насъ, но и благосостояніе цѣлыхъ обществъ.

(*) Говорено 6 декабря, 1851 года.

Не другую, конечно, цель имѣютъ и всѣ общественныя учрежденія, какъ благоденствіе обществъ. Для сей цели учреждаются и власти; для сей цели издаются и законы; для сей цели во всѣхъ градѣхъ *поставляются судии* (Второз. 16, 18.),—блюстители законовъ; для сей цели полезные члены общества награждаются, а вредные наказываются. Ту же цель имѣютъ и всѣ другія общественныя учрежденія. Но для достиженія сей цели необходимо, чтобы члены общества смотрѣли на общественныя учрежденія съ уваженіемъ, чтобы они не думали оспаривать обязательности для нихъ законовъ, чтобы повиновеніе властямъ почитали они священнымъ для себя долгомъ. Иначе, кто поручился бы за прочность общественныхъ учрежденій, какъ бы онъ ни были благодѣтельны для общества? Чтѣ-же дѣлаютъ сіи учрежденія священными для насъ? Именно вѣра. Вѣра освящаетъ власти земныя, показывая ихъ небесное происхожденіе, возвышая намъ отъ лица Божія, что *Вышній владѣтъ царствомъ человѣческимъ, и ему же восхождетъ, дастъ е* (Дан. 4, 29.), что *Имъ царіе царствуютъ и вельможи величаются* (Притч. 8, 15. 16.), что *нѣсть власть, аще не отъ Бога* (Рим. 13, 1.), что каждый начальникъ есть слуга Божій, поставленный надъ нами для нашего же блага (Рим. 13, 4.). Вѣра утверждаетъ насъ въ той мысли, что издаваемые правительствомъ законы начертываются подъ вліяніемъ Промысла Божія. Вѣра повелѣваетъ намъ повиноваться властямъ (Рим. 13, 1.), *не токмо благимъ и кроткимъ, но и строптивымъ* (1 Петр. 2, 18.), угрожая гнѣвомъ небеснымъ (Ефес. 5, 6.) непокаряющемуся властямъ, какъ преступнику, который *Божію повелѣ-*

нiю противляется (Рим. 13, 2.). Вѣра предписываетъ намъ служить *имъ съ уваженiемъ и въ простотѣ сердца, какъ самому Господу, а не челоуѣкамъ* (Ефес. 6, 5. 7.), и не изъ страха только, или какихъ-нибудь своекорыстныхъ видовъ, *но по совѣсти* (Рим. 13, 5.), по убѣжденiю, что, исполняя ихъ велѣнiя отъ души, мы теоримъ волю Божию (Ефес. 6, 6.), а не челоуѣческую. И вотъ, именно тамъ, гдѣ разумъ и воля челоуѣческiе покорны вѣрѣ евангельской, подданные чтутъ и гражданскiе законы, какъ святыню, благоговѣютъ предъ властiю, какъ предъ Божественнымъ учрежденiемъ; а гдѣ оскудѣваетъ это небесное чувство, гдѣ умы, къ несчастiю общества, заражаются невѣрiемъ, тамъ не уважаются и общественныя учрежденiя, тамъ покорность кажется тяжкимъ игомъ: тамъ не можетъ быть общественнаго благоденствiя.

Вѣра служитъ главною опорою и всей нашей нравственности, отъ которой зависитъ общественное благоденствiе такъ-же, какъ и счастье каждаго изъ насъ. Для благоденствiя общества нужно, чтобы члены его были справедливы, честны, сострадательны, миролюбивы и трудолюбивы; нужно, чтобы они сами споспѣшествовали благосостоянiю общества, чѣмъ каждый можетъ, напримѣръ, чтобы облеченный властiю употреблялъ все вниманiе и дѣятельность на охраненiе общественной безопасности, на огражденiе правъ челоуѣчества отъ разрушительнаго дѣйствiя страстей челоуѣческихъ, на защиту невинности отъ несправедливости и притѣсненiй; чтобы богатый облегчалъ своими избытками тягости тѣхъ, кому досталась въ удѣлъ бѣдность и нищета; чтобы вопнѣ

защищаль Вѣру, Царя и Отечество, не шадя своей жизни; чтобы Пастырь употреблялъ всѣ зависящія отъ него способы къ насажденію и возвращенію вѣры и благочестія въ сердцахъ людей, не уподобляясь упоминаемому въ нынѣ чтенномъ Евангеліи *наемнику*, который *не радитъ о овцахъ* (Іоан. 10, 13.). Словомъ: нужно, чтобы члены общества желали и старались быть полезными обществу по мѣрѣ силъ своихъ, а не о личныхъ только выгодахъ думали; что же всего важнѣе, нужно, чтобы они связаны были узами любви, сочувствія, взаимной довѣренности. Какое благоденствіе можетъ быть тамъ, гдѣ господствуетъ недовѣрчивость и несогласіе, гдѣ нѣтъ ни любви, ни справедливости, ни честности, ни состраданія? Какое благоденствіе въ томъ обществѣ, въ которомъ каждый заботится только о себѣ и основываетъ всѣ свои дѣйствія на личныхъ выгодахъ, въ которомъ каждый хочетъ жить на счетъ другихъ, въ которомъ всѣ желаютъ пользоваться выгодами общежитія только для удовлетворенія своего честолюбія, или корыстолюбія, или сластолюбія? Но что можетъ истребить это зло, которое такъ близко къ глубокой безнравственности, въ самомъ его источникѣ? Вѣра. Она въдряетъ въ сердце наше тотъ страхъ Божій, который можетъ удержать насъ не только отъ худыхъ поступковъ, но и отъ худыхъ помысловъ, внушая каждому изъ насъ, что всѣ дѣйствія наши видитъ правосудный Господь, что отъ Его всевидящаго ока не укроются не только явныя, или видимыя людьми, но и тайныя дѣла наши, и не только дѣла, но и самыя помышленія наши (Апок. 2, 23. Евр. 4, 13.). Вѣра въщаетъ властителю, что и отъ него нѣкогда

потребуетъ Господь отчета въ употребленіи ввѣренной ему власти. Вѣра повелѣваетъ судѣ *судить* людямъ *судъ приведенный*, не взирая на родство, на дружбу, на своекорыстные разсчеты (Второз. 16, 18—20.). Вѣра дѣлаетъ воина мужественнымъ и безстрашнымъ предъ лицомъ самой смерти, указуя ему на другую жизнь, гдѣ положившихъ животъ свой за Вѣру, Царя и Отечество ожидаетъ вѣнецъ безсмертія. Вѣра предписываетъ Пастырю *выполнять служеніе* свое со всемъ усердіемъ, *настоять* *благовременнѣ* и *безвременнѣ*, *иныхъ обличать*, *инымъ запрещать*, *иныхъ умолять* со всякимъ *долготерпѣніемъ* и *ученіемъ*, хотя бы потребовалось пострадать за дѣло *благовѣстника* (2 Тим. 4, 2. 5.). Вѣра научаетъ насъ и всемъ другимъ добродѣтелямъ, безъ которыхъ общество не можетъ благоденствовать. Она повелѣваетъ *воздавать* *всѣмъ* *должная*: *емуже урокъ*, *урокъ*, *емуже дань*, *дань*, *а емуже страхъ*, *страхъ*, *и емуже честь*, *честь* (Рим. 13, 7.). Она внушаетъ, чтобы мы *другъ друга тяготы носили*, чтобы *со всеми людьми жили въ миръ*, сколько сіе *зависитъ* отъ насъ (Рим. 12, 18.), чтобы *всѣ свой хлѣбъ ѣли* (2 Солун. 3, 12.), *не чужими, а своими руками дѣлая* *благое* (Ефес. 4, 28.), чтобы *всѣ о томъ* только и *помышляли*, *что истинно*, *что честно*, *что справедливо*, *что чисто*, *что Богу и людямъ любезно*, *что составляетъ добродѣтель* (Филип. 4, 8.). Вѣра, наконецъ, подавляя въ насъ *себялюбіе*, полагаетъ въ основаніе *всѣхъ нашихъ дѣйствій* *чистую любовь къ Богу и ближнему* (Матѣ. 22, 37—39.), *любовь*, которая *долготерпитъ*, *милосердствуетъ*, никому не зави-

дитъ, ничѣмъ не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своихъ си, не раздражается, не помнитъ зла, не радуется о неправдѣ, радуется же о истинѣ, вся любитъ, всему вѣру емлетъ, вся уповаешь, вся терпимъ (1 Кор. 13, 4—7.), любовь, которая побуждаетъ истинно вѣрующаго благословлять даже кланущихъ его, добро творить даже ненавидящимъ его (Матѳ. 5, 44.).

Одупевленный такими чувствами человекъ на какой подвигъ не рѣшится для блага общества? Напротивъ, какого добра можно ожидать отъ человека безъ вѣры, для котораго нѣтъ ничего святаго? Чтò можетъ обуздать порочныя склонности его, когда онъ не страшится суда Божія? Страхъ суда человѣческаго? Чувство долга? Просвѣщеніе? Но страхъ суда человѣческаго удержитъ его только отъ явныхъ беззаконій, которыхъ не лѣзя скрыть отъ людей. Не надежно само по себѣ и чувство долга въ томъ, кто не убѣжденъ въ истинѣхъ вѣры, а слѣдовательно и въ правилахъ добродѣтели. Почтетъ ли онъ своимъ долгомъ жертвовать обществу своимъ личнымъ выгодамъ, чтò часто бываешь необходимо? Не скорѣе ли, напротивъ, онъ предпочтетъ общему благу свои собственные выгоды, когда это будетъ зависѣть отъ него самого? Не пользуясь въ обществѣ преимуществами, какими пользуются другіе, станетъ ли онъ равнодушно смотрѣть на счастье другихъ? Кто докажетъ ему, безъ помощи вѣры, что занимаемое имъ въ обществѣ мѣсто назначено ему самимъ Богомъ, что не только для общества, но и для него самого лучше—жить въ несчастіи, лучше—терпѣть всякаго рода лишенія, чѣмъ посягнуть на счастье другихъ,

изъ какихъ бы то ни было своекорыстныхъ видовъ, или незаконнымъ образомъ занять въ обществѣ такое мѣсто, которое не принадлежитъ ему ни по рожденію, ни по заслугамъ, ни по образованію? Что, наконецъ, сдѣлаетъ и самое просвѣщеніе тамъ, гдѣ ничему не вѣрятъ, ничего не уважаютъ? Просвѣщеніе можетъ улучшить состояніе общества въ-отношеніи къ удобствамъ жизни; но не можетъ оно, безъ помощи вѣры, сдѣлать людей терпѣливыми, безкорыстными, великодушными, правдивыми, постоянными, словомъ: истинно добродѣтельными. А безъ этого можетъ ли оно водворить въ обществѣ и тотъ миръ, то благоденствіе, которое зависитъ отъ добрыхъ нравовъ гражданъ? Гдѣ опыты такой мудрости разума человеческого? Не свидѣтельствуютъ ли напротивъ событія и протекшихъ и настоящихъ временъ, что и просвѣщеніе приноситъ благіе плоды обществу только тогда, когда основаніемъ ему служитъ вѣра, что земная мудрость, неосвященная мудростію небесною, перѣдко приводитъ въ разстройство благоустроенный истинною мудростію порядокъ въ обществѣ, что тогда-то особенно и открывается недалновидность разума человеческого, когда онъ возмечтаетъ, что все зависитъ единственно отъ его прозорливости и дальновидности? Сказалъ некогда Пророкъ Божій о народѣ израильскомъ, что *сѣмя свято стояніе его* (Иса. 6, 13.), — и народъ сей благоденствовалъ тогда, когда не оскудвало въ немъ сѣмя Святыхъ. Говорить слово Божіе и вообще, что *еще не Господь созиждетъ домъ, всеу трудишася зиждущимъ, еще не Господь сохранитъ градъ, всеу бдѣ стрегимъ* (Псал. 126, 1.). Какого же, послѣ сего, благоден-

ствія ожидать тамъ, гдѣ, при всѣхъ успѣхахъ просвѣщенія, при всѣхъ удобствахъ общежитія, не будетъ доставать одного изъ самыхъ существенныхъ условій благосостоянія общества — вѣры и благочестія, гдѣ больше будутъ вѣрить въ близорукій разумъ человеческій, чѣмъ во всеустроющую Промысль Божій? Для благоденствія необходимо благословеніе Божіе. А гдѣ нѣтъ благословенія Божія, тамъ нечего и ожидать, кромѣ *нестроеній* (Іак. 3, 16.).

Да благословитъ Господь *всѣмъ* благословеніемъ (Ефес. 1, 3.) того, кто ограждаетъ безопасность и благоденствіе наше крѣпкими оплотами вѣры! Да подастъ Господь, молитвами Святителя Николая, поборнику нашей вѣры Благочестивѣйшему Самодержцу нашему Николаю Павловичу долгоденственное и мирное житіе, здравіе и спасеніе, и во всемъ благое поспѣшеніе, на враги же побѣду и одолѣніе! Да благоденствуетъ Онъ для нашего благоденствія, для огражденія слуха и сердца нашего отъ всѣхъ обаяній тѣхъ *лжеученій*, кои несогласны съ ученіемъ вѣры!

Храни вѣру отцевъ твоихъ, благословенная Россія, паче всего храни сей залогъ твоего благоденствія! Въ силѣ вѣры заключается тайна и твоего могущества. Доколь тверды будутъ у тебя оплоты вѣры, доколь св. вѣра поддерживаетъ и укрѣпляетъ въ сынахъ твоихъ духъ христіанской покорности власти предержащей, доколь св. вѣра соединяетъ ихъ, какъ членовъ одного великаго семейства, союзомъ братской любви и согласія, *дотоль и врата адава не одолѣютъ* (Матѣ. 16, 18.) тебя. *Аще Богъ по насъ, кто на ны* (Рим. 8, 31.)? Амѣнь.



ВЫПИСКА ИЗЪ ПИСЬМА

ПРЕОСВЯЩЕННАГО ИННОКЕНТІЯ, АРХІЕПИСКОПА
КАМЧАТСКАГО, КЪ МИТРОПОЛИТУ МОСКОВСКОМУ,
ОТЪ 21 МАІЯ 1851 ГОДА.

Паки и многожды слава и благодареніе Господу, хранившему и хранящему меня даже до нынѣ во всѣхъ многообразныхъ путяхъ и входахъ и исходахъ моихъ! Онъ помогъ мнѣ совершить и третіе мое путешествіе по азіатской части ввѣренной мнѣ епархіи благополучно и здорово. Не смотря на разныя переменны стихій, времени года и проч. никто изъ бывшихъ со мною не потерпѣлъ въ пути ничего слишкомъ непріятнаго или вреднаго; и какъ я самъ (а), такъ и бывшіе со мною (б) во все время были совершенно здоровы.

(а) Вскорѣ по отбытіи изъ Петропавловска я началъ чувствовать боль въ лѣвой рукѣ, которая не прошла еще и теперь; но она мнѣ пока еще не препятствуетъ дѣлать свое дѣло. Следов. ее нечего считать и болѣзнію.

(б) Взятый мною изъ Ситхи келейникъ (креоль), онъ же регентъ, писецъ и іподіаконъ, въ Гижигѣ отморозилъ руки; но онъ уже почти совсѣмъ поправился и притомъ это съ нимъ случилось на мѣстѣ и не въ пути; следов. нечего считать и его въ числѣ больныхъ.

8 Августа 1850. Я отправился на рѣку Камчатку для обозрѣнія находящихся тамъ церквей; сначала версть около 200 ѣхали на верховыхъ лошадяхъ, а потомъ плыли на лодкахъ по рѣкѣ Камчаткѣ. 28 Августа возвратился я въ Петропавловскъ, гдѣ и проживалъ безотлучно до 14 Ноября. Съ этого дня началось мое зимнее путешествіе сначала на собакахъ до Коряковъ, потомъ на оленяхъ, а тамъ опять на собакахъ, и наконецъ на оленяхъ прибыли въ Аянъ. Съ 18 по 30 Генваря проживалъ я въ Гижигѣ, съ 25 Феврала по 8 Марта—въ Охотскѣ и наконецъ 3 Апрѣля прибылъ я въ Аянъ; и тѣмъ кончилось мое путешествіе по твердой землѣ.

Изъ Охотска въ Аянъ я нынѣ ѣхалъ путемъ новымъ, т. е. по рѣкѣ Маѣ сверху внизъ до *Нелькана*, гдѣ кочуютъ и бродятъ Тунгусы, принадлежащіе охотской Церкви, слѣдов. по мѣстамъ принадлежащимъ камчатской епархіи.

Говоря о входахъ и исходахъ моихъ, я не хочу умолчать объ одномъ случаѣ весьма для меня утѣшительномъ. Отправляясь въ послѣдній разъ изъ Петропавловска, я, судя по времени года и другимъ обстоятельствамъ, никакъ не могъ думать, что я къ 15 Декабря (т. е. къ дню, въ который я ровно за 10 лѣтъ удостоился рукоположенія въ настоящій санъ) могу пріѣхать въ Драннинское селеніе, гдѣ отстраивается новая Церковь, заложенная въ 1849 во имя св. Иннокентія, на мѣсто ветхой бывшей во имя того же Святителя, и даже будучи въ Тигиль (6 Декабря), я не надѣялся поспѣть къ этому дню на Дранну. Но Господь, удивляющій на мнѣ грѣшномъ милости

Своа, благоволилъ явить и сію милость: я сверхъ всякихъ расчетовъ прїѣхалъ на Дранну 13 ч. утромъ, т. е. къ самому времени. И 15 числа Господь сподобилъ меня совершить освященіе новаго храма во имя моего Ангела. Къ-тому же, ко времени освященія прїѣхали и всѣ тозны и старшины всѣхъ Олюторскихъ селеній, которые очень рѣдко бывають въ церкви, за отдаленностію, и которые потому никогда не видали архіерейскаго служенія. Это я считаю величайшей, незаслуженною наградою за мое путешествіе.

Путешествіе мое кончилось, — но что сказать объ немъ вообще?... Много разстоянія пройдено (болѣе 6000 верстъ, не считая морскихъ путей совершенныхъ и предстоящаго, а съ ними всего разстоянія будетъ 19,700 верстъ); много употреблено для сего времени (почти 10 мѣсяцовъ); много истрачено денегъ на прогоны (болѣе 3000 р. сер.); и много причинено трудовъ и хлѣпотъ обывателямъ, служившимъ мнѣ въ путяхъ моихъ; — но много ли сдѣлано пользы?... Конечно, не наше дѣло знать объ этомъ, ибо не наше дѣло *возвращать*; а наше дѣло только дѣлать; — и я, что могъ и сколько могъ, дѣлалъ. Такъ напр. во всѣхъ церквахъ мною посѣщенныхъ я отправлялъ литургіи, а въ часовняхъ — молебны или бдѣнія; и послѣ оныхъ предлагалъ поученія; и также ни-одного селенія, чрезъ которыя я проѣзжалъ, не оставилъ безъ того, чтобы не напомнить о главной цѣли существованія нашего на землѣ. И кромѣ того не оставлялъ безъ молитвеннаго благословенія и поученія и встрѣчавшихся мнѣ на пути Тунгусовъ, большею частію въ мѣстахъ пустыхъ, и которыхъ я

въ нынѣшнюю мою поѣздку видѣлъ довольно много; я служилъ для нихъ молебны подъ открытымъ небомъ, и проч.

Учрежденіе новой Миссіи.

Изъ всѣхъ разноплеменныхъ инородцевъ, обитающихъ на пространствѣ Гижигинскаго округа, до нынѣ посвящены св. крещеніемъ одни только Тунгусы (всѣ до одного) и нѣсколько Коряковъ осѣло живущихъ вблизи Гижиги (къ западу); а съ 1844 года начали креститься Чукчи, живущіе вблизи рѣки Анадыри. Всѣ же прочіе инородцы, какъ-то: бродячіе Коряки и другіе живущіе осѣло на берегахъ Берингова моря между Олоторцами и устьемъ рѣки Анадыри и даже Парэнцы и Каменцы, которые болѣе и чаще всѣхъ видятъ Русскихъ,—остаются еще во тмѣ и сѣни смертной; ибо до сихъ поръ, можно сказать, еще ни-одинъ изъ имѣющихъ право и обязанность проповѣдывать евангеліе, не путешествовалъ съ сею цѣлію не только по коряцкимъ стойбищамъ, но даже и по ближайшимъ селеніямъ инородцевъ. Причиною тому были разныя неблагопріятныя обстоятельства, и въ особенности—опасеніе отъ Каменцовъ, живущихъ на устьѣ рѣки Пенжины. Въ настоящее время,—когда проѣздъ чрезъ селенія Каменцовъ сдѣлался легче и безопаснѣе при благоразумномъ и благонамѣренномъ управленіи нынѣшняго начальника Гижиги (г. Бреверна, правос. испов.), и когда можно имѣть почти всѣ способы къ путешествію и притомъ находится человекъ, готовый на это дѣло дѣло, а мѣстное начальство обѣщается оказывать къ тому все содѣйствіе,—при такихъ обстоятельствахъ было

бы болѣе чѣмъ неростительно не сдѣлать опыта проповѣди евангелія между вышеозначенными инородцами.

И потому, призвавъ въ помощь Спасителя міра, я поручилъ вновь определенному къ Гижигинской церкви священнику, Льву Попову проповѣдывать евангеліе Корякамъ и прочимъ инородцамъ, обитающимъ въ Гижигинскомъ округѣ, дѣлая для сего разъѣзды, когда будетъ удобно. И если не встрѣтится какихъ-либо непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, могущихъ воспрепятствовать этому дѣлу; то дѣло проповѣди начнется нынѣшнею же весною.

ОБЪ АНАДЫРСКОЙ МИССИИ.

Съ бывшимъ анадырскимъ миссіонеромъ я нынѣ лично видѣлся въ Гижигѣ (а быть мнѣ въ самой миссіи рѣшительно невозможно, по чрезвычайной отдаленности). Изъ донесеній и отчетовъ его за 1848, 49 и 50 годы видно, что въ-теченіи сего времени имъ окрещено только 51 душа Чукочъ (в) оленныхъ и осѣдлыхъ; причины такого малаго успѣха были разныя. Въ-теченіи лѣта 1848 года онъ хотя и плавалъ къ устью рѣки Анадыра; но Чукочъ тамъ нашелъ гораздо меньше, чѣмъ въ прежніе годы; потому что многіе изъ нихъ, боясь прибытія судовъ къ устью рѣки, какъ это было въ 1847, откочевали въ дальнія мѣста, вообразивъ себѣ, что суда придутъ къ нимъ, не иначе какъ за тѣмъ, чтобы истребить ихъ.

(в) Всѣхъ же Чукочъ по 1851 годъ окрещено 294 души обоюго пола. Бывшій миссіонеръ увѣряетъ, что судя по настоящему положенію дѣлъ и мыслей Чукочъ, можно надѣяться на важные успѣхи.

Миссіонеръ, сколько могъ, старался переувѣрить ихъ и успокоить на счетъ приходящихъ и имѣющихъ приходиться къ нимъ судовъ. Изъ тѣхъ же Чукочъ, которыхъ онъ нашель тамъ, обратилось 18 душъ, въ числѣ коихъ три семейства оленныхъ. Въ 1849 году миссіонеръ не могъ дѣлать никакихъ путешествій, по причинѣ бывшаго въ той сторонѣ сильнаго голода. Въ 1850 г. онъ,—по причинѣ случившагося съ нимъ несчастія при возвращеніи изъ Гижиги въ Анадырскъ, гдѣ онъ при переѣздѣ чрезъ одну рѣку потерялъ всѣхъ своихъ собакъ и почти все свои вещи и припасы, и едва не потонулъ самъ, и потому, возвратясь въ миссію пѣшкомъ въ послѣднихъ числахъ Юля, —ранѣе 6 Августа не могъ предпринять путешествія по рѣкѣ Анадырь. И отправаюсь такъ поздно, онъ доплылъ только до устья рѣки Майны; и хотя могъ бы проплыть еще подальше, но встрѣтивъ здѣсь три байдары Чукочъ, шедшихъ въ миссію, и узнавъ отъ нихъ, что за ними еще идутъ Чукчи туда же, воротился обратно въ миссію. Во время пребыванія Чукочъ въ миссіи онъ обратилъ 24 души. Въ Ноябрь онъ сдалъ свою должность бывшему на мѣсто его священнику Никифорову.

ОБЪ ОЛЮТОРЦАХЪ.

Во второе путешествіе мое по Камчаткѣ (1847) я не завѣжалъ въ дальнія Олюторскія селенія; но нынѣ я по желанію ихъ проѣхалъ чрезъ все тѣже селенія, какъ и въ первое мое путешествіе; и въ самомъ дальнемъ изъ нихъ (Култушномъ) по причинѣ ненастья я прожилъ трои сутки; и здѣсь я не могъ не замѣтить,

что съ 1843 года Олюторцы всё вообще очень много измѣнились на лучшее. Такъ напр. крещенныхъ въ этомъ селеніи тогда было очень немного, а теперь почти половина; и можно надѣяться, что при содѣйствіи благодати, скоро не останется и ни-одного некрещеннаго. Всё вообще они стали кротче, привѣтливѣе и усерднѣе. Въ первое мое путешествіе они не хотѣли меня везти на своихъ собакахъ даже до ближайшаго кочевья Коряковъ; и это должны были сдѣлать Камчадалы; но нынѣ они сами привезли меня къ себѣ и отвезли на своихъ собакахъ до самыхъ Коряковъ, имѣвшихъ кочевье вдвое въ большемъ разстояніи, чѣмъ прежде.

Не лзя не отдать справедливости, да и сами Олюторцы свидѣтельствуютъ, что такой ихъ перемѣнѣ болѣе всѣхъ содѣйствовалъ священникъ Левъ Поповъ (переведенный нынѣ въ Гижигу), котораго они очень полюбили (полюбилъ и онъ ихъ); и потому, я поручилъ ему продолжать посѣщать Олюторцевъ по-прежнему и пока, относительно обращенія и назиданія, ихъ считать своими прихожанами.

По отзыву сего священника однимъ изъ важныхъ препятствіемъ къ обращенію Олюторцевъ было слѣдующее:

Слухи о *Кутхѣ*, котораго Камчадалы-язычники почитали богомъ своимъ (г).

Въ 1847 году разнесся слухъ по всему сѣверу камчатской области, что изъ глубины сѣвера идетъ или ѣдетъ на оленяхъ прежній камчадальскій богъ

(г) Коряки и Чукчи называютъ его иначе, каждый по своему.

Кутха, который всѣмъ даетъ все новое, т. е. оленей лучшей породы, сѣти, посуду и проч. новые и лучше, и гдѣ онъ проходитъ, тамъ исчезаетъ снѣгъ и является зелень и цвѣты, и проч. Не говоря уже о язычествующихъ инородцахъ, которые этому вѣрили вполнѣ, но и изъ крещенныхъ многіе стали вѣрить и даже Камчадалы, ближайшіе къ сѣверу, поколебались; и въ-слѣдствіе этого одни стали бросать свои вещи, а другіе оставлять въ явномъ небреженіи сѣтки, боты и проч.; а имѣющіе оленей, въ надеждѣ получить отъ Кутхи лучшей породы и въ большемъ количествѣ, стали убивать и иногда почти безъ всякой надобности лучшихъ оленей; и оттого, многіе изъ нихъ лишились большей половины стадъ своихъ. Къ счастью ихъ и самого края прибытіе Кутхи назначалось прямо и именно въ Мартъ 1848 года. И когда Мартъ прошелъ, то первые образумились Камчадалы и крещенные Олоторцы, а потомъ и всѣ прочіе. Теперь стыдятся объ этомъ рассказывать не только крещенные, но и самые упорные язычники. Первые слухи (д) объ этомъ между крещеными, а особенно между Камчадалами хранились въ глубокомъ секретѣ, и оттого священники могли узнать не скоро, и разумѣется, что они, узнавши объ этомъ, старались разувѣрять,—и не безъ успѣха. Такъ напр. одинъ олоторецъ, имѣющій до 3000 оленей, обращенный въ христіанство симъ же священникомъ Л. Поповымъ,

(д) Когда и отъ кого именно произошли сіи слухи, не лзя узнать. Говорятъ только, что вскорѣ послѣ ревизоровъ, бывшихъ въ Камчаткѣ въ 1848 году.

послушался его, и безъ нужды оленей своихъ не убиваль; и онъ теперь очень доволенъ тѣмъ, что послушался священника.

ОБРАЩЕНИЕ ШАМАНКИ.

И въ тоже время, — когда доходили слухи, что Кутха уже проѣхаль такія-то и такія мѣста и приближается къ предѣламъ камчатской области, — сила слова Божія оказала свое дѣйствіе въ сердцахъ той, въ которой менѣе всего можно было ожидать этого, именно — въ древней заколѣмой Шаманкѣ. Тотъ-же священникъ Л. Поповъ доноситъ мнѣ, что въ Сентябрѣ 1847 года во время путешествія его по приходу для исправленія требъ онъ въ одномъ мѣстѣ встрѣтился съ Шаманкою 65-лѣтнею старухою изъ Коряковъ, которую, пригласивъ къ себѣ, просилъ ее между прочимъ рассказать ему про ихъ вѣру; старуха согласилась; и между прочимъ сказала, что и они тоже молятся богу, поднимая глаза вверхъ и проч. и для бога своего убиваютъ или собаку или оленя, какъ придетъ на мысль. И на вопросъ: куда дѣвуютъ мясо то и другое, она отвѣчала, что мясо собакъ отдають богу, а оленье ѣдятъ сами. Послѣ сего священникъ попросилъ ее выслушать и его; и началъ свою рѣчь тѣмъ, что Богъ нашъ, дая намъ все, отъ насъ требуетъ только молитвы, послушанія и повиновенія Его закону; потомъ рассказалъ кратко исторію сотворенія міра и объ Иисусѣ Христвѣ. Старуха слушала все со вниманіемъ и безъ отягощенія; но на вопросъ священника, не хочетъ ли она креститься, отвѣчала, что она уже старуха, и что у ней нѣтъ желанія. Тѣмъ дѣло это и кончилось, и

они разстались. Но чрезъ три дня, когда священникъ былъ уже въ другомъ мѣстѣ въ 60 верстахъ ниже по рѣкѣ, та старуха явилась къ нему, приведя съ собою и 20 лѣтняго сына и настоятельно требовала отъ священника, чтобы онъ окрестилъ ихъ. На вопросъ, что ее заставляетъ креститься, она отвѣчала, что она, разставшись съ нимъ, цѣлую ночь не могла спать; ее беспокоитъ ея худая жизнь, и что она убѣждена, что вѣра христіанская лучше и проч. Когда же священникъ сказалъ, что онъ крестить ее не будетъ, пока не увѣрится и т. д., — старуха начала упрекать и обвинять его: «зачѣмъ же ты и говорилъ со мною о вѣрѣ своей?» и проч.; и священникъ, видя ея вѣру и искреннее усердіе, окрестилъ ее и сына ея.

Послѣ сего нельзя не сказать, что ежели и въ то время, когда всѣ вѣрили и съ часу на часъ ожидали Кутху, проповѣдь слова Божія имѣла свое дѣйствіе; то нѣтъ сомнѣній, что теперь, — когда ожидавшіе его стыдятся даже рассказывать о томъ, — проповѣдь о истинномъ Богѣ Спасителѣ міра не останется со-всѣмъ безплодною, при содѣйствіи Его.



ПИСЬМО

ПРЕОСВЯЩЕННАГО ИННОКЕНТІЯ, АРХІЕПИСКОПА
КАМЧАТСКАГО, КЪ МИТРОПОЛИТУ МОСКОВСКОМУ,
отъ 31 Іюля 1851 года.

Въ прошлогоднемъ письмѣ моемъ (1850 г.) я, говори о дѣйствіяхъ Квихпакскаго миссіонера, между прочимъ сказалъ, что по причинѣ поздняго прихода въ Михайловскій редуть (мѣсто складки грузовъ) изъ Ситхи судна, по всей вѣроятности, ему опять не удастся сдѣлать поѣздку въ верхъ по рѣкѣ Квихпаку, гдѣ его ожидаютъ съ 1847 года. И дѣйствительно, онъ не могъ этого сдѣлать ни осенью 1849, ни весною 1850. Ибо онъ возвратился въ миссію изъ Михайловскаго редута еще позже, чѣмъ въ 1848 году, а именно: 3 Сентября. А между-тѣмъ ему предстояла крайняя необходимость заняться во-первыхъ постройкою жилья, для пріѣхавшихъ къ нему работниковъ для построенія церкви, запасеніемъ для нихъ пищи, заготовленіемъ лѣса для закладки церкви и самою закладкою, пока еще не наступили морозы.

Все это Господь помогъ имъ устроить и сдѣлать. Къ 1 Октября устроено жилье для работниковъ, а

къ 23-му приготовлено все къ торжественной закладкѣ церкви, которая и заложена того дня въ честь животворящаго Креста, длиною 18, а шириною 9 аршинъ, при собраніи всѣхъ жителей селенія. Къ Юною 1850 зданіе было возведено выше оконъ.

Зимою 1849 года миссіонеръ, сверхъ обыкновенной его поѣздки на рѣку Кускоквимъ въ Колмаковскій редуть, ѣздилъ по лежащимъ внизъ по рѣкѣ отъ Миссіи селеніямъ, т. е. по тѣмъ же самымъ, мимо которыхъ онъ плаваетъ лѣтомъ въ Михайловскій редуть и обратно. Цель его сей поѣздки была главная та, дабы видѣть, — како *впріи* пребываютъ въ ихъ самыхъ жилищахъ, въ кругу семействъ своихъ и между некрещеными, а съ тѣмъ вмѣстѣ болѣе ознакомиться съ ихъ образомъ жизни, занятіями и проч. и дать имъ нужныя и приличныя наставленія. Таковую поѣздку дѣлалъ миссіонеръ еще въ первый разъ и безъ всякаго предувѣдомленія о томъ жителей; и потому, пріѣздъ его въ селенія крайне удивлялъ многихъ. Но вездѣ, гдѣ только онъ былъ, его принимали съ большимъ радушіемъ, съ любовію и радостію; а изъ домохозяевъ каждый желалъ, чтобы миссіонеръ остановился въ его юртѣ, но онъ обыкновенно останавливался у старшинъ. Миссіонера особенно удивилъ своимъ пріемомъ одинъ старшина — старикъ. Онъ, поздоровавшись съ миссіонеромъ на улицѣ съ прочими, какъ слѣдуетъ по-христіански, когда онъ вошелъ къ нему въ юрту, то старикъ съ особеннымъ чувствомъ взялъ миссіонера за голову и поцѣловалъ его; и потомъ чрезвычайно захопоталъ объ угощеніи его всѣмъ, что у него было запасено. Миссіонеръ говоритъ, что, когда старикъ

поцѣловаль его въ голову, « сердце мое облилось « утѣшительными слезами, при чемъ я вспомнилъ, « что этотъ самый старикъ, въ прошедшіе годы до « принятія христіанства, былъ сильнымъ противникомъ « мнѣ и врагомъ христіанства, а теперь сдѣлался « усерднымъ христіаниномъ, и въ любви христіанской « расположеннымъ ко мнѣ : и прочія неизъяснимыя « утѣшительныя и благодарныя Богу чувства роди- « лись во мнѣ ».

Миссіонеръ, проживая въ юртахъ, гдѣ остана- вливался, не измѣнялъ своихъ обычныхъ молитвъ утреннихъ и вечернихъ; и когда онъ вставалъ на молитву, а это по необходимости надобно было дѣ- лать при всѣхъ: то всѣ крещенные, безъ всякаго понужденія, тотчасъ также вставали на молитву, а между некрещенными прекращался говоръ и шумъ.

Миссіонеръ говоритъ, что подобныя поѣздки зимою весьма полезны и назидательны для новокрещенныхъ (но за то зимою очень затруднительно совершать таинства по причинѣ морозовъ и неимѣнія прилич- ныхъ для сего строеній); и нѣкоторые изъ нихъ прямо говорили ему, что хорошо бы было, если бы онъ посѣщалъ ихъ часто. Но для этого надобно имѣть средства, а главное « надобно имѣть большое « терпѣніе, и совершенно безропотную, смиренную « преданность Богу, и готовность переносить и пре- « одолювать всѣ трудности, препятствія и непріятности. « Что же касается до меня,—то, благодареніе Господу, « я нигдѣ и ни въ какомъ, повидимому скорбномъ « случаѣ, не возроптавъ до сего времени, и впредь « умоляю Бога, да дастъ Онъ мнѣ грѣшному и не-

« достойному большее еще терпѣніе и смиреніе. Глав-
 « нья неприяности бывають мнѣ отъ моихъ немощей
 (миссіонеръ страдаетъ внутреннею болѣзнію иногда
 такъ, что не можетъ встать съ постели); но и тутъ
 « въ облегченіе оныхъ, и въ вознагражденіе пере-
 « носимыхъ трудовъ моихъ иногда раждаются во мнѣ
 « чувства утѣшенія и благодарности Богу за все,
 « что есть ».

Во время прожитія миссіонера въ Андреевской
 Одиночкѣ, гдѣ живутъ русскіе служители Компаніи,
 и до которой онъ доѣзжалъ нынѣ зимою, онъ окрес-
 тилъ одну 60-лѣтнюю старуху многосемейную, и по-
 тому, весьма уважаемую повсюду, которая случайно
 пришла тогда въ Одиночку по своей надобности.
 Обращеніе ея началось тѣмъ, что она согласилась
 выслушать миссіонера. И когда онъ сталъ ей гово-
 рить, то она, начавъ слушать со вниманіемъ, чѣмъ
 далѣе, тѣмъ охотнѣе и внимательнѣе слушала, и
 наконецъ сказала, что она всему слышанному вѣрить
 и желаетъ креститься; но только сожалѣла, что
 тогда не было при ней ея сыновей и родныхъ; но
 когда узнала, что миссіонеръ проживетъ тутъ еще
 нѣсколько дней,—она послала за своими дѣтьми. На
 другой день пріѣхалъ одинъ сынъ ея съ 3 родствен-
 никами. Когда миссіонеръ проповѣдывалъ имъ,—ста-
 руха опять слушала, и по окончаніи слова просила
 безотлагательно окрестить ее. Примѣру ея послѣдо-
 вали и пріѣхавшіе; а въ проѣздъ миссіонера потомъ
 (лѣтомъ) по рѣкѣ, по примѣру и убѣжденію сей
 старухи, окрестилось еще 8 человекъ изъ ея род-
 ственниковъ, которые, лишь только увидѣли миссіо-
 nera, сами вызвались на то.

Во время другой его обыкновенной поѣздки по рѣкѣ Кусковимъ, на обратномъ пути его оттуда, въ одномъ селеніи, чрезъ которое онъ обыкновенно проѣзжаетъ взадъ и впередъ, онъ окрестилъ 43 души взрослыхъ (изъ коихъ 28 муж. и 15 женщ.). Жители сего селенія, много разъ слышавъ проповѣдь миссіонера, давно изъявляли желаніе креститься, но отлагали за тѣмъ только, что совершить крещеніе зимою въ рѣкѣ невозможно (при морозахъ отъ 20 до 30 градусовъ). Но наконецъ видя, что лѣтомъ миссіонеру быть у нихъ невозможно, они нынѣ къ обратному пути его изъ редута въ миссію сами приготовили большую купель; и лишь только онъ пріѣхалъ къ нимъ,—они уже настоятельно стали просить его окрестить ихъ.

Въ это лѣто (1850 г.) миссіонеру весьма не хотѣлось ѣхать изъ миссіи въ Михайловскій редутъ, куда приходятъ суда: ибо безъ него постройка церкви должна остановиться; но обстоятельства заставили его ѣхать.

Проезжая внизъ по рѣкѣ, онъ, какъ и прежде, заѣзжалъ въ каждое селеніе для полученія свѣдѣній о состояніи жителей; исполнять же своихъ обязанностей онъ не могъ, по причинѣ лова рыбы, которой ходъ лишь только начинался; и только въ одномъ селеніи Канигмотъ, гдѣ жители начали обращаться въ прошедшемъ году (и о чемъ я упоминалъ въ прошлогоднемъ письмѣ моемъ), онъ окрестилъ 9 чловѣкъ, изъ числа семействъ крестившихся прошлаго года. Въ другомъ же селеніи Такчагмотъ (о коемъ тоже упомянуто въ прошлогоднемъ письмѣ моемъ) жители хотя были все дома, и Старшина говорилъ,

что все они желаютъ креститься; но миссіонеръ, видя ихъ большія хлопоты и заботы по промыслу рыбы, отложилъ крещеніе ихъ до возвратнаго своего пути; и Старшина просилъ его непременно захватить къ нимъ, говоря, что они нарочно будутъ ждать его.

Всѣхъ, присоединившихся къ Церкви съ 1 Августа 1849 г. по 12 Июля 1850 года, было 87 душъ взрослыхъ. И все это было только въ проѣздъ его—мимоходомъ. Предпринимать же нарочитыхъ путешествій, именно для проповѣди евангелія, миссіонеру обстоятельства не позволяютъ уже нѣсколько лѣтъ; и Богъ знаетъ, когда ему удастся это сдѣлать, по крайней мѣрѣ, хотябъ съѣздить туда, гдѣ его ожидаютъ съ 1847 года. Пославъ къ нему въ 1849 году помощника, я надѣялся, что миссіонеру будетъ болѣе возможности и времени заняться симъ; но помощникъ его заболѣлъ, и тѣмъ причинилъ ему множество заботъ.

О духовномъ состояніи своей паствы вообще миссіонеръ отзывается очень удовлетворительно и съ благодареніемъ Господу; а что касается до жителей того селенія (Икогмиотъ), гдѣ находится миссія,—то миссіонеръ говоритъ, что «они болѣе и болѣе утверждаются на пути благочестія, дѣлаясь болѣе послушными и приверженными къ христіанской вѣрѣ. Шаманство и грубое суевѣрство у нихъ вовсе уже истребилось, и даже не слышно этого и въ окрестности миссіи между новокрещенными. Маски, которыя они прежде употребляли при своихъ играхъ, нынѣ оставлены». Миссіонеръ съ благодарностію отзывается о живущихъ при миссіи, что они въ продолженіи зимы съ усердіемъ помогали таскать

лѣсь изъ-за рѣки къ селенію и поднимать оный на берегъ довольно высокой и крутой; въ послѣднемъ случаѣ помогали не одни только мужчины, но и женщины и дѣти ихъ подростки. Плату же за труды послѣдніе не получали, и не требовали никакой, а мужчины получали очень небольшую, и то только тогда, когда они работали цѣлый день, таская лѣсь изъ-далека.

Между туземцами и Алеутами, работающими при церкви, миссіонеръ, какъ въ пути, такъ и на мѣстѣ, всегда замѣчалъ ласковое (и дружеское) обращеніе; и туземцы къ нимъ оказываютъ расположеніе несравненно болѣе, чѣмъ къ русскимъ. Впрочемъ, Алеуты и заслуживаютъ это, всегда обходясь съ ними, какъ съ братьями, по-христіански. Одинъ изъ алеутовъ—житель острова Павла—человѣкъ очень неглупой, набожный и добрый, о туземцахъ отзывается такъ: «Удивительно, какъ скоро они перемѣнились. «Прежде мы слышали, что они были дики, а теперь «сдѣлались ласковы, любовны и приверженны къ «тебѣ (миссіонеру)». И онъ же, видя ихъ усердіе къ церкви, и въ исполненіи христіанскихъ обязанностей, выразился такъ: «Что мы (въ сравненіи съ ними)? «Мы хотя много слышали и даже сами читаемъ на «своемъ языкѣ; а научились только пить, ѣсть и «утѣшаться. Но вотъ я здѣсь, какъ будто снова «учусь изъ самыхъ примѣровъ.
«Это чувствовало мое сердце и сильно тянуло меня «сюда, почему, я хотя и семейный, но крѣпко же- «лалъ сюда единственно по чувствамъ сердца моего. «Въ чемъ и точно не обманулся, какъ я вижу теперь». Такой отзывъ очень замѣчателенъ по многимъ отношеніямъ.

«Надежда къ распространенію христіанства въ той странѣ и къ пріобрѣтенію чады Христовой Церкви, говоритъ миссіонеръ, очевидна и несомнѣнна: ибо чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе открываются пути къ сему. Препятствія уменьшаются и проч. Но только требуются *дѣлатели* и *средства* для дальнѣйшихъ путешествій».

Поученіе дѣтей Закону Божию продолжается, поколику позволяетъ время и работы миссіонеру; но также какъ и прежде, только въ томъ селеніи, гдѣ онъ живетъ, и во время пребыванія его въ Колмаковскомъ редутѣ. Миссіонеръ нынѣ имѣлъ утѣшеніе видѣть нѣкіе плоды своихъ трудовъ по сей части. Три дѣвицы, изъ числа слушавшихъ его поученія, вышли въ замужство, и не иначе рѣшились, чтобы бракъ былъ совершенъ по христіанскому обряду, а одна изъ нихъ ни за что не хотѣла идти за мужъ, если женихъ ея (который былъ некрещенъ) не окрестится; тоже говорили и родители ея; и тотъ исполнилъ ихъ желаніе.

Въ 1850 году къ миссіонеру начали ходить дѣти 4 и 5 лѣтъ; «Разумѣется, говоритъ Миссіонеръ, что они мало понимаютъ изъ слышаннаго; но по крайней мѣрѣ, они научаются и привыкаютъ стоять чинно и молиться Богу, и пр. Я и тому радъ, что они не боятся меня и охотно приходятъ ко мнѣ, а родители посылаютъ ихъ; а я не скучаю заниматься и съ ними».

Здѣсь кстати сказать, что у миссіонера заведено съ перваго времени и постоянно соблюдается: въ воскресные дни поучать (дома) причетниковъ своихъ слову Божию.

О прочихъ американскихъ миссіяхъ особеннаго сказать ничего не могу, кромѣ того, что Кенайскій миссіонеръ отправился на цѣлый годъ въ Нушагакскую миссію, для исправленія тамъ требъ. А Колоши, живущіе въ Ситхѣ, продолжаютъ креститься, а крещенные, какъ говоритъ Протоіерей, и молятся, и слушаютъ, и исполняютъ, по крайней возможности, обязанности христіанства. Пынь окрестилось Колошъ 21 человекъ.



ВЪ РЕДАКЦІИ ИЗДАНІЯ
ТВОРЕНІЙ СВ. ОЦЕВЪ

и въ Канцеляріи Правленія
МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ
ПРОДАЮТСЯ КНИГИ:

1. **ТВОРЕНІЯ СВ. ГРИГОРІЯ БОГОСЛОВА** въ русскомъ переводѣ. Часть 5-я. Цѣна съ пересылкою. . . 1 р. 50 к. сер.
 2. — — — Часть 6-я. Цѣна та-же 1 р. 50 к. —
 3. **УКАЗАТЕЛЬ КЪ СЛОВАМЪ И РЪЧАМЪ ВЫСОКО-ПРЕСВЯЩЕННЬИШАГО ФИЛАРЕТА, МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО**, составленный по изданію въ 3-хъ томахъ, въ Москвѣ, 1844—1845 г. Цѣна 30 к. —
на пересылку прилагается за 1 фунтъ.
 4. Исторія Русской Церкви Филарета, Епископа Харьковскаго, періодъ первый, изданіе 2-е, Харьковъ, 1850 г. Цѣна съ пересылкою. 1 р. 30 к. —
 5. Слова на Воскресные дни Кирила, Архіепископа Подольскаго, 1841 г. Москва. Цѣна. 1 р 40 к. —
на пересылку прилагается за 2 фунта.
 6. Достопамятныя сказанія о подвижничествѣ святыхъ и блаженныхъ Отцевъ. Цѣна. 1 р. 30 к. —
на пересылку прилагается за 2 фунта.
 7. Жизнь св. Аванасія, Архіепископа Александрійскаго. 50 к. —
на пересылку прилагается за 1 фунтъ.
 8. Св. Иоанна Лествичника Лествица и Слово къ Пастырю, переводъ съ греческаго. Цѣна съ пересылкою. . . 1 р. 50 к. —
 9. Разсужденія: О ересьяхъ и расколахъ въ Россіи. Ц. . 75 к. —
на пересылку прилагается за 2 фунта.
 10. — О христіанскомъ мученичествѣ 40 к. —
 11. — О христіанскихъ путешествіяхъ. 15 к. —
 12. — О Владыкѣ Израилевомъ (Мих. 5,2) 7 к. —
 13. — О Мвропомазаніи 15 к. —
 14. — Объ спитиміяхъ 15 к. —
 15. — О Божествѣ Сына Божія 20 к. —
 16. — О Крестныхъ ходахъ Православной Церкви . . . 20 к. —
 17. — О поведеніи первенствующихъ христіанъ въ отношеніи къ язычникамъ. 35 к. —
 18. — О поминованіи усопшихъ. 25 к. —
 19. — О Литургіи преждеосвященныхъ Даровъ 50 к. —
 20. Пресвященный Тихонъ, 1-й Епископъ Воронежскій и Елецкій. 40 к. —
 21. Святый Левъ, Папа Римскій 30 к. —
 22. Исторія Флорентійскаго Собора 50 к. —
- На пересылку 13 сочиненій, вмѣстѣ, прилагается за 10 фунт.
23. Святый Димитрій, Митрополитъ Ростовскій. 1 р. — —
На пересылку прилагается за 2 фун.

СОДЕРЖАНІЕ.

ТВОРЕНІЯ СВ. АѦНАСІЯ, АРХІЕПИСКОПА АЛЕКСАНДРІЙСКАГО.

	стр.
1. 41. Защитительное слово АѦанасія, Архіепископа Александрійскаго, предъ Царемъ Констанціемъ.	5.
2. 42. Защитительное слово, въ которомъ Св. АѦанасій оправдываетъ бѣгство свое во время гоненія, произведеннаго дукомъ Сиріаномъ.	45.
3. 43. Посланіе къ брату Серапіону.	71.
4. 44. Посланіе къ шокамъ.	75.
5. 45. Посланіе Епископа АѦанасія къ монахамъ повсюду пребывающимъ о томъ, что сдѣлано аrianами при Констанціи.	78.
6. 46. На зрѣанъ слово первое.	158.

ПРИБАВЛЕНІЯ.

1. Слово, въ педѣлю сыропустную и на память Святителя Алексія, говоренное Синодальнымъ Членомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Филаретомъ, Митрополитомъ московскимъ, Февраля 10 дня 1852 г.	3.
2. О пророческомъ служеніи Амоса и книгъ его пророчествъ.	44.
3. Начало московской Славяно-гречко-латинской Академіи.	62.
4. Начало монашества въ Россіи.	95.
5. Слово въ день Святителя Николая и тезоименитства Благочестивѣйшаго Государа Императора Николая Павловича.	136.
6. Выписка изъ письма Преосвященнаго Иннокентія, Архіепископа Камчатскаго, къ Митрополиту Московскому, отъ 21 Маія 1851 года.	144.
7. Письмо Преосвященнаго Иннокентія, Архіепископа Камчатскаго, къ Митрополиту Московскому отъ 31 Июля 1851 года.	164.

С Л О В О,

ВЪ ДЕНЬ БЛАГОВѢЩЕНІЯ ПРЕСВЯТЫЯ ВОГОРОДИЦЫ,
ГОВОРЕННОЕ ВЪ КАЕДРАЛЬНОЙ ЦЕРКВИ ЧУДОВА
МОНАСТЫРЯ СИНОДАЛЬНЫМЪ ЧЛЕНОМЪ ВЫСОКО-
ПРЕОСВЯЩЕННѢЙШИМЪ ФИЛАРЕТОМЪ, МИТРОПОЛИ-
ТОМЪ МОСКОВСКИМЪ, 25 МАРТА 1852 ГОДА.

*Помышляше, каквоо будетъ
цѣлованіе сіе. Лук. 1, 29.*

Видите, что Пресвятая Дѣва размышляетъ: и, мнѣ кажется, она учитъ насъ размышленію. Объяснимся.

Когда Архангелъ Гавріилъ, посланный возвѣстить ей воплощеніе отъ нея Сына Божія, началъ свое благовѣщеніе привѣтствіемъ: *радуйся, благодатная, Господь съ тобою, благословена ты въ женахъ*; тогда она, какъ повѣствуетъ святой Лука, *смутися о словеси его*, и, какъ глубоко усмотрѣлъ самъ Архангелъ, *убоялась*. Ибо онъ, какъ духъ, и сквозь молчаніе видѣлъ, что происходило въ ея духъ, и сказалъ: *не бойся, Маріамъ*; слѣдственно, видѣлъ въ ней страхъ.

Что случается съ нами, когда приходимъ въ смущеніе и страхъ? — Трепещемъ, произносимъ вопль,
Ч. XI.

стараясь убѣжать, а иногда теряемся до того, что не можемъ владѣть ни мыслями, ни словами, ни движеніями. Это—наше несовершенство, малодушіе, немощь. Сему не надлежало быть въ благодатной Дѣвѣ; и сего не было въ ней. Но дѣйствию внѣшней причины, ощутивъ невольное смущеніе и страхъ, она тотчасъ удержала свое смущеніе, умѣрила свой страхъ. Какимъ образомъ?—Посредствомъ размышленія. *Помышляше.*

Ничтоже бо, разсуждаетъ Премудрый, ничтоже есть страхъ, токмо лишеніе помощей, сущихъ отъ помышленія (Прем. 17, 11.). Премудрая Дѣва не осталась долго въ лишеніи сей помощи, но немедленно воспользовалась ею. *Помышляше.*

Какъ причиною смущенія и страха ея, такъ и предметомъ размышленія ея, было необычайное привѣтствіе Архангела. *Смутися о словеси его, и помышляше, каково будетъ цѣлованіе сіе.* Архангелъ нарскъ Дѣву Марію благодатною, то-есть, исполненною высокихъ даровъ Божіихъ, превышающихъ естественную доброту, и благословенною въ женахъ, что, по свойству священнаго языка, значить: благословенною преимущественно предъ всеми женами всего рода человѣческаго. Неудивительно, что она пришла отъ сего въ смущеніе и страхъ, подобно чело-вѣчку, внезапно восторгнутому на высоту. Какъ же искала она помощи, сущей отъ помышленій, и обрѣла ее? Въ сіе могъ проникнуть Архангельскій взоръ; мы можемъ только гаданіемъ постигать сіе. Что сотворю, помышляла она, вѣроятно? Пріиму ли необычное привѣтствіе? — Страхусь, да не вмѣнится мнѣ сіе въ превозношеніе. Отвергну ли?—

Страшусь, да не оскорблю невѣрованіемъ не только Божія посланника, но и Пославшаго? Пожду въ безмолвіи, чтò далье явить Богъ. — Такъ, она и не приняла высокаго привѣтствія, и тѣмъ сохранила свое смиреніе; но и не отвергла, и тѣмъ сохранила свою вѣру. А сохраняя смиреніе и вѣру, она сохраняла тò чистое расположеніе духа, которое содѣлывало ее способною принять высочайшее откровеніе Божіе. На Божественное благовѣщеніе, что она родить Христа Бога, что на нее найдетъ Духъ Святый, только совершеннѣйшее смиреніе могло достойнымъ образомъ отвѣтствовать: *се раба Господня*, только совершеннѣйшая вѣра могла съ несмущеннымъ дерзновеніемъ рещи Архангелу: *буди мнѣ по глаголу твоему*.

Видите, братія, что Матерь Божія, въ одно изъ самыхъ трудныхъ мгновеній своей духовной жизни, искала себѣ помощи въ размышленіи, благочестивомъ и смиренномъ, и дѣйствительно въ немъ обрѣла себѣ помощь. И если Духъ Божій показалъ намъ сію черту ея духовной жизни въ Евангельскомъ Писаніи; а *елика писана быша, въ наше наказаніе преднаписашася*: то надобно признать, что ея примѣромъ Онъ учитъ насъ благочестивому размышленію.

Изъ того, что въ Евангеліи видимъ Божію Матерь употребившую размышленіе въ одномъ изъ трудныхъ случаевъ жизни, не должно заключать, что она только въ подобныхъ несчастыхъ случаяхъ пользовалась размышленіемъ. По опыту знаемъ, что, кто не приобучилъ себя къ размышленію и не приобрѣлъ навыка въ ономъ, тотъ не умѣетъ найдти въ ономъ

себѣ помощь въ случаѣ внезапномъ и трудномъ. Итакъ, если Божія Матерь въ случаѣ внезапномъ и трудномъ обрѣла себѣ помощь въ размышленіи: то сіе показываетъ, что она ранѣе приобучила себя къ размышленію, и приобрѣла навѣкъ въ ономъ. Такимъ образомъ, преподаваемое намъ примѣромъ ея ученіе расширяется; и мы должны заключить, что благочестивое размышленіе должно быть постояннымъ спутникомъ человѣка въ жизни духовной.

Какъ изъ сокрытаго въ землю сѣмени произрастаетъ дерево, съ его плодами: такъ изъ сокрытыхъ въ душѣ человѣка мыслей возникаетъ его нравственная жизнь съ ея дѣлами. По роду сѣмени, питаемаго землею, бываетъ растеніе и плодъ; по роду мыслей, питаемыхъ сердцемъ, бываютъ жизнь и дѣла. Кто попускаетъ себѣ имѣть мысли разсѣяныя, непостоянныя, неуправляемыя разсужденіемъ: у того естественно и въ образѣ жизни оказаться должны разсѣянность, непостоянство, беспорядокъ. Итакъ, съй въ твоемъ умѣ и сердцѣ благочестивыя и добрыя мысли, чтобы произрастала благочестивая и добродѣтельная жизнь; и притомъ, не бросай ихъ поверхностно, случайно, на удачу, но, какъ искусный и тщательный свѣтель, съ разсужденіемъ, въ порядокъ, въ мѣру, полагай оныя въ глубокую бразду ума и постоянно питай чувствованіями сердца; и какъ земля изъ ввѣреннаго ей сѣмени углубляетъ внутри себя корни, и тѣмъ способствуетъ растенію возвышаться и расширяться вѣв: такъ должно и тебѣ размышленіемъ и созерцаніемъ, подобно корнямъ растенія, углублять въ себѣ святое и доброе, чтобы и дѣятельная жизнь твоя возвыша-

лась въ подвигахъ и расширялась въ обиліи добрыхъ дѣлъ.

Въ наше время,—когда люди болѣе прежняго *взыскаша помысловъ многихъ* (Еккл. 7, 30.), когда съ раннихъ лѣтъ жизни стараются возбуждать и усиливать мысленную дѣятельность, когда въ разнообразіи помысловъ многихъ ищутъ мнимаго образованія, изящества, удовольствія, корысти, славы, когда поему души такъ легко засѣваются мыслями плевельными,—особенно нужно воззывать людей къ размышленію основательному, чистому, возвышенному, благочестивому.

Но мы видимъ въ Священномъ Писаніи, что, и во времена древней простоты, самъ Богъ училъ людей благочестивому размышленію. *Слыши израилю, говоритъ по повелѣнію Божию Моисей, Господь Богъ нашъ Господь единъ есть, и: возлюбиши Господа Бога твоего; и, чтобы укоренить въ народѣ Божіемъ сіи главныя истины благочестія, Моисей продолжаетъ: и да будутъ словеса сіи, яже азъ заповѣдаю тебѣ днесь, въ сердца твоя, и въ души твоей, и да накажеша ими сыны твоя, и да возглаголеши о нихъ съдѣй въ дому, и идиий путемъ, и лежа, и востая* (Втор. 6, 4—7.). Изъ словъ: *лежа и востая* можно видѣть, что глаголаніе значить у Моисея собесѣдованіе не только съ другими, но и съ самимъ собою, то-есть, размышленіе.

Пророкъ Давидъ провозглашаетъ блаженнымъ человека, у котораго въ законъ Господня воля его и который въ законъ Его поучится день и ночь. Какъ можно поучаться въ законъ Божіемъ день и ночь? Во времена Давида міръ не былъ такъ наполненъ

учителями и книгами, какъ вышь; да и при обилии учителей и книгъ нельзя проводить съ ними день и ночь. Однако, не какой-нибудь мечтатель, а Пророкъ обѣщаль блаженство и указаль, какъ средство блаженства, поученіе въ законѣ Божіемъ день и ночь. Какъ же сіе возможно?—Возможно посредствомъ благочестиваго размышленія и сердечной молитвы; потому что сѣмъ человекъ заниматься можетъ, по выраженію Моисея, и *сѣдѣ въ дому, и идиѣ путемъ, и лежа, и востая.*

Братія христіане! Чтò, если бы въ ученіи, которое Моисей и Давидъ, конечно, не безъ успѣха, преподавали ветхому и плотскому израилю, оказались неуспѣшными мы, которые величаемъ себя наименованіемъ новаго, духовнаго израиля? Не стыдно ли было бы намъ? Не строгаго ли осужденія были бы мы достойны? Не вознерадимъ же, по указанію Давида, искать блаженства, поучаясь въ законѣ Господнемъ день и ночь. Будемъ внимательны, чтобы, по наставленію Моисея, помышлять о Богѣ и о благоугожденіи Ему, и *сѣдѣ въ дому, и идиѣ путемъ, и лежа, и востая.*

Для чего часто попускаете вы помысламъ вашимъ, по подобію необученныхъ и неукротенныхъ коней, ристать безъ управленія, безъ путя, безъ цѣли? Обучайте себя *востыгать ихъ браздами и уздою* твердой воли и основательнаго разсужденія, и смотря по надобности, либо приводить ихъ въ покой, либо направлять по пути правому, къ полезной цѣли, преимущественно же, къ великой цѣли вашего бытія—къ Богу, ко Христу, къ небу, къ вѣчности.

Скажете ли, что предметы міра сего невольню

поражаютъ ваши чувства, и увлекаютъ ваши мысли? Правда, что могутъ они невольно поражать ваши чувства; но не имѣютъ силы увлекать ваши мысли, если вы сами не отдастесь сему влеченію. Вы можете, особенно при помощи Божіей, *отвращать очи свои, еже не видѣти суеты, или, взирая на чувственное окомя духовнымъ, можете, по образу блаженнаго Святителя Тихона, отъ міра собирать сокровище духовное. Вся бо, говоритъ святой Макарій, подлежащая нашему взору суть тѣнь и образъ вещей относящихся до души нашей. И потому, какъ онъ же учитъ, когда взираеши на солнце, нищи истиннаго солнца, яко слѣзь еси. Когда простираеши взоръ на свѣтъ, обрати ся оттуда очами къ душѣ твоей, и виждь, имѣеши ли въ ней истинный и благій свѣтъ, сиречь Господа (Бесѣда 33.).*

Наипаче свойственно христіанину прилежно протирать сердечныя помышленія къ Тому, Чье имя онъ на себѣ носитъ, — вспоминать житіе Христа Господа, чтобы послѣдовать Ему, вникать въ Его ученіе и заповѣди, чтобы умѣть исполнять оныя, благоговѣнно созерцать Его страданія и крестную смерть, ради очищенія грѣховъ нашихъ, и Его славное воскресеніе ради нашего блаженнаго воскресенія, дабы, такимъ образомъ, питать и укрѣплять свою вѣру, любовь, надежду, да живетъ Христосъ Богъ въ человѣкѣ еще на земли, и потомъ, да живетъ человѣкъ въ Богѣ на небеси, во вѣки. Аминь.



О КОНЕЧНЫХЪ ПРИЧИНАХЪ

письмо IV.

Зло въ собственномъ смыслѣ есть зло нравственное или грѣхъ. Однакоже, грѣхъ влечетъ къ себѣ преданное чувственности сердце, и совершается по большей части безъ страха, безъ боли, съ любовію, радостію, съ услажденіемъ. По крайней мѣрѣ въ минуты совершенія грѣха человекъ не чувствуетъ горечи зла. Если и предваряютъ грѣхъ упреки и обличенія совѣсти: то скоро утихаютъ и не возмущаютъ грѣховнаго услажденія. Раскаяніе почти всегда пробуждается послѣ грѣха, а не сопутствуетъ ему. Не таково зло физическое. Одинъ видъ болѣзни или несчастія, хотя бы и чужаго, болѣзненно дѣйствуетъ на душу. Самое приближеніе физическаго зла еще издали наполняетъ сердце страхомъ и смущеніемъ. Всякое прираженіе сего зла есть состояніе неприятное, болѣзненное, скорбь, страданіе. Отъ чего же такое различіе между зломъ и зломъ? Отъ того что физическое зло есть наказаніе и обузданіе грѣха, прегражденіе и пресѣченіе грѣховныхъ путей, пріятныхъ и любимыхъ, необходимое слѣдствіе зла нравственнаго, слѣдствіе, о которомъ впрочемъ

всего меньше думаетъ человекъ, когда грѣшитъ, и котораго, конечно, нисколько не имѣли въ виду первые грѣшники, возмечтавшіе быть яко бозп.

ФИЗИЧЕСКОЕ ЗЛО, ЕГО ПРОИСХОЖДЕНІЕ И ЦѢЛЬ.

Зломъ физическимъ называются такія явленія и измѣненія въ мірѣ вещественномъ, которыя имѣютъ вредное, болѣзненное или разрушительное вліяніе на существа живыя и чувствующія. Таковы напр. опустошительныя дѣйствія стихій, неурожаи, моровыя повѣтрія, болѣзни, насильственная смерть, вообще, всѣ частныя уклоненія отъ законовъ и цѣлей физическаго устройства міра. Душа благоустроенная и благородная болѣзнуетъ и страдаетъ подъ ударами такихъ бѣдъ, но не впадаетъ въ уныніе, не доходитъ до ропота, а переноситъ испытаніе или наказаніе съ сокрушеніемъ и смиренною преданностію Промыслу. Но нелегко успоковается разумъ, пытливый и мудрствующій земная. Его волнуютъ сомнѣнія. Откуда язвы и страданія въ царствѣ Бога преблагаго, безпорядки и нестроенія въ дѣлахъ Премудраго, разрушенія въ твореніи Всемогущаго? Несдерживаемая въ своемъ своеволіи, неприводимая къ послушанію вѣры въ Промыслъ, отъ такихъ вопросовъ кичливая мысль спѣшитъ къ заключенію, что зло физическое есть видимое противорѣчіе премудрости и благодати Творца. А отсюда уже одинъ шагъ до того безотраднaго убѣжденія немудрыхъ медрцовъ, что въ разрушительныхъ явленіяхъ физическаго зла ничего болѣе, какъ круженіе и бореніе стихій, необходимое, безцѣльное и бессмысленное дѣйствіе свойствъ матеріи. На сихъ-то же-

умствователей падаетъ обличеніе Григорія Богослова, что немного отличаются они отъ людей, страждущихъ на корабль тошнотою и головокруженіемъ, которые, кружась сами, думаютъ, что и все кружится (а).

Правда, не съ перваго взгляда открывается необходимая связь между зломъ нравственнымъ и зломъ физическимъ. Мы находимъ дѣломъ очень естественнымъ и понятнымъ, что, при тѣсной связи души съ тѣломъ, грѣхъ, какъ превратное дѣйствіе души, можетъ разстронвать и расслаблять наше тѣло,—и тѣло можетъ болѣзновать, изнемогать и разрушаться подъ бременемъ служенія грѣху. Но какъ можетъ грѣхъ дѣйствовать на вѣшнюю природу, и дѣйствовать такъ разрушительно? Неужели грѣхи человѣческіе заставляютъ трепетать землю, разрушаютъ города, производятъ бури на моряхъ и на сушѣ? Какимъ образомъ человѣческія беззаконія заключаютъ небо, производятъ бездождіе, засухи, неурожай? Неужели отъ грѣховъ заражается воздухъ, и производитъ моровыя повѣтрія? Какъ можетъ грѣхъ имѣть такое разрушительное вліяніе на устройство міра, установленное и хранимое Творцемъ премудрымъ и всемогущимъ? Если мы скажемъ, что всѣ разрушительныя дѣйствія въ мірѣ физическомъ суть непосредственныя и необходимыя слѣдствія грѣха, то можетъ показаться такой отвѣтъ нашъ поспѣшнымъ и непонятнымъ. Обратимся къ исторіи перваго человѣка, она представляетъ удовлетворительное объ-

(а) Твор. св. Отц. 11. 37.

ясненіе на то, какъ произошло физическое зло, и какими путями оно такъ сильно и глубоко проникло весь міръ видимый.

Тѣло перваго человѣка было образовано изъ земли, слѣд. по своему происхожденію оно было сложно и разруσιμο. Безсмертнымъ и неразрушимымъ оно дѣлалось только въ союзѣ съ духомъ богоподобнымъ. Плодами древа жизни должна была поддерживаться въ немъ жизнь въ постепенномъ безболѣзненномъ преобразованіи въ тѣло духовное. Но когда человѣкъ грѣхомъ омрачилъ въ себѣ образъ Божій, и изгнанный изъ рая удаленъ былъ отъ древа жизни: въ тѣлѣ его не осталось основанія безсмертія, оно сдѣлалось беззащитнымъ отъ тлѣнія, и необходимо должно было раздѣлять общую участь всѣхъ земныхъ и бренныхъ вещей. «Человѣкъ, и въ состояніи непорочности былъ земля, по своему происхожденію; но сія земля закрыта и ограждена была отъ тлѣнія образомъ Божиимъ и силою древа жизни; по совлеченіи образа Божія она обнажается, и съ удаленіемъ отъ древа жизни передается естественному разрушенію» (б). Припомнимъ еще, что и основаніемъ царственной власти человѣка надъ всею тварію былъ также образъ Божій. Съ сокрушеніемъ образа Божія грѣхомъ власть сія, хотя не уничтожилась, но много умалилась и ослабла. Стихіи и силы природы, покорныя человѣку невинному, и для него безвредныя, послѣ его паденія не могли не дѣйствовать болѣе или менѣе разрушительно на обнаженное

(б) Запис. на ки. Выг. Част. I. стр. 116.

предъ сплою тлѣнія его тѣло, которое наравнѣ со всѣми бранными тварями должно разлагаться на составныя части свои. Потому-то въ раю Адамъ и жена его не имѣли нужды ни въ какой одеждѣ; но по паденіи Богъ далъ Адаму и женѣ его одежды кожаныя и одѣлъ ихъ въ защищеніе отъ внѣшнихъ вліяній. *И сотвори Господь Богъ, повѣствуетъ Бытописатель, Адаму и женѣ его ризы кожаны и облече ихъ* (Быт. 3, 21.). Такимъ образомъ, грѣхъ, родившись въ душѣ, проявляетъ себя въ тѣлѣ чловѣка, и даже простираетъ свое дѣйствіе на внѣшнюю природу, — въ тѣлѣ обнажаетъ возможность разрушенія и тлѣнія, въ природѣ открываетъ начало болѣзненныхъ и разрушительныхъ вліяній на жизнь чловѣка. Но все это зло, непосредственно выражающееся изъ грѣха, не могло ли бы ограничиваться предѣлами чловѣческаго тѣла? Невидно еще путей, по которымъ зло такъ глубоко проникло въ тварь, и созрѣло въ ней до такой страшной, разрушительной силы, съ какою является нынѣ.

Не усомнимся сказать, что самъ Богъ расширяетъ потокъ зла, пролагаетъ ему пути въ своемъ твореніи, подчиняетъ его вліянію тварь, конечно, въ такой мѣрѣ, какую находятъ сообразного съ цѣлями Своей высочайшей премудрости. Сіе дѣйствіе Божіей премудрости Апостоль называетъ невольнымъ подпаденіемъ твари суетѣ, по волѣ или по повелѣнію Того, Кто подвергъ ее. *Суеть тварь повинуся не волею, не за повинушаго ю* (Рим. 8, 20.). Подвергающій тварь суетѣ есть Богъ, поразившій проклятіемъ землю ради чловѣка. Моисей такъ передаетъ намъ судъ Божій надъ первыми грѣшниками: *И жеть*

рече: умножая умножу печали твоя и воздыханія твоя: въ болѣзньхъ родиши чада. И Адаму рече: проклята земля въ дѣльхъ твоихъ, въ печальхъ силси тую вся дни живота твоего. Тернія и волциы возраститъ тебѣ, и силси траву селую. Въ потъ лица твоего силси хлѣбъ твой, дондеже возвратишия въ землю, отъ неже взять еси. (Быт. 3, 16—19.). Такимъ образомъ, проклятіемъ земли Богъ открываетъ въ своемъ твореніи источникъ болѣзней, воздыханій и скорбей для человѣка. Сип-то болѣзненныя и скорбныя, печаль и воздыханія возбуждающія въ человѣкѣ, дѣйствія твари мы и называемъ физическимъ зломъ. Чтѣ же такое проклятіе? Проклятіе есть дѣйствіе противоположное благословенію. Благословеніе есть благое желаніе или благое слово. Но какъ слово Божіе не то, чтѣ немощное слово человѣческое, но зпждительно и дѣйственно (Евр. 4, 12.) и *нарицаетъ несущая яко суцая* (Рим. 4, 17.): то и благословеніе Божіе не подобно благословеніямъ человѣческимъ, которыя по часту остаются только благожеланіями, не имѣя въ себѣ силы осуществленія; но Творческое благословеніе есть осуществленіе или дѣйствительное изпосланіе существу благословляемому всѣхъ благъ, призываемыхъ на него словомъ благословенія. Слѣдовательно и проклятіе земли есть дѣйствительное лишеніе ея или отнятіе у нея нѣкоторыхъ благъ, дарованныхъ ей благословеніемъ Творца, при ея сотвореніи. Чтѣ же отнимаетъ у земли Богъ, проклинающій ея ради человѣка? Благословеніемъ земли на языкѣ Писанія означается обиліе плодовъ земныхъ, и всѣ условія, благопріятствующія плодородію

дію земли и довольству ея обитателей. Напротивъ, проклятіе земли означаетъ или отнятіе, или умаленіе въ ней плодородной силы, и тѣ причины, отъ которыхъ зависить ея безплодіе. Такъ, израиль подъ благословіемъ земли разумѣтъ благотворность дождей, благовременное распространеніе тепла и свѣта и вслѣдствіе сего плодоносіе земли, обиліе млека и плодородіе скота (Быт. 49, 25. Слнч. Втор. 8, 7—9.). Земля благословенная, по слову Апостола, есть земля нивная сходящій на ню множищею дождь и раждающая былія добрая овымъ, имже и дѣлаема бываетъ. А износящая тернія и волчець не потребна есть и клятвы близъ (Евр. 6, 7. 8.). Предъ нами и примѣръ проклятія, показанный Господомъ: смоковница проклятая Имъ засохла (Марк. 11, 13. 21.). По такимъ соображеніямъ видно, что Богъ проклятіемъ земли умалетъ въ ней силу плодородія, и въ извѣстной Ему мѣрѣ поставляетъ ее въ отношенія менѣе для нея благопріятныя, чѣмъ въ какихъ поставлена была земля благословенная, какъ сіе показываютъ и самыя слова проклятія. Проклятая земля настолько оскудѣетъ въ силѣ плодородія, что вмѣстѣ съ пшеницею будетъ произращать тернія и волчцы, и доставлять пропитаніе челоуѣку только за цѣну его усильныхъ, изнурительныхъ трудовъ. Воздѣлываніе рая укрѣпляло и услаждало челоуѣка. Воздѣлываніе земли будетъ не только трудно и изнурительно, но и при всѣхъ трудахъ будетъ предметомъ печалей и скорбей, очень понятныхъ земледельцу, когда, напримѣръ, неблаговременность, или чрезмѣрное обиліе дождей, или засуха угрожаютъ ео надеждамъ на благословенную жатву, или

губительный градъ истребляетъ плоды его тяжкихъ трудовъ.

Въ Св. Писаніи не указаны съ точностію предѣлы, которые поставилъ Творецъ силъ Своего проклятiя. Но исторiя міра и судьбы челоуька ясно свидѣтельствуютъ, что сила проклятiя не ограничивается только уменьеніемъ или оскуднѣеніемъ плодородной силы земли. И въ Писаніи есть ясныя указанiя, что она простирается гораздо далѣе. Апостоль свидѣтельствуеъ, что вся тварь стенаеъ и мучится донынѣ, ожидая освобожденiя отъ работы тлѣнiя, наложенной на нее проклятiемъ (Рим. 8, 19—22.). Но мученiя твари никто не станеть объяснять изъ одной только скудости плодовъ земныхъ. Рабство тлѣнiю не ограничивается только произрашеніемъ тернiя и волчцевъ. Развѣ не рабство тлѣнiю—моровыя повѣтрiя, разрушительныя землетрясенiя, губительныя дѣйствiя стихiй? Въ сихъ-то разрушительныхъ дѣйствiяхъ и является въ-особенности рабство тлѣнiю всей твари. Рабство сіе такъ тяжело и изнурительно для твари, что при концѣ міра вся тварь является Пророческому созерцанiю обветшавшею и распадающеюся отъ ветхости, подобно обветшавшей одеждѣ (Псал. 101, 27. Ис. 51, 6.). Подъ этимъ образомъ обветшанiя скрывается та мысль, что проклятая тварь, подъ игомъ тяжелой работы тлѣнiю, потеряла свою юную красоту, которою сіяла земля благословенная, и оскудѣль въ ней избытокъ силъ и совершенствъ, дарованныхъ ей благословеніемъ Творца. И не иное что могло привести тварь въ состоянiе истощанiя или обветшанiя, какъ только сила проклятiя. Не могла тварь изнечь отъ времени, исто-

щиться въ силахъ отъ самой продолжительности своего бытія. Потому что премудрый и всемогущій Творецъ ея могъ дать ей, и, конечно, дароваль силы, достаточныя на все время ея бытія, и держитъ ее въ бытіи Своєю всемогущею рукою, которая не знаетъ утомленія.

Если же тварь подъ проклятіемъ или подъ бременемъ работы тлѣнію, наложенной на нее проклятіемъ, доходить до состоянія обветшанія: то симъ дается уже достовѣрность гаданію, что сила проклятія простирается гораздо далѣе, чѣмъ на одно плодородіе земли. Согласно съ Пророческими созерцаніями Апостоль увѣряеть, что настоящій міръ будетъ очищенъ и переплавленъ огнемъ, и явится въ новомъ или обновленномъ видѣ: *нова небесе и новы земли по обѣтованію Его чаемъ* (2 Петр. 3, 10—13.). Слѣдовательно, проклятіе такъ сильно и далеко проникло въ тварь, что для нея необходимо огненное очищеніе, и такъ глубоко сокрыты въ подвергшейся проклятію твари ея первобытная красота и совершенства, что, по снятіи съ ней проклятія, она явится какъ-будто совершенно новою или новою. Тайнозрителю было показано будущее состояніе міра, и онъ видѣлъ новое небо и новую землю, Іерусалимъ новыи, уготованныи, какъ невѣста, украшенная для мужа своего. Подъ новымъ небомъ, на обновленной землѣ *ни плача, ни вопля, ни болѣзни не будетъ ктому* (Апок. 21, 1. 2. 4.). Слѣдовательно, все, что заставляетъ теперь человека воздыхать, плакать и болѣзновать, порождено на землѣ силою проклятія, и, по снятіи сего проклятія, ми-нуеть и уничтожится.

Мы не видали благословенной земли въ ея перво-бытной славѣ и красотѣ: потому, не можемъ указать, именно, чего она лишена по силѣ и дѣйствию проклятія. Если, позволены здѣсь нѣкоторыя соображенія, то по умозаключеніямъ, на Св. Писаніи основаннымъ, можно допустить, что Богъ, проклявша землю, вмѣстѣ съ силою ея плодородія умаляетъ въ ней и всѣ другія силы, служебныя челоуку, отнимаетъ у твари извѣстную Ему часть первобытной красоты и совершенствъ, и въ ходѣ установленнаго Имъ порядка и устройства, какъ говоритъ Пророкъ, путетворитъ стези гнѣву Своему (Псал. 77, 50.), т. е. предназначиваетъ или предопредѣляетъ въ извѣстныхъ времена мѣра и въ извѣстныхъ мѣстахъ частныя уклоненія отъ законовъ и цѣлей міроваго устройства, уклоненія, конечно, совершенно сообразныя съ цѣлями Его промыслительной премудрости. Сіи-то предустановленныя Богомъ уклоненія отъ законовъ и цѣлей міра, осуществляясь въ опредѣленные Имъ времена, въ опредѣленныхъ мѣстахъ и въ предназначенныхъ формахъ, являются въ моровыхъ повѣтріяхъ, въ землетрясеніяхъ, въ разрушительныхъ дѣйствіяхъ стихій, и въ другихъ бѣдствіяхъ, поражающихъ челоуческую родъ. Основаніе и оправданіе такихъ соображеній—въ Св. Писаніи. Самъ Господь, созерцая будущія судьбы міра, и дѣла Своего промышленія о немъ, до самой кончины его, возвѣстилъ: *и будутъ глади, и пагубы, и труси по мѣстамъ, съ такимъ замѣчаніемъ: подобаетъ бо всѣмъ симъ быти* (Матѣ. 24, 7. 6). И въ ветхомъ завѣтѣ было общее вѣрованіе, основанное на Откровеніи Божіемъ, что всякое общественное и частное

бѣдствіе — отъ Бога, по Его распоряженію и по Его волѣ. Увѣренность эту ясно высказывали Пророки. Такъ, Іеремія обличаетъ тѣхъ, которые думали, что то или другое бѣдствіе есть дѣло случая, а не грозное посѣщеніе Божіе. *Кто есть той, иже рече, и бысть, Господу не повелѣвшу? Изъ устъ Вышняго не изыдетъ зло и добро* (Плач. Іерем. 3, 37. 38.)? *Или будетъ зло во градъ,* говоритъ другой Пророкъ, *еже Господь не сотвори* (Амос. 3, 6.)? И самъ Богъ говоритъ чрезъ Пророка Ісаію, что Онъ *есть зиждяй злая* (Ис. 45, 7.). И день бѣдствія Пророкъ называетъ днемъ посѣщенія Божія (10, 3.). И не только Пророки, но и многіе изъ благочестивыхъ мужей ветхозавѣтнаго міра, выражаютъ понятіе о злѣ, какъ о грозномъ посѣщеніи Божіемъ. Умнѣйшій изъ друзей Іова высказываетъ увѣренность, что всѣ воздушныя явленія, градъ, буря и облака носятя и обращаются по Божію распоряженію, дабы исполнить все то, что Онъ поручилъ имъ на земномъ шарѣ, посылаетъ ли Онъ ихъ въ наказаніе земли, или по ея потребностямъ, или для показанія Своей милости къ ней. *Вся елика заповѣсть имъ, сія чиноположена суть отъ Него на земли, аще въ наказаніе, аще на землю Свою, аще на милость обрщеть и* (Іов. 37, 12. 13.). Премудрый сынъ Сираховъ исповѣдуеть, что всѣ бѣдствія, и всѣ разрушительныя дѣйствія твари суть наказательныя орудія, Богомъ сотворенныя и приуготованныя, и что каждый изъ спѣхъ грозныхъ служителей гнѣва Божія приходитъ на землю въ определенное ему время и съ величайшею точностію исполняетъ слово или повелѣніе, данное ему Твор-

цель (39, 31.). Суть души, говоритъ сынъ Сираховъ, иже создани быша на мечь, и яростію своею утвердиша раны имъ (злымъ). Во время скончанія изліютъ крѣпость, и ярость Сотворшаго ихъ совершатъ. Огнь, и градъ, и гладъ, и смерть, вся сія создана быша на мечь: зубы звѣрей, и скорпіи, и ехидны, и мечъ, отмщай въ погибель нечестивыхъ (39, 34—37.). Смерть и кровь и ревнѣ, и оружіе, наведенія (несчастія), гладъ и сокрушеніе (болѣзнь), и раны,—на беззаконныхъ создана быша сія вся (40, 9. 10.). Подобное воззрѣніе на зло находимъ въ книгѣ Премудрости Соломоновой. Богъ, по слову Мудраго, всю тварь вооружаетъ страшными орудіями истребленія, въ защиту добродѣтельныхъ, противъ враговъ Своихъ — нечестивцевъ. Сін орудія—губительныя молніи, градъ и прочія разрушительныя дѣйствія. Во всякомъ грозномъ явленіи физическаго зла Мудрый видитъ возстаніе или ополченіе твари противъ нечестія, подъ предводительствомъ самого Бога воинствъ и Господа силъ. Онъ облечетъ въ Свою ревность, какъ въ всеоружіе, и вооружитъ тварь для наказанія враговъ. Споборствовать Ему будетъ міръ противъ безумныхъ. Прямо пойдутъ меткія стрѣлы молній, и изъ круга облаковъ, какъ изъ лука полетятъ къ predetermined цели (Прем. 5, 18. 21. 22.). Міръ есть споборникъ праведныхъ. Ибо тварь, служа Тебѣ Творцу, напрягаетъ силу свою для наказанія неправедныхъ (16, 17.). Такимъ образомъ, Писаніе свидѣтельствуетъ, что всѣ и всякое грозное и разрушительное дѣйствіе твари есть Божіе распоряженіе, Богомъ predetermined и предназначенное для извѣстнаго мѣста и

для известнаго времени, и что, следовательно, все физическое зло, тяготящее надъ человѣкомъ, есть дѣйствіе проклятiя, наложеннаго Богомъ на тварь за грѣхъ человѣка.

Противъ такого заключенiя поставляютъ вопросъ: Проклятiе есть ли дѣйствіе, достойное Бога? Согласно ли съ благодiю Творца открывать въ Своемъ творенiи источникъ болѣзней и страданiй для человѣка? Согласно ли съ Божіею премудростiю отнимать у твари данную уже ей красоту и совершенства, и вносить безпорядокъ, нестроенiе и разрушенiе въ благоустроенное творенiе? Напрасно думаютъ, будто много силы въ такихъ и подобныхъ вопросахъ. Отвѣты на нихъ успокоительные и неопровержимые есть въ Писанiи.

И безъ большой пронцательности видна неистинность мысли, будто Богъ проклятiемъ земли Самъ вноситъ нестроенiе, или производитъ разстройство въ Своемъ царствѣ. Если бы въ этой мысли была хоть тѣнь правды, если бы Богъ дѣйствительно отрекся отъ Своихъ намѣренiй и перемѣнилъ Свои советы о мiрѣ, и предоставилъ тварь ея собственнымъ силамъ, то мiръ давно бы превратился въ хаосъ или ничтожество. Разрушенiе порядка и устройства есть дѣло неприличное и неестественное и человѣческой мудрости: можетъ ли же оно быть дѣломъ премудрости Творческой? *Нѣсть бо нестроенiя Богъ*, говоритъ Апостоль (1 Кор. 14, 33.). По слову Пророка, законы мiра, установленные Богомъ, *не умолкнутъ предъ лицемъ Его* (Иер. 31, 37.), и *не мимо идутъ*, какъ говоритъ другой Пророкъ (Исаи.

148, 6.). И самъ Богъ даетъ обѣщаніе послѣ по-
топа: *во вся дни земли сѣятва и жатва, зима и*
зной, лѣто и весна, день и ночь не престанутъ
(Быт. 8, 22.). Слѣдовательно, такъ называемыя нами
потрясенія и разрушенія въ природѣ нисколько
не возмущаютъ постояннаго и неуклоннаго хода мі-
роваго устройства и законовъ. Они не могутъ раз-
строить и разрушить порядокъ, установленный въ
міръ мыслию Творца. Потому что разрушительныя
дѣйствія твари не составляютъ возмущенія силъ ве-
щественныхъ самопроизвольнаго и случайнаго: но
если онѣ и уклоненія отъ законовъ міра, то укло-
ненія, Богомъ предначертанныя, для высшихъ нрав-
ственныхъ цѣлей предопредѣленныя, изъ которыхъ
каждому назначены свои предѣлы, указано свое
мѣсто и свое время. И если сін разрушительныя
явленія суть дѣйствія природы, Богомъ предна-
чертанныя и предопредѣленныя: то очевидно, онѣ
стоятъ не внѣ міроваго порядка, но суть благо-
потребныя и законныя явленія въ ходѣ этого поряд-
ка, премудро введенныя въ него Богомъ. Нашему
близорукому воззрѣнію явленія физическаго зла
представляются уклоненіями отъ законовъ міра: но
по Творческому плану міроваго устройства онѣ
составляютъ звенья въ цѣпи событій, неразрываю-
щія связность и стройность цѣлаго. А иначе и не
могъ бы сохраняться постоянный и неизмѣнный по-
рядокъ міра. И что кажется намъ неровнымъ,
говоритъ св. Григорій Богословъ, безъ сомнѣнія,
изравнивается у Бога. Подобно сему въ тѣлѣ есть
части выдавшіяся и впалыя, великія и малыя; также
на землѣ есть мѣста возвышенныя и низкія; но все

сіе во взаимномъ соотношеніи образуетъ и представляетъ нашимъ взорамъ прекрасное цѣлое. Равно и у художника сначала—нестройное и неровное вещество, потомъ является весьма искусно обдѣланнымъ, когда изъ него устроится какое-нибудь произведеніе; послѣ чего и мы, увидѣвъ это произведеніе въ совершенной красотѣ его, понимаемъ и узнаемъ искусство художника. Такъ не будемъ же почитать Бога такимъ несовершеннымъ художникомъ, каковы мы; не будемъ находить неустройства въ управленіи міромъ, потому единственно, что намъ неизвѣстенъ образъ управленія (в).

Богъ, проклиная землю, отнимаетъ у твари нѣкоторую часть ея первобытнаго совершенства. Но это не есть передѣлка творенія, которая показывала бы въ Художникѣ міра недостатокъ мудрости. Не есть это, со стороны Бога, раскаяніе въ Своей щедрости или благодати, съ которою Онъ надѣлилъ тварь дарами и совершенствами. Богъ, говоритъ Апостоль, подвергъ тварь суетѣ, *на упованіи, яко и сама тварь свободится отъ работы истлѣнія въ свободу славы чадъ Божіихъ* (Рим. 8, 20. 21.). Богъ, слѣдовательно, не отнялъ безвозвратно у твари ея первобытнаго совершенства, но только сокрылъ до времени, именно, до того времени, когда человекъ, очищенный отъ грѣха, опять сдѣлается достойнымъ жить на землѣ свѣтлой и блаженной. Съ прославленіемъ человека и тварь будетъ восстановлена въ первобытное состояніе красоты и совершенства, и явится, по словамъ Тайно-

(в. Твор. Св. Отц. 11. 37.)

зрителя, какъ невѣста, украшенная для мужа своего (Апок. 21, 2.). Земля пазначена въ свѣтлое и царственное жилище человѣку. Человѣкъ палъ и заболѣлъ грѣхомъ. Та-же земля сдѣлалась его больницею. Въ больницу не у мѣста блескъ и великолѣпнѣе царственного жилища. Больному и ненужна и нерадостна пышность больничнаго помѣщенія. Дорого для него особеннаго рода удобство устроенія и примѣняемость къ нуждамъ его и потребностямъ. Возблагодаримъ неизреченную благость Создателя, Который отдастъ подъ больницу Свое величественное созданіе и не жалеть привести его въ состояніе, примѣнительное къ особеннымъ нуждамъ и потребностямъ заболѣвшаго и врачуемаго человечества. Возблагодаримъ предъ премудростію Міроздателя, Который, провидя всѣ судьбы человѣка, такъ устроилъ землю, чтобы она могла быть и свѣтлымъ жилищемъ человѣка невиннаго, и больницею зараженнаго грѣхомъ, и мѣстомъ упокоенія его брѣнному тѣлу, и опять великолѣпнымъ обиталищемъ человѣка прославленнаго!

Васъ, можетъ быть, смущаетъ мысль, что мы признаемъ физическое зло Божіимъ распоряженіемъ или дѣйствіемъ Его проклятія. Вы привыкли къ мысли, что зло физическое, всѣ бѣдствія и страданія человѣка составляютъ естественное порожденіе или слѣдствіе зла нравственнаго или грѣха. Мы и не думаемъ оспаривать мысль священную и непререкаемую въ своей истинности. Дѣйствительно, всѣ скорби и человѣческія бѣдствія и страданія суть порожденіе и слѣдствіе грѣха. Богъ не виновенъ ни въ одной человѣческой слезѣ, ни въ одномъ вздохѣ.

И однакоже правда, что физическое зло пришло въ міръ проклятіемъ земли. Какъ же, скажете, согласить ту и другую мысль? очень просто. Врачъ приготовляетъ больному горькое врачество, дѣлаетъ на его тѣлѣ болезненные прижиганія и разсѣченія и даже иногда отнимаетъ цѣлый членъ. Что же?—Во врачѣ, или въ больномъ причина такихъ дѣйствій? Конечно въ больномъ. Болезнь вызвала потребность или необходимость горькаго врачества и болезненнаго врачеванія. Такъ точно и физическое зло есть потребность, вызванная болѣзнію чловѣка—грѣхомъ, и потому, есть порожденіе или слѣдствіе грѣха, хотя и вводится въ міръ Богомъ, врачующимъ чловѣка. Всѣ дѣйствія зла суть врачебныя средства, уготованныя Богомъ для врачеванія грѣховной болѣзни. Разсуждать такъ учитъ насъ св. Василій Великій. Онъ говоритъ: Голодь, засухи, дожди суть общія какія-то язвы для цѣлыхъ городовъ и народовъ, которыми наказывается зло, преступившее мѣру. Посему, какъ врачъ, хотя производитъ въ тѣлѣ болезненные страданія, однакоже благодѣтель, потому что борется съ болѣзнію, а не съ больнымъ: такъ благъ и Богъ, Который частными наказаніями устрояетъ спасеніе цѣлаго. Ты не ставишь въ вину врачу, что онъ иное рѣжетъ, другое прижигаетъ, а другое совершенно отнимаетъ; напротивъ того, даешь ему деньги, называешь его спасителемъ; потому что остановилъ болѣзнь въ небольшой части тѣла, пока страданіе не разлилось во все тѣло. А когда видишь, что отъ землетрясенія обрушился на жителей городъ, или, что на морѣ съ людьми разбился корабль,—не боишься подвигнуть хульный языкъ на истиннаго Врача и Спасителя. Но

тебѣ надлежало разумѣть, что въ болѣзняхъ умѣренныхъ и излечимыхъ люди получаютъ пользу отъ одного объ нихъ попеченія, а когда оказывается, что страданіе не уступаетъ врачевнымъ средствамъ, тогда необходимымъ дѣлается отдѣленіе поврежденнаго, чтобы болѣзнь, распространяясь на соприкосновенныя съ нимъ мѣста, не перешла въ главные члены. Посему, какъ въ рѣзаніи и прижиганіи виновныя врачи, а виновна болѣзнь; такъ и истребленія городовъ, имѣя началомъ чрезмѣрность грѣховъ, освобождаютъ Бога отъ всякой укоризны (г).

Физическое зло есть наказаніе грѣха. Наказаніе, чтобы не быть простымъ мщеніемъ, должно имѣть цѣлію улучшеніе или исправленіе наказуемаго. И дѣйствительно, главная цѣль всѣхъ несчастій и бѣдствій, всѣхъ грозныхъ и разрушительныхъ дѣйствій твари, есть пресѣченіе грѣховныхъ путей и исправленіе грѣшника. Богъ, по слову Пророка, не отъ сердца, не охотно поражаетъ и преогорчаетъ сыновъ человѣческихъ (Плач. Іер. 3, 33.). Богословъ не усомнился сказать, что гнѣвъ Богу несвойственъ и посланіе бѣдствія или несчастія есть дѣйствіе Божіе, насильно вынуждаемое нашими грѣхами. Во время одного общественнаго бѣдствія, убѣждая людей къ покаянію, и за покаяніе обѣщая прекращеніе Божія гнѣва, Святитель говоритъ: Достоверно знаю сіе я—споручникъ Божія челоуколюбія, знаю, что, оставивъ гнѣвъ, который Ему противоестественъ, дастъ Онъ мѣсто милости, которая Ему естествена. Къ гнѣву

(г) Твор. Св. Отц. VIII. 146.

принуждаемъ Его мы, а къ милости самъ Онъ стремится. И если бѣтъ принужденно, то ужели не помилуешь, слѣдую Своему естеству. Помилуемъ только сами себя, открывъ путь праведному благоутробно Отца (д). Главную цѣль грозныхъ и карательныхъ посѣщеній Божіихъ прозрѣвалъ еще древній мудрецъ, когда говорилъ Богу: *Ты побѣдиши его (человѣка) жезломъ, душу же его избавиши отъ смерти* (Притч. 23, 14.). Смерть души оброкъ грѣха. Слѣд., по слову Мудраго, Богъ поражаетъ человѣка ударами бѣдствій и несчастій для уврачеванія его и очищенія отъ грѣха, какъ и объясняетъ сіи слова св. Василій: поражается плоть, чтобы изцѣлилась душа; умерщвляются грѣхи, чтобы жила правда (е). Ту-же цѣль бѣдствій и несчастій видитъ и Апостоль, когда говоритъ: *тѣмъ же не стужаемъ си: но аще и внѣшній нашъ человѣкъ тлѣетъ, обаче внутренній обновляется по вся дни* (2 Кор. 4, 16.). Подъ ударами внѣшнихъ бѣдствій и озлобленій тѣлесный человѣкъ болѣзнуетъ, страдаетъ, разрушается: но тѣми же ударами расторгаются грѣховныя привязанности, сокрушаются предметы чувственной любви, отсѣкаются грѣховныя струны и наросты, врачуются болѣзнь грѣха, такъ что Богъ, говоря словами Василія Великаго, одного и того же оживотворяетъ тѣмъ самымъ, чѣмъ убиваетъ, и изцѣляетъ тѣмъ, чѣмъ поражаетъ (ж). Опытовъ такого болѣзненнаго,

(д) Твор. св. Отц. 11. 61.

(е) VIII, 119.

(ж) Тамже.

по спасительнаго врачеванія и изцѣленія исполнена исторія народа Божія, и всѣ они подходятъ подъ одинъ взглядъ Пророка: *егда убиваше я, тогда възыскашу Его и обращахуся и утреневаху къ Богу: и помянуша, яко Богъ помощникъ имъ есть, и Богъ Вышній избавитель имъ есть* (Псал. 77, 34. 35.).

Вопросы о цѣляхъ и происхожденіи физическаго зла издревль слышались въ міръ христіанскомъ. Во времена Василія Великаго, какъ самъ онъ свидѣтельствуеть, часто повторялись вопросы: отъ чего же болѣзни? отъ чего безвременная смерть? отъ чего истребленія городовъ, кораблекрушенія, войны, голодные времена? Это есть зло, а между-тѣмъ все это — Божіе произведеніе. Поэтому, кого же иного, кромѣ Бога, признаемъ виновникомъ происходящаго? Святитель старался успокоить и вразумить совопросниковъ. Когда слышишь, говоритъ онъ, *нѣсть зло во градъ, еже Господь не сотвори* (Амос. 3, 6): слово «зло» понимай такъ, что Писаніе разумѣеть подъ онымъ бѣдствія, посылаемая на грѣшниковъ къ исправленію прегрѣшеній. Ибо сказано: *озлобихъ тя и голодомъ заморихъ, да благо тебѣ сотворю* (Второз. 8, 3. 16.), остановивъ неправду прежде, нежели разлилась она до безмѣрности, какъ потокъ, удерживаемый какою ни есть твердою плотиною и преградою. — Поэтому, болѣзни въ городахъ и народахъ, сухость въ воздухъ, безплодіе земли, и бѣдствія, встрѣчающіяся съ каждымъ въ жизни, пресѣкаютъ возрастаніе грѣха. И всякое зло того рода посылается отъ Бога, чтобы предотвратить порожденіе истинныхъ золъ. Ибо и тѣлесныя страданія и вышнія бѣдствія направлены къ обузданію грѣха. И-

такъ, Богъ истребляетъ зло, а не отъ Бога зло. И врачъ истребляетъ болѣзнь, а не влагаеть ее въ тѣло. Разрушенія же городовъ, землетрясенія, наводненія, гибель воинствъ, кораблекрушенія, всякое истребленіе многихъ людей, случающееся отъ земли, или моря, или воздуха, или огня, или какой бы то ни было причины, бывають для того, чтобы уцѣломудрить оставшихся; потому что Богъ всенародные пороки уцѣломудриваетъ всенародными казнями (з). Отъ чего, спрашиваетъ св. Григорій Богословъ, отъ чего неурожай, тлетворные вѣтры, градъ? Отъ чего порча въ воздухѣ, болѣзни, землетрясенія, волненія морей и небесныя явленія. И отвѣчаетъ: тварь, созданная въ наслажденіе людямъ, сей общій и равный для всѣхъ источникъ удовольствій, обращается въ наказаніе нечестивыхъ, чтобы мы тѣмъ же самымъ, чѣмъ были почтены, и за что оказались неблагодарными, теперь вразумились, и познали силу Божию въ злостраданіяхъ, когда не познали ее въ благотворныхъ дѣйствіяхъ (и).

Но не всѣ же легко приходятъ въ смиренное и покаянное чувство при видѣ, или подъ ударами грозныхъ и разрушительныхъ дѣйствій твари. Издавна были, какъ свидѣтельствуеть св. Григорій Богословъ, немудрые мудрецы, слѣпо увлекаемые беспорядочнымъ и темнымъ духомъ. Имъ казалось, что внѣшнія бѣдствія и потрясенія суть слѣдствія беспорядочнаго и неправильнаго движенія вселенной, неуправляемаго

(з). Твор. св. Отц. VIII. 144. 150.

(и). 11. 51.

и неразумнаго теченія вещей (i). Такъ же думаютъ и современные намъ суемудры. Все равно, говорятъ они, такъ или иначе устроены вещи, и когда земля дрожить, поглощаетъ города, выбрасываетъ горящую лаву, и отодвигаетъ море, тутъ происходитъ просто борьба теплорода, упругости газовъ и тяжести. Все это необходимое дѣйствіе свойствъ матеріи. Всякое возмущеніе въ системѣ показываетъ, что тутъ дѣйствуютъ не высшія цѣли, а свойства матеріи; система міра полна такихъ возмущеній (к). — Конечно, Богъ не посылаетъ въ міръ новыхъ силъ, или какихъ-нибудь чрезвычайныхъ грозныхъ дѣятелей, для произведенія разрушительныхъ явленій. Въ нихъ дѣйствуютъ обыкновенныя силы или свойства матеріи, и матерія сама по себѣ, разумется, не имѣетъ и не можетъ имѣть въ виду никакихъ цѣлей. Но развѣ можетъ безъ мысли и безъ цѣли дѣйствовать Тотъ, Кто повѣсилъ землю на ничтожество (Іов. 26, 7.), хранить ея силы, управляетъ ея дѣйствіями согласно съ идеями Своего Творческаго ума? Враги истины не видятъ, или не хотятъ видѣть ни чего выше матеріи. Поэтому, разрушительныя дѣйствія твари и кажутся имъ просто возмущеніями, борьбою свойствъ матеріи безцѣльною и бессмысленною. Но въ спѣхъ же самыхъ дѣйствій матеріи богопросвѣщенный взоръ Пророка видитъ наведеніе зла, или испосланіе бѣдствій отъ Бога, и наведеніе зла премудрое (Ис. 31, 2). Въмѣсто того, чтобы доказывать истину Божія промышленія о мірѣ, истину, всегда признаваемую здра-

(i) Твор. св. Отц. 11. 51.

(к) Литтре, въ *Современникъ* 1847. N. 2.

вымъ разумомъ, и ясно возвѣщаемую въ Откровеніи, мы раскроемъ здѣсь нѣкоторыя черты Творческой премудрости и благодати, которыя даютъ намъ видѣть св. писатели въ наведеніи зла, или въ ниспосланіи на землю какъ общественныхъ, такъ и частныхъ бѣдствій.

Каждое бѣдствіе, какъ выражается Пророкъ, исходитъ изъ устъ Вышняго (Плач. Іер. 3, 38), т. е. приходитъ по Его повелѣнію. Не бываетъ въ городъ несчастія, которое бы не было послано Господомъ (Амос. 3, 6.). Губительныя молніи идутъ путями, имъ предначертанными и предназначенными (Іов. 38, 25. 35.), и, какъ говоритъ Мудрый, на намѣреніе полетѣть (Прем. 5, 21.), то-есть падаютъ на мѣста, назначенныя имъ премудростію Того, Кто въ Своемъ творческомъ планѣ предначерталъ имъ пути. Стихи, въ своихъ разрушительныхъ дѣйствіяхъ, творятъ слово Его (Псал. 148, 8.), и притомъ, съ совершеннѣйшею точностію (Сир. 39, 38.). Всѣ грозныя и разрушительныя дѣйствія природы совершаются въ свои, опредѣленные имъ, времена, когда Промыслитель міра находитъ ихъ нужными и необходимыми: *въ заповѣдяхъ Его возвеселятся, и на земли на потребу уготовятся, и во временахъ своихъ не имутъ преіти слова* (Сир. 39, 38.). Ниодно изъ нихъ не переходитъ назначенныхъ ему предѣловъ, и каждое имѣетъ свою опредѣленную мѣру. *Папасаши насъ хльбомъ слезнымъ*, говоритъ Псалмопѣвецъ, и *напоиши насъ слезами въ мѣру* (опредѣленную мѣрою) (Псал. 79, 6.). На такую же точность въ назначеніи мѣры и предѣловъ каждому бѣдствію указываетъ Пророкъ, когда говоритъ народу отъ лица Божія, что Богъ на одинъ городъ посылаетъ бѣдствіе, а

другой сосѣдній съ нимъ до времени избавляетъ отъ наказанія, на одну часть полей посылаетъ благовременный дождь, а другую ихъ часть изсушаетъ бездождіемъ (Амос. 4, 3.). У Господа, говоритъ Богословъ, и милость на мѣрнѣхъ (Ис. 28, 17.), потому что благодать Его не безразсчетна, и гнѣвъ Божій соразмѣряется съ грѣхами (а). Потому-то, какъ говоритъ Іовъ, пагуба и смерть возвышаютъ славу премудрости Божіей (Іов. 28, 22.).

Съ благоговѣніемъ созерцаютъ св. писатели великую благодать Божию, являемую человѣку въ самыхъ посещеніяхъ гнѣва Божія. Богъ не отъ сердца, не охотно поражаетъ людей (Плач. Іер. 3, 33.), любитъ и щадитъ Свое созданіе (Прем. 12, 25. 27.). Одно строгое правосудіе требовало бы, чтобы наказаніе шло по слѣдамъ грѣха: но движимое благодію Божественное правосудіе умягчаетъ наказаніемъ. Такъ, чрезъ Пророковъ предрекались задолго грядущія бѣдствія, по суду Правды. Между грознымъ пророчествомъ и его исполненіемъ прошло много времени, такъ что нераскаянные нечестивцы дерзали глумиться и надъ Пророками и надъ Богомъ Пророковъ. *Долги дни*, говаривали они, *погибе всякое видѣніе* (Іезек. 12, 22.), много прошло времени, пророчество не исполняется и не исполнится. Такое медленіе наказаній Пророкъ наблюдалъ не только въ исторіи цѣлаго народа, но и въ жизни частныхъ людей. Нной нечестивецъ, по внутреннему уже сознанію своей грѣховности, со страхомъ ожидаетъ наказанія, но ободренный его медленіемъ приходитъ къ цѣльной

(а) Твор. св. Огн. 11. 50.

мысли: забылъ Богъ, закрылъ лице Свое, не увидишь никогда. Онъ не смотритъ, не възвѣщаетъ (Исаи. 9, 32. 34.). Чтò же значить такое медленіе? Апостоль указываетъ въ немъ Божіе долготерпѣніе, или любовь къ людямъ, ожидающую ихъ покаянія. *Не косишьъ Господь обѣтованія, якоже пшцыи косильніе мнятъ: но долготерпишьъ на насъ, не хотя да кто погибнетъ, но да вси въ покаяніе приидутьъ* (2 Петр. 3, 9.). Нераскаянные грѣшники въ такомъ медленіи находятъ поводъ къ безумному самообольщенію въ безнаказанности. Но если Богъ медлитъ наказаніемъ, то, конечно, видитъ людей, которые умбюютъ пользоваться Его благимъ медленіемъ и отвращаютъ грядущій гнѣвъ покаяніемъ и исправленіемъ. А на небесахъ великая бываетъ радость и объ одномъ грѣшникѣ кающемся (Лук. 15, 7.). Движимый тою же благодію, Богъ не посылаетъ внезапно наказаніе во всей силѣ, какой достойны наказуемые, и однимъ карательнымъ посщеніемъ не истребляетъ нечестивцевъ, хотя бы они и достойны были такой участи. Богъ соблюдаетъ постепенность въ наведеніи золь, и обрекаемаго по суду правды грѣшника и даже цѣлый народъ на истребленіе ведетъ Онъ путемъ постепенныхъ казней—отъ легчайшей до болѣе и болѣе тяжелой. Разительный примѣръ такой благой постепенности—исторія казней египетскихъ. Фараонъ и воинство его погибають въ моръ послѣ того уже, какъ цѣлый рядъ казней, постепенно усиливаемыхъ, не пробудилъ въ нихъ покаянія и смиренія предъ Богомъ израиля. Съ глубокимъ чувствомъ благодарности прославляетъ Мудрый благодіе Божію за такое постепенное наведеніе золь, или непосланіе наказаній нечестивымъ. Древніе

жители Палестины, мерзостями разврата и идолопоклонства истощили Божіе долготерпѣніе. Но Господь однимъ ударомъ не истребляетъ ихъ съ лица земли, на которой они уже недостойны жить. Богъ, какъ замѣчаетъ Мудрый, не истребляетъ ихъ въ одной брани, не наводитъ на нихъ дикихъ звѣрей, не сокрушаетъ ихъ внезапно бурями и молніями. Впередѣ Евреевъ онъ посылаетъ на нихъ враговъ менѣе сильныхъ. Это были осы или шершни (Прем. 12, 8. 9. Исх. 23, 28.). Потомъ уже обращаетъ противъ нихъ истребительный мечъ народа Своего. Какая же цѣль такой постепенности въ казняхъ? *Заблуждающихъ по малу обличаеши, говоритъ Мудрый, и въ нихъ же согрѣшаютъ, вспоминая ушши, да премѣнившися отъ злобы върують въ Тя Господи. Враги отроковъ Твоихъ и должныя смерти, съ толикимъ мучилъ еси внятїемъ и щадѣнїемъ, далїи времена имъсто, имїже бы измѣнились отъ злобы* (Прем. 12, 2. 20.). Благоговѣя предъ такою благодїю и долготерпѣнїемъ Божественнаго правосудїя, Мудрый исповѣдуетъ, что каждый, внимательный къ судамъ Божиимъ, не дерзнетъ и не можетъ жаловаться на Бога, или роптать на Него за гибель истребленныхъ народовъ. Кто речетъ Тебѣ: *что сотворилъ еси? Или кто станетъ противу суду Твоему? Кто же истязаетъ Тя о языцѣхъ погибшихъ, ихъже Ты сотворилъ еси? Или кто въ предстательство Тебѣ придетъ, отмститель на неправедныя челоувѣки* (защитникъ неправедныхъ) (Прем. 12, 12.). Св. писатели указываютъ еще на одно поразительное явленїе благодїи Божїей въ самыхъ наказанїяхъ. Богъ умѣряетъ, смягчаетъ силу заслуженнаго и приспосылаемаго нака-

занія, — предъ Своимъ правосудіемъ какбы прикрываетъ любовію часть человѣческихъ грѣховъ, помня немощь естества человѣческаго. Богъ наказываетъ, по слову Мудраго, *со многимъ внятїемъ и щадѣніемъ* (Прем. 12, 20.), то-есть съ снисходительностію, съ осторожностію, подобною той, какую наблюдаетъ врачъ, подвергая врачебнымъ орудіямъ слабое и малосильное тѣло больнаго. Евреи, уже не разъ вразумляемые наказаніями и бѣдствіями, льстили Богу устами своими, сердце же ихъ невѣрно было Ему и не тверды они были въ завѣтъ Его. Но, по увѣренію Псалмопѣвца, и къ нимъ Богъ былъ милостивъ, покрывалъ грѣхъ и не погублялъ ихъ, много разъ удерживалъ гнѣвъ Свой, и не пробуждалъ всей ярости Своей. Онъ помнилъ, что они — плоть, ветръ, который уходитъ и не возвращается (Псал. 77, 32—39.). По замѣчанію св. Григорія Богослова, Господь у всѣхъ убавляетъ нѣчто изъ заслуженнаго ими наказанія, и нерастворенное вино гнѣва растворяетъ челоуѣколюбіемъ (м).

Наконецъ, свящ. исторія представляетъ намъ примѣръ помилованія, или избавленія отъ наказанія, вполне заслуженнаго, уже опредѣленнаго и возвышеннаго, — примѣръ пиневитянъ. Знаменитая въ древности столица ассирійскаго царства своими вопіющими на небо грѣхами и беззаконіями привлекла на себя грозный гнѣвъ Божій и осуждена на истребленіе. По повелѣнію Божію, Пророкъ Іона приходитъ въ Ниневію и возвѣщаетъ ей жителямъ, что чрезъ сорокъ

(м) Твор. св. Отц. II 50.

дней ихъ городъ будетъ разрушенъ. Съ второю и смиреніемъ принимаютъ ниневитяне грозное пророчество. Беззаконія прекращены, установленъ строгій постъ. Облеченные въ власяницы, въ глубокомъ раскаяніи и сокрушеніи, ниневитяне ожидаютъ исполненія пророчества. Вельможи, самъ Царь подаютъ народу примѣръ покаянія и смиренія предъ Богомъ израилювымъ. Господь, умиловленный такимъ глубокимъ и всенароднымъ покаяніемъ ниневитянъ, отмѣняетъ казнь. Пророку, который жаловался на неисполненіе своего пророчества, Богъ говоритъ: Мнѣ ли не пожалѣть Ниневіи, города многолюднаго, въ которомъ болѣе ста двадцати тысячъ человекъ, неумѣющихъ отличать правой руки отъ лѣвой (младенцевъ) (Ион. 4, 11.)?

Въ исторіи Іоны есть черта очень замѣчательная. Иона, какъ извѣстно, получивъ повелѣніе Божіе идти съ грозною проповѣдію въ Ниневію, хотѣлъ убѣжать отъ лица Іеговы въ Фарсісъ. Чтоже заставляло Пророка уклоняться отъ исполненія пророческаго служенія? Самъ онъ объясняетъ, что это была боязнь, что Богъ умиловится надъ Ниневіею и не исполнитъ пророчества. Во времена нечестія, господствовавшаго и у іудеевъ и у язычниковъ, Пророкамъ большею частію надлежало быть провозвѣстниками грядущихъ бѣдствій и наказаній. И опытъ научилъ ихъ, что Богъ охотно отмѣняетъ или умѣряетъ предсказанное наказаніе, если люди спѣшатъ умиловить Его правосудіе покаяніемъ и исправленіемъ. Когда сорокодневный срокъ Ниневіи прошелъ, и въ городъ не начиналось разрушеніе,—Пророкъ понялъ,

что наказаніе отмѣнено, и такъ говорить въ молитвѣ къ Богу: О Іегова! Не о томъ ли думалъ я, когда еще былъ на землѣ своей? Потому-то я прежде и бѣжалъ въ Фарсисъ; ибо я зналъ, что Ты человеколюбивъ и милосердъ, долготерпѣливъ и богатъ благостію, и жалѣешь дѣлать зло (4, 2).

Что Богъ посылаетъ рѣшительную казнь на нечестивыхъ тогда уже, когда мѣра грѣховъ ихъ наполнена и переполнена, когда и долготерпѣніе совершенно бесполезно, и исправленіе нечестія невозможно, — объ этомъ яснѣе всего свидѣтельствуемъ намъ молитвенный разговоръ Авраама съ Богомъ, явившимся ему у дуба мамврійскаго. Отходя отъ Авраама, Богъ открываетъ ему близкую гибель Содома и Гоморра, дошедшихъ до послѣдней степенн разврата и нечестія. Авраамъ дерзаетъ ходатайствовать предъ Богомъ за нечестивыхъ ради праведныхъ. Богъ милостиво слушаетъ ходатайство, и въ Своихъ отвѣтахъ Аврааму являетъ Свою безмѣрную любовь къ человеку и Свое чудное долготерпѣніе (Быт. 18, 23—33.). Свящ. исторія сохранила намъ сказаніе о томъ, что Богъ ради одного праведника щадитъ цѣлый народъ, по собственному суду Его достойный истребленія. Это было въ пустынь при Синаѣ. Моисей возванъ былъ Богомъ на гору для выслушанія Закона и полученія скрижалей завета, и сорокодневнымъ постомъ и молитвою готовился предстать предъ лице Божіе. Въ это время евреи сливаютъ золотого тельца, приносятъ ему жертву, и въ честь сего идола совершаютъ языческое празднество, и все сіе дѣлаютъ при подножій Синая, на которомъ толь-

ко что совершилось грозное и величественное явленіе Господа. Разгнѣванный такимъ жестокосердіемъ и неблагодарностію народа, Богъ объявляетъ Моусею на горѣ, что Онъ истребитъ евреевъ, уничтожитъ самое имя ихъ на землѣ, и отъ Моусея воздвигнетъ Себѣ новый народъ. Со страхомъ и скорбію сходитъ Моусей съ горы и усматриваетъ нечестивый праздникъ. По совершеніи очистительнаго наказанія народа, и по истребленіи идола, Моусей снова восходитъ на гору, сорокъ дней и сорокъ ночей проводитъ въ постъ, не ѣстъ хлѣба, не пьетъ воды, и потомъ уже дерзаетъ предстать предъ Господа ходатаемъ за народъ, обреченный на истребленіе. Гнѣвъ былъ Господь; трепетенъ Моусей; но ходатайство его было принято. И молитва одного праведника, дѣйствительно чудная по изумительной силѣ самоотверженія, спасаетъ, цѣлый народъ. Послѣ, самъ Моусей такъ изображалъ израильтянамъ тогдашнее свое состояніе: *и боязненъ бѣхъ гнѣва ради и ярости, яко разгнѣвася Господь на вы, да потребитъ васъ: и послуша мене Господь и въ то время* (Второзак. 9, 14.).

На какую же наводятъ насъ мысль приведенныя нами свидѣтельства Писанія и примѣры изъ исторіи? Они даютъ намъ твердое и непоколебимое убѣжденіе, что физическое зло стоитъ подъ управленіемъ Божественнаго Промысла, такъ-же, какъ и всякое благодѣтельное явленіе въ мірѣ, что всѣ бѣдствія и несчастія суть Божіи посыланія, направляемыя премудростію Божіею къ цѣлямъ благимъ, и преимущественно руководимыя любовію или Божіею благодіею, которая не снѣшитъ и заслуженнымъ наказані-

емъ, умѣряетъ или смягчаетъ его силу, и съ любовію отмѣняетъ наказаніе, если люди предупреждаютъ или встрѣчаютъ его покаяніемъ и исправленіемъ. Предъ такими свѣтлыми и утѣшительными воззрѣніями боговдохновенныхъ созерцателей, предъ убѣдительною силою историческихъ примѣровъ, какъ жалки и ничтожны умствованія тѣхъ близорукихъ мудрецовъ, которые въ разрушительныхъ дѣйствіяхъ природы видятъ только возмущенія вещественныхъ силъ, безцѣльныя и безсмысленныя, какъ-будто возможны такія возмущенія въ царствѣ Бога всемогущаго и премудраго! И какъ истинно наставленіе св. Церкви, внушающее намъ, что противъ всякаго частнаго и общаго бѣдствія лучшее врачевство — молитва, покаяніе и исправленіе жизни!

Воздыханія и страданія твари.

Есть еще одинъ вопросъ о физическомъ злѣ. Человѣкъ заслуживаетъ наказаніе, и оно необходимо ему, какъ лекарство—больному. Но чѣмъ виновна тварь, невольное орудіе казней, подчиненная подъ иго тяжелой работы тлѣнно? За что страдаетъ тварь, нисколько не виновная въ грѣхъ человѣка? Апостоль дѣйствительно свидѣтельствуетъ, что со времени проклятія покоренная суетъ тварь совоздыхаетъ и сболѣзнуетъ даже донынѣ (Рим. 8, 22.). Но Апостоль слышалъ воздыханіе твари въ своемъ собственномъ духѣ, и ощущалъ ея страданія собственнымъ сердцемъ. А тварь, какъ въ своихъ хвалебныхъ словесіяхъ, такъ и въ своихъ воздыханіяхъ и страданіяхъ безчувственна и безсознательна. Природа сла-

вословить Творца, но не сознаетъ своихъ славословій. Онѣ приходятъ въ сознание только въ человѣческомъ духѣ, который понимаетъ ихъ. Такъ-же точно тварь страдаетъ; но страданіе ея ощутительно не для нея самой, оно ощутительно человѣческому духу, который видитъ въ немъ слѣдствіе собственнаго растлѣнія. Тварь и славословить Творца въ человѣческомъ сознаниі, и страдаетъ въ человѣческомъ сердцѣ: своими красотами и совершенствами она возбуждаетъ въ душѣ челоуѣка любовь и благодарность къ Творцу; своими грозными и разрушительными дѣйствіями наполняетъ горькимъ и покаяннымъ чувствомъ сердце грѣшника.

О страданіяхъ твари неодушевленной, конечно, не можетъ быть и рѣчи. Молнія не чувствуетъ сожалѣнія, сожигая жилище, или поражая челоуѣка. Море не состраждетъ страждущимъ, когда буря его разрушаетъ и поглощаетъ корабль. Мудрый увѣренъ, что тварь въ своихъ разрушительныхъ дѣйствіяхъ исполняетъ повелѣніе Творца, и исполняетъ *радостно* (Сир. 39, 31.). Подъ радостію исполненія Мудрый, конечно, разумѣетъ не слѣпое и безцѣльное, но совершенно цѣлесообразное, всегда готовое и неуклонное служеніе твари цѣлямъ, указаннымъ ей Творцемъ. И если бы тварь могла ощущать радость, то имѣла бы причины радоваться, что до времени сокрыта въ ней часть ея первобытной красоты и совершенства. Совершеннѣйшая красота твари сильнѣе бы разжигала грѣховныя влеченія челоуѣка, которымъ онъ и теперь порабощаетъ тварь, и бѣольшая полнота совершенствъ въ твари открывала бы челоуѣку гораздо болѣе средствъ и путей къ ихъ злоупотребленію. Поступ-

нѣ, милуетъ Господь челоуѣка и тѣмъ, чѣмъ его наказываетъ!

Но среди тварей есть существа живыя и чувствующія. Животныя ощущаютъ боль, и слѣдовательно, могутъ болѣзновать и страдать въ работѣ тѣлнѣю. вмѣстѣ съ челоуѣкомъ и они испытываютъ вредныя и разрушительныя вліянія и дѣйствія стихій, подвергаются смерти, тѣлнѣю и разрушенію. Возникающія при этомъ недоумѣнія разрѣшаются сами собой при рѣшеніи вопроса: имѣли-ль когда животныя, и могутъ ли имѣть въ себѣ какое-нибудь основаніе безсмертія и неразрушимости? Челоуѣкъ созданъ безсмертнымъ и по тѣлу; но тѣло его было безсмертно не само по себѣ, а потому что принято было въ союзъ съ духомъ челоуѣческимъ, и ограждено отъ тѣлнѣю образомъ Божіимъ. Но неестественно—представлять себѣ, что на благословенной землѣ и каждая живая тварь имѣла бы также непреходящее и нескончаемое бытіе. Такое представленіе неестественно, потому что не соответствуетъ естеству животныхъ, которыя, какъ существа безличныя, не самостоятельныя, не имѣютъ въ себѣ основанія нескончаемости и неразрушимости. Отдѣльныя твари приходятъ и уходятъ, уступая свое мѣсто слѣдующимъ за ними тварямъ, и изъ однѣхъ формъ переходятъ въ другія, новыя. Въ этомъ круговращеніи или послѣдовательномъ повтореніи однородныхъ существъ физическихъ и состоитъ жизненная дѣятельность, постоянно обновляющаяся и никогда не престающая жизнь природы. Богъ, говоритъ Писаніе, *смерти не сотвори* (Прем. 1, 13.). Конечно, не Богъ создалъ смерть челоуѣческую; не Божіе творе-

ніе—печальный и безобразный видъ смерти и тлѣнія, который представляется намъ въ царствѣ животныхъ. Все это безобразіе, поражающее человека, есть произведеніе разъединяющей и растлѣвающей силы грѣха. На землѣ, непораженной проклятіемъ, твари, теряя отдѣльное бытіе, возвращались бы въ общую жизнь природы, или, изъ однѣхъ формъ бытія переходили бы въ другія, путемъ совершенно безболѣзненнымъ, не такимъ, каковъ настоящій страшный и зловонный путь тлѣнія и разложенія тлѣ, но путемъ сообразнымъ съ первобытною красотой и гармоніею природы, подобно тому, на примѣръ, какъ и нынѣ земляной червь преобразуется въ крылатую бабочку, или ладанъ, брошенный на огонь, возвращается въ общую жизнь природы въ благоуханіяхъ. Впрочемъ и на проклятой землѣ состояніе животныхъ не такъ печально и болѣзненно, какъ намъ иногда кажется. Мы воображаемъ въ животныхъ свои собственныя горькія чувства и мрачныя мысли, которыя возбуждаются въ насъ, при видѣ смерти и тлѣнія. Провидѣніе обезпечило неприхотливыя и необходимыя потребности животныхъ. Ужасающій человека видъ тлѣнія и разрушенія не вызываетъ въ животныхъ никакой мысли, и слѣдовательно нисколько ихъ не трогаетъ и не возмущаетъ. И человека страшитъ не столько самая смерть, сколько сознаніе грѣха, котораго она произведеніе, и мысль о томъ, что ожидаетъ его по ту сторону гроба. Животному смерть предстаетъ, какъ необходимый законъ природы, и оно повинуется ему, какъ и всякой естественной необходимости, бессмысленно, безсознательно и безпечально. Св. Григорій Богословъ рѣ-

шительно признаетъ состояніе животныхъ и при жизни и при смерти безпечальнымъ и покойнымъ по сравненію съ горькою, исполненною скорбей и печалей, участію чловѣка на землѣ. «Телецъ, едва оставивъ нѣдра рождающей, уже и скачетъ, и крепко сжимаетъ сладкіе сосцы, а на третьемъ году носить ярмо, влачить тяжелую колесницу, и могучую вью влагаетъ въ крепкій навыйникъ. Пестровидный олень, едва—изъ матерней утробы, и тотчасъ твердо становится на ноги подлѣ своей матери; бѣжитъ отъ кровожадныхъ псовъ, и отъ быстрого коня скрывается въ чащахъ густаго лѣса. Недавно еще покрытый перьями птенецъ, едва оперился, и высоко надъ гнѣздомъ кружится, по просторному воздуху. Золотая пчела оставила только пещеру, и вотъ строитъ себѣ противоположную обитель, и домъ наполняетъ сладкимъ плодомъ; а все это трудъ одной весны. У всѣхъ у нихъ готовая пища, всѣмъ пиръ даетъ земля. Если и трудятся, то у нихъ небольшая однопневная работа. Такъ жизнь ихъ необременена трудами. Подъ камнемъ или вѣтвями всегда готовый у нихъ домъ. Они здоровы, сильны, красивы. Когда же смирить болѣзнь,—безпечально испускаютъ послѣднее дыханіе, не сопровождають другъ друга плачевными пѣснями, и друзья не рвутъ на себѣ волосъ. Скажу еще болѣе: они безтрепетно теряють жизнь; и звѣрь умирая не бонется никакого зла. Посмотри же на жалкій чловѣчскій родъ; тогда и самъ скажешь съ стихотворцемъ (Гомеръ—въ Одиссеѣ): нѣтъ ничего немощнѣе чловѣка » (п).

(п) Твор. Св. Отц. IV. 264—266.

Но если на долю живыхъ тварей и достаются какія-нибудь страданія: то вспомнимъ, что вся тварь на землѣ существуетъ для человѣка, и скажемъ больше: вся тварь потолку и достойна существованія, что служить нравственнымъ цѣлямъ человѣка. Сіе служеніе человѣку есть ея назначеніе, высшая и послѣдняя цѣль ея бытія. Созданная и украшенная для человѣка, за него проклятая, она за нимъ и ради его будетъ восстановлена въ первобытное состояніе славы и красоты. Ужели тварь, говорить Златоустый, терпя за другаго, терпѣть обиду? Ничего. Она для меня и существуетъ. А если существуетъ для меня, то какая для нея обида, когда терпѣть для моего исправленія? А иначе къ неодушевленному и безчувственному нельзя даже приложить понятія о справедливомъ и несправедливомъ.... Что ты говоришь, будто бы тварь чрезъ тебя потерпѣла зло и стала тлѣнною? Ей не сдѣлано симъ никакой обиды; потому что чрезъ тебя же опять будетъ нетлѣнною. Какъ кормилица, воспитавшая царскаго сына, когда взойдетъ онъ на отеческій престолъ, имѣетъ свою долю въ царственныхъ его благахъ; такъ и тварь, по слову Апостола (Рим. 8, 21.) (о). Кормилица, продолжаемъ сравненіе Златоустаго, получивши свою долю отъ царственныхъ благъ своего питомца, конечно, не станетъ сътовать о безсонныхъ ночахъ, которыя проводила у его колыбели, или о лишеніяхъ и скорбяхъ, которыхъ стоило ей его воздвоеніе.

(о) Точк. на Посл. къ Рим. Бес. 14, по русс. перев. стр. 344, 345.

Итакъ, Писаніе увѣряетъ насъ, что физическое зло вызвано грѣхомъ, какъ лѣкарство болѣзнію, и введено проклятіемъ, какъ горькое, но спасительное врачевство грѣховныхъ болѣзней. Проклятая тварь, въ своихъ разрушительныхъ дѣйствіяхъ, служитъ благу челоуѣка. Служеніе сіе поручено ей Творцемъ, и управляется Его промышленіемъ премудрымъ и любвеобильнымъ. Ученіемъ о проклятіи твари, или о покореніи ея суетъ ради спасенія челоуѣка, и о будущемъ ея возстановленіи Апостоль, какъ замѣчаетъ Златоустый, какъ паутину или дѣтскія игрушки, разрушаетъ всѣ философскіе толки, составленные о семъ міръ (п).

(п) Тамже стр. 342.



ФОТІЙ, МИТРОПОЛИТЪ КІЕВСКІЙ

И ВСЕЯ РОССІИ.

Послѣ кончины святаго Кипріана, долго Церковь русская сиротствовала въ ожиданіи новаго митрополита изъ Константинополя. Великій Князь московскій Василій Дмитріевичъ былъ занятъ войною съ великимъ Княземъ литовскимъ Витовтомъ. При такихъ отношеніяхъ двухъ Государей, которые господствовали надъ двумя раздѣленными половинами народа русскаго, не было единомыслія и въ выборъ первенствующаго іерарха. Василій Дмитріевичъ, вѣроятно, надѣялся имѣть въ митрополитѣ изъ грековъ болѣе просвѣщеннаго пастыря, нежели какого могъ найти между русскими, согласно съ прежними примѣрами, послалъ въ Константинополь просить новаго архипастыря на митрополию всероссійскую (а). Съ своей

(а) Самъ Фотій пишетъ о В. Князѣ Василіѣ: «посла къ Святому Патриарху, и къ священному Собору, и къ святому Царю, яко, да его же, по Божію хотѣнію, изберуть и пришлютъ, той есть: намъ и святой святитель кіевскій и всея Россіи, *по старой пошлннѣ*»
Акт. Ист. Т. I. N 13, стр. 32.

стороны, Витовтъ, не желая, чтобы его подданные православные состояли подъ однимъ іерархическимъ управленіемъ съ Москвою, отпавилъ къ Патріарху полоцкаго Епископа Θεодосія, изъ грековъ, съ просьбою поставитъ въ Литву особаго митрополита (б).

Давно уже великіе князья литовскіе, чувствуя вліяніе митрополитовъ на взаимныя отношенія государствъ, просили патріарховъ объ учрежденіи отдѣльной митрополіи въ литовской Россіи. Еще при св. Алексіѣ, Ольгердъ писалъ къ Патріарху: «дай намъ другаго митрополита, Кіевскаго, на Смоленскъ, на Тверь, на малую Россію, на Новосиль, на Нижній Новгородъ». В. Князь литовскій кромѣ малой Россіи хотѣлъ отдѣлеть отъ митрополіи всероссійской и владѣнія князей ему родственныхъ и подручныхъ. — Но патріархи, держась первоначальнаго учрежденія іерархіи въ Россіи, старались поддерживать единство духовной власти въ народѣ Русскомъ, и, если уступали иногда требованіямъ государей литовскихъ, то навремя. Только для тѣхъ епархій, которыя вошли въ составъ владѣній польскихъ, и которыя, подъ преобладающимъ вліяніемъ чуждаго вѣроисповѣданія, безъ ближайшаго призрѣнія, могли подвергаться особенной опасности относительно православія, они согласились на учрежденіе особой митрополіи въ Галичѣ. «Присылалъ сюда, — пишетъ Патріархъ Филофей къ святому Алексію, — къ моему смиренію

(б) Объ этомъ согласно пишутъ и Фотій въ приведенномъ посланіи, и Витовтъ. Акт. Западн. Росс. 1, 25. стр. 36.

Краль Ляхиі Казиміръ, который держитъ и малую Россію, и другіе князья присылали сюда Епископа и грамоты, извѣщая, что вся земля безъ закона», т. е. не видитъ у себя Митрополита, который, живя въ великой Россіи, не можетъ часто посѣщать своихъ отдаленныхъ епархій на Юго-западъ». Что же намъ было дѣлать, продолжаетъ Патріархъ? Тебя призываемъ въ судиіи, что ты самъ скажешь?—Другое дѣло, если бы Государь земли былъ православный и нашей вѣры; тогда мы, можетъ быть, и подождали бы. Но какъ онъ не нашей вѣры, а латинянинъ: то можно ли было отослать ихъ съ пустымъ отвѣтомъ? А онъ намъренъ былъ не медля поставить митрополита латинскаго, какъ говорилъ, и крестить руссовъ въ вѣру латинскую. Посуди самъ, хорошо ли было бы, если бы такъ случилось? Благодарю еще Бога, что Краль, прежде чѣмъ сдѣлать это, прислалъ къ намъ и требовалъ митрополита. Поэтому и рукоположили мы того, кого онъ прислалъ. Дали мы ему Галичъ, чтобы быть митрополіею, епископіи же—Владиміръ, Перемишль, Холмъ,—что все подъ властію Краля Ляхиіи. Больше сего мы ему не дали, ни Луцка, ни что-либо другое (в).

Теперь Витовтъ повторилъ прежнее требованіе учредить отдельную митрополію для литовской Россіи. «Мы обладаемъ Кіевомъ, — писалъ онъ къ Патріарху Константинопольскому, — и потому, нужно, чтобы митрополитъ жилъ у насъ и управлялъ дѣ-

(в) Протоколы Константинопольскихъ Патріарховъ въ XIV ст. въ Журналѣ М. И. Просвѣщенія 1847., стр. 152, 153.

лами митрополін, какъ нашъ». Но Патріархъ Матеей, не предвидя въ настоящемъ случаѣ для многочисленной Церкви литовско-русской подобной опасности, которая угрожала Церкви галицкой, не нашелъ нужнымъ отступать отъ древняго порядка, для удовлетворенія требованій Витовта, и рукоположилъ въ Митрополита всея Россіи извѣстнаго своими добродѣтелями инока Фотія (2 сент. 1408 г.) (г).

Фотій былъ уроженецъ морейскій изъ города Монемвасін (д), одного изъ тѣхъ немногихъ горо-

(г) Такъ пишетъ самъ Фотій въ своемъ духовномъ завѣщаніи. Соф. Врем. изд. Строев. Т. 2, стр. 8. Лѣт. Ник. Т. 5, стр. 100. Собр. госуд. грам. и догов. Т. 2, стр. 17, «поставленъ быхъ на великій степень святительства въ лѣто 6917, сентября въ 1-й день, индикта втораго». Въ томъ-же завѣщаніи упоминаетъ и имя своего рукоположителя Патріарха Матеея. Посему, нельзя признать правильнымъ въ настоянной грамотѣ Фотія показаніе имени Патріарха, вмѣсто Матеея, Антонія, и времени 1397 г., вмѣсто 1408 (Акт. Ист. Т. 1, стр. 482.). Нельзя думать, чтобы Патріархъ константинопольскій заранѣе хотѣлъ приготовить въ немъ преемника Кипріяну. При такомъ намѣреніи, онъ, посвятивъ Фотія, не замедлил бы послать его въ Россію, или въ Литву; не сталъ бы держать его въ Константинополь, безъ всякой пользы, цѣлыя 15 лѣтъ; не выдалъ бы ему настоянной грамоты такъ рано, съ увѣщаніемъ В. Князю Василю Дмитріевичу слушать новопоставленнаго Митрополита. Притомъ, если бы Фотій, подобно Кипріяну, преждевременно былъ посвященъ въ Митрополита, то литовскіе епископы не пропустили бы сего обстоятельства въ своемъ объявленіи противъ Фотія, какъ не опустили они сказать это о другихъ. Наконецъ, изъ завѣщанія Фотіева ясно видно, что немного протекло времени между посвященіемъ и отправленіемъ въ Россію.

(д) Въ нашихъ памятникахъ называется онъ *Аморрейскимъ*, *Аморскимъ*, такъ-же какъ и Фома Палологъ, деспотъ морейскій,

довъ, которые, во время владычества Латинскаго въ Моревъ, умѣли возвратить себѣ независимость и составляли собственность имперіи греческой на этомъ полуостровѣ (е). Съ юности онъ воспитывался въ пустынѣ, пользуясь наставленіями благочестиваго старца Акакія, котораго весьма уважали благочестивые Цари и Патріархи. Посвятивъ себя богомыслию, онъ отказался отъ всѣхъ мірскихъ связей. «Одно было у меня желаніе, говоритъ онъ въ своемъ предсмертномъ завѣщаніи, одна забота—спасти душу свою и представить себя непорочнымъ Владыкѣ и Богу, Творцу моему». При такомъ расположеніи духа, онъ никогда не питалъ въ себѣ желанія домогаться высшаго сана, — оставался при своемъ наставникѣ, Акакіѣ, даже и тогда, какъ тотъ возведенъ былъ на престолъ митрополіи монемвасійской. Но судьбы Божіи устроили иначе. Въ то время, какъ получено было Патріархомъ требованіе новаго митрополита въ Россію, Фотій находился въ Константинополь, по порученію отъ Акакія, и, не смотря на весь отрицанія, долженъ былъ принять жезлъ святительскій и путническій, чтобы идти въ страну отдаленную, иноязычную, но единовѣрную.

Хотя въ Моревъ, въ числѣ разноплеменныхъ обитателей, много было и Славянъ (ж),—Фотій едва ли

отецъ Софіи—Царемъ аморрейскимъ. Въ Синодикѣ Монемвасійскомъ онъ называется—*Μονεμβασιωτης*.

(е) Fallmerayer, Geschichte der Halbinsel Morea. 2 Th. s. 36. 265. n. f.

(ж) Fallmerayer. 1 Th. Capitel. 5. s. 240 n. f. 2 Th. s. 316

зналъ нашъ языкъ (з). Тяжко было ему оставить своихъ друзей. Онъ взялъ съ собою близкихъ къ нему: іеромонаха Пахомія, изъ болгаръ, съ которымъ жилъ вмѣстѣ въ пустынь у Акакія, и священника Патрикія, изъ грековъ. Въ Моревъ и Константинополь не забыли его. Въ синодикъ Церкви Монемавсійской встрѣчаемъ имя Фотія, Митрополита русскаго, между именами пастырей монемавсійскихъ, какъ благотворителя сей Церкви, возрастившаго ее своими трудами и украсившаго многими священными приношеніями (и); изъ Константинополя, съ нимъ поддерживалъ дружескія сношенія славившійся тогда своимъ благочестіемъ и краснорѣчіемъ, учитель великой Церкви константинопольской, Іосифъ Вріенній (і). Патріархъ снабдилъ Фотія настольною грамотою, которая дошла до насъ, одна изъ всѣхъ, съ какими отпускаемы были наши первосвятители изъ Константинополя. Въ этой грамотѣ, указавъ достоин-

(з) «Не зарите смиренію моему, яко не искусну ми сущу писанію вашему и языку», писалъ онъ лѣтъ чрезъ десять послѣ прибытія въ Россію. Дополн. къ Акт. Ист. Т. 1., стр. 323. Въ Степен. кн. ч. 2. стр. 29. «М. Фотію русскому языку еще не навикшу».

(и) Извлечение изъ сего синодика издано при описаніи рукописей греческихъ бібліотеки Туринской. Здѣсь сказано: *Φωτίου, τῷ ἐν μακαρίᾳ τῇ λήξει γενομένου, ἀγιωτάτου καὶ δοδίου Ἀρχιεπισκόπου Ῥωσίας τῷ τῆν καθ' ἡμᾶς αὐτῆν ἐκκλησίαν καὶ πόνοισι δικαίως ἀνέξουστος, ὡς ἐν ἡμῶν, καὶ πολλοῖς ἱεροῖς ἀναθέμασι κεκοσμημένος, τῷ Μονεμβασιάωτι, αἰωνία ἡ μνήμη.* Codices manuscriptorum Bibliothecae Turinensis. 1769. p. 422.

(і) Письмо его къ Фотію, вѣроятно, вскорѣ послѣ его отъѣзда въ Россію, издано вмѣстѣ съ прочими сочиненіями Іосифа Вріеннія. *Ἰωσήφ Μοναχῶ τῷ Βρεταννίῳ τὰ παραλειπόμενα.* Т. 3. с. 168. Письмо это содержитъ похвалы добродѣтелямъ Архипастыря.

ство новоизбраннаго Митрополита, и изъяснивъ его обязанности, Патріархъ проситъ Великаго Князя и прочихъ Князей, также русскихъ Епископовъ и прочее духовенство, оказывать ему должное послушаніе, какъ своему отцу духовному и наставнику въ вѣрѣ и благочестіи (к).

Неохотно разставался съ своимъ отечествомъ, хотя и бѣдствующимъ, Фотій нескоро явился въ первопрестольномъ городѣ своей митрополіи—Кіевѣ (1 Сен. 1409 г.). Можетъ быть, жалобы на то, что Митрополиты рѣдко здѣсь бывають и помалу живутъ, заставили его провести въ Кіевѣ около семи мѣсяцевъ. Въ Апрѣль 1410 г., наконецъ, онъ прибылъ въ Москву и былъ встрѣченъ далеко за городомъ самимъ В. Княземъ и священнымъ Соборомъ (л).

Горестное зрѣлище представляла тогда Москва, послѣ нашествія Едигеева (въ Дек. 1408 г.). Она имѣла видъ раззореннаго города. Уцѣлѣлъ только кремль отъ опустошенія: но и тамъ въ домѣ митрополіи, отъ долговременнаго отсутствія митрополита и смутныхъ обстоятельствъ военныхъ, все запустѣло, такъ что Фотій ничего въ немъ на нашель (м). Кроме опустошеній непріятельскихъ, города и селенія,

(к) Акт. Истор. Т. 1. N 254.

(л) Въ летописяхъ разныя показанія о времени прибытія Фотіева въ Москву. Но большая часть сходится на Апрѣль.

(м) Въ духовномъ завѣщаніи онъ неоднократно говоритъ: «Вѣдомо было В. Князю Василю Дмитріевичу и всемъ, что какъ есмь пришелъ на Москву на митрополію, послѣ своего брата св. Кипріана Митрополита кіевскаго всея Руси, не обрѣтохъ въ дому церковномъ ничтоже». Соф. Врем. 11, 9.

лежація около Москвы, испытали грозное посещение Божіе губительною болъзною (н). Въ народѣ распространилась мысль о близкой кончинѣ міра. Истекла седьмая тысяча лѣтъ отъ міросозданія, и всѣ ожидали, что, съ окончаніемъ сего тысячелѣтія, наступитъ конецъ міру. Въ 1408 г. окончился великій индикціонъ (13-й); нужно было сдѣлать различіе пасхальное на слѣдующіе годы. Никто не осмѣлился продолжить его далѣе 7000=1492 г. (о).

Ничто не показываетъ, чтобы самъ Митрополитъ Фотій былъ склоненъ къ какимъ-нибудь опредѣленнымъ вычисленіямъ, когда будетъ часъ всею тва-

(н) Въ Ист. Г. Росс. Т. V, пр. 222. изъ Троицкой летописи описаніе болъзни, свирѣпствовавшей въ 1408 г. въ волостяхъ ржевскихъ, волоцкихъ, можайскихъ, дмитровскихъ, звенигородскихъ, переяславскихъ, владимірскихъ, разанскихъ, тарусскихъ, юрьевскихъ и нѣкоторыхъ московскихъ.

(о) Нѣкоторые назначали срокъ прішествія Христова еще ближе, именно въ томъ году, когда Пасха будетъ въ день Благовѣщенія. Это случилось въ новомъ (14-мъ) индикціонѣ въ первый разъ въ 1459 г. Летописецъ внесъ это замѣчаніе въ свою летопись изъ Пасхалии, но по окончаніи года долженъ былъ прибавить: «и того лѣта не бысть ничтоже». Соф. Врем. 11, 66. Подобныя ожиданія были распространены и въ Греціи между простымъ народомъ. Иосифъ Вріенцій, въ одномъ изъ двухъ словъ «о кончинѣ міра» говоритъ: «многіе утверждаютъ, что кончина міра послѣдуетъ по истеченіи 7-го вѣка, въ концѣ года, въ послѣднее число 12 мѣсяца, въ 7 мѣ часу послѣдней ночи». Т. 2. стр. 218. Здѣсь седьмымъ вѣкомъ называется седьмое тысячелѣтіе. Пасхалия греч., изданная при часословѣ, въ Венеціи въ 1535 г., названа *Παρολίον τῆς βυβλῆς αἰώνος*. Ducang. Glossar. Grec. Т. 1. р. 1128. Въ Греціи усилена была мысль о близкой кончинѣ міра стѣсненнымъ положеніемъ государства отъ турокъ, захватившихъ весь его области и державшихъ Константинополь какъ бы въ непрерывной осадѣ.

рпо, по ни для кого недовѣдомый конецъ настоящаго порядка вещей. Но, какъ вѣрный ученикъ Христовъ, всегда помнилъ онъ заповѣдь Господню: *бдите, яко не вѣсте дне, ни часа, въ оныже Сынъ человѣческой придетъ*, и умѣлъ пользоваться грозными знаменіями временъ для возбужденія своей паствы къ покаянію и исправленію нравственному. Губительная болѣзнь по мѣстамъ возникала снова и свирѣпствовала съ жестокостию. Въ 1417 г. она опустошила Новгородъ, Ладогу, Русу, Порховъ, Псковъ, Торжекъ, Дмитровъ, Тверь и ихъ области; не успѣвали хоронить умершихъ; многіе, почувствовавъ приближеніе болѣзни, постригались въ иноческій образъ; строили обыденныя церкви; учреждали крестные ходы (п). Въ 1420 году болѣзнь снова появилась во Псковъ; сначала умирали дѣти, потомъ и возрастные. Въ то-же время она распространилась въ области Новгородской, въ Костромъ, Галичъ, Ярославль, Ростовъ и другихъ мѣстахъ. Съ того времени въ лѣтописяхъ почти ежегодно, до самой кончины Фотія, повторяются печальныя слова: *моръ бысть силенъ...* (р). Къ этимъ грознымъ явленіямъ по временамъ присоединялся голодъ. Три года сряду (1420—1422.) не родился хлѣбъ по всей Россіи; цѣны на него возвысились до невѣроятности; бѣдные ѣли все, что ни попалось (с).

(п) Новгор. 1 лѣтопись въ полномъ собр. Русс. лѣт. Т. 3. стр. 107.

(р) Ист. Госуд. Росс. Т. V. пр. 222. 258 и 386.

(с) Никон. Лѣтоп. Т. 5. стр. 75. 79. Псков. 1-я Лѣт. въ полн. собран. Лѣт. Т. 4. стр. 203. 2-я Лѣт. Т. 5. стр. 24.

Свидѣтель страшныхъ явленій гнѣва Божія, Фотій въ словахъ и въ посланіяхъ обращался къ духовенству и народу съ духовными увѣщаніями. Какъ въ нравственномъ вліяніи духовенства на свою паству онъ видѣлъ ближайшее орудіе къ дѣйствованію на цѣлую Церковь; то прежде всего старался внушить священникамъ и инокамъ понятіе о высокомъ достоинствѣ ихъ сана и о тѣхъ обязанностяхъ, какія на нихъ возложены. Въ своемъ окружномъ посланіи (т) ко всему духовенству, онъ въ особенности указываетъ на два великія дарованія, усвоенныя благодатно Христовою священству: на право вязать и рѣшить грѣхи кающихся и право священнодѣйствовать великое таинство тѣла и крови Христовой. «Самого Бога дѣло есть, — восклицаетъ онъ, — прощать грѣхи человѣческіе, и сіе дѣло заповѣдуетъ. Онъ совершать намъ, земнымъ и нечистымъ.... Священники ветхозавѣтные служили сѣни: а мы самое тѣло Христово всегда имѣемъ въ рукахъ, и порождены Духомъ Святымъ въ сыноположеніе. Смотрите же, дерзающіе воспринимать на себя великое духовное начальство, — какими надлежитъ быть намъ, посылаемымъ ходатаями къ Царю царствующихъ о душахъ человѣческихъ, и какъ чисты должны быть наши священническія руки, прикасающіяся къ Божественнымъ Тайнамъ, къ Которымъ не смѣютъ приблизиться и небесныя силы!» Сообразно съ высокимъ достоинствомъ духовнаго сана, Архiepистырь требовалъ, чтобы священники вели себя во всемъ чисто и неукото-

(т) Дополн. къ Акт. Истор. Т. 1. N 181. стр. 325.

ризиенно, были примѣромъ для всѣхъ, «свѣтомъ міру, солію земли». Въ-особенности внушалъ имъ благоговѣніе въ священнодѣйствіи, бдительность въ служеніи Богу и бдительность о вѣрномъ имъ стадѣ словесномъ. «Въ благолѣпніи держите Церковь, какъ земное небо, и въ-особенности святой алтарь, и съ благоговѣніемъ входите въ него: ибо тамъ не земнаго царя жилище, но гробъ и ложе и мѣсто семенія Царя царствующихъ, окружаемаго небесными силами. Приготовляясь къ священнодѣйствію Христовыхъ Тайнъ, ночь проводите въ молитвѣ и предстояніи предъ Богомъ, и только развѣ по преизнеможенію вкушайте мало сна до утрени; послѣ утрени же никакъ не предавайтесь сну, а послѣ священнослуженія храните святыню въ чистотѣ жизни».

Обращая вниманіе духовенства на исполненіе высокихъ и трудныхъ его обязанностей, Святитель воспрещалъ ему вступать въ другія несвойственныя ему занятія изъ видовъ корысти: не заниматься торговлею и не отдавать денегъ въ ростъ (у). Для предупрежденія всякихъ соблазновъ въ народъ, вдовымъ священникамъ и діаконамъ предписывалъ вступать въ монастырь, въ противномъ же случаѣ, воспрещалъ имъ священнодѣйствовать. «Половиною своею они уже умерли, писалъ онъ (Ф),—для чего еще оставаться въ міръ? Пусть, благодаря Бога, такъ

(у) Акт. Арх. Ком. Т. I. N. 369. стр. 462. Грамота дана въ Августъ 1410 г.

(Ф) Грамота объ этомъ Фотіева помѣщена въ 78 главѣ стоглавника. Здѣсь онъ говоритъ еще: «Се же убо, по всей своей митро-

устроившаго ихъ участь, вступаютъ въ монастыри, и, если окажутся достойными, тамъ священнодѣйствуютъ, а не при мірскихъ церквахъ». Впрочемъ, отъ строгости этого правила въ-послѣдствіи самъ долженъ былъ отступить, когда губительная болѣзнь, похищая свои жертвы въ разныхъ сословіяхъ, открыла нужду въ священникахъ, и вдовы представлялись болѣе свободными для дѣлъ любви и самоотверженія.

Въ-отношеніи къ мірянамъ Митрополитъ обращалъ вниманіе на разные безпорядки въ ихъ жизни, требующіе исправленія. Прежде всего предписываетъ онъ строго соблюдать правила церковныя относительно брачныхъ союзовъ. Узнавъ, что нѣкоторые, пренебрегая святостію браковъ, произвольно ихъ расторгаютъ и вступаютъ въ новые союзы, другіе берутъ себѣ женъ безъ благословенія церковнаго, иные, послѣ троекратнаго вдовства, вступаютъ и въ четвертый бракъ, — онъ воспрещаетъ всѣ такіе безпорядки, угрожая нарушителямъ церковныхъ правилъ отлученіемъ церковнымъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ предписываетъ священникамъ учить своихъ прихожанъ, удерживаться отъ сквернословія, прибавляя, что этого зла въ такой степени не встрѣчалъ онъ ни въ какомъ христіанскомъ народѣ (х).

полн, отнюду же въ ню придохъ, таковое запрещеніе и заповѣдь вдовствующимъ священникамъ возложихъ.

(х) Дополн. къ Акт. Истор. 1. N. 181. стр. 328. 329. и Акт. Арх. Экспед. Т. I. N. 369. стр. 461. 462.

Поучая всѣхъ убѣгать невоздержанія, Архипастырь въ-особенности повелѣваетъ соблюдать посты, установленныя Апостолами и послѣ нихъ другими богоносными мужами, для приготовленія къ духовному празднованію великихъ праздниковъ церковныхъ и на освященіе четырехъ временъ года (ц). Дни поста должны быть посвящены очищенію совѣсти отъ грѣховъ чрезъ покаяніе предъ отцемъ духовнымъ. «Внушайте, — пишетъ онъ, — своимъ чадамъ, чтобы никакъ не стыдился открывать предъ вами свои согрѣшенія. Теперь имъ стыдно открываться предъ однимъ человекомъ, а тамъ, на страшномъ судѣ, дѣла наши будутъ открыты предъ тьмами темъ Ангеловъ и человекѣвъ.

Особенно возмущался духъ Архипастыря поединками, на которыхъ тяжущіеся убивали другъ друга. Несмотря на то, что такой образъ рѣшенія распрій допускаемъ былъ и законами, онъ воспрещаетъ священнику преподавать св. Тайны готовящимся на поединокъ, и даже цѣловать имъ крестъ, подъ угрозою лишенія священника священства. Убившаго на поединкѣ предписываетъ считать душегубцемъ, и потому налагаетъ на него 18-лѣтнюю епитимію; а убитому отказываетъ въ погребеніи церковномъ (ч).

Имѣя въ виду склонность суевѣрнаго народа къ

(ц) Дополн. къ Акт. ист. Т. 1. стр. 329. А далѣе описывается и образъ пощенія во св. великую четьредесятницу и во всѣ среды и пятки цѣлаго года стр. 330.

(ч) Акт. Арх. Эксп. Т. 1. N. 369. стр. 462.

ворожбѣ и колдовству, которыми занимались наиболѣе женщины, предписываетъ священникамъ наставленіями отвлекать ихъ отъ такихъ дѣлъ и лишать ихъ благословенія церковнаго, а простому народу удаляться отъ нихъ и прогонять ихъ отъ себя (ш).

Правила, внушаемыя Фотіемъ, вообще строги; часто слышится въ нихъ угроза нарушителямъ ихъ отлученіемъ. Онъ это чувствовалъ; но извнпнялъ себя затруднительностію своего положенія: «Если не буду употреблять, говоритъ онъ, вмѣстѣ съ Златоустомъ, острое врачевство противъ болѣзни, — струны не изцѣлятся; если же буду прилагать, — вы не стерпите. Съ обѣихъ сторонъ мнѣ тѣсно. Но гораздо для меня мучительнѣе, если вы и ввѣренное вамъ стадо Христова не исправитесь. Больно мнѣ возлагать на васъ наказаніе: но еще больнѣе видѣть васъ преданными въ руки праведнаго Судіи, какъ служителей лицемерныхъ и непокорныхъ. Вы знаете, *коль страшно есть впасти въ руку Бога жива!*

Такъ заботился Архипастырь о духовномъ благоустроеніи своей паствы. — Но отъ занятій духовныхъ разными обстоятельствами онъ долженъ былъ отвлекаться къ дѣламъ пнаго рода. Въ первые годы

(ш) Акт. Арх. Эксп. Т. 1. N. 369. стр. 462. Но, когда псковитяне (1411 г.) сожгли у себя 12 «женокъ въщихъ» (Пск. 2-я Лѣт. стр. 22.), это нельзя извинить предписаніями Митрополита. Въ этомъ ожесточеніи и въ самомъ родѣ казни можно видѣть подражаніе западнымъ, къ которымъ псковитяне были ближе другихъ, и отъ которыхъ заимствовали некоторые другіе обычаи (см. ниже).

правленія, не мало занимали его и много причинили ему огорченій дѣла хозяйственныя по митрополіи. При Митрополитѣ Кипріанѣ эта часть управленія была опредѣлена совокупными постановленіями великаго Князя и Митрополита (ш), но только въ области владимірской, гдѣ прежде былъ престолъ митрополіи; что касается до владѣній митрополіи въ московскомъ княженіи, мы не видимъ, чтобы они были правильнымъ образомъ разграничены, и опредѣлены надлежащіи отношенія къ правамъ великаго князя (ъ). Вѣроятно, и при Кипріанѣ затруднялись точнымъ и безобиднымъ для обѣихъ сторонъ распредѣленіемъ правъ; этому могли препятствовать разные безпорядки во время несчастнаго состоянія митрополіи въ первые двѣнадцать лѣтъ послѣ смерти св. Алексія. Исправленіе безпорядковъ должно было затрудниться отъ опустошеній и раззореній, причиненныхъ нашествіями Тохтамыша и Едигея; во время четырех-лѣтняго отсутствія митрополита послѣ Кипріана некому было и заняться исправленіемъ. Какъ бы то ни было,—только Фотій нашель казну и волости митрополіи въ расхищеніи, и, не

(ш) См. въ Прибавл. къ изданію Твор. Св. Отц. Ч. VI. о св. Кипріанѣ, Митрополитѣ Кіевскомъ.

(ъ) Что владѣнія митрополіи въ московскомъ княженіи отдѣлились отъ другихъ, состоявшихъ въ области владимірской, это ясно изъ того, что о московскихъ и рѣчи нѣтъ въ актѣ постановленомъ 28 іюня 1404 г. Даже и позднѣе столѣтіемъ, владѣнія московскія образовали изъ себя отдѣльную собственность митрополіи. См. жалованныя грамоты Іоанна III. 1504. г. въ Акт. Арх. Эксп. Т. 1. N. 139.

взирая ни на какія затрудненія, рѣшился возстановить права Церкви. Этимъ онъ поставилъ себя въ непріятныя отношенія ко многимъ лицамъ, которыя долговременнымъ злоупотребленіемъ утвердили свои права на собственность церковную. Это ввело его даже въ несогласіе съ В. Княземъ, какъ потому, что злоупотребленія касались лицъ Князю близкихъ, такъ и потому, что нѣкоторые сборы съ оспориваемыхъ земель могли входить въ казну великокняжескую.

Виновныхъ въ расхищеніи казны церковной не нашлось. Потому, Фотій нашель пужнымъ обратиться къ совѣсти похитителей. Онъ издалъ увѣщательную грамоту, въ которой писалъ: «Общій врагъ нашъ діаволь, уловляя въ свои сѣти души человеческія, прельстиль нѣкоего взять преданное Церкви Божіей. Много было истязанія: но виновный *истязуемыхъ не искупилъ*, и не открылъ вины. Посему, просимъ и благословляемъ: похитившій то сокровище да не презритъ слезящаго о немъ, и да повергнетъ взятое въ Церкви Божіей безъ всякаго зазора». Предлагая такой снисходительный способъ загладить вину, въ противномъ случаѣ онъ угрожалъ нераскаянному церковнымъ отлученіемъ (ы).

Земли церковныя были захвачены князьями, боярами и даже епископами; нѣкоторыми доходами митрополіи пользовалась великокняжеская казна (ь).

(ы) Ист. Акт. Т. 1. N. 258.

(ь) «И стяжанья митрополыи своеса церковная и доходы Фотѣи

Это ввело Митрополита въ споры съ людьми сильными. До насъ дошли два его поученія къ Василію Дмитріевичу, въ которыхъ онъ настоятельно проситъ о соблюденіи неприкосновенности церковныхъ земель и доходовъ. Въ первомъ упоминая о постановленіяхъ Константина В. въ пользу Церкви, онъ говоритъ: «всѣ знаютъ и дивныя и боголюбезныя учрежденія святыхъ почившихъ великихъ князей, прародителей твоихъ, даже до кончины приснопамятнаго великаго князя Юанна (Юанновича). Тогда еще молодъ былъ приснопамятный и достоблаженный твой родитель. Но потомъ, пришедъ въ возрастъ, онъ исполнился ревности духовной, — и познавъ отъ Божественнаго Писанія, что *не спасется царь многою силою и исполинъ не спасется во множествѣ крѣпости своей*, — когда наступали на него агаряне, грозившіе пагубою христоименнымъ людямъ, прибѣгалъ къ руководству и опорѣ святителя, — и являлся побѣдоносцемъ. Пребывая всегда въ правилахъ св. Отцевъ, онъ охранялъ права Церкви

митрополитъ нача обновляти, и, что гдѣ изгнбло, начать изыскати, или *отъ князей и бояръ*, что изобижено, или отъ пныхъ вѣкихъ ляхонимевъ что восхищено, села и власти и доходы и пошныи Христова Дому и пречистыя Богородицы и св. великихъ чудотворцевъ Петра и Алексѣя. (Ник. Лѣт. V, 33.). Архіепископъ Ростовскій Григорій оспаривалъ у митрополита владѣніе нѣкоторыми землями, принадлежавшими къ селу Кудрину, которое отдано ей княземъ Владиміромъ Андреевичемъ (тамъ же стр. 34 и 35.). «На трехъ горахъ» былъ большой дворъ князя Владиміра Андреевича съ Церковию; село его Кудрино оставалось до времени патріаршескихъ за каедрою іерарховъ Московскихъ. Акт. Ист. Т. III стр. 103.

Христовой, какъ зѣнцу ока. Послъ него Христосъ Богъ поставилъ тебя на престолѣ отческомъ великимъ княземъ и *предстателемъ* всей Руси великой. Церковь Божія, тебя породившая крещеніемъ и воспитавшая, приготовила тебя къ тому, чтобы ты могъ дѣйствовать къ ея утвержденію и устроенію, могъ надзирать не только за собою, но и за подчиненными тебѣ, и чтобы ты, воссламенившись любовію къ Богу и ревностію Финееса, всякую неправду и хищеніе и лукавство и лихоимство возненавидѣлъ и прогналъ, — и паству Христову охранялъ и соблюдалъ отъ всякихъ озлобленій, и особенно нынѣ, среди нападеній на нее видимыхъ и невидимыхъ враговъ. — Хотѣлъ бы я пространнѣе поговорить о твоихъ святопочившихъ предкахъ, Ярославѣ и бывшихъ по немъ князьяхъ великихъ. Но для того прямо перешелъ къ твоему родителю, что ты самъ былъ самовидцемъ его добродѣтелей и его покорности Церкви Христовой. Итакъ, молю благочестіе твое, сынъ мой, утверди твоею грамотою принесенное въ даръ Церкви Божіей и оградн всѣ ея обычныя права «и устроиши вся пошлшы».

Не получивъ удовлетворенія по своей просьбѣ, Фотій не остановился на этомъ. Пренебрегая всѣ толки, помня то, что онъ защищаетъ не свои выгоды, а дѣло Церкви, онъ вторично писалъ къ великому Князю, — снова привелъ примѣры Константина В. и Θεодосія, и представлялъ учрежденіе Императора Мануила Комнина объ имуществѣ церковныхъ. *«Но молить нынѣ все древнее, продолжаетъ защитникъ правъ церковныхъ, — и велеречьствуетъ*

новос. Меня порицають. Но для меня неважно, хвалить ли меня или хулятъ; хула меня не печалитъ, и для похвалы не сдѣлаюсь я хуже.—Буду ли хулимъ и хвалимъ, останусь тѣмъ же, чѣмъ былъ; ибо я рабъ Божій, хотя и грѣшный. Скажу съ Апостоломъ: *аще быхъ челоуѣкомъ угождалъ, Христу рабъ не былъ быхъ*. Челоуѣку, во всемъ предающемуся въ волю Божию и все творящему во славу имени Его, не на что больше смотрѣть.—Тебѣ же, сынъ мой, да будетъ вѣдомо, что ты челоуѣкъ, и что ты царствуешь съ Богомъ надъ Его избранною паствою; потому, долженъ подвизаться за Его паству и за Его правду противъ всякаго возстанія, даже до крови.—Да будетъ тебѣ вѣдомо, сынъ мой, что ты уничтожаешь Церковь Божию, съ насмѣемъ взявъ у нея непринадлежащее тебѣ. Провѣщай же, сынъ мой, къ Церкви Христовой и ко мнѣ, отцу твоему: «согрѣшихъ, отче, прости мнѣ, и отсель найдешь во мнѣ благопокорнаго сына во всемъ, чего требуетъ законъ. Права Церкви Христовой, нарушенныя, исправлю; данное и утвержденное прародителями моими, но потомъ въ-теченіи многихъ лѣтъ оставленное и оскудѣвшее, возстановлю. Только даруй прощеніе и благословеніе; руководствуй меня молитвами твоими на благія Божія дѣла, наставь словомъ и укрѣпи духомъ».—Такое прошеніе мое къ челоуѣку Божию и великому Князю всея Руси, заключаетъ Митрополитъ, надѣюсь, благословно и справедливо (ѳ).

(ѳ) Оба поученія съ одинаковымъ заглавіемъ: «поученіе Фотія Митрополита кіевского и всея Русіи въ великому Князю Василю».

При такой настойчивости Фотій, хотя и не скоро, однако успѣлъ возстановить владѣнія своей кафедрой въ прежней цѣлости. Правъ его никто не могъ оспаривать (э). Но непривычныя для него смуты и споры отсюда происходившіе омрачали духъ его; невольно припоминалось ему мирное пребываніе съ своимъ старцемъ въ пустынь, и глубоко скорбѣлъ онъ о тѣхъ радостяхъ, какія вкушалъ онъ въ уединенномъ богомысліи.

На другой годъ по прибытіи въ Москву Фотій рѣшился выѣхать въ другой городъ своей митрополіи, Владиміръ. Здѣсь ждали его новыя огорченія. —

Дмитріевичу» находится въ рукописномъ сборникѣ Юсифова Волоколамскаго монастыря въ 4 д. N 414, составленномъ по благословенію игумена Нифонта въ 1536 г. — Слозь, какъ и въ другихъ сочиненіяхъ Фотіевыхъ (неофициальныхъ его бумагахъ), очень темпъ. Вероятно, это несправный переводъ съ подлинныхъ посланій, или опыты самого Фотія въ сочиненіи на славянскомъ языкѣ. Къ послѣднему поученію приложена была выписка изъ правилъ обшнвннхъ церковныхъ, какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ: «се же и правила, яже пріяна отъ Вселенскихъ зборовъ твоего благородія прародители, слыши... Но въ рукописи недостаетъ сей выписки.

(э) Въ своемъ завѣщаніи онъ говоритъ: «а что какъ есьми пришедь на свою митрополію, — и домъ церковной и села нашегъ есьми пусты, и колику дадь Богъ силу, строиь есьми и исполниль есьми». Въ Ник. Лѣт. V, 33» онъ же вся сія отъ нихъ взмаше и утвержаше крѣпко въ дому Христовъ и пречистыя Богородицы и св. чудотворцевъ Петра и Алексѣя, во священнѣй митрополіи всея Русіи, — и доходы и пошлныи и земли и воды и села и власти, и иная же и прикупи». О приобрѣтеніи новыхъ сель митрополіи см. грамоты Василія Дмитріевича въ Акт. Арх. Эксп. T. I. NN. 20 и 25.

Соборный храм Владимірскій, не задолго предъ тѣмъ росписанный двумя знаменитыми иконописцами Даниломъ и Андреемъ Рублевымъ (ю), славился богатствомъ своихъ сокровищъ. Къ охраненію ихъ митрополитъ опредѣлилъ при соборѣ своего священника, прибывшаго съ нимъ грека Патрикія, въ званіи ключаря, и самъ отправился въ уединенную пустыню Святозерскую, любимое мѣстопробываніе М. Кипріяна, когда пріѣзжалъ онъ въ свои владимірскія владѣнія (я). Но едва выѣхалъ Фотій изъ Владиміра, какъ до него дошло извѣстіе о нападеніи на этотъ городъ князя Нижегородскаго Давида Борясовича Давидъ, враждуя противъ В. князя, тайно подослалъ къ городу отрядъ русскихъ и татаръ, которые разграбили его посады, опустошили и сожгли храмы, истребили многихъ жителей (3 іюля 1411 г.). Въ это время священникъ Патрикій явилъ себя мученикомъ за вѣренныя ему сокровища соборной церкви. Затворившись въ ней, онъ успѣлъ скрыть на верху ея драгоценныя сосуды церковныя, и пребывалъ въ молитвѣ предъ чудотворнымъ образомъ Пресвятой Богородицы. Но двери были выломаны; печестивые, ограбивъ св. иконы, устремились на хранителя сокровищъ, требовали у него св. сосудовъ и казны церковной, мучили его, палили на огнѣ, сняли съ него кожу, влачили по городу, привязавъ къ хвосту конскому, и такимъ образомъ, умертвили, не получивъ отъ него желаемого.

(ю) Никон. Лѣт. 5. стр. 14.

(я) О монастырѣ Святозерскомъ, въ Гороховскомъ уѣздѣ, см. Ист. Иерарх. Росс. Т. 6. стр. 609.

Вмѣстѣ съ тѣмъ до Митрополита дошло извѣстіе, что предводитель этой шайки грабителей ищетъ захватить его самого. Поэтому, Фотій нашель нужнымъ укрыться въ самыхъ отдаленныхъ и глухихъ мѣсахъ близъ озера Сеньги. Ему сопутствовалъ прибывшій съ нимъ изъ Морей инокъ Пахомій. Мѣсто было тихое и безмятежное, и напоминало собою уединенную пустыню, въ которой они прежде подвизались подъ руководствомъ старца Акакія. Прельстившись уединеніемъ, Фотій устроилъ здѣсь церковь въ честь Рождества Божіей Матери, и со слезами повторялъ: «Горе мнѣ грѣшному! Думалъ ли я оставить любезное мнѣ молчаніе, плачь и умиленіе о грѣхахъ моихъ? И что стало со мною? Отъ такой тишины въ какія смуты и молвы впала душа моя?». . . Давно миновала опасность; прошелъ цѣлый мѣсяць со времени его удаленія сюда, а пустыннолюбивый Святитель не думалъ оставлять своего убѣжища, какбы забывъ о тяжкихъ обязанностяхъ, на него возложенныхъ. Уже Великій Князь прислалъ къ нему съ прозьбою возвратиться на свой престолъ (ѳ).

Великій Князь встрѣтилъ Митрополита съ радужнымъ участіемъ въ его скорби, утѣшалъ его, какъ сынъ отца, и конечно, могъ обрадовать его извѣстіемъ о начавшихся переговорахъ съ Императоромъ Константинопольскимъ Мануиломъ относительно бракосочетанія дочери Великаго Князя съ сыномъ Императора и наследникомъ престола Іоанномъ. При стѣсненномъ положеніи имперіи со стороны турокъ,

(ѳ) Никон. лѣт. Т. V. стр. 37—39. Соф. Врем., изд. Стросов, ч. 1, стр. 415

Мануиль могъ общать себѣ опору въ этомъ союзѣ, посредствомъ котораго входилъ онъ въ родственныя отношенія съ Великокняжескими домами литовскимъ и московскимъ: ибо дочь Василія Дмитріевича была внука Витовта. Фотій благословилъ это намѣреніе; но такъ-какъ невеста была слишкомъ молода для замужства: то дѣло это не вдругъ было приведено къ концу. Да и самый союзъ брачный былъ не продолжителенъ. Черезъ три года Анна скончалась въ Константинополь отъ мороваго повѣтрія (v).

Съ возвращеніемъ Фотія въ Москву оживилось недоброжелательство къ нему въ тѣхъ, которыхъ могъ онъ коснуться въ своихъ изысканіяхъ объ имуществѣ церковномъ. Нѣкоторые такъ уже ясно высказали свою вражду противъ него, что, не считая для себя безопаснымъ оставаться въ Москвѣ, удалились сперва въ Черниговъ, потомъ въ Литву, распространяя всюду клеветы на Фотія, и особенно жалясь на его притязательность (а). Одни ссорили

(v) Никон. лѣт. V, 41. О бракосочетаніи Анны съ Іоанномъ Палеологомъ Dulas hist. Byzant. 1649. p. 53. 54. О времени ея кончины опредѣленно говорить современный историкъ Франца Hist. Byzant. I. 1. c. 35. Ed. Bekker. p. 110. Іосифъ Врѣнній говорилъ утѣшительное слово Императору Мануилу по случаю смерти его невестки. Т. 2. p. 291. Анна погребена въ монастырь константинопольскомъ, именуемомъ *Λιψ*, о которомъ см. Ducang. Constantinop. Chr. L. IV. p. 92. Тамъ видѣлъ гробъ ея нашъ поклонникъ іеродіаконъ Зосима въ 1419 г. Сахарова Русская старина 1849 г. кн. 8, стр. 62.

(а) Ник. лѣт. V, 53, «клеветы многи сотвориша на него лукавіи челоуѣцы, иже бѣжаша отъ Фотея съ Москвы, свои его суще къ черниговскому Владыцѣ, а оттулу въ Литву къ Витовту».

его съ В. Княземъ московскимъ, другіе чертили его предъ В. Княземъ литовскимъ (б). Фотій пренебрегалъ молвою. Ближе знакомясь съ Россією, онъ находилъ въ ней новыя свѣтлыя стороны и забывалъ оскорбленія. Общеніе съ богоугодными иноками особенно утѣшало его боголюбивый духъ.

Въ одномъ изъ своихъ словъ Первосвятитель русскій съ живымъ сочувствіемъ высказываетъ, какъ его радовали успѣхи вѣры и благочестія въ Церкви русской. «Въ землѣ сей великой, говоритъ онъ, при Божіей помощи, многое и неожиданное совершается. Многія племена языческія, оставляя свое прежнее идолослуженіе, научаются воспѣвать съ нами общаго всѣхъ Создателя и Владыку. Такъ на пр., народъ пермскій, строптивый, исполненный мерзостей язычества, бывшій жилищемъ духовъ злобы, какъ-скоро былъ посланъ къ нему проповѣдникомъ *человѣкъ Божій и великій Святитель Стефанъ*, отринувъ свои давнія заблужденія, и нынѣ страна пермская чисто и православно совершаетъ службу Богу по закону христіанскому (в). — Въ разныхъ монастыряхъ сѣверныхъ подвизались тогда многіе мужи, въ-послѣдствіи прославленные Богомъ за святость своей жизни, — ученики преподобнаго Сергія Радонежскаго

(б) Ник. лѣт. V, 51. «Сотвориша на него клеветы къ сыну его В. Кн. Василію Дмитріевичу; мнози же клеветы навесоша и Фотею Митрополиту на В. Князя и сотвориша нелюбе. Таже носемъ мнози клеветы на Фотія Митрополита сотвориша къ Витовгу»...

(в) Отрывокъ изъ слова «объ исхожденіи Св. Духа», помѣщенный въ примѣчаніяхъ къ 1 тому Дополненій къ Акт. Историч. стр. 13.

и другіе иноки: Преп. Діонисій Глушицкій, Сергій и Павелъ Обнорскіе, Кирилль и Феорапонтъ Бѣло-езерскіе; — вблизи Москвы пр. Никонъ Радонежскій, и въ самой Москвѣ Іона, жизнiю подвижнической приготовлявшійся въ преемника Фотію. Между близкими къ Первосвятителю иноками, извѣстенъ и Савва Тверскій, который, кромѣ строгости жизни, отличался мудрымъ разсужденіемъ, такъ что Фотій не однократно призывалъ его для совѣта въ затруднительныхъ случаяхъ (г). Любя жизнь иноческую, Фотій основалъ вблизи отъ себя Новинскій монастырь, на землѣ принадлежавшей митрополіи (д).

Мирныя занятія иноческія, столько сродныя душѣ Фотія, какъ будто заставили его забыть о нуждахъ другой половинѣ своей митрополіи, югозападной. Во время пребыванія своего въ Кіевѣ, онъ далъ обѣщаніе лично надзирать за нею по временамъ (е). Между-тѣмъ оставивъ своего намѣстника завѣдывать дѣлами церковными въ Кіевѣ, Вильнѣ, Новогородкѣ и другихъ городахъ, самъ не посѣщалъ Кіева. Намѣстникъ долженъ былъ вѣдать «оправданія и суды» въ кіевской епархіи, управлять имѣніями митрополіи, освящать церкви въ своемъ округѣ, выдавать грамоты достойнымъ священнаго сана для

(г) О семъ Саввѣ свидѣтельствуеетъ пр. Іосифъ Волоколамскій въ 10 гл. своего завѣщанія. Чтенія М. Истор. Общ. 1847. № 7. «О святыхъ Отцѣхъ въ монастырѣхъ рустѣхъ», стр. 9.

(д) Стросва указатель къ «Царскимъ Выходамъ», стр. 61.

(е) Витовтъ пишетъ: «и мы не хотѣли было того принять Фотія Митрополита: и онъ клялся пакы здѣ у насъ быти, церковь строити». Акт. З. Росс. Т. 1, стр. 36.

поставленія сосѣдственными епископами во священники и діаконы, и вѣрно доставлять Митрополиту церковные доходы (ж). Но дѣйствія епископовъ въ своихъ епархіяхъ и общее состояніе Церкви Православной въ государство иновѣрномъ, могли требовать болѣе близкаго, непосредственнаго надзора самого Митрополита.

Въ самомъ дѣлѣ, распоряженія Короля польскаго Ягеллона-Владислава въ областяхъ русскихъ, соединенныхъ съ Польшею, и мѣры принятыя имъ вмѣстѣ съ В. К. литовскимъ Витовтомъ относительно православныхъ въ Литвѣ должны были озаботить блюстителя православія въ Церкви русской. Король Владиславъ, въ 1412 году былъ въ Перемышль, захотѣлъ показать свою ревность къ римскому вѣроисповѣданію, чтобы опровергнуть обвиненія, взводимыя на него предъ панюю нѣмецкимъ орденомъ, въ излишней будто бы благосклонности къ подданнымъ восточнаго вѣроисповѣданія. Древній соборный храмъ сего города во имя св. Іоанна (з) онъ передалъ латинскому епископу, приказавъ напередъ вынести изъ церкви останки погребенныхъ въ ней древнихъ князей и другихъ православныхъ: жители города, видя нарушеніе священныхъ правъ своего вѣроисповѣданія, поражены были неутѣшною скорбію (и). А въ слѣдующемъ (1413) году, заключая условіе съ Витовтомъ касательно неразрывнаго союза Литвы съ

(ж) Акт. Истор. Т. 1. N 48, стр. 96.

(з) О сей Церкви Ист. Гос. Росс. Т. 11, пр. 228 и у Зубрицкаго о Червоной Руси, прибавленія, стр. 7.

(и) Dlugossi Hist. Polon. I. XI, p. 334.

Польшею, онъ подтвердилъ права духовенства въ Литвѣ только латинскаго вѣроисповѣданія, усвоилъ права дворянства и правительственныя должности только принадлежавшимъ къ римской Церкви, и дозволялъ дворянамъ вступать въ браки только съ лицами римскаго вѣроисповѣданія (i). Такимъ образомъ, православіе въ Литвѣ лишилось своего общественнаго значенія. — Король польскій постоянно питалъ замыслы обратить всѣхъ исповѣдующихъ православную вѣру въ его владѣніяхъ и литовскихъ къ римской Церкви (к).

Готовилось новое бѣдствіе митрополіи русской — раздѣленіе. Оно истекало изъ давняго желанія Великихъ Князей литовскихъ образовать у себя самостоятельное управленіе Церковію югозападной Россіи. Побужденіемъ къ тому нельзя считать приверженность Витовта къ вѣроисповѣданію римскому: потому что такою приверженностію онъ не отличался. Правда, на видъ онъ выставлялъ желаніе сохранить святыню и сокровища Церкви кievской, которыя будто бы Митрополитами были переносимы въ Москву, — отвратить упреки, какіе будто бы онъ слышалъ отъ другихъ, что не заботится о благѣ Церкви литовско-

(i) «Barones, nobiles, boiari terrarum nostrarum Litthuaniae, donationibus; privilegiis et concessionibus ipsis datis, — duntaxat Catholici et Romanae ecclesiae subiecti, — gaudeant, et caeter.... Dlugos. L. XI, p. 338 et sq.

(к) Въ 1416 г. писалъ онъ на Соборъ Констанскій, что если бы не былъ занятъ войнами, то давно бы народы вѣроисповѣданія греческаго въ его землѣ обратились къ римской Церкви. Зубрицкій стр. 24.

русской, потому что самъ слѣдуетъ другому вѣроисповѣданію. По справедливѣе такіе упреки могли быть отнесены къ тому обстоятельству, что Витовтъ, въ Договоръ съ Владиславомъ, лишилъ своего покровительства всѣхъ православныхъ въ Литвѣ, и унизилъ ихъ предъ своими подданными римскаго вѣроисповѣданія. Что же касается до святыни и драгоценной утвари Церкви кievской, то не видно этихъ сокровищъ и въ Москвѣ. Витовтъ говоритъ въ своей оправдательной граматѣ, будто бы прежними митрополитами взяты были изъ Кіева святыя мощи, *деки страданія Христова, скипетръ Пресвятой Богородицы, риза и сандалии Ея*, разныя иконы, обложенныя золотомъ (1). Если бы перенесены были въ Москву сіи священныя предметы, то, безъ сомнѣнія, были бы тамъ извѣстны и сохранились бы до позднѣйшаго времени.

Епископы литовско-русскіе, по мірскимъ расчетамъ, скорѣе могли желать сохраненія прежнихъ отношеній къ митрополіи, при которыхъ они могли дѣйствовать въ отдаленіи отъ Митрополита самостоятельнѣе и независимѣе. Извѣстные поборы съ нихъ въ пользу митрополита не уменьшились бы, когда бы у нихъ былъ свой митрополитъ. Въ пользу един-

(1) Приводимъ слова Витовта по переводу граматы его съ латинскаго языка, изданному Кульчпнскимъ, въ его книгѣ: *Specimen Ecclesiae Ruthenicae*. Въ славянскомъ текстѣ этой граматы издателями усмотрѣны некоторыя поврежденія. Въ ихъ рукописи стояло: «на шная мѣста носили и давали устроенія церковныя и святоści великія страсти Христовы, *скажетъ св. Богородица у ступеньки*.

ства митрополіи говорили и другія болѣе уважительныя причины: единство народа русскаго въ московскомъ и литовскомъ государствахъ, древность существующаго порядка, свобода и самостоятельность митрополіи въ единовѣрномъ государствѣ. — Съ другой стороны, для совѣта и духовной помощи во всякомъ случаѣ, конечно, могли бы желать епископы литовско-русскіе быть въ ближайшихъ сношеніяхъ съ Митрополитомъ; среди несогласій и войнъ, которыя по временамъ возникали между двумя государствами, затруднялись всякія сношенія; но не видимъ, чтобы такія побужденія были сильны въ предстоятеляхъ Церкви литовской; на нихъ они вовсе не указываютъ.

Витовтъ началъ съ того, что созвалъ князей русскихъ, ему подручныхъ, и согласился съ ними отказать Фотію въ управленіи югозападными епархіями и просить у Императора и Патріарха константинопольскаго особаго митрополита для литовской Руси. За Императоромъ греческимъ тогда, какъ и въ первые вѣка Церкви русской, признавали право участія въ дѣлахъ нашей Іерархіи (м). Патріархомъ былъ тогда уже не Матѳей, поставившій Фотія на всю митрополію русскую, а Евфимій. Но въ Константинополь не нашли уважительною просьбу Витовта и князей русскихъ, и Григорій, котораго желали они видѣть у себя на кафедрѣ Фотія, возвратился безъ успѣха.

(м) См. на пр. лѣт. Ипатіев. подлѣ 1164 г. (въ Собр. Русс. лѣт. Т. 11, стр. 92.) и въ восточной грамотѣ Фотію (Акт. Ист. Т. 1, стр. 482.).

Въ то время, какъ происходили сношенія съ Константинополемъ, Фотій, услышавъ о возникшихъ движеніяхъ, поспѣшилъ-было отправиться къ В. Князю литовскому: но Витовтъ не допустилъ его перейти границы литовскія, и Фотій ограбленный долженъ былъ возвратиться въ Москву (и). Между-тѣмъ Витовтъ приказалъ переписать города и селенія, принадлежащія каедрѣ кievской, выгналъ намѣстниковъ митрополитскихъ и поставилъ своихъ управителей въ пмѣніяхъ церковныхъ.

Витовтъ видѣлъ теперь нужду обратиться къ самому духовенству литовско-русскому. Созвавъ епископовъ и архимандритовъ своей области, онъ предложилъ имъ свои виды и намѣренія и безуспѣшность посольства въ Константинополь; обвинялъ Императора и Патріарха въ корыстолюбивыхъ цѣляхъ, выказывалъ свою ревность въ поддержаніи православія. Духовенство не посмѣло подтвердить обвиненій противъ Патріарха: тѣмъ не менѣе сознавалось въ нестроеніяхъ, происходящихъ отъ удаленія митрополита изъ Кіева, и подало мнѣніе, что епископы литовско-русскіе могутъ и сами себя поставить митрополита, по примѣру прежнихъ временъ. Такъ было, говорили они, нѣкогда при В. Князѣ Изяславѣ кievскомъ: мы это нашли въ лѣтописцахъ русскихъ.

Но о такомъ добровольномъ согласіи всѣхъ епископовъ на избраніе новаго митрополита, независимо отъ константинопольскаго патріарха, говоритъ только Витовтъ въ своей граматѣ. Епископы въ своемъ объявленіи противъ Фотія ничего не пишутъ объ

(и) Никон. лѣт. Т. V, стр. 53.

этомъ первомъ ихъ совѣщаніи. А лѣтописи упоминають объ угрозахъ и принужденіяхъ епископамъ со стороны В. Князя литовскаго, и о возраженіяхъ противъ его распоряженій. Они приводили правило церковное (4 вселенск. Собора пр. 12), воспрещающее быть въ одной области двумъ митрополитамъ, указывали на единство митрополіи въ землѣ русской издревле, не нарушающееся отъ того, что митрополитъ живетъ въ томъ или другомъ городѣ своей области, указывали на отдѣльность церковнаго управленія отъ гражданскаго (о); и можно считать показаніе лѣтописи справедливымъ, потому что Витовтъ послѣ совѣщанія съ Соборомъ не рѣшился вдругъ приступить къ исполненію желаемаго, но напередъ еще разъ послалъ въ Константинополь съ прежнею просьбою. Отправляя пословъ въ мартѣ мѣсяцъ (1415), онъ требовалъ окончательнаго отвѣта не позже 20 іюля или 15 августа, угрожая въ противномъ случаѣ избрать и поставить митрополита чрезъ однихъ литовско-русскихъ епископовъ. Срокъ этотъ онъ продлилъ еще на три мѣсяца, до 14 ноября, но просьбъ пословъ греческихъ, возвращавшихся въ то время изъ Москвы. Срокъ миновалъ; посланные въ Константинополь не возвращались, и 15 Ноября въ Новогродкѣ литовскомъ Григорій былъ возведенъ на митрополію.

Кто же былъ сей Григорій? По происхожденію онъ былъ изъ болгаръ, какъ свидѣтельствуютъ наши лѣтописи, и прозывался *Цамблакъ* (п). О его слу-

(о) Никои. лѣт. Т. V, стр. 59.

(п) Съ прозваніемъ *Цамблакъ* извѣстенъ въ 1330—1350 г.

женіи, до возведенія на митрополию, мы знаемъ только изъ его словъ, которыми онъ славился. Въ надписаніяхъ словъ онъ часто именуется *прѣсвитеромъ и игуменомъ обители Пантократоровы*, — а въ одномъ, на память св. мученика Іоанна Новаго Бѣлогородскаго, названъ *игуменомъ Пантократоровы обители и прѣсвитеромъ великой церкви Молдовахійской* (р) Въ похвальномъ словѣ митрополиту все-россійскому Кипріану, гдѣ онъ указываетъ на свое знакомство съ нимъ и на близкія отношенія его и свои къ Евфимію, Патріарху Терновскому, именуется *игуменомъ обители Плинаирской*. Это слово говорено уже въ Россіи (с). Кипріану Цамблакъ обязанъ и

нѣкто Аргеній при дворѣ Императора греческаго, принимавшій значительное участіе въ дѣлахъ государственныхъ. Онъ владѣлъ значительнымъ имуществомъ въ Солунѣ. (Cantacuz. Histor. L. 11. c. 22. p. 267. et 24. p. 273. L. 111. ser. 42 p. 488—489. Lib. IV. c. 32. p. 838.). О кавалерѣ *Цамблакъ* (*Τζαμπλάκος ὁ Καβαλλάριος*) упоминается въ сатирическомъ сочиненіи (XIV в.): *путешествіе Мазари въ адъ*, напеч. у Боассонада Anecdote Grec. T. III. p. 121.

(р) Великая церковь Молдовахійская должна быть соборная или кафедральная, и слѣдовательно въ *Сочавѣ*. См. грамоту Александра воеводы молдавскаго въ Акт. Зап. Росс. Т. I. N 21. Въ словѣ на память мученика Іоанна между прочимъ сказано: «черезъ 70 или немного больше лѣтъ, «уже тогда благочестивъ господствующему всею Молдовахіею и Поноріею христоробивому и великому воеводѣ Александру, — советомъ иже тогда церковная правящаго, — священнѣйшаго Архіепископа Іосифа», перенесены мощи мученика и положены «въ святѣйшей митрополіи въ светломъ своемъ градѣ Сочавѣ, въ своемъ столѣ».

(с) Объ отношеніяхъ Григорія Цамблака къ Кипріану въ похвальномъ словѣ между прочимъ говорится: «его же наше отече-

своимъ прїѣздомъ въ Россію, какъ самъ говоритъ въ томъ же словѣ (т). Но откуда былъ вызванъ Григорій, изъ Тернова ли болгарскаго, или изъ Сочавы молдавлахійской, или изъ сербскаго Дечанскаго монастыря, котораго онъ также, по видимому,

ство изнесе (Кипріана), вамъ же убо того Богъ дарова.... И больши вы отъ насъ (т. е. въ сравненіи съ нами) явистеся: вамъ бо яко достойнымъ дастся, отъ насъ же яко отъ недостойныхъ отытсѣя... Мы же (Григорій святаго онаго лица вмаль сподобихомся видѣти, отроческій еще носяще возрастъ: абіе же отъ насъ отиде. И старости насъ постигшей, не ктому того видѣхомъ... Всте же и вы, возлюбленіи, егда великос сіе видѣхомъ сокровище. Суть бо оттолъ до тридесѣтъ нѣгдѣ лѣтъ, егда отъ васъ (изъ Кіева) воздвигся, къ великому сему и парциѣ градовомъ (Константинополю?) грядяше: подвижааше бо пастыря любленіе долготу ни во что же вмѣнити, и нѣкій языкъ преходящу, иже Пестру рѣцъ спротяжуци т. е. живущій на берегахъ Дуная), искушенія святаго срътоша и многою скорбію того обложивша. И якоже уже близъ бысть къ намъ грядый, тогда церкви, яже насъ воспитавшія и наказавшія съ рождимъ насъ (васъ?) отцемъ и учителемъ, съ блаженнымъ (т. е. Кипріаномъ), сръте воспріемлюще многою свѣтлостію блаженнаго (т. е. Кипріана) цѣлюющеи, объемоуци... Повеже убо Богъ на пути тому оскорбитися попусти, благоволи тому въ отечествіи тако прославитися, и утѣшити того желающія сердца, и самому исполнитися неизглаголанная радости, видѣвши свое отечество тако правимо, яко многимъ похваламъ достойно баше, своего же и великаго *Евфиміа*, таковаа кормленія державца.... Тогда великое сіе свѣтило (Кипріана) видѣхомъ....

(т) «Имъ же вы преспѣваете, растуце въ заповѣдехъ Господнихъ, и мы того писаніемъ подвижесеа тшахомся постигнути вашае (области?) яко да пастыря узримъ». Однакоже Цамблакъ уже не засталъ Кипріана въ живыхъ: «идущу ми къ вамъ, — рѣка же Немонъ (Нѣманъ) баше протичуци Литвы, на пей же горькому насъ срътыну возвышенію» о смерти Кипріана.

былъ настоятелемъ (у), — пока остается неизвѣстнымъ. Призванный на митрополию литовско-русскую, Григорій сталъ опаснымъ соперникомъ Фотію. Напрасно подозрѣвали его въ наклонности къ римской Церкви. Въ своихъ словахъ онъ касается иногда ея установлений, напр., совершенія литургіи на опрьсноклахъ, и осуждаетъ ихъ (ф). Его скоро полюбил. Слова его, исполненные живаго краснорѣчія, распространялись даже въ великой Россіи, гдѣ осуждалось его имя

Отрекаясь отъ повиновенія прежнему Митрополиту и возводя новаго, епископы литовско-русскіе издали два посланія: одно къ Митрополиту Фотію, другое ко всей православной Руси. Въ первомъ они объявляютъ, что, еще при первомъ посѣщеніи Кіева Фотіемъ, они замѣтили какія-то дѣйствія его, противныя правиламъ церковнымъ, а послѣ услышали о какомъ-то поступкѣ, будто бы подвергающемъ виновнаго изверженію и проклятію, но не хотятъ его объявлять только для того, чтобы не привести

(у) Объ этомъ можно заключить изъ надписанія надъ житіемъ св. Стефана Дечанскаго: «списано Григоріемъ мнихомъ и пресвитеромъ, игуменомъ, бывшимъ той же (иже въ Дечахъ) обителю». Близкое знакомство съ состояніемъ сербской земли въ концѣ XIV и въ нач. XV в. видно и изъ описанія перенесенія мощей св. мученицы Параскевы въ землю сербскую. Это описаніе помѣщается въ рукописяхъ непосредственно за словомъ Евфиміа Патріарха терновскаго, на память сей мученицы (14 окт.). Можетъ быть, услышались бы намъ обстоятельства жизни Григорія Цамблака, если бы мы знали его похвальное слово Евфимію Патріарху терновскому (между рукоп. Гр. Толстаго 11, N 205).

(ф) Въ словѣ на Великій четвертокъ.

Митрополита въ стыдъ.— Незаконность такого акта очевидна: по правиламъ церковнымъ надлежало напередъ дознать справедливость вводимыхъ обвиненій и потребовать у обвиняемаго объясненій; но и такой судъ надъ митрополитомъ не могъ принадлежать подчиненнымъ, безъ разрѣшенія высшей власти церковной. На какой именно противозаконный поступокъ указывали епископы, — неизвѣстно. Можетъ быть, это была одна изъ тѣхъ клеветъ, какія взошли на Фотія Савва Авраміевъ, Оома Лазаревъ и другіе сбѣжавшіе изъ Москвы отъ разысканій Фотіевыхъ о казнѣ церковной.

Другою граматою епископы стараются вообще защитить самовольное образованіе новой митрополіи и поставленіе Григорія. Изобразивъ невыгоды, какія терпѣла Церковь кievская отъ того, что Митрополитъ жилъ въ Москвѣ, они не скрываютъ, что первая мысль объ образованіи особой митрополіи принадлежитъ Витовту; увѣряютъ, что раздѣленію митрополіи какъ прежде, такъ и въ это время противостоялъ одинъ Императоръ греческій; — оправдываютъ самовольное поставленіе Григорія примѣромъ избранія Климента при Изяславѣ, и примѣромъ Церкви болгарской и сербской. «Но чтò говорить о болгаряхъ и сербахъ? — продолжаютъ епископы. Такъ уставлено отъ св. Апостоловъ. Благодать Св. Духа равно дѣйствуетъ во всѣхъ епископахъ православныхъ: поставленные отъ самого Господа, Апостолы поставили другихъ, а сіи опять другихъ, и такимъ образомъ, благодать Св. Духа дошла и до насъ смиренныхъ; и мы, какъ ученики апостольскіе, имѣемъ власть, послѣ многихъ испытаній, Соборомъ поста-

влять достойнаго настыря своему отечеству. Въ правилахъ апостольскихъ сказано: два или три епископа рукополагають митрополита (х). Также имѣемъ власть вязать и разрѣшать». Устраняя отъ себя подозрѣніе, будто произвольнымъ поставленіемъ Митрополита они отступаютъ отъ православія, епископы говорятъ: «Да не будетъ сего. Преданное Церкви св. Апостолами и св. Отцами мы хранимъ и благочестиво исповѣдуемъ, и проклинаемъ всякую ересь, чуждую апостольскаго и отческаго преданія; проклинаемъ вмѣстѣ и симонію, продающую дары Св. Духа за серебро и золото. Патріарха константинопольскаго признаемъ патріархомъ и отцемъ, равно какъ и прочихъ патріарховъ; а митрополитовъ и епископовъ восточныхъ своими отцами и братіями о Св. Духѣ: но не можемъ терпѣть насилія, какому подвергается Церковь Божія отъ Царя (греческаго). Св. Патріархъ вселенскій и съ нимъ Соборъ константинопольскій не могутъ сами собою поставить митрополита по правиламъ; но поставляютъ, кого Царь повелитъ: и оттого, даръ Св. Духа купуется и продается. Такъ во дни наши постуналъ Отецъ настоящаго Императора (Мануила — Іоаннъ) съ Кипріаномъ, Пименомъ, Діонисіемъ и многими другими. Отсюда происходили тяжкіе долги, многія траты, молвы, смятенія, убійства, и, что всего прискорбиѣе, *безчестіе Церкви кievской*. — Этотъ актъ написанъ отъ имени осьми епи-

(х) Такого правила нѣтъ между апостольскими: но существуетъ правило: *два или три епископа поставляютъ епископа* (1-е). И этимъ правиломъ епископы не уполномочиваются къ учрежденію особой митрополіи.

скопвъ литовско-русскихъ : полоцкаго Феодосія - черниговскаго Исаакія, луцкаго Діонисія, владимір-скаго Герасима (ц), перемышльскаго Геласія, смоленскаго Севастіана, холмскаго Харитона и туровскаго Евфимія (ч). Епископы тѣхъ епархій, которыя отошли къ Польнѣ, галицкій Іоаннъ и червенскій Павелъ, хотя принимали участіе въ совѣщаніяхъ, но не вошли въ составъ новой митрополіи (ш).

Великій Князь литовскій Витовтъ выдалъ также свою грамоту въ оправданіе своихъ дѣйствій; только въ своихъ жалобахъ на Константинополь онъ не щадитъ и Патріарха; себя же выставляетъ дѣйствующимъ согласно съ волею князей русскаихъ и по разсужденію епископовъ, и заключаетъ: кто хочетъ по старинѣ держаться подъ властію митрополита кievскаго, пусть остается, а кто не хочетъ, тотъ воленъ отойти отъ него (т. е. къ московскому). Только знайте, что если бы мы, будучи не одной съ вами вѣры, хотѣли, чтобы ваша вѣра въ нашей Церкви уменьшалась, и церкви ваши оставались неустроенными: то вольны были бы мы, когда нѣтъ митрополита или умеръ какой-нибудь епископъ, посылать

(ц) Этотъ епископъ поставленъ самимъ Фотіемъ, какъ сказано въ другой грамотѣ, послѣ того какъ «укрѣплено бысть единой митрополіи быти во всей русской землѣ», въ 1414 г. (Акт. Ист. Т. 1. № 18). Можетъ быть, здѣсь разумѣется то обстоятельство, что Патріархъ не согласился предоставить права митрополіи Феодосію полоцкому.

(ч) Акт. Зап. Росс. Т. 1. № 24.

(ш) Никон. Лѣт V, 58.

своихъ намѣстниковъ для сбора доходовъ церковныхъ въ нашу казну. Но мы того не хотимъ, и потому, поставили Соборомъ особаго митрополита на кіевскую митрополию, *чтобы русская честь вся стояла на своей земль (ш).*

Узнавъ о поставленіи Григорія, Митрополитъ Фотій не замедлилъ и самъ отвѣчать на грамоту епископовъ литовско-русскихъ, которою они защищались. Онъ не опровергаетъ обвиненій, взводимыхъ на него и на предшествующихъ митрополитовъ; ничего не говоритъ прямо о Витовтѣ; всю вину раздѣленія слагаетъ на Григорія и на епископовъ, его поставившихъ; опирается на судъ Патріаршій, оправдываетъ Императора, осуждаетъ своеволіе правилами церковными, и внушаетъ всѣмъ вѣрнымъ прекратить общеніе съ нарушителями древняго порядка церковнаго, измѣнившими своему клятвенному обѣщанію. «Какъ вы приняли св. крещеніе отъ соборной и апостольской Церкви, такъ приняли отъ нея и единаго святителя (митрополита); и какъ приняли, тако и сохраните до конца вѣковъ. Изначала Церковь Константинопольская посылаетъ единаго митрополита Кіеву и всей Руси.—Григорій являлся въ константинополь къ Патріарху Евфимію, обѣщавъ богатые дары за согласіе на его поставленіе; но его не послушали, и отлучили. Если бы справедливы были обвиненія въ святокупствѣ, то Θεодосій полоцкій и Григорій Цамблакъ могли бы, при помощи и денегъ, достигнуть желаемаго». — Епископамъ литов-

скимъ Фотій напоминаетъ , что каждый изъ нихъ , при своемъ поставленіи , давалъ предъ жертвенникомъ Господнимъ обѣщаніе , и подтвердилъ его своею подписію , не принимать иного митрополита , кроме преславнаго изъ Константинополя (ъ) , и , приводя одно за другимъ до 30 правилъ церковныхъ , доказываетъ , что изыющіе общеніе съ отлученнымъ сами подлежатъ отлученію отъ Церкви , что пріемлющій власть не отъ законнаго чиноначалія церковнаго не можетъ быть истиннымъ пастыремъ , что отдѣляющіеся отъ своего главы , безъ всякаго изслѣдованія вины его , и самовольно поставляющіе себя иного пастыря сами подвергаютъ себя изверженію изъ сана (ы).

Нельзя думать , чтобы въ такомъ важномъ дѣлѣ Фотій рѣшился дѣйствовать одинъ , безъ Собора оставшихся ему вѣрными епископовъ велико-россійскихъ , тѣмъ болѣе , что случай къ созванію епископовъ открывался самъ собою. Еще въ началѣ 1415 г. Архіепископъ новгородскій Іоаннъ , прихавъ

(ъ) См. подобное обѣщаніе въ исповѣданіи Архіепископа новгородскаго , 1424 г. въ Акт. Арх. Экспед. Т. 1. N 370.

(ы) Акт. Ист. Т. 1. N 19. *Окружное посланіе о незаконномъ избраніи Григорія Цамблака*. Время сего посланія опредѣляется тѣмъ , что Митрополитъ Фотій на него указываетъ уже въ посланіи къ псковичамъ 6 сент. 1416. Въ Акт. Ист. Т. 1. N 20. «Да и о семъ , чада моя , пишу вамъ , что списахъ отъ Божественнаго Писанія и отъ Божественныхъ правилъ о раздѣленіи Божіа Церкви». Выше упомянутое посланіе именно такъ и дѣлится: сперва обличается незаконный поступокъ литовскихъ епископовъ словами Писанія , потомъ правилами церковными.

схиму, отошелъ на покой. Новгородцы, пользуясь своими правами, избрали, посредствомъ жребія, хутынского прюка Самсона. Для посвященія въ архіепископа, ему нужно было отправиться въ Москву. Фотій пригласилъ для сего Архіепископа ростовскаго Григорія и епископовъ: суздальскаго Митрофана, тверскаго Антонія, сарскаго Тимофея и пермскаго Исаакія. 22 марта 1416 г., въ недѣлю крестопоклонную, Самсонъ, переименованный въ Симеона, рукоположенъ былъ въ архіепископа. Вѣроятно, въ тоже время собравшіеся Святители великороссійскіе со своимъ Митрополитомъ произнесли осужденіе на незаконно-поставленнаго Митрополита кіевскаго (ъ).— Примѣчательно, что въ это смутное время когда оспариваемы были права митрополіи московской на Кіевъ, въ особенномъ изобиліи открылись знаменія отъ мощей почившаго въ Москвѣ Первосвятителя всероссійскаго, св. Петра. Сими знаменіями первый Митрополитъ, перенесшій свою кафедру въ Москву, свидѣтельствовалъ неизмѣнность своего благоволенія къ избранному имъ граду, и утѣшалъ своего преемника, незаконно отвергаемаго самовольными. Новый Архіепископъ новгородскій, возвратившись послѣ того изъ Москвы, поставилъ первый пѣвѣстный намъ

(ъ) См. *посланіе Митрополита русскаго къ христіанамъ на Кіевѣ о Митрополитѣ Григоріѣ Цамблакѣ*, сокращенно-изложенное въ летописи Новгород. IV-й. Полн. Собр. Лѣт. Т. 4. стр. 116. Во многихъ выраженіяхъ оно буквально сходно съ выше-приведеннымъ окружнымъ посланіемъ, такъ что представляется извлеченіемъ изъ него. Здѣсь-то между прочимъ говорится и о Соборѣ «по случаю» собравшемся, который осудилъ Григорія.

храмъ въ Новгородѣ, въ честь св. Петра Митрополита русскаго (ѳ).

Не довольствуясь общими распоряженіями, Фотій заботился оградить отъ вреднаго вліянія виновниковъ церковнаго смятенія въ особенности страну, близкую къ предѣламъ литовскимъ, и потому, наиболее долженствовавшую дорожить миромъ съ Литвою. «Надѣюсь, дошло до васъ посланіе мое, писалъ онъ къ псковичамъ, о раздѣленіи Божіей Церкви. Не дивитесь случившемуся. Въ Евангеліи сказано, что послѣднія времена будутъ тяжки, и нѣкоторые отступятъ отъ вѣры. *Время слугъ своихъ поставляетъ.* Блюдите свою истинную православную вѣру и обычаи, удалите и отъ слуха вашего несправедныя писанія нарушающихъ св. правила. Но если кто,—прибавляетъ Фотій,— изъ той мятежной страны, Литвы, перейдетъ къ вамъ жпть, міряне ли то будутъ или иноки, принимайте ихъ къ себѣ, какъ православныхъ христіанъ, удаляющихъ неправду». Строгость суда не заглушала въ истинномъ Пастырѣ кроткаго голоса любви!

Хотя перемѣна, произведенная Витовтомъ, и не касалась собственно православія и не вела прямо къ сближенію съ латинствомъ: однакоже, подъ вліяніемъ шовѣрнаго правительства легко могла открыться опасность и для вѣры. Наши лѣтописи рассказываютъ, что въ одно время Митрополитъ Григорій спросилъ у Витовта: почему онъ держится вѣры латинской, а не православной, которой слѣдуютъ русскіе, большая часть его подданныхъ?—Великій Князь от-

(ѳ) Лѣт. Новгород. I. стр. 106.

вѣчалъ: — если хочешь видѣть меня и всѣхъ литовцевъ въ своей вѣрѣ православной, то ступай въ Римъ, и докажи Папѣ и его мудрецамъ ихъ неправославіе. Въ противномъ случаѣ, я всѣхъ обращу въ вѣру римскую (э). — И Витовтъ дѣйствительно отправилъ Григорія съ своимъ посольствомъ, но не въ Римъ, — какъ говоритъ летопись, — а на Соборъ Констанскій, предъ которымъ въ то время Король польскій и В. Князь литовскій старались выставить свои услуги для Церкви, чтобы защититься отъ порицаній, распространяемыхъ орденомъ нѣмецкимъ (ю). — Посольство литовское прибыло въ Констансъ уже къ концу засѣданій Собора. Оно явилось на Соборъ 18 февр. 1418 г., вмѣстѣ съ послами греческаго Императора Мануила, которымъ поручено было начать сношенія съ Папою о соединеніи Церквей, окончившіяся впоследствии Флорентійскимъ Соборомъ. Посольство греческое и литовское были приняты торжественно; но, во все время пребыванія ихъ здѣсь, никакого стѣсненія въ вѣрѣ имъ не оказывали; напротивъ, дозволили имъ отправлять богослуженіе по своему обряду (я). И такъ-какъ новоизбранный Папа Мартинъ

(э) Пок. соб. лѣт. Т. IV, год. 1417, стр. 115.

(ю) См. Dlugoss. Hist. Pol. L. XI. p. 376 et caet.

(я) О посольствѣ греческомъ у Сиропула: Vera Historia unionis non verae L. II, с. 5. О пребываніи греческихъ и литовскихъ пословъ въ Констансъ, у современнаго писателя Рейхенталя, каноника констанскаго, въ его исторіи Констанскаго Собора. (См. Wessenberg, D. Grossen Kirchen Versammlungen d. 15 und 16 Jahrhunderts. 2 Band. s. 255.). Другой современникъ, Лонденблаттъ, противникъ Польши, прямо говоритъ, что духовенство русское на

V-й спешилъ скорѣе распустить Соборъ, требовавшій преобразованія Церкви въ ея главѣ и членахъ, то и дѣло о соединеніи Церквей отложено было до дальнѣйшихъ сношеній. Такимъ образомъ, Григорій могъ возвратиться въ Литву, не подвергаясь опасности измѣнить своей вѣрѣ на Соборѣ, который сожегъ Гусса.

Опасность миновала, но не была устранена совершенно на будущее время. Папа Мартинъ, во изъявленіе своей благосклонности къ Королю польскому и къ В. К. литовскому, обоимъ наименовалъ своимъ намѣстниками въ ихъ областяхъ, и даже въ непринадлежавшихъ имъ городахъ Новгородъ и Псковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ поручилъ усердію обоимъ Государей заботиться о возвращеніи къ единству Церкви отдѣляющихся отъ нея (е). Послѣ этого можно было ожидать новыхъ усилій со стороны В. К. литовскаго къ распространенію въ русскихъ областяхъ латинской вѣры.

Но обстоятельства измѣнились. Въ слѣдующемъ 1419 г., Григорій Цамблакъ скончался (v), и Витовтъ не только ничего не предпринималъ болѣе въ пользу латинской Церкви, но и не заботился о замѣщеніи праздної катедры митрополіи. Отдѣльное существованіе митрополіи литовско-русской, такимъ образомъ, кончилось.

Соборъ отказалось соединиться съ Церковію римскою. Опис. Кіево-Соф. собора, стр. 103.

(е) *Histor. Russ. monumenta* T. I. N CXIX et CXX.

(v) *По свидѣт.* Никонов. лѣт. T. V, стр. 73. тогда было въ Кіевѣ моровое повѣтріе.

Были, конечно, и другія лица, благопріятствовавшіи возвращенію митрополіи къ прежнему единству, которыхъ и благодарить Митрополитъ Фотій въ своемъ духовномъ завѣщаніи (а). Но главную причину такой перемѣны въ дѣйствіяхъ Витовта, со всею вѣроятностію, должно полагать въ появленіи опаснаго ему соперника, готоваго на помощь православнымъ, Князя Свитригайла. Извѣстное его расположеніе къ православной вѣрѣ всегда привлекало къ нему многихъ русскихъ князей и знатныхъ людей (б), и возбуждало опасенія въ Витовтѣ. Больше девяти лѣтъ Витовтъ держалъ его въ заключеніи. И наконецъ въ то время, какъ Григорій Цамблакъ отправленъ былъ на Соборъ Константинопольскій, русскимъ удалось освободить Свитригайла изъ темницы. Извѣстіе объ этомъ было принято всѣми съ живымъ участіемъ (в) и должно было

(а) «Елицы поспешеніе съ нами имѣша о мятежи Божіа Церкви, и ко исправленію и ко единенію, христоименитіи Господни людіе, князи и вельможи, мужіе и жены, и тѣи да будутъ вси благословени и помиловани отъ Человѣколюбца Бога». Соф. Врем. Ч. 2, стр. 8.

(б) Ducibus et nobilibus Russiae miro modo illum (Switrigal), quod ritum eorum efferret, colentibus, пишетъ Длугошь, по этому случаю. Lib. XI. p. 396. А говоря о возведеніи Свитригайла на престолъ литовскій, послѣ смерти Витовта, снова замѣчаетъ: multorum sibi animos conciliaverat, Ruthenorum singularius, in quorum ritum, licet esset Romanae religionis Princeps, ferebatur inclinatio. р. 558.

(в) Обстоятельства освобожденія Свитригайла одинаково передаются и польскимъ историкомъ Длугошемъ, и русскими летописцами (Полн. собр. лѣтоп. Т. IV, стр. 117.), и въ письмахъ нѣмецкаго ордена (см. соч. Коцебу: *Свитригайло*, въ Русск. перев. стр. 67.).

одушевить приверженцовъ православія, которымъ не обѣщали ничего добраго сношенія съ Папою. Такъ, вмѣстѣ съ судьбою Свитригайла измѣнилось и положеніе православія въ Литвѣ.

Послѣ смерти Цамблака, Фотій, съ согласія Витовта, снова вступилъ въ управленіе отторгнутыми отъ него епархіями (г). И, чтобы возобновить связи съ прежнею своею паствою, онъ отправился самъ для обзорѣнія югозападной своей митрополіи. Въ концѣ 1421 г., именно предъ Рождествомъ Христовымъ, онъ былъ во Львовѣ; самый праздникъ провелъ во Владимірѣ; на день Богоявленія Господня прибылъ въ Вильну. Во время своего путешествія, видѣлся съ Витовтомъ и другими князьями, состоявшими въ родственныхъ отношеніяхъ съ домомъ московскаго В. Князя, въ Мстиславль—съ Симеономъ Лугвенемъ, въ Слуцкѣ крестилъ сына у Князя Омелька или Александра (д). А для большаго укрѣпленія своего союза съ литовско-русскою паствою, разослалъ окружное посланіе къ православнымъ князьямъ и духовенству съ пастырскими увѣщаніями. Воспоминая о минувшемъ раздѣленіи церковномъ, Святитель много болѣе не винитъ въ томъ, но свидетельствуетъ, что, не смотря на временное удаленіе,

(г) «Иаки Христосъ миромъ свою Церковь украси и смиреніе мое въ Церковь Свою всде, *совѣтованіемъ* благороднаго, славнаго, великаго князя Александра (Витовта). Дополн. къ Акт. ист. Т. I, стр. 338.

(д) Изъ лѣтописи Даниловича у Нарбута. VI, стр. 420. Св. Іона называлъ Фотія «кумомъ» Князя Александра Владиміровича. Акт. ист. Т. 1, N 47.

всегда болѣзноваль сердцемъ о вѣрнной ему паствѣ, и въ новыхъ бѣдствіяхъ, постигшихъ тогда землю русскую, моровой язвы и голодь, указуя исправительныя дѣйствія Промысла Божія, всѣхъ призываль къ покаянію и исправленію жизни (е). Особымъ посланіемъ возбуждалъ онъ ревность иноковъ Кіевопечерской Лавры къ высшимъ подвигамъ, представляя имъ въ примѣры добродѣтели первоначальниковъ ихъ обители (ж). Такъ возстановлено было іерархическое единство Церкви русской. Союзъ мира и любви снова скрѣпиль разьединенныя епархіи, хотя и во время раздѣленія общеніе между членами той и другой митрополіи не прекращалось (з).

Въ то время, какъ смуты раздирали митрополію русскую, мы видимъ особенное попеченіе Митрополита Фотія о Церкви псковской (и).

(е) Дополненіе къ Акт. истор. Т. 1. N 183.

(ж) Дополн. къ Акт. истор. Т. I. N 180 вторя грамата.

(з) См. путешествія іеродіакона Троицкаго Сергіева монастыря Зосимы въ св. землю. Въ сказаніяхъ Русскаго народа. Ки. VIII, стр. 61.

(и) Впрочемъ, нѣтъ причины думать, что состояніе Церкви псковской исключительно обращало на себя вниманіе Митрополита. Безъ сомнѣнія, и другія епархіи имѣли пужду въ сношеніяхъ съ нимъ, и Фотій не отказываль имъ въ наставленіяхъ. Но въ собраніе актовъ митрополіи русской, составленное въ первой половинѣ XVI стол. (Рук. Синод. Библиот. N 564.), граматы, писанныя Митрополитами Кипріаномъ и Фотіемъ во Псковъ, могли войти въ большее число, по причинамъ случайнымъ. См. сборникъ граматъ М. Кипріана и Фотія во Псковъ въ рук. Румянц. Муз. N 264, и другой сборникъ кунца Царскаго, изъ котораго заимствованы дополнителныя граматы къ *Актамъ историческимъ во 1 томъ*.

Псковъ, состоя подъ епархіальнымъ управленіемъ новгородскаго архіепископа, имѣлъ у себя намѣстника его: но этотъ намѣстникъ, избираемый изъ самихъ псковитянъ, завѣдывалъ только судною частію и сборомъ доходовъ (і). Для пріѣздовъ архіепископа, соединенныхъ съ правомъ «мѣсячнаго суда», назначенъ былъ извѣстный срокъ. Политическая вражда между Псковомъ и Новгородомъ, и участіе владыки новгородскаго въ дѣлахъ гражданскихъ своего города, препятствовали близости духовныхъ отношеній между архіепископомъ и Псковомъ и заставляли псковитянъ чаще обращаться, за совѣтомъ и разрѣшеніемъ, къ главѣ іерархіи російской, такъ же какъ они искали себѣ управы и защиты у московскаго Великаго Князя.

По смежности съ владѣніями нѣмецкаго ордена и съ Литвою, Псковъ занялъ некоторые обычаи у христіанъ римской Церкви, на прим., крестить не чрезъ погруженіе, но чрезъ обливаніе. До Митрополита дошелъ даже такой слухъ, будто священники псковскіе, послѣ крещенія младенца, помазываютъ его муромъ латинскимъ. Объ отъѣзѣ обливательнаго крещенія писалъ къ нимъ еще М. Кипріанъ, и прислалъ правильное чинположеніе крещенія (к). Фотій нашелъ нужнымъ подтвердить о соблюденіи православнаго обычая, и тѣмъ съ большою строгостію возсталъ противъ употребленія мурѣ латинскаго. «Святыми Отцами, писалъ онъ, утверждено и предписано

(і) Псков. 1. лѣт. подъ 1435 г.

(к) Акт. ист. Т. 1. N 8.

креститься во имя Отца и Сына и Св. Духа, и потомъ помазываться св. честнымъ великимъ муромъ, которое идетъ изъ Царь-града, откуда вы получили и православный символъ вѣры». Митрополитъ желалъ и самъ посѣтить Псковъ для ближайшаго обозрѣнія его состоянія, но долгое время не находя къ тому удобства, требовалъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, прислали къ нему изъ Пскова священника для наученія его церковнымъ правиламъ и для препровожденія съ нимъ св. мѹра (л).

Послѣ того, псковское духовенство уже неоднократно обращалось къ Митрополиту за разрѣшеніемъ своихъ недоумѣній (м). Между вопросами, относящимися до богослуженія и постовъ, которые онъ разрѣшаетъ на основаніи церковнаго устава, встрѣчались и такіе, какъ на пр., позволительно ли употреблять въ пищу хлѣбъ, вино и другія произведенія, идущія изъ земли нѣмецкой? Фотій дозволялъ все это употреблять, напередъ очистивъ молитвою (н).—

(л) Акт. ист. Т. 1. № 35. Года при грамотѣ нѣтъ. По содержанию ея, можно считать ее первою изъ писанныхъ Фотіемъ во Псковъ. Сначала она содержитъ въ себѣ только общія наставленія духовныя, и не указываетъ на какія-нибудь предшествующія сношенія.

(м) Кроме изданныхъ въ истор. акт. Т. 1, известно и еще посланіе 1419 г., по большей части относящееся къ совершенію богослуженія, подъ заглавіемъ: «Посланіе Фотья Митрополита во Псковъ; уставъ о литургіи и всякой службѣ», рук. Синод. Библиот. № 562, гр. 127. Тамъ же отвѣтъ на письмо псковитянъ о различныхъ безпорядкахъ въ ихъ Церкви, посланное со священникомъ Іовомъ. Безпорядки касаются вдовыхъ священниковъ, браковъ и т. подобн. гр. 185.

(н) Акт. ист. Т. 1. № 82.

Просили разрѣшенія у Митрополита и граждане псковскіе въ дѣль, касавшемся ихъ свѣсти: во время управленія ихъ городомъ Князя Константина Дмитріевича (1412—1414) введена была у нихъ уставная грамота и утверждена присягою; между-тѣмъ въ-послѣдствіи они усмотрѣли, что въ некоторыхъ правилахъ она несогласна съ наставленіями, полученными прежде отъ самого Митрополита, и для Пскова обременительна. Но отмѣнить эту грамоту они опасались, стѣсняясь данною клятвою. Митрополитъ поставилъ имъ на видъ неосмотрительность въ ихъ дѣйствованіи, показалъ, какому наказанію по правиламъ церковнымъ подлежатъ нарушители клятвы, но не настаивалъ на соблюденіе постановленій, какъ видно, обременительныхъ особенно для класса бѣдныхъ жителей, дозволилъ имъ «нарушить ту повинну», и благословилъ держать свою старину (о).

Игуменъ Снѣтогорскаго монастыря, одного изъ древнѣйшихъ во Псковѣ, просилъ у Митрополита «устава иноческаго чина», представляя вмѣстѣ, что бывшій предъ тѣмъ лѣтъ за тридцать во Псковѣ, по порученію Патріарха константинопольскаго, Архіепископъ суздальскій Діонисій, на основаніи 6 пра-

(о) Акт. ист. Т. 1. № 23. По индикту должна относиться къ 1416 г. Князь Константинъ Дмитріевичъ двукратно управлялъ Псковомъ, въ первый разъ въ 1407. Но не къ этому времени должно относить уставную грамоту, о которой шло дѣло: потому что тогда еще не было Фотія въ Россіи. Какія именно постановленія противорѣчили прежней грамотѣ Митрополита, не видно; но примѣчательно, что Митрополитъ увѣщаваетъ на концѣ: «погните собою заступленіе праведное показати къ убогимъ Господнимъ людемъ».

вила Собора константинопольскаго двукратнаго (п) и установленія ктитора или основателя обители, постановилъ грамотою, не имѣть инокамъ рѣшительно никакой собственности. Такое строгое правило, какъ видно, стѣсняло братію. Митрополитъ Фотій потребовалъ къ себѣ списокъ устава киторскаго, и когда открылось, что такого устава писаннаго въ монастырѣ и не бывало, отмѣнилъ распоряженіе Діонисіево, какъ произвольно сдѣланное въ чужой епархіи. Но представляя высокіе примѣры жизни иноческой и уставы древнихъ основателей монашества, внушалъ братіямъ Снеготорскимъ стремиться къ подражанію имъ, какъ въ другихъ добродѣтеляхъ, такъ и въ нестяжательности. «Дѣланіе богомудрое, писалъ пустыннолюбивый Святитель, вотъ наше богатство, божественное и превышеестественное, всегда пребывающее и никогда не гибнущее». И, не входя въ подробности частныхъ правилъ для вѣдшей жизни иноческой, болѣе старался раскрыть инокамъ послѣднюю цель, къ которой долженъ стремиться подвижникъ благочестія.—Примѣчательна его любвеобильная снисходительность и къ такимъ инокамъ, которые живутъ не въ духъ покаянія: вопреки строгому правилу Діонисія, онъ не повелѣвалъ запирать ихъ въ темницу, или изгонять изъ монастыря, но предписывалъ настоятелю взять заблуждающую овцу на свое рамо, врачевать больнаго духовными средствами, какъ искусному врачу (р).

(п) Въ грамотѣ Діонисія несправедливо оно приводится подъ именемъ правила 5 вселенскаго Собора.

(р) Акт. ист. Т. 1. N 26. Грамота Діонисіева тамъ же подъ N 5. Въ подобномъ духѣ написана грамота Фотіева иноку Павлу N 257.

Строже онъ былъ въ-отношеніи къ заблуждающимъ въ ученіи по упорству. Въ Псковѣ еще оставались единомышленники стригольниковъ, появившихся въ семьдесятыхъ годахъ четырнадцатаго столѣтія, и повторяя свои укоризны противъ духовенства въ поставленіи на мздѣ, держали себя въ отдѣленіи отъ Церкви. Фотій съ силою возставалъ противъ такихъ самоизбранныхъ судей, какъ противъ мятежниковъ церковныхъ, постановленіями греческой Церкви защищалъ взимаемыя пошлины при поставленіи и предписывалъ православнымъ гражданамъ Пскова и духовенству: если именуемые стригольниками не обратятся на путь истины, отжените ихъ отъ своего православнаго общества (с). Потомъ въ другой разъ писалъ: слышу, что нѣкоторые у васъ, нерадя о своемъ христіанскомъ имени, ни во что ставятъ великое Божіе священство и иночество, какъ бы не вѣра и въ воскресеніе. Богу извѣстно, какихъ слезъ мнѣ стоило ихъ паденіе. Но если они не позаботятся выйдти изъ рова погибели, вы, священники, не принимайте отъ нихъ приношеній въ церквахъ, и отсыкайте ихъ, какъ гнилыя члены отъ здраваго тѣла Церкви Христовой. И весь міряне, не сообщайтесь съ ними въ ястія и нити. Пишу это ради ихъ вразумленія. Если и послѣ того не обратятся къ богоразумію, отишите ко мнѣ: и я сотворю надъ ними сѹдь по Божественнымъ и священнымъ правиламъ (т). Наконецъ, Митрополитъ получилъ извѣстіе изъ Пскова, что городское начальство, послѣ изы-

(с) Акт. истор. Т. 1. N 21.

(т) Тамъже Т. 1. N 33.

сканія, упорствующихъ въ своемъ отчужденіи отъ Церкви подвергло наказанію, что въ-слѣдствіе сего нѣкоторые совсѣмъ оставили городъ, а другіе хотя остались, но все еще не приходятъ къ отцамъ духовнымъ каяться, и даже произносятъ хулы на чинъ священства. Одобряя усердіе ревнителей православія, Архипастырь повторяетъ имъ прежнее наставленіе, удаляться общенія съ непокорными, вразумляя ихъ и наказаніями, только не смертными, и заточеніемъ (у). Строгость, умѣряемая впрочемъ благоразуміемъ, нужная для того времени, оказала полезное дѣйствіе. Имя стригольниковъ съ сей поры исчезаетъ изъ нашихъ актовъ.

Разсмотрѣнныя грамоты Фотія къ псковитянамъ раскрываютъ предъ нами часть обычной дѣятельности Архипастыря и могутъ показать, какъ вообще онъ дѣйствовалъ въ различныхъ сношеніяхъ съ своею обширною паствою.—Но вотъ Промыслъ Божій вызвалъ Первосвятителя Россіи и на иное поприще дѣятельности, гдѣ должна была яснѣе выразиться его привязанность къ Россіи.

Великій Князь Василій Дмитріевичъ (27 февр. 1525 г.) скончался, оставивъ по себѣ сына Василя десяти лѣтъ (Ф), и четырехъ братьевъ: Юрія, Пе-

(у) Тамъже N 34.

(Ф) Лѣтопись передаетъ свѣдѣнія объ особенныхъ обстоятельствахъ рожденія сего сына Василя. Когда в. к. Софія страдала болѣзнями его рожденія, Василій Дмитріевичъ посылалъ просить молитвъ къ одному святому старцу, жившему въ монастырѣ Іоанна Предтечи «подъ боромъ за Москвою рѣкой». Тотъ отвѣчалъ чрезъ посланнаго великому Князю: «о князю не тужи; здрава будетъ

тра, Андрея и Константина. Трое послѣднихъ еще при жизни Василя Дмитріевича подчинились новому порядку престолонаслѣдія въ великомъ княженіи, утвержденному Дмитріемъ Донскимъ, и согласились признать своего племянника великомъ княземъ. Не такъ мыслилъ Князь галичскій и звенигородскій Юрій Дмитріевичъ, и не хотѣлъ скрѣпить своимъ согласіемъ духовнаго завѣщанія В. Князя, подобно своимъ братьямъ (х).

Лишь-только скончался Василій Дмитріевичъ, въ ту же ночь Митрополитъ Фотій отправилъ своего боярина въ Звенигородъ, звать Юрія въ Москву, для опредѣленія его отношеній къ московскому В. Князю. Но Юрій не поѣхалъ, а удалился въ Галичъ и началъ собирать полки. Великій Князь также дви-

и родитъ тебѣ сына, въ вечеръ сей, *наслѣдника тебѣ*». А когда родился Василій, духовный отецъ В. Князя, жившій въ Спасскомъ монастырѣ близъ двора велико-княжескаго, внезапно, неизвестно отъ кого, получилъ извѣщеніе о томъ и вмѣстѣ повелѣніе наречь новорожденнаго *Василіемъ*. Въ одной изъ нашихъ *лѣтописей* (такъ называемой типографской, содержащей исторію 1224—1534 г. М. 1784) замѣчено при этомъ: «мгѣ же о семь (о нареченіи имени) Стефанъ дьякъ сказа, и о прежнемъ прореченіи старца Дементей печатникъ, а ему повѣда великая княгиня Марія». стр. 238. Дьякъ Стефанъ упоминается въ 1450 г. при В. К. Василѣ Васильевичѣ (Акт. Арх. Эксп. Т. 1. стр. 36); Вел. К. Марія должна быть супруга Василя Васильевича, Марія Ярославовна. Преданіе о св. старцѣ и его предреченіи относится въ нѣкоторыхъ сказаніяхъ къ пр. Іакову Желѣзоборовскому, котораго монастырь былъ уцѣдренъ милостіями В. К. Василя Дмитріевича. Истор. іерарх. Т. IV. стр. 116.

(х) Двѣ духовныя грамоты Василя Дмитріевича безъ имени Юрія, въ Собр. госуд. грам. Т. 1. N 41. 42.

нуль свои войска. Принужденный бѣжать, Юрій предложилъ перемиріе; но въ Москвѣ хотѣли болѣе прочнаго утвержденія взаимныхъ отношеній. И вотъ, по общему совѣщанію, отправленъ въ Галичъ Митрополитъ Фотій съ увѣщаніями непокорному Князю. Поспѣшенъ былъ путь его. Въ Ярославль, наканунѣ дня Рождества св. Іоанна Предтечи (24 іюня), Князья просили его остаться для совершенія на другой день литургіи. Но желаніе скорѣе утвердить миръ въ великомъ княженіи побѣдило все просьбы, и онъ немедленно отправился въ Галичъ. Принятый съ честію, онъ усердно склонялъ Князя галичскаго прекратить свои притязанія на престолъ великокняжескій и заключить миръ съ юнымъ Василюемъ. Но все было напрасно. Тогда оставилъ онъ Князя и городъ, не преподавъ имъ святительскаго благословенія. И губительная болѣзнь, уже свирѣпствовавшая въ разныхъ городахъ русскихъ, и въ самой Москвѣ (ц), немедленно открыла свои дѣйствія въ Галичѣ. Юрій увидѣлъ въ этомъ вразумленіе Божіе, и тотчасъ же отправился въ слѣдъ за удалившимся Святителемъ, возвратилъ его въ городъ, согласился вступить съ В. Княземъ въ мирный договоръ, по крайней мѣрѣ, до рѣшенія спора о великомъ княженіи ханомъ ордынскимъ (ч).—Въ послѣдующихъ грамотахъ, мы видимъ, онъ именовалъ своего молодого племянника старѣйшимъ братомъ своимъ (ш),

(ц) Въ Москвѣ съ конца мая 1425. Ник. Лѣт. Т. 5. стр. 85.

(ч) Никон. Лѣт. Т. 5. стр. 82—85.

(ш) Собр. госуд. грам. Т. 1. N 43 и 44.

и долгое время, почти до самой кончины Фотія, не искалъ себя первенства въ ордѣ.

Такъ, стараніями Фотія отвращены были, навремя, кровавыя смуты междоусобія. Но земля русская страдала отъ другаго страшнаго бѣдствія—губительной болѣзни. Прежнимъ путемъ изъ городовъ нѣмецкихъ перешла она во Псковъ, отсюда въ Новгородъ, Тверь, Москву, и похищала множество жертвъ во всѣхъ городахъ и селеніяхъ, въ 1425, 1426 и 1427 годахъ. По временамъ утихала, и потомъ усиливалась съ новою жестокостію (щ).

Современники замѣчаютъ различныя нравственныя дѣйствія этой болѣзни на духъ народный. Пр. Пафутій Боровскій, жившій тогда въ серпуховскомъ Высоцкомъ монастырѣ, рассказывалъ въ-послѣдствіи ученикамъ своимъ: Въ послѣднемъ, 1427 г., болѣзнь обнаруживалась струпамн, которые имѣли неодинаковый видъ: одни были злокачественны, другіе обѣщали еще надежду выздоровленія. Кто видѣлъ по своей болѣзни, что ему болѣе не жить, тотъ, убоявшись Бога и вспомнивъ свои грѣхи, обращался къ покаянію, и исповѣдывалъ свои согрѣшенія; нѣкоторые принимали даже постриженіе въ ангельскій образъ,—и, поболѣвъ дня три, обыкновенно умирали. Но были и такіе «нечувственные» люди, что не страшась гнѣва Божія, отринувъ всякій страхъ человѣческій, предавались пьянству: потому что тогда,

(щ) См. Ник. Лѣт. Т. 5. подъ указанными годами. Въ 1427 г. болѣзнь обнаруживалась въ видѣ прыщей: если были они снѣгіе, то предсказывали неизбежную смерть; если красныя, то больные выздоравливали.

за смертію, достоянія многихъ оставались безъ при- зрѣнія. И не только запасы «меду», но и одежды, и скотъ, и богатство все было оставляемо на распу- тійхъ. Мало оставалось людей, которые бы могли всѣмъ этимъ пользоваться; но и тѣ брали только золото и серебро, а прочее пренебрегали (ъ).

Глубоко сочувствовалъ всѣмъ этимъ страданіямъ земли русской чадолюбивый Архипастырь. «Между Князьями ссоры и междоусобныя брани: а мнѣ скорбь къ скорби, печаль къ печали. Потомъ на- ступили голодъ и смертоносная язва... И сіи скор- би и печали доконца сокрушили меня и изнурили; помрачилось зрѣніе мое отъ слезъ о наствѣ Христо- вой». Такъ исповѣдуетъ скорбь свою Святитель Фо- тій въ своемъ завѣщаніи. Въ поученіяхъ (ы) и посла- ніяхъ онъ изливаетъ тѣ-же чувства состраданія, и старался преподать всѣмъ спасительное утѣшеніе. «Господь хочетъ нашего обращенія, а не погипе- ли,—писалъ онъ во Псковъ, когда поутихла тамъ болѣзнь,—и потому, многократно поражаетъ насъ, но щадитъ корень, чтобы могли быть плоды. Было и у насъ такое же посѣщеніе Божіе въ Москвѣ и окрестныхъ городахъ, въ Твери, и въ другихъ мѣ- стахъ. И благодаримъ неизслѣдимыя судьбы человѣ-

(ъ) Житіе пр. Пафнутія, описанное Вассіаномъ Архіеп. ростов- скимъ,—въ рук.

(ы) О поученіяхъ см. въ прим. 32 къ 1 тому дополненій къ Акт. Ист., гдѣ перечисляются разныя сочиненія М. Фотія по ру- кописи, принадлежащей ярославскому архіерейскому дому. См. так- же *оглавленіе книгъ, кто ихъ сложилъ, въ чтеніяхъ Ист. Общ.* 1846 г. N 3. стр. 77.

колюбіи Божія за тѣ, что не вдругъ, не внезапно восхищаетъ свое созданіе, но даруетъ страждущимъ христіанскую кончину, съ чистымъ покаяніемъ, съ елеосвященіемъ, и съ причащеніемъ честнаго и животворящаго тѣла Христова и божественныя и животворящая крови Его. А многіе отходятъ къ Богу и въ подобіи великаго ангельскаго образа. Объ отходящихъ съ такимъ приготовленіемъ къ вѣчной жизни и уповаю на челолюбіе Божіе (ѡ).

Среди ужасовъ смерти тѣмъ отрадише были побдоносныя явленія жизни надъ самою смертію. Еще не прешель родъ современниковъ и учениковъ смиреннаго Игумена Радонежскаго, которому св. Алексій готовилъ каедру первосвятительскую, какъ свѣтильникъ, тридцать лѣтъ скрывавшійся подъ спудомъ смертнымъ, по мановенію Божию, цнсенць изъ нѣдръ земли—горящій свѣтомъ жизни неугасающей (1422 г.). Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, въ послѣдній годъ правленія Фотіева, милосердый Господь, къ утѣшенію православной Россіи, явилъ нетлѣнными и цѣльбоносныя мощи св. Алексія, содруга Сергіева (ѡ).

(ѡ) Послан. въ Псковъ, по идикту, 1526 г. Акт. Истор. Т. 1. N 30.

(ѡ) Годъ открытія мощей св. Алексія замѣченъ въ «повѣсти о Алексіѣ Митрополитѣ всея Русіи», помѣщенной въ IV ч. Никон. Лѣт. стр. 65. Хотя вообще и здѣсь, и въ особомъ сказаніи «о обрѣтеніи мощей св. Алексія», напеч. въ Степен. кн. 1. стр. 470., время пребыванія останковъ св. Алексія въ землѣ полагается 60 лѣтъ, но это число только приблизительное. Въ указанномъ мѣстѣ Никон. Лѣтописи обрѣтеніе св. мощей Алексія прямо относится къ 1431.

Между-тѣмъ сходили съ земнаго поприща, одишь за другимъ, и послѣдніе ученики богоноснаго Сергія: въ 1426 пр. Феодонтъ Можайскій (27 маія), въ 1427 пр. Кирилль Бѣлоезерскій (9 іюня), въ 1428 пр. Никонъ Радонежскій (17 ноября), въ 1429 сто-двѣнадцатилѣтній старецъ, пр. Павелъ Комельскій, или Обнорскій. Паства Фотіева лишалась лучшихъ членовъ....

Въ 1430 г., когда исполнилось двадцать лѣтъ пребыванія Фотіева въ Москвѣ, пришелъ вѣстникъ, зовущій и самого Архипастыря въ другой міръ. На Свѣтлой недѣль, въ четвертокъ (20 апрѣля), послѣ утрени, совершивъ келейное правило, Фотій при-легъ-было отдохнуть. Вдругъ возсіялъ въ его лож-ницѣ необыкновенный свѣтъ. Святитель увидѣлъ предъ собою свѣтоноснаго мужа, съ вѣнцемъ цар-скимъ на головѣ и златымъ посохомъ въ рукѣ. Послѣ нѣкотораго молчанія, въ трепетъ спросилъ онъ пришедшаго: кто ты и какъ вошелъ сюда, когда двери мои заперты?—«Я не изъ числа людей земныхъ,— отвѣчалъ необыкновенный посѣтитель, — но ангель Божій, и посланъ къ тебѣ отъ Господа Бога Саваоѳа Вседержителя. Господь Богъ повелѣлъ мнѣ возвѣстить тебѣ слово на утвержденіе житія твоего. Внимай себѣ и стаду твоему. Христось Богъ даетъ тебѣ седмицу на разсмотрѣніе житія своего и на распоряженіе о паствѣ». Услышавъ сіи слова, Святитель въ страхъ и трепетъ, со слезами приналь-было къ ногамъ посланника Божія, но онъ сталъ невидимъ. Это видѣніе и глаголы Ангела такъ по-трясли Фотія, что онъ долгое время оставался ле-жащимъ на полу, доколѣ инокъ, жившіе при его

келліи, не подняли его и не положили на одръ. Онъ все еще молчалъ и не раскрывалъ глазъ. Наконецъ, пришедши въ себя, повѣдалъ окружающимъ его видѣнное (э).

Что же означала даруемая седмица? — Мало помалу силы Фотія возобновились, и первая недѣля не представила для него ничего рѣшительнаго. Итакъ, надлежало отъ времени ожидать разрѣшенія таинственнаго предсказанія.

Безъ сомнѣнія, Святитель вѣрно послѣдовалъ возвѣщенному повелѣнію Господню, искупуя каждый день сосчитаннаго для него времени дѣлами полезными для души своей и для паствы. Онъ не заключился однакоже въ келліи своей, но являлся, гдѣ требовали его обязанности. Черезъ пять мѣсяцевъ послѣ бывшаго видѣнія, мы видимъ Фотія, вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ, въ Литвѣ у Витовта.

Еще въ прошедшемъ (1429) году былъ знаменитый съѣздъ въ Литвѣ, на которомъ Императоръ нѣмецкій Сигизмундъ, по домогательству Витовта, предложилъ возвести его въ санъ Короля, и такимъ образомъ, упрочить самостоятельность Литвы, чего никакъ не соглашались допустить чины польскіе. Тогда же Сигизмундъ, побуждаемый просьбами греческаго Императора Іоанна Палеолога и неустройствами западной іерархіи, высказалъ желаніе занять-

(э) Никон. Лѣт. Т. 5. стр. 98, Степен. кн. ч. 2. стр. 39. Въ томъ и другомъ мѣстѣ говорится, что видѣніе было въ «пятокъ Свѣтлой недѣли 1430 г., въ Никонов. прибавлено еще: «на память пр. Феодора Власянаго, т. е. Трихины. 1430 г. день сей дѣйстви- тельно приходился на Пасхѣ, но не въ пятокъ, а въ четвертокъ.

ся дѣломъ соединенія Церквей, и его мысль явно клонилась не къ пользѣ римскаго духовенства (ю).

Въ августъ слѣдующаго, т. е. 1430 г., предпо-
ложенъ былъ другой съездъ въ Литвѣ, на которомъ
должно было послѣдовать коронованіе Витовта вън-
цемъ королевскимъ. Къ этому торжеству пригла-
шенъ былъ, вмѣстѣ съ другими Государями, и мо-
сковскій В. Князь, внукъ Витовта. Ему сопутствовалъ
и Митрополитъ Фотій, равно связанный своими іерар-
хическими отношеніями съ московскимъ и съ литов-
скимъ В. Княземъ. Оказываемое Витовтомъ, въ по-
слѣдніе годы, расположеніе къ православному Іерар-
ху обязывало въ свою очередь и Митрополита къ
участвію въ предполагаемомъ торжествѣ, столько ра-
достномъ для Витовта, и важномъ для всей литов-
ской Руси. Но мечта престарѣлаго Витовта не осу-
ществилась. Пошли перехватили пословъ, отправлен-
ныхъ Императоромъ съ короною (я); болѣзнь, день
ото дня усиливаясь, положила послѣдніе предѣлы

(ю) «Нечего медить, говорилъ Сигизмундъ, и возвращеніемъ гре-
ковъ къ единству Церкви, потому что они одну съ нами исповѣ-
дуютъ вѣру, и только различаются отъ насъ тѣмъ, что духовные
ихъ носятъ бороду и имѣютъ женъ. И этого не должно ставить
имъ въ порокъ: у нихъ священники довольствуются одною женою,
а латинскіе держать по десяти, и болѣе». Эта рѣчь, замѣчаетъ
Другошъ, очень понравилась русскимъ, живущимъ по обряду грече-
скому, и утвердила ихъ въ ихъ заблужденіяхъ (т. е. по мнѣнію
римскаго духовенства). И они называли Сигизмунда Царемъ святымъ,
за то, что онъ вѣрѣ греческой отдавалъ предпочтеніе предъ латин-
ской». Dlugoss. L. XI. p. 555.

(я) Акт. Запад. Росс. Т. 2. N 144.

замысламъ Витовта. 27 октября 1430 г. онъ скончался.

Великій Князь литовскій благосклонно принималъ Фотія, и когда разрушившіяся мечты о вѣнцѣ королевскомъ заставили его распустить прочихъ гостей, Фотій оставался въ Вильнѣ почти до самой кончины Витовта.—Въ Новогродкѣ онъ пмѣлъ случай потомъ видѣться и съ новымъ В. Княземъ литовскимъ, Сви-тригайлomъ, котораго всѣ русскіе желали видѣть своимъ государемъ по расположенію его къ православноѣ вѣрѣ,—и былъ отпущенъ имъ съ честью въ Москву (ѳ).

Вообще, последнее путешествіе Фотія въ Литву могло послужить къ утверженію правъ митрополіи въ тѣхъ краяхъ (v). Но, что еще важнѣе, событія литовскія открывали случай Митрополиту Фотию уяснить Великому Князю Василию Васильевичу правильный взглядъ на предпринимаемое тогда соединеніе Церквей. И если Святитель находилъ нужнымъ писать въ наставленіе русскимъ «объ исхожденіи Духа Святаго» (а), то нѣтъ сомнѣнія, что сношенія между Императоромъ Іоанномъ Палеологомъ и намѣреніе Сигизмунда содѣйствовать своими средствами возстановленію союза церковнаго, въ которомъ должны были участвовать и русскіе, еще болѣе могли

(ѳ) Никонов. Лѣт. V. стр. 96, 97. Обстоятельства послѣдняго сѣзда подробно, но не безпристрастно, раскрываются у Длугоша. L. XI. p. 542 et sequ.

(v) См. Акт. Истор. Т. 1. N 259 и 48.

(а) Акт. Зап. Росс. Т. 1. прим. 32 въ рукописи арміерейскаго ярославскаго дома.

расположить православнаго Архипастыря къ утверженію юнаго Государя московскаго въ древнемъ благовѣрїи. Этимъ можно объяснить обнаруженное Василіемъ Васильевичемъ въ самомъ началѣ несогласіе на просьбу Исидора ѣхать на Соборъ въ Феррару, и потомъ требованіе, чтобы онъ принесъ съ собою древнюю вѣру.

Оставалось найти или указать вѣрнаго блюстителя сего драгоценнаго наслѣдія, и правителя для митрополїи всероссійской. Фотій не предвосхищаль себя права назначить себя преемника, но, пророчески, еще прежде указаль пастыря царствующему граду — въ инокѣ Симонова монастыря *Іонъ* (б).

Наконецъ, срокъ седмичный, данный на приготовленіе къ переходу въ жизнь блаженную, истекъ для Фотія, и 1 іюля 1431 г., въ седьмую седми-десятидневную недѣлю по предсказаніи, онъ преставился (в), оставивъ послѣднее слово своей паствѣ

(б) Прибавлен къ изд. Твор. св. Отцевъ въ русск. перев. Т. IV. о св. Іонѣ, Митрополитѣ кїевскомъ.

(в) Такъ по лѣтописямъ; въ некоторыхъ даже прибавлено: «на память св. Козьмы и Даміана» см. варианты къ Псков. 1 Лѣт. въ полн. собр. лѣт IV, 206. Только въ Степен. кн. ч. 2. стр. 47, полагается кончина Святителя 2 іюля. Въ сказаніи о кончинѣ М. Фотія (Никонов. степен. кн.) замѣчено: «жилъ же по явленіи Божія Ангела едино лѣто и три мѣсяца и двадцать днѣй». Это несправедливо; должно быть: едино лѣто и три мѣсяца безъ двадцати двѣй, что составитъ 435 дн., или 62 нед. и 1 день. Далѣе говорится: «и сице исполнися седмица, по глаголу Ангела Божія, семь седмиць, и по семьдесяти днѣй». Но если полагать время жизни послѣ видѣнія и въ томъ размѣрѣ, какъ показано въ упом. лѣтописи, (365 + 90 + 20 + 475), и тогда объясненіе будетъ не совсѣмъ точно (ибо $7 \times 70 = 490$).

въ своемъ духовномъ завѣщаніи. Здѣсь, кратко изобразивъ свою многоскорбную жизнь, онъ проситъ у всѣхъ, и взаимно самъ даетъ всѣмъ прощеніе, и поручаетъ Домъ Пречистыя Богородицы и весь его стяжанія попеченію Великаго Князя и его матери.— Примѣчательно, что, предавая свое благословеніе Князьямъ, ближайшимъ къ Великому Князю по родственнымъ отношеніямъ, онъ удерживается произнести имя и Юрія Дмитріевича: потому что этотъ Князь, не задолго предъ тѣмъ, расторгъ мирный союзъ съ московскимъ В. Княземъ.—Приминая, въ какомъ состояніи найдено было достояніе митрополіи послѣ Кипріяна, Фотій, обращаясь къ Великому Князю, просилъ его сохранить въ цѣлости все, что ни успѣлъ онъ пріобрѣсти для Церкви въ московскомъ государствѣ, или въ литовскомъ: «Иное,—писалъ онъ,—поручено было отослать въ Константинополь или въ св. гору; но я не успѣлъ того сдѣлать, частию по случаю бывшаго церковнаго раздѣленія, частию по причинѣ земскихъ нестроений; все это благословляю тебя, Великаго Князя, соблести, чтобы никѣмъ не было присвоено; потому что это принесено Богу на очищеніе грѣховъ. А о душѣ моей приказываю имѣть попеченіе и поминать меня тебѣ, сыну моему, Великому Князю. Помни, сынъ мой, Великій Князь, что я породилъ тебя въ купели божественнаго крещенія. И Богъ свидѣтель, сколько потерпѣлъ я болѣзней ради тебя, моего сына (г)».

(г) Завѣщаніе М. Фотія известно въ двухъ видахъ: въ первоначальномъ своемъ видѣ, вѣроятно, переведенное съ греческаго, оно помѣщено въ Сопійск. Врем. изд. Строевымъ ч. 2. стр. 3 и слѣд.

Тѣло блаженнаго Митрополита Фотія было положено въ московскомъ Успенскомъ соборѣ, на правой сторонѣ, подлѣ гроба Святителя Кипріяна, гдѣ и донынѣ почиваетъ въ югозападномъ углу храма.

Нѣкоторые памятники Святителя Фотія получили въ-послѣдствіи особенную важность. Его посланіе во Псковъ, въ которомъ онъ разрѣшаетъ между прочимъ вопросъ о двукратномъ или троекратномъ пѣніи *аллилуіа* (д), еще въ XV в. было приводимо въ доказательство того, что *аллилуіа* должно произносить троекратно; это видимъ изъ посланія неизвѣстнаго лица къ *Аванасію*, ктитору великія *Лавры св. Николы, о трегубной аллилуіа*. Послѣ другихъ доказательствъ въ подтвержденіе троекратнаго пѣнія *аллилуіа*, сочинитель, жившій во Псковѣ, говоритъ: «подобаше ти, отче, послушати, аки самого Христа Киръ Митрополита Кіевскаго, Московскаго и всея Русіи, Фотія, еже и списа намъ въ домъ святыя Троицы и во Псковъ, и воплощеніемъ

Въ передѣланномъ и распространенномъ видѣ издано въ Ник. Лѣт. Ч. V. стр. 100 и слѣд., въ Собр. год. Грам. Т. 2. стр. 18. Позднѣйшія вставки видны здѣсь между-прочимъ и въ томъ, что сохраненіе приобрѣтенаго Фотіемъ поручается не только Василію Васильевичу, но и его дѣтямъ и внукамъ, тогда-какъ самъ В. Князь былъ 15 или 16 лѣтъ, и не былъ еще женатъ. Въ немъ опущены и нѣкоторыя изъ замѣченныхъ нами особенностей сего завѣщанія. Впрочемъ, должно замѣтить, что средняя часть его въ томъ и другомъ видѣ имѣетъ близкое сходство съ завѣщаніемъ Кипріяновымъ, какъ это замѣчено и лѣтописцемъ (Сов. Врем.).

(д) См. выше стр. 38. прим. 2. писано августа въ 1419 г.

Сына Божія въ честивѣй Дѣвствѣ Маріи, паче же, Богородицѣ, своего печатію печатльвѣ (е), присла грамоту, яже и доныцѣ лежитъ во святѣй тронцѣ, въ ней же написано сице: аллилуія, аллилуія, аллилуія, слава Тебѣ, Боже (ж)».

Другой памятникъ Фотіевъ подалъ первый поводъ Патріарху всероссійскому Никону къ исключенію изъ осьмага члена символа вѣры приложеннаго слова: *истиннаго*. Это — саккосъ М. Фотія, досель сохраняющійся въ московской Синодальной ризницѣ, на поляхъ котораго изображенъ греческими письменами символъ вѣры, не имѣющій упомянутаго приложенія. Саккосъ сей замѣчательнъ и тѣмъ, что на немъ вышиты шелкомъ и золотомъ изображенія Императора греческаго Палеолога и супруги его, и также Великаго Князя Василія Дмитріевича и супруги его В. К. Софіи.

(е) Г. е. запечатльвѣ печатію, на которой изображена Божія Матерь съ предвѣчнымъ Младенцемъ въ Ея недрахъ. Такое изображеніе действительно имѣла печать митрополитчя.

(ж) Въ рукоп. Москов. Синод. Библиот. XVI вѣка N 466. л. 260, и въ Макарьевск. Велик. Миневъ четъ м. августа л. 815. О времени сего посланія можно судить по слѣдующему обстоятельству: упоминая о взятіи Константинополя турками, сочинитель говоритъ, что оно случилось «на сихъ лѣтѣхъ».



С Л О В О

КАТОЛИЧЕСКАГО ПРАВОСЛАВІЯ

РИМСКОМУ КАТОЛИЧЕСТВУ.

Болѣ шести столѣтій продолжается печальный разрывъ между христіанскимъ Западомъ и Востокомъ, при взаимныхъ обвиненіяхъ въ причинахъ сего разъединенія, болѣзненного для чувства христіанскаго миролюбія. Я насчитываю только шесть вѣковъ, потому что не могу относить совершеннаго разрыва далѣе завоеванія Царьграда крестоносцами, въ 1204 году; тогда-лишь мечемъ ихъ расторгнуты были послѣднія узы, еще соединявшія Западъ съ Востокомъ, не смотря на догматическія пренія, начавшіяся уже со временъ Папы Николая и Патріарха Фотія, въ IX вѣкѣ. Не разъ и прежде, во времена вселенскихъ Соборовъ, бывали взаимныя охлажденія между обѣими Церквами, и особенно послѣ четвертаго; оно продолжалось до полувѣка; но это не нарушало вселенскаго единства, доколь односторонній взглядъ и притязанія Рима на единодержавіе духовное, поддерживаемыя оружіемъ Запада, не поколебали основанія союза.

Съ тѣхъ поръ и понынѣ истощено было, можно сказать, иное всеоружіе полемики церковной, словесное и письменное, частное и соборное; нѣтъ пользы повторять здѣсь столько уже разъ изложеннаго во многихъ книгахъ, безъ взаимнаго однако убѣжденія, потому что, къ-сожалѣнію, въ преніяхъ такого рода много дѣйствуетъ предубѣжденіе, съ какимъ читатель раскрываетъ книгу. Да позволено будетъ, какъ русскому для русскихъ, въ числѣ послѣднихъ сочиненій по сему предмету, назвать *Правду Вселенской Церкви*, въ которой съ особенною подробностію изложены главные причины разрыва между Паволомъ Николаемъ и Патріархомъ Фотіемъ. Между же новѣйшими писателями иностранными, я долженъ убѣдительно просить каждаго, кого только занимаетъ сей вопросъ, прочесть любопытную книгу бывшаго англиканскаго священника, *Allies*, подѣ заглавіемъ: *Англиканская Церковь, освобожденная отъ нареканій въ расколъ свидѣтельствомъ седми вселенскихъ Соборовъ и св. Отцевъ*; нигдѣ не изложены, съ такою полнотою и ясностію, всѣ свидѣтельства первенствующей вселенской Церкви противъ притязаній римскихъ, какъ въ этой книгѣ.

Хотя авторъ защищалъ, повидимому, свою Церковь, но всѣ его свидѣтельства относятся къ Восточной, потому что англиканская еще не пользовалась значительною извѣстностію въ тѣ времена соборныя, изъ коихъ заимствуетъ онъ свои доказательства, и можно сказать, что его книга есть одна изъ лучшихъ, для защиты правъ вселенскихъ Востока, если только нуждается онъ въ нашей ничтожной защитѣ. Изъ нея заимствую я еще нѣсколько свидѣтельствъ нашей правоты,

въ нѣкоторыхъ важныхъ событіяхъ, обнаруживающихъ истину. Не должно возмущать читающихъ сію книгу то обстоятельство, которое приводятъ въ опроверженіе оной римляне, что авторъ, столько написавшій противъ Рима, самъ невольно къ нему обратился. Дѣйствительно, было сіе обращеніе, но едва ли по убѣжденію въ истинѣ притязаній римскихъ, послѣ всѣхъ непререкаемыхъ доводовъ, которые онъ противъ нихъ соединилъ, изъ сокровищницы св. Отцевъ и правилъ соборныхъ, а вѣроятнѣе, по бѣдственному положенію той Церкви, къ которой самъ принадлежалъ. Въ глазахъ его, какъ и многихъ другихъ, она почти перестала быть Церковію христіанскою, съ тѣхъ поръ какъ опредѣленіемъ своего Примата, Архіепископа кантербурійскаго и другаго Архіепископа іоркскаго, хотя и вопреки мнѣнію Епископа лондонскаго, на свѣтскомъ совѣщаніи съ нѣсколькими лордами, обнародовано было новое положеніе, по возникшему вопросу между однимъ священникомъ и его Епископомъ: *крещеніе омываетъ ли отъ первороднаго грѣха?* Они рѣшили, что можно одинаково проповѣдывать и утвердительное по сему вопросу мнѣніе и противное оному, хотя первое служить основаніемъ всему христіанству. Allies, какъ и многіе другіе, нашель, что лучше принадлежать римской Церкви, даже и при неправильныхъ ея притязаніяхъ, нежели быть внѣ всякой Церкви, потому что архіепископы англиканской Церкви уже не стали защищать основнаго догмата христіанскаго — крещенія. Вотъ одна изъ причинъ чрезвычайнаго успѣха римской пропаганды въ предѣлахъ Англіи, особенно въ последнее время, когда столько знаменитыхъ

ученостию мужей, искавшихъ возбудить древнее православіе въ нѣдрахъ собственной Церкви, внезапно присоединились къ римской; но это не должно останавливать испытующаго истину въ различіи того, что было вынуждено обстоятельствами, отъ тѣхъ свидѣтельствъ, которыя можно почерпнуть въ твореніяхъ самихъ писателей.

Главное искусство, чтобы не сказать, хитрость римская, при состязаніяхъ съ православными, состоитъ въ томъ, чтобы отвлечь ихъ вниманіе отъ практики къ теоріи, отъ непререкаемаго многовѣковаго ряда событій церковныхъ и правилъ соборныхъ, свидѣтельствующихъ въ пользу Востока, но требующихъ изученія, къ той блистательной системѣ единодержавія римскаго, которая возникла уже послѣ разрыва, и ослѣпляетъ взоры неопытныхъ блескомъ мнимаго вселенства. Нѣсколько усѣченныхъ изреченій соборныхъ и отеческихъ, безъ соображенія времени и обстоятельствъ, нѣсколько событій церковныхъ, приводимыхъ и изъясняемыхъ также неправдиво, при невѣжествѣ убѣждаемыхъ, положены въ основаніе сей системы, совершенно противорѣчащей древнему церковному быту. Она развита въ такой полнотѣ, съ помощію ложныхъ декреталій папскихъ, нынѣ уже обличенныхъ, не ранѣе XVI вѣка, кардиналомъ Белларминомъ; и съ тѣхъ поръ сдѣлалась неотъемлемымъ условіемъ папской Церкви, безъ котораго она существовать не можетъ и не пріемлетъ никого въ свое лоно.

Несообразность этой новой системы съ правилами вселенскими состоитъ въ томъ, что она постепенно обратила узаконенное Соборами старѣйшинство или

первенство римской кафедры предъ прочими четырьмя патриаршими престолами въ незаконное и никогда не признаваемое Востокомъ главенство папы надъ всею вселенскою Церковію. Римъ, какъ древняя столица языческаго міра,—къ которой искони привыкла обращаться вселенная, и какъ единственная кафедра епископская, основанная Апостолами на Западъ, тогда-какъ ихъ много было учреждено личнымъ присутвіемъ Апостоловъ на Востокъ,—неволью привлекала западныхъ къ сему средоточію своего единства; патриархъ римскій былъ дѣйствительно ихъ главою, равно-какъ четыре патриарха Восточныхъ, Константинополь, Александрін, Антиохіи и Іерусалима, были главами своихъ церковныхъ областей, определенныхъ Соборами и, по соборнымъ же правиламъ константинопольскій имѣлъ надъ ними преимущество старѣйшинства, какъ архіепископъ новаго Рима и какъ средоточіе собраній церковныхъ въ присутствіи императоровъ.

При этой соборной системѣ управленія церковнаго, неоспоримо продолжавшейся въ теченіе девяти и болѣе вѣковъ, возникла въ-послѣдствіи монархическая система Рима, когда обстоятельства политическія возвысили Западъ надъ страждущимъ Востокомъ, и, на усиленномъ понятіи первенства Петрова между прочими Апостолами, возвысилось господство папское между всеми епископами. Теперь уже рѣчь не о томъ, чтобы папѣ, какъ преемнику Петрову, быть первымъ между равными ему собратіями, чего не можетъ законно отринуть Востокъ, ибо это утверждено правилами вселенскими; нынѣ изъ сего церковнаго порядка образовался на Западъ особый религіоз-

ный догматъ, наравнѣ съ иными догматами христіанской вѣры, и догматъ сей укрѣплялся по мѣрѣ того, какъ распространялась область римская, охватившая силою оружія и восточные престолы, такъ что старшій изъ патріарховъ какбы забылъ о первобытномъ ихъ равенствѣ и даже существованіи. Все около него привыкло къ сей новой системѣ, потому что въ-теченіе многихъ вѣковъ всѣ жизненные жилы, протанутыя къ римскому центру, приучились къ такому кровообращенію и уже не понимаютъ инаго порядка дѣлъ.

Папа изъ преемника Петрова, или лучше сказать, кафедры, основанной обоими верховными Апостолами, — потому что оба и Петръ и Павель, какъ извѣстно по церковной исторіи, еще при жизни своей рукоположили Лина первымъ епископомъ римскимъ, — Папа возвеличилъ себя исключительнымъ титуломъ намѣстника Христова, и этотъ титулъ мы встрѣчаемъ впервые на Соборѣ Флорентинскомъ уже въ XV вѣкѣ. Въ званіи намѣстника Петрова никогда не отказывала ему Церковь Восточная, хотя и называла его болѣе преемникомъ обоихъ Апостоловъ, точно такъ-же какъ всѣ прочіе патріархи и епископы были преемники другихъ Апостоловъ, уступая только первенству Петрову въ дѣлахъ общественныхъ, при важныхъ вопросахъ догматическихъ, или когда потрясаемы бывали расколами пныя кафедры; александрійская же и антиохійская, какъ основанныя также Апостоломъ Петромъ, почитались даже вмѣстѣ съ римскою, по выраженію св. Папы Григорія, тремя кафедрами единого Апостола и потому равными между собою по достоинству.

Достойно вниманія то обстоятельство, едва ли досель замѣченное, что если бы старѣйшинство патріаршихъ епархій основано было единственно на достоинствѣ верховнаго Апостола, а не на важности самыхъ городовъ, то антиохійская имѣла бы преимущество предъ александрійскою, потому что въ Антиохіи 7 лѣтъ пребывалъ самъ Апостоль Петръ, а въ Александрію только послалъ ученика своего Евангелиста Марка. На основаніи преимущества одного города надъ другимъ, и Константинополь, когда сдѣлался столицею, т. е. Новымъ Римомъ, поставленъ былъ Соборами выше Александріи и Антиохіи, и ему досель сохранилась степень сія даже у римлянъ.

Нѣтъ сомнѣній, что папа можетъ называться у себя намѣстникомъ не только Петровымъ, но и Христовымъ, въ томъ однакоже смыслѣ, въ какомъ каждый изъ епископовъ имѣетъ право на такое титуло, какъ представитель Апостольской Церкви; но высокое титуло сіе не можетъ принадлежать исключительно одному папѣ съ уничтоженіемъ прочихъ, равно-какъ и титулъ вселенскаго архіерея, въ томъ смыслѣ, какъ его разумѣютъ римляне, потому что иначе всѣ прочіе потеряютъ свое достоинство, по выраженію того-же Великаго Григорія, и если одинъ вселенскій поколеблется въ вѣрѣ, то вся Церковь не устоитъ; оттого такъ сильно и вооружился Востокъ противъ сего нововведеннаго догмата флорентинскаго.

Любопытно видѣть, до какой степени однако, на основаніи одного незаконнаго титула, исказилось римлянами вселенское признаніе первенства ихъ епископа: уже онъ не только старѣйшій между братьями,

но и глава, и не въ значеніи преемника верховнаго Апостола, но уже намѣстника самого Христа; отъ него единственно и чрезъ него лишь истекаетъ благодать священства всѣмъ епископамъ, и безъ него никто не можетъ быть утвержденъ, ибо каждый получаетъ степень свою только по милости апостольской кathedры Рима. Всѣ епископы вкупѣ не равняются достоинствомъ единому папѣ, который всѣхъ превозмогаетъ своимъ саномъ и даже господствуетъ надъ вселенскимъ Соборомъ, какъ единый непогрѣшительный, по мнѣнію ультрамонтанъ, т. е. самыхъ пламенныхъ ревнителей Рима, имѣющихъ большой перевѣсъ надъ искателями вольностей галликанскихъ. Одинъ папа имѣетъ верховное право вязать и рѣшить, по власти ключей, обѣщанныхъ Апостолу Петру прежде другихъ, хотя власть сія была дарована Господомъ, по воскресеніи, всѣмъ Апостоламъ вкупѣ, безъ особаго какого-либо преимущества Петрова, когда дунувъ на всѣхъ всѣмъ равно сказалъ: «пріимите Духъ Святъ, имже отпустите грѣхи, отпустятся имъ: и имже держите, держатся». Хотя лучший изъ богослововъ западныхъ, Блаженный Августинъ, прямо говоритъ: «что Апостоль Петръ представлялъ собою лице всея Церкви, ибо не одинъ человекъ, а все единство Церкви воспріяло ключи сн;» не смотря однако на столь ясныя выраженія, Римляне, въ подкрѣпленіе единодержавія папскаго, утверждаютъ, что кто не признаетъ папу главою Церкви и внѣ его общенія, тотъ уже чрезъ сіе самое отсѣченъ отъ общенія Христова и находится внѣ спасительнаго ковчега Церкви.

Не стану приводить опять, какъ—въ «Правдѣ Все-

ленской Церкви,» постепенныя свидѣтельства историческія, св. Отцевъ и Соборовъ, противъ сего догмата и новаго церковнаго порядка, который, по словамъ западнаго историка Флери, исказилъ древнее основаніе и ввелъ никогда не вѣдомыя въ древности начала (а). Приведу однако нѣсколько разительныхъ примѣровъ древняго быта Церкви и правилъ соборныхъ, чтобы ясно было, какъ могла существовать Церковь вселенская и какъ донынѣ существуетъ православная, безъ сихъ нововведеній, никогда не полагаемыхъ ей въ необходимое основаніе.

Гдѣ лучше, если не на вселенскихъ Соборахъ, сихъ зеркалахъ православія, могло явиться во всей своей полнотѣ каѳолическое управленіе Вселенской Церкви, при такихъ условіяхъ, которыя не должны были измѣниться въ послѣдующихъ вѣкахъ?—Посему, вкратцѣ изложу сіи основныя положенія, начиная съ перваго Никейскаго Собора, на которомъ предсѣдательствовала Великій Осія Епископъ кордовскій, а не легаты папскіе, какъ это желали доказать впоследствии римляне ложными соборными актами Геласія.

Мы читаемъ въ 6-мъ правилѣ Никейскаго Собора: «да хранятся древніе обычаи, принятые въ Египтъ, Ливію и Пентаполь, дабы александрійскій епископъ имѣлъ власть надъ всѣми сими, понеже и римскому сіе обычно; подобно и въ Антиохіи и въ иныхъ областяхъ да соблюдаются преимущества Церквей». Когда же, на четвертомъ вселенскомъ Соборѣ въ Халкидонѣ, легаты папскіе, основываясь на чтеніяхъ рим-

(a) Fleuri disc. sur. l. Hist. de la Egl. XI--XIII. S.

скихъ, хотѣли такимъ образомъ исказить сіе правило: «римская Церковь всегда да имѣеть первенство», чего нѣтъ въ никейскихъ; то неправильность такого чтенія была обличена подлинникомъ.

То-же случилось нѣсколько ранѣе и въ африканской Церкви, когда Папа Келестинъ, поддерживая требованіе своего предмѣстника Зосимы, хотѣлъ, чтобы помѣстное правило западнаго сардикійскаго Собора о обращеніи въ нѣкоторыхъ важныхъ случаяхъ къ кафедрѣ Апостола Петра, было принято вмѣсто вселенскихъ никейскихъ правилъ. Многочисленный Соборъ карфагенскій отвѣчалъ Папѣ: «что присланные прежде изъ Рима, какбы постановленія никейскаго Собора, никакъ не могли обрѣсти въ вѣрнѣйшихъ его спискахъ, доставленныхъ изъ Александріи и Константинополя», и къ сему Соборъ присовокупилъ: «Отцы судили, что ни для единыя области не оскудѣваетъ благодать Св. Духа, чрезъ которую правда, іерееми Христовыми, зрится разумно и содержитсяъ твердо, и иначе, когда каждому, если настонтъ сомнѣніе о справедливости рѣшенія ближайшихъ судей, позволено приступать къ Соборамъ своей области, и даже ко вселенскому Собору. Развѣ есть кто-либо, который бы повѣрилъ, что Богъ нашъ можетъ единому токмо нѣкому вдохнуть правоту суда, а безчисленнымъ іереямъ, сошедшимся на Соборъ, откажетъ въ ономъ? О томъ, чтобы нѣкіе, акйбы отъ ребра твоея святыни, были посылаемы, не обрѣтаемъ опредѣленія единаго Собора Отцевъ:— да не явимся мы вносящими дымное надмѣніе міра въ Церковь Христову, которая желающимъ зрѣть Бога приносить свѣтъ простоты и день смиренномудрія». (Книга правилъ, страница 173.). Замѣ-

чательны такія рѣчи не восточныхъ, а западныхъ епископовъ, къ первенствующей каедрѣ.

Изъ дѣйствій и правилъ втораго Вселенскаго Собора, — созваннаго въ Константинополѣ въ 381 году Императоромъ Θεодосіемъ, на которомъ присутствовали всѣ величайшіе свѣтильники Востока, какъ то: св. Мелетій антиохійскій, св. Григорій Богословъ, св. Григорій нисскій, братъ великаго Василя, и другъ его св. Амфилохій и св. Кирилль іерусалимскій, — вотъ какія замѣчательныя свидѣтельства выводитъ ученый Allies, о книгѣ коего мы упоминали выше:

1, Соборъ сей созванъ Императоромъ, безъ согласія Папы и присутствія его легатовъ, или кого-либо изъ западныхъ епископовъ.

2, На ономъ предсѣдательствовалъ св. Мелетій антиохійскій, который не былъ въ общеніи съ Римомъ, хотя и почитался православнымъ, потому что Папы законнымъ епископомъ Антиохіи признавали соперника Мелетіева Павлина.

3, Послѣ кончины Мелетія Соборъ предпочелъ избрать ему въ преемники св. Флавіана, вмѣсто того, чтобы утвердить Павлина, не смотря на то, что онъ былъ признаваемъ въ Римѣ, какъ единственный законный Епископъ Антиохіи.

4, Соборъ сей, хотя весь состоявшій изъ однихъ восточныхъ, властію своею присокупилъ многіе члены къ символу никейскому для его объясненія, и съ тѣхъ поръ символъ сей сдѣлался свидѣтельствомъ вѣры всей каеолической Церкви и знаменіемъ союза Запада съ Востокомъ, доколь не былъ нарушенъ первымъ.

5, Не только издалъ онъ правила внутренняго управленія Церкви, чрезъ областные Соборы, но измѣнилъ самую постепенность іерархическую того времени, давъ преимущество константинопольскому престолу надъ александрійскимъ и антиохійскимъ.

6, Соборъ сей признанъ однако вселенскимъ на Западъ какъ и на Востокъ; бывший въ послѣдующемъ году въ Римѣ, какбы въ противодѣйствіе ему, исчезъ со всеми своими актами, а константинопольскій, не смотря на жалобы италійскихъ епископовъ, принять былъ въ Римѣ.

Такимъ образомъ, правила, которыми руководствуется цѣлый Востокъ, могли имѣть силу безъ власти папской, и даже символъ его признанъ вселенскимъ. Если сравнить столь важныя событія и свидетельства съ притязаніями римскими: будто бы единый папа есть источникъ всякаго суда епископскаго и корень ихъ власти, какъ намѣстникъ Христовъ на землѣ, то сколько изоблится въ нихъ разногласія съ дѣйствительными канонами вселенскими? Сопротивленіе африканской Церкви, о которомъ выше упоминали, ни что въ сравненіи съ сими рѣшительными и самобытными дѣйствіями цѣлаго Востока наперекоръ владычества римскаго. Какимъ образомъ согласить съ новѣйшимъ ученіемъ Рима, будто въ его общеніи нѣтъ спасенія, и то важное обстоятельство, что, находившійся въ онаго, св. Мелетій, не только председательствовалъ на Соборѣ вселенскомъ, дополнившемъ символъ вѣры, но и причтенъ къ лику святыхъ равно Западомъ и Востокомъ? Или это исключеніе изъ правилъ общихъ? Но такихъ случаевъ много.

На третьемъ вселенскомъ Соборѣ, въ Ефесѣ, председательствовалъ св. Кирилль александрійскій, котораго римляне хотять умалить титуломъ мѣстоблюстителя папскаго, не винкая въ ясность актовъ соборныхъ, и правилами сего Собора положена также рѣшительная преграда всякому властолюбію: «ниединый епископъ да не дерзаетъ вторгаться въ чуждую епархію, дабы подѣвидомъ священнодѣйствія не вкрасась надменность мірской власти и не утратилась мало помалу и непримѣтно та свобода, которую даровалъ намъ кровію Своею нашъ Искупитель». Соборъ, употребляя такія выраженія, какъ-будто предвидѣлъ, что это случится на Западѣ, *мало помалу и непримѣтно*, и въ томъ же духѣ предвѣднія оградилъ самый символъ вѣры отъ грядущихъ приложений западныхъ, строго воспретивъ что-либо въ немъ прибавлять или сокращать. На этомъ Соборѣ однако единодушно взывали всѣ Отцы, видя согласіе мнѣній Папы Келестина съ Патріархомъ Кирилломъ: «Келестинъ, новый Павелъ! Кирилль, новый Павелъ! Одинъ Келестинъ! Одинъ Кирилль! Едина вѣра соборная, едина вѣра вселенная!» Такъ и на четвертомъ халкидонскомъ Соборѣ, прочитавъ православное изложеніе вѣры св. Папы Льва Великаго, сходное съ ученіемъ св. Кирилла, Отцы взывали: «Петръ говорилъ устами Льва! Такъ учили Апостолы! Кирилль училъ такъ-же! Вѣчная память Кириллу! Левъ и Кирилль учили одинаково! Сія вѣра Отцевъ!»—Таково было единогласіе равенства Запада съ Востокомъ, и мѣриломъ православія обоихъ былъ св. Кирилль александрійскій.

Достойно вниманія, что на Востокъ досель соблюдается іерархическій порядокъ, установленный прави-

лами сихъ двухъ Соборовъ, какъ-будто они намъ современны. Такимъ образомъ, небольшой островъ Кипръ, имѣющій одного архіепископа съ тремя подчиненными ему епископами и освобожденный тогда отъ зависимости антиохійскаго престола, досель пребываетъ самобытнымъ, хотя другой не меньшій его островъ Критъ и смѣжная Кипру Анатолія подчинены патріарху константинопольскому.

Соборъ халкидонскій сказалъ: «если епископъ или клирикъ имѣетъ неудовольствіе на митрополита своей области, да обращается къ экзарху великія области, или къ престолу царствующаго Константинополя и предъ нимъ да судится». Такъ это и понынѣ. Тотъ же Соборъ сказалъ: «Во всемъ послѣдую опредѣленію св. Отець, постановляемъ о преимуществахъ святѣйшей Церкви Константинополя, новаго Рима, ибо престолу ветхаго Рима Отцы прилично дали преимущество, поелику это былъ царствующій градъ. Слѣдую тому же побужденію и 150 боголюбивыхъ епископовъ предоставили равныя преимущества святейшему престолу новаго Рима, правильно разсудивъ, что градъ, получившій почестъ быть градомъ царя и синклита, и имѣющій равныя преимущества съ ветхимъ царственнымъ Римомъ, и въ церковныхъ дѣлахъ возвеличенъ будетъ подобно ему и будетъ второй понемъ». Не ужели 630 св. Отець, изрекшихъ сіе 28-е правило на вселенскомъ Соборѣ Халкидона, не разумѣли, что они говорили, и въ чемъ состоитъ особенное апостольское преимущество ветхаго Рима предъ новымъ?—Потому собственно, что они разумѣли, правило сіе и утвердилось соборно, не смотря на сопротивленіе римскихъ легатовъ и самого Папы Льва Великаго,

который впрочемъ не о томъ спорилъ, какъ дерзнули уравнивать новый Римъ съ ветхимъ, но для чего поставили его выше древнѣйшихъ престоловъ Александріи и Антиохіи.

Недолжно однако оставлять безъ вниманія, что если гдѣ либо, то, конечно, на Соборъ халкидонскомъ, болѣе нежели прежде и послѣ, возвеличено было лице римскаго первосвятителя, какъ по личнымъ достоинствамъ св. Льва, такъ и по обстоятельствамъ Востока, потому что святители прочихъ патріаршихъ престоловъ находились въ неблагопріятномъ положеніи: Діоскоръ александрійскій судимъ и низложенъ былъ на Соборъ какъ еретикъ; Анатолій константинопольскій былъ имъ рукоположенъ намѣсто св. Флавіяна, убіеннаго врагами православія, и самъ рукоположилъ Патріарха антиохійскаго Максима, а Іувеналій іерусалимскій вначалѣ благопріятствовалъ Діоскору. Слѣдственно, весьма естественно, что легаты римскіе имѣли болѣе значенія, нежели прочіе епископы, которые смиренно выражались предъ великимъ защитникомъ православія Львомъ, написавъ даже въ соборномъ къ нему посланіи: «что въ лицѣ своихъ мѣстоблюстителей онъ ихъ руководилъ, какъ глава—члены; однако, не смотря на то, вопреки ему утвердили равное старѣйшинство почести каедры константинопольской. Но если возвеличился епископъ римскій, по обстоятельствамъ времени на Соборъ халкидонскомъ, —нигдѣ такъ не умалилось лице его, какъ на пятомъ вселенскомъ Соборѣ, и потому не любятъ вспоминать о немъ римляне.

Если дѣйствительно справедливо, что никакой Соборъ не можетъ быть созванъ безъ согласія папы

и если есть какое-либо основаніе въ словахъ новѣйшаго защитника папства графа Местра: «что такого рода предложенія, т. е. будто епископы, отдѣльно отъ папы и съ нимъ несогласные, могутъ быть на Соборъ свѣше его, есть совершенное безразсудство», то какъ согласить съ этимъ дѣйствіемъ сего пятаго Собора? Императоръ Іустиніанъ созываетъ его вопреки воли Папы, который, держась мнѣнія, осуждаемаго на этомъ Соборѣ, запретилъ даже разсуждать о немъ, и не смотря на то, не только самъ заочно, хотя и безъ имени, осуждается Отцами соборными, какъ нарушающій общее согласіе, но вынужденъ даже въ-послѣдствіи согласиться съ ихъ мнѣніемъ и покаяться въ томъ письменно, что чуждался братьевъ своихъ по недостатку любви. Не должно ли сознаться и римлянамъ, что одно только совершенное незнаніе дѣяній соборныхъ можетъ приводить къ подобнымъ заключеніямъ такого рода ревнителей, какъ графъ Местръ и другіе?

На шестомъ вселенскомъ Соборѣ, какбы для облпченія позднѣйшаго само мнѣнія римлянъ, о непогрѣшимости ихъ апостольской кафедрѣ, уже не только негласно, но и гласно осуждается Папа Онорій, хотя давно умершій, за покровительство ереси монофелитовъ, вмѣстѣ съ прочими ересеначальниками, и о томъ извѣщенъ одинъ изъ его преемниковъ второй Левъ, который долженъ былъ подписать такой приговоръ. Въ правилахъ, причисляемыхъ къ дѣяніямъ сего Собора, осуждаются нѣкоторые обычаи римскіе: безбрачіе священниковъ и постъ въ субботу, съ угрозою даже отлученія за послѣднее, и хотя римляне не пріемлютъ сихъ правилъ,

но они всегда служили руководствомъ для Востока; итакъ, нѣтъ необходимости въ утвержденіи папскомъ, для соборныхъ правилъ, признаваемыхъ вселенскими. Легаты Папы Агафона дѣйствовали съ большимъ смреніемъ, нежели легаты Льва Великаго, и хотя Соборъ оказалъ ему такое уваженіе, что позволилъ осужденному за ересь Патріарху антиохійскому обратиться еще къ его суду, но Папа въ грамотахъ соборныхъ назывался только первопрестольникомъ, а прочіе патріархи ему сопрестольными, и самъ онъ подписывался не вселенскимъ архіереемъ, а только епископомъ кооплческой Церкви города Рима, т. е. части, а не цѣлаго: онъ называлъ себя, въ грамотъ къ Царю, наравнѣ съ прочими убогими предстателями Церкви Христовой, въ западныхъ и сѣверныхъ предѣлахъ обрѣтающимися, рабомъ христіантѣйшей его державы. — Какъ это далеко отъ превозношенія Папы Григорія VII, предъ коимъ рабоблществовали императоры!

Былъ однако, на грани шестаго и седьмаго вѣка, между пятымъ и шестымъ вселенскими Соборами, одинъ Первосвятитель римскій сего имени, святой и Великій Григорій, никакъ не менѣе своихъ предшественниковъ и преемниковъ проникнутый достоинствомъ своей каедры, но только духовно, и который можетъ потому служить образцемъ церковнаго управленія, не только своего времени, но и для послѣдующихъ вѣковъ. Въ дѣлахъ гражданскихъ смирался онъ, не только предъ властію законнаго Императора Маврикія, но даже и предъ хищникомъ его престола Фокою, какъ предержащею властію; въ дѣлахъ же духовныхъ онъ такъ судилъ о важности апостоль-

ской кафедры Петровой, что властно ея осуждалъ неправильныя рѣшенія прочихъ, ибо по его мнѣнiю соблазнъ, содѣланный хотябы однимъ изъ патриарховъ, не можетъ быть пропущенъ безъ вниманiя, и въ случаѣ какой-либо погрѣшности нѣтъ епископа, который бы не подлежалъ его влiянiю; но когда нѣтъ вины, — всѣ епископы, не исключая и римскаго, равны между собою по духу смиренiя. Такъ нѣкогда и Великiй Аванасiй безразлично заботился о всѣхъ Церквахъ вселенной, когда дѣло шло о ереси, и другой великiй поборникъ православiя, Василiй, говорилъ, что на Аванасiя лежитъ забота о всѣхъ Церквахъ.

Однако Григорiй, истинно святой и великiй, не воспринималъ на себя титула вселенскаго архiерея, а напротивъ, вотъ что писалъ въ обличенiе своему константинопольскому собрату, который пожелалъ сего титула:

«Размысли, что твоею безразсудною надменностию возмущается миръ церковный (что и случилось, когда возвеличился римскiй); возлюби всѣмъ сердцемъ твоимъ смиренiе, которымъ можетъ сохраниться согласiе всѣхъ братiй и единство святой вселенской Церкви. Когда Апостоль Павелъ услышалъ нѣкоторыхъ говорящихъ: «я Павловъ, я Аполлосовъ, а я Кифинъ», — ужаснулся онъ такого разтерзанiя тѣла Господня, члены коего прилагались чуждымъ главамъ; и воскликнулъ: «развѣ Павелъ распялся за васъ, или во имя Павлово вы крестились»? Такъ избѣгалъ онъ, внѣ Христа, подчинять члены тѣла Господня въ частности даже самимъ Апостоламъ. Чтò скажешь Христу т. е., вселенской главѣ Церкви, на испытанiи послѣдняго суда, ты, который названi-

емъ вселенскаго стараешься подчинить себѣ всѣ Его члены? Кто въ этомъ, столь развращенномъ, названіи предлагается подражанію, кромѣ того, который, презрѣвши легионы Ангеловъ, въ союзъ съ нимъ поставленныхъ, домогался вознестись на верхъ единства, чтобы не подлежать никому и чтобы одному казаться выше всѣхъ?» (Какое страшное обличеніе Риму!)

«Понстинъ, Петръ Апостоль есть первый членъ святой и вселенской Церкви; Павелъ же, Андрей, Іоаннъ, что другое, какъ не главы частныхъ народовъ? И однакоже, подъ единою Главою суть всѣ члены Церкви; и чтобы вкратцѣ выразиться: святые до закона, святые подъ закономъ, святые подъ благодатию, всѣ они, воспоминающіе собою тѣло Господне, причисляются къ членамъ Церкви, и никто изъ нихъ никогда не хотѣлъ именоваться вселенскимъ. (Вотъ истинное ученіе Церкви!) И вотъ, отъ сего неистоваго и надменнаго титла раздѣляется Церковь, и сердца всѣхъ братій смущаются сблзномъ! Можно присовокупить къ сему слова Великаго Григорія: «пишу сіе не противъ васъ, но за васъ, ибо никого не могу предпочесть заповѣдямъ евангельскимъ и правиламъ церковнымъ» (б).

Не къ одному константинопольскому патріарху, но и ко всѣмъ писалъ въ томъ же духѣ великій Папа, внушая имъ, что если одинъ изъ патріарховъ назовется вселенскимъ, то всѣхъ прочихъ уничтожится званіе. «Могу ли не сокрушаться, видя, что нѣкогда смиренный братъ нашъ до того превознесся, что покушается присвоить себѣ власть и тѣхъ, которые

(б) Письмо 38. кн. IV.

соединены съ одною главою, т. е. со Христомъ, всѣхъ Его членовъ хочетъ подчинить себѣ, превозношеніемъ гордаго титла? Если дозволятъ ему употреблять такой титулъ, то всѣ патріархи лишатся своего достоинства, и когда именующійся вселенскимъ епископомъ впадетъ въ заблужденіе, то уже не найдется болѣе епископа, стоящаго въ правдѣ. Итакъ умоляю васъ соблюсти ваши Церкви, какими вы ихъ пріяли; охраните отъ сей порчи подвластныхъ вамъ епископовъ и покажите имъ, что вы вонистину патріархи вселенской Церкви».

И къ Императору Маврикію писалъ онъ, «что есть вещи суетныя, хотя и безвредныя, другія же крайне вредны: когда грядущій антихристъ назоветъ себя богомъ, это будетъ суетно, но вмѣстѣ и крайне пагубно. Я же смѣло говорю, что если кто себя называетъ или желаетъ назвать вселенскимъ святителемъ, тотъ возношеніемъ своимъ предшествуетъ антихристу, ибо надменно представляетъ себя прочимъ». А къ Патріарху александрійскому Евлогію на его прѣвѣтственное письмо отвѣтствовалъ: «Хотя многіе суть Апостолы, ради самого старѣйшинства, одна только кафедра верховнаго Апостола превозмогаетъ важностію своею, которая въ трехъ мѣстахъ одному принадлежитъ: ибо онъ самъ возвелъ престолъ, на коемъ упокоился и окончилъ временную жизнь; онъ самъ украсилъ престолъ, на который послалъ своего ученика, Евангелиста, и самъ же утвердилъ престолъ, на коемъ сперва возсѣдалъ 7 лѣтъ. Итакъ, если единаго и одинъ есть престолъ, на коемъ нынѣ, по Божественной власти, предсѣдять три епископа: то я вмѣняю

себѣ то, что о васъ слышу добраго, а что обо мнѣ добраго пріемлете, то своимъ заслугамъ вмѣняйте, ибо мы едины въ Томъ, Кто сказалъ: «чтобы все были едино, какъ Отецъ во Мнѣ, и Я въ Отцѣ, такъ и все въ насъ да будутъ едино» (Іоан. XVII.).

Если бы все сіи свидетельства встречались въ писаніи какого-либо древняго Отца, который бы почитался противникомъ владычества римскаго; если бы они принадлежали кому-либо изъ патріарховъ константинопольскихъ, защищавшихъ свои права: и тогда подобныя выраженія имѣли бы силу, не какъ мнѣнія частныя одного человѣка, а какъ свидетельства тогдашняго быта. Не должно ли же теперь вполне оцѣнить всю ихъ важность и ту вѣру, которую они заслуживаютъ, когда мы ихъ безпрестанно встречаемъ изложенными безъ всякаго принужденія въ формальныхъ грамотахъ Папы къ Императору и Патріархамъ, и такого Папы, который былъ самый твердый ревнитель правъ старѣйшинства своей кафедры? Если еще присоединить къ тому, что они подкрѣплены событіями историческими, опредѣленіями соборными и свидетельствами Отцевъ изъ всехъ частей свѣта, въ-продолженіе первыхъ самыхъ свѣтлыхъ вѣковъ существованія Церкви; то можно ли послѣ сего поколебать ихъ какими-либо новѣйшими вымыслами?

Мы видимъ и на седьмомъ вселенскомъ Соборѣ и на двухъ послѣдующихъ, хотя они не признаны таковыми во дни Фотія Патріарха, когда въ послѣдній разъ сходились единодушно Западъ съ Востокомъ, то-же соборное уложеніе Церкви. — Св. Тарасій Патріархъ константинопольскій, а не легаты римскіе предсѣдательствовали на седьмомъ, и дѣянія ложнаго

соборница, бывшаго при Копронимѣ, отвергнуты были потому, что не имѣлъ онъ соучастниками ни Папы римскаго, или его мѣстоблюстителей, ни восточныхъ Патріарховъ, какъ это требовалось для правильнаго вселенскаго Собора; тогда же были подтверждены всѣ древніе уставы Церкви и самый символъ вѣры, какбы по предчувствію, что скоро они измѣнятся на Западѣ. Соборное управленіе Церкви столь же ясно было выражено и на Соборѣ константинопольскомъ противъ Фотія. Въ присутствіи легатовъ римскихъ, Императоръ Василій Македонскій сказалъ въ обличеніе неправильныхъ соборницъ: «всему міру подѣ солнцемъ вѣдомо, что по благодати истиннаго Бога, пять патріарховъ во вселенной содержатъ правду и не могутъ нарушить вѣры; слѣдственно, что разсуждено ими, должно быть принято». Это царское и соборное изъявленіе тѣмъ замѣчательнѣе, что тогда уже три восточныхъ патріарха, Александрій, Антиохій и Іерусалима, какъ и теперь были подѣ властію сарацыновъ и до того умалены, что едва могли послать своихъ представителей на Соборъ.

Отчего же этотъ церковный порядокъ соборнаго управленія пяти патріаршихъ престоловъ, цѣло существовавшій въ исходѣ IX вѣка, при тѣхъ же условіяхъ ига сарацынскаго, не могъ продолжаться далѣе? — Оттого, что соперникъ Патріарха Фотія, Папа Николай, первый (говоря словами искавшаго похвалить его іезуита Маннсбурга) вознесъ власть первосвятительскую гораздо выше, нежели когда либо она была, въ отношеніи Императоровъ и Королей, патріарховъ и епископовъ, обращаясь съ ними,

когда полагалъ въ чемъ-либо право своего престола, гораздо круче, нежели кто изъ его предшественниковъ (в). Посему и должны были ему воспротивиться Патріархъ Фотій и его преемники. Папа дѣйствовалъ такъ, на основаніи ложныхъ декреталій древнихъ будто бы папъ, около его времени появившихся, о которыхъ отзывается самъ историкъ западный Флёрн: « что они нарушили, безпрестанными апелляціями къ римскому престолу, древнія права митрополитовъ и помѣстныхъ Соборовъ, даже на Западъ; но сколько ни былъ грубъ такой подлогъ, онъ ввелъ однако въ заблужденіе, въ-продолженіе осьми сотъ лѣтъ, всю Церковь латинскую».

Другою причиною нарушенія соборнаго порядка было то, что въ-теченіи полутора ста лѣтъ, т. е. весь X вѣкъ и половина XI, Церковь римская страдала такимъ безначаліемъ и безчиніемъ своихъ епископовъ къ соблазну всего христіанскаго міра, что, можно сказать, въ это время она отдѣлилась, во мракъ внутренняго своего неустройства, отъ общенія въ восточными Церквами; когда же (въ исходъ XI вѣка) ревностный Папа Григорій VII сильною рукою началъ очищать около себя все церковныя безпорядки, — онъ соорудилъ, посреди западнаго своего одиночества, новую готическую систему для римской Церкви, на основаніи ложныхъ декреталій, которую преемники его хотѣли канонически навязать на умаленный бѣдствіями Востокъ. Это довершилъ, съ полною увѣренностію въ своей правотѣ, Папа Иннокентій

(в) Стр. 23. Schism. des Grecs.

третій (въ началѣ XIII вѣка), оружіемъ крестоносцевъ, завоевавшихъ Царьградъ. Въ то время, совершенно вопреки каноновъ, назначены были Папою латинскіе патріархи, при существованіи восточныхъ, на ихъ каѳедры, и послѣ изгнанія крестоносцевъ продолжаютъ въ качествѣ титулярныхъ; изъ сего образовалась новая полная система единой державы римскаго, гдѣ всѣ степени церковныя были уравнины подѣ владычествомъ папскимъ.

По сей причинѣ, когда чрезъ пять столетій сошлись опять восточные святители съ западными на Флорентинскомъ Соборѣ, первые изумились той чрезвычайной перемены, которая совершилась въ продолженіе этого времени, во внутреннемъ быту западной Церкви; и какъ было не изумиться, когда, вмѣсто братскаго цѣлованія, Папа требовалъ отъ Патріарха константинопольскаго и его Епископовъ цѣлованія своей ноги и признанія себя намѣстникомъ Христовымъ и архіерсемъ вселенныя. Догматъ о происхожденіи Св. Духа и отъ Сына, о которомъ еще Папа Іоаннъ VIII такъ смиренно писалъ Патріарху Фотію, проси его имѣть снисхожденіе къ сему вкравшемуся приложенію въ Символъ, уже торжественно защищали на Соборѣ и едва не навязали его восточнымъ, вопреки всемъ канонамъ, вмѣстѣ съ господствомъ Папы; ибо времена были тяжкія, и самъ Императоръ, какъ сказано даже въ латинскомъ описаніи Собора (Concilium T. 32. p. 383.), убѣждалъ своихъ епископовъ «подумать о средствахъ соединенія, во избѣжаніе гоненія горчайшаго, нежели какое было при Діоклітіанѣ». Поздно сожалѣли они, что увлеклись лестными предложеніями Папы Евгенія

и не послѣдовали другому, болѣе искреннему приглашенію Императора германскаго на Соборъ Базельскій, который дѣйствовалъ независимо отъ Папы и даже противъ его; тогда, быть можетъ, правильнѣе совершился бы на ономъ союзъ церковный, если бы Патріархи восточные присоединили важность своихъ кафедръ къ сему многочисленному собранію западныхъ, въ присутствіи обоихъ Императоровъ. Быть можетъ, и расколъ протестантскій, отторгшій такое множество чадъ римской Церкви, тогда бы не совершился, потому что получено было бы соборное удовлетвореніе противъ всѣхъ безпорядковъ, на которые столь давно жаловался Западъ и ради коихъ соединялись Соборы Пизы, Констанціи и Базеля, при семидесятилѣтнемъ раздѣленіи кафедры папской на три. Востокъ могъ бы лучше умиротворить, чистотою своихъ канонівъ, то, что повредилось на Западѣ, отъ примѣси ложныхъ декреталій папскихъ; на послѣднемъ же Соборѣ Тридентскомъ противъ протестантовъ, который почитается теперь основаніемъ римской догматики, совершенно восторжествовало преобладаніе римское, и Папа Пій V подписался на ономъ какъ епископъ всея католическія Церкви.

Съ тѣхъ поръ римляне, не вникая въ сущность основныхъ правль Востока, усиливаются навязать свое неправильное главенство восточнымъ, которые держатся соборнаго уложенія, римляне никакъ не хотятъ разсудить, что это два совершенно противоположные типа; одинъ до того слился и сроднился съ единодержавіемъ папскимъ, что если отнять у него это главенство, то рушится все зданіе его единства; другой же, въ теченіи еще большихъ вѣковъ

нежели первый, ибо слѣдуетъ начальному порядку, соборно соединивша во единое тѣло, при нѣсколькихъ патріархахъ и самобытныхъ синодахъ, и не можетъ вмѣстить въ себя такого главенства, которое бы разрушило всю его соборную систему. Римляне, превозносящіеся своимъ многолюдствомъ и старѣйшинствомъ своей апостольской кафедрѣ, думаютъ исключить изъ кафоличества вселенской Церкви весь Востокъ, потому что уступаетъ имъ, болѣе нежели на половину, числомъ своихъ христіанъ. Они забываютъ однако, что если у нихъ одна только апостольская кафедра, Петра и Павла, которая потому такъ и превознеслась на Западъ: то на Востокъ есть двѣ Петровыхъ по словамъ великаго Папы Григорія, въ Антиохіи и Александріи, и сколько Павловыхъ по всей Греціи и Азіи, не считая другихъ Апостольскихъ. Они забываютъ, что самый языкъ, на которомъ совершается богослуженіе восточное, есть подлинный языкъ Евангелій и Посланій, ибо и свѣтъ Христовъ, слѣдуя порядку естественному, съ Востока пролился на Западъ, и если упрекаютъ патріаршія кафедры въ разрывъ съ старѣйшею римскою, то не могутъ уличить ихъ ни въ одномъ заблужденіи догматическомъ, даже сознаются, что на Востокъ сохранились все обряды первыхъ вѣковъ, которые у нихъ подверглись измѣненіямъ. Что касается до многолюдства, то ветхозавѣтный примѣръ колѣнъ Іудова и Веніаминова, сохранившихъ чистую вѣру отцевъ, когда отпали прочія десять израилевыхъ, не будетъ въ пользу бѣльшаго числа.

Пусть римляне величаются Тридентскимъ и прежде него бывшими Соборами, какъ вселенскими, хотя

не участвовали на оныхъ дѣйствительные патріархи Востока. Сіи послѣдніе скромнѣе себя держатъ и хотя часто собираются во едино и приемятъ въ союзъ весь обширный Сѣверъ, не называютъ однако своихъ Соборовъ вселенскими, не отказываясь впрочемъ отъ утѣшительнаго титула каѳолическихъ и апостольскихъ. Но имъ исключительно и неотъемлемо предъ всеми другими принадлежитъ титуло православныхъ, которыми они справедливо украшаются, потому что сохранили во всей чистотѣ всѣ догматы и каноны первенствующей Церкви, сквозь бурю многовѣковыхъ бѣдствій.

Разсмотримъ теперь безпристрастно, хотя и бѣглымъ обзоромъ, внѣшнее и внутреннее состояніе обѣихъ Церквей, Запада и Востока, и, не забывая необходимаго условія, что истина догматовъ должна быть одина для нашего спасенія, вникнемъ, въ которой изъ нихъ болѣе обрѣтается условій вспомогательныхъ для достиженія желаемаго всеми спасенія.

Начнемъ съ западной, какъ имѣющей притязаніе не только на старѣйшинство, но и на исключительное вселенство. Отдадимъ справедливость въ томъ, что въ ней есть истинно достойная хвалы, потому что такимъ только образомъ можно достигнуть миролюбивой цели, если безъ предубѣжденія будемъ созрывать взаимныя преимущества, равно какъ и недостатки.

Что невольно поражаетъ взоры во внѣшности римской Церкви и дѣлаетъ ее столь привлекательною для многихъ, неизучившихъ первобытнаго состава вселенской Церкви? — Это ея громадность, украшенная именемъ католичества, ибо она болѣе

нежелл на половину превосходить восточную Церковь, и числомъ приверженцевъ, которые все соединяются между собою каедрою верховнаго Апостола, и отъ нея единственно пронстекаетъ утвержде-
 ніе всѣхъ пастырей столь многолюднаго стада, разсыяннаго по вселенной. Дѣйствительно, такой союзъ, хотя и неоснованный на правилахъ соборныхъ, а болѣе на обычаяхъ среднихъ вѣковъ, представляетъ величественное зрѣлище! Если бы каедра римская ограничивалась однимъ своимъ западнымъ патріархатомъ, хотя и непомерно разросшимся, къ ущербу прочихъ, и не облекла въ пѣкій священный догматъ свои неправильныя притязанія на равныя ей по степени каедры патріархатовъ восточныхъ; можно было бы еще имъ помириться съ такимъ крайнимъ возвеличеніемъ старѣйшей сестры своей, особенно, если бы она употребляла силы свои не къ поправленію ихъ, а къ поддержанію. Но, къ сожалѣнію, мы видимъ совершенно противное, и вселенское возвеличеніе римскаго престола, по слову пророческому одного изъ величайшихъ его святителей, св. Папы Григорія, подавляетъ все прочіе, такъ что отъяты честь и достоинство равенства у всѣхъ патріарховъ; даже отъ сего неканоническаго господства, нѣкоторыя частныя, ошибочныя мнѣнія сей превознесенной каедры, неповѣренныя Соборамъ вселенскимъ, непримѣтно распространились во всю ей подчиненную Церковь, какбы въ оправданіе глубокаго слова того же великаго Свѣтильника Церкви: «что если одинъ, называющій себя вселенскимъ, впадетъ въ заблужденіе, то уже не найдется болѣе епископа, стоящаго въ правдѣ».

Блестательная теорія сего вселенскаго единства, основаннаго исключительно на твердости единой апостольской кафедры древняго Рима, много потеряетъ своего блеска, если примѣнить ее къ практикѣ, и особенно въ самомъ ея центрѣ, гдѣ бы, казалось, она долженствовала явить себя болѣе прочною, нежели въ отдаленіи. Что признается теперь по общему европейскому согласію всѣхъ римско-католическихъ державъ за необходимое условіе твердости римскаго престола и вселенскаго главенства Папы? Его свѣтское владѣніе областію римской, въ качествѣ Государя, дабы независимо отъ всѣхъ земныхъ властителей, онъ могъ, какъ общій ихъ отецъ и епископъ Рима и вселенскій архіерей, пасти, съ полною свободою, всю Церковь Христа Бога, Коего воспріялъ намѣстничество на землѣ, хотя Тотъ, Чей образъ на себѣ носить, ясно объявилъ игемону римскому: «что царство Его не отъ міра сего».

Господь присовокупилъ еще, во свидѣтельство того, что Его царство не есть земное, а небесное: «аще отъ міра сего было бы царство Мое, слуги Мои убо подвизались быша, да не преданъ былъ быхъ іудеямъ» (Іоан. XVIII, 36.). Не совершенно ли противное сему видимъ мы нынѣ, когда первосвященникъ римскій, заступившій мѣсто кесарей, требуетъ, дабы слуги его за него подвизались, да не преданъ будетъ возмутившимся противъ его гражданской власти, и только силою ихъ оружія держится въ своей столицѣ? Какъ примѣнить къ нынѣшнему странному положенію дѣль римскихъ сіп повторительныя слова Господа: «нынѣ убо царство Мое нѣсть отсюда»? Отсель ясно видно, что нельзя

основывать, на такомъ явномъ противорѣчїи словамъ Господнимъ, систему земнаго владычества римскаго, безъ котораго однако не можетъ, по сознанию самыхъ ревностныхъ римлянъ, держаться вселенское главенство Папы; а съ этимъ рушится и вся ихъ новѣйшая система, какъ неоснованная на евангельскомъ преданїи, и на канонахъ соборныхъ. Если временно и былъ, во мраке среднихъ вѣковъ, матеріальный успѣхъ этой системы, и даже принесъ неоспоримо многообразные плоды европейскаго образованїя, то съ возрастающимъ просвѣщенїемъ и преобладанїемъ духовнаго начала надъ матеріальнымъ, и чрезъ общенїе Запада съ давно забытымъ имъ Востокомъ, необходимо сама собою должна она рушиться.

Достойно вниманїя, что римляне вездѣ проповѣдуютъ, будто тѣ Церкви, которыя не захотѣли признать надъ собою главенства духовнаго папы, необходимо подпали чрезъ то подъ свѣтскую власть. Можетъ быть, и возобладали она въ нѣкоторыхъ случаяхъ, не надъ духовными впрочемъ началами, а тамъ, гдѣ ихъ ближайшее столкновенїе съ свѣтскими; но гдѣ же болѣе, если не въ самомъ средоточїи римской Церкви, является это состязанїе двухъ властей, хотя и соединенныхъ видимо въ одномъ лицѣ?— Папа, самъ избираемый въ Конклавѣ кардиналовъ, подъ вліяніемъ политическимъ посланниковъ первостепенныхъ державъ, борется какъ Государь, особенно теперь, съ своими подданными, и усиливающїйся духовно въ Англїи, оскудѣваетъ силами въ Римѣ; а между-тѣмъ нельзя не сказать, что при охлажденїи вѣры къ центру духовнаго правленїя, часто, отъ вещественныхъ средствъ и, болѣе или

менше, отъ мира домашняго, зависить и внѣшнее вліяніе папы, если не въ предметахъ чисто духовныхъ, то въ тѣхъ, по крайней мѣрѣ, въ которыхъ внутреннее необходимо связано съ внѣшнимъ. Не говорю уже о политическихъ его отношеніяхъ къ различнымъ державамъ, ибо и онъ, какъ Государь, долженъ соблюдать дипломатическую осторожность, а иногда и невольно увлекается обстоятельствами, какъ въ послѣднихъ переворотахъ Италіи.

По симъ обстоятельствамъ можно судить, что признаніе главенства папскаго надъ всею Церковію, въ томъ новѣйшемъ видѣ, какъ его требуютъ римляне, вмѣсто древняго старѣйшинства ихъ кафедръ, не можетъ быть обязательнымъ условіемъ для спасенія православнаго христіанина, знающаго твердо правила вселенскихъ Соборовъ, которые не положили такого догмата въ основаніе управленія церковнаго.

Но спросятъ римляне, которые не разумѣютъ возможности союза церковнаго внѣ своего патріархата, но слишкомъ матеріальному ихъ взгляду на духовный союзъ вѣры: какъ же соблности его и гдѣ единство Востока? Если оно не столь осязательно какъ римское, потому что не привлечено, нарушеніемъ канонѡвъ, къ единоподержавному человѣческому центру и состоитъ не изъ одного патріархата, а изъ нѣсколькихъ; то его можно однако ясно видѣть въ соборномъ ихъ союзѣ, основанномъ на соблюденіи древнихъ вселенскихъ уставѡвъ, не говоря уже о совершенномъ единствѣ догматовъ и обрядѡвъ. Вникнемъ обстоятельнѣе въ это соборное управленіе и посмотримъ, сходно ли оно съ древнимъ, и мы убѣ-

дился, что такъ всегда сохранялся союзъ церковный и въ предъидущіе вѣка.

Что сказано было на послѣднемъ вселенскомъ Соборѣ въ Никей о достоинствѣ и правильности такихъ Соборовъ?—Что необходимо на оныхъ присутствіе представителей всѣхъ православныхъ патріаршихъ кафедръ, хотя уже въ то время три восточныя находились подъ гномъ сарацинъ. — Сего правила досель держится Востокъ и не называетъ своихъ Соборовъ вселенскими, хотя часто собираются четыре патріарха, для рѣшенія важныхъ догматическихъ вопросовъ, ибо союзъ вѣры не нарушенъ между ними.

Что предоставилъ четвертый вселенскій Соборъ въ Халкидонѣ кафедрѣ константинопольской?—Первенство предъ всеми восточными послѣ римской, съ окончательнымъ разсужденіемъ вопросовъ церковныхъ, но съ соблюденіемъ однако равенства степени между патріархами. — Мы видимъ соблюденіе сего правила во всей точности на Востокъ. При малѣйшемъ затрудненіи догматическомъ, патріархъ константинопольскій созываетъ своихъ братій въ Царьградъ, или пишетъ съ нихъ согласія окружное посланіе, хотя подъ его іерархическою властію есть до двухъ сотъ епископовъ и до десяти милліоновъ христіанъ; александрійскій же патріархъ считаетъ ихъ только десять тысячъ, при двухъ епископахъ, однако онъ стоитъ второй по немъ и дѣйствуетъ какъ совершенно равный; а патріархи антиохійскій и іерусалимскій, хотя ихъ престолы по нынѣшнимъ обстоятельствамъ гораздо важнѣе александрійскаго, не вступаютъ съ нимъ въ состязаніе о первенствѣ,

и константинопольскій, который несоразмѣрно больше ихъ всѣхъ, не преобладаетъ надъ ними. Следовательно, можетъ быть союзъ, канонически соборный, патріаршихъ кафедръ между собою, безъ исключительнаго преобладанія одной изъ нихъ надъ всѣми, и сія соборность приличествуетъ самому имени канонической т. е. соборной Церкви, вмѣсто единодержавія.

Что запретило такъ строго третій вселенскій Соборъ въ Эфесѣ?—Измѣненіе въ символѣ и вторженіе епископовъ въ чуждыя имъ области, опредѣливъ независимость Кипра отъ Антиохіи. — И что же мы видимъ теперь? — Не говоря уже о неприкосновенности символа вѣры, даже Кипръ продолжаетъ доселѣ имѣть самобытнаго архіепископа, на котораго не простирается власть ни антиохійскаго, ни константинопольскаго патріарха; до такой степени уважается положеніе соборное. Что касается до самыхъ патріаршихъ кафедръ, — то въ послѣднее время были для каждой изъ нихъ случаи, которые свидѣтельствовали, какъ соблюдаются ради нихъ вселенскіе уставы. Патріархъ іерусалимскій Аѳанасій скончался въ Царьградѣ, назначивъ по себѣ преемникомъ Архіепископа ѳаворскаго Героея; но правительство турецкое требовало, чтобы константинопольскій Патріархъ назначилъ другаго патріарха въ іерусалимъ. Тогда все общество св. земли возопило противъ такого безпорядка и достигло желаемого, избравъ въ Іерусалимъ одного изъ среды своей, Епископа Лидды Кирилла, въ Патріархи св. граду, по всѣмъ правиламъ соборнымъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, по кончинѣ александрійскаго Патріарха Іеро-

оел, въ Константинополѣ имѣли намѣреніе, назначить туда патріарха по недостатку архіереевъ въ Египтъ; но Церковь александрійская пожелала избрать кого-либо изъ своей среды; итакъ, совершенно по древнему чину, послали трехъ архіереевъ отъ трехъ престоловъ, Константинополя, Антиохіи и Іерусалима, въ Александрію для рукоположенія изъ среды тамошняго клира поваго Патріарха Іеровея. Весьма недавно, по кончинѣ Патріарха антиохійскаго Меодія, всѣ епископы осиротѣвшаго его престола, не находя изъ среды своей кого-либо могущимъ занять его мѣсто, письменно обратились къ Патріарху константинопольскому, о избраніи имъ достойнаго пастыря; Патріархъ, по совѣщаніи съ іерусалимскимъ и своимъ сподомъ, поставилъ имъ Іеровея, который однажды былъ уже избранъ въ Іерусалимъ.—Итакъ, и подъ игомъ турецкимъ, не смотря на бѣдствія временныя, свято соблюдаются іерархическіе уставы. Должно присовокупить, что въ Церкви восточной даже и нѣтъ досель другой кормчей, или собранія законовъ духовныхъ, кромѣ правилъ вселенскихъ и помѣстныхъ Соборовъ и св. Отцевъ, утвержденныхъ на шестомъ и седьмомъ вселенскихъ Соборахъ, безъ всякихъ почти приложений, такъ что когда соединяются Соборы восточные (что бываетъ довольно часто, при важныхъ случаяхъ), то нельзя отличить ихъ отъ древнихъ, ни по чиноположенію, ни по іерархіи, сохранившей всѣ древнія каедры, ни по языку, ни по священнымъ облаченіямъ. Не утѣшительное ли это зрѣлище въ наши времена?

Будемъ искренни и чистосердечны въ дѣлѣ, касающемся совѣсти: римляне могутъ насъ упрекнуть,

что, при столь каноническихъ избраніяхъ прочихъ патріарховъ, константинопольскіе, стоящіе во главѣ всѣхъ, въ послѣднія особенно времена, часто смѣняемы были по своеволю Порты. Очень грустно это положеніе, которое впрочемъ начипаеть исправляться; но можно ли за это обвинять Церковь греческую?—Избіеніе и гоненіе ея архипастырей есть слѣдствіе ига магометанскаго, которое возбуждало неоднократно мученичество въ ея же славѣ. Но хотя и смѣняются патріархи, происками сановниковъ Порты, и что еще горше, посланниковъ иновѣрныхъ, за приверженность къ православію, какъ еще недавно Константій, Григорій, Германъ и Анѳимъ, (нынѣ однако опять священноначальствующій): несмотря на все это, поставленіе ихъ дѣлается по соборному избранію и древнему чину. Никто другой, кромѣ митрополита праклійскаго, не вручаетъ жезла пастырскаго новому патріарху, потому что Византія была некогда въ его епархіи. Мы видимъ смѣняемыхъ и возводимыхъ паки патріарховъ, на бѣдствующей каѳедрѣ Константинополя, но никогда не видали, чтобы по три святителя въ одно время на ней возсѣдали и другъ у друга ее оспаривали, какъ это продолжалось болѣе полувѣка на римской каѳедрѣ.

Это обстоятельство не относится однако къ слову о единствѣ вселенской Церкви. Мы видѣли цѣлость ея союза между четырьмя патріаршими престолами; скажемъ теперь и о прочихъ ея частяхъ. Недавно, въ новомъ королевствѣ греческомъ, признанъ соборно всеми патріархами правительственный синодъ, въ союзъ однако съ ними, какъ издавна самобытные

архієпископы Киира и Синая. Митрополиты обонхъ княжествъ Молдавіи и Валахіи, и Сербіи, почти независимые у себя, пріемлють однако рукоположеніе въ Царьградъ; глава духовная сербовъ въ областяхъ австрійскихъ, по обстоятельствамъ политическимъ неприемлющій поставленія отъ престола константинопольскаго, избирается и управляетъ своими областными епископами, по правиламъ Никейскаго Собора, и по тому, что пользуется преимуществами бывшаго патріархата сербскаго, признаннаго въ средніе вѣка вселенскими Патріархами; но духовное общеніе между сербами и греками не прекращается, и священники, приходящіе изъ предѣловъ константинопольскихъ, свободно пріемлются въ церквахъ сербскихъ. Владыка черногорскій, также по обстоятельствамъ не посѣщающій Царьграда, не имѣя своихъ епископовъ, рукополагается Синодомъ руссійскимъ. Древняя Церковь Грузіи, отъ самого ея начала управляемая самобытно своими католикосами, но въ духовномъ союзѣ съ Царьградомъ, теперь находится подъ вѣдѣніемъ русскаго Синода; но экзархъ ея, заступившій мѣсто католикоса, управляетъ нѣтъю подчиненными ему епархіями.

Скажемъ, наконецъ, и о Церкви руссійской, которая изъ нѣсколькихъ чуждыхъ народовъ, порученныхъ на Соборѣ Халкидонскомъ пастырскимъ заботамъ патріарха константинопольскаго, разрослась въ столь необъятное тѣло, превзошедшее всѣ восточныя патріаршія епархіи, какбы ради возмездія за горькое отчужденіе Запада. Промысломъ Божиимъ, она достигла въ мѣру возраста и освободилась отъ ига магометанскаго въ то самое время, когда под-

пали ему восточные престолы; посему и Патриархи вселенские сами провозгласили ее независимою отъ ихъ престола и почтили ее пятымъ патриаршимъ престоломъ, въ замѣнъ римскаго, сохраняя однако тѣсное съ нею общеніе, даже личнымъ многократнымъ присутствіемъ на ея Соборахъ. Когда же, сто лѣтъ спустя, во время преобразованій Петра Великаго, Патриархи восточные, спрошенные граматою Царскою, согласились, дабы постоянный Соборъ замѣнилъ лице патриаршее; они узаконили сей образъ правленія духовнаго, какъ согласный съ канонами вселенскими, сохранивъ съ нами прежнее общеніе. Кромъ непрестанной милостины, рассылаемой изъ Россіи во всю епархію и обители Востока, епископы трехъ патриаршихъ кафедръ Александріи, Антиохіи и Іерусалима, по временамъ пребываютъ въ первопрестольной столицѣ нашей, и тамъ два послѣдніе имѣютъ свои подворья. Сверхъ того, при важныхъ событіяхъ или вопросахъ церковныхъ, бываютъ взаимныя извѣщенія соборными грамотами, какъ на примѣръ, въ дѣлѣ присоединенія Уніи и по случаю признанія греческаго Синода, или въ тяжбѣ о свѣмѣстахъ. Слѣдственно, напрасно упрекаютъ римляне Церковь восточную въ ея разобщеніи и недостаткѣ единства. Существенный союзъ вѣры, догматовъ и обрядовъ, ненарушимъ, и кромъ того, есть еще явныя сношенія въ нѣкоторыхъ случаяхъ, требующихъ общаго признанія. Разность въ союзѣ взаимномъ состоитъ въ томъ, что въ римскомъ патриархатѣ это—отношенія главы къ членамъ, по новому порядку вещей; у насъ же — братское равенство, по примѣру первенствующей Церкви, истребующее

условіи подчиненности, которыя сдѣлались необходимыми въ системѣ единодержавія римскаго; но этого не хотятъ никакъ уразумѣть римляне, домогающіеся все подчинить своей главѣ.

Самое утѣшительное зрѣлище, какое представляетъ намъ римская Церковь, это есть ея многочисленныя миссіи въ Китаѣ, Австраліи и Америкѣ, и ревность, съ какою обтекаютъ вселенную избранныя ея проповѣдники, нарочно для того приготовляемые въ училищѣ Пропаганды, при пособіяхъ собираемыхъ въ европейскихъ государствахъ. — Этому надлежитъ точно радоваться вмѣстѣ съ нею и благодарить Бога, просвѣщающаго ея духовными стараніями языческій міръ; я говорю — языческій, потому что мало дѣйствуетъ она на магометанскій; это болѣе предоставлено восточной сестрѣ ея; но радуясь обращенію столькихъ язычниковъ, нельзя не поскорбѣть духомъ, какъ ошибочное мнѣніе, о исключительномъ спасеніи въ лонѣ римской Церкви, вовлекаетъ ее въ притѣснительныя и вовсе неканоническія поступки въ отношеніи восточной сестры своей. — Апостоль Павелъ, восхвалявшій въ свое время въру римлянъ, говорилъ о себѣ, что онъ не строитъ на чужомъ основаніи, но проповѣдуетъ тамъ, гдѣ еще никто до него не возвыщалъ имени Христова; римскіе же проповѣдники, проповѣдуя на страждущемъ подъ игомъ магометанскимъ Востокъ, домогаются не обращенія магометанъ, которые ограждены властію гражданскою, но совращенія христіанъ православныхъ четырехъ патріаршихъ престоловъ, въ области коихъ не должна бы распространяться власть папская; они тамъ проповѣдуютъ не о имени Хри-

стовомъ, а о главенствѣ римскомъ. Вопреки вселенскихъ уставовъ, запрещающихъ поставленіе двухъ епископовъ на одной кафедрѣ и вторженіе архіереевъ въ непринадлежащія имъ области, первосвященникъ римскій поставляетъ титулярныхъ патріарховъ и епископовъ туда, гдѣ существуютъ дѣйствительные, и чрезъ то прилагаетъ для нихъ новыя скорби къ тѣмъ, которыя переносятъ съ мученической твердостію Церковь православная, хотя никто не можетъ обличить ее въ отступленіи отъ чистоты догматовъ.

Господь разсудить между обѣими Церквами за такое нарушеніе любви со стороны западной, которое, вмѣсто умноженія христіанства, возбуждаетъ только соблазны между магометанами, отклоняя ихъ отъ свѣта истины. Еще досель не прекратилась предъ нихъ судилищемъ тяжба о св. мѣстахъ іерусалимскихъ, гдѣ западные вторглись въ область восточныхъ, подъ предлогомъ своего исключительнаго каѳолличества. Воздавъ подобающую хвалу ревности римской въ странахъ языческихъ, не можемъ умолчать о томъ, сколь погрѣшаютъ они противъ братій своихъ христіанъ въ земляхъ магометанскихъ.

Посмотримъ, въ какомъ положеніи находится миссіонерство въ Церкви восточной. Справедливо ли, будто бы жизненная сила совершенно угасла на Востокъ со времени отпаденія зап. Церкви? Мы начнемъ опять съ четырехъ патріаршихъ кафедръ, какъ бы отъ самого корня. — Можно ли, по совѣсти, требовать отъ нихъ пропаганды, когда уже четыре вѣка, въ кровавомъ потѣ, подвизаются они о сохраненіи христіанства въ предѣлахъ магометанскихъ,

гдѣ и сами римляне неохотно проповѣдуютъ ; а между-тѣмъ сколько мучениковъ всѣхъ возрастовъ и сословій, пастырей и пасомыхъ, возсіяли въ это время въ Церкви восточной?—До 100 новыхъ мучениковъ прославлены безстрашно, въ службахъ церковныхъ , несмотря на владычество невѣрныхъ , и кто сочтетъ тысячи пострадавшихъ безыменно, за исповѣданіе вѣры въ четыре столѣтія ига, и особенно подвижниковъ послѣдняго гоненія 1821 года, которое можетъ сравниться съ Діоклитіановымъ ! Вселенскій Патріархъ Григорій повѣшенъ былъ, предъ вратами своей кафедральной церкви, гдѣ проповѣдывалъ слово истины, въ самый день Пасхи, и всѣ члены его Синода предъ вратами своихъ жилищъ, хотя бы могли спастись, если бы рѣшились оставить свою паству; другаго Патріарха Кирилла повѣсили въ Адрианополь; Архіепископъ Кипра Кипріанъ съ тремя своими Епископами и всѣми пастырями обитателей острова повѣшены были на одномъ деревѣ, передъ палатами древнихъ царей, и долго на немъ висѣли какъ плоды , созрѣвшіе для вѣчности; множество другихъ святителей и настоятелей избито по островамъ и въ Анатолиі, и вся св. гора Аѳонская опустошена, но никто однако не отрекся отъ вѣры Христовой!—Неужели такое мученичество не есть лучшая пропаганда, ибо такъ основалась въ первые три вѣка и на тѣхъ же мѣстахъ католическая церковь? Какъ же еще могутъ утверждать благоденствующіе у себя римляне, что въ людяхъ, которые такъ умѣли умирать за вѣру, не было достаточно жизни духовной? Невольные безпорядки церкви греческой , возникшіе отъ долгаго ига и

убожества, ничто въ-сравненіи съ свѣтлыми вѣнцами мученическими, украсившими паки древнее неколебимое чело ея православія! Зачѣмъ же еще посылають въ ея предѣлы своихъ титулярныхъ патріарховъ, епископовъ и миссіонеровъ, чтобы утверждать ее въ истинной вѣрѣ, какъ-будто она не доказала уже на опытѣ твердость своей вѣры?

Любимыя слова римлянъ, — будто восточная Церковь утратила свою жизненную силу распространять вѣру, съ той минуты, какъ она отдѣлилась отъ своего истиннаго корня т. е. римской каедрѣ! Но какимъ же образомъ, при Патріархѣ Фотіѣ и послѣ него, въ такомъ обиліи пролился свѣтъ христіанства изъ Царьграда на весь Сѣверъ, и столько племенъ болгарскихъ, славянскихъ, русскихъ, приняли христіанство, отвергнувъ все предложенія Запада? Не есть ли это живое и дѣйственное опроверженіе несправедливаго укора римскаго? И въ самыхъ нѣдрахъ россійской Церкви, которая съ такою славою возсіяла изъ лона византійской и затмила своимъ величіемъ все бѣдствія Востока, не тѣ же ли жизненные начала распространенія христіанства, хотя иными средствами, нежели въ римской, но причинъ иныхъ обстоятельствъ? Римъ дѣйствуетъ чрезъ многочисленныхъ миссіонеровъ, разсылаемыхъ ими во все части свѣта. Церковь же собственно россійская, какъ господствующая въ необъятной имперіи, распространяетъ постепенно свѣтъ Христовъ въ своихъ предѣлахъ, изъ которыхъ ей нѣтъ причины выходить, потому что свойственнѣе обращать собственныхъ язычниковъ, евреевъ, магометанъ и раскольниковъ, раскинутыхъ на пространства девяти части

всего міра, нежели обтекать земли и моря, чтобы сотворять прозелитовъ. — Зачѣмъ идти на чужбину, если и внутри отечества есть еще обильная жатва? Ежегодно ихъ обращается у насъ нѣсколько тысячъ!

Если у насъ нѣтъ училища центрального, Пропаганды, какъ въ Римѣ, то въ тѣхъ епархіяхъ, гдѣ есть разноплеменные язычники или магометане, обучаютъ при семинаріяхъ ихъ языкамъ, дабы приходскіе священники могли дѣйствовать въ качествѣ миссіонеровъ, кромѣ тѣхъ, которые исключительно на то предназначены; у насъ и самыя обители, разсыяныя по пустынямъ, служатъ разсадникомъ для христіанства, и такимъ образомъ, просвѣтился у насъ весь сѣверъ Россіи и вся Сибирь, которую мы завоевали, въ состояніи язычества. Два усердные Митрополита тобольскіе Феодоръ и Іоаннъ, во дни Петра Великаго, окрестили всѣхъ остяковъ, странствуя по ихъ тундрамъ и основавъ посреди ихъ обитель Кондійскую; но кому это извѣстно? И теперь кто знаетъ о подвигахъ истинно апостольскихъ Архіепископа камчатскаго Иннокентія, который безпрестанно переплываетъ океанъ и объѣзжаетъ на оленяхъ свою необъятную пустынную епархію въ 10,000 верстъ, повсюду крестя инородцевъ, для коихъ составилъ письмена и перевелъ Евангеліе на островахъ алеутскихъ. Нѣсколько миссій учреждено имъ въ сѣверной Америкѣ, и стекаются дикіе ея жители на берега рѣкъ, какъ въ первые дни христіанства, прося святаго крещенія. И въ южныхъ предѣлахъ Сибири успѣшно, но только не гласно, дѣйствуютъ миссіи, основанныя другимъ подвижникомъ, уже

усоцишимъ , Архимандритомъ Макаріемъ; но это все скрывается въ необъятности и дикости самыхъ странствъ, которыя объемлетъ ихъ проповѣдь, тогда какъ на Западъ каждый шагъ его миссіонеровъ извѣстенъ всему свѣту. Россія дѣйствуетъ иначе; она засвѣтаетъ сѣмена христіанства на обширномъ полѣ, предъ нею непрестанно открывающемся, учрежденіемъ новыхъ приходовъ , которые сами по себѣ уже дѣлаются миссіями. Этотъ порядокъ не выходитъ изъ обыкновеннаго и потому менѣе о немъ говорятъ, а на самомъ дѣлѣ постепенно, хотя и не столь блистательно какъ у западныхъ, являются тѣ-же плоды. Когда и какъ обратились столькія тысячи нашихъ язычниковъ ? — Не всѣмъ извѣстно ; а между тѣмъ они пользуются уже и христіанскимъ просвѣщеніемъ и бытомъ гражданскимъ ; но еще многое осталось сдѣлать для окончательнаго обращенія и утвержденія въ вѣрѣ многихъ племенъ, пребывающихъ во мракѣ, и Церковь не престааетъ дѣйствовать; такъ, напримеръ, получено извѣстіе о крещеніи въ Грузіи 1500 семействъ племени ингилойцевъ, уже нѣсколько вѣковъ совращенныхъ въ ислаимъ, и доселѣ продолжаютъ крестить калмыковъ въ астраханской епархіи и самоедовъ въ архангельской, на другомъ краю необъятной Россіи, за которыми ходятъ миссіонеры по ихъ тундрамъ, на оленяхъ и съ походною церковію.

Не явно ли, сколь несправедливы теперь нареканія западной Церкви о какомъ-то мнимомъ оцѣпененіи Востока, о которомъ она такъ судитъ потому только, что не вѣдаетъ его подвиговъ, и свое невѣжество прииметь за истину, основывая однако на

этомъ одно изъ своихъ отличительныхъ доказательствъ противъ насъ? Не правда, тѣ-же условія жизни духовной проявляются, въ разныхъ только видахъ, на Востокъ какъ и на Западъ.

Оба впрочемъ предмета, какъ миссіонерства, такъ и церковнаго управленія, единодержавнаго или соборнаго, суть собственно вопросы іерархическіе, и хотя послѣднему даютъ на Западъ важность догматическую ради общаго союза, однако онъ не касается столь близко сердца каждаго христіанина, какъ самое богослуженіе; чрезъ него собственно связанъ съ Церковію каждый вѣрный, ибо ежедневное въ ономъ участіе и частыя молитвы соединяютъ его какъ члена съ тѣломъ Церкви. Итакъ, здѣсь внимательнѣе рассмотримъ: гдѣ болѣе находится условій для нашего душевнаго мира и спасенія, въ чиноположеніяхъ ли западной Церкви или восточной? Начнемъ опять съ первой, и сравнимъ ихъ между собою.

Не стану говорить о постепенныхъ измѣненіяхъ, которые произошли во вѣшнихъ обрядахъ римской Церкви, тогда-какъ, по сознанію самихъ западныхъ, восточная сохранилась наружно въ томъ видѣ, въ какомъ существовала она въ пятomъ вѣкѣ, что приписывается даже ея мнимому оцѣпененію. Скажу о языкѣ латинскомъ, который теперь будучи мертвымъ для всей Европы, и даже для самого Рима, сдѣлался однако необходимымъ условіемъ для его богослуженія, хотя никто изъ молящихся его не понимаетъ. Не странно ли, что для разумнаго слѣдованія за ходомъ службы, благоговѣйные должны прибѣгать къ молитвеннымъ книжкамъ и читать, а не слушать

молитвы? Можно ли однако сравнить одно съ другимъ, и не болѣе ли молитвеннаго единства въ общемъ нераздѣльномъ вниманіи, нежели въ частномъ раздѣльномъ чтеніи, гдѣ безпрестанно ускользаютъ произносимыя слова? Отъ сего произошли, такъ называемыя, тайныя, сокращенныя обѣдни, гдѣ въ четверть часа совершается все богослуженіе, которое только видятъ предъ собою молящіеся, не участвуя въ немъ разумомъ, ибо только словесное выраженіе вполне доступно словесному существу. По сей причинѣ вы встрѣчаете болѣею частію, въ храмахъ римскихъ, во время самой службы, людей принадлежащихъ совершенно къ инымъ алтарямъ, а не къ тому, гдѣ совершается служба, или молящихся въ пустой церкви вовсе безъ службы, потому что для нихъ она неслышима и непонятна; я говорю о тайныхъ обѣдняхъ; что касается до утреннихъ и вечернихъ службъ, то, исключая навечерія большихъ празднествъ, онѣ совершаются за алтаремъ для однихъ пресвитеровъ и вовсе недоступны для неразумныхъ мірянъ.

Какъ сравнить это съ нашею торжественною и даже ежедневною службою, гдѣ почти каждое слово доступно на славянскомъ природномъ языкѣ, и простой народъ знаетъ наизусть всѣ молитвы и напѣвы, и повторяетъ ихъ вслѣдъ за клиромъ! Тутъ проявляется словесное разумніе божественной службы и дѣйственное въ ней участіе, а не одно ея зрѣлище, съ коленнопреклоненіями по звуку колокольчика, ибо иначе нельзя уразумѣть самыхъ торжественныхъ минутъ священнодѣйствія. Если приводить въ доказательство благочестія римскаго то, что на Западѣ все-

гда открыты храмы, и бываютъ въ нихъ молящіеся,— это собственно бываетъ оттого, что народъ не участвуетъ тамъ въ богослуженіи въ учрежденные часы, а ходитъ только по произволу. Не думаю, чтобы, послѣ четырехчасовой всенощной и двухчасовой обѣдни, утомленные римляне пошли бы еще молиться въ пустомъ храмѣ; а для такого рода частной молитвы, и у насъ есть часовни и открытыя паперти соборовъ.

Если въ церквахъ западныхъ пріятны звуки органовъ, какбы уже примѣненные къ богослуженію, хотя впрочемъ не могутъ сравниться бездушныя орудія съ пѣніемъ живыхъ ликовъ, болѣе приличествующихъ словесной службѣ, то можно ли равнодушно внимать инымъ инструментамъ, играющимъ театральную музыку при совершеніи страшныхъ таинъ? И не дико ли слышать тѣ-же самые звуки утромъ во святынѣ храма, а вечеромъ посреди суетнаго зрѣлища? Пусть каждый безпристрастно сравнитъ благолѣпіе духовное архіерейской службы восточной съ западною и скажетъ, которая болѣе свойственна святилищу? Знаю, что каждый находитъ болѣе утѣшенія въ томъ богослуженіи, къ которому привыкъ съ дѣтства, и не буду входить о томъ въ состязаніе; посмотримъ однако, какъ примѣнено оно къ важнѣйшимъ случаямъ жизни христіанской? И здѣсь отъ обрядовъ неволью возвысится рѣчь до таинствъ.

Когда умираетъ челоувѣкъ римскаго исповѣданія,— его немедленно бросаютъ всѣ ближайшіе родственники, оставляя на произволъ погребальнаго братства; такъ, по крайней мѣрѣ, въ Римѣ, отколь бы надлежало пронестекать благому примѣру. Родные не при-

сутствуютъ даже при похоронахъ, и когда тѣло повергнуто въ известковую яму усыпальницы, они собираются въ церковь для погребальной службы. Можно ли сравнить такую холодность съ тою любовью, съ которою окружаютъ у насъ мертваго какъ бы живаго, при частыхъ панихидахъ и неумолкаемомъ чтеніи псалтири и умиленной погребальной службы? Если это слѣдуетъ относить къ правамъ народнымъ, то должно замѣтить, что церковная жизнь образуетъ правы, и въ самыхъ поминовеніяхъ, девятинахъ, сорокоустахъ и годовщинахъ, гораздо болѣе вниманія къ памяти усопшаго въ Церкви восточной. Какъ утѣшительно на литургіи обыкновеніе приносить просфоры въ алтарь, для того чтобы священникъ вынималъ изъ нихъ на жертвенникъ частицы, за живыхъ и усопшихъ, которыя погружаются потомъ въ кровь Христову съ молитвою, чтобы Господь омылъ ею грѣхи поминаемыхъ. Такимъ образомъ, народъ дѣйствительно участвуетъ въ жертвѣ, принося по древнему чину даръ свой къ алтарю, что давно утрачено на Западѣ, хотя и тамъ есть заказныя обѣдни о усопшихъ, но не такое ежедневное участіе въ молитвѣ за нихъ каждаго простолюдина. — Гдѣ же болѣе духа любви Христовой?

Скажемъ о другомъ порядкѣ церковномъ, который уже приводитъ къ самому таинству Евхаристіи: хотя и чрезвычайно уважается оно у римлянъ, однако всякій мірянинъ можетъ приступать къ нему безъ особеннаго приготовленія, лишь бы только исповѣдался въ то-же утро. Не страшно ли это? — Какая разница въ Церкви восточной. Хотя у насъ разрѣшено, въ случаѣ крайности, приобщаться во всякое

время, однако предпочтительно определено приступать къ святымъ тайнамъ, во дни постовъ или даже каждый мѣсяцъ, и не иначе, какъ съ молитвеннымъ приготовленіемъ отъ трехъ дней до недѣли. Въ-продолженіе сего времени готовящіеся обязапы ходить три раза въ день къ богослуженію, къ утрени, обѣднѣ или часамъ, и вечерни, и еще слушать предъ исповѣдію, равно-какъ и предъ причащеніемъ, такъ называемое правило, состоящее изъ умилительныхъ каноновъ и молитвъ, располагающихъ душу къ принятію великаго таинства. Да и самое покаяніе приносится предъ лицомъ служителя Церкви, не укрываго отъ взоровъ, какъ на Западѣ, для облегченія чувства стыда въ кающемся, но открыто, дабы обнажилась совершенно его совесть. Разумѣется, что въ обѣихъ Церквахъ я привожу только установленные порядки, не касаясь злоупотребленій, которыя вездѣ могутъ случиться, хотя не должны быть терпимы. Гдѣ же болѣе средствъ приготовительныхъ къ достойному причащенію, въ томъ случаѣ особенно, если необразованной христіанинъ не можетъ ихъ найдти въ себѣ самомъ, и гдѣ же, слѣдственно, болѣе обрѣтается вспомогательныхъ условій для нашего спасенія?

Говорить ли далѣе, что въ римской Церкви не только сокращены приготовленія къ таинству причащенія, но и самое таинство преподается только вноловнищу, т. е. подъ однимъ видомъ божественнаго хлѣба, а не подъ обоими тѣла и крови Христовыхъ, какъ заповѣдалъ самъ Господь на вечери тайной, сими рѣшительными словами: «ѣйте отъ нея вси»? Странно, какъ римляне, — съ такою настойчивостію

указывающіе на слова, сказанныя Апостолу: «ты еси Петръ, и паси овцы Моя», въ конхъ хотятъ видѣть только одинъ исключительный смыслъ, ими желаемый, въ пользу главенства папскаго, — такъ легко и равнодушно пренебрегаютъ важностию сихъ словъ Господнихъ, засвидѣтельствованныхъ практикою столькихъ вѣковъ: «пійте отъ нея вси». Какъ избѣгнуть они еще болѣе сильныхъ изреченій Господнихъ у Евангелиста Іоанна: «аще не съѣсте плоти Сына человѣческаго, ни пиете крови Его, живота не имате съ собою. Ядый Мою плоть и пійй Мою кровь, имать животъ вѣчный и Азь воскрешу его въ послѣдній день: плоть бо Моя истинно есть брашно и кровь Моя истинно есть питіе. Ядый Мою плоть и пійй Мою кровь во Мнѣ пребываетъ и Азь въ немъ (Іоан. гл. VI, 53—57).

Римская Церковь ищетъ оправдаться въ своей погрѣшности, которая въ нее вкралась во мракъ среднихъ вѣковъ, и увѣряетъ, будто тамъ, гдѣ есть тѣло, есть необходимо и кровь, а потому, приобщающіеся подъ однимъ видомъ, приѣмлютъ и то и другое. Страшно вдаваться въ такія толкованія, при столь ясныхъ словахъ Господа о тѣлѣ и крови, необходимыхъ для причащенія; ибо, какъ послѣ сего осуждать протестантовъ и реформатовъ, если они прилагаютъ свои толкованія къ яснымъ словамъ Христовымъ: «сіе есть тѣло Мое, сія есть кровь Моя», ослабляя ихъ существенный ясный и точный смыслъ? Можно судить, изъ опредѣленія базельскаго Собора о св. евхаристіи, до какой степени опасно отступать отъ истиннаго порядка.

«Въ нѣкоторыхъ частяхъ міра есть люди, дерзновенно утверждающіе, что народъ христіанскій долженъ принимать св. таинство евхаристіи, подъ двумя

видами хлѣба и вина, и дѣйствительно пріобщаютъ такнхъ образомъ мїрянъ, даже не на-тощакъ, вопреки благому обычаю Церкви, отвергаемому ими какъ святотатство. Почему, настоящій Соборъ объявляетъ и рѣшаетъ, что хотя Иисусъ Христосъ учредилъ на вечери сіе достоуважаемое таинство и преподалъ оное ученикамъ Своимъ, подъ двумя видами, однакоже, по важности св. канонѣвъ и призваннаго обычая, Церковь наблюдаетъ, чтобы евхаристія не была освящаема послѣ трапезы и принимаема вѣрными иначе, какъ на-тощакъ, развѣ въ случаѣ болѣзни или въ иныхъ крайностяхъ. И хотя въ первенствующей Церкви вѣрныя принимали таинство сіе, подъ двумя видами, однако въ-послѣдствїи, для избѣжанія нѣкоторыхъ опасностей и соблазновъ, обычай благоразумно ввелъ, чтобы одни служащіе пресвитеры пріобщались подъ двумя видами, мїряне же подъ однимъ лишь видомъ хлѣба; ибо несомнѣнно, что все тѣло и вся кровь Иисуса Христа содержатся въ каждомъ изъ двухъ видовъ. Посему, обычай сей, какъ благоразумно введенный въ Церковь и долго въ ней соблюдаемый, долженъ сдѣлаться закономъ, который невозможно будетъ отринуть или измѣнить безъ согласія Церкви. Итакъ, тѣ, которые упорно стануть поддерживать противное, должны быть смиряемы, какъ еретики, и строго наказываемы епархіальными епископами и инквизиторами (г).

Римляне утверждаютъ, будто и въ восточной Церкви, за преждеосвященною обѣденою, и болящихъ пріобщаютъ только подъ однимъ видомъ, но св.

(г) Истор. Флери Кн. СІ, гл. 21.)

хлѣбъ бываетъ напоенъ предварительно божественною кровію на литургіи, во время коей освящается, и въ такомъ же видѣ, напоенное кровію, тѣло Господне разносимо было въ первые вѣка подвижникамъ въ пустыни и исповѣдникамъ въ темницы; а если бы даже, по крайности, преподавался имъ и одинъ только видъ таинства, то крайность никогда не можетъ быть постояннымъ закономъ и лишать всѣхъ вѣрныхъ участія въ крови Господней, за нѣхъ пролитой, о которой очень ясно и отдѣльно выразился Господь: «кровь Моя истинно есть питіе, и аще не пиете крови Сына человѣческаго, равно-какъ и аще не съесте плоти Его, живота не имате въ себѣ».

Поэтому, вовсе немаловажная вещь для нашего спасенія произвольное лишеніе сей искупительной крови, за которое дадутъ отвѣтъ отпавшіе оную у вѣрныхъ, какъ-будто бы можно восполнить чѣмъ-либо чашу Новаго Завѣта, поставленную Господомъ въ необходимое условіе вѣчной жизни. Высокое преимущество въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, имѣетъ надъ римскою православная Церковь, ибо ненарушимо сохранила у себя завѣтъ Господній на послѣдней вечери: «пійте отъ нея вси». Недостаточно ли уже и сего одного свидѣтельства тому, что въ концѣ ея больше условій для нашего спасенія, нежели въ римской, которая, требуя непремѣннаго общенія съ своимъ патріархомъ, не страшится отнять половину общенія со Христомъ Богомъ, чрезъ невкусеніе Его божественной крови. Страшно, какъ далеко можно увлечься одною погрѣшностію, и невольно вспомнишь опять слова Великаго Григорія: «когда именующій себя вселенскимъ епископомъ впадетъ

въ заблужденіе, то уже не найдется болѣе епископа стоящаго въ правдѣ; умоляю васъ, соблюдайте Церкви, каковыми вы ихъ пріѣли».

Римская Церковь не остановилась на этомъ нарушеніи заповѣди Господней: «пійте отъ нея вси», и не только лишила мірянъ пріобщенія чаши, не смотря на четырнадцати-вѣковой порядокъ церковный, который долженствовалъ, кажется, утвердить истину, но еще позже, не болѣе какъ за три столѣтія, совершенно лишила пріобщенія и всѣхъ младенцевъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что они не разумѣютъ важности таинства. Она забыла обличительное слово Господа Своимъ ученикамъ, когда не хотѣли допускать къ Нему дѣтей: «оставите дѣтей и не возбраняйте имъ пріити ко Мнѣ; такихъ бо есть царство небесное» (Матѣ. гл. 19, 14.). Неужели дѣйствительно взрослые, хотя бы и всѣ разумѣли, что творять, достойнѣе причастія, нежели отроки сїи, коихъ Ангелы, по словамъ самого Господа, непрестанно зрятъ лице Отца Его небснаго! И въ этомъ опять какъ заботлива Церковь православная, въ-сравненіи съ римскою, допуская не только отроковъ, но даже грудныхъ младенцевъ къ причастію Божественныхъ таинъ, которыми часто изцѣлялись они при молитвѣ родителей; ибо не напрасно слово *вси* употреблено было только о Божественной крови; предвидѣлъ Господь, что младенцы не могли вкушать тѣла Его.

Этимъ еще не ограничивается отступленіе римлянъ отъ древнихъ каноновъ въ-отношеніи таинствъ, потому что въ средніе вѣка много произвольнаго проникло въ церковный бытъ римскій. Отроки не допускаются у нихъ къ пріобщенію до 16-тилѣтняго

возраста, для того, чтобы они предварительно утверждены были въ догматахъ вѣры; но духовнаго собственно утвержденія многіе не имѣютъ, приступая къ святымъ тайнамъ; ибо приобщаются часто неконфирмованные, по выраженію латинскому, то-есть безъ предварительнаго таинства миропомазанія; это случается оттого, что въ римской Церкви одинъ только епископъ имѣетъ право утверждать вѣрныхъ чрезъ миропомазаніе; а такъ-какъ не всегда можетъ онъ посѣщать свою паству, то многіе пребываютъ до глубокой старости и даже умираютъ безъ сего утвердительнаго таинства, а между-тѣмъ допускаются до причащенія, дабы не лишились и сего таинства. Не странное ли такое нарушеніе порядка? До высшаго таинства общенія съ Господомъ, чрезъ вкушеніе Его тѣла, допускаются люди, которые еще не запечатлѣны дарами Духа Святаго, хотя сія только печать усвоиваетъ имъ самое имя христіанъ отъ слова Христа, помазаніе; ибо и Христосъ значитъ помазанникъ. Неужели это необходимое таинство было безъ причины положено въ основаніе вѣры послѣ крещенія, омывающаго грѣхи, дабы сообщать дары Св. Духа готовящимся къ тѣснѣйшему сообщенію со Христомъ Богомъ?

Опять подвигнемся мудрости православной Церкви, дозволяющей тому же священнику, который креститъ младенца, сообщить ему и дары Св. Духа, чрезъ помазаніе его миромъ, но такимъ, которое освящено архіереемъ? Такимъ образомъ, съ одной стороны, исполняется заповѣдь церковная, предоставляющая только высшему пастырю утверждать въ вѣрь, чрезъ посредство освященнаго имъ мира, (ибо священникъ только служитъ орудіемъ), а съ другой стороны, озаботились, дабы новорожденный,

съ соблюденіемъ всѣхъ основныхъ правилъ Церкви, могъ быть немедленно приобщенъ св. таинъ.— На чьей же сторонѣ опять болѣе условій благопріятствующихъ спасенію?

И въ самомъ крещеніи римляне, по принятому ими обычаю все сокращать, измѣнили первоначальное законное погруженіе, которое выражается самымъ словомъ *Baptisma*, въ обливаніе, противъ котораго возстаетъ восточная Церковь. Безъ сомнѣнія, и такое крещеніе дѣйствительно; но такъ-какъ оно употреблялось только въ случаяхъ крайнихъ, при недостаткѣ воды, или на одрѣ бользненномъ, то какъ можетъ быть оно узаконено, безъ всякой необходимости, какъ постоянное правило?

Еще одно неправильное примѣненіе должно замѣтить у римлянъ, касательно таинства елеосвященія, которое у нихъ выражается невѣрнымъ словомъ *extrema unctio*, то-есть, последнее помазаніе, и совершается только надъ умирающими, когда, напротивъ того, въ Апостольскомъ Посланіи ясно сказано: «болитъ ли кто въ васъ, да призоветъ пресвитеры церковные и да молитву сотворятъ надъ нимъ, помазавше его елеемъ, во имя Господне, и молитва вѣры спасетъ болящаго и воздвигнетъ его Господь (Іаков. гл. 5, 16.)». Посему и употребляетъ восточная Церковь таинство сіе, какъ первое средство изцѣленія, не только душевнаго, но и тѣлеснаго, не ожидая послѣдней минуты, по неправому толкованію римлянъ.

Сказать ли, что и въ таинствѣ священства есть также отступленіе отъ правилъ древнихъ при самомъ рукоположеніи, вкравшееся въ средніе вѣка. Хотя и не дозволено церковными древними правилами посвя-

щать на одной литургіи болѣе одного пресвитера и одного діакона,—римская Церковь посвящаетъ многихъ на одной литургіи. Вотъ и еще одно отступленіе отъ древнихъ правилъ: безбрачіе освященнаго клира, которое было отринуто на первомъ вселенскомъ Соборѣ и осуждено на шестомъ, какъ несообразное съ Апостольскимъ снисхожденіемъ, введено насильственной рукою Папы Григорія VII, какъ необходимый уставъ, въ римскую Церковь. Хотя, съ одной стороны, безбрачная жизнь священниковъ даетъ имъ болѣе свободы дѣйствовать въ пользу Церкви, если они проникнуты ревностію Апостольскою; но, съ другой, можетъ отъ того пострадать нравственность, ибо всегда ли и вездѣ ли удобно найти такое число воздержниковъ? Это и теперь составляетъ одинъ изъ затруднительныхъ вопросовъ римской Церкви, противъ котораго возстаютъ собственныя ея чада. Но Церковь восточная, благоразумно разрѣшивъ бракъ двумъ степенямъ священства, запретила его только одной высшей, какъ стоящей во главѣ. Знаю, что римляне упрекаютъ насъ въ совершенно противоположномъ: въ обязательствѣ брака для священства; но это не непрѣмный законъ, почему и не воспрепятствовалъ намъ еще недавно признать много безбрачныхъ священниковъ, пришедшихъ изъ уни; и въ греческой Церкви онъ также не существуетъ, тогда-какъ въ римской законъ о безбрачій утвердился канонически и сдѣлался основнымъ началомъ управленія и быта церковнаго.

Еще есть одно важное нововведеніе въ Церкви римской, уже не въ дисциплинѣ, а въ догматѣ, и нельзя о томъ умолчать, хотя вопросъ сей, какъ от-

влеченный по своему предмету, можетъ для иныхъ казаться безразличнымъ. Я разумно о исхожденіи Духа Святаго, которое восточная Церковь, по заповѣди вселенской, исповѣдуетъ тѣми словами, какъ возвѣстило Евангеліе, потому что слабый умъ чело-вѣчскій не можетъ проникнуть въ тайны Божественнаго существа и опредѣлить ихъ своими соображеніями. «Егда же приидеть Утѣшитель, сказалъ Господь Своимъ ученикамъ, Его же Азъ послю вамъ отъ Отца, Духъ истины, Иже отъ Отца исходитъ, Той свидѣтельствуеть о Мнѣ» (Іоан. 15, 17.). На основаніи сего яснаго догмата самого Господа, о вѣчномъ исхожденіи отъ Отца Духа Святаго, посылаемаго токмо Сыномъ во времени, второй вселенскій Соборъ подробно изложилъ то, что было кратко лишь о немъ сказано на первомъ: «вѣруемъ и въ Духа Святаго», присовокупивъ: «Господа животворящаго Иже отъ Отца исходящаго Иже со Отцемъ и Сыномъ споклоняема и славима, глаголаващаго Пророки». Третій же вселенскій Соборъ строго запретилъ что-либо прибавлять или убавлять въ символъ вѣры, какъ достаточно изъясненномъ исповѣданіемъ вселенской Церкви; но римляне, не смотря на сію заповѣдь, дерзнули приложить въ IX вѣкѣ къ сему полному и совершенному исповѣданію, о исхожденіи Духа Святаго отъ единого Отца, не-евангелійское и неправильное слово «и отъ Сына».

Достойно вниманія, какимъ образомъ великій поборникъ православія, Маркъ ефесскій, обличалъ на Флорентинскомъ Соборѣ римлянъ, которые старались защитить суемудрое свое приложеніе тѣмъ, будто бы оно было необходимо, для большей ясности до-

гмата, и подразумѣвалось древними Отцами, хотя не было доказано. Прочитавъ исповѣданіе символа о Духѣ Святомъ, онъ такъ разсуждалъ:

«Здѣсь должно примѣтить намѣреніе святыхъ Отцевъ; ибо подлежащія слова суть развитіе богословія. Собору сему угодно было ясно показать образъ единенія Святаго Духа со Отцемъ и Сыномъ, и смотрите, какъ различительно опредѣляетъ онъ присвоеніе Духа Святаго Отцу и Сыну. Какбы такъ говоритъ онъ: Духъ Святой, Отцами оными, сочитается Отцу и Сыну, яко отъ Отца происходящій, со Отцемъ же и Сыномъ споклоняемый и славимый, т. е. равночестный и единосущный. Если бы Соборъ признавалъ его происхожденіе отъ Обоихъ, то почему не сказалъ: «отъ Отца и Сына исходящаго, и съ Ними споклоняема и славима»? Такъ следовало бы сказать, если бы таково было мнѣніе Собора. Поелику же, въ первомъ случаѣ, Отцы не упомянули о Сынѣ, когда хотѣли опредѣлить вину исхожденія, а во второмъ случаѣ упомянули, когда хотѣли показать равночестіе и единосущіе: то очевидно, что они не признавали исхожденія Духа Святаго и отъ Сына; ибо, иначе, не опустили бы сего, и особенно тогда, когда составляли изложеніе догмата. И что сіе изложеніе есть совершеннѣйшее, а не полусовершенное, сіе видно изъ того, что вводишь изъ послѣдующихъ Соборовъ не сдѣлалъ на сіе изъясненіе новаго изъясненія, и не прибавилъ исхожденія и отъ Сына; возбранили сіе всѣ Соборы, своими опредѣленіями, на противъ того, и запретили, какбы пророчески провидя то, что у васъ имѣло случиться» (Concil. Florent. Sess. XXIII.).

Не время здѣсь и не мѣсто входить въ словопренія догматическія, которыя утомили Отцовъ на Соборѣ Флорентинскомъ; скажу только вкратцѣ, какимъ образомъ вкралось сіе ошибочное приложеніе въ символъ вѣры у западныхъ, которое теперь они домогаются всѣми силами защищать, чтобы оправдаться предъ всею Церковію. Ежели бы и не чувствовали они своей погрѣшности въ догматѣ, не могутъ однако не сознаться въ нарушеніи ими соборнаго опредѣленія, ибо вынуждены были оставить грекамъ символъ ихъ безъ приложенія. Достоинно вниманія, что въ нынѣшнее время одинъ изъ богослововъ западныхъ (Пальмеръ), изучая вопросъ сей изъ Писаній и свидѣтельствъ св. Отецъ, собранныхъ Зерникавомъ въ XVII вѣкѣ, отвергъ приложеніе римское, и можно посоветовать каждому изучать, кромѣ того, латинскій трактатъ о Св. Духѣ Θεофана Прокоповича, и тотъ же вопросъ въ новѣйшемъ сочиненіи богословіи нашего Епископа Макарія. Тамъ всѣ тексты и доводы представлены въ достаточной ясности и полнотѣ, для убѣжденія всѣхъ, кто только желаетъ познать истину.

Когда готы, болѣе другихъ народовъ зараженные аріанствомъ, основали сильное королевство въ Испаніи, то въ этомъ углу Европы долго еще держалась гибельная ересь сія, непризнававшая Сына Божія равнымъ Богу Отцу по существу; въ прочихъ же частяхъ просвѣщеннаго міра она почти угасла проповѣдію великихъ Отцевъ Церкви, каковы были Аѳанасій и Василій, Богословъ и Златоустъ на Востокъ, Амвросій и Иларій на Западъ. Посему, испанскіе епископы ревностно старались на своихъ част-

ныхъ Соборахъ о конечномъ истребленіи сей ереси, но ревность ихъ не была просвѣщена разумомъ великихъ Отцевъ Церкви и не были для нихъ доступны глубины богословія, просіявшаго съ Востока. Такъ-какъ главное изъ заблужденій аріанскихъ состояло въ томъ, что Сынъ Божій неравенъ Отцу, и въ доказательство сему приводили, что Духъ Святой исходитъ токмо отъ Отца, а не отъ Сына, то Отцы испанскіе, не вникнувъ въ сущность сего глубокаго догмата, положили исповѣдывать, что Духъ Святой исходитъ и отъ Сына, въ доказательство совершеннаго его во всемъ равенства со Отцемъ. Безгрѣшно по намѣренію, хотя и погрѣшительно по догмату, они смѣшали вѣчное исхождение Духа Святаго отъ единаго Отца съ посланіемъ Его во времени чрезъ Сына, когда Господь по воскресеніи Своемъ, дунувъ на Апостоловъ, сказалъ: «пріимите Духъ Святъ».

Не разсудили они, что если во Св. Троицѣ совершенное единосущіе и равенство по природѣ, между Отцемъ, Сыномъ и Духомъ Святымъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ и совершенное различіе въ свойствахъ каждаго лица; такимъ образомъ, предвѣчное рожденіе отъ Отца принадлежитъ единому Сыну, съ воспріятіемъ челоувѣчества нашего ради спасенія, а исхождение отъ единаго Отца принадлежитъ собственно Святому Духу, освятившему Церковь Христову, и не слѣдуетъ для равенства Лицъ Св. Троицы, чтобы сіе исхождение Духа было и отъ Сына, такъ-какъ и рожденіе Сына не относится къ Духу Святому, безъ нарушенія однако равенства. Такой однако новый догматъ дерзновенно приложили къ вселенскому символу вѣры Отцы испанскіе въ VIII столѣтіи, вопреки строгой

заповѣди соборной, не сообщивъ даже о томъ всей Церкви (такъ мало разумѣли они ея каноны). Докгмать сей непримѣтно распространился изъ Испаніи во Францію и по всему Западу, покоренному оружіемъ Императора Карла Великаго, но не могъ однако проникнуть въ Италію, которую охраняло православіе Апостольской кафедрѣ Рима. Однако Императоръ, замѣтивъ различіе въ символѣ, который читался въ его придворной церкви, съ римскимъ, просилъ Папу Льва III устранить такое разногласіе включеніемъ приложенія испанскаго; но сей благочестивый Папа, хотя и провозгласившій его Императоромъ и самъ причтенный къ лику святыхъ римской Церкви, отвѣчалъ посламъ Кесаревымъ: «Не знаю, лучше ли сдѣлали древніе Отцы, что опустили сіе слово; я не могу утверждать, чтобы они не такъ-же хорошо разумѣли оное, какъ и мы, потому что я не только не смѣю предпочитать себя имъ, но даже и равняться съ ними. Какъ бы ни хорошо было намѣреніе наше, должно опасаться испортить то, что уже хорошо само по себѣ, самонадѣянно отступивъ отъ древняго образа ученія; ибо Отцы, запретивъ что-либо прилагать къ символу, не различали доброе или дурное намѣреніе, а запретили просто, не дозволивъ даже и разсуждать, почему они такъ поступили». И для большаго охраненія православія Папа поставилъ, надъ гробомъ св. Петра, двѣ серебряныя доски, на конхъ вырѣзанъ былъ символъ по-гречески и по-латыни.

Хорошо, если бы преемники Льва держались тѣхъ же мыслей; но приложеніе западное къ символу, чрезъ вліяніе династїи карловингской, мало-по-малу

вкралось и въ Церкви италійскіе, такъ что и Папы даже у себя не могли охранить отъ него символъ вѣры. Однако, на Соборъ 879 года въ Константинополь, при возстановленіи Патріарха Фотія, на которомъ присутствовали легаты римскіе Папы Іоанна VIII, еще однажды провозглашенъ былъ символъ никейскій во всей его чистотѣ и опредѣлено: «если кто дерзнетъ начертать другой образецъ вѣры, кромѣ сего святаго символа, который изначала отъ блаженныхъ св. Отецъ дошелъ до насъ, и дерзнетъ называть что-либо свое опредѣленіемъ вѣры и унижать достоинство исповѣданія оныхъ богопросвѣщенныхъ мужей, включать въ него собственные изобрѣтенія и выдавать его вѣрнымъ или тѣмъ, которые недавно обратились изъ какой-либо ереси, за общее ученіе вѣры, или дерзновенно покусится повредить поддѣльными словами, прибавленіями и убавленіями, древность сего святаго и достоуважаемаго образа вѣры: то, по опредѣленію, нынѣ, а равно и прежде насъ, отъ святыхъ вселенскихъ Соборовъ, возвѣщенному, если таковой имѣетъ священный санъ, подвергаемъ его всеконечно низверженію, а если мірянинъ — анаѳемъ».

Римляне не признають достовѣрности сего Собора, котораго однако выписку, добытую изъ Ватикана, напечатавъ у себя въ церковной исторіи Флерп. Замѣчательно на концѣ дѣяній соборныхъ посланіе Папы Іоанна къ Патріарху Фотію, обличающее затруднительное положеніе римской Церкви по случаю прибавленія къ символу.

«Мы знаемъ, пишетъ Іоаннъ, дурные слухи, которые принесли къ вамъ о насъ и о нашей Церкви,

и потому, я хотѣлъ объясниться предъ вами, прежде даже нежели вы ко мнѣ о томъ напишете. Вы знаете, что посланный вашъ, объясняясь съ нами касательно символа, нашелъ, что мы соблюдаемъ оный, какъ пріяли прежде, ничего не прибавляя и не убавляя, ибо знаемъ, какое тяжкое наказаніе заслуживаетъ дерзающій сіе учинить. Итакъ, чтобы васъ успокоить по сему предмету, сдѣланному соблазнъ въ Церкви, объявляемъ вамъ еще разъ, что не только мы такъ не произносимъ, но и по безумію дерзнувшихъ учинить оное вначалѣ осуждаемъ, какъ нарушителей слова Божія и искажителей ученія Христова, Апостоловъ и Отцевъ, соборно предавшихъ намъ символъ, и часть ихъ съ Іудею, какъ одинаково съ нимъ дѣйствующихъ; ибо они не тѣло Господне предають смерти, но вѣрныхъ Божіихъ, которые суть Его члены, раздирають расколѣмъ и предають вѣчной смерти, вмѣстѣ съ собою, какъ оный недостойный апостоль. Но я думаю, святынѣ вашей, исполненной мудрости, не безъизвѣстно, что нелегко склонить къ сему мнѣнію остальныхъ епископовъ нашихъ и скоро измѣнить столь важный обычай, утвердившійся годами. Посему, полагаемъ, что никого не должно принуждать къ оставленію сдѣланнаго въ символъ прибавленія, но дѣйствовать съ скромностію и осторожностію, внушая мало-по-малу другимъ оставить сію хулу. Итакъ, обвиняющіе насъ въ томъ, будто и мы раздѣляемъ сіе мнѣніе, говорятъ неправду; но тѣ недалеко отъ истины, которые утверждаютъ, что есть еще между нами люди, дерзающіе такъ произносить символъ; вашему же братству подобаетъ не соблазняться о насъ и не чуждаться

прочаго тѣла нашей Церкви, но наипаче, съ кротостию и осторожностію, содѣйствовать намъ къ обращенію отклонившихся отъ истины, и такимъ образомъ, съ нами вмѣстѣ воспріять мзду».

Послѣ всѣхъ сихъ историческихъ свидѣтельствъ можно судить, на чьей сторонѣ правда, и кто нарушилъ самый догматъ вселенскаго исповѣданія, и посему, кто можетъ болѣе называть себя православнымъ?—Тѣ ли, которые соблюдаютъ древнее исповѣданіе Соборовъ, или тѣ, которые уже въ позднѣйшія времена отважились прибавить къ нему свое приложеніе, вкравшееся непримѣтно въ символъ, вопреки даже мнѣнію самихъ первосвятителей римскихъ, и теперь усиливаются защитить сей мнимо необходимый догматъ?—Господь да разсудитъ!

Вотъ я представилъ, со всевозможною краткостію и по моему крайнему разумѣнію, настоящее взаимное положеніе обѣихъ Церквей Запада и Востока, для того, чтобы люди благомыслищіе и желающіе распознать истину, сами вышлись: въ которой изъ нихъ есть больше условій благопріятствующихъ спасенію, и справедливо ли притязаніе римской, будто бы въ оной, какъ исключительно вселенской, нельзя ея обрести? Я смотрѣлъ со стороны догмата и канона, при обстоятельствахъ болѣе или менѣе для нихъ благопріятныхъ, отлагая человеческое, т. е. тѣ злоупотребленія, которыя, по свойственной намъ немощи, могли вкратѣ въ ту и другую, нбо все это, какъ извѣстнѣе пришедшее, съ перемѣною обстоятельствъ, легко пройти можетъ. Цѣтъ сомнѣнія, что современнымъ возникнетъ въ прежней своей славы Церковь собственно восточная, четырехъ патриаршихъ престо-

ловъ, и исправятся въ ней тѣ внѣшнія неустройства, которыя родились отъ долготѣшняго ига. Благодареніе Господу, что въ ней неприкосновенны догматы, каноны и обряды, и легко стряхнетъ она съ себя весь прахъ четырехвѣковаго ига.

Напротивъ того, въ римской Церкви тѣмъ напаче больно, что она, пользуясь спокойствіемъ и свободою, далеко отступила отъ соборныхъ правилъ, собственно по своему произволу, и что безотчетность каедръ римской узаконила ея нововведенія, несогласныя съ канонами, такъ что ей трудно будетъ возвратиться къ прежнему порядку. Это есть главная причина раздѣленія, хотя, кажется, Римъ столь ревностно предлагаетъ союзъ, который не можетъ однако принять православная Церковь, при явномъ нарушеніи канонѣвъ вселенскихъ. Какимъ образомъ рѣшится признать Востокъ исключительное главенство Папы, вмѣсто соборнаго его первенства, основаннаго на равенствѣ всѣхъ патріарховъ между собою? Какъ согласится на приложеніе въ символѣ, вопреки запрещенію Соборовъ? Будетъ ли равнодушно смотрѣть на лишеніе искупительной крови, при общеніи съ Господомъ, и на столько другихъ нарушеній священныхъ канонѣвъ, и въ таинствахъ и въ дисциплинѣ церковной?—А если бы и согласились, хотя и невольнo какъ на Флорентинскомъ Соборѣ, сохранивъ цѣлымъ свое, не обращать вниманія на погрѣшности римской Церкви,—едва ли согласится римская, послѣ столькихъ вѣковъ, сознать свою ошибку и отказаться отъ главенства своего патріарха, если бы и уступила и во всемъ прочемъ, какъ въ дѣль уніи?

Сей есть камень преткновенія и соблазна, къ сожалѣнію, положенный во мракъ среднихъ вѣковъ во главу римской Церкви, и который сама она уже не въ силахъ сдвинуть, безъ внутренняго сотрясенія. Самъ Господь да разсудитъ между патріаршими Церквами, Рима, съ одной стороны, и Константинополя, Александріи, Антиохіи и Иерусалима, съ другой, нѣкогда равными между собою и составлявшими единую католическую Церковь! — О если бы, по крайней мѣрѣ, до сего желаннаго для всего христіанства дня, съ обѣихъ сторонъ, съ западной и восточной, не увлекались мѣстными предубѣжденіями и съ большею искренностію и снисходительностію изучали тѣ каноническіе вопросы, на которыхъ можетъ быть опять основано единство союза вселенской Церкви! Но доколь римская, не смотря на весь свои отступленія отъ сихъ каноновъ, будетъ самонадѣянно утверждать, что нѣтъ спасенія иначе, какъ подъ сѣнію ея патріарха, — восточная сестра ея, исполненная чувствомъ своего православія, будетъ только сокрушаться о такомъ ожесточеніи и смиренно молить Отца свѣтовъ, дабы благодатію Духа, отъ Него исходящаго, просвѣтилъ и соединилъ опять во-едино всю католическую Церковь, искупленную кровію едиnorodнаго Его Сына!



С Л О В О

**ВЪ ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ ВЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО ГОСУДАРЯ
ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА, ГОВОРЕННОЕ
СИНОДАЛЬНЫМЪ ЧЛЕНОМЪ ВЫСОКОПРЕСВЯЩЕННѢЙ-
ШИМЪ ФИЛАРЕТОМЪ, МИТРОПОЛИТОМЪ МОСКОВ-
СКИМЪ, ВЪ МОСКОВСКОМЪ УСПЕНСКОМЪ СОВОРѢ,
ІЮНЯ 25 ДНЯ, 1852 Г.**

*Приблѣжи ко Господу дѣла
твоя, и утвердятся помыш-
ленія твоя (Притч. 16, 3.).*

Вотъ одна изъ притчей Царя Соломона, которыя онъ, по собственному его сказанію, написалъ для того, чтобы человекъ могъ познати премудрость и наказаніе, — уразумѣти же правду истинную (1, 2. 3.), то-есть, посредствомъ основательнаго наставленія узнать истинную добродѣтель и ею направить жизнь къ блаженству.

Почему сія притча пришла мнѣ на мысль для настоящаго слова, вы усмотрите вскорѣ: но прежде всмотримся въ притчу.

Приближеніе къ Богу, по благотворному намѣренію Творца, соответственно потребности существа сотвореннаго по образу Божию, есть для человека

истинная и законная цель стремления на поприще жизни. Сотворенный по образу Безконечнаго, человекъ не удовлетворится конечнымъ: и если гоняется за тѣмъ, что ему представляется желательнымъ въ тваряхъ, то, и по достиженіи желаннаго, не остается довольнымъ, вскорѣ находя оное для себя маломѣрнымъ и недостаточнымъ. Умъ, сотворенный по образу Безконечнаго, только вѣчною истиною можетъ утолить жажду вѣдѣнія. Сердце, сотворенное по образу Безконечнаго, только безконечнымъ благомъ можетъ насытить алчбу благополучія и блаженства. Такъ, конечно, мыслилъ Царь-пророкъ, когда взывалъ къ Богу: *насыщуся, внигда явитимися слава Твоей* (Псал. 16, 15.). Посему и увѣщаваетъ другой Пророкъ: *приближайся къ Богу своему присно* (Ос. 12, 6.). И Апостоль поощряетъ къ сему общаіемъ облегчающей сіе взаимности: *приблизитесь Богу, и приблизится вамъ* (Іак. 4, 8.).

Но какъ можетъ человекъ приблизиться къ Богу невидимому и неостижимому?—Очевидно, не можетъ летѣть, какъ-скоро пожелаетъ, всѣмъ существомъ своимъ отъ земли на небо, изъ видимаго въ невидимое: а можетъ и долженъ направлять къ Богу движенія своихъ силъ и способностей, преимущественно означенныхъ образомъ Божіимъ, не связуемыхъ тѣлеснымъ, не ограничиваемыхъ пространствомъ; можетъ и долженъ устремлять къ Богу помысленія и желанія, приближаться къ Богу умомъ и сердцемъ, созерцаіемъ и молитвою, вѣрою и любовію.

На семъ правомъ пути встрѣчаются затрудненія, которыя происходятъ частію отъ прирожденнаго поврежденія нашей природы, удобно простирающагося

и на нашу произволь, частію отъ приращенія силъ, дѣйствующихъ внѣ насъ, также поврежденныхъ и уклоненныхъ отъ благоустроенія Творческаго. Хотя мы сознаемъ, что мы властны думать, о чемъ хотимъ: однако не случается ли, что, воскресивъ помышленія наши къ Богу, не можемъ долго и постоянно удерживать ихъ на высотѣ, что овѣ, то какбы ненарочно изпадають, то, даже вопреки нашимъ усиліямъ возвысить ихъ, низвергаются долу, на предметы низкіе, суетныя? Хотя чувствуемъ, что не какая-либо посторонняя сила движетъ наши желанія, а мы сами произвольно простираемъ ихъ къ тому или другому предмету: однако не случается ли, что, направляя желанія наши къ благамъ духовнымъ, небеснымъ, вѣчнымъ, мы испытываемъ сильное противоборство другихъ желаній, которыя влекутъ насъ къ предметамъ земнымъ, тѣннымъ, къ удовольствіямъ чувственнымъ, и ослабляютъ и задерживаютъ наше стремленіе къ Богу?

Противъ такихъ и подобныхъ затрудненій хочетъ подать намъ помощь притча, которая предлагаетъ приблизить къ Богу дѣла наши, и обнадеживаетъ, что чрезъ сіе утвердятся помышленія наши. *Приблизь ко Господу дѣла твоа, и утвердятся помышленія твоа.* Въ самомъ дѣлѣ, можемъ ли мы не колеблясь приближаться къ Богу нашими помышленіями, желаніями, духомъ, когда небрежемъ о соответственномъ сему направленіи нашихъ дѣлъ? Хотя духъ долженъ быть сильнѣе плоти,—*духъ бо бодрѣе по самому естеству, плоть же немощна по естеству ея* (Марк. 14, 38.): однако можетъ ли имѣть такую силу духовная мысль, когда ей противоборствуютъ

чуждыя духовнаго направленія дѣла, съ которыми соединена сила такихъ же мыслей и желаній, произведшихъ оныя, и, въ случаѣ учащенія оныхъ, и сила привычекъ и пристрастій? Итакъ, если желаешь нехрамлющими и неколеблющимися стопами приближаться къ Богу и твердо предстоять Ему въ богомыслии, въ молитвѣ, въ вѣрѣ, въ любви: то старайся всѣмъ дѣламъ твоимъ дать духовное направленіе, одушевляя ихъ мыслию, стремящеюся къ Богу. *Приблизжи ко Господу дѣла твоя, и утвердятся помышленія твоя.*

Спросишь ли: какъ могу приближать къ Богу дѣла свои? — Я уже сказалъ: одушевляя ихъ мыслию, устремленною къ Богу.

Не говорю теперь о дѣлахъ беззаконныхъ и злыхъ: ихъ не лзя приблизить къ Богу; ихъ должно всею силою воли отражать и отвергать, какъ удаляющія отъ Бога.

Говорю о дѣлахъ добрыхъ, или по крайней мѣрѣ безвинныхъ, обыкновенныхъ въ жизни, но не представляющихся въ непосредственномъ отношеніи къ Богу; подвизайся не дѣлать ихъ въ забвеніи о Богѣ, по своеволію, по прихоти, по страсти; потому что чрезъ сіе удаляешь ихъ отъ Бога и онѣ, примѣтно или непримѣтно, удаляютъ тебя отъ Бога.

Если, напримѣръ, хочешь благотворить ближнему, не дѣлай сего для славы или почести, потому что чрезъ сіе приближаешь свое дѣло къ людямъ, а не къ Богу; не дѣлай сего безъ вниманія, безъ мысли и чувства, потому что такое дѣло будетъ безъ жизни и слѣдственно безъ движенія къ Богу; подай твою ленту нищему съ сердечною мыслию о Рек-

шемъ: *будьте милосерди, якоже и Отець вашъ милосердъ есть* (Лук. 6, 36.), и твоя лепта пойдетъ чрезъ нищаго къ Богу, и тебя поведетъ къ Богу.

Если призываешься къ дѣламъ званія и служенія общественнаго: не ищи возбужденія твоей ревности въ желаніи наградъ и въ надеждѣ возвышенія надъ другими; найди для себя движущую силу въ мысли, что должностное въ обществѣ лице *Божій слуга есть во благое* (Рим. 13, 4.); служи Царю и царству въ-рою и правдою, чтобы тѣмъ принести службу Богу, и твои дѣла для отечества земнаго будутъ приближать тебя къ отечеству небесному.

Если труднисься для потребностей и благосостоянія земной жизни: берегись поставлять себя цѣлю то, чтобы наконецъ сказать съ богачемъ притчи: *душе, имаша многа блага, — яждь, пей, веселися* (Лук. 12, 19.): притча уже сказала, что это путь безумія и ведетъ ко внезапной гибели. Возми себѣ въ руководство Апостольское слово: *есть снисканіе велие—великое приобрѣтеніе—благочестіе съ довольствомъ* (1 Тим. 6, 6.), и учиись *богатѣть въ Бога правдою приобрѣтенія, умѣренностію въ употребленіи приобрѣтеннаго, служеніемъ отъ избытка твоего, а иногда и отъ скудости твоей, нуждающимся ближнимъ.*

Аще ясте, говоритъ Апостоль, аще ли пиете, аще ли ино чтѣ творите, вся въ славу Божию творите (1 Кор. 10, 31.). Примѣчайте, какъ и то дѣло, которое чревоугодника унижаетъ до самыхъ низкихъ между безсловесными, благоразумный можетъ одушевить возвышенною мыслию и, по выраженію Соломона, *приблизитъ къ Господу.*

Видишь ли дѣло, которое надобно начать: прежде нежели введешь оное въ область событій, приближи оное къ Богу молитвою о благословеніи на его начатіе, о помощи для его совершенія.

Смотришь ли на дѣла, которыя ты уже совершилъ съ усѣхомъ, съ достоинствомъ, съ пользою для себя и другихъ, со славою; не приближай ихъ слишкомъ къ себѣ, не питай ими своего самолюбія; приближай ихъ къ Богу, исповѣдуя надъ ними благодать Его Провидѣнія, вознося къ Нему оміамъ благодарнаго сердца.

Сіе послѣднее значеніе и примѣненіе притчи Соломоновой нынѣ особенно, къ утѣшенію и назиданію, мы можемъ видѣть въ живомъ величественномъ дѣйствіи.

Отъ начинающагося нынѣ новаго лѣта жизни Благочестивѣйшаго Самодержца нашего обращаясь къ лѣту прошедшему, тамъ видимъ мы день, на который съ ожиданіемъ смотрѣли дни предшествовавшіе, на который съ благоговѣніемъ смотрятъ и смотрѣть будутъ дни послѣдующіе. Это день, въ который совершилось Его двадцатипятилѣтіе въ качествѣ Богомъ вѣнчаваго и помазаннаго Царя. Сколько воспоминаній приносилъ Ему сей день о подвигахъ и достопамятныхъ дѣлахъ, которыя Онъ совершилъ, ко благу Церкви и царства, въ войнѣ и мирѣ, въ законодательствѣ и управленіи, въ возвышеніи благоустройства званій и состояній, въ изліяніи милостей и щедротъ, въ призрѣніи страждущаго и безпомощнаго человечества, въ облегченіи неотразимыхъ человѣческою силою частныхъ и общественныхъ бѣдствій, въ укрощеніи бурь и волненія моря народовъ, иногда

единственно Своею личною непоколебимостию и силою духа! Какъ же торжествовалъ Онъ сей день? Чѣмъ ознаменовалъ снъ воспоминанія? Духъ Его вознесся превыше всякой торжественности земной: Онъ *приближилъ ко Господу дѣла Свои*. Съ совѣщанною Супругою и съ соборомъ втораго и третьяго рода Своего семейства, на крилахъ огня Онъ перенесся изъ Своей пещи въ Свою древнюю столицу единственно для того, чтобы принести Богу енисіамъ благоговѣющаго и благодарнаго сердца въ томъ самомъ храмѣ, въ которомъ пріялъ отъ Него священное въѣзжаніе и помазаніе. Торжество, безспорно, самое высшее! потому что восходитъ непосредственно къ Богу. Торжество въ высшей степени радостное! потому что радость въ немъ небесная.

Праведно, Россія, ты парицаешь Царя своего благочестивѣйшимъ. Радуйся о семъ, и храни для себя сію радость, непрестанно подвизаясь и сама быть достойною наименованія, которымъ Его украшаешь. Подвизайся быть и пребыть дѣятельно благочестивою, *приближая ко Господу дѣла твои*, живою вѣрою и неуклоннымъ послѣдованіемъ заповѣдямъ Его, да можешь съ твердою надеждою взывать къ Нему пророческимъ гласомъ: *тогда не постыжуся, не поклеблюся, утверждуся въ силу и славу, всегда призрѣти ми на вся заповѣди Твоя* (Псал. 118, 6.).
Аминь.

ВЪ РЕДАКЦІИ ИЗДАВАНІЯ ТВОРЕНІЙ СВ. ОТЦЕВЪ

и въ Канцеляріи Правленія
МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ
ПРОДАЮТСЯ КНИГИ:

1. **ТВОРЕНІЯ СВ. ГРИГОРІЯ БОГОСЛОВА** въ русскомъ переводѣ. Часть 5-я. Цѣна съ пересылкою. . . 1 р. 50 к. —
 2. — — — Часть 6-я. Цѣна та-же 1 р. 50 к. —
 3. **УКАЗАТЕЛЬ КЪ СЛОВАМЪ И РЪЧАМЪ ВЫСОКОПРЕСВЯЩЕННѢЙШАГО ФИЛАРЕТА, МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО**, составленный по изданію въ 3-хъ томахъ, въ Москвѣ, 1844—1845 г. Цѣна 30 к. —
на пересылку прилагается за 1 фунтъ.
 4. Исторія Русской Церкви Филарета, Епископа Харьковскаго, періодъ первый, изданіе 2-е, Харьковъ, 1850 г. Цѣна съ пересылкою. 1 р. 30 к. —
 5. Слова на Воскресные дни Кирилла, Архіепископа Подольскаго, 1841 г. Москва. Цѣна. 1 р. 40 к. —
на пересылку прилагается за 2 фунта.
 6. Достопамятныя сказанія о подвижничествѣ святыхъ и блаженныхъ Отцевъ. Цѣна. 1 р. 30 к. —
на пересылку прилагается за 2 фунта.
 7. Жизнь св. Аѳанасія, Архіепископа Александрійскаго. 50 к. —
на пересылку прилагается за 1 фунтъ.
 8. Св. Иоанна Лѣтвничка Лѣтвница и Слово къ Пастырю, переводъ съ греческаго. Цѣна съ пересылкою. . . 1 р. 50 к. —
 9. Разсужденія: О ересьяхъ и расколахъ въ Россіи. Ц . 75 к. —
на пересылку прилагается за 2 фунта.
 10. — О христіанскомъ мученичествѣ 40 к. —
 11. — О христіанскихъ путешествіяхъ. 15 к. —
 12. — О Владыкѣ Израилевомъ (Мих. 5,2) 7 к. —
 13. — О Муромозаніи 15 к. —
 14. — Объ спитиміяхъ 15 к. —
 15. — О Божествѣ Сына Божія 20 к. —
 16. — О Крестныхъ ходахъ Православной Церкви . . . 20 к. —
 17. — О поведеніи первенствующихъ христіанъ въ отношеніи къ язычникамъ. 35 к. —
 18. — О поминовеніи усопшихъ. 25 к. —
 19. — О Литургіи преждеосвященныхъ Даровъ 50 к. —
 20. Пресвященный Тихонъ, 1-й Епископъ Воронежскій и Елецкій. 40 к. —
 21. Святый Левъ, Папа Римскій 30 к. —
 22. Исторія Флорентійскаго Собора 50 к. —
- На пересылку 13 сочиненій, вмѣстѣ, прилагается за 10 фунт.
23. Святый Димитрій, Митрополитъ Ростовскій. 1 р. — —
На пересылку прилагается за 2 фун.
 24. Историко-статистическое описаніе Харьковской епархіи
Цѣна съ пересылкою. 1 р. —
 25. Предъизображеніе Господа нашего Іисуса Христа и Церкви
Его въ ветхомъ заветѣ. Цѣна. 1 р. —

СОДЕРЖАНІЕ.

ТВОРЕНІЯ СВ. ЕФРЕМА СІРІНА.

	стр.
1. 468. О страшнѣекой жизни.	4.
2. 469. Объ отшельничествѣ.	3.
3. 470. О братскомъ вразумленіи другъ друга.	8.
4. 474. О рабѣ.	58.
5. I. Молитвы на разные случаи.	103.
6. II. Слезныя моленія.	118.
7. III. Молитвы къ Пресвятой Богородицѣ.	162.
8. IV. Предемертное завѣщаніе.	201.

П Р И Б А В Л Е Н І Я.

1. Слово въ день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, говоренное въ Каѳедральной церкви Чудова монастыря Синодальнымъ Членомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Филаретомъ, Митрополитомъ Московскимъ. 25 Марта 1852 г.	463.
2. О конечныхъ причинахъ Письмо IV.	470.
3. Фотій, Митрополитъ Кіевскій и всея Россіи.	207.
4. Слово Каѳолическаго православія Римскому Католичеству.	272.
5. Слово въ день рождения Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича, говоренное Синодальнымъ Членомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Филаретомъ, Митрополитомъ Московскимъ, въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, Іюня 25 дня 1852 г.	337.

На 270 стран. Прибавленій, въ прибавленіи, на последней строкѣ, напечатано: стр. 38 прим. 2. вмѣсто: стр. 254, прим. М.

С Л О В О ,

ВЪ ДЕНЬ ОБРЪТЕНІЯ СВЯТЫХЪ МОЩЕЙ ПРЕПОДОВАНАГО И БОГОНОСНАГО ОТЦА НАШЕГО СЕРГІЯ, ГОВОРЕННОЕ СИНОДАЛЬНЫМЪ ЧЛЕНОМЪ, ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШИМЪ ФИЛАРЕТОМЪ, МИТРОПОЛИТОМЪ МОСКОВСКИМЪ И КОЛОМЕНСКИМЪ, ІЮЛЯ 5 ДНЯ 1852 ГОДА.

Помлянеши Господа Бога твоего.
Втор. 8, 18.

Благоговѣйно творя память преподобнаго и богоноснаго Отца нашего Сергія, мы исполняемъ заповѣдь Апостола: *поминайте наставники ваша* (Евр. 13, 7.). Сія Апостольская заповѣдь приводитъ мнѣ на память заповѣдь Пророческую: *помянеши Господа Бога твоего*. И это не по одному подобословію, но по причинѣ болѣе существенной. Благочестно творимая память святыхъ есть отрасль, которой корнемъ должно быть благоговѣйное памятованіе о Богѣ, такъ какъ и благодать святыхъ есть отрасль отъ живоноснаго корня Божіей силы, или лучъ отъ источнаго свѣта Божія. Чтобы отрасль могла зеленѣть, цвѣсти и приносить плодъ, для сего потребенъ живыи корень. Такъ, чтобы творимая о святыхъ память была благотворна, для сего надобно,

чтобы живое памятованіе о Богѣ всаждено было въ сердцахъ.

Итакъ, мы не уклонимся отъ предмета настоящаго празднованія, но еще послушаемъ оному, если войдемъ въ нѣкоторыя размышленія о заповѣди: *помянешь Господа Бога твоего.*

Сію заповѣдь предложилъ народу Божию Пророкъ Моисей, въ великомъ поученіи, которое произнесъ къ нему въ концѣ своего пророческаго и законодательнаго служенія, и вписалъ въ книгу Второзаконія. *Слыши израилю, говорилъ Пророкъ, ты прошелъ достопамятное поприще сорокалѣтняго странствованія подъ непосредственнымъ руководствомъ Божиимъ; идетъ время, въ которое ты долженъ будешь оправдать данное тебѣ руководство тѣмъ, чтобы умѣть руководствовать и самому себя. Въ землѣ обѣтованной не съ нищетою съѣси хлѣбъ твой (Второз. 8, 9.), и ясти будеши и насытишися (— 10.): какъ воспользуешься ты настоящимъ благополучіемъ? Помянешь весь путь, имже проведе тебе Господь Богъ твой (— 2.), опасности, сквозь которыя ты прошелъ, трудности, которыя преодолѣлъ, чудеса, которыхъ былъ свидѣтелемъ и предметомъ: какое употребленіе сдѣлаешь ты изъ сихъ воспоминаній прошедшаго?—Указую тебѣ путь правды и спасенія: вспомни Бога, виновника всѣхъ сихъ благъ. Помянешь Господа Бога твоего.*

Вспомни Бога.—Если сіе требованіе принять въ его буквальной ограниченности: то можно подумать, что оно слишкомъ умѣренно, чтобы не сказать скудно, и не въ мѣру своего предмета. Довольно ли требовать отъ сына, чтобы онъ иногда вспо-

мнилъ отца? И не излишне ли такое требованіе? Можетъ ли сынъ забыть отца? Даже не оскорбительно ли для сына, когда предполагается, что онъ можетъ забыть отца? Человѣкъ Богу не безмѣрно ли больше обязанъ, нежели между человѣками сынъ отцу? Отецъ далъ сыну жизнь: но не свою, а полученную отъ Бога творца. Отецъ воспиталъ сына, ввелъ въ общество, обезпечилъ его благосостояніе: но это все не иначе, какъ по благословенію и подъ покровительствомъ Бога промыслителя. Сынъ дѣйствуетъ умомъ не отца, но своимъ, волею не отца, но своею, силою не отца, но своею: но человѣкъ не можетъ ни дѣйствовать, особенно дѣйствовать праведно, ни мыслить, особенно мыслить доброе, ни жить, особенно жить блаженно, не можетъ безъ Бога, Который *поситъ всяческая глаголомъ силы Своея* (Евр. I, 3.), о Которомъ *живемъ и движемся и смы* (Дѣя. 17, 28.), безъ Котораго *не довольни смы отъ себе помыслити что, яко отъ себе* (2 Кор. 3, 5.), Которому *отвращишу лице, възмѣтутся всяческая, и исчезнутъ и въ персть свою возвратятся* (Псал. 103, 29.). При такомъ отношеніи человѣка къ Богу, довольно ли требовать отъ человѣка, чтобы онъ иногда вспомнилъ Бога? И не излишне ли такое требованіе? Можно ли человѣку забыть Бога? Даже не оскорбительно ли, не только для Бога, но и для самого человѣка не оскорбительно ли, когда предполагается, что онъ можетъ забыть Бога?—Нѣтъ сомнѣній, что совѣсть каждаго на сіе скажетъ: точно такъ, или такъ должно быть.

Такъ должно быть, по размышленію о истинѣ и

справедливости. По что видимъ на дѣлѣ? Не станемъ искать сучца въ чужемъ окѣ: каждый да осяжетъ свое, нѣтъ ли въ немъ бервна. Не проводимъ ли мы многихъ часовъ, и цѣлыхъ дней, погруженные въ дѣла земныхъ обязанностей, или просто, произвола, корысти, прихоти, не приводя себѣ на мысль обязанности небесной: *помянеши Господа Бога твоего?* Встрѣчая затрудненія въ дѣлахъ, препятствія, неудачи, лишенія, оскорбленія, не мучимъ ли мы себя иногда очень долго безплодною печалью или досадою и безуспышнымъ изыскиваніемъ средствъ помочь себѣ, не пользуясь близкимъ и вѣрнымъ средствомъ, — тѣмъ, чтобы вспомнить Бога, и просить Его помощи, или предаться Его волю? Имѣя успѣхи въ дѣлахъ, пользуясь безопасно, изобиліемъ, пріятнымъ положеніемъ въ обществѣ, преимуществами въ званіи, въ служеніи, не переходимъ ли мы отъ суетливой мірской дѣятельности къ нравственной дремотѣ, въ которой мечтаемъ о своемъ достоинствѣ, хвалимъ свое искусство, до безмѣрности разширяемъ свои виды, преувеличиваемъ свои надежды, — и не умѣемъ очнуться, чтобы вспомнить Бога, узрѣть надъ собою Его благодыющую руку, и воздать Ему хвалу и благодареніе?

Сличимъ сіи опыты жизни съ умозрѣніемъ истины и справедливости, выше указаннымъ. Если мало — требовать отъ сына воспоминанія объ отцѣ, потому что сверхъ того сынъ обязанъ отцу почтеніемъ, любовію, послушаніемъ; если тѣмъ наче мало — требовать отъ человѣка воспоминанія о Богѣ, потому что сверхъ того человѣкъ обязанъ Богу благоговѣ-

ніемъ , любовію, исполненіемъ заповѣдей Его : то какъ много виновны мы, когда не исполняемъ и того, по исполненіи чего надлежало бы еще сказать: этого мало ! Если сыну такъ свойственно помнить отца, что излишнимъ представляется напоминать ему о семь ; если много паче свойственно чловѣку помнить Бога; то какъ странно, какъ неестественно, что чловѣкъ забываетъ Бога! Если оскорбительно для достоинства сына предположить, что онъ можетъ забыть отца, и еще болѣе оскорбительно для достоинства чловѣка предположить въ немъ забвеніе Бога ; то какъ тяжело мы оскорбляемъ достоинство ума, сердца, совѣсти, природы чловѣческой, дѣйствительно забывая Бога! И koliko же болѣе оскорбляемъ чрезъ сіе Бога !

О Боже праведный ! Если бы за наше долгое, многократное о Тебѣ забвеніе Ты воздалъ только мгновеніемъ Твоего забвенія о насъ: мы низринулись бы ниже преисподней ; ибо и сущіе тамъ не чужды Твоего памятованія, такъ какъ не чужды Твоего провидѣнія. Но Ты, Долготерпѣливъ, не забываешь забывающаго Тебя чловѣка, и кротко напоминаешь ему о Себѣ словомъ Твоего Откровенія: *помянеши Господа Бога твоего. Вспомни Бога. — Тебѣ, Господи, правда, намъ же стыдныя лица* (Дан. 9, 7).

Пророкъ, возбуждая людей къ памятованію о Богѣ, примѣняетъ свое наставленіе въ-особенности къ состоянію благополучія: *помянеши Господа Бога твоего, яко Той даде тебѣ крѣпость, еже сотвори ти силу*. Сіе особенное примѣненіе не то значить, чтобы надлежало помнить Бога въ благопо-

лучи́и болѣе, нежели въ инаковомъ состояніи, но то, что въ благополучіи чело́вѣкъ болѣе подвергается опасности забыть Бога, и потому болѣе требуетъ предостереженія отъ сего. Примѣръ сего тотже Пророкъ представляетъ въ пророческой пѣснѣ о израиль, съ горькою точностію оправданной событіями: *яде іаковъ, и насытится, и отвержесе возлюбленный; уты, утолстъ, разширъ, и остави Бога сотворишаго его, и отступи отъ Бога Спаса своего* (Втор. 32, 15.).

Предостереги себя симъ примѣромъ, возлюбленный новый израиль. Если видишь себя благополучнымъ, пользуйся благополучіемъ умеренно; если чувствуешь въ себѣ силу, помани Бога, давшаго тебѣ крѣпость; берегись, чтобы обильно питаемое земными наслажденіями сердце не одобелѣло, и не сдѣлалось неспособнымъ къ небеснымъ ощущеніямъ; старайся питать оное не столько видимыми благами, сколько мыслию о невидимомъ Подателѣ благъ, которая можетъ содержать оное всегда открытымъ сосудомъ для благодати.

Нѣкоторыя изъ вышепредложенныхъ размышленій требуютъ, чтобы не оставленъ былъ безъ разрѣшенія вопросъ: почему Пророкъ, требуя памятованія о Богѣ, требуетъ такъ мало, когда чело́вѣкъ обязанъ Богу не только памятованіемъ, но и благоговѣніемъ, любовію, исполненіемъ заповѣдей? Это по тойже причинѣ, по которой земледѣлецъ сѣетъ малое сѣмя; ибо знаетъ, что оно, бывъ принято доброю землею, само собою произведетъ немалое растеніе и обильный плодъ. Воспоминаніе и памятованіе о Богѣ есть сѣмя добродѣтелей и сѣмя блаженства.

Учащаемое со вниманіемъ воспоминаіе о Богѣ постепенно переходитъ въ постоянное о Немъ памятованіе; съ постояннымъ о Богѣ памятованіемъ естественно соединяется ощущеніе себя въ присутствіи Божіемъ и помышленіе о совершенствахъ и дѣлахъ Божіихъ; отъ помышленія о совершенствахъ и дѣлахъ Божіихъ, при ощущеніи присутствія Его, восходятъ и растутъ благоговѣніе къ Богу, вѣра, молитва, любовь, желаніе благоугождать Ему и страхъ нарушить Его заповѣди.


Богъ, избравъ Авраама, восхотѣлъ сдѣлать его совершеннымъ. Какое же для сего употребилъ Онъ средство? Памятованіе о Богѣ и хожденіе въ Его присутствіи. *Ходи предо Мною, рекъ Онъ, и буди совершенъ* (Быт. 17, 1.).

Въ самомъ дѣлѣ, если въ присутствіи царя мы не позволимъ себѣ никакой небрежности, а тѣмъ болѣе неприличія, но стараемся, чтобы всякое наше слово, всякое движеніе было ему благоугодно: то кольми паче представляющій себя въ присутствіи Божіемъ не позволить себѣ никакого грѣха, поревнуетъ о святомъ дѣлѣ благоугодномъ Богу.

Помянухъ Бога, и возвеселихся (Псал. 76, 4.), сказалъ Пророкъ, — и это есть начатокъ веселія, чаемаго отъ лицезрѣнія Божія въ вѣчности: *исполниши мя веселія съ лицемъ Твоимъ* (Псал. 15, 11.).

Востани, Иерусалиме, взываетъ Пророкъ, — и *виждь собранная чада твоя отъ востокъ солнца до запада, словомъ Святаго, радующаяся памятію Божіею* (Вар. 5, 5.). Новый благодатный израиль! Ты не долженъ отстать отъ древняго, но по данной Тебѣ преимущественной благодати долженъ

превзойдти его. Подвизайся всегда представлять небу, какъ представляешь иногда, какъ представляешь, кажется, въ настоящія минуты, благоугодное небу зрѣлище множества чадъ твоихъ, водимыхъ словомъ Божиимъ, *радующихся памяти Божіею*. Воспомянай Бога, не умомъ только, но наипаче сердцемъ, съ благоговѣніемъ, съ вѣрою, съ любовію, съ благодарностію за Его благодѣянія, съ желаніемъ благоугождать Ему, да и *Господь помянетъ тебя въ благоволеніи людей Своихъ, поспѣшитъ тебя спасеніемъ Своимъ* (Псал. 105, 4.) во времени и въ вѣчности. Аминь.



Б Е С Ъ Д А ,

НА ПРАЗДНЕСТВО УСПЕНІЯ И ВЪ ТРЕТІЙ ДЕНЬ
ЯВЛЕНІЯ БОЖІЕЙ МАТЕРИ АПОСТОЛАМЪ, ГОВОРЕН-
НАЯ СИНОДАЛЬНЫМЪ ЧЛЕНОМЪ ВЫСОКОПРЕОСВЯ-
ЩЕННѢЙШИМЪ ФИЛАРЕТОМЪ, МИТРОПОЛИТОМЪ МО-
СКОВСКИМЪ, ВЪ ГЕОСИМАНСКОМЪ СКИТЬ, АВГУСТА
17 1852 года.

Послѣ усопшихъ обыкновенно бываетъ время пла-
ча, потомъ время утѣшенія печальныхъ; и далѣе
того и другаго продолжается время, въ которое
дѣти и присные пользуются праведнымъ наслѣдіемъ
отшедшихъ.

И усненію Пресвятыя Владычицы нашея Богоро-
дицы надлежало сопровождаться подобными послѣд-
ствіями, по сродному съ нами естеству Ея, есте-
ственными, по обилію данной Ей благодати, обильно
благодатными.

Плакали Апостолы, когда жизнь Матери Свѣта,
какъ тихая заря послѣ Божественнаго Солнца Хри-
ста сіявшая для Церкви, угасла предъ ихъ очами.
Плакали горькими слезами естественной печали, но
вмѣстѣ и сладкими слезами благодатнаго умиленія:
потому что въбра въ неумирающую благодать Мате-
ри Господней и чувство благоговѣйной любви къ
Ней господствовали надъ чувствомъ лишенія.

Полное же и совершенное утѣшеніе получили они, конечно, тогда, когда, въ третій день по Ея успеніи, ради опоздаваго къ Ея погребенію Оомы, отверзши гробъ Ея, не обрѣли пречистаго тѣла Ея, и въ-слѣдъ за тѣмъ увидѣли Ее въ славу воскресенія, и отъ Ней самой услышали слово утѣшенія: радуйтесь, яко съ вами есмь во вся дни.

Если радость, которую годаеть воскресшая Матерь Божія, имѣеть своимъ источникомъ присутствіе Матери Божіей съ нами во вся дни: то очевидно, что и радость, какъ потокъ изъ сего источника, должна протекать по всемъ временамъ, до впаденія въ море вѣчнаго блаженства. И вотъ прекрасное и неиздваемое наслѣдіе, которое Матерь Божія въ успеніи Своемъ, не только оставила, но опредѣлительно назначила и преподала Своимъ по благодати чадамъ и приснымъ. *Радуйтесь, яко съ вами есмь во вся дни.*

И Церковь Христова пріяла отъ Матери Божіей сіе наслѣдіе и хранитъ, и отъ дней до дней, отъ лѣта до лѣта, отъ вѣка до вѣка непрестаетъ раздѣлять оное. Для чего и нынѣ собрала она сей соборъ, какъ не для того, чтобы, если можно, каждый пріялъ нѣкую долю святой и благотворной радости отъ благодатнаго сокровища Царицы небесныя?

Правда, не всямъ безъ различія завѣщала она сію радость, но преимущественно Апостоламъ: однако, поелику обѣщала и продолжить оную, вмѣстѣ съ присутствіемъ Своимъ въ Церкви во вся дни; то чрезъ сіе простерла Свое обѣщаніе и на живущихъ

послѣ дней Апостольскихъ, если они усвоятъ себя Ей въ чада и присные Апостольскою вѣрою въ Ея неумирающую благодать и Апостольскою благоговѣйною къ Ней любовію.

Итакъ *радуйтесь*, души, подвизающіяся въ вѣрѣ, по образу Петра, который ускорилъ прежде другихъ исповѣдать Христа Сына Божія, и, по вѣрѣ въ Него, и по водамъ ходить отваживался! Матерь Начальника и Совершителя вѣры *съ вами есть*; и какъ Она блаженна вѣровавшая, такъ и вамъ споспѣшествовать будетъ сквозь искушенія и опасности достигнуть блаженства.

Радуйтесь, души, стремящіяся къ совершенству любви, по подобію возлюбленнаго Ученика, который и Бога созерцалъ преимущественно въ Его качества любви, окомъ любви, и въ любви же заключалъ все ученіе жизни! Нареченная Матерь возлюбленнаго Ученика *съ вами есть*; и не отречется быть матерію и для васъ, чтобы покровительствовать духовному воспитанію вашему отъ рабскаго страха до *совершенной любви, изгоняющей страхъ* (1 Іоан. 4, 18.).

Радуйтесь, ревнители слова истины! Матерь вѣчнаго Слова *съ вами есть* и неотступно представляетъ предъ Нимъ о васъ, *да дастъ вамъ уста и премудрость, ейже не возмогутъ противитися, или отвѣщать* вси противляющіеся вамъ (Лук. 21, 15.).

Радуйтесь, хранящіе дѣвство и цѣломудріе! Приснодѣва *съ вами есть*; и какъ дѣвство приближило къ Ней Іоанна, такъ оно приблизитъ Ее къ вамъ. Дознаютъ сіе благодѣтельными опытами особенно тѣ, которые въ удавленіи отъ міра благоразсудно цѣломудрствуютъ духомъ и тѣломъ: а отъ нѣкото-

рыхъ изъ таковыхъ и въ міръ сіе извѣстно , какъ на примѣръ, отъ преподобныхъ Антонія Печерскаго, Сергія Радонежскаго.

Радуйтесь, и благословенно супружествующіе ! Обрученная Дѣва и неневѣстная Матерь , Которая не только удостоила посѣтить жениха и невѣсту въ Канѣ Галилейской, но и первое открытое чудо для нихъ отъ Божественнаго Сына Своего испросила , не чуждается васъ ; Она любитъ дѣвство, но не унижаетъ и супружества ; и васъ, молящихся Ей, не лишитъ благопотребной помощи , если взираете на супружество , какъ на союзъ не только естественный, но и духовный, имѣя высокій таинственный образъ его въ союзъ Христа съ Церковію.

Радуйтесь, благочестивые родители и во благочестіи воспитываемыя чада ! Дщерь молитвы праведныхъ Іоакима и Анны, воспитанная въ домъ Божіемъ, Матерь Сына, отъ Котораго всякое сыновство на небеси и на земли имѣетъ начало, признаетъ васъ по духу Своими присными и чадами, и простираетъ на васъ Свой благодатный покровъ отъ дома Божія небеснаго и земнаго.

Радуйтесь, хотя сквозь слезъ, испытываемые различными скорбями , но крѣпящіеся въ терпѣніи и упованіи на Бога ! Та, Которая болѣе всѣхъ на землѣ, кромѣ только едиnorodнаго Сына Бя, испытана была скорбями , Которой душу *прошло* крестное оружіе, по Своимъ опытамъ знаетъ , что вы чувствуете, и состраждетъ вамъ, и можетъ и хочетъ облегчать васъ, почему и нареклась *радостію всѣхъ скорбящихъ*.

Но нельзя не примѣтить, что въ назначаемый нами раздѣлъ богатнаго наслѣдія Царицы небесныя не входятъ многіе. Чтò же останется таковымъ? Чего могутъ ожидать тѣ, которые не подвизаются въ вѣрѣ, не стремятся къ совершенству духовной любви, не ревнуютъ о истинѣ и правдѣ, не чтятъ дѣвства, не освящаютъ супружества, чадородія и дѣтководительства, не благословляютъ Бога въ счастіи, ропщутъ въ несчастіи? Должно сказать правду: не имъ воскресшая Божія Матерь изрекла Свое безсмертное: *радуитесь*, не имъ общала Свое богатное присутствіе. Однако, не оставила ли Она чего-либо и для сихъ, подобно какъ благодѣтельные завѣщатели, не только ущедряютъ достойныхъ наслѣдниковъ, но и недостойнымъ оставляютъ нечто по избытку милости? Въ книгѣ Соломона есть записъ о нѣкоей доль наслѣдства, которое оставляетъ по себѣ праведникъ. Очень естественно, чтобы и Первенствующая между всѣми праведными оставила по себѣ то наслѣдство, которое оставляетъ каждый праведникъ. Какое же это наслѣдство? — Раскаяніе. *Умирай праведникъ остави раскаяніе* (Притч. 11, 3.). Тѣмъ, которые не приблизились къ Матери Божіей подвигомъ вѣры, усердіемъ любви, не подражали примѣру Ея добродѣтелей, и потому не приобрѣли права наслѣдовать отъ Нея богатную радость, Она оставила, какъ послѣднюю милость, раскаяніе — наслѣдіе несладкое вначалѣ, но спасительное впоследствии, если направлено будетъ къ исправленію жизни.

Если мы не умѣли, или, справедливѣе сказать, не потрудились стяжать, по примѣру Пресвятыя Дѣвы, радость духа о Бозѣ Спасѣ (Лук. 1, 47.): то поспѣшимъ воспріять печаль, яже по Бозѣ, которая покаяніе нераскаянно во спасеніе содѣлываетъ (2 Кор. 7, 10.) и чрезъ которую, слѣдственно, и радость спасенія, наконецъ, обрѣтена быть можетъ. Аминь.



О РАЗЛИЧИИ УЧЕНІЯ

ПРОТЕСТАНТСКАГО ОТЪ ИСТИНЪ ПРАВОСЛАВІЯ (*).

—

Часто случается слышать въ обществѣ, даже отъ людей искренно привязанныхъ къ Церкви, но неглубоко изучившихъ ея уставы, о весьма маломъ будто бы различіи въ догматахъ вѣры между православными и протестантами, разнствующими только во внѣшнихъ обрядахъ. Такое ошибочное мнѣніе не можетъ однако быть безопасно, особенно при семейномъ сближеніи; потому что ничто столько не заманчиво въ ихъ ученіи для нерадивыхъ, какъ свобода отъ внѣшнихъ обязанностей церковныхъ, безъ различія дней, посвященныхъ посту и некоторымъ строгостямъ благоговѣнія. Человѣкъ, оставленный, такимъ образомъ, на собственный произволъ, при маломъ познаніи истинъ религіи, начинаетъ сперва пренебрегать заповѣдями церковными, а потомъ дѣлается равнодушнымъ и къ догматамъ вѣры, когда

(*). Сообщено.

каждый, сообразно своимъ понятіямъ и даже подъ вліяніемъ страстей, станетъ обсуживать самыя основныя истины христіанства. Печально — смотрѣть со стороны на произвольное отверженіе столь духовнаго и высокаго руководства, каковы нашъ церковный уставъ и богослужебные обряды, премудро учрежденные великими свѣтильниками первыхъ вѣковъ Церкви и которые, можно сказать, служатъ намъ пѣстунами во Христа; ибо всякій, кто только хочетъ вникнуть въ глубокій смыслъ православной службы, научится изъ нея и догматамъ вѣры. Какъ часто, при недостаткѣ домашняго воспитанія, одно постоянное посѣщеніе церкви приводило людей, даже неграмотныхъ, къ познанію божественныхъ истинъ, выше премудрыхъ вѣка сего, и къ усовершенствованію христіанскому. Непостижимо сердцу равнодушію къ священнымъ преданіямъ Церкви, которыя у насъ столь тѣсно связаны съ воспоминаніями отечественными, что даже и самое слово *православный* выражаетъ не только исповѣданіе, но и народность.

Кто истинно привязанъ къ своимъ приснымъ и привыкъ жить семейною жизнью, тотъ помнитъ сердцемъ и съ любовью соблюдаетъ всѣ дни радости и плача для него освященные близкими по душѣ воспоминаніями. Онъ не нарушитъ свѣтскими увеселеніями трауръ, хотя и продолжительный, по своимъ родителямъ; онъ будетъ стараться встрѣтить въ ихъ кругу дни рожденія и именинъ своихъ единокровныхъ, или новый годъ и нѣкоторые важнѣйшіе праздники, Пасху и Рождество, которые давній обычай усвоилъ проводить вмѣстѣ; нѣтъ нужды ему о томъ напоминать: изъ дальнихъ странствій стремится онъ

въ семейный кругъ, въ навечеріе заветныхъ для него дней, какъ горлица въ гнѣздо свое, и находить въ этомъ душевное утѣшеніе, проистекающее изъ любви къ тѣмъ, къ кому влечетъ его сердце.

Что, если бы мы столь же дѣятельною любовью привязаны были къ Господу нашему Искупителю, и сердечно, а не умственно только, какбы о чуждомъ историческомъ событіи, воспоминали все то, что Онъ для насъ сдѣлалъ, пострадавъ ради насъ на крестъ? Могли ли бы мы тогда быть равнодушными къ заветнымъ днямъ, обновляющимъ ежегодно въ памяти нашей великіе подвиги Его спасительныхъ страданій? При воспоминаніи Божественнаго ради насъ истощанія Сына Божія, не совѣстно ли бы намъ стало почитать за какое-либо для себя лишеніе постъ Великой Четырехдесятницы, или постные дни среды и пятка, учрежденные со временъ Апостольскихъ для ежедневнаго памятованія преданія и распятія Господня? Когда бы каждый воскресный день дѣйствительно былъ для нашего сердца повтореніемъ свѣтлаго воскресенія нашего Господа, вводящаго насъ въ новую жизнь, рѣшились ли бы мы встрѣчать столь высокое торжество, ознаменованное уже наканунѣ церковною службою, вмѣсто церкви, въ свѣтскихъ увеселеніяхъ, которыя перѣдко препятствуютъ и на слѣдующее утро подняться къ Божественной службѣ? И сколько другихъ подобныхъ вопросовъ, по случаю великихъ праздниковъ, къ сожалѣнію, можно бы сдѣлать у называющихъ себя православными! Отъ чего же такое равнодушіе къ самымъ высокимъ торжествамъ Церкви въ людяхъ неравнодушныхъ къ семейнымъ радостямъ и печа-

лямя? Этот недостаток не происходит ли от того, что они выросли въ домашнемъ быту своемъ, съ такимъ невѣдѣніемъ церковныхъ уставовъ, что иногда слышатся вопросы: какой сего-дня праздникъ? что нынѣ за постъ?—Такъ, при несоблюденіи оныхъ, теряется мало помалу самое о нихъ преданіе, еще столь живое во дни отцовъ нашихъ, хотя и современныхъ самой страшной бурѣ невѣрія.

Источникъ сего печальнаго забвенія отчасти кроется для насъ въ разсѣянномъ кругу большаго свѣта, иногда же въ частомъ обращеніи съ людьми намъ близкими, достойными уваженія по ихъ нравственному характеру, но которые, къ сожалѣнію, не наследовали отъ своихъ предковъ спасительнаго послушанія Церкви, потому что ихъ исповѣданіе не связываетъ ихъ совѣсти внѣшними, по ихъ мнѣнію, заповѣдями человѣческими. Дети непримѣтно пріемлютъ тотже образъ мыслей отъ своихъ родителей, которые, подавая во многомъ добрый примѣръ, и сами какъ-будто склоняются къ православію, безразлично посѣщая церковь, въ томъ убѣжденіи, что все совершенно одинаково въ обоихъ исповѣданіяхъ; но этимъ собственно и обнаруживается ихъ равнодушіе, основанное на невѣдѣніи и чрезвычайно опасное для неопытныхъ, которые готовы идти по ихъ слѣдамъ на поприщѣ жизни.

Искреннее сочувствіе къ столь печальному состоянію духовному, посреди свѣтскаго блеска, внушило изобразить, въ краткихъ чертахъ, различіе, которое существуетъ между истинами православія и ученіемъ протестантскимъ, дабы желающіе сами собою познать истину могли сколько-нибудь дать себѣ отчетъ въ

этомъ различіи Оно невольно поразить каждаго, кто только не захочетъ оставаться равнодушнымъ къ догматамъ своей Церкви и жаждетъ въ недрахъ ея обрѣсти себѣ душевный миръ и спасеніе. Нѣтъ здѣсь какой-либо цѣли укора или осужденія, ибо мы сами для себя не должны забывать слова Апостольскаго : « Ты кто еси судій чуждему рабу? — Своему Господу стоитъ или падаетъ; станетъ же, силенъ бо есть Богъ поставить его » (Рим. 14, 4.).

Немного надобно труда и вниманія, чтобы даже внѣшнимъ образомъ и не вникая въ самое ученіе вѣры, видѣть и чувствовать различіе, которое существуетъ между Церковію православною и протестантствомъ. Для этого стѣдуетъ только взойти сперва въ молитвенный домъ, гдѣ собираются протестанты, и потомъ въ храмъ, гдѣ совершается божественная литургія православныхъ, и уже съ первой минуты взоры и сердце постигнуть это различіе, которое впоследствии постепенно обниметъ и разумъ, когда научимся истинамъ вѣры.

Что представляется христіанину, когда входитъ онъ въ домъ молитвы протестантской?

Ему представляется пространныя комната, гораздо менѣе украшенная, нежели тѣ, которыя видимъ въ домахъ богатыхъ людей, и не имѣющая ничего такого, что бы собственно указывало въ ней молитвенную храмину, потому что знаменіе распятаго Господа встрѣчается часто и въ обыкновенныхъ покояхъ людей благочестивыхъ.

Что же представляется христіанину въ храмъ православною?

При самомъ входѣ уже его невольно проникаеть нѣкоторое тайное благоговѣніе, въ коемъ онъ не можетъ дать себѣ отчета въ первую минуту, но пойметъ послѣ, потому что онъ ясно видитъ, что это не какая-либо комната изъ жилища человѣческаго, предпочтительно избранная для молитвы, но собственно домъ Божій, гдѣ все говоритъ о Богѣ и дышетъ Его присутствіемъ. Здѣсь Невидимый по существу является въ образахъ видимыхъ и доступныхъ чувствамъ, и самое Божественное ученіе въры, заключенное въ книгѣ Евангелія, представляется въ лицахъ такъ, что неумѣющей разбирать буквы св. Писанія можетъ читать Евангельскую повесть на святыхъ иконахъ и, воздавая имъ наружно благоговѣйное поклоненіе, относить его мысленно Тому, Кто на нихъ изображенъ.

Глазамъ его представится икона Св. Троицы или Сына Божія въ образѣ человѣческомъ, Которому мы покланяемся, какъ созданіе своему Создателю, и лики Святыхъ, коихъ мы чувствуемъ какъ друзей Божіихъ, Ему угодившихъ и оставившихъ намъ примѣръ благой жизни, но которымъ мы не воздаемъ поклоненія такого, какое прилично единому Богу, между сими ликами и образъ Пречистой Дѣвы Матери Господа Іисуса Христа, Пророковъ и Апостоловъ, послужившихъ къ проповѣди Слова Божія, и Ангеловъ, явившихся для спасенія человѣковъ, по волѣ Божіей.

Таинственная преграда, уставленная сими иконами, или иконостасъ, съ тремя дверями, ведущими во внутреннее святилище, куда не всякому доступенъ входъ, показываетъ, что нѣчто высокое, не человѣческое, должно совершаться внутри онаго, или въ

такъ называемомъ алтарь. И точно, это не простыя молитвы, какія слышатся въ воскресные дни въ храминахъ протестантскихъ, и могутъ быть ежедневно читаны у себя каждымъ христіанномъ, нѣтъ, по таинственное напоминовеніе искупленія рода человеческого Сыномъ Божиимъ; Его жертва — истиннаго тѣла и крови, освященная Духомъ Святымъ, приносится Богу Отцу, подъ чувственными видами хлѣба и вина, ради немощи нашей, на престолъ, который въ сію минуту становится престоломъ Божиимъ и Голговою, на коей раснятъ былъ Господь, — и сія таинственная жертва приносится людьми, посвященными исключительно Богу, то-есть священниками, дабы отпустились намъ грѣхи и въ сей жизни и въ будущей. Понимъ, это домъ Божій и врата небесная, а не какая-либо молитвенная храмнина, — и вотъ уже существенное различіе между церковію православною и мѣстомъ собранія протестантовъ.

Но тѣ, которые приносятъ сію священную жертву тѣла и крови Христовой, необходимо должны быть сами исключительно посвящены Богу, дабы дерзать приступить въ столь важному таинству: ибо простыя міряне сего недостойны. Безъ сомнѣнія, такое освященіе на дѣлю Божіе, какова благодать священства, должно быть преподаваемо имъ отъ другихъ, болѣе возвышенныхъ и освященныхъ лицъ, имѣющихъ на то законное право, которое они въ свою чреду приняли отъ своихъ предмѣстниковъ; такимъ образомъ, это непрерывное преемство святости и благодати или дара Божія, освящающаго челоуѣка для его служенія, должно необходимо восходить до самыхъ Апо-

столовъ и Господа Иисуса Христа, учредившаго сіе великое таинство, равно какъ и всѣ прочія.

Справедливо такое заключеніе, и мы видимъ точное исполненіе онаго у православныхъ; ибо ихъ священники посвящаются епископами, занимающими высшую духовную степень, а епископы могутъ доказать непрерывное свое посвященіе отъ одного къ другому, до временъ Апостольскихъ; благодать Духа Святаго, необходимая для священства, не прерывалась ни на одну минуту отъ самого Господа и до послѣдняго смиреннаго священнослужителя, который совершаетъ божественную литургію въ православномъ храмѣ, хотя бы по грѣхамъ своимъ онъ и оказался бы недостойнымъ. Какая утѣшительная истина, и какъ должна она утверждать каждаго православнаго христианина въ истинѣ его вѣры!

Посмотримъ теперь, то ли у протестантовъ? Хотя нѣтъ у нихъ ежедневной литургіи; но мы видимъ однако, что однажды, или, быть можетъ, нѣсколько разъ въ году, въ ихъ молитвенныхъ храминахъ, пріобщаются также благочестивые тѣлу и крови Христовой, и вѣрують, что пріемлютъ оныя для своего спасенія (а). Можетъ ли однако каждый изъ нихъ самъ себя пріобщить сему страшному таинству? Нѣтъ, не можетъ, и даже не смѣетъ о томъ подумать, ибо онъ почитаетъ себя мірянниномъ, непосвя-

(а) Разумѣются здѣсь лютеране, потому что реформаты несогласны съ ними въ сѣмъ божественномъ догматѣ, хотя и соединяются въ одно общество подъ именемъ Евангелической Церкви, принимаютъ страшныя тайны Христовы не какъ именно Его тѣло и кровь, а только какъ ихъ образъ и воспоминаніе вечери тайной.

ценнымъ особенно на служеніе Богу. Кто же его пріобщаетъ? — Пасторъ, то-есть человѣкъ, почитаемый имъ за священника. На чемъ же основано заключеніе его законности? Кто посвятилъ его? Какой епископъ? — У протестантовъ нѣтъ епископовъ, потому что Лютеръ, основатель ихъ ученія, будучи самъ только священникомъ, когда отложился отъ римской Церкви, не имѣлъ епископовъ между своими приверженцами, и слѣдственно, самъ не могъ преподавать другимъ священства, которое въ-правѣ законно преподавать только епископъ. Кто же посвящаетъ однако пасторовъ на дѣло служенія Богу? — Они избираются изъ числа людей, получившихъ духовное образованіе, и консисторія протестантская, или духовное правительство ихъ, гдѣ міряне засѣдаютъ въ числѣ членовъ, даетъ отъ себя право именоваться пасторами и совершать священнослуженіе. Однако, если бы какой-нибудь мірянинъ былъ избранъ другими мірянами, съ именемъ священника, но безъ благодати преемственной Духа Святаго для совершенія божественной литургіи, то дары, надъ которыми онъ проносилъ свою неосвященную молитву, могли ли быть приняты, какъ истинное тѣло и кровь Христовы? — Чтò же сказать теперь о пріобщеніи протестантовъ? Пусть сами на то отвѣчаютъ, по совѣсти и разумнѣю каждого. Мы не хотимъ судить ихъ, а только представляемъ дѣло въ сущности, какъ оно есть, и какъ невольно представляется каждому, восходящему до начала таинства. Странно однако и страшно, что, не получивъ предварительнаго таинства Священства, которымъ облечены были отъ Господа всѣ Апостолы, неосвященные люди

приступаютъ къ совершенію другаго страшнаго таинства, Имже учрежденнаго, и приобщаютъ другихъ.

Итакъ, у протестантовъ таинство приобщенія тѣла и крови Христовой совершается безъ другаго предварительнаго таинства священства, необходимаго для самого совершателя. Посмотримъ, нѣтъ ли у нихъ недостатка въ какомъ-либо другомъ таинствѣ и для самыхъ приобщаемыхъ.

Съ какимъ расположеніемъ долженъ приступать христіанинъ къ страшнымъ тайнамъ тѣла и крови Господней, дабы, по словамъ Апостола Павла, не сдѣлаться виновнымъ противъ нихъ и не вкусить себя осужденія и смерти, вмѣсто спасенія и вѣчной жизни? — Съ чувствами истиннаго раскаянія во грѣхахъ своихъ, которые онъ долженъ выбросить изъ своего сердца посредствомъ исповѣди, какбы мы бросили змью, таившуюся за пазухою, и громко бы призвали къ себѣ на помощь челоувѣка, могущаго освободить насъ. Но какъ будетъ испытывать самъ свою совѣсть челоувѣкъ и будетъ одинъ судимымъ и судьейо въ дѣлѣ столь трудномъ, каково сознаніе своихъ грѣховъ? А если сознаетъ ихъ предъ собою, не гораздо ли еще спасительнѣе сознать ихъ, ради своего обличенія и смиренія, предъ другимъ челоувѣкомъ, хотя и подобострастнымъ намъ, но освященнымъ, имѣющимъ законное право, какъ судья въ душевныхъ винахъ, признавать насъ достойными или недостойными приобщенія тѣла и крови Христовыхъ, по власти свыше ему данной отъ Господа? Ибо Господь сказалъ Своимъ Апостоламъ: «все, что свяжете на землѣ, связано будетъ на небесахъ, и что разрѣшите на землѣ, разрѣшено будетъ на небесахъ»

(Матѣ. 18.); и власть эта перешла, путемъ послѣдовательныхъ рукоположеній, отъ Апостоловъ къ ихъ преемникамъ и ученикамъ, епископамъ и священникамъ.

Такимъ образомъ, протестанты сами себя произвольно лишаютъ таинства покаянія, которое необходимо для достойнаго приобщенія, потому что оно должно останавливать недостойныхъ, побуждая ихъ къ исправленію; таинство сіе называется въ Церкви православной вторымъ крещеніемъ, такъ-какъ оно изглаживаетъ грѣхи, сдѣланные послѣ купели, въ которой мы омылись отъ первороднаго грѣха.

Должно однако замѣтить, что протестанты, если бы и хотѣли, то не могли бы удержать у себя сего таинства, потому что каяться во грѣхахъ можетъ каждый человекъ, а разрѣшать ихъ только тотъ, кому чрезъ священство, непрерываемое со времени Апостольскихъ, дана законная власть вязать и рѣшить.

Какія же таинства признаютъ протестанты, потому что и они согласны въ опредѣленіи самого таинства, то-есть, что оно состоитъ изъ невидимой благодати или дара Духа Святаго и видимаго наружнаго обряда, которымъ онъ сообщается?

Протестанты признаютъ только два таинства: крещеніе и причащеніе, вмѣсто семи, сохраняемыхъ въ Церкви православной, какъ семь даровъ различныхъ Духа Святаго, для освященія и спасенія вѣрующихъ. Мы уже говорили о причащеніи, и какъ оно лишено у протестантовъ двухъ тѣсно съ нимъ соединенныхъ таинствъ: священства и покаянія; скажемъ теперь о крещеніи, которое также лишено послѣдующаго не-

обходимаго таинства муропомазанія , или утвержденія въ вѣрѣ.

Церковь православная признаетъ правильнымъ крещеніе, совершаемое водою, во имя Св. Троицы, Отца, Сына и Св. Духа, хотя бы оное совершилъ по нуждѣ и мірянинъ, — потому, признаетъ крещеніе и протестантское; но она утверждаетъ сіе крещеніе, какъ и свое собственное, таинствомъ муропомазанія, дабы младенецъ, или уже взрослый, очищенный отъ первороднаго грѣха Адамова, и возрожденный въ купели, получилъ и новыя силы свыше для утвержденія и преспѣванія въ христіанской жизни, когда чрезъ таинственное помазаніе сообщается ему печать дара Духа Святаго. Такъ и Апостолы послали двухъ изъ среды своей, утверждать въ вѣрѣ новообращенныхъ въ Самаріи, сообщая имъ Духа Святаго.

Чувствуютъ и протестанты надобность сего таинства, потому что у нихъ сохранилось даже названіе, конfirmaціи или утвержденія, тому испытанію въ вѣрѣ, послѣ котораго удостоиваютъ они своихъ юношей перваго приобщенія; но какъ таинство сіе можетъ быть только сообщено однимъ епископомъ, или если чрезъ священника, то посредствомъ мурѣ, освященнаго молитвою архіерейскою, а у протестантовъ нѣтъ не только высшей степени епископской, но даже и священническая не получила преемственнаго священія, и самое священство не почитается таинствомъ, то у нихъ некому преподавать дары Св. Духа новокрещеннымъ.

Какихъ еще таинствъ недостаетъ у протестантовъ въ число семи, принимаемыхъ Церковью православною?

Еще двухъ: брака и елеосвященія. Первое учреждено при началѣ міра Создателемъ и опять благословлено Спасителемъ нашимъ, когда Онъ былъ на землѣ; Апостоль же Павелъ прямо называетъ оное *великимъ таинствомъ*, въ своемъ посланіи къ Ефесеямъ (5, 32.), гдѣ описываетъ обязанности мужа и жены; но у протестантовъ, хотя пасторы и произносятъ молитву благословенія надъ бракосочетающимися, самый бракъ, совокупающій двухъ во едино, для рожденія разумныхъ существъ по образу Божию, не почитается таинствомъ, и столь священный союзъ у нихъ болѣе подлѣжитъ законамъ гражданскимъ, нежели духовнымъ.

Накопецъ и послѣднее таинство: соборованіе или помазаніе освященнымъ елеемъ болящаго, для его душевнаго и тѣлеснаго изцѣленія, которое Апостолы совершали еще при земной жизни Господа нашего (Марк. 6, 13.), и сіе милосердное дѣйствіе, зановѣданное Апостоломъ Іаковомъ въ его Посланіи (5, 14.), почитается излишнимъ у протестантовъ; болящій оставленъ самъ себѣ, когда напротивъ православная Церковь напутствуетъ его и къ временной и къ вѣчной жизни молитвеннымъ соборованіемъ и облегченіемъ отъ грѣховъ въ исповѣди и приобщеніи Св. Таинъ, во время болѣзни и въ часъ смертный, дабы онъ съ очищеною совѣстію и съ укрѣпленнымъ духомъ отошелъ въ вѣчность.

Какое духовное богатство и материнская заботливость съ одной стороны, какая бѣдность и равнодушіе съ другой! Еще ли нужно указывать на различіе? Неужели оно незамѣтно? Но мы говоримъ только о таинствахъ, — сколько же другихъ молит-

вословій, которыми, отъ колыбели и до могилы, Церковь православная окружаетъ, руководить, очищаетъ, освящаетъ и утѣшаетъ дѣтей своихъ! Едва родится на свѣтъ младенецъ, и уже священникъ читаетъ молитву надъ нимъ и надъ его матерью, нарекая имя новорожденному еще прежде, нежели чрезъ крещеніе включить его въ число христіанъ. Когда же окрестить,—тотчасъ спѣшатъ приобщить младенца Св. Таниъ, дабы сію духовную нишу вкушалъ вмѣстѣ съ млекою матери. Больнъ ли кто, онъ проситъ себя молитвъ церковныхъ во время литургій; радуется ли кто, благодаритъ Бога въ церкви чрезъ посредство священника молебномъ; и въ случаѣ неурожая или непогоды, опять приносится молитва въ храмъ и окропляютъ самыя поля святою водою; построитъ ли себѣ кто новое жилище, или собирается въ дорогу, есть и на то особыя молитвы; можно ли перечистъ всѣ благодѣянія Церкви и изобразить всю ея материнскую заботливость? Однимъ словомъ, все предвидѣно и на все есть или благословеніе, или ходатайство церковное, чрезъ посредство священнослужителя, и такое милосердіе не кончается здѣшней жизнію, но слѣдуетъ за православнымъ по ту сторону гроба.

Когда умретъ протестантъ,—надъ нимъ молятся только въ ту минуту, когда его погребаютъ, и потомъ оставляютъ навсегда безъ молитвы, въ чемъ оказывается явное противорѣчіе; ибо, если молитва не пользуется его душъ, то не надобно вовсе о немъ молиться; если же приноситъ пользу, то никогда не должно ее оставлять и, предавъ тѣло землѣ, не радовать болѣе о душѣ усопшаго. Не такъ въ право-

славной Церкви: она и до погребенія, съ самой минуты смерти, начинаетъ читать псалтирь надъ усопшимъ и совершать частыя паннихиды за его упокой, и продолжаетъ это милосердное дѣйствіе вѣчно, вынимая на литургіи изъ просфоръ части за усопшихъ, ибо твердо вѣруетъ, что ея молитва за нихъ дѣйствительна. Она знаетъ, что души отходятъ изъ сей жизни въ различныхъ состояніяхъ грѣха или совершенства, и такъ-какъ онѣ лишаются въ томъ мірѣ возможности дѣятельно удовлетворять за свои грѣхи, то Церковь сама пріемлетъ на себя сіе дѣло любви и, слѣдуя древнѣйшему преданію Апостольскому, приноситъ за нихъ спасительную жертву тѣла и крови Христовыхъ, которая страждущимъ доставляетъ облегченіе, а блаженствующимъ умноженіе ихъ духовной радости.

Но протестанты не вѣруютъ сему таинственному общенію обѣихъ Церквей, видимой на землѣ и невидимой на небесахъ; потому, не только почитаютъ такія молитвы за усопшихъ бесполезными, но находятъ даже излишнимъ самое общеніе или призываніе Святыхъ, непрестанно о насъ молящихся Богу. Странное дѣло! Доколь ближній мой облеченъ еще тѣленною плотію на землѣ, — я могу говорить ему: «помолись за меня», и особенно говорю это тому, въ благочестіи коего я болѣе увѣренъ; а когда онъ, сбросивъ съ себя земную оболочку, болѣе приближается къ Богу, Который самъ есть любовь, то неужели въ душѣ его угасаетъ чувство любви къ земнымъ своимъ братьямъ, для которыхъ и Ангелы посылаются на служеніе отъ Бога и самъ Господь сошелъ на землю въ образъ чловѣка? — Если же скажутъ, что

такое их ходатайство или посредничество бесполезно, потому что Господь, и безъ молитвы Святыхъ, знаетъ, кого спасти; то на это можно отвѣчать, что въ такомъ случаѣ всякая молитва излишня, ибо и самъ Господь говоритъ въ Евангеліи: что прежде, нежели мы просимъ о чемъ-либо, уже знаетъ Отецъ нашъ небесный, что намъ даровать; однако, не смотря на то, Онъ повелѣваетъ намъ молиться, и Апостолы учили молиться другъ за друга, и даже сами просили себя молитвы (Рим. 15, 30.). Такъ-какъ молитва есть выраженіе любви и подражаніе любви Божіей къ чловѣкамъ, то Святые заимствуютъ ее у Христа, Которому ее за насъ возносятъ и дополняютъ своими чистыми мольбами недостатокъ нашихъ земныхъ молитвъ. *Много можетъ молитва приведеннаго споспѣшествуема*, говоритъ Апостоль Іаковъ въ своемъ Посланіи (5, 16.); и мы видимъ изъ св. Писанія, какъ часто, ради одного или нѣсколькихъ праведниковъ, спасались цѣлые города, уже обреченные на погибель (Быт. 31.). Но все это будто забыли протестанты, хотя и вѣруютъ Писанію.

Не воздавая подобающей чести и памяти Святымъ, которые на небѣ, протестанты не воздаютъ должнаго чествованія и на землѣ священнымъ останкамъ угодниковъ Божіихъ, видимо прославленнымъ чрезъ нетлѣніе ихъ мощей. Однако, это самое нетлѣніе служить для насъ утѣшительнымъ предзнаменованіемъ воскресенія нашихъ тѣлъ въ будущемъ вѣкѣ, и потому, начинается уже проявляться на землѣ въ тѣлахъ праведниковъ, угодившихъ Богу святостію жизни. Отъ нихъ истекають изцѣленія вѣрующимъ точно такъ-же, какъ мы видимъ въ святомъ Писаніи, что

платки и полотенцы, прикасавшіяся къ тѣлу Апостола Павла, изцѣляли болящихъ (Дѣян. 19, 12.), а печальное прикосновеніе мертвеца къ костямъ Пророка Елисея даже воскресило умершаго (4 Цар. 13, 21.). Сего не могутъ отрицнуть и протестанты, приѣмлющіе святое Писаніе; за чѣмъ же отвергаютъ они, послѣ столь ясныхъ примѣровъ ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ, чудодѣйственную силу святыхъ тѣлесъ, въ которыхъ обитали и въ которыя опять облечутся, въ день общаго воскресенія, души Святыхъ, всегда живыя Богу, и потому, дѣйствующія нынѣ не какъ мертвыя, но какъ сохранившія духовное общеніе съ своей земной братіею.

Неуваженіе къ мощамъ Святыхъ распространяется у протестантовъ на ихъ лики или иконы и на икону самого Господа и Его пречистой Матери: ибо, не вѣдая истиннаго ученія православной Церкви о иконахъ, они называютъ подолслуженіемъ благоговѣйное чествованіе изображенія Христа Спасителя, Его угодниковъ, хотя правилами соборными ясно опредѣлено: что честь, возлагаемая образу, относится не къ нему, а къ его первообразу, то-есть къ тому, кого хотѣли изобразить на иконѣ, и такимъ образомъ, само собою уничтожается неправое нареканіе.

То однако справедливо, что иногда, не воздавая должнаго уваженія лику, лишаемъ онаго и самое лице, которое онъ представляетъ. Такъ, протестанты, не поклоняясь иконѣ Пречистой Дѣвы, находятъ излишнимъ призывать помощь Ея въ молитвахъ, хотя и во время земной Ея жизни находили въ томъ пользу вѣрующіе; сему свидѣтельствомъ можетъ служить самое первое чудо, сотворенное

Господомъ на бракъ въ Канъ Галилейской единственно по ходатайству Его Божественной Матери, и даже, когда, по собственнымъ Его словамъ, не пришелъ часъ Его явиться міру (Юан. 2, 5.). Вотъ какъ оно дѣйствительно! Заблуждаются и въ другихъ важныхъ догматахъ, относящихся до Пречистой Дѣвы. Они не признаютъ необходимою обязанности вѣровать, чтобы Пречистая Мать воплощеннаго Бога, Дѣвою воспріявъ въ Себя Божественное Слово, по благовѣстію Ангела, сохранила дѣвство Свое нетлѣннымъ и въ благодатномъ рождествѣ и по рождествѣ Сына Божія; однако, они видятъ въ Евангеліи, что воскресшій Господь взошелъ къ ученикамъ Своимъ сквозь затворенныя двери ихъ храмины, и слѣдственно, тою же Божественною силою могъ произойти изъ дѣвственной утробы нетлѣнно; такъ и надлежало быть, ибо Господь Иисусъ Христосъ, ради нашего спасенія рождался, живя и умирая какъ совершенный чловѣкъ, долженствовалъ однако родиться, жить и умереть такъ, какъ только одинъ Богъ могъ это совершить, дабы повсюду видима была печать Божества на Его чловѣческихъ дѣлахъ.

Отъ чего же у протестантовъ такое видимое отступление отъ догматовъ или опредѣленій церковныхъ, которые однако основаны на ученіи Евангельскомъ?

Потому что отвергли священное преданіе Церкви, преемственно и непрерывно дошедшее къ намъ отъ св. Отцевъ и Апостоловъ, — вѣсть съ ихъ рукоположеніемъ или таинствомъ священства, — преданіе устное, заповѣданное намъ Апостолами въ ихъ Посланіяхъ и чрезъ которое единственно сохранилось намъ самое Писаніе, дабы въ свою череду мы повѣ-

ряли Св. Писаніемъ преданія отеческія. Но протестанты, отринувъ сію священную связь времени Апостольскихъ съ нашими, которой единственная блюстительница есть св. Церковь, или собраніе вѣрныхъ, управляемыхъ своими законными пастырями подъ руководствомъ Духа Святаго, потеряли чрезъ то правильное понятіе и о самой Церкви. Они думали дополнить, на разстояніе столькихъ вѣковъ, человѣческими умствованіями внезапную пустоту, которую оставило въ нихъ ученіи отверженіе отеческихъ преданій, и утверждаютъ, что сами твердо держатся только Св. Писанія. Но такое расторженіе вѣковыхъ узъ, освященныхъ свидѣтельствомъ пастырей и учителей Церкви и постановленіями Соборовъ, не могло оставаться безнаказаннымъ и необходимо отразилось въ томъ, чего еще сами думаютъ держаться; ибо они перетолковали по-своему и самыя истины, истекающія прямо изъ Св. Писанія. Мы уже это видѣли въ таинствахъ, которыя всѣ учреждены Господомъ и Апостолами, но, не смотря на то, большею частію отринуты протестантами, даже съ опасностію лишиться всякаго освященія, началомъ коего есть преемственное таинство священства. Тоже самое видимъ у нихъ и въ прочихъ догматахъ, каковы: общеніе святыхъ, поминовеніе усопшихъ, и даже во внѣшнихъ обрядахъ, которые почти совершенно они у себя уничтожили, какбы позабывъ, что человѣкъ, состоящій изъ души и тѣла, естественно требуетъ и внѣшняго вниманія для созерцаній духовныхъ, и что самыя таинства состоятъ изъ видимаго обряда и невидимой благодати.

Такъ отрпнуто у нихъ многими и самое обычное и всего болѣе свойственное христіанамъ осѣненіе самихъ себя спасительнымъ знаменіемъ креста, которое, когда сдѣлано съ вѣрою движеніемъ руки, есть тоже самое, что имя Іисуса Христа распятаго, съ вѣрою произнесенное движеніемъ усть (б). Отринули протестанты и святые посты, которые однако установлены были, какъ вспомогательное средство молитвы и покаянія, самимъ Господомъ и Апостолами, и только подробнѣе опредѣлены Церковью для единообразія и порядка, дабы доставить вѣрнымъ, чрезъ добровольное лишеніе, подвигъ спасительнаго послушанія. Уважающіе Св. Писаніе ужели не видятъ въ немъ Моисея и Ілію, послѣ сорокадневнаго поста, достигшихъ еще въ ветхомъ завѣтѣ до созерцанія Божія; а въ новомъ завѣтѣ вся жизнь Іоанна Крестителя не есть ли одинъ непрерывный постъ, образецъ и начало иноческой жизни, безбрачной и подвижнической, которой также чуждаются протестанты? Однако, Предтеча былъ названъ отъ самого Спасителя величайшимъ изъ рожденныхъ женами (Матѹ. 11, 11.); а его примѣру подражали первые святые пустынники и отшельники Востока, передавшіе намъ

(б) Св. Василій Великій писалъ въ IV вѣкѣ о важности преданій церковныхъ и крестнаго знаменія: изъ сохранныхъ въ Церкви догматовъ и проповѣданій нѣкоторые имѣемъ мы изъ письменнаго наставленія, а нѣкоторые пріяли отъ Апостольскаго преданія по преемству въ тайнѣ; напр. прежде всего упомяну о первомъ и самомъ общемъ, что съ уповающіе на имя Господа нашего Іисуса Христа знаменались образомъ Креста: кто училъ сему Писаніемъ?

свои строгія правила въ основаніе нашихъ иноческихъ обителей. Не постился ли самъ Господь въ пустынь во дни искушенія? И Апостолы, предпринимая важнѣйшіе подвиги вѣры или проповѣди, приготовляли себя прежде постомъ и молитвою, какъ это ясно видно изъ книги ихъ Дѣяній. Служащимъ же имъ Господеви и постящимся, рече Духъ Святыи: отдѣлите Ми Варнаву и Савла на дѣло, на неже призвахъ ихъ. Тогда постившеся и помолившеся и возложше руки на ня, отпустиша ихъ (Дѣян. 13, 3.). И сколько свидѣтельствъ о постѣ можно извлечь изъ Посланий одного великаго Павла къ Римлянамъ и къ Коринѳянамъ: хотя нѣкоторые усѣченными изъ ихъ текстами и покушаются измѣнить обличительную силу его словъ о необходимости соблюденія постовъ. Достаточно и сей его заповѣди о любви, которая столь часто нарушается: аще брашно соблазняетъ брата моего, не имамъ ясти мяса во вѣки, да не соблазну брата моего (1 Кор. 8, 13.). Посему, и мы приготовляемъ себя такимъ же образомъ, чрезъ постъ и молитвы, къ великимъ торжествамъ нашего спасенія: Пасхѣ и Рождеству Христову, заимствуя даже и сорокодневное продолженіе постовъ сихъ изъ примѣра Господа и Его Пророковъ; мы памятуемъ также постомъ начатую пощеніемъ проповѣдь Апостоловъ и блаженное Успеніе Пречистой Дѣвы, начавшей и окончившей земныя дни свои въ постѣ и молитвѣ.

Отложивъ посты, протестанты оставили вмѣстѣ съ ними, какъ бесполезныя, и церковныя молитвословія утреннія и вечернія, установленныя Церковью отъ самого ея начала, и даже божественную литур-

гію, учрежденную по образу вечери тайныя по заповѣди Господа Іисуса Христа; мы знаемъ однако, что сами Апостолы собирались на преломленіе хлѣба, какъ написано въ книгѣ Дѣяній (11, 46.), и оставили намъ первоначальный чинъ литургіи, воспріявшей окончательное образованіе чрезъ св. Отцевъ въ первые вѣка христіанства, на основаніи тогоже божественнаго преданія.

Не достало бы словъ, если бы мы хотѣли во всей подробности изложить всѣ отступленія отъ праваго ученія вѣры, хотя увлеченные человѣческою мудростію полагають, что сохранили у себя истинное ученіе; но заблужденіе въ догматахъ невольно падаетъ и на самую дѣятельность христіанскую.

Есть также у протестантовъ свое мудрованіе о Духѣ Святомъ, въ символѣ вѣры, или изложеніи ученія христіанскаго, преподаннаго Апостолами и утвержденнаго вселенскимъ Соборомъ. Слѣдуя ученію латинской Церкви, отъ которой сами отпали, они говорятъ, что Духъ Святой исходитъ отъ Отца и Сына, вопреки точнымъ словамъ самого Спасителя, который обѣщалъ Своимъ Апостоламъ послать имъ Духа истины, отъ Отца исходящаго (Іоан. 15, 26.), и сходно съ сѣмъ учитъ православная Церковь, что Духъ Святой исходитъ отъ одного Отца; ибо не смѣетъ нарушать словъ Писанія.

Началомъ же ихъ заблужденій служитъ то, что они отвергають обязательную силу постановленій церковныхъ и соборныхъ и, дополняя собственными мудрованіями такой недостатокъ, отступаютъ иногда

даже отъ словъ самого Писанія. Мы же, воздавая благодареніе Богу за то, что рождены и воспитаны въ догматахъ Церкви православнои, не должны возноситься предъ ними такими преимуществами, но, памятуя собственныя немощи, смиренно молить Бога, дабы Онъ и ихъ воспріялъ въ нѣдра православія, и насъ въ немъ утвердилъ непоколебимо, во славу святаго Своего имени.



О КОНЕЧНЫХЪ ПРИЧИНАХЪ

письмо V.

Въ двухъ послѣднихъ письмахъ мы старались прояснить себѣ древнюю или первобытную исторію зла, какъ она пересказывается намъ библейскими повѣствователями. Въ этой мрачной исторіи, какъ мы видѣли, главный дѣятель есть человѣкъ, увлеченный лукавствомъ падшаго духа. Богъ не творецъ смерти, не Богъ нестроения, не виновникъ зла. Богъ попускаетъ и терпитъ зло, какъ порожденіе человѣческой свободы, ограничиваетъ его силу, ослабляетъ или умягчаетъ его слѣдствія, направляетъ ихъ ко благу, такъ что вѣдшій озлобленія и пораженія служатъ спасительными врачевствами грѣховныхъ болѣзней, и самая смерть полагаетъ предѣлъ грѣху. Но вся такая дѣятельность премудрости Божіей — ограничивающая, умѣряющая, направляющая зло къ добру, есть дѣятельность только отрицательная. Если бы Богъ ограничился только такими дѣйствіями Своего промысла; то зло, конечно, не могло бы совершенно восторжествовать надъ добромъ и сокрушить его на землѣ, но и само никогда не могло бы быть изкоренено, подобно тому, какъ и тѣлесная болѣзнь не пройдетъ,

если врачъ будетъ только ограничивать ея силу, умѣрять ея дѣйствія, а не разрушатъ самое основаніе ея въ тѣлѣ, не изторгнетъ самый корень ея. Подобно сему и для чело́вѣка, заболѣвшаго грѣхомъ, конечно, благотельно и временное ослабленіе болѣзни, ограниченіе и смягченіе ея дѣйствій: но для полнаго его выздоровленія необходимо совершенное ея уврачеваніе, изкорененіе ея изъ существа чело́вѣческаго, которое она всецѣло проникла и отравила, обновленіе, возсозданіе чело́вѣка, возведеніе его въ первобытное состояніе духовнаго здравія и совершенства. Такое дѣло, какъ возсозданіе чело́вѣка, конечно, возможно только его Создателю. И сіе дѣло благоволимъ припять на Себя и совершить единородный Сынъ Божій, Искупитель нашъ. Совершеніе искупленія со всеми его предварительными дѣйствіями и со всеми его слѣдствіями составляетъ рядъ спасительныхъ, благодатныхъ дѣйствій, совокупность которыхъ называется Божественнымъ домостроительствомъ чело́вѣческаго спасенія. Ясное созерцаніе неизглаголанныхъ таинъ домостроительства недоступно и свѣтлымъ, безплотнымъ умамъ (1 Петр. 1, 12), тѣмъ паче помраченному грѣхомъ уму чело́вѣческому. Однакоже, тайна сія не остается совершенно непроницаемою и недоступною и чело́вѣческому разумію. Слово Божіе открываетъ намъ премудрость домостроительства въ такой мѣрѣ, въ какой, конечно, находитъ откровеніе сіе для насъ необходимымъ и спасительнымъ. Въ чемъ же состоитъ открытая и доступная нашему разумію премудрость и благодать Божія, явленная въ домостроительствѣ нашего спасенія? Посильное разрѣшеніе сего вопроса будетъ предметомъ нашихъ дальнѣйшихъ бесѣдъ.

Вѣчная мысль Божія оѣ искупленіи челоуька и первое ея откровеніе.

Къ Вѣчному не во времени пришла мысль о твореніи: не со времени паденія челоуька явилась въ умъ Его мысль оѣ искупленіи челоуька падшаго. Творецъ отъ вѣчности содержитъ въ умъ Своемъ мысль о мѣрѣ въ полномъ ея раскрытіи, такъ что всѣ судьбы и все бытіе и мѣра и челоуька во времени есть продолжающееся осуществленіе вѣчной и неизмѣнной Творческой мысли. Отъ вѣчности Богъ видитъ и созданіе челоуька, и его паденіе, и его искупленіе. Посему, Спаситель нашъ называется *Агнцемъ закланнымъ прежде сложенія мѣра* (Апок. 13, 8). И Апостоль ясно свидѣтельствуетъ, что въ Иисусъ Христвъ исполнилось предвѣчное опредѣленіе премудрости Божіей (Ефес. 3, 10. 11.), и что домостроительство спасенія есть тайна, сокрывавшаяся отъ вѣчности въ Богъ (3, 9.). Когда настало время, самъ Богъ сообщилъ челоуьку первое или начальное откровеніе сей сокровенной тайны. Сіе радостное откровеніе послѣдовало тогда, когда оно было всего неожиданнѣе для челоуька, именно, въ тѣ горькія и тяжкія минуты стыда и страха, которыя испытывали наши прародители непосредственно послѣ своего грѣхонаденія. Въ сіе время Богъ приходитъ въ рай, и призываетъ смятенныхъ и трепещущихъ грѣшниковъ на судъ правды Своей. Онъ проклинаетъ искушителя, обличаетъ прародителей, опредѣляетъ имъ наказанія, и среди обличеній и угрозъ изрекаетъ имъ благоувствіе спасенія: *стымя жены сопреть главу змія* (Быт. 3, 15.). Въ семъ благоувствіи Адамъ понялъ по крайней мѣрѣ

то, что отъ жены родится ему Избавитель. Въ силу такого пониманія виновницу смерти своей онъ называетъ жизнью, какъ имѣющую родить Освободителя отъ власти смерти и челоуѣкоубійцы. Ева спѣшитъ видѣть обѣтованнаго Избавителя въ своемъ несчастномъ первенцѣ (а). Что же доказываетъ такая поспѣшность въ ожиданіи обѣтованія и надежда видѣть столь близкое и скорое его исполненіе? Всякая слишкомъ поспѣшная и несбыточная надежда обличаетъ въ челоуѣкѣ непониманіе своихъ силъ и средствъ, и той цѣли, къ которой онъ стремится надеждою. Такъ и прародители еще не понимали, какъ глубоко ихъ паденіе, какъ дѣйствительна сила грѣха, разъединившая ихъ съ Богомъ, и какъ недоступно ихъ собственнымъ силамъ примиреніе съ Богомъ и возвращеніе въ блаженное общеніе съ нимъ. При такомъ внутреннемъ состояніи прародителей они, конечно, не были достойны искупленія, и не способны принять Искупителя, если бы Онъ и пришелъ къ нимъ. Опыты жизни, несчастныя событія въ семействѣ, быстрое, усиленіе нечестія и развращенія на землѣ, безъ сомнѣнія, научили Адама глубже и истиннѣе понимать силу и неизцѣльность челоуѣческой грѣховности, и не быть столь поспѣшнымъ въ своихъ ожиданіяхъ Избавителя.

Судьба обѣтованія Божія въ міръ допотопномъ, и послѣ потопа до Авраама.

Адамъ въ первое время по изгнаніи изъ рая является слишкомъ поспѣшнымъ и нетерпѣливымъ въ ожиданіи обѣтованнаго Избавителя: потомки его, на-

(а) Записк. на кн. Быт. ч. 1. 129. 130.

противъ, крайне равнодушны къ сему обѣтованію. Не служить оно для всѣхъ , какъ-бы должно быть , предметомъ живой вѣры и радостныхъ упованій; напротивъ, многими пренебрежено и забыто. Еще при жизни Адама Каинъ воздвигаетъ себѣ потомство , достойное своего родоначальника. По смерти Авеля у Адама рождается Сифъ и дѣлается родоначальникомъ племени благочестиваго, которое сохраняетъ вѣру и обѣтованіе, слышанное отъ Адама. Благословенное потомство Сифа охраняло себя отъ опаснаго сближенія и соприкосновенія съ отверженнымъ потомствомъ Каина, но не могло навсегда удержаться въ этомъ спасительномъ отдаленіи. Брачные союзы сблизилн, наконецъ, то и другое потомство. Побужденіемъ къ такимъ союзамъ была красота дочерей въ нечестивомъ племени, слѣдовательно, довольно глубокое низпаденіе въ чувственность племени благочестиваго. И что теперь болшею частію бываетъ при опасныхъ сближеніяхъ порока и добродѣтели, то было и тогда. Сближеніе между благочестивыми и нечестивыми не уцѣлomodрило послѣднихъ , а погубило первыхъ. Плодомъ нечистыхъ супружествъ были исполнены , люди знаменитые въ древнемъ мірѣ по своимъ великимъ тѣлеснымъ силамъ , и по своимъ великимъ насиліямъ и беззаконіямъ. Такіе страшные и могучіе предводители нечестія согнали съ лица земли оставшіяся еще на ней добродѣтель и благочестіе. Вся земля сдѣлалась позорищемъ насилій, преступленій, разврата и нечестія. Въ краткихъ и немногихъ чертахъ изображается въ Писаніи состояніе перваго міра; но и въ сихъ немногихъ чертахъ довольно виденъ страшный образъ растлвнія. Писаніе не го-

ворить, были ли идолы въ допотопномъ мірѣ, и очень вѣроятно, что до потопа не было еще идолопоклонства на землѣ. Служеніе твари, и притомъ въ такомъ грубомъ видѣ, каково идолопоклонство, есть другая противоположная крайность самообожанія, которымъ началъ человекъ свое отпаденіе отъ Бога. Чтобы перейти отъ самообожанія къ идолопоклонству, отъ самобоготворенія до поклоненія твари, нужно пройти средній, лежащій между ними, путь чувственного огрубѣнія и растлѣнія. Міръ допотопный и проходилъ этотъ гибельный путь и дошелъ до послѣднихъ его предѣловъ. Крайнее и всеобщее развращеніе нравовъ и всецѣлое погруженіе въ чувственность, дошедшее до рѣшительнаго забвенія о вѣчности и о Богѣ—вотъ черты, въ которыхъ слово Божія изображаетъ состояніе допотопныхъ людей. *Расстлѣя земля предъ Богомъ*, свидѣтельствуетъ Бытописатель, *и наполнися земля неправды. И видѣхъ Господь Богъ землю, и бѣ растлѣнна: яко растли всяка плоть путь свой на земли* (Быт. 6, 11. 12.). До какой степени можетъ доходить грѣховная безпечность и самозабвеніе людей, сіе показываетъ намъ страшный и поразительный примѣръ древняго міра. Потопъ не внезапно пришелъ на землю. За сто двадцать лѣтъ до потопа Богъ открылъ единственному праведнику тогдашняго міра волю Свою объ истребленіи людей съ лица земли. Такое раннее откровеніе, конечно, имѣло цѣлю вразумить и привести къ покаянію нечестивыхъ. Проповѣдникъ правды (2 Петр. 2, 5.) возвѣщалъ людямъ грядущее наказаніе, и объявилъ имъ время, оставленное еще для нихъ Божиимъ долготерпѣніемъ. Когда назначенный срокъ приближался

къ концу, — Ной, не таясь и не скрываясь, началъ строить и построилъ ковчегъ. Настали послѣдніе дни земли, Ной получаетъ повелѣніе войти въ ковчегъ. Воды потопныя уже начинаютъ свое шествіе на землю, а на землѣ веселые праздники и брачныя пиршества. *Бѣху во дни прежде потопа, свидѣтельствуеть Господь, ядуще и піюще, женящеса и посягающе, до него же дне вниде Ное въ ковчегъ: и не увѣдѣша, дондеже прииде вода и взятъ вся* (Мѡ. 24, 38. 39.).

Когда потопныя воды омыли землю отъ грѣховныхъ сквернъ, — Богъ даетъ обновленному міру торжественное обѣщаніе не посылать на землю наказанія, подобнаго потопу. Въ міръ открывается непрерывный рядъ чудесъ вѣстоимой любви Божіей къ человѣчеству и Божескаго почеченія о сохраненіи среди людей истиннаго богопознанія и вѣры въ обѣтованнаго Избавителя.

Черезъ семь и восемь столѣтій послѣ потопа земля, населенная потомками Ное, опять представляетъ на себѣ повсемѣстное распространеніе нечестія, и еще новое грубѣйшее явленіе грѣха — идолопоклонство. Въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій люди успѣли забыть Бога Адамова и Ноева. Немногіе избранные помнили и чтили Его. Обѣтованіе Избавителя въ большей части Ноева потомства также было забыто. Безъ особеннаго Божія попеченія весь міръ скоро сдѣлался бы идолопоклонникомъ, и вѣра въ Обѣтованнаго совершенно исчезла бы на землѣ. Опять нуженъ былъ бы потопъ или подобная казнь. Но Богъ непреложень въ Своихъ обѣтованіяхъ. Потопа болѣе не будетъ, и земля не подвергнется подобному наказанію.

ПОВТОРЕНІЕ ОБѢТОВАНІЯ ОБЪ ИСКУПЛЕНІИ И ПРИГОТОВЛЕНІИ ЛЮДЕЙ КЪ
ИСКУПИТЕЛЮ ВЪ СУДЬБАХЪ БОГОИЗБРАННАГО НАРОДА.

Среди міра, погруженнаго въ нечестіе и идолопоклонство, Богъ благоволилъ воздвигнуть Себѣ новый народъ, поставить его подъ Свое особенное, чудодѣйственное водительство, и сдѣлать его хранителемъ истиннаго богопознанія и обѣтованія о Избавителѣ. Конечно, я немогу здѣсь пересказать вамъ всю исторію евреевъ, и прослѣдить всѣ чудные пути, по которымъ Богъ велъ и привелъ народъ Свой, а чрезъ него и все человѣчество къ обѣтованному Искупителю. Мы можемъ останавливаться только на важнѣйшихъ и болѣе знаменательныхъ судьбахъ еврейскаго народа и міра языческаго, именно, на тѣхъ событіяхъ, въ которыхъ преимущественно осуществлялся и раскрывался Божественный планъ домостроительства нашего спасенія.

Исполненная чудесъ, безпримѣрная исторія богоизбраннаго народа начинается тихимъ и незамѣтнымъ событіемъ. Въ Месопотаміи сынъ нѣкоего Фарры, получаетъ повелѣніе отъ Бога, оставить свою землю, родину, отеческій домъ и идти въ землю, еще ему неизвѣстную, которую Богъ обѣщаетъ указать ему во время пути. вмѣстѣ съ повелѣніемъ сынъ Фарры получаетъ великое обѣтованіе. Богъ обѣщаетъ ему, еще бездѣтному произвестъ отъ него великій народъ, благословитъ его, возвеличитъ имя его, и наконецъ, воздвигнуть ему Сѣмя, въ Которомъ будетъ благословеніе для всѣхъ народовъ земли (Быт. 12, 1—4.). Удостоившійся такого призванія и обѣтованія сынъ Фарры есть отецъ вѣрующихъ — Авраамъ. Съ вѣрою,

достоиную отца вѣрующихъ , Авраамъ повинуется Богу призывающему, и по указанію Божию приходитъ въ землю ханаанскую. Въ землѣ ханаанской Богъ является Аврааму, и обѣщаетъ отдать потомству его землю сію. Но земля сія заселена многочисленными и сильными племенами. Авраамъ уже старъ и бездѣтепъ; жена его пережила обыкновенное время дѣторожденія и притомъ была неплодна. Авраамъ однако не изнемогаетъ въ вѣрѣ. Богъ съ Своей стороны укрѣпляетъ праведника неоднократнымъ повтореніемъ Своего обѣтованія и увѣреніемъ, что не Еміезеръ, котораго думалъ усыновить Авраамъ, и не сынъ Агари, но сынъ , который родится отъ Сарры , будетъ наследникомъ обѣтованій и благословеній, и что отъ Сарры возстанетъ потомство Аврааму, безчисленное какъ звѣзды небесныя и какъ песокъ земный. Сто лѣтъ исполнилось Аврааму , когда Сарра родила Исаака , сына вѣры, очищенной и укрѣпленной продолжительнымъ испытаніемъ. Вѣра Авраама была уже достаточно испытана и укрѣплена, когда рожденіемъ Исаака начиналось исполненіе Божіихъ обѣтованій. Но Богъ , желая явить человечеству высокія свойства Отца вѣрующихъ , вводитъ его въ послѣднее , величайшее испытаніе , и чрезъ сіе испытаніе возводитъ Авраама на возможную для человѣка степень духовнаго величія. Любовь къ Богу и преданность волю Его не могла явиться въ человѣкѣ возвышеннѣе и величественнѣе , какъ явилась она въ Авраамъ , приносящемъ въ жертву Исаака. Если велика была любовь и преданность Богу отца, возносящаго на жертвенникъ своего единопоряднаго и возлюбленнаго : то тоюже любовію и

преданностию великъ и сынъ, непрекословно давшій престарѣлому отцу связать себя и возложить на дрова жертвенника.

Богъ, остановившій руку Авраама, уже подъявную жертвенный ножъ на сына, съ особенною силою и торжественностию повторяетъ патриарху всѣ прежнія Свои обѣтованія и благословенія. Мною Самъ являюся, глаголетъ Господь, *Егоже ради сотворилъ еси глаголъ сей, и не пощадилъ еси сына твоего возлюбленнаго Мене ради: воистинну благослова благословлю тя, и умножая умножу сѣмя твое, яко звѣзды небесныя. И яко песокъ въ скрай моря; и наследитъ сѣмя твое грады супостатовъ: и благословятся о Сѣмени твоёмъ вси языцы земнии* (Быт. 22, 16—18). Неясно видно въ исторіи, какъ глубоко понимали патриархи послѣднее важнѣйшее обѣтованіе о Сѣмени, въ Которомъ благословеніе всѣхъ народовъ земли и Которое есть Христосъ (Гал. 3, 16.), сынъ Авраама (Матѣ. 1, 1.). Но къ духовному зрѣнію отца вѣрующихъ, предпочтенному и просвѣтленному искушеніями, приближенъ былъ внутреннѣйшій и глубочайшій смыслъ сего обѣтованія и вмѣстѣ глубочайшій смыслъ собственнаго его жертвоприношенія, въ которомъ, какъ въ прообразованіи, Авраамъ съ любовію и радостию прозрѣлъ духомъ великую голгоѣскую жертву. Часть сего радостнаго прозрѣнія, конечно, сообщена была и Исааку, который въ жертвоприношеніи Авраама прообразовалъ Христа, приносимый волею отца и приносящій себя собственнымъ согласіемъ и изволеніемъ. Объ Авраамѣ самъ Господь свидѣтельствуетъ, что патриархъ, конечно, на горѣ Моріа, возвышенъ былъ

до прозрѣнія въ тайну искупленія. Авраамъ отецъ вашъ, говоритъ Господь іудеямъ, радъ бы былъ, дабы видѣлъ день Мой: и видѣ и возрадовася (Іоан. 8, 56.). Тихо, въ кругу семейства, престарѣлый патріархъ доживаетъ глубокой вечеръ своей жизни. Исаакъ наследуетъ всѣ обѣтованія и благословенія, данныя Богомъ отцу его, и самъ въ свою очередь передаетъ ихъ сыну своему Израилю. Богъ укрѣпляетъ сіе благодатное наследство надеждъ и обѣтованій и за сыномъ и за внукомъ Авраама. Тому и другому Богъ повторяетъ обѣтованіе многочисленнаго потомства, обладанія ханаанскою землею, и обѣтованіе о Сѣмени, Которымъ благословятся всѣ народы земли (Быт. 26, 3. 4. 28, 13. 14.). Въ семействѣ Израиля видимо начинается исполняться обѣтованіе многочисленнаго потомства — въ двѣнадцати сынахъ его, какъ родоначальникахъ будущаго народа.

Чудное, безпримѣрное въ исторіи человечества, зрѣлище представляетъ собою семейство патріарховъ. Одинокое, отъ всѣхъ отдѣльное и незамѣтное для міра, стоитъ оно подъ особеннымъ попеченіемъ и распоряженіемъ Іеговы, и являетъ собою какбы новый рай на землѣ, покрытой уже глубокимъ мракомъ нечестія и идолопоклонства. Близость патріарховъ къ Богу напоминаетъ собою райскую близость первозданнаго къ своему Создателю. Такая близость патріарховъ къ Богу основывается на ихъ крѣпкой вѣрѣ въ Бога и въ Его обѣтованія, и на совершенной, всѣмъ жертвующей, любви къ Нему. На землѣ они странники и пришельцы: а духомъ постоянно живутъ въ будущемъ и уповаемомъ. Съ непоколебимою вѣрою Авраамъ пріемлетъ и хранитъ Божіе обѣтованіе мно-

гочисленнаго потомства и обладанія ханаанскаго землею, хотя онъ еще одинокъ, бездѣтенъ, неплоденъ, престарѣль, а обѣтованная земля населена многочисленными и сильными племенами. Не разъ слыша отъ Бога тоже обѣтованіе, Авраамъ не только не обнаруживаетъ сомнѣнія, но не оскорбляетъ Бога даже простою пытливостію и недоумьніемъ. Умирая онъ оставляетъ единственнаго сына: но по вѣрѣ въ обѣтованіе потомства онъ покупаетъ у жителей Хаана мѣсто для своей могилы, желая, чтобы кости его хранились въ той землѣ, которою будетъ владѣть его потомство, теперь еще все заключенное въ Исаакъ. Съ вѣрою Авраама Исаакъ хранитъ обѣтованіе. Внукъ Авраама, умирая въ Египтѣ, завѣщаетъ перенести кости свои въ землю обѣтованія, и сіе обѣтованіе онъ оставляетъ сынамъ своимъ, какъ драгоценнѣйшее наслѣдіе, и даже раздѣляетъ между ними сіе уповаемое наслѣдіе, какъ свое дѣйствительное владѣніе. Вѣра поистинѣ чудная и изумительная!

Въ семействѣ патриарховъ начинается осуществленіе на землѣ Божественнаго плана домостроительства. Ниодинъ изъ существовавшихъ народовъ не достоинъ былъ принять святыню обѣтованія, и еще болѣе не способенъ былъ хранить ее. Начальникъ и виновникъ зла торжествовалъ, и, конечно, считалъ міръ вѣрною добычею. Человѣчество дѣйствительно погибало во злѣ, не имѣло въ себѣ и возможности спасенія, теряло въ себѣ и самую пріемлемость спасительнаго обѣтованія. Тогда Богъ, движимый любовію къ погибающему человечеству, благоволяетъ воздвигнуть Себѣ новый народъ на землѣ, отдѣлить его отъ всего языческаго міра, поставитъ подъ не-

посредственное и особенное Свое водительство, и въ семь народъ сохранить истинное богопознаніе и богопочтеніе, и емуже поручить на сохраненіе великое обѣтованіе о Сѣмени жены, въ Которомъ благословеніе и спасеніе всѣхъ народовъ земли. На земль еще находить Богъ чловѣка, достойнаго быть родоначальникомъ будущаго народа Божія и Отцемъ всѣхъ вѣрующихъ. Сообразно съ такимъ назначеніемъ Авраама, онъ вызывается съ родины, отделяется изъ отеческаго дома, въ которомъ уже были идолы, и потомъ предпочтенный и возвышенный искушеніями въ глубокой старости, отъ супруги престарѣлой и неплодной раждаетъ сына, не столько по силѣ естества уже пережившаго время рожденія, сколько по плодотворной силѣ вѣры и по чудодѣйственной силѣ благодати. Такимъ образомъ, основаніе богоизбраннаго народа совершенно сообразно съ его высокимъ назначеніемъ и служеніемъ на земль, основаніе не столько естественное, сколько духовное, благодатное, чудодѣйственное.

Богомъ насажденное и воспитанное семейство патриарховъ сообразно съ своимъ назначеніемъ должно было возрасти въ народъ, и занять землю обѣтованную. Богъ назначаетъ народу Своему землю, заселенную многочисленными хананейскими народами, кипящую медомъ и млекоу. Но какъ правосудный, Онъ не посылаетъ преждевременной казни на хананеевъ. Открывая Аврааму временное преселеніе будущаго потомства его во Египеть, Богъ указываетъ причину сего въ томъ, что мѣра беззаконій амморейскихъ еще не исполнилась (Быт. 15, 16.). По возвращеніи изъ Египта евреи должны будутъ истребить хананеевъ и очистить для себя обѣтованную

землю. Тогда хананеи будутъ достойны истребленія, какъ наполнившіе мѣру беззаконій, потерявшіе способность раскаянія и обращенія: но во времена патріарховъ Богъ находитъ ихъ еще достойными Своего долготерпѣнія и пощады. Такъ Богъ праведенъ въ Своей благодати, и благу въ самыхъ дѣлахъ правосудія! Патріархи должны оставить на определенное время владѣніе обѣтованною землею ея языческимъ обитателямъ. Не въ Палестинѣ, но въ Египтѣ долженъ возрастать и возрасти народъ Божій. Въ назначеніи Египта мѣстомъ преселенія евреевъ видна попечительность о нихъ Божія. Презрѣніе египтянъ къ пастушеской жизни, которую вели потомки Израиля, дѣлало сяхъ послѣднихъ въ Египтѣ дальше, чѣмъ въ Палестинѣ или иной какой землѣ, отъ идолопоклонства, и безопаснѣе отъ опасныхъ языческихъ влїяній. Неробкими и безвѣстными странниками приходятъ патріархи въ Египетъ. Ихъ ожидаетъ тамъ радушный и почетный прїемъ. Темное дѣло, сдѣланное братьями съ Іосифомъ, Богъ обращаетъ въ дивное средство ко благу израиля. Проданный въ рабство въ Египетъ Іосифъ, послѣ многихъ испытаній и искушеній, дѣлается спасителемъ Египта, и правителемъ всей земли, въ которой былъ рабомъ и узникомъ. Въ чудныхъ судьбахъ жизни своей онъ самъ видитъ руку Промысла, пролагающую путь израилю. Богъ послалъ меня предъ вами, говоритъ онъ братьямъ, для сохраненія вашей жизни. Не вы послали меня сюда, но Богъ, Который поставилъ меня отцемъ Фараону, господиномъ во всемъ домѣ его и владыкою во всей землѣ египетской (Быт. 45, 5. 8.). Вы помышляли противъ меня зло;

но Богъ претворилъ то въ добро (50, 19.). Изъ уваженія и благодарности къ Иосифу Фараонъ принимаетъ Израиля, и отдаетъ ему лучшія пажити земли египетской. Семейство Израиля, перешедшее въ Египетъ въ числѣ семидесяти душъ, плодилось, размножалось и возрастало съ быстротою изумительною. Между-тѣмъ время шло, патриархи давно скончались, умеръ Иосифъ, забылись и заслуги его Египту, и вся слава его, и самое имя его. На престолъ вступилъ Государь, который уже ничего не зналъ объ Иосифѣ. На израильтянъ стали смотрѣть подозрительно. Страшило египтянъ чрезвычайно сильное возрастаніе народа Божія. Египтянамъ выгодно было удержать у себя евреевъ, только не въ видѣ свободныхъ, и потому опасныхъ иноплеменниковъ, и сильныхъ пришельцевъ, а въ качествѣ незольниковъ или рабовъ. Рѣшились принять противъ нихъ мѣры угнетенія и порабощенія. Но и подъ игомъ порабощенія, при всей тяжести изнурительныхъ работъ, возрастаніе народа шло съ прежнею быстротою. Тогда предприняты противъ евреевъ мѣры безчеловѣчныя, дано повелѣніе сперва повивальнымъ бабкамъ, а потомъ и всѣмъ египтянамъ бросать въ рѣку новорожденныхъ еврейскихъ младенцевъ мужескаго пола. Богъ оставляетъ евреевъ терпѣть сіи злостраданія. Достигая особенныхъ цѣлей Своего промышленія, Творецъ обыкновенно не нарушаетъ естественнаго хода событій, обращая только сія событія въ средства для Своихъ цѣлей, конечно, если событія не противодействуютъ цѣлямъ Промысла. Гоненіе и страданіе есть та великая школа образованія, въ которой разкрываются и крѣпнутъ духовныя силы

какъ отдѣльныхъ людей, такъ и цѣлыхъ народовъ, если только нравственныя силы людей, подвергасмыхъ испытанію, не слишкомъ ослаблены чувственностію и еще способны крѣпнуть и возвышаться. При такихъ условіяхъ въ школь скорбей и страданій, какъ свидѣтельствуеть Апостоль, научаются терпѣнію, опытности и упованію (Рим. 5, 3. 4.) Посему, нѣтъ ничего удивительнаго, что Богъ вводитъ народъ Свой въ такую школу, когда она, по естественному ходу событій, устроится на пути ему. Среди гоненій и озлобленій евреевъ со стороны египтянъ приближается къ концу время, предназначенное для пребыванія Израиля въ Египтъ. И вспомнилъ Богъ, говорить Бытописатель, завѣтъ Свой съ Авраамомъ, Исаакомъ и Іаковомъ (Исх. 2, 24.). Богъ воздвигаетъ Моусея служителя завѣта сего. По случаю, въ которомъ видимо особенное дѣйствіе Провидѣнія, Моусей усыновленъ и воспитанъ дочерью Фараона, и наученъ всей мудрости египетской. Когда настало время, Богъ призываетъ Моусея, поручаетъ ему вывести израильтянъ изъ Египта, и противъ невѣрія Фараонова вооружаетъ его силою чудесъ и знаменій. Моусей является къ Фараону, и отъ имени Іеговы, Бога еврейскаго, требуетъ освобожденія израиля. А кто такой Іегова, отвѣчаетъ Фараонъ, чтобы я послушалъ гласа Его и отпустилъ сыновъ Израиля? Я не знаю Іеговы, и израиля не отпущу (Исх. 5, 2.). Въ доказательство своего божественнаго посольства Моусей предъ глазами Фараона превращаетъ свой жезлъ въ змія. Тѣже дѣлають съ своими жезлами жрецы и тайновѣдцы египетскіе. Фараонъ отказываетъ Моусею и въ тотже день даетъ повелѣніе

увеличить и безъ того тяжкую работу евреевъ, и не давать имъ ни-малы́шаго отдыха. Отказъ Фараона и состязаніе съ Моисеемъ египетскихъ мудрецовъ есть открытое возстаніе язычества противъ Бога израилева. Фараонъ не хочетъ и знать Бога евреевъ. Жрецы думаютъ торжествовать надъ Божественною силою чудодѣйствія. Народъ еврейскій, чувствительный и жестоковѣрный, не научился въ Египтъ терпѣнію и упованію; при видѣ новыхъ гоненій и озлобленій онъ падаетъ духомъ, теряетъ надежду избавленія (Исх. 6, 9.), не имѣетъ уже той твердой вѣры, какою воодушевлялись патріархи, не довѣряетъ общанію Моисея, и слѣдовательно, могуществу Бога Авраамова, именемъ и силою Котораго Моисей общаетъ имъ избавленіе. Обстоятельства сложились такъ, что для разрѣшенія ихъ необходимо было особенное, чрезвычайное проявленіе силы Божіей. И оно не замедлило. Казнь за казнію идетъ на Египетъ. Жрецы посрамлены, упорство Фараона сокрушено, великій вопль въ Египтъ, всѣ въ ужасъ и трепетъ предъ силою Бога еврейскаго, съ Которымъ думалъ состязаться Фараонъ и народъ его. Восталъ упавшій духъ евреевъ, воскресла въ нихъ вѣра въ Бога Авраамова. Полныя радости и упованія на Бога Спасителя своего, израильтяне оставляютъ Египетъ, и на берегу моря, чудесно пройденнаго и поглотившаго Фараона со всемъ воинствомъ его, они поютъ Богу восторженную пѣснь хвалы и благодаренія. Исходъ евреевъ изъ Египта, съ окружающими его обстоятельствами, не есть только частное событіе въ исторіи еврейской или частное пораженіе идолопоклонства египетскаго, но грозное откровеніе всему

языческому міру всемогущества Творца неба и земли, имъ забытаго и отвергнутаго. Страшныя казни египетскія, погибель Фараонова, спасеніе евреевъ, не могли не произвести потрясающаго и ужасающаго впечатлѣнія на весь тогдашній міръ (Исх. 9, 16.). Особенно близко и сильно было это впечатлѣніе на жителей ханаанскихъ. Моусей такъ изображаетъ силу сего впечатлѣнія: народы слышатъ, трепещутъ, ужась объялъ живущихъ въ Филлистимъ. Мянутся князи едомовы, вождей моавитскихъ объялъ трепеть, ушлы все жители Ханаана. Страхъ и ужась напалъ на нихъ; отъ величія мышцы Твоей они онѣмбли. (Исх. 15, 14—16. см. Исх. Нав. 2, 9. 10.). Конечно, это было одно изъ послѣднихъ средствъ къ вразумленію хананеевъ, нечестіе которыхъ уже исполнило мѣру долготерпѣнія Божія. Такъ въ рукахъ Промысла одно событіе служитъ средствомъ для многихъ великихъ и спасительныхъ цѣлей.

Дальнѣйшій путь израильтянъ, указуемый и освѣтляемый видимымъ Божиимъ присутствіемъ, и сопровождаемый чудесными дѣйствіями Божія попеченія, приводитъ ихъ въ пустыню синайскую. Въ синайской пустынѣ совершается событіе, великое въ исторіи не одного еврейскаго народа, но и цѣлаго человечества, именно — установленіе ветхаго завета. Черезъ Моусея Богъ возвѣщаетъ израильтянамъ, что хочетъ вступить съ ними въ заветъ, освятить ихъ въ Свой собственный, отдѣльный народъ, и устроить въ нихъ Себѣ священное царство. Народъ единогласно изъявляетъ покорность Богу и готовность исполнить все условія завета. Два дня проходятъ въ очистительныхъ приготовленіяхъ. На третій день

на вершинѣ горы, дымящейся и трепещущей, съ грозною и величественною торжественностію, Богъ является народу и въ слухъ его изрекаетъ сущность закона — десятословіе. На другой день народъ торжественно даетъ клятву въ вѣрности Богу и Его закону. Моусей между-тѣмъ воззывается на гору, гдѣ въ продолжительныхъ собесѣдованіяхъ съ Богомъ пріемлетъ отъ Него различные законы для новаго народа Божія. Объявивъ сонмъ сыновъ израилевыхъ Своимъ собственнымъ народомъ и священнымъ царствомъ, а Себя Царемъ сего царства, Богъ возводитъ израильтянъ въ благоустроенное состояніе народа, вводитъ въ него и устрояетъ въ немъ жизнь нравственную церковную и гражданскую. Творецъ начерталъ на сердцѣ каждаго человѣка внутренній законъ совѣсти, но законъ сей, со дня на день изнемогалъ и затемнялся въ людяхъ. Въ помощь сему закону Богъ даетъ народу своему нравственный законъ внѣшнимъ образомъ. Во время синайскаго явленія Богъ въ слухъ всего народа изрекаетъ сокращеніе закона въ десяти заповѣдяхъ, и начертываетъ сіи заповѣди на двухъ каменныхъ скрижаляхъ, которыя повелѣваетъ хранить въ ковчегъ (Втор. 10, 2—4.). Кромѣ скрижалей сообщается народу писанное слово Божіе, заключенное въ письмена рукою Моусея. Изреченные Богомъ Моусею на горѣ законы и уставы, по Божію повелѣнію, Моусей записываетъ въ книгу завета и беретъ съ народа клятву въ вѣрности писаннымъ законамъ (Исх. 24, 4—7. 34, 27.). Предъ своею смертію Моусей отдаетъ весь писанный законъ священникамъ и старѣйшинамъ израилевымъ, заповѣдуетъ имъ въ праздникъ кущей, когда весь израиль прійдетъ явить-

ся предъ лицомъ Іеговы Бога своего, читать сей законъ въ слухъ предъ всѣмъ израильтянамъ, предъ всѣмъ сонмомъ мужей, женъ и дѣтей, « да услышатъ и научатся бояться Господа Бога и послушаютъ творити вся словеса закона сего » (Втор. 31, 9—14.). Въ дарованіи закона писаннаго открывається благое попеченіе Божіе о народъ. Простота патриархальной жизни, нетребовавшая многостороннихъ и разнообразныхъ законовъ, необходимыхъ уже для народа, долгоденствіе патриарховъ, способствовавшее къ сохраненію между ними Божіихъ повелѣній и обѣтованій посредствомъ устнаго наставленія или преданія отъ предковъ къ потомкамъ, душевная чистота патриарховъ и ихъ особенная близость къ Богу, дѣлавшая ихъ способными и достойными частыхъ, непосредственныхъ откровеній Божіихъ, — все это дѣлало неощутительнымъ для Церкви патриархальной отсутствіе писаннаго слова Божія. При иныхъ условіяхъ былъ народъ, устрояемый синайскимъ законодательствомъ. Многочисленныя подробности данныхъ ему законовъ, нравственныхъ, церковныхъ, гражданскихъ, равно какъ умноженіе людей, но уменьшеніе способныхъ къ непосредственнымъ откровеніямъ, распространеніе идолопоклонства, сокращеніе человеческой жизни, были причиною того, что духъ небеснаго ученія заключенъ въ письмена священныхъ книгъ (б).

Апостолъ, изображая духъ и назначеніе закона, даннаго чрезъ Моисея, называетъ этотъ законъ *плотьюю* или дѣтководителемъ ко Христу (Гал. 3, 24.). Такое дѣтководительство было назначеніемъ и закона

(б) Начерт. Биб. Ист. стр. 194.

нравственнаго. Строгъ и грозенъ былъ дѣтководитель сей: но своею строгостію онъ какъ нельзя болѣе соответствовалъ своему назначенію и нравственному состоянію подзаконныхъ людей. Своєю строгостію, страхомъ своихъ угрозъ и проклятій законъ пробуждалъ и раскрывалъ въ людяхъ сознаніе своей грѣховности и неоплатной виновности предъ Богомъ, и вмѣстѣ сознаніе своего нравственнаго безсилія и немощи примириться съ Богомъ и оправдаться предъ Нимъ. А это тѣ два необходимыя убѣжденія, къ которымъ прививается и на которыхъ основывается спасительная въра въ необходимость искупленія и въ каждомъ человѣкѣ, и въ народѣ, и въ цѣломъ человѣчествѣ. Слѣдовательно, законъ содѣйствовалъ возрастанію и раскрытію въ народѣ вѣры въ Искупителя и постепенно возводилъ израиля къ достойному принятію Искупителя. Сего достигалъ законъ неумолимою строгостію своихъ требованій и въ-слѣдствіе того пробужденіемъ въ народѣ глубокаго сознанія въ человѣческой немощи и грѣховности. Подъ строгостію Моусеева закона Богъ скрывалъ любовь къ людямъ, подобно какъ мудрый отецъ скрываетъ иногда отъ дѣтей горячность любви своей къ нимъ и принимаетъ на себя видъ строгій для ихъ же пользы. Нравственное состояніе еврейскаго народа именно было таково, что для него полезнѣе былъ страхъ и угроза, чѣмъ кротость и открытая любовь. И дѣло благой мудрости обуздывать страхомъ невнимательнаго или еще неспособнаго внимать внушеніямъ любви. Страхъ закона сдерживалъ въ народѣ языческія увлеченія и страсти, а поспыльное исполненіе закона, если не могло дать праведности, то возводило

на известную степень нравственного очищенія и предпочинило въ душахъ преданныхъ закону способность къ принятію благодатныхъ дѣйствій. — Такъ законъ дѣтвоводствовалъ ко Христу и къ благодати Его!

Въ Церкви патріархальной, при страннической жизни ея членовъ, богослуженіе не могло совершаться въ одномъ опредѣленномъ мѣствѣ, нарочито для сего устроенномъ и украшенномъ, подобномъ храму. Глава семейства или первородный совершалъ жертвоприношеніе на простомъ, безыскусственномъ жертвенникѣ, устроеномъ иногда на мѣстахъ ознаменованныхъ богоявленіемъ или инымъ замѣчательнымъ событіемъ. Теперь Богъ основываетъ церковное благоустройство въ своемъ народѣ, и учреждаетъ для него торжественное богослуженіе. Во всѣхъ подробностяхъ Онъ показываетъ Моусею образъ, по которому онъ долженъ устроить скинію Свидѣнія, въ которой Богъ и Царь евреевъ, какъ въ Своемъ храмѣ и царскомъ дворцѣ, хочетъ являть народу Свое присутствіе, принимать отъ него поклоненіе, и возвычать ему волю Свою. вмѣстѣ съ тѣмъ, Богъ устанавливаетъ чинъ и обряды богослуженія, опредѣляетъ времена, назначаетъ лица для совершенія богослужебныхъ дѣйствій, вообще, образуетъ полное устройство ветхо-завѣтной Церкви. Устройство и богослуженіе ветхо-завѣтной Церкви имѣло особенное значеніе—прообразовательное. Законъ обрядовый, и по слову Апостола, былъ законъ сѣнь и тѣнь грядущихъ благъ, не самый образъ вещей (Евр. 10, 1.), т. е. въ обрядахъ и священнодѣйствіяхъ Церкви подзаконной, какъ въ своей тѣни, отражалось тѣло Христово (Кол. 2, 17.),—совершенное Имъ искупленіе и Его благодатныя дѣйствія.

Извѣстно, что по тѣни, которую отбрасываетъ тѣло, можно въ извѣстной мѣрѣ определять величину и очертаніе тѣла, его движенія и направленіе. Преобразовательный характеръ іудейской Церкви состоялъ въ томъ, что въ ея устройствѣ, въ ея утвари, обрядахъ, богослуженіи отражался образъ будущаго, заключалось предначертаніе или предъизображеніе лица Мессіи и благодатнаго царства Его. Израильтянинъ, внимательный къ своей вѣрѣ, желая уразумѣть силу и цѣль обрядовъ и священнодѣйствій своего богослуженія, могъ уразумѣвать въ нихъ очертанія или образы будущихъ дѣйствій Мессіи, подобно тому, какъ мы теперь въ обрядахъ и священнодѣйствіяхъ литургіи видимъ изображенія уже совершенныхъ Христомъ дѣйствій или событій изъ Его земной жизни. Устроеніе прообразованій есть великое дѣло премудрости, исполненной благости и любви къ людямъ. Не все способны къ непосредственно духовнымъ созерцаніямъ. Для большей части людей, особенно ветхозавѣтныхъ, къ пониманію невидимаго и духовнаго необходимъ былъ путь чувственный. Идея пскупленія такъ высока, духовна, необъятна человѣческою мыслию, что изъ созерцаній пророческихъ не могла легко и скоро входить въ сознаніе народа, который еще не могъ отвлечься отъ видимаго и стать на высоту чисто духовнаго созерцанія. Господь снисходитъ къ этой немощи человѣческаго пониманія. Прообразованія устроены, какъ чувственные опоры, для восхожденія въ духовную область пророческихъ вѣщаній и прореченій. Прообразованія тѣже пророчества, только въ вещахъ и дѣйствіяхъ, а посему, какъ болѣе наглядныя и осязательныя, чѣмъ

слово или понятіе, доступнѣе чувственному разумнѣю чловѣка. Евреи слышали наприм. пророчество о грядущемъ Первосвященникѣ, Который единожды принесетъ жертву Богу за грѣхи всѣхъ людей, жертву очищенія и искупленія. Чувственное очертаніе того же пророчества представлялось имъ въ ихъ первосвященникѣ, когда онъ въ день очищенія разъ въ годъ входилъ съ кровію во Святое Святыхъ. Такимъ образомъ, Пророки своимъ пророчествами наводили мысль на прообразованія, а сіи послѣднія приближали къ понятіямъ пророчества.

Важнѣйшимъ дѣйствіемъ обрядоваго богослуженія была жертва. Смыслъ жертвеннаго богослуженія заключается въ томъ, что оно установлено Богомъ, какъ прообразованіе искупленія, и имѣло силу умоловительную предъ Богомъ по вѣрѣ приносящихъ жертвы въ обѣтованнаго Искупителя. Первая жертва, вѣроятно, принесена была еще въ раю. Догадываются, что кожаныя ризы, въ которыя одѣлъ Богъ Адама и жену его, сдѣланы были изъ кожи звѣря, принесеннаго въ жертву. Авель уже приноситъ жертву отъ первородныхъ стада своего (Быт. 4, 4.). Невѣроятно, чтобы самъ Авель изобрѣлъ жертвенное богослуженіе, какъ и вообще невѣроятно, чтобы жертва была изобрѣтеніемъ чловѣческимъ. Разумъ самъ собою никогда не могъ прійти къ мысли угождать Богу проливаніемъ крови животныхъ, или кровію животнаго умоловлять гнѣвъ Божій за беззаконія чловѣческія. Въ средствѣ, очевидно, нѣтъ ничего соответствующаго цѣли. Жертва Авеля необходимо наводитъ на мысль, что Авель научился приношенію въ жертву первородныхъ отъ Адама,

Адамъ отъ Бога, а Богъ явилъ въ нихъ Агнца закланнаго отъ основанія міра (Апок. 13, 8.) (в). Жертвенное богослуженіе распространилось во всемъ языческомъ мірѣ, и совершалось у всѣхъ народовъ, у которыхъ было какое-нибудь понятіе о Божествѣ, хотя, разумѣется, истинный смыслъ жертвы затемнялся и искажался по мѣрѣ того, какъ и самое понятіе о Божествѣ терялось во мракъ многобожія. Это потемнѣніе и искаженіе дошло до той безразсудной мысли, что Божеству угодна и пріятна кровь не только животныхъ, но и кровь человѣческая, которой немало пролито на языческихъ алтаряхъ. Въ Церкви патріархальной, при высокой вѣрѣ и особенной близости къ Богу патріарховъ, при частыхъ откровеніяхъ и богоявленіяхъ, сохранялось истинное понятіе о жертвѣ, и духовному оку приносящихъ жертвы открыть былъ ихъ внутреннѣйшій смыслъ. Авраамъ при своемъ жертвоприношеніи видѣвшій день Искупителя, Исаакъ участвовавшій въ семъ видѣніи, Израиль прозрѣвшій Бога Избавителя, чаеніе языковъ (Быт. 48, 15. 49, 10.), послѣ столь высокихъ прозрѣній могли и сами видѣть и другимъ указывать образъ Искупителя и Избавителя, прообразуемый въ жертвахъ.

И при устроеніи ветхо-завѣтной Церкви жертва вводится въ составъ богослуженія, и получаетъ здѣсь особенную важность и торжественность. До малѣйшихъ подробностей законъ опредѣляетъ различные виды и обряды жертвоприношеній. Самъ Богъ усволяетъ жертвамъ силу очистительную и умильст-

(в) Записк. на. кн Быт. ч. I стр. 134.

вительную. Богъ запрещаетъ употреблять въ пищу кровь животныхъ, какъ святыню, которую Онъ пріемлетъ на жертвенникъ, какъ очищеніе и умпловствленіе за грѣхи человѣческіе. *Зане душа всякія плоти кровь его есть, и Азъ дахъ ю вамъ у алтаря умолюти о душахъ вашихъ: кровь бо его вмѣсто души умолюти* (Левит. 17, 11.). Въ чемъ же состояла очищающая и оправдывающая сила жертвы? По слову Апостола, въ жертвѣ было напоминаніе грѣховъ (Евр. 10, 3). Въ своей жертвѣ человекъ видѣлъ, что оброкъ или наказаніе грѣха есть смерть. Закланіе жертвеннаго животнаго изображало ему его собственную повинность смерти. Слѣдовательно, жертва напоминала человеку или вводила его въ сознаніе своихъ грѣховъ, виновности предъ Богомъ, повинности смерти. Съ такимъ сознаниемъ естественно пробуждалась потребность, молитвенное желаніе очищенія и оправданія, избавленія отъ грѣха и смерти. Пробужденное сознаніе въ необходимости очищенія и искупленія естественно обращало человекъ върою и уноганіемъ къ Избавителю, обѣтованному патриархамъ, возвъщаемому Пророками, искупительное дѣйствіе Котораго прообразовательно изображалось самою же жертвою, и въ семъ образѣ болѣе или менѣе приближалось къ разумѣнію израильтянъ. Такимъ образомъ, жертва была и дѣйствіемъ покаяннымъ—исповѣданіемъ грѣховъ, нечистоты и виновности предъ Богомъ и дѣйствіемъ молитвеннымъ—молитвою объ очищеніи и избавленіи и свидѣтельствомъ вѣры въ Искупителя, прообразуемаго жертвою.

Но сознаніе или раскаяніе во грѣхахъ не есть еще ихъ очищеніе, сознаніе вины не есть уже оправданіе,

точно такъ-же, какъ прозрѣніе въ прообразованіе искупленія не есть уже полное участіе въ его благодатныхъ дѣйствіяхъ. Однакоже, Богъ усволяетъ жертвъ не прообразовательное только значеніе, но дѣйствительную благодать очищенія. *Азъ дахъ ю (кровь животнаго) вамъ у алтаря умолати о душахъ вашихъ: кровь бо его вмѣсто души умолитъ.* Не могъ же Богъ общать народу того, чего не было въ жертвъ, и что она еще только прообразовала. Не усумнимся сказать, что ветхо-завѣтная жертва была не только прообразованіемъ искупленія, но и средствомъ къ низведенію благодати Христовой въ души вѣрующихъ въ грядущаго Искушителя. Искупленіе не было еще совершено во времени, но оно рѣшено было въ вѣчномъ совѣтѣ Божіемъ. Агнецъ закланъ отъ сложенія міра (Апок. 13, 8.). Богъ съ клятвою утвердилъ вѣчное служеніе Мессіи, и отъ вѣчности принялъ ходатайство жертвы Его, имѣвшей совершиться во времени (Псал. 109, 4.). Если священническое служеніе Мессіи имѣло ходатайственную силу предъ Богомъ и до воплощенія Мессіи, то, конечно, оно могло низводить благодать и на чадъ ветхо-завѣтной Церкви. Когда евреи, уклонившіеся на пути языческаго нечестія и забывшіе обѣтованіе объ Искушителѣ, принесли свои жертвы съ языческимъ безсмысліемъ, думали благоугодить Богу самою кровію козловъ и тельцевъ, приносили жертвы, не принося покаянія во грѣхахъ своихъ, не освящая своихъ жертвоприношеній молитвеннымъ желаніемъ примиренія съ Богомъ и вѣрою въ Искушителя, — Богъ отвергалъ такіа жертвы (Ис. 1, 11.), какъ приношенія безжизненные и бессмысленныя. Въ истинномъ своемъ значеніи

жертва была дѣйствию покаянное, возводящее къ вѣрѣ въ Искупителя и по вѣрѣ производящее благодать освященія. Такимъ образомъ, жертвы ветхозавѣтныя, какъ и весь законъ Моисеевъ, были дѣтводителями ко Христу.

Не забыта въ синайскомъ законодательствѣ гражданская жизнь народа еврейскаго, для которой также даны ясные и опредѣленные законы. Какъ Царь народа израильскаго, Богъ оставляетъ Себя царскую власть и все царскія права, право законодательства, право верховнаго суда, право мира и войны. Такимъ образомъ, обѣтованіе Божіе, данное Аврааму, приходитъ въ исполненіе. Изъ потомства патріарха Богъ воздвигаетъ Себя особенный, собственный Свой народъ, и дѣлаетъ его хранителемъ истиннаго богопознанія и обѣтованія, въ которомъ заключается благословіе для цѣлаго челоуѣчества. При Синаѣ основывается на землѣ царство Божіе, которое, заключающъ теперь въ народъ израильскомъ, должно современемъ принять въ себя все народы земли. Синайскій Законодатель, устроющій Себя царство въ израиль, есть Сынъ Божій (Евр. 12, 26.), но воплощеніи основавшій на землѣ всемірное благодатное царство, въ которомъ исполнились древнія обѣтованія, прообразованія и пророчества. Синайское законодательство есть основаніе на землѣ и начальное пріуготовительное устроеніе всемірнаго и благодатнаго царства Христова. Въ дальнѣйшихъ судьбахъ еврейскаго народа видимъ постепенное раскрытіе сего первоначальнаго устроенія или пріуготовленіе основаннаго во израиль царства Божія къ принятію своего Царя и Спасителя міра. Пророчествомъ объ Его пришествіи довершается устроеніе ветхо-завѣтной

Церкви во времена Моусей. Моусей, исполнивъ дѣло служенія своего, возвъщаетъ народу Божіе обътованіе—воздвигнуть Пророка подобнаго Моусею, Который, такъ-же какъ Моусей, будетъ посредникомъ между Богомъ и людьми, и чрезъ Котораго Богъ невидимый и неприступный будетъ открывать людямъ Свою волю, Свои совѣты и повелѣнія. *Пророка отъ братій твоихъ, якоже мене, возставитъ тебѣ Господь Богъ твой, Того послушайте. И рече Господь ко мнѣ: Пророка возставлю отъ среды братій ихъ якоже тебе: и вдамъ слово Мое во уста Его, и возглаголетъ имъ, якоже заповѣдаю Ему* (Втор. 18, 15. 18.). Народъ, уstraшенный грознымъ величіемъ синайскаго богоявленія, умоляетъ Бога не глаголатъ къ нему непосредственно, но чрезъ Моусея. Богъ, хотя пріемлетъ посредничество Моусея, однако объщаетъ воздвигнуть другаго Пророка—посредника, Который есть ходатай новаго завѣта, единый ходатай Бога и человѣковъ (1 Тим. 2, 5.), исповѣдавшій Бога, Его-же никтоже видѣ нигдѣже (Іоан. 1, 18.). Евреи, приведенные въ благоустроенное состояніе народа Божія, оставляютъ Синай.

Печальными событіями начинается исторія царства Божія на землѣ. По выходѣ изъ пустыни синайской израильтяне приближаются къ предѣламъ земли обътованной. Богъ повелѣваетъ Моусею прямо вести народъ въ землю ханаанскую (Втор. 9, 23.); но народъ проситъ Моусея предварительно послать въ нее соглядатаевъ. Моусей уступаетъ малодушному желанію. Посланные, по прошествіи сорока дней, возвращаются изъ Ханаана, и единодушно восхваляютъ обиліе и богатство земли сей, но десять изъ нихъ

въ страшныхъ и преувеличенныхъ чертахъ изображаютъ многочисленность и силу ханаанскихъ жителей, обширность и крѣпость ихъ городовъ. Народъ упадаетъ духомъ. Тогда все общество подняло вопль, пишетъ Моусей, и плакалъ весь народъ во всю ту ночь (Числ. 14, 1.). За страхомъ и уныніемъ послѣдовало открытое возстаніе противъ Моусея и самого Бога. Забылъ неблагодарный народъ всѣ Божіи благодѣянія, всѣ чудеса Божіи могущества и попеченія о немъ. Израильтяне ропщутъ на Царя своего, Который будто бы вывелъ ихъ изъ Египта по ненависти и на истребленіе (Втор. 1, 27.). Забыли израильтяне Божіе обѣтованіе—отдать имъ во владѣніе землю ханаанскую и въ руки ихъ всѣхъ жителей ея. Моусей и Ааронъ умоляютъ народъ, вѣровать Богу и Его обѣтованію. Но возстаніе не утихаетъ. Хотятъ, наконецъ, побить камнями Моусея и Аарона, выбрать себѣ новаго вождя, и подъ его водительство возвратиться во Египетъ. И только явленіе славы Божіей спасаетъ Моусея отъ смерти, а народъ отъ злодѣянія. При подножій Синая, на которомъ едва только утихли трубные звуки и громы, сопровождавшіе явленіе Іеговы, народъ уже поклонялся золотому тельцу, совершивъ ему языческій праздникъ, и за такое вѣроломство едва не подвергся совершенному истребленію по суду правды Божіей. Богъ объявилъ уже волю Свою Моусею—потребить народъ съ лица земли, и отъ Моусея воздвигнуть Себѣ другой народъ, многочисленнѣйшій и сильнѣйшій. Но Моусей снова является ходатаемъ за народъ, умоляетъ Бога еще разъ простить грѣхъ народу, заклинаетъ Бога пощадить Его собственную славу, явленную язычни-

камъ въ дивныхъ судьбахъ сего народа, напоминаетъ Богу Его собственныя слова, сказанныя Моисею на горахъ: Господь медленъ на гнѣвъ и великъ въ милости, прощаетъ беззаконіе и преступленія (Числ. 14, 18.). И на сей разъ Богъ внемлетъ ходатайству Своего Пророка, но уже не оставляетъ народа ненаказаннымъ. Въ наказаніе евреевъ Богъ опредѣляетъ исполненіе ихъ собственныхъ словъ, сказанныхъ во время возмущенія и ропота: *о если бы мы умерли въ пустынь сей (14, 2.)!* За каждый день согладенія земли ханаанской народъ долженъ заплатить годомъ странствованія въ пустынь, и въ продолженіе сего сороколтнаго странствованія должны умереть всѣ изшедшіе изъ Египта, начиная съ двадцатилѣтнихъ юношей. Не они, а уже дѣти ихъ войдутъ въ землю обѣтованія. Съ скорбію повелѣлъ Моисей осужденный и смятенный народъ отъ предѣловъ земли обѣтованной назадъ въ пустыню на опредѣленное ему тамъ странствованіе. Такое замедленіе нисколько не препятствовало цѣли, съ которою Богъ воздвигъ народъ Свой, и опредѣлилъ ему вступить въ землю обѣтованную. Дѣло было не въ томъ, что народъ ранѣе или позднѣе вступить въ землю обѣтованія, но чтобы онъ вступилъ въ нее достойнымъ обѣтованія. Главное назначеніе народа было не временное его благоденствіе, или благосостояніе гражданское, но духовное его служеніе цѣлямъ Промысла и спасенію народовъ, какъ хранителя богопознанія и вѣры въ обѣтованнаго Избавителя. Такому назначенію народа не только не препятствуетъ, но содѣйствуетъ сороколтнее его пребываніе въ пустынь, какъ отсѣченіе въ немъ

египетскихъ пороковъ , недостойныхъ народа Божія , какъ очистительное приготовленіе въ немъ духовныхъ способностей къ его высокому служенію на землѣ.

Прошли сорокъ лѣтъ странствованія , и все египетскіе выходцы сложили кости свои въ пустынь. И Моисей взятъ былъ Богомъ. Преемникъ Моисея Иисусъ вводитъ новое поколѣніе израильтянъ въ землю обѣтованную и раздѣляетъ ее на удѣлы между колѣнами израильтянъ. При вступленіи въ землю обѣтованную , израильтянамъ повелѣно было самимъ Богомъ истребить всѣхъ ея обитателей мечемъ. Такое безпощадное истребленіе хананесвъ можетъ показаться , и казалось инымъ , несправедливостию , даже жестокостию ненужною и безцѣльною. Неужели Богъ не могъ найдти на землѣ инаго мѣста для израильтянъ , кроме Палестины , и неужели для блага одного народа необходимо было кровавое истребленіе народовъ многихъ ? Если бы израилю нужно было только мѣсто обитанія , то Творецъ земли , конечно , нашелъ бы такое мѣсто и внѣ Палестины , и въ случаѣ нужды самую пустыню синайскую могъ бы претворить для народа Своего въ землю кипящую медомъ и млекою , подобно тому , какъ претворилъ для него дно Чермнаго моря въ путь сухой и проходимый. Богъ отдаетъ израильтянамъ Палестину не за ея только плодородіе , но преимущественно потому , что положеніе ея соответствовало распространенію будущихъ вліяній его на весь языческій міръ. «Избраніе земли ханаанской въ жилище благословенному потомству Авраамову есть дѣло Божіей благодати , не смотря ни на какія препятствія , доставляющей возлюбленнымъ Своимъ зем-

лю кипящую медомъ и млекою , и дѣло всеобъемлющей премудрости , избирающей хранилищемъ Божественныхъ обѣтованій и зрѣлищемъ великихъ откровеній землю наиспособнѣйшую къ сообщенію со всѣми частями свѣта, дабы вся земля удобнѣе видѣла спасеніе , содѣлываемое посреднъ земли, и скорѣе приняла въ немъ участіе » (г). Что касается до ханаанскихъ жителей, то истребленіе ихъ не есть дѣло напрасное и несправедливое, въ которомъ будтобы Богъ изъ любви къ однимъ уже не пощадилъ другихъ. На судъ Божіемъ нѣтъ пристрастія или лицепріятія. Богъ находитъ несправедливымъ истребить хананеевъ во время патріарховъ и потому выводитъ народъ Свой изъ Палестины во Египетъ, ибо, какъ говоритъ Богъ Аврааму , до нынѣ мѣра беззаконія амморрейскаго еще не исполнилась (Быт. 15, 16.). Значитъ , что при вступленіи израильтянъ въ Палестину мѣра эта уже наполнилась. Наполненіе мѣры беззаконій означаетъ такое состояніе или степень грѣховности и растлѣнія людей, на которой всѣ мѣры къ ихъ исправленію дѣлаются недействительными, покаяніе становится невозможнымъ, а потому, и долготерпѣніе Божіе бесполезнымъ. Народъ самъ себя вводитъ въ неисходную погибель, теряя все доброе и святое , ради чего и возможно на землѣ существованіе и отдѣльныхъ людей и цѣлыхъ народовъ. Израильтяне , какъ истребители хананеевъ, суть не болѣе, какъ орудія праведнаго суда Божія надъ народами, недостойными Божія долго-

(г) Запис. на кн. Быт. Ч. II, стр. 90.

теритрія, такъ-же какъ потопныя воды были орудіемъ истребленія перваго міра, и огонь орудіемъ погибели Содома. Для одного и тогоже дѣла Богъ избираетъ различныя средства, сообразно съ цѣлями Своего промысленія. Моусей говоритъ народу предъ вступленіемъ его въ землю ханаанскую: нѣтъ, не за праведность твою и не за правоту сердца твоего ты идешь наследовать землю ихъ (ханаанцевъ), но за нечестіе и беззаконія народовъ сихъ Іегова Богъ твой изгоняетъ ихъ отъ лица твоего, чтобы исполнить слово, которое съ клятвою далъ Господь отцамъ твоимъ—Аврааму, Исааку и Іакову (Втор. 9, 5.). Израильтяне не скрываютъ, какъ тайну, обътованіе, данное Аврааму о землѣ ханаанской. Это страшное для палестинскихъ жителей обътованіе легко могло дойти до нихъ даже изъ Египта, если еще не отъ патриарховъ. Вѣдома имъ была слава Бога израилева, въ которомъ для неовсе омраченныхъ очей видимъ былъ Богъ, Творецъ міра, забытый язычниками. Слава дивныхъ дѣлъ Божіихъ въ Египтѣ и слухъ о чудесномъ переходѣ евреевъ по дну моря наводитъ страхъ и трепетъ на жителей Ханаана, но не обращаетъ ихъ къ Богу (Исх. 15, 14—16.). Слышны были и извѣстны имъ чудеса, совершенныя Богомъ въ пустынь, какъ свидѣтельствуется Моусей предъ самимъ Богомъ (Чис. 14, 14.). Впереди израильтянъ Богъ посылаетъ еще на ханаанскихъ жителей предварительную казнь, какъ послѣднее вразумленіе. Наконецъ, завоеваніе земли ханаанской, совершаемое постепенно и ирптомъ не столько естественными силами израильскаго народа, сколько чудодѣйственной силою Бога израилева,

давало ханаанскимъ народамъ и время и возможность сознать шитожество своихъ боговъ и обратиться съ поканіемъ къ Богу израиля. Но сколь ясно и сильно Богъ ни напоминать о Себѣ жителямъ Ханаана, они уверно ищутъ защиты противъ Него у своихъ идоловъ. Раавъ только вѣруеть Богу еврейскому, и сія вѣра спасаетъ ее, и все родство ея отъ всеобщаго истребленія.

Завоеваніемъ земли ханаанской окончательнo исполняется часть обѣтованія, даннаго Аврааму. Отъ него воздвигнуть народъ, устроенъ, отдѣленъ отъ міра языческаго, принять подъ особенное попеченіе Божіе, овладѣть, наконецъ, землею обѣтованія, и является на ней, какъ хранитель истиннаго богопознанія и богопочтенія среди земли, покрытой мракомъ идолопоклонства. Теперь должна раскрываться и осуществляться и другая часть обѣтованія, — обѣтованіе о Сѣмени, въ Которомъ — благословеніе не только народа израильскаго, но и всѣхъ народовъ земли. Въ народъ должно проясняться понятіе объ обѣтованномъ Сѣмени, сознаніе въ необходимости искупленія, вѣра въ обѣтованнаго Искушителя, пріемлемость искупленія, или готовность и способность принять Искушителя.

Въ первые вѣка послѣ завоеванія земли ханаанской, въ такъ называемыя времена судей, народъ не является себя способнымъ къ раскрытію и уясненію себя обѣтованія о Сѣмени. Недолго хранить израильтяне вѣрность Богу и Царю своему. Они входятъ въ запрещенныя Богомъ сношенія и связи съ языческими народами, перенимаютъ ихъ пороки и заражаются заразою языческаго міра — идолопоклонствомъ. За языческое нечестіе Богъ предастъ народъ Свой въ

руки язычниковъ. Тягость порабощенія заставляетъ евреевъ обратиться къ Богу, и Опъ воздвигаетъ имъ избавителя. Избавленные опять начинаютъ забывать Бога, снова обращаются къ идоломъ, опять впадаютъ во власть поработителей до новаго раскаянія въ нечестіи и до новаго избавителя. Такой рядъ порабощеній и избавленій и составляетъ всю исторію періода Судей. Съ перваго взгляда невидно въ народѣ движенія къ той высочайшей цѣли Промысла, по которой народъ израильскій воззванъ къ бытію. Но было бы невѣрное пониманіе дѣла, если бы мы остановились только на одной вышности событій, невидя ничего далье. Въ періодъ Судей союзъ народа съ Богомъ, заключенный въ пустынь синайской, дѣйствительно по временамъ ослабѣваетъ, нарушается, но всегда возобновляется, и не смотря на всѣ временныя ослабленія и нарушенія окончательно остается неразрушимъ. Не смотря на идолопоклонство, дворъ Скиніи не оставался пустымъ и забытымъ. Среди народа постоянно оставалось немало избранныхъ, которые чтили Бога израилева, и въ опредѣленные времена собирались предъ Скиніею совершать узаконенные праздники. Во все время Судей Богъ, конечно, имѣлъ известное Ему число Своихъ читателей и ревнителей закона непричастныхъ идолопоклонству, такъ какъ и во времена еще болѣе мрачныя и нечестивыя у Господа было по нѣскольку тысячъ во израилѣ непреклонявшихъ колѣна Ваалу. Такимъ образомъ, языческій міръ, не смотря на всѣ успія, не могъ поглотить собою царства Божія, сокрушить его незыблемое основаніе, стереть съ лица земли истинное богопознаніе, хранимое во

израиль. Сіе великое сокровище народа Божія сохраннымъ было пронесено чрезъ всѣ внутреннія смуты и нестроенія и сквозь всѣ опасности и нападенія со стороны язычниковъ. И самые поработители народа Божія своими побѣдами и торжествами надъ израильтянами не только въ нихъ, но и въ самихъ себѣ не могли убить сознанія о непобѣдимой силѣ и могуществѣ Бога еврейскаго. Они видѣли, что бѣдствіе и порабоженіе евреевъ всегда есть слѣдствіе ихъ невѣрности своему Богу, что нечестіе народа Божія, а не силы побѣдителей, не боги ихъ предають имъ въ руки израильтянъ, что за раскаяніемъ евреевъ и обращеніемъ ихъ къ своему Богу тотчасъ слѣдуетъ освобожденіе ихъ отъ порабоженія, и иногда чудное торжество надъ поработителями. Такой ходъ событій, конечно, только распространялъ между язычниками и возвышалъ въ ихъ глазахъ славу Бога израилева. Какой же урокъ для себя вынесъ самъ народъ израильскій изъ этого смутнаго и тяжелаго времени?

Урокъ, который давало Провидѣніе народу во времена Судей, повторялся не разъ, и своимъ уже многократнымъ повтореніемъ не могъ не сдѣлать впечатлѣнія на самыхъ даже маловнимательныхъ къ ученію премудрости Божественной. Не въ буквѣ только закона, но въ опытахъ жизни, въ событіяхъ исторіи, самымъ яснымъ и убѣдительнымъ образомъ раскрылась народу вся истинность Божія обѣтованія, что миръ и благоденствіе израильтянъ и торжество ихъ надъ язычниками возможно единственно подъ условіемъ неослабнаго и неразрывнаго союза съ Богомъ, и неизмѣнной вѣрности Моусееву закону.

За нарушеніемъ закона и оставленіемъ Бога для Ваала, или для иного божества, непременно слѣдовало оставленіе Богомъ, униженіе предъ язычниками, страданіе въ порабощеніи у нихъ.

ПРАВЛЕНІЕ СУДЕЙ ВЪ НАРОДѢ ИЗРАИЛЬСКОМЪ, ПО ЖЕЛАНІЮ ЕГО, СМѢНИЛОСЯ ПРАВЛЕНІЕМЪ ЦАРЕЙ.

Желаніе имѣть царя со-стороны народа было оскорбленіемъ Бога, Который самъ былъ царемъ израиля. Посему, Самуилъ, смутился, выслушавъ это народное желаніе, и съ молитвеннымъ страхомъ приносить его предъ Бога. Богъ, дѣйствительно, видитъ въ просьбѣ народа униженіе Своей собственной царской власти: однакоже, не отвергаетъ желанія и общается народу царя. Въ лицѣ и званіи царя Богъ видитъ новое средство раскрыть обътованіе Мессіи-Царя. Первый еврейскій Царь не былъ по сердцу Божию. На его преемникъ почило Божіе благоволеніе. Давидъ былъ такой Царь, который успокоилъ всѣ надежды и исполнилъ всѣ желанія народа, и вмѣстѣ, былъ избранное и благословенное орудіе Промысла въ домостроительствѣ спасенія человѣческаго. Слава и благоденствіе Давидова царствованія навсегда остались въ памяти народа. Давидъ утвердилъ миръ въ израиль и безопасность отъ враговъ. Прежніе поработители народа Божія были покорены, и смирились предъ его силою и славою. Миръ съ Богомъ, столь часто нарушаемый во времена Судей, былъ вполнѣ возстановленъ и поддерживался благочестіемъ Царя. Идолопоклонство было уничтожено, слѣды его заглажены, и не смѣли обнаружиться въ благочестивое царствованіе Давида. Ковчегъ завѣта перенесенъ въ столицу царства. Царь составляетъ чертежи, и заго-

товляетъ матеріалы для постройки величественнаго храма Іеговь. Богослуженіе приняло новую торжественность и великолѣпіе, чему много способствовали священныя пѣсни или псалмы самого вѣщественнаго Пророка. Благоволеніе Божіе видимо почивало на Царь и на его народъ.

Если бы цѣлю народа израильскаго было его временное благоденствіе на землѣ: то цѣль эта была бы теперь вполне достигнута, и народъ не пожелалъ бы себѣ лучшаго царя. Но не для такой цѣли воздвигнуть и столь чудодѣйственно воспитанъ народъ. По плану Божію Давидъ долженствовалъ быть не столько устроителемъ и обладателемъ царства земнаго и временнаго, сколько Божественнымъ орудіемъ къ предъизображенію во израиль царства духовнаго и вѣчнаго. Давиду врѣходитъ мысль соорудить въ Іерусалимѣ величественный храмъ Богу. Царь открываетъ свою мысль Пророку Наоану, и благочестивая мысль одного Пророка находитъ себѣ радостное сочувствіе въ душѣ другаго. Но въ ту же ночь Наоанъ получаетъ откровеніе и возвѣщаетъ Давиду отъ лица Божія, что Богъ пріемлетъ его приношеніе, но исполненіе обѣта, или самое сооруженіе храма, предоставляетъ его сыну и наследнику. Вместе съ симъ Наоанъ передаетъ Давиду слѣдующее Божіе обѣтованіе о семъ его сынѣ и наследникѣ: *Азъ буду ему въ отца, и той будетъ Ми въ сына. И вѣрнѣе будетъ домъ его, и царство его до вѣка предо Мною: и престолъ его будетъ исправленъ (будетъ стоять) во вѣкъ* (2 Цар. 7, 14. 16.). Въ семъ обѣтованіи мы видимъ дальнѣйшее раскрытіе обѣтованія, даннаго Авраму о Сѣмени, въ Которомъ благословятся всѣ

народы земные. Сіе обѣтованное Сѣмя есть сынъ Давидовъ и Сынъ Божій, помазанникъ Божій и Царь израиля, Царь вѣчный, Которому не будетъ преемниковъ, а Его царствію конца. Въ возвышенномъ обѣтованіи о вѣчномъ Сынъ Давида есть черты, которыя могутъ относиться только къ временному преемнику Давида (см. 2 Царст. 7, 12, 14, 15),—Соломону. Черты Царя вѣчнаго и царя временнаго въ обѣтованіи какбы совмѣщаются въ одинъ образъ. Но власть и слава царя израильскаго вообще, и Соломона въ частности, дѣйствительно есть образъ, въ которомъ Богъ впервые приближаетъ къ разумноію народа Своею мысль или обѣтованіе о Царѣ вѣчномъ и божественномъ. Мысль еще невѣстная для народа въ своей духовной чистотѣ и возвышенности, на первый разъ сообщается ему въ чувственномъ образъ земнаго, славнаго царствованія. Съ теченіемъ времени обѣтованіе будетъ совлекаться своего чувственнаго облаченія и представитъ въ себѣ уже неприкровенное и ясное обѣтованіе о вѣчномъ и духовномъ царствѣ Мессіи. Впрочемъ, за прикровеніемъ симъ, или за образомъ земнаго царя не скрывался совершенно внутренній, высочайшій смыслъ обѣтованія, которому онъ служилъ временнымъ облаченіемъ. Самъ Давидъ не относитъ полученнаго имъ обѣтованія къ сыну своему Соломону, но благодаритъ и славословитъ Бога, Который въ семъ обѣтованіи открылъ ему далекое будущее, *глаголаъ о домъ раба своего вдалеко* (2 Царст. 7, 19.). Созерцая пророческимъ духомъ сіе далекое будущее, Давидъ признаетъ себя рабомъ Того, Который въ обѣтованіи изображается сыномъ его, исповѣдуетъ Божество Его, нарицаетъ Его Го-

сподомъ своимъ (Пс. 109, 1. см. Мо. 22, 41—44.), и изображаетъ народу будущее царство имѣющаго явиться въ потомствѣ его Богочеловѣка въ такихъ чертахъ, которыя не могутъ относиться ни къ царствованію Соломона, и ни къ какому земному царству. Онъ будетъ владычествовать отъ моря до моря, и отъ рѣки до предѣловъ земли. Поклонятся Ему все цари, все народы будутъ покорны Ему. Имя Его будетъ благословенно во все; благословятся въ Немъ все племена земныя, все народы будутъ ублажать Его (Псал. 71, 8. 11, 17.). Такимъ образомъ, чрезъ обѣтованіе, данное Давиду, начала разкрываться и распространяться въ избранномъ народѣ Божіемъ вѣра и ожиданіе Мессіи, какъ сына Давидова, Который некогда взоидетъ на престолъ отца Своего и утвердитъ благоденствіе израиля. Какъ понимали во израилѣ будущее царство Мессіи, и какъ Духъ Божій чрезъ Пророковъ очищалъ и возвышалъ сіе пониманіе народа, это увидимъ далѣе. Ожиданіе Мессіи, какъ сына и царственного наследника Давидова, было общимъ ожиданіемъ народа во времена Спасителя. Слѣпцы просятъ себя прозрѣнія у Сына Давидова, симъ наименованіемъ выражая свою вѣру въ Иисуса, какъ въ Мессію (Матѣ. 9, 27.). Также исповѣдуетъ свою вѣру въ Него хананейская женщина, умоляя Сына Давидова изцѣлить дочь ея (15, 22.). Народъ, изумленный чудесами Спасителя, готовъ принять чудотворца за Мессію, и такъ выражаетъ свое недоумѣніе: не это ли Христосъ сынъ Давидовъ (Матѣ. 12, 23.)? При входѣ Господа въ Иерусалимъ народъ, привѣтствуя въ Немъ Мессію, восклицаетъ Ему: *осанна сыну Давидову* (21, 9.).

Какимъ же образомъ сообщенная народу при Давидѣ мысль о Мессіи Царь и Его царствъ пронеслась сохранно и непрерывно чрезъ всю исторію еврейскаго народа, при томъ мракѣ нечестія и идолопоклонства, въ которомъ почти неизменно вращался народъ со временъ Соломона? Никакія человѣческія усилія и никакая человѣческая мудрость не могли бы въ израильскомъ народѣ соблюсти и сохранить данное ему обътованіе Искушителя. Одна премудрость Божія нашла средства не только сохранить спасительную для міра мысль о Мессіи, но и постепенно возвышать ее на возможную для тогдашнихъ людей степень истиннаго и духовнаго пониманія.

Сынъ Давида и наследникъ престола его Соломонъ въ своей личности представляетъ и величіе человѣческаго духа и немощь человѣческую въ борьбѣ противъ страстей, воюющихъ на духъ. Подъ вѣрною державою Соломона народъ сталъ на высшую степень благосостоянія. Необыкновенная мудрость Царя, по-видимому, ненарушимо утвердила миръ и благоустройство во израиль. Слава Соломона и величіе царства его внушали страхъ народамъ окрестнымъ, уваженіе народамъ далекимъ. Но, что всего важнѣе, особенное благоволеніе Божіе было надъ Царемъ и надъ народомъ его. Богъ пріиимъ отъ Соломона исполненіе обѣта Давидова. Храмъ Іеговъ былъ воздвигнутъ въ Іерусалимѣ. При его торжественномъ освященіи Богъ видимо явилъ Свое благоволеніе. Предъ лицомъ всего народа, какъ бывало во времена Моисея, слава Божія, въ видѣ облака, осѣнила и наполнила новоосвященный храмъ. Царь въ благодарственной молитвѣ славословитъ Бога, ве-

здѣсущаго и всесполняющаго , и благоволившаго обитать въ храмъ семь , молитъ Его утвердить въ немъ вѣчно Свое пребываніе и милостиво внимать молитвамъ народа Своего. Въ этой торжественной и уничижительной молитвѣ Царь входитъ въ духъ обѣтованія, предвѣщающаго во Израиль благословіе всемъ племенамъ земнымъ. Онъ призываетъ благословіе Божіе на все народы земли. Молитъ Бога принимать въ іерусалимскомъ храмѣ и молитвы язычниковъ, да вмѣстѣ съ израильтянами возблагодарятъ и вся земля предъ именемъ Бога израильскаго.

Съ паденіемъ Соломона пало благочестіе , а съ нимъ вмѣстѣ слава и благосостояніе народа еврейскаго. Непосредственно послѣ Соломона послѣдовало внутреннее распаденіе и раздвоеніе царства его, а нечестіе и идолопоклонство народа открыло въ него входъ и внѣшнимъ врагамъ. Не смотря на Божіе обѣтованіе о домѣ Давидовомъ, десять коленъ еврейскаго народа отложились отъ сего царственнаго дома и образовали въ себѣ отдельное царство , получившее названіе Израильскаго. Царь, избранный отложившимися коленами, опасаясь, чтобы его подданные, ходя въ іерусалимскій храмъ на поклоненіе, не возвратились подъ власть наследника Соломонова, рѣшился разрушить религіозное единство народа, открыто ввести въ своемъ царствѣ поклоненіе Богу въ образахъ Его недостойныхъ и не встрѣтилъ сопротивленія, со-стороны народа, своему незаконному дѣлу. Нечестивый Царь хорошо понималъ состояніе стольже нечестивыхъ своихъ подданныхъ, когда отважился на такой поступокъ. Онъ не усумнился приглашать въ капища своихъ подданныхъ , которые видѣли Божіе благословіе

надъ домоу Давидову, живо помнили славу Соломонову, и весьма многіе были очевидцами и свидѣтелями явленія славы Божіей въ храмъ іерусалимскомъ при торжествѣ его освященія. Но ничто не заговорило въ сердцахъ народа противъ отступленія отъ Закона. Іегова оскорбленъ беззаконнымъ служеніемъ, домъ Давидовъ забытъ, народъ отрекся ходить въ храмъ іерусалимскій, уважаемый и язычниками, и ходить на поклоненіе золотымъ тельцамъ. Идолопоклонство сдѣлалось религіею царства Израильскаго. Съ идолопоклонствомъ пришли языческіе пороки и развращеніе. Народъ вразумляемъ былъ и Божіими милостями и казнями, но не внималъ вразумленіямъ. Богъ посылалъ напомнить о Себѣ израилю такихъ мужей, каковы были Ілія и преемникъ духа его. Конечно, уже ничто не могло обратитъ народъ къ Богу, когда его не обратила къ Нему безпримѣрная, даже и между самыми Пророками, и необычайная сила чудесъ, которою облеченъ былъ Ілія и грозная, карательная сила его ревности по славу Божіей. Народъ сдѣлался неспособнымъ къ обращенію и очищенію. Царство Израильское склонялось къ совершенному упадку. Оно пало и истреблено. Орудіемъ его истребленія былъ Царь ассирійскій. Большая часть народа отведена въ плѣнь, пзъ котораго уже не возвращались плѣнники. Опустошенные города ихъ заселены язычниками. Такъ погибло царство Израильское, отрекшеся отъ дома Давида и отъ данныхъ ему обѣтованій.

Со времени раздѣленія царствъ всѣ надежды истинныхъ израильтянъ, непреклонявшихъ колѣнь Ваалу, сосредоточивались на царствѣ іудейскомъ, въ которомъ

воцарился сынъ Соломоновъ, въ столицѣ котораго стоялъ храмъ Іеговы и въ немъ совершалось богослуженіе по закону Моисееву: но не могли упокоиться сіи благочестивыя надежды и на царствѣ іудейскомъ. Наслѣдникъ Соломоновъ недолго былъ вѣренъ Богу отцевъ своихъ: и въ Іудеѣ также быстро распространилось и усилилось идолопоклонство. Явилось и наказаніе въ нашествіи Царя египетскаго. Хотя Богъ, умилостивленный покаяніемъ Царя и народа, смягчилъ наказаніе: однакожъ, попустилъ Сусакиму войти во Іерусалимъ, ограбить дворець и самый храмъ. Но народъ не уцѣломудрился ни наказаніемъ, ни смягченіемъ его. Храмъ Іеговы постепенно пустѣлъ; во градѣ Давидовомъ умножались идольскія капища и курились языческія жертвы. Въ ряду Царей іудейскихъ было нѣсколько Царей благочестивыхъ и вѣрныхъ Богу: но они не въ-силахъ были искоренить языческихъ наклонностей, глубоко укоренившихся въ народъ. Они возстановляли истинную религію, но съ ихъ смертію идолопоклонство воцарялось съ новою силою. Доходило дѣло до того, что храмъ Соломоновъ стоялъ пустымъ, былъ затворенъ, ограбленъ для украшенія языческихъ капищъ и оскверненъ устроеніемъ въ немъ идольскихъ алтарей. Іудеи перенесли къ себѣ всю мерзость языческихъ чтилищъ. Наконецъ, приходитъ Іеремія съ грознымъ пророчествомъ, возвыщаетъ грядущее нашествіе Царя вавилонскаго, разрушеніе Іерусалима и храма. Народъ озлобляетъ Пророка; но и не думаетъ о покаяніи. Приходитъ и исполненіе пророчества. Народъ отведенъ въ плѣнь, храмъ сожженъ, сокровища его взяты въ Вавилонъ, городъ разрушенъ. Опустѣло царство

Божіе на земль. Пророкъ пролилъ прощальныя слезы надъ развалинами града Давидова.

Вспомнимъ теперь, что мы рассказываемъ здѣсь исторію не простаго, обыкновеннаго народа, который возникаетъ и сходитъ съ земли, не имѣя на ней никакого особеннаго назначенія, или своимъ земнымъ, временнымъ бытіемъ исполняя все свое назначеніе. Мы знаемъ, что временное бытіе не есть послѣдняя цѣль еврейскаго народа. Ему дано чрезвычайное и высокое назначеніе на земль, сохраненіе въ міръ истиннаго богопознанія и вѣры въ Мессію и принятіе Мессіи. Не однажды Богъ хотѣлъ истребить евреевъ, и на мѣсто ихъ воздвигнуть Себѣ новый народъ: но, умилованный ходатайствомъ Моисея, сохранилъ израиля, ввелъ его въ землю обѣтованія, и Давиду повторилъ обѣтованіе, данное Аврааму. Если же народъ сохраненъ и не лишенъ обѣтованія, то, конечно, потому, что неистощимая Божія премудрость, несмотря на все нечестіе и жестоковѣдность народа, нашла средство довести его до его высокой цѣли. По смерти Соломона, исторія еврейскаго народа во времена Царей представляетъ мрачное позорище идолопоклонства и языческаго развращенія. Но въ этомъ глубокомъ мракѣ Богъ пролагаетъ пути, по которымъ проводитъ свѣтъ Своего откровенія, постепенно усиливая его животворное свѣщеніе, и никакой мракъ не могъ поглотить его. Обѣтованіе о Царѣ Мессіи, данное Давиду, не только не изгладилось въ сознаніи народа, не только сохранно пронесено чрезъ всю мрачную и нечестивую исторію царствъ, но постепенно и постоянно раскрывалось, уяснялось, восполнялось, такъ что при концѣ іудей-

скаго царства сіе обѣтованіе представляло уже въ себѣ полное и даже подробное предочертаніе Евангельской исторіи Спасителя. Столь чудное дѣло Божіей премудрости совершаемо было и орудіемъ чудодѣйственнымъ—даромъ пророчества. Со врсменъ Самуила—чрезъ всю исторію царствъ Пророки идутъ постояннымъ, почти непрерывнымъ рядомъ. Пророки были мужи воздвигаемые и поставляемые Богомъ *стражами дома Израилева* (Иер. 3, 17.), т. е. хранителями и блюстителями вѣры въ Бога и въ Его обѣтованія. Чистая и высокая нравственность, отреченіе отъ всѣхъ житейскихъ заботъ и попеченій, совершеннѣйшее безкорыстіе и нелицепріятіе, неутомимая ревность въ своемъ служеніи, безтрепетная готовность на весь лишенія, страданія, на самую смерть за славу Бога Израилева суть общія и отличительныя свойства Пророковъ. Предрѣченіе будущаго—главная, но не единственная обязанность пророческаго служенія. На Пророкахъ лежала обязанность нравственнаго надзора за народомъ, духовнаго воспитанія его и просвѣщенія. Въ качествѣ учителей Пророки объясняли народу смыслъ Закона, старались посягать и возвращать добродѣтели, обличали пороки, предостерегали и угрожали грядущими наказаніями за невѣріе и нечестіе. Пророки не были учителями только избраннаго круга образованныхъ людей, подобно языческимъ философамъ, не скрывали мудрости въ тайнѣ, не прикрывали ее непроницаемыми для простыхъ людей покровами, какъ дѣлали съ своею мудростію завистливые жрецы восточные. Пророки были учителя народные въ полномъ смыслѣ слова, ясно и откровенно возвѣщали истину и царю, и

священнику, и вельможъ и престолюдину, и образованному, и книжному, проповѣдывали во дворѣ храма, при городскихъ воротахъ, въ царскихъ чертогахъ, въ тюремномъ заключеніи, вездѣ и всѣмъ желающимъ и нежелающимъ слышать проповѣдь. Слово пророческое, облеченное силою божественною, не примѣнялось къ мнѣніямъ народа, не знало лицепріятія, но всегда безтрепетно возвѣщало истину, какъ бы она ни была горька, и кто бы ни былъ обличаемый. Довольно—указать здѣсь на одинъ примѣръ. Давидъ былъ Царь и человекъ близкій къ Богу. Пророкъ Нафанъ глубоко уважалъ Давида, и зналъ благоволеніе къ нему Божіе. Но когда Давидъ впалъ въ тяжкій грѣхъ,—Нафанъ приходитъ къ Царю съ обличеніемъ столько же смѣлымъ и строгимъ, съ какимъ пришелъ бы онъ ко всякому простому и безвѣстному грѣшнику. Если и во израиль, конечно и во Іудеѣ, даже въ самыя мрачныя времена нечестія и невѣрія, находилось по нѣскольку тысячъ истинныхъ израильтянъ, непреклонавшихъ колѣнъ Ваалу, то несомнѣнно, этотъ сохранявшійся во израиль остатокъ добра былъ плодомъ пророческихъ наставленій и обличеній. Пророки въ царствѣ еврейскомъ имѣли и особенное, чрезвычайное полномочіе. Самъ Богъ объявилъ Себя Царемъ народа Своего, и послѣ не отказывался ни отъ имени Царя, ни отъ царственныхъ правъ. Слѣдовательно, царь, сѣдящій на престолѣ Давидовомъ, говоря приблизительно къ нашимъ понятіямъ, былъ намѣстникомъ Божіимъ во Іудеѣ. Посему пророкъ, какъ посредникъ между Богомъ и царемъ, былъ уполномоченъ открывать царственные распоряженія небеснаго Царя Его земному намѣстнику.

Нравственный надзоръ и блюстительство за народомъ не есть главное назначеніе Пророковъ. Последняя цель ихъ призванія есть служеніе ихъ Божественному плану домостроительства, или служеніе той Божеской цели, къ которой Господь вель народъ Свой, а чрезъ него и все человечество. Разкрытіе и проясненіе обътованія о Мессіи способомъ наиболее доступнымъ человѣческому разумнію—вотъ главное назначеніе Пророковъ. И Пророки исполняли сіе назначеніе въ такой мѣрѣ, какую определялъ имъ бывшій въ нихъ *Духъ Христовъ* (1 Петр. 1, 11.). Мы представимъ только въ главныхъ чертахъ пророческое объясненіе обътованія о Мессіи, или укажемъ на главныя истины, раскрытыя Пророками въ семь обътованіи.

Въ самомъ началѣ времени пророческихъ, во дни Давида, уже было извѣстно израильтянамъ, что Мессія будетъ потомокъ и наследникъ Давида, Царь обътованный израилю, и благословляемый всеми народами земли. Самъ Давидъ, получивъ обътованіе, прозрѣлъ въ обътованномъ ему царственномъ Потомкѣ болѣе, чѣмъ обыкновеннаго, земнаго царя, и въ слухъ народа исповѣдуетъ въ Немъ Владыку всѣхъ царей и народовъ (Псал. 71, 11.), Сына Божія и Господа своего (2, 7, 12. 109, 1.), и воспѣваетъ царство Его всемірное, непоколебимое и вѣчное (Псал. 71.). Но такое высокое созерцаніе Царя-Пророка еще недоступно было народу, который ожидалъ въ Мессіи земнаго царя, но могущественнаго и побѣдоноснаго, который несокрушимо утвердитъ престоль Давида, и покоритъ ему всѣ народы земли. Народъ мечталъ о земномъ всемірномъ владычествѣ и ожидалъ сего

отъ Мессіи. Призваніемъ Пророковъ было очистить сіи чувственныя понятія о Мессіи, приблизить къ разумѣнію людей истинное понятіе о Немъ, воспитать въ народъ вѣру въ Него, какъ въ царя царства духовнаго и благодатнаго, какъ въ Искупителя міра и Избавителя челоуѣковъ отъ власти грѣха, смерти и діавола.

Пророки единодушно предвозвѣщаютъ въ Мессіи царственнаго потомка Давидова. Исаія называетъ его *жезломъ отъ корня Иессеева* (11, 10.), Іеремія—*отраслю Давида* (33, 15.), царемъ, во дни котораго Іудея будетъ благоденствовать и израиль будетъ жить безопасно (23, 5. 6.). Іезекіиль *возвѣщаетъ* въ Мессіи потомка Давидова, пастыря съ владычественною властію царя во израиль (34, 23. 24.); Михей проповѣдуетъ въ Немъ князя или владыку израилева (5, 2.), Захарія—царя Сіона или Іерусалима (9, 9.). Изображая земное происхожденіе Мессіи отъ дома Давидова, Пророки не останавливаютъ взоръ на челоуѣчество Мессіи, но возводятъ вѣрующую мысль къ созерцанію Божества Его. Предсказывающія происхожденіе Мессіи по плоти отъ Давида, Исаія торжественно возвѣщаетъ въ плотскомъ рожденіи Мессіи *рожденіе чудесное, превышающее законы челоуѣческаго естества, рожденіе отъ дѣвы* (7, 14.). Рожденіе столь чудесное и необычайное давало уже предугадывать въ нмѣющемъ родиться отъ дѣвы болѣе, чѣмъ простаго, обыкновеннаго челоуѣка. Мессія, отрасль Давида, сынъ дѣвы, есть вмѣстѣ, по слову Пророка, *отрасль Іеговы прекрасная и славная, произрастеніе Іеговы величественное* (4, 2.). Сынъ дѣвы наречется *Еммануиломъ*, что значитъ: *съ нами Богъ*. Именемъ снмъ Пророкъ открывалъ людямъ, что въ лицѣ Мессіи

воплотится Богъ, и поживетъ среди народа Своего. Изображая свойства Еммануила Пророкъ созерцаетъ въ Немъ свойства невозможныя ни въ какомъ земномъ царѣ, — свойства существа Божескаго и нарицается имя Его велика совѣта Ангель, Чуденъ, Совѣтникъ, Богъ крѣпкій, властелинъ, Князь мира, Отецъ будущаго вѣка (9, 6.). Происхожденіе Его, говоритъ другой Пророкъ, современный Исаи, *изъ начала отъ дней вѣчныхъ* (Мих. 5, 2.), хотя Онъ и родится во времени, въ Вифлѣмѣ. Наконецъ, Пророки уже ясно именуютъ Мессію *Иеговою*. Пророкъ переносится духомъ во дни явленія на землѣ Мессіи, и созерцая пріуготовительное служеніе Предтечи, призывающаго людей во срѣтеніе грядущему Мессіи, именуетъ Его *Иеговою*. *Гласъ вопіющаго въ пустыни: уготовайте путь Господень, правы сотворите стези Бога нашего. Се Богъ вашъ, се Господь: Господь съ крѣпостію идетъ* (Иса. 40, 3. 10.). Вотъ пророчество Іереміи о Мессіи, Котораго имя Іегова: *вотъ наступаютъ дни, говоритъ Іегова, когда Я выполню то доброе слово, которое изрекъ Я о домъ израилюмовъ и о домъ іудиномъ: въ тѣ дни и въ то время возращу Давиду отрасль праведную, и будетъ производить судъ и правду на землѣ. И вотъ какъ нарекутъ Его: Іегова оправданіе наше* (33, 14—16.). Имя Іегова, открытое самимъ Богомъ Моисею въ купинѣ, было священное имя Божіе, предъ которымъ глубоко благоговѣли израильтяне и по чувству благоговѣнія къ нему съ великою осторожностію произносили его. Посему, Пророки, называя Мессію *Иеговою*, явно и понятно для израильтянъ возвѣщали Божество Его. Такія пророчества устраняли чувственыя

іудейскія понятія о Мессіи, и воспитывали духовную приємлемость или вѣру, которая, постепенно предочищаемая пророческими созерцаніями Божества въ Мессіи, къ опредѣленному времени сдѣлается способною принять благовѣстіе, открывающее велию *благочестія тайну—явленіе Бога въ плоти.*

Еще отъ временъ Давида израильтяне знали, что царство Мессіи будетъ всемірное и вѣчное, въ которомъ навсегда и непоколебимо будетъ утверждено благоденствіе израиля (Псал. 71.). Подъ симъ благоденствіемъ народъ понималъ земное благосостояніе, славу и богатство. Въ народъ еврейскомъ родилась гордая мечта всемірнаго владычества. Въ Мессіи ожидали царя — завоевателя, который рядомъ блестящихъ побѣдъ покоритъ престолу Давида всѣ народы земли, Іерусалимъ сдѣлаетъ всемірною столицею, а евреевъ — обладателями всея земли. Противъ такихъ чувственныхъ понятій и ожиданій у Пророковъ разкрывается изображеніе царства духовнаго, царства мира и любви. Мессія, князь мира, утвердитъ въ Своемъ царствѣ миръ, которому не будетъ конца (Иса. 9, 6. 7.). Не со славою завоевателя, но съ полнотою духовныхъ даровъ возсядетъ Онъ на престолъ Давида: *и почиетъ на Немъ духъ Іеговы, духъ премудрости и разумнїя, духъ совѣта и крѣпости, духъ вѣдѣнїя и страха Іеговы* (41, 2.). Не съ громомъ побѣдъ и орудіями брани Онъ явится въ міръ, но съ кротостію миротворца, законодателя: се *Отрокъ Мой*, передаетъ Пророкъ слово Іеговы о Мессіи, *восприиму ѿ И, Избраннїй Мой, прїять Его душа Моя, дахъ духъ Мой на-Шь, судъ языкомъ возвѣс-*

титъ. Не возопіетъ, ниже ослабитъ, ниже услышится вопль гласъ Его. Трости сокрушены не сотретъ, и льна курящаяся не угаситъ, но во истину изнесетъ судъ (42, 1 — 3.). Онъ не прійдетъ намагать нго плъна и порабощенія на народы, принесетъ не скорби и бѣдствія, сопровождающія завоевателей, напротивъ, Онъ посланъ отъ Іеговы изцѣлять сокрушенныхъ сердцемъ, проповѣдывать плъннымъ свободу и заключеннымъ изшествіе на свѣтъ (61, 1.). Не съ воинскою славою, не съ пышностію и великолѣпіемъ всемірнаго владыки войдетъ Мессія въ Свое царство. Входъ Его во Іерусалимъ будетъ смиренный, безъ всякаго земнаго блеска. *Радуйся зъло, дщи Сіоня, вкываетъ Пророкъ отъ лица Божія, проповѣдуй дщи Іерусалимля: се Царь твой грядетъ тебѣ праведенъ и спасаей, Той кротокъ, и всѣдъ на подъяремника и жребца юна (Захар. 9, 9.).*

Всемірное и вѣчное царство Мессіи предрекъ еще Дивиль : поклонятся Ему всѣ цари, говоритъ онъ, всѣ народы будутъ покорны Ему (Псал. 71, 11.). Идея всемірнаго владычества Мессіи прошла чрезъ всѣ времена пророческія, повторялась въ плъну и послѣ плъна. Пророкъ Даніилъ видѣлъ въ видѣніи царство Мессіи, и такъ изображаетъ сіе царство : *и Тому (Сыну чelовѣческому) дадеся власть и честь и царство, и вси людѣ, племена, и язьцы Тому поработаютъ: власть Его власть вѣчная, яже не преидетъ, и царство Его не разсыплется (7, 13. 14.). И обладаетъ (Мессія), говоритъ Пророкъ Захарія, водами отъ моря до моря, и отъ рѣкъ до*

исходишь земли (9, 10.). Евреи думали, что такое служеніе, приносимое Мессіи всеми народами земли, будетъ служеніемъ данниковъ, Имъ побѣжденныхъ и порабощенныхъ, покорность престолу Давида, вынужденная побѣдами и завоеваніями Мессіи. Еще въ пророческихъ пѣсняхъ Давида евреи могли слышать рѣшительное опроверженіе сего мнѣнія. Царь-Пророкъ воспѣваетъ Мессію, Который прійметъ поклоненіе и покорность всѣхъ царей и народовъ земли, но не какъ завоеватель, а какъ великій благодѣтель челоувѣчества, не за побѣды и завоеванія, а за дѣла милосердія, любви и избавленія, за то, что *Онъ избавитъ вопіющаго бѣднаго и угнѣтеннаго безпомощнаго. Будетъ милость нищаго и бѣднаго, и спасетъ души убогихъ. Искупитъ души ихъ отъ коварства и насилія, и драгоценна будетъ кровь ихъ предъ очами Его* (Псал. 71, 11—15.). Всякія черты нисколько не идутъ къ лицу всемірнаго завоевателя, который, конечно, не можетъ слишкомъ дорожить кровію народовъ покоряемыхъ, и заботиться объ избавленіи и послѣдняго бѣдняка отъ насилія и притѣсненія. Но подъ всемірною державою Мессіи, по слову Пророка, и послѣдніе изъ убогихъ и нищія будутъ благоденствовать, всегда молиться о Немъ и всякій день благословлять Его (ст. 15.). Не тяжкое иго порабощенія Мессія наложитъ на народы покоряющіеся Ему; но низведетъ въ Себѣ благословеніе на всѣ племена земныя, и всѣ народы будутъ ублажать Его (ст. 16.). Такимъ образомъ, какъ владычество Мессіи надъ всеми племенами земными будетъ основано не на побѣдахъ и завоеваніяхъ: такъ и поборность Ему народовъ зем-

ныхъ будетъ не вынужденная силою бранныхъ орудій и порабощенія, но покорность свободная, покорность любви и благодарности. Въ такихъ же чертахъ изображаютъ и другіе Пророки отношеніе Мессіи къ языческимъ народамъ, имѣющимъ войти въ Его царство. Въ сіе царство взойдутъ народы не невольнымъ путемъ порабощенія, а путемъ свободной покорности. *Его възвѣстятъ языки*, говоритъ Пророкъ (Иса. 11, 10.). Онъ будетъ *чашіемъ* или желаніемъ всѣхъ народовъ земныхъ (Ам. 2, 8.). Возвышеннѣйшій изъ Пророковъ Исаія, созерцая времена пришествія Мессіи, изображаетъ царство Его, какъ царство духовное, царство свѣта и боговѣднія. Пророческому взору представляется вся земля покрытою глубокимъ мракомъ невѣднія и идолопоклонства. И вотъ въ Иерусалимѣ, на престолѣ Давида, является Мессія, Свѣтъ Іеговы. Къ сему-то великому Свѣту радостно устремляются все народы, ходящіе во тмѣ и живущіе во мракѣ. *Свѣтися, свѣтися*, взываетъ Пророкъ къ народу іудейскому, *прииде бо твоя Свѣтъ, и слава Господня на тебѣ возсія. Се тма покрываетъ землю, и мракъ на языки, на тебѣ же явится Господь, и слава Его на тебѣ узрится. И пойдутъ царіе съ твоимъ, и языцы свѣтлостію Твоею* (60, 1—3.). *Наполнися вся земля вѣдніемъ Господня, аки вода многа покры море* (11, 9.). Царство Мессіи изображается у другаго Пророка, какъ новый завѣтъ между Богомъ и людьми, завѣтъ духовный и до такой степени обильный свѣтомъ боговѣденія, что все будутъ знать Іегову отъ малаго до великаго (Іерем. 31, 31—34.). Вообще же, Пророки изображаютъ

царство Мессіи царствомъ всемірнаго мира и любви. Когда Мессія взойдетъ на престолъ Давида, говоритъ Пророкъ Захарія, — и потребитъ колесницы отъ Ефрема и кони отъ Іерусалима. И потребитъ лукъ браанный, и множество, и миръ отъ языковъ (9, 10.). Подъ вѣчною державою Мессіи, по пророческому слову Михея, и раскуютъ мечи своя на рала, и сулицы своя на серпы, и нектому возметъ языкъ на языкъ меча и не научатся ксему восвати (4, 3.). Въ поразительныхъ образахъ изображаетъ Исаія всеобщую любовь, господствующую въ царствѣ Мессіи, которая примиритъ всякую вражду на землѣ и все народы соединитъ подъ единую благую и праведную власть Мессіи. И пастися будутъ вкупъ волкъ со агнцемъ, и рысь почиетъ съ козлищемъ, и телець и юнецъ и левъ вкупъ пастися будутъ, и отроча мало поведетъ я. И отроча младо на пещеры аспидовъ, и на ложа исчадій аспидскихъ руку возложитъ : и не сотворятъ зла ; ни возмогутъ погубити никогоже на горѣ святой Моей (11, 6. 8.). Къ такимъ-то высокимъ понятіямъ о духовномъ царствѣ Мессіи, какъ о царствѣ свѣта и любви, постепенно возводили Пророки чувственный народъ, ожидавшій отъ Мессіи земной славы, богатства и всемірнаго владычества. И, конечно, имѣющіе очи видѣти, больше или меньше приближались къ высотѣ пророческихъ созерцаній.

При такомъ пророческомъ изображеніи царства Мессіи, конечно, могли возникать нѣкоторыя недоумѣнія въ слушателяхъ и читателяхъ пророчествъ. Евреи могли еще понимать всемірное владычество Мессіи въ томъ смыслѣ, что все народы земли будутъ побѣждены Имъ и сдѣлаются данниками и рабами народа еврей-

скаго. Но какъ возможно нравственное и свободное единеніе всѣхъ народовъ подъ единую власть единого Царя - Мессіи? Какимъ образомъ Мессія введетъ евреевъ въ союзъ мира и любви со всеми языческими народами, когда законъ Моисеевъ запрещалъ евреямъ всякое сближеніе съ язычниками, и когда всѣ несчастія ихъ суть слѣдствія сихъ запрещенныхъ сближеній? Какъ возможно устройство возвышаемаго Пророками всемірнаго духовнаго царства, устройство царства боговѣдѣнія, свѣта и любви на землѣ, погруженной въ глубокой мракъ идолопоклонства и нечестія, когда всѣ народы земные забыли и не знаютъ Бога, и въ самомъ еврейскомъ народѣ едва свѣтился слабый свѣтъ богопознанія, а большая часть израильтянъ преклоняють колѣна предъ идолами и ревнують язычникамъ въ ихъ порокахъ и мерзостяхъ?

Пророки ясно раскрыли, какъ будетъ устроено такое царство на землѣ. Съ особеннымъ свѣтомъ и полнотою возвыщенъ Пророками советъ Божества о спасеніи людей и не только въ общемъ видѣ, но даже и въ подробныхъ чертахъ изображено въ пророчествахъ главное дѣло служенія Мессіи—совершеніе искупленія людей.

Евреи имѣли еще Давидово пророчество о вѣчномъ священствѣ Мессіи: *клятся Господь и не раскается: Ты Іерей во вѣкъ, по чину Мелхиседекову* (Псал. 109, 4.). Ближайшая мысль, представляющаяся въ этомъ пророчествѣ, та, что первосвященническое служеніе или жертва, принесенная Мессіею, будетъ имѣть вѣчную цѣну предъ Богомъ, и что такая цѣна сей жертвы утверждена клятвою Іеговы,

въ которой Онъ не раскается. Было и другое Давидово пророчество, что Мессія войдетъ въ міръ, чтобы въ своемъ тѣлѣ принести жертву Богу въ замѣнъ всѣхъ жертвъ и всесожженій, которыя стали неугодны Ему, и что Своєю жертвою Мессія исполнитъ всю волю Божию о Себѣ самомъ, о Своёмъ служеніи и о людяхъ. *Жертвы и приношенія не восхотѣлъ еси, тѣло же свершилъ Ми еси: всесожженій и о грѣсъ не взыскалъ еси. Тогда рѣхъ: се прииду, еже сотворити волю Твою, Боже* (Псал. 39, 7. 8.). Такъ у Пророка говорятъ Мессія Богу, идя въ міръ (См. Евр. 10, 5—7.). Пророкъ созерцаетъ сіе великое жертвоприношеніе Мессіи и открываетъ, что оно не будетъ блистательнымъ торжествомъ Мессіи, но соединено будетъ съ Его истощаніемъ, уничиженіемъ, страданіемъ (Псал. 39, 13—18.). На свои жертвы евреи не могли возлагать полнаго упованія и искать въ нихъ совершеннаго примиренія съ Богомъ и оправданія предъ Нимъ. Еще Самуилъ высказалъ мысль, что *послушаніе паче* (угоднѣ Богу) *жертвы благи и покореніе паче тука овня* (1 Цар. 15, 22.). Но въ сію-то постоянную покорность волѣ Божіей или въ нравственный неразрывный союзъ съ Богомъ евреи не могли прійти посредствомъ своихъ жертвъ и всесожженій. Пророки постоянно внушали народу, что жертва сама по себѣ не имѣетъ никакой умиловительной силы предъ Богомъ, если не сопровождается благочестіемъ и внутреннею чистотою приносящаго (Іер. 7, 21.), что Богъ хочетъ милости, а не жертвы, что Ему угоднѣ боговъдѣніе, чѣмъ всесожженіе (Ос. 6, 5.), что Онъ не обоняетъ жертвы нечестивца (Амос. 5, 21.), Самъ Богъ объявляетъ

через Пророка, что негодны Ему жертвоприношенія печестиваго народа, что Онъ отвращаетъ очи отъ его приношеній, что онѣмъ мерзость для Него, праздники въ тягость Ему и ненавидитъ ихъ душа Его (Иса. 1, 10—15.). И Апостоль Павелъ напоминаетъ евреямъ ихъ собственное сознаніе, что ветхозавѣтныя жертвы не могли вполнѣ успокоить совѣсти приносящаго жертву (Евр. 9, 2.), и ихъ собственное убѣжденіе въ невозможности кровью воловъ и козловъ уничтожить грѣхи, и приношеніемъ такихъ жертвъ сдѣлаться совершенными (10, 1. 4.). По намѣренію Божію жертва имѣла очистительную и умилостивительную силу, только приносимая согласно съ духомъ и цѣлію ея установленія, приносимая съ вѣрою въ Искушителя, прообразуемаго въ жертвахъ, по крайней мѣрѣ, приносимая съ сокрушеніемъ во грѣхахъ, съ покаяннымъ сознаніемъ своей виновности предъ Богомъ, съ молитвеннымъ желаніемъ очищенія и примиренія съ Нимъ. Но евреи, постоянно блуждающіе по путямъ языческимъ, забывали истинный смыслъ жертвъ, приносили ихъ съ языческимъ безсмысліемъ, думая угождать Богу одною внѣшностію — самою кровію козловъ и тельцевъ. Такія жертвы, естественно, были бесполезны, какъ безсмысленныя и безжизненныя, потому были отвергаемы Богомъ, и не могли доставить нравственнаго уснокоенія приносящимъ. При такой немощи жертвъ, свидѣтельствуемой и Пророками и сознаніемъ или совѣстію приносящихъ, жертва Мессіи, возвѣщенная Пророкомъ (Исал. 109 и 39.) не могла не обращать на себя вниманія. Жертвоприношеніе Мессіи, вѣчно ходатайственное предъ Богомъ и утвержденное

въ своей силѣ клятвою Іеговы, для истинныхъ израильтянъ должно было быть предметомъ самыхъ благоговѣйныхъ упованій и молитвенныхъ ожиданій. Предвозвѣщаемая Пророкомъ жертва Мессіи, столь необычайная по своей силѣ, обѣщала исполненіе тѣхъ упованій, съ которыми напрасно приступали къ жертвамъ обрядовымъ, внушала надежду очищенія, оправданія предъ Богомъ, примиренія съ Нимъ и спасенія. Согласно съ симъ и Пророки предвозвѣщали въ Мессіи Спасителя израилю, освященіе и избавленіе людей (Иса. 62, 11. 12.), и называли Его Оправданіемъ нашимъ (Іер. 23, 6.), Желаніемъ народовъ (Агг. 2, 5.). Само собою разумется, что упованіе на очистительную и оправдательную жертву Мессіи разширилось и усиливалось въ народѣ по той мѣрѣ, въ какой возрастало и прояснялось сознаніе въ немощи и безполезности (Евр. 7, 18.) обрядовыхъ жертвоприношеній. Самое пророчество объ искупительной жертвѣ Мессіи могло наводить мысль на истинное пониманіе обрядовыхъ жертвъ, какъ только прообразованій или предъизображеній жертвоприношенія Мессіи.

Но израильтянамъ дано было и ясное пророчество о таинствѣ искупленія. Благовѣстіе о сей спасительной тайнѣ изречено было Пророкомъ Исаіею. Господу благоугодно было тайну искупленія открыть людямъ въ особенномъ свѣтѣ и полнотѣ, а посему и благовѣстникъ сей тайны получилъ силу пророческаго прозрѣнія въ такой обильной мѣрѣ, въ которой не имѣлъ ея нодниъ изъ Пророковъ. Почти за восемь столѣтій до страданія Господа, онъ говоритъ о нихъ съ ясностію и подробностию евангелиста. Пророкъ созерцаетъ Мессію въ состояніи крайняго истощанія,

уничженія, страданія, оставленнаго и презрѣннаго людьми, въ скорбяхъ, въ болѣзняхъ, въ язвахъ, въ поруганіяхъ и озлобленіяхъ. Пророкъ провидитъ, что народъ почитаетъ Его злодѣемъ, и въ Его страданіяхъ видитъ справедливое, заслуженное Имъ наказаніе; но Страдалецъ сей невиненъ, страдаетъ не за Себя, потому что Самъ чистъ и безгрѣшенъ. *Беззаконія не сотвори, ниже обрѣтесе лествъ во устѣхъ Его* (53, 9). Наконецъ, открывается взору пророческому и причина страданій Мессіи, и Его искупительная смерть, въ которой Онъ взялъ на Себя грѣхи всѣхъ людей, даетъ за нихъ полное удовлетвореніе правды Божіей (ст. 6.), принося Себя самого Богу въ жертву очистительную за всѣ беззаконія всего міра (ст. 10.). Изобразивъ уничиженное и страдальческое состояніе Мессіи, Пророкъ возвѣщаетъ: *Сей грѣхи наша носить, и о насъ болѣзнуетъ, и мы вмыслихомъ Его быти въ трудъ, и въ язвъ отъ Бога, и въ озлобленій. Той же язвенъ бысть за грѣхи наша, и мученъ бысть за беззаконія наша, наказаніе мира нашего на Немъ* (Онъ наказывается, чтобы намъ даровать миръ съ Богомъ): *язвою Его мы изцѣльхомъ. Всеи, яко овцы заблудихомъ. Человѣкъ отъ пути своего заблуди, и Господь предаде Его грѣхъ ради нашихъ* (Исгова взыскалъ съ Него грѣхи всѣхъ насъ). *И Той, зане озлобленъ бысть, не отверзаетъ устъ Своихъ: яко овца на заколеніе ведеса, и яко агнецъ предъ стригущимъ его безгласенъ, тако не отверзаетъ устъ Своихъ. Возмется отъ земли животъ Его, ради беззаконій людей Моихъ ведеса на смерть* (ст. 4—8.). За сямъ уничиженіемъ Мессіи Пророкъ созерцаетъ царство Его, которое послѣ

Даніилъ называетъ царствомъ святыхъ Всевышняго, быстрое распространеніе сего царства и уселеніе на земль (ст. 10.), Божескую славу и величіе самого Мессіи, предъ Которымъ будутъ благоговѣть царь и преклоняться народы: *удивятся языцы мнози о Немъ, и заградятъ царіе уста своя (52, 15.)*. Послѣ столь ясныхъ пророчествъ ибъ искупленія Даніилъ, конечно, могъ уже кратко возвѣщать іудеямъ, какъ истину имъ извѣстную, что Помазанникъ или Мессія будетъ умерщвленъ и не ради Себя (Дан. 9, 26.), и Предтеча могъ указывать на грядущаго Мессію словами Исаи: *се Агнецъ Божій, вземлай грѣхи міра (Іоанн. 1, 29.)*.

Теперь мы видимъ, какъ Богъ хранилъ и раскрывалъ въ народѣ Своемъ спасительное обѣтованіе о Мессіи. Таинство искупленія, не переставая быть предметомъ вѣры, какъ необъемлемое никакою мыслію сотворенныхъ существъ дѣло безконечной любви Божіей, приближено къ человѣческому разумѣнію въ ясномъ свѣтѣ и въ возможной полнотѣ. Мессія предъизображенъ Пророками, какъ царственный потомокъ Давида, но вмѣстѣ и Сынъ Божій, отрасль Іеговы, вѣчный и ненснѣдимый по Своему Божеству, какъ основатель на земль вѣчнаго и всемірнаго, духовнаго царства, которое обниметъ собою всѣ народы земли, какъ первосвященникъ, Своею жертвою заглаждающій всѣ грѣхи міра и примиряющій человечество съ Божествомъ.

Сей нерукотворенный образъ Мессіи есть единственная, безцѣнная святыня, которую сохраняетъ и уноситъ съ собою народъ изъ земли обѣтованія въ землю плѣненія. Къ сему же образу, хранимому въ

сердцахъ людей и въ книгахъ пророческихъ отсель единственно должны обращаться молитвы, упованія, ожиданія израильтянъ въ грядущую для нихъ годную тяжкихъ испытаній и бѣдствій. — Впрочемъ, и во времена плѣна Богъ не оставлялъ народа Своего, и являлъ ему новые опыты Своего особеннаго попеченія о немъ. Къ утѣшенію народа и въ переселеніи явился духъ пророчества, въ Іезекіиль и Даніиль. Тотъ и другой Пророкъ утѣшаютъ сътующихъ плѣнниковъ обѣтованнымъ возвращеніемъ въ отечество, оживляютъ и поддерживаютъ въ нихъ вѣру въ предреченнаго Мессію, и Даніиль опредѣляетъ самое время пришествія Его на землю. Самъ Богъ умягчаетъ скорбь плѣннаго народа явленіями Своей всемогущей силы въ поразительныхъ наказаніяхъ языческой гордости и высокомерія, въ лицѣ Навуходносора, языческаго нечестія и богохульства въ лицѣ Валтасара. Являетъ милость Свою народу Своему въ славу Даніила, въ спасеніи его во рву среди львовъ и въ спасеніи друзей его въ печи огненной, и къ утѣшенію народа Своего возбуждаетъ глубокое благоговѣніе въ языческихъ Царяхъ къ великому имени Своему. Конечно, радостно и благоговѣнно внималъ народъ, уже вразумленный плѣномъ, какъ вавилонскіе Цари одинъ за другимъ исповѣдывали величіе Бога истиннаго и подъ страшною казнію заперщали всякое хуленіе имени Его.

Наконецъ, согласно съ пророчествомъ, семьдесятилѣтній плѣнъ оканчивается. Завоеватель Вавилона, Киръ признаетъ себя рабомъ Бога истиннаго, и предлагаетъ вавилонскимъ плѣнникамъ возвратиться въ отечество, и построить храмъ въ Іерусалимѣ. Воз-

вращаются не все; но, конечно, лучшие изъ іудеевъ, болѣе внимательные къ обѣтованіямъ Божиимъ и къ дивнымъ судьбамъ израиля; прочіе житейскимъ выгодамъ и связямъ жертвуютъ любовью къ отечеству и всеми упованіями израиля. Зоровавель, потомокъ Царей іудейскихъ, выводитъ изъ плѣна, и возвращаетъ іудеевъ въ ихъ отечество. Первымъ дѣломъ по возвращеніи было созданіе въ разрушенномъ Іерусалимѣ алтаря и возстановленіе жертвоприношеній. На другой же годъ заложенъ храмъ, и чрезъ двадцать лѣтъ, послѣ многихъ препятствій и затрудненій въ дѣлѣ строенія, послѣ тяжкихъ испытаній и скорбей, зданіе храма приведено къ окончанію. Еще чрезъ нѣсколько десятилѣтій возстановлены стѣны Іерусалима и городъ Давидовъ началъ возникать изъ развалинъ. Первые времена, по возвращеніи изъ плѣна, отличаются горячностью вѣры и ревностью къ Закону. Въ назначенный день народъ торжественно возстановляетъ заветъ съ Богомъ: послѣ всенедельнаго поста и по исповѣданіи грѣховъ, въ глубокомъ сокрушеніи и раскаяніи, народъ даетъ клятву исполнять все заповѣди Закона, начертанныя рукою Моисея. Возстановленъ забытый праздникъ кущей, со всею законною строгостію, небывалою со временъ Іисуса Навина. Во время праздника народъ потребовалъ, чтобы ему читана была книга Закона. Слушая чтеніе, народъ забылъ веселіе праздника: плакалъ и рыдалъ—въ глубокомъ сознаніи своихъ преступленій противъ Закона. Къ утѣшенію и ободренію народа приходятъ и чрезвычайные посланники Божіи, впрочемъ уже послѣдніе на чредѣ пророческаго служенія. Захарія не скрываетъ отъ іудеевъ мрачныя

судьбы, ихъ ожидающія, и уже предсказанныя Давидомъ: но за смѣлѣе страшнымъ мракомъ Пророкъ созерцаетъ радостный свѣтъ обѣтованнаго царства Мессіи. Домъ Давидовъ оскудѣлъ; остающіеся потомки его въ безвѣстности: но Пророкъ видитъ и открываетъ людямъ, что въ дому Давидовъ Богъ откроетъ родникъ для очищенія грѣховъ и омытія сквернъ (13, 1.). Иерусалимъ въ развалинахъ; но Пророкъ возвѣщаетъ ему радость, торжественное, хотя и смиренное, вшествіе въ него обѣтованнаго Царя-Мессіи (9, 9.). Горько плакали старцы израильскіе, еще помнящіе великолѣпіе храма Соломонова, сравнивая съ нимъ скудость и бѣдность новаго, воздвигаемаго храма: но Пророкъ Аггей приходитъ съ утѣшеніями, и возвѣщаетъ, что *велия будетъ слава храма сего послѣдняя паче первыя* (2, 10.), потому что въ сей храмъ прійдетъ Желанный всѣхъ народовъ (2, 8.). Наконецъ, является послѣдній изъ Пророковъ съ увѣреніемъ, отъ имени Іеговы, что воздвигнутый храмъ удостоится принять ожидаемаго Мессію: *внезапно прійдетъ въ церковь Свою Господь, Егоже вы ищите, и Ангелъ завѣта, Егоже вы хотите: се грядетъ, глаголетъ Господь Вседержитель* (Малах. 3, 1.). Малахія, оканчивая своею проповѣдію пророческое служеніе во израиль, даетъ народу какбы послѣднее завѣщаніе Пророковъ — помнить законъ Моисеевъ, и предсказываетъ явленіе Предтечи, который уже укажетъ народу пришедшаго Мессію.

Народъ остается безъ царя и безъ пророка, не смѣетъ и думать о прежней самостоятельности, и, находясь подъ покровительствомъ языческихъ царей,

то пользуется ихъ мпlostями и благоволеніемъ, то подвергается ихъ нашествіямъ и грабительствамъ. Одинъ изъ сирійскихъ Царей воздвигаетъ гоненіе на святую религію іудейскую: на алтарь Божіемъ поставленъ идолъ Юпитера Олимпійскаго, и храмъ Іеговы превращенъ въ языческое капище. Но въ народъ нашлось еще немало мужественныхъ ревнителей вѣры и Закона. Началась война за свободу и религію. Послѣ двадцати-пятилѣтней войны, это языческое свергнуто, Юпитеръ изгнанъ изъ храма. Въ ожиданіи Мессіи народъ поручаетъ правительственную власть Первосвященнику, дондеже возстанетъ Пророкъ вѣрнъ (1 Макк. 14, 41.). Къ концу тогоже столѣтія, іудеи своими безпорядками и смутами далъ случай римлянамъ вмѣшаться въ дѣла ихъ. Вмѣшательство владыкъ міра въ дѣла Іудеи, конечно, было то же, что ея порабощеніе римскому владычеству. Іудея становится римскою областію. Иродъ получаетъ власть и имя Царя Іудеи, по опредѣленію римскаго сената. На вратахъ іерусалимскаго храма, перестроеннаго и украшеннаго Иродомъ, стоитъ золотой орелъ, какъ знамя римскаго владычества во Іудеи. Въ концѣ Иродова царствованія рождается Господь Іисусъ Христосъ.

Около шести столѣтій протекло со времени плѣненія вавилонскаго. Конечно, нельзя думать, что вѣка сіи прошли безплодно въ исторіи народа и были оставкою, безцѣльнымъ промедленіемъ въ ходъ Божественнаго плана, или въ дѣль домостроительства спасенія. Напротивъ, вѣка сіи имѣли великое значеніе въ исторіи народа, такое же, какое имѣетъ время созрѣванія для будущей жатвы. Спаситель

говорить Апостоламъ: *Инь есть стьай, и инь есть жнйй. Азъ послахъ вы жати, идъже вы не трудитесь: иини трудишася, и вы въ трудъ ихъ внидо-сте* (Иоан. 4, 37. 38.). Апостолы собирали жатву съ той нивы, которую воздѣлалн и засѣяли Пророки. Надобно же было время, въ которое бы засѣянная нива созрѣла и поспѣла къ жатвѣ. Это время сѣянiя и созрѣванiя и были тѣ вѣка, на которыхъ мы теперь останавливаемся. Послѣ плѣна мы видимъ въ народѣ совершенную перемѣну, и прежде всего, замѣчаемъ изцѣленiе его отъ глубокой и застарѣлой въ немъ болѣзни идолопоклонства. Къ сему уврачеванiю много способствовалъ и самый плѣнъ, и еще болѣе, пророческiя внушенiя, обличенiя, уже исполнившiяся и еще имѣющiя исполниться угрозы на идолопоклонство. Цель наказанiя—пробужденiе въ беззаконникѣ сознанiя своей вины, раскаянiя въ беззаконiяхъ, скорби о добродѣтели и стремленiя примириться съ ней, поруганной и оскорбленной беззаконiемъ. Цель эта особенно достигается, если благо, отнимаемое наказанiемъ, дорого челоуѣку, хотя бы обладая имъ онъ былъ равнодушенъ къ сему благу. Таковую уцѣломудривающую и вразумляющую силу особенно имѣють наказанiя общественныя, которые потрясають самыя основанiя народнаго благоденствiя, и ставятъ насильственныя ограниченiя негнннымъ правамъ и стремленiямъ народа, даже и въ такомъ случаѣ, если бы права отнимаемыя наказанiемъ прежде и мало уважалъ народъ, и стремленiя, стѣсняемыя бѣдствiемъ, были доселѣ ослаблены и подавлены. Такiя бѣдствiя, какъ лишенiе гражданской свободы, плѣнъ, стѣсненiе свободы въроисповѣданiя, —

при полномъ сознаниі истинности преслѣдуемой религіи, съ одной стороны возбуждаютъ въ народѣ раскаяніе и отвращеніе къ тѣмъ преступленіямъ, въ которыхъ опомнившееся сознание народа указываетъ тайную причину наказаній или бѣдствій, а съ другой стороны возбуждаетъ въ народѣ горячность къ благу отнимаемому и отнятому наказаніемъ, готовность на всѣ жертвы для его сохраненія или возвращенія. Опасность рождаетъ героевъ, и въ подпавшихъ подъ него порабощенія во всей силѣ пробуждается чувство свободы, или стремленіе къ сверженію ига. Гоненіе на истинную вѣру и стѣсненіе свободы вѣроисповѣданія со стороны язычества возстановляетъ исповѣдниковъ, мучениковъ гонимой и преслѣдуемой религіи, и въ людяхъ даже холодныхъ къ своей вѣрѣ равнодушіе къ религіи гонителей и притѣснителей быстро переходитъ въ ненависть и отвращеніе. Въ Вавилонѣ были и открытыя возстанія язычества противъ религіи іудейской. Навуходоносоръ требовалъ поклоненія золотому истукану, который, вѣроятно, представлялъ самого Царя. Дарій объявлялъ себя богомъ на тридцать дней, и подѣ страхомъ смертной казни запретилъ въ теченіи сихъ дней возносить молитву къ какому-либо богу или человѣку. Хотя сіи случаи и послужили только къ славѣ религіи еврейской: однакоже, столь грубыя притязанія язычества не могли не возмутить религіозное чувство вавилонскихъ плѣнниковъ и не пробудить въ нихъ отвращенія къ идолопоклонству. Самые указы языческихъ Царей, въ которыхъ они торжественно исповѣдуютъ величіе и силу Бога израилева, должны были возбуждать въ іудеяхъ чувство стыда и раская-

нія, и вмѣстѣ отвращенія къ идоламъ, для которыхъ они столько разъ измѣняли Богу своему, а Его силу и величіе теперь въ слухъ ихъ исповѣдуютъ самыя идолопоклонники. Если въ Вавилонѣ іудейская религія и не подвергалась постояннымъ гоненіямъ: то постоянно была въ крайнемъ стѣсненіи. Евреи не имѣли храма и общественнаго богослуженія. Ограничивались только домашнею молитвою, и ту, конечно, надлежало скрывать отъ насмѣшекъ и отъ обиднаго любопытства язычниковъ. Такое стѣсненіе, усиливая религіозную горячность въ народѣ, укореняло въ немъ отвращеніе къ идоламъ. Въ Іерусалимѣ, во дни нечестивыхъ Царей, евреи равнодушно проходили мимо храма Іеговы въ языческія капища, и холодно смотрѣли на опустѣвшій храмъ и на заключенныя двери его: но изъ Вавилона горячія молитвы плѣнниковъ неслись въ ту сторону, въ которой стоялъ Іерусалимъ, и глубоко трогались сердца воспоминаніемъ о храмѣ теперь разрушенномъ, о благолѣпнѣи и священной торжественности совершавшагося въ немъ богослуженія. На рѣкахъ вавилонскихъ плакали іудеи, вспоминая сіонскія пѣсни, и не могли пѣть ихъ на землѣ чуждой. При такомъ смягчающемъ и вразумляющемъ вліяніи плѣна, іудеи вспомнили пророческія увѣщанія, обличенія, угрозы, которыми прежде не внимали, и отъ которыхъ отвращались. А могли ли іудеи равнодушно внимать рѣчамъ пророческимъ, въ которыхъ Богъ устами Пророковъ то жалуется іудеямъ на нихъ самихъ и умоляетъ ихъ опомниться, какъ отецъ—неблагодарныхъ и заблуждающихъ дѣтей, то убѣждаетъ и обличаетъ, то опредѣляетъ наказаніе, то, наконецъ,

грозитъ совершеннымъ отверженіемъ и пльномъ, въ которомъ они теперь и страдаютъ?

Всѣ такія соображенія объясняютъ намъ то явленіе, что іудеи выходятъ изъ пльна изцѣленными отъ своей застарѣвшей болѣзни, и выносятъ изъ него глубокое сознаніе своей виновности предъ Богомъ и закономъ Его, и отвращеніе къ идоламъ. По возвращеніи въ отечество, видъ развалинъ іерусалимскихъ и разрушеннаго храма естественно усиливаетъ въ нихъ сіе сознаніе и отвращеніе. Въ первыя времена послѣ пльна дѣйствительно въ народъ видна не столько радость освобожденія, сколько глубокое чувство своей вины предъ Богомъ. При заложеніи втораго храма пѣсни радости сливаются съ воплями плачущихъ. Къ возстановленію завѣта съ Богомъ народъ приступаетъ не съ торжественностію и радостію, но съ сокрушеніемъ грѣшниковъ глубоко чувствующихъ свою грѣховность: *собрашася сынове Израилевы въ постъ, и во вретницахъ, и персть на главахъ ихъ, и исповѣдаху грѣхи своя и беззаконія отецъ своихъ* (Неем. 9, 1. 2.). Въ праздникъ кущей по желанію народа предлагается ему чтеніе Закона, и народъ слушаетъ сіе чтеніе съ плачемъ и рыданіями столь горькими и сильными, что священники должны были успокоивать народъ, представляя ему несомвѣстность такого плача съ торжествомъ праздника (8, 9.). Едва успокоились скорбныя чувства, возбуждаемая воспоминаніемъ пльна и видомъ разрушенія, какъ является новое испытаніе для укрѣпленія вѣры — гоненіе Антиоха. Двадцатипятилѣтняя борьба за вѣру противъ греческаго идолопоклонства окончательно утверждаетъ въ народѣ вѣру въ единого

Бога и отвращеніе къ идоламъ и ко всему языческому. Ни Предтеча, ни Спаситель не находятъ въ Иудей и слѣдовъ идолопоклонства. Итакъ, дивными судьбами Промысла народъ еврейскій приводился къ одной изъ своихъ цѣлей, предназначенныхъ ему въ планъ Божественномъ: не смотря на все уклоненія отъ Бога и блужданія по путямъ языческимъ, избранный народъ сохраняетъ во все время своего бытія ввѣренное ему сокровище богопознанія и во времена Мессіи одинъ изъ всѣхъ народовъ земныхъ покланяется Богу единому—Творцу міра.

Другое назначеніе избраннаго народа—принятіе и сохраненіе обѣтованія о Мессіи. Обѣтованіе сіе, первоначально данное въ раю прародителямъ, которымъ обѣщанъ Сокрушитель ихъ духовнаго врага, было почти забыто первымъ міромъ. Немногіе вспомнили о немъ и послѣ потопа. Тогда Богъ находитъ Авраама, и ввѣряетъ ему пренебреженное міромъ обѣтованіе о Сѣмени, въ Которомъ благословеніе и спасеніе міра. Семейство Авраама, потомъ его потомство, наконецъ народъ, отъ него воздвигнутый и отдѣленный отъ всѣхъ народовъ, назначается быть хранителемъ сего обѣтованія о Владыкѣ народовъ (Быт. 49, 8. 10.). Народу Богъ подтверждаетъ сіе обѣтованіе торжественнымъ завѣтомъ съ нимъ при Моусѣ. Въ новомъ свѣтѣ даю сіе обѣтованіе Давиду, которому возвыщается царственный потомокъ со властію надъ цѣлымъ міромъ, вѣчный Царь и вѣчный священникъ. Послѣ Давида, несмотря на глубокій мракъ нечестія и идолопоклонства, облегающій царство іудейское, обѣтованіе о Мессіи раскрывалось, постоянно приближаясь къ опредѣлен-

ной ясности и полнотѣ. Пророки предъизобразили и лице Мессіи, и Его искупительное служеніе человечеству, и Его благодатное царство, основанное Его живоносною смертію. Но между-тѣмъ, какъ предъ духовными взорами іудеевъ раскрывалось грядущее царство Мессіи, ихъ земное царство, сокрушаемое беззаконіями народа, постоянно приближалось къ своему конечному разрушенію. Наступаютъ дни гнѣва Божія. Іерусалимъ разграбленъ, храмъ разрушенъ, земля обѣтованія опустѣла. Богъ отнимаетъ у іудеевъ отечество, храмъ, и его святыню—ковчегъ Завета, отвергаетъ ихъ богослуженіе, но оставляетъ имъ духовное сокровище, которое они уносятъ съ собою въ Вавилонъ, т. е. обѣтованіе о Мессіи, раскрытое Пророками. Въ плѣну Даниилъ и Іезекіиль являютъя споруčníками Божественнаго обѣтованія, его непреложнаго исполненія. Послѣ плѣна еще приходятъ три вѣстника о Мессіи: Захарія предсказываетъ входъ Мессіи во Іерусалимъ, Аггей пришествіе Мессіи во храмъ, Малахія явленіе Предтечи. За тѣмъ пророчество умолкаетъ. Въ-продолженіи четырехъ сотъ лѣтъ въ Іудеи нѣтъ ни царя, ни пророка. Дѣло Божіе совершено. Обѣтованіе о Мессіи раскрыто въ возможной ясности и полнотѣ. Однакоже, проходитъ около пяти сотъ лѣтъ прежде, чѣмъ Мессія начинаетъ Свое служеніе. Конечно, лѣта сіи нужны были и для языческаго міра, который своими путями веденъ былъ въ имѣющее открыться на землѣ царство Христова: но онѣ еще болѣе нужны были для народа избраннаго. Лѣта сіи даются избранному народу, чтобы ознакомиться и сблизиться съ пророчествами, изъ пророческихъ книгъ перенести ихъ въ сознаніе

и жизнь, прилѣпиться къ нимъ вѣрою, уловіемъ, желаніями. Да не покажется странною мысль, что для народа еще нужно было знакомство съ пророчествами, и что со времени Давида онъ не успѣлъ еще сдѣлать сего. Безспорно, во Іудеи были избранные, которые неослабно съ благоговѣйнымъ вниманіемъ слѣдили за ходомъ пророческаго ученія и носили въ душахъ начертанный Пророками образъ Мессіи, но большинство, или собственно народъ едва ли могъ стоять на такой высотѣ вѣдѣнія. Вращаясь почти неспиходно во мракѣ языческихъ пороковъ и идолопоклонства, могъ ли онъ быть внимательнымъ къ Пророкамъ Бога имъ забытаго и оставленнаго? Народъ не хотѣлъ слушать Пророковъ, запрещалъ имъ проповѣдь (Иса. 30, 10. Амос. 2, 12.), или издѣвался надъ ней, какъ надъ пустословіемъ. *Пророцы наши быша на вѣтрѣ*, говаривалъ народъ. Такую же невнимательность къ пророчествамъ, и невѣріе имъ, Пророкъ обличаетъ и въ вельможахъ іудейскихъ (Іер. 5, 4. 5.). Жрецы видѣли въ Пророкахъ возмутителей общественнаго спокойствія (Іер. 26, 8.). Іудейскія власти ихъ преслѣдовали и заключали въ темницы. Пророки умирали смертію мучениковъ. Пророкъ засвидѣтельствовалъ о своемъ народѣ, что онъ не знаетъ путей Іеговы: *неувѣдаша пути Господни* (Іер. 5, 4.). Познаніе сихъ путей Господнихъ, открытыхъ и указанныхъ Пророками, но еще мало вѣдомыхъ народу, есть то сближеніе съ пророчествами, на которое дается народу время, протекающее между окончаніемъ пророчествъ и явленіемъ Мессіи.

И время это вполнѣ соответствовало своей цѣли въ исторіи народа. Мы видѣли, что изъ плѣна вынесъ

народъ глубокое сознаніе своей виновности предъ Богомъ и Его закономъ, и отвращеніе къ идоламъ. Почувствовавшій вину свою народъ самъ выражаетъ желаніе ближе познакомиться съ Закономъ Моисея. По требованію народа на іерусалимской площади, предъ водными воротами открыто чтеніе Закона. Для тойже цѣли начали умножать синагоги, или народныя собранія, въ которыя стекались іудеи слушать чтеніе Моисея и Пророковъ. Каждый и незначительный городъ имѣлъ по крайней мѣрѣ одну синагогу (Матѳ. 13, 54.), въ большихъ городахъ было ихъ болѣе (Дѣян. 9, 2. 20.); въ самомъ Іерусалимѣ число синагогъ простиралось до четырехъ сотъ и болѣе. Собраніе въ синагогахъ бывало каждую субботу, а позднѣе и по два раза въ недѣлю. Такимъ образомъ быстро и повсемѣстно распространилось въ народѣ вѣдѣніе Закона и пророчествъ. Къ Пророкамъ обращало народъ и его гражданское состояніе. Въ своей прошедшей исторіи народъ видѣлъ рядъ дивныхъ, великихъ Божіихъ къ нему благодѣяній и милостей, и непрерывный рядъ своихъ беззаконій и преступленій. Отрадны были воспоминанія о славномъ царствованіи Давида и Соломона: но эти свѣтлыя времена скрывались за мракомъ времени послѣдующихъ. Вообще, за свое прошедшее народъ долженъ былъ скорбѣть и раскаяваться, безотрадно было и настоящее. Престолъ Давида оставался незанятымъ. Самый храмъ, воздвигнутый послѣ плѣна, стоялъ какъ горькое обличительное напоминаніе іудеямъ о славѣ и великолѣпнн храма перваго. Іудея была подъ болѣе или менѣе тяжелымъ для народнаго чувства покровительствомъ Государей языческихъ. Самая независи-

мость ея, послѣ борьбы маккавейской, была не болѣе, какъ тѣнь прежней силы и самобытности. Наконецъ и тѣнь эта исчезла предъ всемірнымъ владычествомъ Рима. Иудеямъ оставалось одно будущее, а вдали сего будущаго сіялъ свѣтлый образъ Мессіи и царства Его, начертанный Пророками. Къ сему-то возжелѣнному будущему, къ сему Божественному образу обратились теперь гонимыя скорбію настоящаго и прошедшаго сердца народа, къ Нему устремились молитвы, упованія, желанія израиля. И чѣмъ болѣе всматривались въ образъ Мессіи, и различали въ Немъ благодатныя черты, тѣмъ живѣе дѣлались чаянія народа. Мессія—былъ предметомъ народной вѣры и всеобщаго ожиданія. Это ясно видно въ евангельской исторіи. Когда явился Іоаннъ Креститель,—изъ Іерусалима послано было къ нему посольство, состоящее изъ священниковъ и левитовъ съ вопросомъ: не онъ ли Мессія (Іоан. 1, 19. 20.). Пророки, въ свое время, и въ вельможахъ іудейскихъ не находили достаточныхъ понятій о лицѣ Мессіи и о царствѣ Его (Іер. 5, 5.): теперь простыя женщины и рыбаки знаютъ самыя возвышенныя пророчества о Мессіи—о Божествѣ Его. Марѳа, Наананъ исповѣдуютъ въ Іисусѣ Христѣ, Сына Божія (11, 27. 1, 49.). Андрей и Филиппъ признаютъ въ Іисусѣ Того, о Которомъ говорятъ Моисей и Пророки (1, 45.). Простая Самарянка знаетъ, что прійдетъ Мессія и научитъ людей спасенію (4, 45.). Жители города самарянскаго въ проповѣди Іисуса находятъ ясное для себя и убѣдительное доказательство, что *Сей есть воистинну Спасъ міру, Христосъ* (ст. 42.). Народъ іудейскій, пораженный чудомъ насыщенія

пятью хлѣбами , приходитъ къ убѣжденію , что Исусъ есть Пророкъ , ожидаемый въ міръ : *яко Сей есть воистинну Пророкъ грядый въ міръ* (6, 14.). Вся сіи примѣры достаточно показываютъ , какъ во времена Спасителя во Іудей всеобще было ожиданіе Мессіи и общеизвѣстны пророчества о Немъ , даже въ простомъ народѣ .

Итакъ , народъ іудейскій подъ чуднымъ водительствою неисповѣднмой премудрости Божіей исполняетъ возложенное на него служеніе человечеству . Онъ сохраняетъ на землѣ познаніе Бога истиннаго , содержитъ , сохраняетъ обътованіе объ Искушитель , и передастъ его человечеству . Конечно , и избранный народъ самъ по себѣ не могъ бы устоять на стражѣ своего высокаго служенія , царство тмы постоянно стремилось поглотить его и угасить сіяющій въ немъ свѣтъ спасенія міру . Народъ былъ немощное орудіе : и только Божеская премудрость могла достигнуть чрезъ сіе орудіе своей великой цѣли .

Теперь вы видите , съ какою премудростію и попечительностію Божіею совершалось приуготовительное устроеніе царства Мессіи во израиль . Что же , спросите вы , дѣлалось въ это время въ Іудей ? Въ какомъ отношеніи къ сему уготовляемому царству стояли народы языческіе ? Неужели язычскій міръ находился въ неисходной далекости и нисколько не приближался къ сему царству , въ которое онъ долженъ былъ войти ? А если приближался , то какими путями ? Отвѣтомъ на эти вопросы начну слѣдующее письмо .

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ

ИГУМЕНИИ МАРИИ (*).

Здоровье Спасобородиной игуменіи Маріи въ теченіи нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ ея жизни было весьма слабо. Самой легкой пищи она употребляла очень мало.

Въ началѣ 1852 года она уже съ трудомъ могла выходить на открытый воздухъ, и потому, чтобы не лишиться слушанія богослуженія, изъ своей обыкновенной келліи переселилась въ другую, находящуюся близъ самой церкви Св. Филарета Милостиваго. — Впрочемъ, не переставала заниматься дѣлами монастыря, и особенно, приготовленіями къ продолженію созиданія храма, заложеннаго въ прошедшемъ году.

(*) Она была основательницей и настоятельницей Спасобородинскаго монастыря, въ Можайскомъ уѣздѣ, Московской епархіи.

Въ сновидѣніи представилось ей, что она въ Троицкой Лаврѣ молится при мощахъ Преподобнаго Сергія, и что онъ поднимается изъ своей раки и простираетъ руку, дабы благословить ее. Сіе побудило ее предиринять путешествіе въ Лавру, и кстати въ Москву, по нѣкоторымъ надобностямъ своего монастыря.

Въ Москву пріѣхала она изнуренная отъ худой дороги, и узнавъ, что дорога въ Лавру еще болѣе разстроена отъ снѣговъ и отъ множества проѣзжающихъ, пріостановилась въ Москвѣ, собираясь съ силами, и ожидая улучшенія дороги. Въ сіе время она имѣла другое знаменательное сновидѣніе. Ей представилась дорога въ Лавру, по всему видимому протяженію покрытая золотою полосою; и неизвѣстный голосъ сказалъ ей, что путь ея будетъ благополученъ. Послѣ сего игуменія посвѣшила къ Преподобному Сергію, и, будучи въ Лаврѣ, отзывается, что она здѣсь въ послѣдній разъ въ жизни.

Возвратясь въ Москву по убѣжденію принимавшихъ участіе въ сохраненіи, если угодно Богу, ея жизни, она совѣтовалась съ врачомъ, который и далъ ей нѣкоторыя врачебныя наставленія, и предполагалъ въ-послѣдствіи дѣятельное леченіе, нашедъ у нея признаки водяной болѣзни. Возвращеніе въ монастырь, по послѣднему зимнему пути, было причиною большаго разстройства ея здоровья.

Въ-продолженіи страстной недѣли не могла уже входить въ церковь: но въ великій пятокъ, услышавъ церковное пѣніе предъ вынесеніемъ плащаницы, внезапно устремилась въ церковь, и при-

существовала при богослуженіи, примѣтно находясь не въ ясномъ состояніи сознанія отъ болѣзненнаго жара.

Въ великую субботу и въ день святыхъ Пасхи она причащалась Святыхъ Таинъ ; и имѣла сверхъ ожиданія значительное облегченіе отъ болѣзни , и не отреклась принять врачебныя пособія отъ призваннаго изъ Москвы врача.

Апрѣля 18 дня совершено надъ нею таинство елеосвященія.

Въ послѣдніе четыре дня жизни она ежедневно пріобщалась Святыхъ Таинъ.

Съ 25 дня началось ея послѣднее изнеможеніе: по 26 дня вечеромъ она вдругъ укрѣпилась, призвала сестръ обители , дала имъ послѣднія наставленія и простилась съ ними.

По дѣйствию болѣзни немалое время проводила она въ состояніи, которое окружающимъ представлялось дремотою. Примѣчательны слова, произнесенныя ею въ такомъ состояніи: отпустите меня; дайте мнѣ видѣть свѣтъ. Молитвы сестръ обители были прилежны; онѣ подвизались удержать ее въ земной жизни.

29 дня въ 4 часа съ половиною по полудни она скончалась такъ тихо , что послѣднія предсмертныя минуты ея окружающимъ казались облегченіемъ болѣзни.

Б Е С Ъ Д А,

**НА ОСВЯЩЕНІЕ ХРАМА СВЯТАГО АПОСТОЛА ФИЛИП-
ПА НА ІЕРУСАЛИМСКОМЪ ВЪ МОСКВѢ ПОДВОРЬѢ,
ГОВОРЕННАЯ СИНОДАЛЬНЫМЪ ЧЛЕНОМЪ, ВЫСОКО-
ПРЕОСВЯЩЕННѢЙШИМЪ ФИЛАРЕТОМЪ, МИТРОПОЛИ-
ТОМЪ МОСКОВСКИМЪ.**

Кому близко къ сердцу Отцепреданное имя единыхъ, святыхъ, соборныхъ и Апостольскихъ Церкви: тому должно быть посердцу совершившееся здѣсь нынѣ торжество освященія храма какъ такое, въ которомъ можно усматривать пріятныя черты соединенія святыхъ Божіихъ Церквей, ежедневно испрашиваемаго нами въ молитвахъ.

За нѣсколько десятилѣтій предъ симъ Церковь іерусалимская пожелала имѣть здѣсь свой храмъ: и Церковь російская, съ соизволенія Благочестивѣйшаго Самодержца, предложила ей здѣсь храмъ и мѣсто для жительства священнослужителей. Усердіе православныхъ чадъ Церкви російскія споспѣшествовало благоустроенію прежде бывшаго здѣсь храма и устроенію при немъ жилищъ для іерусалимскихъ священнослужителей; и нынѣ присовокупило къ древнему новый храмъ. А блаженнѣйшій Патріархъ

іерусалимскій, на общеніе благотворительное отвѣтствуя общеніемъ собственно церковнымъ и священнодѣйственнымъ, своимъ къ нашей мѣрности посланіемъ изъявилъ желаніе, чтобы храмъ сей получилъ освященіе отъ священноначалія Церкви російскія, что благодатію Божією нынѣ и совершилось.

Не неблаговременно при семъ воспомянуть, что въ семъ богоспасаемомъ градѣ издавна естъ обитель (а), подвѣдомая Патріархіи константинопольской; что въ недавнее время и антиохійской Патріархіи предоставленъ храмъ (б); что посланникъ Патріарха антиохійскаго уже нѣсколько лѣтъ пребываетъ здѣсь, пользуясь благотвореніями чадъ Церкви російскія для своей бѣдствующей Церкви; и что теперь на пути сюда находится и посланникъ Патріарха александрійскаго, также съ надеждою на благотворительность россіянъ для бѣдствующей Церкви александрійской.

Примѣтимъ здѣсь, какъ я уже сказалъ, пріятныя черты единства и общенія Церквей, составляющихъ святую, соборную и Апостольскую Церковь. Но дабы не было сомнѣнія, суть ли это вѣрныя черты истиннаго единства, посмотримъ, какъ единство и общеніе Церквей опредѣляется въ словѣ Божіемъ. Святый Апостолъ Павелъ, въ Посланіи къ ефесской Церкви, учитъ ее *блюсти единеніе духа въ союзъ мира; и въ основаніе сего ученія полагаетъ слѣдующія разсужденія. Едино тѣло, единъ духъ, якоже и званіи бысте во единомъ упованіи званія вашего,*

(а) Святителя Николая Чудотворца.

(б) Св. Священномученика Ипатія.

единъ Господь, едина вѣра, едино крещеніе, единъ Богъ и Отець всѣхъ, Иже надъ всѣми, и чрезъ всѣхъ, и во всѣхъ насъ (4, 3—6.). Такимъ образомъ, Апостоль указываетъ внутреннѣйшее средоточіе и крайній верхъ единства церковнаго въ единомъ Богѣ Отцѣ: и знаменательно присовокупляетъ, что Онъ единъ надъ всѣми, по Своей высочайшей власти, единъ чрезъ всѣхъ, по всеобъемлющему и всепроникающему дѣйствию Своего провидѣнія и управленія, единъ во всѣхъ насъ, по внутреннему благодатному дѣйствию Святаго Духа. Чрезъ сіе дается разуметь, что дабы основать и ненарушимо поддерживать единство вселенской Церкви, для сего требуются Божественныя совершенства, а не человѣческія силы и средства. Болѣе открытый источникъ единства церковнаго, по ученію Апостола, есть *единъ Господь, Иисусъ Христосъ*, Который и нарицается въ томъ же Посланіи *Главою Церкви*, соответственно сему называемой тѣломъ Его. Прочія послѣдовательныя черты въ Апостольскомъ изображеніи церковнаго единства суть *единство званія* ко спасенію и упованія будущихъ благъ, *единство вѣры* и догматовъ ея, *единство крещенія*, и вообще таинствъ, наконецъ, *единодушіе* и союзъ мира.

Не симъ ли Апостольскими чертами ознаменовано и нынѣ единство и общеніе Церквей, составляющихъ католическую православную Церковь? Всѣ онѣ признають единственную Божественную главу всего тѣла Церкви — Господа нашего Иисуса Христа. Всѣ онѣ свято сохраняють единую вѣру, какъ проповѣдали ее Апостолы, какъ изрекли ее триста осьмнадцать Отцевъ перваго вселенскаго Собора и сто пятьдесятъ

Отцевъ втораго вселенскаго Собора, — сохраняють безъ измѣненія, безъ убавленія, безъ прибавленія. Общеніе таинствъ между Церквами, раздѣленными далекимъ разстояніемъ мѣстъ и народностію, въ самомъ дѣйстви видите вы здѣсь нынѣ. Церковь російская даритъ Церкви іерусалимской свое святилище: а Церковь іерусалимская, для совершенія таинства въ усвоенномъ ей святилищѣ, призываетъ священноначаліе Церкви російскія. Не *единеніе ли духа и союзъ мира между Церквами открываются и въ томъ*, что Церкви отдаленныя, иноплеменные съ довѣріемъ и надеждою посылаютъ своихъ посланниковъ къ Церкви російской, изъяснить ей свои нужды, и Церковь російская пріемлетъ къ сердцу ихъ скорби, и охотно простираетъ къ нимъ вспомошествовающую руку? Не есть ли это продолженіе первоначальнаго Апостольскаго общенія, о которомъ пишетъ Апостоль Павелъ: *Іаковъ и Киѳа и Іоаннъ, мнѣмъ столпи быти, десницы даша мнѣ и Варнавъ общенія, да мы во языки, они же во обрѣзаніе: точію нищихъ да помнимъ, еже и потщахся сіе истое сотворити* (Галат. 2, 9. 10.)? То-есть: Іаковъ, Петръ и Іоаннъ, почитавшіеся столпами вселенской Церкви, преимущественно начальствуя надъ Церквами изъ іудеевъ, безъ нарушенія единства вселенской Церкви, точно такое же начальство предоставили Павлу и Варнавъ надъ Церквами изъ язычниковъ, съ тѣмъ только, чтобы Церквамъ, терпящимъ бѣдствія и нищету, подавали помощь Церкви, пользующіяся миромъ и обиліемъ.

Прославимъ, братія, Бога, даровавшаго намъ благодать быть, хотя малыми, членами единого великаго

духовнаго тѣла Христова, — единыя святыя, соборныя и Апостольскія Церкви. И о, если бы каждый изъ насъ былъ членомъ ея живымъ, по вѣрѣ и добродѣтели! О, если бы никто изъ насъ не былъ въ опасности, быть отсѣченъ отъ сего безсмертнаго тѣла, какъ членъ смертоносно зараженный невѣріемъ и преобладающимъ грѣхомъ! Да помышляемъ и да печемся о семъ прилежно и непрестанно: это зависить отъ нашего вниманія, желанія и попеченія; благодать Божія всегда готова на помощь сему.

Почудимся непостижимымъ, но понятно благопродуманнымъ о всемирной Церкви судьбамъ Божиимъ. Между-тѣмъ какъ на народы древнихъ великихъ Церквей Востока постепенно налегало иго невѣрныхъ; и въ-слѣдствіе сего и самыя Церкви подвергались затрудненіямъ, лишались вещественныхъ пособій, уменьшались въ числѣ вѣрующихъ, то бѣдствіями, то отторженіями нетвердыхъ въ вѣрѣ; а Занадъ омрачался *дымомъ отъ студеца бездны, отверзтаго звѣздою падашею съ небесе на землю* (Апок. 9, 1—3.): — Богъ насадилъ, возрастилъ, укрѣпилъ, разширилъ Церковь россійскую, и, посредствомъ христоролюбивой ревности Царей нашихъ, содѣлалъ ее защитницею православныя вѣры въ странахъ невѣрныхъ, и въ христіанскомъ усердіи нашего народа отверзъ для бѣдствующихъ Церквей источникъ утѣшенія и помощи.

Возчувствуемъ, братія Церкви россійскія, милость къ намъ провидѣнія Божія. вмѣстѣ съ Божественнымъ даромъ православныя вѣры, намъ даровано, въ мирѣ царства, наслаждаться миромъ Церкви. Богъ новаго изранія *далъ намъ*, по пророческому слову

праведнаго Захаріи, безъ страха, изъ руки врагъ нашихъ избавилимся, служити Ему преподобіемъ и правдою предъ Нимъ во вся дни живота нашего (Лук. 1, 74. 75.). Тогда-какъ иныя Церкви и чада ихъ подвизаются въ скорбяхъ, въ тѣснотахъ, въ лишеніяхъ,—намъ ничто не препятствуетъ совершать торжества вѣры, пользоваться открытыми сокровищами и утѣшеніями благодати, яко возможи намъ и суція въ скорби утѣшати утѣшеніемъ, имже утѣшаемся сами отъ Бога (2 Кор. 1, 4.). Да подвизаемся вѣрою употреблять сіи дары на дѣла благія, со страхомъ взирая къ Имѹющему въ десницѣ Своей судьбы Церквей, Который соблюдающимъ дѣла Его до конца дастъ власть на языцехъ (Апок. 2, 26.), и несовершенныхъ къ лучшимъ дѣламъ возбуждаетъ угроженіемъ двигнуть отъ мѣста свѣтильникъ (5.), несіяющій свѣтомъ живой вѣры и дѣлъ благихъ.

Аминь.



ПОДВИЖНИКИ ВЪРЫ

НА ВОСТОКЪ

ПОСЛѢ ПАДЕНІЯ ИМПЕРІИ ГРЕЧЕСКОЙ.

Съ паденіемъ греческой имперіи подъ владычество турокъ, наступили тяжкія времена для христіанъ греческой Церкви. Уничженіе предъ поклонниками лжепророка, воспрещеніе воздвигать новые храмы и возобновлять прежніе, стѣсненіе въ исполненіи обязанностей вѣры и благочестія, прельщеніе выгодами житейскими, клеветы и насилія въ неустроенномъ государствѣ,— все вооружалось противъ исповѣдниковъ имени Христова. Но Церковь, страдающая въ огнѣ искушеній, мужественно преодолевала и преодолеваетъ все ухищренія духа злобы и лукавства. Между ея пастырями, иноками и мірянами, никогда не было недостатка въ такихъ мужахъ, которые, при встрѣчѣ съ затруднительными обстоятельствами, подобно древнимъ мученикамъ, отвергая льстивыя предложенія и не страшась никакихъ лишеній, скорѣе соглашались жертвовать своею жизнію, нежели измѣнить долгу христіанина. Въ ихъ страданіяхъ и мужествѣ возобновлялись для Церкви славные подвиги исповѣдниковъ вѣры въ первые вѣка христіанства. Благодать Божія видимо укрѣпляла новыхъ исповѣдниковъ и мучениковъ. Нѣкоторые изъ нихъ еще при жизни удостоиваемы были дара чудотвореній; а послѣ мученической кончины, ихъ святыя мощи являлись источникомъ чудесъ, для укрѣпленія въ вѣрѣ еще остающихся въ подвигѣ братій, и для вразумленія невѣрныхъ.

Свѣдѣнія о сихъ мученикахъ новаго времени, въ концѣ прошедшаго столѣтія, собралъ и издалъ въ свѣтъ извѣстный многими своими трудами на пользу Церкви, Святоторскій инокъ Никодимъ, въ книгѣ: *Νέον Μαρτυρολόγιον*, или *новое собраніе повѣствованій о мученикахъ* (а). Въ сей книгѣ предложены болѣе или менѣе подробныя сказанія о жизни, страданіяхъ и чудесахъ новыхъ мучениковъ греческой Церкви, а нѣкоторыхъ указаны только имена. Изъ числа сихъ мучениковъ пятнадцать относятся къ концу XV и къ XVI столѣтію, двадцать восемь къ XVII му, и тридцать семь къ XVIII-му. Между ними встрѣчаются и греки, и сербы, и болгаре, и валахи, и русскіе. Изъ русскихъ сообщаются здѣсь свѣдѣнія о мученикахъ, скончавшихся въ землѣ греческой: Павлѣ 1683 г., Пахоміѣ 1730 г., и Константіѣ 1743 года.

Изъ числа сихъ новыхъ подвижниковъ въры, у насъ извѣстны имена и страданія Св. Іоанна Бѣлоградскаго (2 іюня) и Георгія Новаго (26 маія) (б). Но въ «собраніи синаксарей», или краткихъ житій святыхъ, тѣмъ же святоторцемъ Никодимомъ переведенномъ на новогреческій языкъ, исправленномъ и дополненномъ включены имена всѣхъ новыхъ мучениковъ (в). Въ Минеяхъ греческихъ, изданныхъ въ 1843 году, послѣ тщательнаго разсмотрѣнія особою Коммиссіею и по благословенію святѣйшаго Патріарха Германа и его синода, также поставлены имена сихъ мучениковъ на ряду съ именами

(а) Издана въ Венеціи на новогреческомъ языкѣ, въ 1799 г.

(б) Сказанія о томъ и другомъ у Никодима переведены съ славянскаго языка.

(в) Издано въ Венеціи на новогреческомъ языкѣ въ 1819 году.

древнихъ подвижниковъ вѣры и благочестія. Кромѣ того, какъ въ собраніи синаксарей, такъ и въ Минеяхъ, встрѣчаются имена мучениковъ шестинаго столѣтія до 1818 года.

Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ сія собранія не объемлютъ сказанія о всѣхъ, запечатлѣвшихъ кровію истину своей вѣры, въ сіи тяжкія для Восточной Церкви времена ига турецкаго. Пр. Максимъ грекъ, въ своихъ писаніяхъ, оставилъ свидѣніе о мученической кончинѣ въ Константинополѣ одного юноши, которой свидѣтелемъ былъ онъ самъ (г), слѣдовательно до 1518 года. Но сего сказанія не находимъ у Никодима. Блаженный Патріархъ іерусалимскій Нектарій (XVII в.), отражая разныя укоризны латинянъ на православіе Восточной Церкви, писалъ: «нѣтъ города и мѣста, гдѣ бы не проливалась кровь нашихъ православныхъ за благочестіе; за нѣсколько предъ симъ лѣтъ, мы видѣли и дѣтей, безпрестанно подклоняющихъ выю свою подъ ударъ меча» (д). При томъ, собраніе Никодимово ограничивается только предѣлами Патріархіи константинопольской: сколько могла бы представить подобныхъ опытовъ мужества вѣры многолѣтняя исторія тяжелыхъ временъ прочихъ патріархій Востока!—Но и тѣхъ сказаній, какія сохранила благочестивая ревность боголюбивыхъ мужей, достаточно для того, чтобы свидѣтельствовать о крѣпости и силѣ благодатной жизни въ Церкви, столько вѣковъ томящейся подъ игомъ иновѣрнымъ и всегда представляющей но-

(г) *Инокъ Максима грека повѣсть, самовидца бывша мученію нѣкоего появленна мученика въ гречествѣй земли.* Въ рк. собраніи его сочиненій, Троицкой Сергіевой Лавры, N 5, статья 96.

(д) *Περὶ τῆς ἀρχῆς τῆ Παλ. 1682, стр. 209.*

выхъ поборниковъ вѣры, готовыхъ стоять за нее до крове.

Общеніе Церкви россійской съ Церквами Востока, составляющими вкупѣ съ нею единую, святую, соборную, Апостольскую Церковь, дѣлаетъ и насъ причастниками славы мученичества, которою украшаются собратія наши на Востокѣ.

Намѣреваясь предложить благочестивымъ читателямъ нѣкоторыя сказанія изъ вышеупомянутого «собранія повѣствованій о мученикахъ», на первый разъ представляемъ въ переводѣ сказаніе о подвигахъ и страданіи священномученика *Космы* (с).

Въ «собраніи синаксарей» и въ Минеев греческой имя его воспоминается 4-го августа, такимъ образомъ :

*Τῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ ὁ ἅγιος νέος ἱερομάρτυς καὶ ἰσ-
απόστολος Κοσμᾶς, ὁ ἐν τῇ Ἀλβανίᾳ μαρτυρήσας, κα-
τὰ τὸ αἴθερ, ἀρχὴν τελειῖται.*

*Ἔτχ. Ἐυκοβμος ὄφθης κόβμος, ὃ Κοβμᾶ
μάχαρ,*

Κόβμον λόγους βοῖς, αἵμασι τ' ἀγλαίβας

то-есть:

Въ тотъже день скончался святой новый священномученикъ и равноапостольный *Косма*, въ *Албаніи* претерпѣвъ удавленіе, въ 1779 году.

*Стихи: Прекрасное явился ты украшеніе, блаженный
Косма,*

Осветивъ міръ твоими словесами и крѣвми.

(с) *Νέον Μαρτυρολόγ.* стр. 228 и слѣд.

I.

ПОДВИГИ И СТРАДАНИЯ

СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА КОСМЫ РАВНОАПОСТОЛЬНАГО

(СКСИЧ. ВЪ 4 Д. АВГУСТА, 1779 Г.).

Сей воистину Божій человекъ, учитель и проповѣдникъ евангеліа Божія, Косма, родомъ изъ Этоліи, изъ одного небольшого селенія, именуемаго Мегадевдронъ, былъ сынъ благородныхъ родителей. Воспитанный и наставленный ими, по Апостольскому слову, *въ наказаніи и ученіи Господни* (Ефес. 6, 4.), когда совершилось ему двадцать, а можетъ быть, и болѣе лѣтъ, началъ обучаться грамматикѣ подъ руководствомъ архидіакона Ананіи Дервишана. Послику же въ то время было въ великой славы Ватопедское на святой горѣ училище; то Косма, со многими другими своими соучениками, перешелъ въ оное. Тамъ докончилъ онъ изученіе грамматки подъ руководствомъ учителя Панагіота Паламы, а потомъ выслушалъ и логику отъ учителя Николая Царнулія изъ Мецовой, который съ учениками

Евгеніємъ (а) управлялъ тамошняимъ училищемъ. Косма имѣлъ тогда еще мірское имя Константа, но и въ мірской одеждѣ украшался уже благольпіемъ монашескаго образа, не щадилъ трудовъ и пріобучалъ себя къ совершенному подвижничеству. Когда же славное это училище къ несчастію, по удаленіи изъ него учителей, снова опустѣло: тогда и добрый Константъ, удалившись оттуда, пошелъ въ святую обитель Филобееву. Тамъ сперва постриженъ онъ въ монахи и со всѣмъ усердіемъ преуспѣвалъ въ трудахъ монашеской жизни; а потомъ, когда для обители нуженъ сталъ священникъ, по сильному убѣжденію и прошенію Отцевъ, рукоположенъ въ іеромонаха.

Блаженный, будучи еще міряниномъ, издавна имѣлъ въ сердцѣ своемъ сильное желаніе, всѣмъ тѣмъ, чему учился, послужить на пользу братій своихъ христіанъ, и часто говаривалъ: «Какую великую нужду въ Божіемъ словѣ имѣютъ братія мои христіане! Поэтому, ученые должны стремиться не въ господскіе дома, не ко двору вельможъ, и не для богатства и знаменитости расточать свою ученость, но, чтобы пріобрѣсти небесную награду и неувядающую славу, всего болѣе обязаны учить простой народъ, который живетъ въ великомъ невѣжествѣ и въ грубости». Но при всѣмъ такомъ желаніи, хотя въ священномъ сердцѣ его пламенѣло великое ревнованіе о пользѣ многихъ, съ другой

(а) Булгаромъ, который въ-послѣдствіи былъ Архіепископомъ Екатеринбургскимъ и Херсонскимъ (съ 1775 по 1779 г.).

стороны представлялъ онъ всю важность и трудность дѣла апостольской проповѣди, и, какъ смиренномудренный и скромный, не отваживался самъ собою на сіе предпріятіе, не уразумѣвъ прежде Божія на то изволенія. Почему, желая извѣдать, есть ли на сіе Божія воля, открываетъ божественное Писаніе и находитъ тотчасъ передъ собою Апостольское изреченіе: *никтоже своего си да ищетъ, но еже ближняго кійждо* (1 Кор. 10, 24.), то-есть, пусть каждый ищетъ не только, что полезно для него самого, но и что полезно для брата его.

Наконецъ, удостовѣрившись симъ, открываетъ свое намѣреніе и другимъ духовнымъ Отцамъ, и получивъ отъ нихъ позволеніе, идетъ въ Константинополь для свиданія съ роднымъ братомъ своимъ, учителемъ Хрисаномъ, который обучаетъ его особенному риторскому искусству правильного собесѣдованія. И здѣсь, объявивъ мысль свою благоговѣйнымъ архіереямъ и учителямъ, когда всѣ единогласно стали побуждать его, чтобы приступилъ къ сему Божію дѣлу, беретъ письменное дозволеніе у Патріарха Серафима, бывшаго изъ Делвина. Такъ, блаженный началъ сперва проповѣдывать евангеліе царствія небснаго въ церквахъ и селеніяхъ константинопольскихъ, потомъ простерся въ Навпактъ, во Врахори, въ Мисолонги и въ другія мѣста, откуда снова пришелъ въ Константинополь. Испросивъ же совѣта у тогдашняго Патріарха Софронія, и получивъ отъ него снова дозволеніе и благословеніе, началъ съ большею горячностію и ревностію проповѣдывать слово евангелія. Обошедъ всѣ почти княжества, и научивъ христіанъ приносить покаяніе

и творить дѣла достойныя покаянія, возвратился оттуда на святую гору въ лѣто 1775-ое. Посѣщая тамошніе монастыри и скиты, говорилъ поученія Отцамъ, и провелъ немного времени въ чтеніи божественныхъ отеческихъ книгъ. Поелву же отъ любви, какою сердце его (какъ самъ онъ неоднократно говорилъ о томъ многимъ Отцамъ) пламенѣло къ пользѣ христіанъ, не могъ медлить долѣе; то удаляется со святой горы, и начавъ съ селеній въ окрестностяхъ горы, продолжаетъ проповѣдывать въ Фессалоникъ, въ Веррін и во всей почти Македоніи; проходитъ области Химару, Акарѣанію, Этолію до самой Арты и Превезы; оттуда же отплываетъ на острова: святую Мавру и Кефалонію. И гдѣ ни проходилъ треблаженный, вездѣ было великое стеченіе христіанъ, съ умиленіемъ и благоговѣніемъ внимали благодати и сладости словесъ его; а сіе сопровождалось исправленіемъ нравовъ и духовною пользою. Ученіе же его, подобно ученію рыбарей, было весьма просто, спокойно и кротко, чѣмъ и доказывалось несомнѣнно, что исполнено оно благодати кроткаго и молчаливаго Святаго Духа. Особенно же на островъ Кефалоніи священныи сей учитель сѣяніемъ божественнаго ученія произвелъ великій душеполезный плодъ.

Но и Богъ свыше споспѣшествовалъ ему и утверждалъ слово его *послѣдствующими знаменами* и чудесами, какъ подобными же чудесами утверждалъ нѣкогда проповѣдь священныхъ Своихъ Апостоловъ. На островѣ семъ былъ одинъ бѣдный портной, у котораго съ давнихъ лѣтъ правая рука была суха и не дѣйствовала. Притекши, наконецъ,

къ святому, просилъ онъ изцѣлить его. Блаженный далъ ему такой совѣтъ, чтобы онъ приходилъ и съ благоговѣніемъ слушалъ проповѣдь, и тогда Богъ умилосердится надъ нимъ. Сухорукій послушалъ сего совѣта, и едва выслушалъ проповѣдь святаго, какъ на другой же день совершенно изцѣлился. Другой разслабленный, услышавъ о семъ необычайномъ пропсествіи, велѣлъ, чтобы во время проповѣди блаженнаго приносили его туда на одръ, и чрезъ нѣсколько дней сталъ совершенно здоровъ, славя Бога и благодаря святаго. И въ крѣпости Ассъ былъ одинъ благородный человекъ, страдавшій жестокимъ недугомъ въ ухахъ, и съ давнихъ лѣтъ почти лишенный слуха; онъ, съ благоговѣніемъ и вѣрою пришедши туда, гдѣ училъ святой, скоро сталъ ясно слышать, и съ сего времени не чувствовалъ уже болѣзни. На Кефалоніи есть селеніе, называемое Курули. Святой, проходя спсѣ селеніемъ въ лѣтнее время, ощутилъ на пути жажду и попросилъ воды изъ находившагося тамъ по близости безводнаго колодезя; жители говорили, что въ колодезь пѣтъ воды, но ради послушанія пошли, со дна колодезя достали нѣсколько грязи и земли съ водою, и принесли ее. Святой, взявъ ее въ уста свои, испилъ немного, и съ того времени кладязь сей, къ удивленію, сталъ источать чистую воду, и всегда уже былъ полонъ и зимою и лѣтомъ, даже содѣлался цѣлебнымъ отъ многихъ недуговъ.

По причтѣ множества народа, не вмѣщавшагося ни въ какой церкви, Косма по необходимости проповѣдовалъ внѣ селеній въ полѣ. Посему, имѣлъ онъ обычай напередъ сказывать, гдѣ хотѣлъ оста-

новиться и говорить проповѣдь; тамъ приготовляли и ставили большій деревянный крестъ; потомъ, Косма при древѣ креста утвердивъ кафедру, восходилъ на оную и училъ; по окончаніи же проповѣди, кафедру бралъ съ собою, куда шель далѣе; а крестъ оставался на мѣстѣ во всегдашнее напоминаніе объ его проповѣди. И гдѣ были поставлены сіи кресты, тамъ Богъ являлъ въ-послѣдствіи многія чудеса. Такъ, среди аргостольскаго торжища, на томже островѣ Кефалоніи, у одного креста, оставленнаго святымъ, открылся чудесный источникъ, никогда не оскудѣвающій водою.

Съ Кефалоніи блаженный переправился на островъ Закинѣъ, въ сопровожденіи болѣе, нежели десяти судовъ, наполненныхъ благоговѣйными кефалонянами. Но здѣсь благословенный сей не имѣлъ успеха, почему, преподавалъ ученіе недолго, и возвратясь опять на Кефалонію, пошелъ въ Корифы, гдѣ съ честью принятъ всѣми, особенно же тамошнимъ Княземъ. А какъ собралось туда великое множество изъ другихъ селеній слушать проповѣдь святаго; то начальствующіе въ городѣ, боясь, чтобы въ другихъ не возбудилась зависть къ нему, стали просить его скорѣе удалиться; и потому, чтобы не быть причиною соблазновъ и смятеній въ народѣ, Косма перешелъ оттуда въ противоположную область Стерен или Арванитіи, называемую: *сорокъ святыхъ*; и тамъ сталъ учить христіанъ, посѣщая мѣста, гдѣ было болѣе грубаго невѣжества, благочестіе и жизнь христіанская подвергалась опасности совершенно утратиться, потому что люди предавались множеству худыхъ дѣлъ, убійствамъ, татѣбъ и тысячамъ

другихъ беззаконій, и своими пороками постепенно дѣлался даже хуже и нечестивыхъ. Въ такихъ одичавшихъ и огрубѣвшихъ сердцахъ христіанскихъ, священный Косма посылалъ сѣмя слова Божія, и, при содѣйствіи Божіей благодати, воздѣлалъ много великихъ плодовъ; свирѣпыхъ содѣлалъ онъ кроткими, разбойниковъ добрыми, безжалостныхъ и немилосердыхъ милосердыми, неблагоговѣйныхъ благоговѣйными, невѣжественныхъ и не понимавшихъ ничего божественнаго обучилъ и побудилъ ходить къ святымъ службамъ, однимъ словомъ, заколебавшихъ въ грѣхахъ привелъ въ великое покаяніе и исправленіе. Потому, всѣ стали говорить, что въ ихъ время явился новый Апостоль.

По наставленію его вездѣ, и въ большихъ и въ малыхъ селеніяхъ, заводимы были училища, въ которыхъ дѣти даромъ обучались священнымъ писменамъ, и чрезъ это утверждались въ вѣрѣ и благочестіи, руководились къ добродѣтельной жизни. Но его же убѣжденію богатые купили болѣе четырехъ тысячъ большихъ мѣдныхъ купелей, и во всегдашнее по себѣ поминованіе раздали ихъ по церквамъ, для благопримичнаго крещенія въ нихъ христіанскихъ дѣтей. Подобно сему Косма и всѣхъ, кто имѣлъ способы, убѣждалъ покупать отеческія книги, христіанскія поученія, четки, малые кресты, головныя покрывала, гребни; и книги раздавалъ онъ въ подарокъ тѣмъ, которые знали грамотъ, или обѣщались учиться; покрывалами (которыхъ было куплено свыше сорока тысячъ) надѣлалъ жещицъ, чтобы ходили съ покрытыми головами; гребни давалъ тѣмъ, которые обѣщали не брить во-

лось на головѣ (б) и жить добродѣтельно и похристіански; четками и крестами (которыхъ куплено болѣе пятидесяти тысячъ) обдѣлялъ простой народъ, приказывая всякому молиться за вкладчиковъ.

Блаженнаго Косму сопровождали до сорока или пятидесяти іереевъ. Когда намѣревался онъ изъ одной области перейти въ другую, — приказывалъ прежде христіанамъ исповѣдываться, поститься, совершать бдѣніе при множествѣ горящихъ свѣтильниковъ. Для сего были у него устроены деревянные подсвѣчники, изъ которыхъ на каждомъ можно было поставить до ста свѣчъ; подсвѣчники сіи разбѣгались, и онъ переносилъ ихъ съ собою съ одного мѣста на другое. Даромъ раздавались всѣмъ свѣчи, іерей совершалъ освященіе елея, всѣ христіане были помазуемы, въ заключеніе же Косма говорилъ проповѣдь. А поелику народъ слѣдовалъ за нимъ во множествѣ, по двѣ и по три тысячи человекъ: то съ вечера приказывалъ готовить по нѣскольку мѣшковъ съ хлѣбомъ и котловъ съ вареною пшеницей тамъ, гдѣ надлежало собраться народу; потомъ отправлялся туда въ путь; и такимъ образомъ, всѣ пользовались приготовленною пищею, и молились за живыхъ и за умершихъ.

Богъ и въ Албаніи, какъ и въ другихъ мѣстахъ, совершилъ чрезъ блаженнаго многія чудеса. Одинъ чиновный турокъ, побуждаемый или еврейми, или бѣсомъ, возымѣлъ такую ненависть къ святому,

(б) Какъ это дѣлають турки.

что однажды, съѣвъ на коня, пустился за нимъ въ слѣдъ съ намбрениемъ догнать и сдѣлать ему зло; но конь на бѣгу сбросилъ турка на землю, и онъ разшибъ себѣ правую ногу; воротившись же домой нашелъ умершимъ своего сына; поэтому, раскаялся, послалъ къ святому письмо и просилъ у него прощенья. Первые Агп изъ Филатовъ отправились видѣть святаго и слышать его проповѣдь; а какъ было тогда лѣто, остановились они на ночлегъ среди поля, и около пяти часовъ ночи видятъ, что небесный свѣтъ, подобно облаку, покрываетъ то мѣсто, гдѣ пребывалъ святой. О семъ сами они рассказывали христіанамъ. И утромъ пришедши къ святому, не устами только, но отъ всего сердца просили его помолиться о нихъ. Еще, одинъ чиновный турокъ страдалъ жестокою каменною болѣзнію. Услышавъ о святомъ, послалъ онъ раба своего пригласить Косму, чтобы пришелъ и помолится о немъ; ибо надѣялся, что по молитвѣ святаго изцѣлитъ его Богъ. Святой не соглашался идти, отзываясь, что онъ человекъ грѣшный. Турокъ въ другой разъ прислалъ раба съ сосудомъ воды, и вельѣ просить святаго, чтобы благословилъ воду. Тогда святой, видя великое благоговѣніе турка, далъ ему двѣ заповѣди: не пить водки, и раздать бѣднымъ десятую часть своего богатства; турокъ обѣщалъ исполнить это, Косма благословилъ воду; больной сталъ пить ее, въ сорокъ дней совершенно изцѣлился; и послѣ того подавалъ великія милостыни.

Противъ Фанарп, на мѣстѣ называемомъ Лукурисъ, владѣвшій симъ мѣстомъ турокъ, увидѣвъ крестъ,

поставленный святымъ по сказанному выше обычаю, потому что говорилъ тамъ проповѣдь, увидѣвъ, говорю, этотъ крестъ, взявъ его и понесъ къ себѣ въ домъ съ намѣреніемъ въ сторожку своего виноградника сдѣлать изъ него двѣ ножки къ кровати. Вдругъ, о чудо! дѣлается съ туркомъ странное какое-то потрясеніе; не въ-силахъ онъ устоять на ногахъ, падаетъ на землю, долгое время бьется, точить пѣну, скрежещетъ зубами, какъ бѣснующійся. Наконецъ, подняли его двое проходившихъ мимо турокъ; и когда пришелъ онъ въ себя, понялъ, что пострадалъ отъ Божія гнѣва за дерзкое покушеніе взять и увести честный крестъ. Поэтому, пошелъ и поставилъ его на томъ же опять мѣстѣ, гдѣ стоялъ прежде, и каждый день приходилъ лобызать оный съ великимъ благоговѣніемъ. Когда священникъ учитель Косма проходилъ тѣмъ мѣстомъ въ другой разъ,—турокъ пришелъ къ нему на поклоненіе, въ присутствіи всѣхъ разсказалъ чудо, и смиренно просилъ прощенія.

Поелику святой обличалъ женщинъ, носившихъ на себѣ наряды, и убѣждалъ, въ своихъ поученіяхъ, отложить всѣ убранства; то нѣкоторыя стали носить черное платье. Одна богатая женщина въ Корицѣ имѣла у себя сына и убирала ему голову множествомъ серебряныхъ монетъ и другими излишними нарядами. Святой неоднократно совѣтывалъ этой женщинѣ раздѣлить всѣ сіи уборы бѣднымъ дѣтямъ, ежели хочетъ, чтобы сынъ ея былъ живъ; но женщина не послушалась. Наконецъ, Косма говоритъ ей: «если не спинешь съ ребенка нарядовъ, то вскорѣ лишнешься его». Поелику же и въ этотъ разъ

не повиновалась она святому; то на слѣдующій день нашла сына своего въ постели мертвымъ; и тогда уже узнала, что Богъ наказалъ ее за непослушаніе.

Святѣй, куда ни приходилъ, училъ вездѣ христіанъ, по воскреснымъ днямъ не дѣлать торговъ, не заниматься работами, но ходить въ церковь и слушать тамъ святую службу и Божіе слово; и тѣхъ, которые не слушались въ этомъ святаго, Богъ вразумлялъ различными наказаніями. Такъ, въ мѣстечкѣ, называемомъ Халкіада, на одинъ часъ пути отъ Арты, одинъ купецъ осмѣлился торговать въ воскресный день, и вдругъ отнялась у него рука. Когда же пришелъ онъ къ святому, и испросилъ у него прощенія въ грѣхъ своемъ, — чрезъ нѣсколько дней изцѣлился. Подобнымъ образомъ, въ Паргѣ одинъ рабочій захотѣлъ работу свою продать въ воскресный день, и лишился за то употребленія руки. Исповѣдавъ же грѣхъ свой святому и выслушавъ отъ него наставленіе, вмѣстѣ съ прощеніемъ получилъ и изцѣленіе руки...

Блаженный Косма въ поученіяхъ своихъ много разъ говорилъ явно, что на евангельскую проповѣдь призванъ онъ самимъ Иисусомъ Христомъ, и что изъ любви ко Господу прольетъ кровь свою. Наконецъ, предсказаніе его пришло въ исполненіе. И сіе было слѣдующимъ образомъ. Апостольскій учитель сей ни въ Фессалии, ни въ Кастории, ни въ Яннинѣ, ни въ другихъ странахъ, гдѣ были евреи, никогда не отверзалъ устъ своихъ противъ нихъ, но училъ только христіанъ хранить правду и покорность тѣмъ властямъ, какія далъ Богъ. Сами албанцы, приходя туда, гдѣ святѣй училъ на открытыхъ поляхъ,

слышали это изъ усть его, и провозглашали его человекомъ Божиимъ. Посему и Курт-Паша, когда дошла до него добрая эта молва, потребовалъ Косму къ себѣ, и бесѣда святаго столько понравилась Пашѣ, что самую кафедру, которую, по сказанному выше, устроилъ себѣ святыи, чтобы учить съ нее народъ, велѣлъ обить бархатомъ. Но какъ въ предшествовавшіе вѣки лукавый этотъ родъ христоненавистниковъ евреевъ обнаруживалъ всегда крайнюю злобу на христіанъ; такъ и теперь жившіе въ Яннинѣ богоненавистные евреи, не терпя, что проповѣдуется въра и евангеліе Иисусъ Христово, наговорили Пашѣ, будто бы священныи Косма подосланъ и обольщаетъ турецкихъ подданныхъ, приглашая ихъ идти въ Россію. Божій Промыслъ сохранилъ Косму на сей разъ отъ такого смертоноснаго навѣта: но христіане потерпѣли при семъ значительныи ущербъ имѣній. Священныи же Косма началъ съ сего времени обличать лукавство и непримиримую ненависть евреевъ къ христіанамъ. И какъ ясно было доказано, что все, въ чемъ евреи обвѣщали передъ Пашею святаго, было чистою выдумкою и явною клеветою; то снова пришелъ онъ въ Яннину. И во-первыхъ, убѣдилъ христіанъ, чтобы день общаго торга перенесли съ воскресенья на субботу, а это евреямъ причинило великій убытокъ. Во-вторыхъ, провозглашалъ евреевъ явными врагами, готовыми дѣлать христіанамъ всякое зло и во всякое время. Въ-третьихъ, запрещалъ христіанамъ посѣть на головахъ своихъ длинныя кисти и все тому подобное, что покупали они у евреевъ, и внушалъ, что богоубійцы оскверняютъ все, что ни продаютъ христіанамъ, и потому,

ничего не должно покупать у евреевъ. Раздраженные симъ евреи пошли къ Курт-Пашъ, дали ему много мѣшковъ денегъ, и просили, чтобы лишилъ святаго жизни. Паша, посоветовавшись съ своимъ хотзою (в), положилъ въ мысляхъ при посредствѣ его умертвить Косму. Сіе и было такимъ образомъ. Святой имѣлъ обычай, какъ-скоро приходилъ куда, брать сперва дозволеніе у мѣстнаго архіерея и у намѣстниковъ его, а также кого-либо изъ христіанъ посылалъ за дозволеніемъ и къ гражданскимъ начальникамъ; и послѣ сего проновѣдовалъ уже безпріятственно. Такъ, пришедши въ одно албанское селеніе, называемое Коликонтаси, взялъ дозволеніе у мѣстнаго архіерея; развѣдавъ же о мѣстопребываніи гражданскихъ начальниковъ, и узнавъ, что главный мѣстный правитель Курт-Паша находится въ селеніи, называемомъ Берати и отстоящемъ на двѣнадцать часовъ пути, а хотза сего Паша живетъ близко, послалъ къ послѣднему испросить и у него дозволеніе, и началъ учить. Однакоже, не удовольствовавшись симъ, искалъ онъ случая, чтобы самому увидѣть хотзу и удостовѣриться въ его расположеніи. Христіане долго удерживали отъ сего Косму, говоря: «ты никогда не дѣлалъ сего прежде и не ходилъ самъ къ агарянскимъ начальникамъ просить у нихъ дозволенія»; однакоже, не могли удержать его. Святой, сказавъ, что не измѣнитъ своего намѣренія, беретъ съ собою четырехъ иноковъ и одного іерея, который могъ бы служить переводчикомъ, и отправляется къ хотзѣ. Хотза притворно говоритъ,

(в) Домашній учитель веры.

что есть у него письмо отъ Курт-Паши, по которому приказано отослать Косму къ Пашѣ для собесѣдованія, и потому, даетъ приказъ своимъ держать святаго подъ стражею, и пока не будетъ отосланъ къ Пашѣ, не дозволить ему сходить со двора. Тогда благословенный сей учитель понялъ, что намѣреваются умертвить его, и за сіе прославилъ и возблагодарилъ Владыку Христа, дарующаго ему возможность теченіе апостольской своей проповѣди увѣнчать мученичествомъ. Обращаясь къ спутникамъ своимъ инокамъ, говоритъ онъ словами псалма: *проридохомъ сквозъ огонь и воду, и извелъ еси ны въ покой* (Псал. 65, 12.). И всю ночь славословя Господа во псалмахъ, не показываетъ даже признака скорби о томъ, что долженъ лишиться жизни, но съ радостнымъ взираетъ лицомъ, какъ будто идетъ на веселіе и ликованіе. Какъ же скоро наступилъ день,—семь человекъ агарянъ взяли и посадили его на коня подъ предлогомъ представить Курт-Пашѣ. Но черезъ два часа пути подводятъ къ большой рѣкѣ и объявляютъ ему приказъ Курт Паши предать его смерти. Святой съ радостію выслушалъ такое опредѣленіе, и преклонивъ колѣна, началъ молиться Богу, благодаря и прославляя Его за то, что, какъ всегда желала душа его, изъ любви ко Господу приносить теперь въ жертву Ему жизнь свою. Совершивъ молитву, встаетъ онъ, крестовидно благословляетъ всѣ четыре страны міра, и молится о всѣхъ христіанахъ, чтобы хранили наставленія его. Мучители сажаютъ его у одного дерева, хотятъ связать ему руки; но святой не допускаетъ ихъ до сего, говоря, что не воспротивится, но самъ будетъ

держатъ руки крестъ на крестъ , какъ связанныя. Потомъ приложилъ онъ священную главу свою къ дереву; мучители обвязали веревкою шею его и удавили его, а святая душа его воспарила на небеса. Такъ, троблаженный Косма — сіе достопамятное украшеніе міра, и какъ равноапостольный , и какъ священномученикъ сподобился пріять отъ Господа сугубый вѣнецъ, на шестьдесятъ пятомъ году жизни.

Честныя же мощи его обнаживъ повлекли и съ большимъ камнемъ на шеѣ бросили агаряне въ рѣку. Христіане, узнавъ о семъ, вскорѣ пришли отыскать мощи, опускали въ рѣку съѣти, употребляли и другіе способы, но мощей найдти не могли. Чрезъ три дня одинъ благоговѣйный іерей , по имени Маркъ , изъ находящагося близъ селенія Коликонтаси Ардевузскаго монастыря Введенія Пресвятыя Богородицы, на однопарусной ладіѣ, сотворя крестъ, отправился на поиски, и вскорѣ — о чудо! видитъ, что святыя мощи плаваютъ поверхъ воды, и преподобный, какъ живыи, стоитъ въ прямомъ положеніи. Маркъ немедленно приближается къ мощамъ, объемлетъ и извлекаетъ ихъ изъ воды. Когда же поднялъ онъ мощи,—изъ медоточивыхъ устъ святаго истекло въ рѣку много крови. Іерей, прикрывъ мощи своею рясою, перенесъ ихъ въ упомянутый выше Богородичный монастырь, и честно предалъ погребенію позади святаго алтаря.

По кончинѣ святаго происходило слѣдующее. Курт-паша, раскаявавшись много о томъ, что введенъ былъ въ обманъ и ради суетной корысти умертвилъ челоуѣка невиннаго и миролюбиваго, велѣлъ отпустить монаховъ , сопровождавшихъ святаго , въ

упомянутый выше Богородичный монастырь, где и назначилъ имъ пребываніе. Монахи, пришедши туда, нашли уже мощи святаго погребенными, и чтобы болѣе удостовѣриться въ страдальческой его кончинѣ, вмѣстѣ съ другими іереями и христіанами откопали гробъ и нашли, что хотя мощи три дня были въ рѣкѣ, какъ Іона въ китовомъ чревѣ, однакоже, не имѣли на себѣ никакихъ признаковъ тлѣнія и благоухали, и святой казался будто почивающимъ. Облобызавъ благоговѣйно святыя мощи снѣ, снова предали ихъ погребенію.

Прилучилось же въ это время находиться тамъ одной бѣсноватой женщины, изъ дамскихъ мѣстъ слѣдовавшей за святымъ при жизни его и желавшей себѣ изцѣленія. Какъ-скоро увидѣла она, что гробъ святаго открытъ, — сильно потрясъ ее бѣсъ, и въ скоромъ потомъ времени совершенно изцѣлилась она, славя Бога и святаго. Нѣкто изъ агарянъ на томъ мѣстѣ, гдѣ умертвили святаго, взявъ камплавку его, и возвращаясь къ хотзѣ, надѣлъ ее себѣ на голову и пересмѣхалъ святаго; вдругъ сталъ онъ бѣсноватымъ, сбросилъ съ себя одежды свои, и бѣгалъ крича, что онъ убилъ подвижника. Почему, Паша, узнавъ о семъ, велѣлъ свергнуть его въ узы, и тамъ въ мученіи псустилъ онъ духъ.

Святой, въ упомянутомъ выше селеніи Коликонтаси сказавъ послѣдною проповѣдь, оставилъ тамъ по обычаю водруженный въ землю крестъ. По кончинѣ его христіане видѣли каждую ночь небесный свѣтъ, сіявшій надъ симъ крестомъ. Почему, въ день оздвиженія Честнаго Креста іереи и народъ съ крестнымъ ходомъ пришли туда, и взявъ оный крестъ,

поставили позади алтаря близъ гроба святаго во всегдашнее напоминаніе о чудѣ.

Когда ученики святаго, получивъ совершенную свободу отъ Паши, открыли мощи святаго, тогда нѣкоторые изъ нихъ взяли съ собою части сихъ мощей и разнесли ихъ по разнымъ мѣстамъ, и отъ тѣхъ святыхъ мощей многіе недужные получили изцѣленіе. Особливо, на островѣ Наксін, когда два ученика святаго, пришедшіе туда съ извѣстіемъ о страданіи его къ начальнику тамошняго училища священноучителю Хрисанѣу, брату священномученика, принесли съ собою и нѣсколько волосъ изъ браны святаго, одна женщина, въ такъ называемомъ новомъ селеніи, бывшая въ самомъ тяжкомъ и смертельномъ недугѣ, пріявъ съ благоговѣніемъ волосы сіи, вдругъ ощутила въ себѣ сверхъестественную силу, и вскорѣ получила совершенное здравіе, по молитвамъ святаго священномученика Космы. Его молитвами да сподобимся и мы небеснаго царствія! Амнь.



ВЪ РЕДАКЦІИ ИЗДАВАНІЯ ТВОРЕНІЙ СВ. ОЦЕВЪ

и въ Канцеляріи Правленія
МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ
ПРОДАЮТСЯ КНИГИ:

1. ТВОРЕНІЯ СВ. ГРИГОРІЯ ВОГОСЛОВА въ русскомъ переводѣ часть 5-я Цѣна съ пересылкою. 1 р. 50 к. сер.
 2. — — часть 6-я Цѣна та-же. 1 р. 50 к. —
 3. СВ. ІОАННА ДѢСТВИЧНИКА ДѢСТВИНА и Слово къ Пастырю, переводъ съ греческаго. Цѣна съ пересылкою. 1 р. 50 к. —
 4. ПРЕПОДОБНАГО ОЦА НАШЕГО МАКАРІЯ ЕГИПЕТСКАГО духовныя Бесѣды, Посланіе и Слова, съ присовокупленіемъ свѣдѣній о жизни его и писаніяхъ, переводъ съ греческаго. Цѣна съ пересылкою. 2 р. —
 5. УКАЗАТЕЛЬ КЪ СЛОВАМЪ И РЪЧАМЪ ВЫСОКОПРЕСВЯЩЕННЬШАГО ФИЛАРЕТА, МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО, составленный по изданію въ 3-хъ томахъ, въ Москвѣ, 1844—1845 г. Цѣна 30 к. — на пересылку прилагается за 1 фунтъ.
 6. Достопамятныя сказанія о подвижничествѣ святыхъ и блаженныхъ Оцевъ. Цѣна. 1 р. 30 к. — на пересылку прилагается за 2 фунта.
 7. Исторія Русской Церкви Филарета, Епископа Харьковскаго, періодъ первый, изданіе 2-е, Харьковъ, 1850 г. Цѣна съ пересылкою. 1 р. 30 к. —
 8. Историко-статистическое описаніе Харьковской епархіи Цѣна съ пересылкою. 1 р. —
 9. Слова на Воскресные дни Кирилла, Архіепископа Подольскаго, 1841 г. Москва. Цѣна. 1 р. 40 к. —
 10. Предъизображеніе Господа нашего Иисуса Христа и Церкви Его въ Вѣтхомъ Заветѣ. Цѣна. 1 р. —
 11. Жизнь св. Авапасія, Архіепископа Александрійскаго Ц. 50 к. — на пересылку прилагается за 1 фунтъ.
 12. Разсужденія: О ересяхъ и расколахъ въ Россіи. Ц. . 75 к. — на пересылку прилагается за 2 фунта.
 13. — О христіанскомъ мученичествѣ 40 к. —
 14. — О христіанскихъ путешествіяхъ. 15 к. —
 15. — О Владыкѣ Назарьевомъ (Мнх. 5, 2) 7 к. —
 16. — О Муромозаніи 15 к. —
 17. — Объ епитиміяхъ 15 к. —
 18. — О Божествѣ Сына Божія 20 к. —
 19. — О Крестныхъ ходахъ Православной Церкви . . . 20 к. —
 20. — О поведеніи первенствующихъ христіанъ въ отношеніи къ язычникамъ. 35 к. —
 21. — О поминовеніи усопшихъ. 25 к. —
 22. — О Литургіи преждеосвященныхъ Даровъ 50 к. —
 23. Преосвященный Тихонъ, 1-й Епископъ Воронежскій и Елецкій. 40 к. —
 24. Святый Аелъ, Папа Римскій 30 к. —
 25. Исторія Флорентійскаго Собора 50 к. —
- На пересылку 13 сочиненій, вмѣстѣ, прилагается за 10 фунт.
26. Святый Димитрій, Митрополитъ Ростовскій. 1 р. —
- На пересылку прилагается за 2 фун.

СОДЕРЖАНІЕ.

ТВОРЕНІЯ СВ. АѦАНАСІЯ, АРХІЕПИСКОПА АЛЕКСАНДРІЙСКАГО.

	стр.
1. 17. На аріанъ слово второе.	255.
2. 18. На аріанъ слово третье.	380.
3. 19. На аріанъ слово четвертое.	478.

П Р И Б А В Л Е Н І Я .

1. Слово, въ день обрѣтенія святыхъ мощей преподобнаго и богопоснаго Отца нашего Сергія, говоренное Синодальнымъ Членомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Филаретомъ, Митрополитомъ Московскимъ и Коломенскимъ, Юля 5 дня 1852 года.	345.
2. Его-же бесѣда на праздниство Успенія и въ третій день явленія Божіей Матери Апостоламъ, говоренная въ Гебенманскомъ скитѣ, Августа 17 1852 года.	353.
3. О различіи ученія протестантскаго отъ истинъ православія.	359.
4. О конечныхъ причинахъ, письмо V.	382.
5. Последніе дни Спасобородиной Игуменіи Маріи.	458.
6. Бесѣда на освященіе храма святаго Апостола Филиппа на Іерусалимскомъ въ Москвѣ подворьѣ, говоренная Синодальнымъ Членомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Филаретомъ, Митрополитомъ Московскимъ и Коломенскимъ.	461.
7. Подвижники вѣры на Востоке послѣ паденія имперіи греческой.	467.

С Л О В О,

ПО ОСВЯЩЕНІИ ХРАМА ПОКРОВА ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ, ВЪ МОСКОВСКОМЪ ТЮРЕМНОМЪ ЗАМКЪ, ГОВОРЕННОЕ СУНОДАЛЬНЫМЪ ЧЛЕНОМЪ, ВЫСОКОПРЕСВЯЩЕННѢЙШИМЪ ФИЛАРЕТОМЪ, МИТРОПОЛИТОМЪ МОСКОВСКИМЪ, СЕНТЯВРЯ 18 ДНЯ, 1852 ГОДА.

Стояше Іисусъ, и зваше глаголя: аще кто жаждетъ, да приидетъ ко Мнѣ, и пьетъ. Іоан. 7, 37.

Среди храма іерусалимскаго стоялъ Христосъ Спаситель, и къ наполнявшему оный, по причинѣ великаго праздника, народу простиралъ сіе воззваніе: *аще кто жаждетъ, да приидетъ ко Мнѣ, и пьетъ.* Кто не почувствовалъ бы жажды при семъ воззваніи, если бы и не чувствовалъ ея прежде? Кто не желалъ бы приблизиться ко Христу, и вкусить питія, которое Онъ подаетъ?

Для чего благочестивое усердіе трудилось благоустроить и благоукрасить храмъ сей? Для чего священноначаліе подвизалось въ молитвахъ и тайнодѣйствіи, чтобы освятить оный? Не для того ли, чтобы онъ былъ домомъ Божиимъ, обителію благо-

Ч. XI. 32

датнаго присутствія Христова, чтобы здѣсь можно было приближаться ко Христу, и причащаться даровъ Его?

Итакъ, съ тою минутою, когда провозглашено вступленіе сюда Царя славы, не пришелъ ли дѣйствительно Христосъ Спаситель? Не стоитъ ли Онъ здѣсь невидимо? Не простираетъ ли къ душамъ, слышимо для *имѣющихъ уши слышати*, неслышимо для *одебелъвшихъ сердецъ*, — не простираетъ ли и здѣсь Своего іерусалимскаго воззванія: *еще кто жаждетъ, да придетъ ко Мнѣ, и пьетъ?*

Аще кто жаждетъ. Дѣло идетъ, конечно, не о тѣлесной жадѣ, для утоленія которой есть довольно рѣкъ, источниковъ и водоемовъ, и потому, нѣтъ нужды въ чрезвычайномъ указаніи, куда идти для утоленія оной. Итакъ, должно заключить, что дѣло идетъ о жадѣ душевной, о желаніяхъ сердца, неуспокоенныхъ внутренно, неудовлетворенныхъ отвнѣ.

Аще кто жаждетъ. Сіе условное и раздѣлительное выраженіе подаетъ поводъ думать, что есть жаждущіе, и есть такіе, которые не имѣютъ жажды, или не довольно сознаютъ ее притупленнымъ чувствомъ, или заглушаютъ ее ложнымъ удовлетвореніемъ. Въ семъ отношеніи надобно намъ испытать себя, въ какомъ находимся мы состояніи, и что намъ дѣлать, чтобы не умереть отъ неутоленной жажды, или отъ утоленія ея погрѣшительнаго и вредоноснаго.

Нашъ умъ требуетъ познанія истины. Это его гладъ и жажда, — такое же требованіе природы, какъ требованіе пищи и питія тѣломъ. Что-жь? Удовлетворяетъ ли природа требованію разумной

природы? Есть люди, которыхъ неудобно и спрашивать о семъ: потому что у нихъ дѣйствуетъ чувство, память, воображеніе, чувственная мысль, чувственное желаніе; а собственно умъ спитъ или дремлетъ, и они не сознають, или очень слабо сознають, чего онъ требуетъ, и чего ему недостаетъ. Спросимъ людей, которыхъ умъ кажется пробужденнымъ, которые называются образованными, какихъ-нибудь авинянъ. За нихъ отвѣчаетъ намъ, лично наблюдавшій ихъ, Апостоль, что они *ни во чтоже ино упражняхуся, разве глаголати что, или слышати новое* (Дѣян. 17, 21.). Что это значить? Тѣ, что для утоленія жажды любознательности они не могли или не умѣли найдти ничего болѣе, какъ только капли новостей, которыя всегда оставляли неутоленную жажду. Спросимъ болѣе основательныхъ искателей знанія; спросимъ любомудрствующихъ. Одинъ изъ достойнѣйшихъ довѣрія между ими признался, что усиленіемъ любомудрствованія онъ достигъ одного только познанія; онъ узналъ, что ничего не знаетъ. То-есть, онъ узналъ, что имѣетъ жажду, и не нашель, чѣмъ бы удовлетворить ей. Спросимъ еще болѣе достовѣрнаго изслѣдователя; послушаемъ, что говорить Премудрый Соломонъ. *Сердце мое вдахъ, еже видѣти премудрость и разумъ; и сердце мое видѣ многая, премудрость и разумъ, припчи и хитрость: уразумѣхъ азъ, яко и сіе есть крушеніе духа. Яко во множество мудрости множество досады; и приложивый разумъ приложитъ бользнь* (Еккл. 1, 17. 18.). Иначе сказать: кто болѣе домогается удовлетворить жаждѣ знанія; тотъ болѣе страдаетъ жаждою: потому что чѣмъ болѣе

человѣкъ познаеть, тѣмъ болѣе усматриваетъ, какъ мало познанное всравненіи съ непознаннымъ и недоступнымъ познанію.

Наша воля по своей природѣ жаждетъ добра и правды. Найдеть ли человѣкъ полное удовлетвореніе сей жаждѣ въ самомъ себѣ? — Нѣтъ, отвѣчаетъ премудрый и опытный Соломонъ, *нѣсть человѣкъ праведенъ на земли, иже сотворитъ благое, и не согрѣшитъ* (Еккл. 7, 21.). Найдеть ли окрестъ себя? — Нѣтъ, отвѣчаетъ и на сіе Соломонъ, *обратихся азъ, и видѣхъ вся оклеветанія бывающая подъ солнцемъ, и се слезы оклеветанныхъ, и нѣсть имъ утѣшающаго* (Еккл. 4, 7.). Сей Соломонъ, который нѣкогда явился чудомъ правосудія, видитъ, что онъ не въ-силахъ совершенно удовлетворить жаждѣ правосудія.

Сердце человѣческое жаждетъ пріязни и любви. Это также требованіе природы: потому что природа человѣка создана по образу Божію; а *Богъ есть любовь* (1 Іоан. 4, 8.), какъ сказуетъ глава богослововъ. Сохраняя глубоко положенныя черты сего образа, сердце человѣческое ищетъ любви искренней, безкорыстной, неизмѣнной, свободно соединяющей души, а не порабощающей, возвышающей въ духѣ, а не низвергающей въ чувственность, чистой, святой: но часто ли находятъ ее? Не чаще ли встрѣчаетъ равнодушіе, холодность, подъ призракомъ любви самолюбіе или своекорыстіе, измѣну, зависть, ненависть, вражду? Нѣкоторые же, или не понявъ требованій своего сердца, или отчаясь удовлетворить имъ, низлагаютъ священное имя любви, называя любовію пожеланія чувственныя, влеченія, которыя

нимало не возвышаютъ чловѣка надъ безсловесными; и нездоровую жажду думаютъ утолить изъ чаши нечистыхъ наслажденій, и поздно узнаютъ, что ~~они~~ не здоровое питіе, а одуряющее и отравляющее.

Все существо чловѣческое жаждетъ блаженства. И это не преувѣличенное требованіе. Если агнецъ на пажити играетъ въ чувствѣ довольства и удовольствія; если птичка на вѣткѣ поетъ свою радость и благополучіе: то высшая природа чловѣка не должна ли требовать болѣе, нежели что имѣютъ овца и птица? Не должна ли требовать блаженства? Гдѣ же оно? Слышали мы, что оно было въ раю: но кто нашелъ его на земли, въ естественной жизни земнаго чловѣка? Чтобы чловѣкъ могъ быть блаженъ, для сего надобно, чтобы жаждѣ ума его удовлетворено было истинною, жаждѣ воли добротъ и правдою, жаждѣ сердца чистою любовью: но доколь снмъ видамъ жажды недостаетъ полного удовлетворенія, доколь и блаженство можетъ быть для него только предметомъ жажды, а не наслажденія.

Послѣ сихъ размышленій, что скажемъ мы на условіе воззванія Христова: *еще кто жаждетъ?* Скажетъ ли кто: я не жажду? или: я имѣю, чѣмъ утолить мою жажду? Не лучше ли признаться всѣмъ, что мы жаждемъ, и что не находимъ ни въ себѣ того, что бы утолило нашу жажду, ни въ окружающемъ насъ мірѣ того, что бы ей удовлетворило? Если же такъ: то благоразуміе требуетъ, чтобы мы, какъ можно дѣятельнѣе, какъ можно вѣрнѣе послѣдовали воззванію Христову: *еще кто жаждетъ, да придетъ ко Мнѣ, и пьетъ.*

Итакъ, души жаждущія, придите ко Христу. Онъ единъ можетъ утолить вашу жажду истины: *ибо Самъ есть истина* (Іоан. 14, 6.), *въ Немъ суть вся сокровища премудрости и разума сокровена* (Кол. 2, 3.), Онъ *изъ тмы насъ призываетъ въ чудный Свой свѣтъ* (1 Петр. 2, 9.).

Придите ко Христу. Онъ единъ можетъ удовлетворить вашей жадъ добра и правды: потому что Онъ *есть агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра* (Іоан. 1, 29.); Онъ *кровію Своею очищаетъ совесть нашу отъ мертвыхъ дѣлъ* (Евр. 9, 14.); Онъ *подаетъ намъ Божественныя силы, яже къ животу и благочестію* (2 Петр. 1, 3.); Онъ *побѣдилъ міръ,* (Іоан. 16, 33.) *и даруетъ и намъ побѣду надъ всякою неправдою міра* (1 Кор. 15, 57.).

Придите ко Христу. Онъ единъ можетъ утолить вашу жажду истинной любви: потому что *мы любимъ Его, яко Той первѣ возлюбилъ есть насъ* (1 Іоан. 4, 19.); потому что Онъ *даруетъ Духа Святаго, и любви Божія изливается въ сердца наша Духомъ Святымъ даннымъ намъ* (Римл. 5, 5.), — любовь, которая объемлетъ и враговъ, и потому не стѣсняется ничѣмъ, ей противнымъ.

Придите ко Христу. Онъ утолитъ и вашу жажду блаженства, изъ неистощимой чаши блаженства вѣчнаго. Не смущайтесь тѣмъ, что и самъ Онъ некогда въ предсмертныхъ страданіяхъ воззвалъ: *жажду*; но тѣмъ паче утверждайтесь въ упованіи. Онъ для того принявъ участіе въ мученіи вашей жадъ, чтобы вы отъ Него приобщились сладости удовлетворенія жадъ духовной.

Приступайте ко Христу въ Церкви Его. Приближайтесь къ Нему вѣрою, молитвою, любовію. Пійте свѣтъ истины и жизнь благодати и правды изъ Его заповѣдей, изъ Его евангелія, изъ Его таинствъ.

Наконецъ, не поискать ли намъ особаго утоляющаго слова для особаго рода жаждущихъ, обитающихъ окрестъ сего храма? — Вѣроятно, всѣ вы страдаете одною жаждою, — жаждою освобожденія отсюда. Чтò же скажу вамъ? Не лъзя вдругъ удовлетворить вашей жадѣ тѣмъ образомъ, какимъ бы вы желали. Но подумайте, что бывали въ темницахъ люди, которые не страдали, или очень легко страдали жаждою освобожденія. Іосифъ въ темницѣ египетской былъ какъ хозяинъ, *вся бо была съ рукахъ Іосифовыхъ* (Быт. 39, 23.); Апостоль Петръ въ темницѣ іерусалимской въ навечеріи суда смертнаго почивалъ спокойно, какбы у себя въ домѣ; Апостолы Павелъ и Сила въ филиппійской темницѣ благодушно *пояху Бога* (Дѣян. 16, 25.), какбы въ церкви. Почему такъ? Потому что они были невинны, — потому что Христось былъ съ ними, какъ именно написано о Іосифѣ: *блже Господь со Іосифомъ, и возлія на него милость* (Быт. 39, 21.). Если и сюда нѣкоторыхъ изъ васъ невинныхъ привела испытующая судьба Божія: смотрите на сіи примѣры; прибѣгайте ко Христу, и уповайте, что будетъ *Господь съ вами*, и, ранѣе или позже, *возліетъ на васъ милость*. А если у васъ лежитъ на совѣсти тяжесть вины: то разсудите, было ли бы для васъ благомъ скорое и легкое освобожденіе отсюда. Тяготьющая на совѣсти вашей неправда, и болѣе или менѣе томящая жажда правды, или то-

ска по утраченной честности и добродѣтели, пошла бы отсюда съ вами, и кто знаетъ, не стали-ль бы вы утолять сію жажду огнемъ вмѣсто воды, то-есть, новыми неправдами, вмѣсто покаянія? И, такимъ образомъ, не обратилась ли бы, наконецъ, утопмая жажда ваша въ ту огненную и неугасимую, въ которой человекъ, искавшій пить отъ воды благодати вовремя земной жизни, за гробомъ искалъ для своего языка перста омоченнаго въ водѣ, но искалъ тщетно? Заботьтесь лучше утолить не жажду внѣшняго освобожденія, но жажду внутренняго разрѣшенія отъ узъ грѣховъ и преступленій. Не допустите разгорѣться въ васъ палящей жаждѣ отчаянія, но, угашая ее слезами покаянія, притекайте ко Христу, Который хочетъ отъ васъ не нерадѣнія во глубинѣ золь и отчаянія, но покаянія и надежды: *прииде бо Сынъ человѣческой взыскати и спасти погибшаго* (Матѳ. 18, 11.). Аминь.



Б Е С Ъ Д А,

НА ОБНОВЛЕНИЕ ХРАМА СВЯТЫХЪ АПОСТОЛОВЪ
ПЕТРА И ПАВЛА ПРИ І МОСКОВСКОМЪ КАДЕТСКОМЪ
КОРПУСЪ, ГОВОРЕННАЯ СИНОДАЛЬНЫМЪ ЧЛЕНОМЪ,
ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШИМЪ ФИЛАРЕТОМЪ, МИ-
ТРОПОЛИТОМЪ МОСКОВСКИМЪ, ОКТЯБРЯ 18 ДНЯ
1852 ГОДА.

*Господи, возлюбихъ благолюбіе дому Твоего, и
мѣсто селенія славы Твоея. Пс. 25, 8.*

Пріятно—читать сіи благочестивыя слова въ книгѣ
Царя-Пророка: и особеннымъ образомъ пріятно —
видѣть сіе благочестивое чувство написаннымъ на
самомъ храмѣ, и на сердцахъ людей, призванныхъ
быть живыми храмами Божиими.

Не сіе ли чувство любви къ дому Божию подни-
глось въ сердце Благочестивѣйшаго Царя нашего,
когда онъ, видя сей храмъ уже ненеблаголюбнымъ,
не умолчалъ однако, что еще требовались бы нѣко-
торыя черты къ возвышенію его благолюбія?

И на Царское слово свободно отозвалось вѣрно-
подданническое благоговѣніе къ Царскому слову,
вмѣстѣ съ любовію къ дому Божию: и Царское слово
исполнено, и благолюбіе храма сего возвышено.

Чему, какъ не тойже любви къ дому Божию,
должно приписать и то, что братія сего храма

пзъявили настоящее желаніе, чтобы обновленіе сего храма совершилось молитвами не одного священнослужителя, но собора церковнаго? — Такъ понято ваше желаніе; и потому, съ утѣшеніемъ исполнено.

Предложимъ ли взаимно вамъ и наше желаніе? — Желаемъ, чтобы ваша любовь къ дому Божію не прильпiała къ видимому только его благольпію, но чтобы простиралась къ его благольпію невидимому, духовному, Божественному.

Вслушаемся внимательнѣе въ слово Пророка: *Господи, возлюбихъ благольпіе дому Твоего и мѣсто селенія славы Твоея. Храмъ Божій любезенъ ему: потому что благольпенъ. Но чѣмъ благольпенъ и любезенъ? — Не однимъ блескомъ видимыхъ украшеній, хотя и сіи могутъ имѣть полезное дѣйствіе на чувство благоговѣнія, но наипаче тѣмъ, что онъ есть домъ Божій и мѣсто селенія славы Божіей, что въ немъ живетъ Богъ и Его Божественная слава. Примѣтите, что, по разумѣнію Пророка, храмъ есть мѣсто не временнаго только и преходящаго явленія, но постояннаго селенія славы Божіей. Слава Божія не тогда только была во храмъ, когда ее видѣли, въ чудесномъ облакѣ освѣщающемъ, въ небесномъ огнѣ ниспадающемъ на жертвы, какъ было во дни Моисея и Соломона, но она пребываетъ въ немъ всегда. Не видитъ ее пыльное око, но чувствуетъ ея присутствіе върующее сердце, и сіе чувство исторгается изъ сердца въ словъ восторга: *Господи, возлюбихъ благольпіе дому Твоего и мѣсто селенія славы Твоея.**

Если мы не обрѣтаемъ въ себѣ сего внутренняго, живаго, сладостнаго, Давидова чувства присутствія Божія и славы Божіей во храмъ : то это нашъ недостатокъ, — недостатокъ вниманія , благоговѣнія , разумнѣя , вѣры. Это подобно тому, какъ человѣкъ съ тупымъ зрѣніемъ среди свѣта не чувствуетъ ясности свѣта, какъ человѣкъ съ притупленнымъ обоняніемъ среди благоуханія не чувствуетъ благоуханія.

Чтобы сердце отверзлось для ощущенія присутствія Божія и славы Божіей во храмъ , для сего надобно прилежно внимать уму храму, какъ жилищу истины Божіей, святыни Божіей, благодати Божіей, какъ дому молитвы.

Каждый день, въ каждый церковный часъ, что слышите вы во храмъ, какъ не истину Божию? Онъ и поетъ и говоритъ о Богъ Творць , Промыслитель , Спаситель , о нашихъ къ Нему обязанностяхъ , о нуждѣ и средствахъ нашего спасенія , о покаяніи , вѣрѣ , надеждѣ , любви , о благодѣланіи. Будь только внимателенъ и неразсыянъ : и спасительная истина проникнетъ тебя, и дастъ тебѣ ощутить свою сладость и силу.

Для чего , такъ сказать , усиленное соединеніе средствъ и способовъ сообщить трапезъ или престолу храма высокій степень освященія, — освященная вода и вино, святое миропомазаніе, многія тайнодѣйственныя молитвы, положеніе святыхъ мощей? Не для того ли, чтобы содѣлать сію трапезу, сколь возможно, достойнымъ престоломъ святыни собственно Божіей? Поэтому и дается ей наименованіе престола, что на ней, какъ на царскомъ престолѣ, присутствуетъ Царь славы, Богочеловѣкъ Іисусъ Христосъ, въ Божествен-

номъ словъ Евангелія Своего, въ спасительномъ знаменіи креста Своего, въ Божественномъ таинствѣ тѣла и крови Своея. Итакъ, если ты не могъ бы не благоговѣть предъ небеснымъ престоломъ славы : то можешь ли не благоговѣть и предъ симъ ? Ибо на томъ и на семъ единъ и тойжде Царь славы Христосъ.

Но для чего святыня и слава Божія нисходитъ отъ горнихъ въ дольняя, отъ безпредельнаго неба въ тѣсный земный храмъ ? Очевидно не для себя, но для тебя, молитвенника храма, для того, чтобы явиться тебѣ сообщающеюся благодатию, чтобы отъ святилища преподавать тебѣ благодатный свѣтъ, силу и освященіе. Отверзай только для сего сердце твое искреннею молитвою и несомнѣнною вѣрою.

Желая себѣ и вамъ привить душеполезную Давидову любовь къ дому Божію, воспоминаю еще одно его изреченіе : *изволихъ приметатися въ дому Бога моего паче, неже жити ми въ селеніихъ грѣшничихъ* (Псал. 83, 11.). То-есть : желаю лучше повергать себя у прага дому Божія, нежели жить съ удобствомъ и удовольствіемъ въ жилищахъ грѣшниковъ. Изреченіе многовразумляющее. Не потому ли между-прочимъ онъ такъ сильно чувствовалъ любовь къ дому Божію, такъ крѣпко и смиренно прильпаясь къ нему, что не любилъ жить въ селеніяхъ грѣшничихъ, и наслаждаться ихъ удовольствіями ? Не потому ли, напротивъ, некоторые изъ насъ, и, можетъ быть, многіе холодны къ дому Божію, что слишкомъ любятъ селенія грѣшничіи, обиталища суетныхъ забавъ и чувственныхъ наслажденій ? Помысли, безсмертная душа, что селенія грѣшничіи скоро разрушатся, не-

глыють или сгорят въ преисподнемъ огнѣ : а домъ Божій съ живущими въ немъ и любящими его перенесетя на небо. Избери лучшее и надежнѣйшее ; избери рѣшительно ; возлюби домъ Божій съ его святынею и благодатию, съ его молитвою и духовнымъ ученіемъ и не позволяй себѣ увлекаться исчезающею прелестию селеній грѣшнѣщихъ. Аминь.



О ЕДИНСТВѢ РОДА ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО.

Апостолъ Павелъ, указывая въ Ареопагѣ мудрымъ аѳинскимъ на доступные естественному разуму способности богопознанія, обращаетъ ихъ вниманіе на распредѣленіе происшедшихъ отъ единой крови племенъ человѣческихъ по всей землѣ, какъ на вразумительное дѣйствіе премудрости Божіей, могущее возводить людей къ познанію и възысканію Господа своего, Творца и Промыслителя. *Богъ, говоритъ онъ, сотворивый міръ... сотворилъ есть отъ единыхъ крове весь языкъ человѣчь, жити по всему лицу земному уставивъ предучиненая времена и предѣлы селенія ихъ; възыскати Господа, да поне осяжутъ Его и обрящутъ, яко недалеко отъ единого когосждо насъ суща* (Дѣян. 17, 26. 27.). Въ самомъ дѣлѣ, рассматривая предѣлы селенія на землѣ, назначенные для каждаго племени, мы видимъ, какъ внешняя природа вездѣ служитъ благу человѣка, какъ въ каждой странѣ приготовлены средства для жизни соот-

вѣтственной потребностямъ населяющихъ ее племя, и какъ въ самомъ мѣстообитаніи, въ силахъ природы постоянно и разнообразно дѣйствующихъ лежатъ средства возбужденія и пособія къ осуществленію тѣхъ высшихъ цѣлей и предначертаній, выполненіе коихъ предназначено тому или другому народу, — видимъ и убѣждаемся, что Богъ Своимъ вседѣйствующимъ Промысломъ *недалече отъ единого коегождо насъ, вездѣ далъ всѣмъ животъ, и дыханіе, и вся* (Дѣян. 17, 25). Изучая и сравнивая разнообразныя и разсѣянныя по всему лицу земному племена рода человеческого, мы приходимъ къ открытію единства ихъ природы и произхожденія; а открытіе единства столь различныхъ племенъ, возводя насъ къ единой первосозданной четѣ, приводитъ умъ человека къ первому виновнику сей четы и Создателю всѣхъ Богу и убѣждаетъ насъ, что всѣ мы, созданные отъ единой крови, составляемъ родъ Божій (29 ст.). А такое убѣжденіе, раскрывая намъ, по слову Апостола, истинное понятіе о Божествѣ (29), не можетъ не служить однимъ изъ самыхъ живыхъ побужденій любви къ ближнимъ. Только ясное сознаніе, — что всѣ люди наши братія по духовной и тѣлесной природѣ, какъ созданные «отъ единой крови» однимъ общимъ всѣхъ Отцемъ небеснымъ, ущедренные отъ Него едиными духовными дарами и призванные потому къ достиженію одного общаго назначенія, — можетъ быть началомъ истинной, нелицемѣрной любви даже къ тѣмъ изъ нашихъ братій, кои не находятся къ намъ ни въ какихъ, болѣе близкихъ, отношеніяхъ родства или единоплеменности. Только убѣжденіе, что всѣ мы по единству природы и произхожденія родъ Божій

(Дьян. 18, 29.) и сыны Отца небеснаго (Матѣ. 5, 45.), можетъ заглушить естественное въ поврежденной природѣ чловѣка чувство недоброжелательства и мести врагамъ и заставить даже любить ихъ, по заповѣди Евангелія, чтобъ быть истинными сынами Вышняго (Матѣ. 5, 45.).

Все сіе показываетъ, какое важное значеніе и близкое приложеніе къ нравственно-религіозной жизни чловѣка могутъ имѣть въ кругу естественныхъ наукъ, имѣющихъ предметомъ изученіе чловѣка, народоописательныя изслѣдованія различныхъ племенъ рода чловѣческаго съ ихъ особенностями и распредѣленіемъ по земной поверхности. Съ этой стороны нельзя не радоваться, что такого рода изслѣдованія въ настоящее время составляютъ одинъ изъ предметовъ особеннаго вниманія науки и такимъ образомъ даютъ намъ возможность съ большимъ удобствомъ и увѣренностію находить и въ области чловѣческихъ знаній подтвержденіе истинъ, напечатлѣнныхъ въ сердцѣ чловѣка и утвержденныхъ Божественнымъ Откровеніемъ. Это тѣмъ необходимѣе, что и здѣсь испытующій умъ чловѣка не всегда достигалъ послѣдней цѣли высшаго вѣдѣнія—взысканія Господа.

Но какъ мудрецы аѳинскіе, несмотря на прямой и открытый для нихъ путь боговѣдѣнія, на который указалъ Апостоль, не могли своею премудростію уразумѣть Творца, Который и оставался для нихъ невѣдомымъ Богомъ (а); такъ и въ болѣе близкія къ

(а) Конечные выводы, до конхъ дошла наука древняго міра въ изслѣдованіяхъ о происхожденіи рода чловѣческаго, представляетъ Діодоръ Сицилійскій. «Что касается до первоначальнаго происхож-

намъ времена, несмотря на то, что сей путь еще яснѣ озаренъ свѣтомъ Откровенія, мудрые въка умѣли уклониться отъ него; плодомъ такого уклоненія были утвержденія положеній не только несогласныхъ съ ис-

денія людей—говорить онъ—то замѣчательнѣйшіе изслѣдователи природы и историки раздѣлились между собою на два мнѣнія. Одни, полагая, что міръ не сотворенъ и не можетъ погибнуть, почитаютъ роль человѣческой существующимъ отъ вѣчности и думаютъ, что постоянному рожденію людей не было начала. Другіе, допуская, что онъ сотворенъ и долженъ нѣкогда погибнуть, думаютъ, что первоначальное происхожденіе людей имѣло мѣсто въ опредѣленные времена» (Bibl. L. I. c. I. Также у Евсевія Прѣр. Evang. L. I. c. VII.). Последніе, признавая сперва хаотическое состояніе міра, производили бытіе всѣхъ живыхъ существъ, не исключая и человѣка, изъ смѣшенія стихійныхъ началъ, растворенныхъ влажностію и согрѣтыхъ теплою солнечною. Такъ думалъ Анаксагоръ, согрѣтой влажной землѣ приписывая образованіе деревьевъ, животныхъ и первыхъ людей. Анаксимандръ производилъ людей отъ животныхъ, измѣнившихъ свою природу. Эмпедоклъ полагалъ, что земля произвела разрозненные члены человѣка, кои потомъ соединились въ одно цѣлое. Демокритъ (Абдерскій) изводитъ людей изъ ила и воды наподобіе червей. Эпикуръ, которому слѣдовалъ и Лукрецій, приписываетъ землѣ рожденіе первыхъ младенцевъ. Зенонъ и стоики допускали, что люди произошли изъ земли дѣйствіемъ теплоты и волею Божественнаго Промысла. Парменидъ допускалъ происхожденіе людей изъ влажной земли (*ἐξ ἰλίου*) Diog. Laërt. de Phil. vitis. ed. Pag. 1830. p. 223. Также ср. Август. de civ. Dei. Lact. de fals. Relig. Evseb. Прѣр. Ev. I. I. c. VIII et sq.). Подобное мнѣніе утвердилъ и Аристотель, и его заключеніе было послѣднимъ, со стороны древней науки, рѣшеніемъ вопроса о происхожденіи рода человѣческаго. Вотъ его слова: «не безразсудно о происхожденіи людей и животныхъ держаться того мнѣнія, что они въ древнія времена произведены изъ земли: это случилось однимъ изъ двухъ способовъ: или они существовали прежде наподобіе червей (*ὡς σκώληκος*), или произошли изъ яицъ (*ἐξ ὀσῶν*).» Изложивши оба эти способа произхо-

тинами Откровения, по прямо враждебных имъ. Вместо того, чтобы видѣть во всемъ родѣ человѣческомъ единый родъ Божій, созданный отъ единой крови, часто предпочиталъ видѣть родъ только жи-

денія живыхъ существъ заключаетъ: «почему, если для животныхъ было какое-либо начало существованія, то очевидно, что оно должно было произойти однимъ какимъ-либо изъ этихъ двухъ способовъ» (Arist. op. om. lib. III. De generat. anim.). Впрочемъ, въ другихъ сочиненіяхъ Аристотель склоняется, повидному, къ мысли о вѣчности живыхъ существъ въ вѣчно существующемъ мірѣ (Phys. lib. VIII, с. I.).

Въ однихъ только темныхъ мнѣстеческихъ преданіяхъ язычества и изредка въ твореніяхъ поэтовъ, особенно древнѣйшихъ, почерпавшихъ вдохновеніе изъ этихъ преданій, находимъ сказанія о единой первородной члвч протцвѣ; но эта истина въ нихъ или была искажена баснословными и странными прибавленіями, или относима только къ мѣстному произхожденію или возобновенію рода человѣческаго въ извѣстныхъ странахъ. Почти каждый народъ почиталъ себя первоначальнымъ, изъ земли рожденнымъ (*ἀντόχοοι καὶ γυγένε*) племенемъ въ своей странѣ. Египтяне почитали себя первобытными обитателями нильской долины и первымъ по древности народомъ (Euseb. Præp. Ev. I. II, с. I.); тоже преимущество иногда усвоили себѣ индѣйцы, персы, а иногда и римляне (Diod. Sic. I. I, с. I. Eneid. Virg. I. VIII, v. 315.). Денчане говорили, что первые люди сами произрасли изъ почвы Аттики какъ зелень (*καθάπερ τὰ λάχανα* Lucian Philorodud. § 3.). Но эту честь оспаривали у нихъ Аркадія и Тессалія.

Болѣе сходныя съ библейскимъ сказаніемъ о сотвореніи чловѣка преданія находимъ у народовъ или родственныхъ съ еврейскимъ (каковы напр. Финикійяне, халдеи и аравитяне), или находившихся къ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ (каковы египтяне, древніе персы и др.). Въ этихъ сказаніяхъ находятся многія, хотя часто помраченныя черты бытописанія Моисеева: указанія на твореніе чловѣка изъ земной персти, о созданіи жены отъ мужа, о рабѣ, грѣхонадеиіи, змѣи обольстителѣ и подоб. (Онѣ собраны у Евсевія въ боль-

вотныхъ, раздѣленный на нѣсколько породъ, которыя получили бытіе въ различныхъ странахъ. вмѣсто того, чтобы восходить чрезъ послѣдованіе родовъ къ одной первоизданной четъ, и отъ ней къ Творцу всѣхъ,

ней части его сочиненія : *Præparatio Evangelica*. *Теогонія* финикійскія и египтянъ, — у Діодора Сицилійскаго *Bibl. l. I. c. I. et sq.*). Изъ новѣйшихъ сравненій языческихъ преданій съ Моисеевыми повѣствованіями занимался особенно Гуецій (*Demonstr. Evangelica, P. Huetii, edit. 4. Lipsiæ.*). Греко-Римская мнѣологія приписывала созданіе людей Прометею, который будтобы, по сотвореніи животныхъ истощивши запасъ вещества для образованія существъ, собралъ остатки жизненнаго вещества отъ сотворенія прочихъ животныхъ и создавши такимъ образомъ душу чловѣка, тѣло образовалъ изъ глины или ила : отъ того въ чловѣкѣ находится свойства всѣхъ животныхъ — мужество льва, робость зайца и проч. (*Horat. Carm. l. I, od. 16. ed. G. Regel. 1839.*). Послѣ истребленія рода чловѣческаго потопомъ, Девкалионъ и Пирра, по волѣ боговъ, бросаніемъ позади себя камней, возобновляютъ родъ чловѣческой (*Ovid. Metamorph. l. I, v. 318—416.*).

Въ твореніяхъ древнѣйшихъ поэтовъ, въ гимнахъ извѣстныхъ подъ именемъ Орфея, у Гезіода и друг. указывается на образованіе тѣла чловѣческаго изъ земли и души отъ дыханія божественнаго, хотя подобныя указанія часто случайны и не предохраняютъ отъ мнѣологическихъ потемненій вѣрныхъ понятій. (Свидѣтельства поэтовъ — Орфея, Гезіода, Гомера, Аристофана, Каллимаха, Арата, Виргилія, Горация и Овидія касательно происхожденія міра и чловѣка собраны въ *H. Grotii, de verit. Belig. Christianæ l. I, p. 60—65. edit. Amstel. 1775*). Вотъ какъ изображаетъ происхожденіе чловѣка Овидій, пѣвецъ Греко-Римской мнѣологіи, уже въ періодъ окончательнаго ся развитія : по происхожденіи животныхъ, на землѣ

Sanctius his animal, mentisque capacius altæ
 Deerat adhuc, et quod dominari in cetera posset,
 Natus homo est, sive hunc divino semine fecit
 Ille opifex rerum, mundi melioris origo :

мудрые въка видѣли въ явленіи чловѣка въ различныхъ странахъ, только дѣйствіе силъ природы, которой приписали творческую силу. Въмѣсто того, чтобы слѣдовать прямымъ и яснымъ свидѣтельствамъ слова Божія, и ихъ полагать въ основаніе своихъ изысканій, они старались низвратить сіи самыя свидѣтельства и въ перетолкованіи ихъ найдти нѣкоторую опору ложнымъ мнѣніямъ.

Такимъ перетолкованіемъ проложилъ первый путь противнымъ откровенному ученію мыслямъ о произхожденіи рода чловѣческаго Исаакъ Пейреръ, бордосскій кальвинистъ, жившій въ половинѣ XVII вѣка. Въ своихъ сочиненіяхъ (б), онъ на основаніи Свя-

Sive recens tellus, seductaque nuper ab alto
Aethere, cognati retinebat semina cœli,
Quam satur iapeto, missam fluvialibus undis,
Finxit in effigiem moderantum cuncta deorum...

Metamorph. l. I, 75—84 vers.

Здѣсь уже видно колебаніе между болѣе возвышенными понятіями, къ которымъ проложила путь философія и вліяніе Востока, и мифологическими преданіями язычества.

Изъ философовъ до-христіанскаго міра, только у Сократа и Платона, встречаемъ нѣсколько болѣе совершенныя представленія о произхожденіи людей. Какъ Сократъ (у Ксеноф. in Memorab. Socr. l. I.), такъ и Платонъ (Тимей. Oeuvres de Platon. p. v. Cousin. Par. 1839. T. XII, p. 196. n. sq.) изъ премудраго устройства существа чловѣческаго заключаютъ о сотвореніи его Богомъ отъ земли. Но, къ сожалѣнію, это вѣрное понятіе о сотвореніи чловѣка соединено у Платона съ мечтательнымъ представленіемъ о трехъ первосозданныхъ существахъ мужъ, женъ и андрогинъ впоследствии раздѣленномъ по волю боговъ (in Convivio, у Евсевія, Præpar. Evang. l. XII, с. XII.).

(б) Сочиненія, въ которыхъ Пейреръ (Isaac de la Peyrere) изло-

щенного Писанія и древней исторіи различныхъ народовъ, старался доказать существованіе людей на землѣ еще до Адама, который, по его мнѣнію, былъ родоначальникомъ только еврейскаго и родственныхъ ему народовъ.

Сочиненія Пейрера возбудили въ свое время жаркія пренія, и мнѣнія его имѣли защитниковъ даже въ болѣе близкія къ намъ времена (в). Пейреръ и его послѣдователи еще не хотѣли, повидимому, прямо противорѣчить Откровенію, но съ самообольщеніемъ думали пайти согласіе своихъ мнѣній съ ученіемъ Священнаго Писанія чрезъ перетолкованіе различныхъ мѣстъ его. Новаго рода возраженія были возбуждены духомъ того противоборствующаго христіанству направленія, которое, начавшись въ Англіи въ концѣ XVII вѣка, въ XVIII вѣкѣ явилось во всей своей си-

жилъ свое ученіе, суть: 1) *Præadamitæ, sev exercitatio exegetica in Epist. ad Rom. V, 12—14.* и 2) *Systema Theologicum ex Præadamitarum hypotesi*, изд. въ Голланд. 1655 г.

(в) Позднѣйшія сочиненія, или написанныя въ духъ Пейрера, или защищавшія его сочиненія, исчислены у Грегуара, въ его *Hist. d. sect. Relig. t. II, p. 3. et sq. ed. 1828 г. Par.* и у Бретшнейдера въ *System. Entwick. aller in Dog. Vorkom. Begr. 4. Aufl. 1841. p. 505, 506.* Такъ еще въ очень недавнее время Датскій геологъ *Frid. Klée* (въ соч. *Le Deluge Par. 1847.*) утверждалъ, что по самому свидѣтельству Библии « существовали на землѣ во время Адама другіе люди », и что « Адамъ, изгнанный изъ Едема, долженъ былъ найти Вавилонію уже довольно населенною » (2 ч. гл. 3.). Далѣе утверждаетъ, что Вавилонъ выстроенъ еще до потопа и былъ главный городъ библейскихъ Елогимовъ, но еще прежде существовало могущество Атлантовъ и проч. После потопа уже не было сотворено новыхъ расъ, кромѣ, можетъ быть, Папуасовъ и проч. (*Cosmogonie de Revel. p. Godcfroi P. 1847.*).

ль, въ сочиненіяхъ невѣрующихъ философовъ и естествоиспытателей во Франціи, собирая отвсюду тщетныя орудія противъ истины библейскихъ сказаній. Различіе племенъ по цвѣту кожи, устройству черепа и духовнымъ способностямъ, привело Волтера къ такому рѣшенію, что «только одинъ слѣпой можетъ сомнѣваться въ томъ, что бѣлые, негры, албиносы, готтентоты, китайцы, лапландцы и американцы не суть совершенно различныя породы (г), а Руссо, въ своей мечтательной теоріи о первобытномъ состояніи чловѣка, не усумнился поставить его въ ближайшее родство съ животными (д). По слѣдамъ этихъ двухъ главнѣйшихъ представителей своего вѣка, хотя противоположныхъ по своему направленію, но здѣсь согласныхъ въ уничиженіи чловѣческой природы, явилось множество новыхъ противниковъ единства рода чловѣческаго, таковы Гелвецій, Монбодо, Дарвинъ, Демелье и др. Историческія преданія и хронологія древнихъ народовъ, увѣренность въ мнимомъ совершенствѣ и продолжительности ихъ астрономическихъ наблюденій, утвердившаяся особенно съ открытіемъ астрономическихъ памятниковъ Египта, которымъ неосмотрительно приписали необычайную древность,—все это въ рукахъ Бэля, Дюпюи, Вольтера и другихъ было орудіемъ опроверженія библейскихъ сказаній о происхожденіи и первоначальной исторіи рода чловѣческаго. Въ болѣе близкія къ намъ вре-

(г) Histoire de Russie sous Pierre le Grand. T. I.

(д) Въ сочиненіи: Disc. sur l'inégalité des cond., у Варае, Hist. Natur. T. III. p. 229.

мена, мнѣнія о различіи породъ и происхожденія чело-
вѣка получили большую силу, такъ-какъ были из-
ложены не въ видѣ только бездоказательныхъ пред-
положеній и случайно высказанныхъ мнѣній, какъ
часто дѣлалось прежде, но составили предметъ цѣлыхъ
спеціальныхъ сочиненій о естественной исторіи рода
человѣческаго. Таковы сочиненія Демулена и Бори-де-
сень-Венсана, изъ коихъ первый принималъ одиннадцать,
а второй до пятнадцати отдѣльныхъ первоначальныхъ
породъ челоѣческаго рода, — Вирея, который не
только допустилъ коренное различіе по духовной и
тѣлесной природѣ породъ негрской и бѣлой, произ-
шедшихъ на землѣ будто бы въ различныя времена,
но и призналъ близкое родство между болѣе уни-
женными племенами людей и обезьянами (e). Ученіе
Ламарка о постепенномъ развитіи организмовъ и о
самобытномъ образованіи живыхъ существъ чрезъ
преобразование низшихъ менѣ совершенныхъ живот-
ныхъ въ высшія и совершеннѣйшія, — ученіе, имѣвшее
много вліянія въ своемъ отечествѣ, — привело къ
тѣмже ложнымъ мыслямъ о происхожденіи рода
человѣческаго, какъ и основанное на совершенно
иныхъ — теоретическихъ началахъ, ученіе принятое
нѣкоторыми германскими естествоиспытателями въ
область естествознанія, о постепенномъ безконечно-
усовершенствующемся развитіи одного всеобщаго начала
жизни отъ грубой матеріи до совершеннѣйшихъ ро-

(e) Desmoulin, *Histoire Natur. des races hum. et cæt.* Par. 1826.
Bory de Saint-Vincent, *Diction. classique d'hist. Natur.* Par. 1826.
Wirey, *Histoire Natur. de Genre Humaine.* Brux. III. T. 1834.

довъ живыхъ существъ (ж). Въ настоящее время въ сочиненіяхъ, какъ относящихся къ области естественныхъ такъ и историческихъ наукъ, можно встрѣчать мнѣнія о происхожденіи человѣческаго рода, несогласныя съ сказаніемъ Священнаго Писанія о семъ предметъ (з).

Обратить вниманіе на мнѣнія, противныя утверждаемой Откровеніемъ истинѣ, тѣмъ необходимѣе, чѣмъ важнѣе эта истина и чѣмъ значительнѣе противорѣчія ей. Такая значительность зависитъ съ одной стороны отъ источниковъ, изъ которыхъ они заимствуются и которые составляютъ изслѣдованія науки и опыта, всегда имѣющія въ глазахъ разума силу убѣдительности, и еще болѣе въ настоящее время преобладанія опытныхъ изслѣдованій; съ другой—отъ самой новости, почти современности этихъ противорѣчій и отсюда ихъ большей живости и силы вліянія; все это указываетъ на необходимость живаго и внимательнаго противодѣйствія.

(ж) Lamarck *Philosophie Zoologique*, Par. 1830. Изложеніе его системы, равно и пантеистическихъ идей Окена, можно найти въ *Hist. des Sciences Nat.* p. Blainville Т. III.

(з) Таковы на пр. *Histoire univers. de l'Antiquité*. Schlosser. trad. p. Golbery. Par. Т. I. 22. и sq. p. *Geschichte der Schöpfung* v. Herman Burmeister 2. Auf. 1845 Leipzig. Статя въ *N. Diction. d. Convers. édit. Wahlen. Brux.* 1843. Fridr. Klée. *Le Deluge*. Par. 1847. и др.

СВИДѢТЕЛЬСТВА БИБЛЕЙСКІЯ.

Разсматривая безпристрастно средства, которыми владѣетъ наука для разъясненія вопроса о происхожденіи рода человѣческаго, нельзя не признаться, что онѣ одиѣ очень недостаточны. Изысканія вѣшняго опыта не касаются непосредственно первоначальнаго происхожденія существъ. Онѣ обнимаютъ только данный настоящій порядокъ вещей, поэтому и выводы касательно прошедшаго, основанные на наблюденіи существующаго, могутъ быть болѣе или менѣе вѣроятными, но не восходятъ на степень несомнѣнной достовѣрности. Отвлеченныя соображенія ума могутъ возвести только къ общей мысли о силѣ Творческой, произведшей человѣка, но на болѣе частные вопросы о томъ, какъ произошелъ родъ человѣческій, онѣ не даютъ отвѣта. Свидѣтельства исторіи почти умолкаютъ въ столь отдаленныя отъ исторической жизни народовъ времена первоначальнаго образованія человѣческаго общества; историки являются, когда родъ человѣческій уже далекъ былъ отъ своего начала; самая начальная исторія народовъ, какъ и исторія ранняго дѣтства каждаго человѣка, не оставляетъ слѣдовъ въ народной памяти и сознаніи: поэтому, спрашивать теперь объ этихъ отдаленныхъ временахъ, не значитъ ли тоже, что у взрослогаго человѣка спрашивать исторію его рожденія и младенчества? И если тотъ, кто желаетъ вѣрно узнать о своемъ происхожденіи и давно-минувшихъ временахъ своего дѣтства, прежде всего прибѣгаетъ къ разсказамъ людей старѣйшихъ себя

и вповниковъ своей жизни, то не самое ли ясное и вѣрное понятіе о происхожденіи человѣка мы можемъ получить чрезъ наученіе отъ самого Творца и Создателя его? Итакъ, прежде всего, мы должны обратиться къ слову Божию и въ ясномъ уразумѣніи ученія его о семъ предметѣ искать основанія для дальнѣйшихъ изслѣдованій. Такое ясное уразумѣніе тѣмъ необходимѣе, что оно часто подвергалось перетолкованіямъ, которыя помрачали истинный смыслъ его и вели къ ложнымъ понятіямъ о происхожденіи человѣка.

1.) ВѢТХОЗАВѢТНЫЯ.

Трижды повторяется въ книгѣ Бытія повѣствованіе о происхожденіи рода человѣческаго отъ сотворенной Богомъ единой первородной четы, какбы для большаго утвержденія и несомнѣнности сей истины. Изобразивъ таинственный Совѣтъ о сотвореніи человѣка, бытописатель повѣствуетъ о совершеніи его: *и сотвори Богъ человѣка, по образу Божию сотвори его: мужа и жену сотвори ихъ; и благослови ихъ Богъ, глаголя, раститесь и множитесь и наполните землю и господствуйте ей* (Быт. 1, 27. 28.). Кромѣ прямаго указанія на сотвореніе одного мужа и жены, здѣсь уже въ самомъ благословеніи Божиѣмъ—умножаться и наполнить землю — можемъ видѣть, что описанное здѣсь созданіе первородной четы есть единственное созданіе человѣка, которому не предшествовало и за коимъ не послѣдовало подобныхъ твореній иныхъ прародителей. Ибо, если естественное распространеніе путемъ рожденія, какъ вотношеніи къ человѣку,

такъ и прочимъ тварямъ, есть единственный путь умноженія рода по созданіи первоначальномъ, то предполагать новыя созданія новыхъ родоначальниковъ не значило ли бы сомнѣваться въ дѣйственности Божія благословенія — умножаться и населять землю, вполне достаточнаго и совершеннаго для распространенія рода безъ новыхъ твореній?

Кратко изложенное въ 1-й главѣ книги Бытія сказаніе о происхожденіи челоѵка, предлагается пространно во 2-й главѣ, гдѣ отдѣльно повѣствуется о самомъ образѣ творенія какъ мужа, такъ и жены. Здѣсь бытописатель определенно показываетъ, что Адамъ былъ первый и единственный прародитель всѣхъ людей, коему никто не предшествовалъ на сотворенной землѣ: *до Адама челоѵкъ не ближе дѣлалъ землю* (ст. 6.). Какъ причину сотворенія жены бытописатель представляетъ то, что на землѣ въ то время *не обрѣтется помощникъ подобный ему* (ст. 20.), почему и сотворена первая жена, которая ясно называется прародительницею всего рода челоѵческаго: *нарече Адамъ имя женѣ своей жизнь, яко та мати всѣхъ живущихъ* (3, 20.).

Наконецъ въ 5-й главѣ (ст. 1—3.) снова утверждается сотвореніе одной четы — мужа и жены, — и отъ нихъ производится потомство, которое отъ Ноя распространилось по всей землѣ.

Подтверженія сего яснаго сказанія о первоначальномъ сотвореніи одной четы прародителей находимъ какъ въ Ветхомъ, такъ и въ Новомъ Заѵтѣ.

Самъ бытописатель исторически утверждаетъ первоначальное единство всего рода челоѵческаго, про-

изшедшаго отъ одной четы, когда отъ Ноя и его сыновей производить множество разнообразныхъ нынѣ по племеннымъ особенностямъ народовъ, какковы, напиримѣръ, потомки Мисраима, Хуса, Симы и Лафета, и вообще, о всѣхъ народахъ земли, заключая исчисленіе племенъ, говорить: *сія племена сыновѣ Ноевыя по родамъ ихъ, по языкомъ ихъ: отъ сихъ разсыяшася острови языковъ на земли по потопъ* (Быт. 10, 32.). Подъ именемъ острововъ языкъ еврей вообще разумѣли всѣ отдаленныя и отдѣленныя отъ Іудей морей страны (Иса. 11, 11. 12. 62, 19. Соф. 11, 11.) (и), которыя получили жителей отъ одного потомства Адамова чрезъ сыновъ Ноевыхъ: *отъ сихъ разсыяшася по всей земли* (Быт. 9, 19.). На тоже первоначальное единство всего рода человѣческаго указываетъ Моусей, описывая чудо смѣшенія языковъ: *до времени столпотворенія бѣ вся земля устипъ единъ и гласъ единъ всѣмъ* (11, 1.). Смѣшеніе языковъ было сильнѣйшимъ побужденіемъ къ раздѣленію племенъ: *отъ Вавилона разсыя ихъ Господь по лицу вся земли* (11, 9. сл. 1 Пар. 1, 1. Лук. 3, 38.).

Согласно съ повѣствованіемъ Моусея изображается происхожденіе всѣхъ людей отъ одного Адама во всемъ Ветхомъ Заветѣ. Такъ Товія, въ молитвѣ къ Богу, исповѣдуетъ: *Ты сотворилъ еси Адама и далъ еси ему помощницу Еву, утвержденіе жену*

(и) И другіе азіатскіе народы въ древности считали одну только Азію твердою землею, обозначая отдаленныя страны именемъ острововъ. Herod. L. II. с. 103. Записки на книгу Бытія 1816. 237.

его: *отъ тѣхъ родися человѣческое стѣмя* (Тов. 8, 6.). *Сія* (Премудрость), говоритъ писатель книги Премудрости, *первозданнаго, отца міру единаго созданнаго сохрани и изведе его отъ грѣха его* (10, 4.).

2.) НОВОЗАВѢТНЫЯ.

Въ Новомъ Завѣтѣ находимъ какъ неоднократное подтвержденіе сказанія Моусеева о происхожденіи рода человѣческаго самимъ Господомъ (Матѣ. 19, 46. Марк. 10, 6. 7.) и Его Апостолами (1 Кор. 11, 8. 9. Ефес. 5, 32. Кор. 15, 41—45. 1 Тим. 2, 13. 14. и др.); такъ и новыя ясныя свидѣтельства о происхожденіи всѣхъ людей отъ одного праотца: *Богъ, говоритъ Апостоль, сотворилъ есть отъ единыя крове весь языкъ человѣчь, жити по всему лицу земному* (Дѣян. 17, 26.) (i). Но самымъ важнымъ

(i) Что слова Апостола: *отъ единыя крове*—*ἐξ ἑνὸς αἵματος* не означаютъ, какъ успивался толковать Пейреръ, того, что Богъ сотворилъ людей изъ одного вещества, изъ одной земли, изъ тойже природы, — показываетъ всеобщее употребленіе въ Священномъ Писаніи выраженія *отъ крове* по отношенію къ происхожденію въ смыслъ родства, плотскаго рожденія: оно тождезначуще съ выраженіями: *отъ стѣмене, отъ рода*. Единокровность, происхождение отъ одной крови, всегда означаетъ происхождение отъ одного рода и одного прародителя: отъ того въ Вульгатѣ слова *ἐξ ἑνὸς αἵματος* прямо переведены: *ex uno*. Наконецъ и дальнѣйшія слова: *весь языкъ человѣчь* — *πᾶν ἔθνος* ясно указываютъ, что Апостоль имѣлъ здѣсь намѣреніе указать на происхождение различныхъ народовъ отъ одной чѣты: упоминеніе о народахъ, о разсыяніи ихъ по землѣ было бы несоответственно смыслу рѣчи, если бы Апостоль хотѣлъ здѣсь только говорить о единствѣ природы всѣхъ людей.

подтверженіемъ истины единства произхожденія всѣхъ людей, въ Новомъ Заветѣ есть ученіе о грѣхѣ первородномъ, распространившемся на всѣхъ людей чрезъ посредство тѣлеснаго произхожденія всѣхъ отъ одинаго. Всеобщность грѣха и смерти, по ученію Апостола, указываетъ на единство произхожденія всѣхъ отъ одного согрѣшившаго и осужденнаго прародца Адама: *единьмъ чловѣкомъ грѣхъ въ мѣръ вниде, и грѣхомъ смерть, и тако смерть во всѣ чловѣки вниде, въ немъ же вси согрѣшиша* (Рим. 6, 12.). Какъ безусловной всеобщности поврежденія грѣхомъ и осужденія всего чловѣчества (Рим. 3, 8. 9. и слѣд.) Апостоль противопоставляетъ всеобщность искупленія и оправданія, простирающуюся на всѣхъ людей безъ исключенія — іудеевъ и еллиновъ, варваровъ и скиноовъ (Рим. 10, 12. и др.), — такъ и единому земному виновнику рода чловѣческаго Адаму, противопоставляетъ новаго, втораго духовнаго Адама, создающаго обновленный родъ чловѣческой: *бысть первый чловѣкъъ Адамъ въ душу живу, послѣдній Адамъ въ духъ животворящій.... первый чловѣкъъ отъ земли перстень: второй чловѣкъъ Господь съ небесе* (1 Кор. 15, 46. 48.). Какъ прегрѣшеніемъ одного Адама во всѣхъ людей вошла смерть и царствовала посредствомъ одного (Рим. 5, 12. 17.), какъ послушаніемъ одного Адама многіе содѣлались грѣшными (ст. 16.) и за грѣхъ его одного на всѣхъ людей простерлось осужденіе (ст. 15.); такъ жизнь, оправданіе и праведность (ст. 17—19.) на весь родъ чловѣческой изливаются *благодатию одинаго чловѣка Иисуса Христа* (Рим. 5, 15.). Единство родоначальника че-

ловѣческаго здѣсь представляется такъ-же несомнѣ-
нымъ, какъ несомнѣнно то, что вѣчная жизнь и спа-
сеніе пронстекають отъ единого Спасителя всего
рода человѣческаго, Иисуса Христа (к).

(к) Нѣтъ нужды упоминать о томъ, что ученіе о происхожденіи
всѣхъ людей отъ единой четы прародителей во все времена при-
знавалось Церковію, какъ стоящее выше всякихъ сомнѣній, соста-
вляющее одинъ изъ существенныхъ догматовъ въ ученіи объ иску-
пленіи и, по самой ясности своей, принимаемое даже сретниками и
нетребовавшее посему особенныхъ доказательствъ и особеннаго под-
тверженія. Ученіе Церкви о грѣхѣ первородномъ, о его всеобщности,
о смерти, какъ слѣдствіи грѣха Адамова, основывается непосред-
ственно на общепризнанной истинѣ происхожденія всѣхъ отъ одного
праотца. Посему, у техъ изъ учителей Церкви, кои съ большою
подробностію занимались раскрытіемъ ученія о грѣхѣ первородномъ,
и въ особенности у блаженнаго Августина, находятся постоянныя
упоминанія о происхожденіи всѣхъ отъ Адама, и даже ршеніе нѣ-
которыхъ недоумѣній, кои впоследствии были противопоставляемы
ученію о единой первородной четѣ, каковы напр. о возможности
построенія Канномъ города (*de Civ. Dei. l. XV, 8*) о распростра-
неніи рода человѣческаго при жизни Адама (*ibid. l. XV, 8.*), о брач-
ныхъ союзахъ Канны и первыхъ потомковъ Адама (*ibid. l. XV, c.*
16.), о баснословной древности хронологіи и исторіи египтянъ и
халдеевъ (*ibid. l. XVIII, 39*). Замѣчательны въ твореніяхъ блажен-
наго Августина слова, хотя непреднамеренно, но прямо направлен-
ныя къ опроверженію преадамитовъ, думавшихъ, что Адамъ и Ева
родоначальники только іудейскаго народа: « въ самомъ началѣ Адамъ
и Ева были родоначальниками всѣхъ народовъ, а не однихъ только
іудеевъ; и что въ Адамѣ было прообразованіемъ о Христѣ, то
относилось ко всемъ народамъ, коихъ спасеніе во Христѣ ». *In S.*
Johan. tract. IX.

Какъ подтвержденіе происхожденія всѣхъ племенъ человѣчества
отъ Адама, заслуживають нѣкотораго вниманія и преданія іудейскія,
перешедшія потомъ отчасти и къ нѣкоторымъ христіанскимъ писа-

3.) Неосновательность противниковъ, въ приложеніи библейскихъ
свидѣтельствъ къ своему ложному мнѣнію.

Какъ ни ясны представленныя нами свидѣтельства, но и они подверглись перетолкованію противниковъ истины произхожденія всѣхъ людей отъ одного праотца. Посредствомъ перетолкованія сихъ и неправильныхъ выводовъ изъ другихъ мѣстъ Священнаго Писанія, они думали найти въ самомъ Откровеніи Божественномъ основаніе своихъ мнѣній.

Основное ученіе Священнаго Писанія о произхожденіи челоука заключается, какъ мы видѣли, въ повѣствованіи бытописателя о его сотвореніи и первоначальной исторіи. На этомъ же повѣствованіи Пейреръ и его послѣдователи думали утвердить самыя сильныя опоры своихъ мнѣній.

телямъ. Хотя въ свою пользу онѣ не могутъ представить никакого твердаго основанія, но во всякомъ случаѣ служатъ доказательствомъ того, что іудейская Церковь всегда веровала въ произхожденіе всѣхъ племенъ, невзирая на различіе цвѣта, отъ одного праотца. Древній Таргумъ Библии Иоваана такъ перелагаетъ слова 2-й главы книги Бытія ст. 7: «и сотвори Богъ челоука краснаго, чернаго и бѣлаго» (*rufum, nigrum et album*). Другіе думали видѣть въ черномъ цвѣтѣ тѣла *знаменіе*, положенное Богомъ на Каина и сохраненное его потомствомъ: сохраненіе черныхъ людей во время потопа объясняютъ тѣмъ, что Ной и его семейство имѣли рабовъ въ ковчегъ изъ потомства Каина. Многіе признаютъ черныи цвѣтъ тѣла слѣдствіемъ проклятія, положеннаго Ноемъ на Хама и сохранившаго свои слѣдствія въ болѣе или менѣе темномъ цвѣтѣ потомковъ его Хуса, Мисраима и Ханаана. *Curs. Compl. S. Scr. T. I, pag. 1658.*

1.) Повѣствованіе о сотвореніи чловѣка излагается бытописателемъ въ 1-й и 2-й главахъ. Такимъ двукратнымъ повѣствованіемъ, по мнѣнію Пейрера, означается двукратное сотвореніе праотцевъ : первое, — праотдителей, существовавшихъ до Адама и продолжающихся въ народахъ не-еврейскаго происхожденія; последнее — сотвореніе Адама и Евы родоначальниковъ еврейскаго и родственныхъ съ ними народовъ. Дѣйствительно, въ книгѣ Бытія не только два, но даже и три раза (глав. 5, 1—4.) повторяется сказаніе о сотвореніи Адама : но достаточно самого простаго сличенія ихъ, чтобы видѣть, что здѣсь говорится объ одномъ и томъ же твореніи. Что подробно изображенное во 2-й главѣ созданіе Адама и Евы есть одно и то же съ описаннымъ въ 1-й главѣ, это подтверждается тѣмъ, что во 2-й главѣ кратко повторяется сказаніе о сотвореніи неба и земли, земныхъ произведеній (ст. 3—7) и животныхъ (ст. 19.), уже описанное въ первой. Очевидно, что содержаніе той и другой по отношенію къ описываемымъ событіямъ одно и то же : различіе только въ полнотѣ или краткости описаній. Если никто не подумаетъ, что описываемое во 2-й главѣ сотвореніе неба, земли, растений и животныхъ есть новое и иное созданіе, различное отъ описаннаго въ первой, то не странно ли предполагать, что изображенное какъ въ 1-й, такъ и во 2-й главѣ сказаніе о сотвореніи чловѣка представляетъ два различныя творенія ? Далѣе, когда во 2-й главѣ ясно говорится, что до Адама на сотворенной и уготованной для чловѣка (2, 5. 6.) землѣ, *чловѣкъ не бѣше дѣлати ю* (6.), что до сотворенія жены на землѣ не было помощника подоб-

наго ему (ст. 20.) и что Ева—мать всѣхъ живущихъ на землѣ (3, 20.), — то очевидно, что это тѣ мужъ и жена, о коихъ говорится въ главѣ 1-й: *мужа и жену сотвори ихъ* (ст. 27.). Но еще яснѣе подтверждается тождество событій, изображенныхъ въ 1-й и 2-й главахъ, въ сказаніи о сотвореніи чело-вѣка, сравненіемъ ихъ съ повѣствованіемъ о томъ же твореніи въ гл 5-й (ст. 1. 2. 3.). Здѣсь быто-писатель буквально повторяетъ сказаніе о сотвореніи чело-вѣка въ 1-й главѣ и относитъ оное къ Адаму и Евѣ, о сотвореніи, изгнаніи изъ рая и потомствѣ коихъ говорится во 2-й главѣ, показывая такимъ образомъ единство предмета той и другой: *сія кни-га бытія чело-вѣча, въ оный же день сотвори Богъ Адама: по образу Божию сотвори его; мужа и жену сотвори ихъ* (5, 2. 3. сл. 1, 27.) и потомъ изображаетъ потомство Адама чрезъ Сифа—до Ноя. На сіе тождество сказанія о сотвореніи чело-вѣка въ 1-й и 2-й главѣ указываетъ наконецъ самъ Господь, когда, говоря объ установленіи брака, приводитъ свидѣтельство о сотвореніи чело-вѣка изъ 1-й главы Бытія (ст. 27.): *нѣсте ли чли, яко Сотворивый искони мужескій полъ и женскій сотворилъ я естъ* (Матѣ. 19, 4.)? И вслѣдъ за тѣмъ относитъ къ со-зданному мужу и женѣ заповѣдь Божию изреченную Адамомъ о бракѣ, и находящуюся во 2-й главѣ (ст. 24.: *и рече: сего ради оставитъ чело-вѣкъ отца своего и проч.*), соединяя то и другое какъ одно нераздѣльно тождественное сказаніе. Наконецъ, единство обоихъ повѣствованій бытописателя под-тверждается единствомъ имени перваго чело-вѣка, Адама, — имени, которое, будучи первоначально соб-

ственнымъ именемъ лица, а не нарицательнымъ только названіемъ *человѣка* (л), указываетъ опредѣленно на одно лице, составляющее предметъ повѣствованія какъ въ 1-й, такъ и во 2-й главѣ (м).

(л) Что имя *Адамъ* есть первоначально собственное, принадлежавшее лицу перваго человѣка и потомъ перешедшее уже въ названіе всего рода человѣческаго, это вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ, принимавшихъ сказаніе Моисею о сотвореніи и паденіи первыхъ людей за прикровенную исторію всего человѣческаго рода, а не одной первосозданной четы (какъ старались это доказать на основаніи имени первыхъ праотцевъ Брунэй, Паулюсъ и др. — см. Syst. Ent. al. in Dogm. vork. Begr. v. Bretschneider. p. 505, 506. ed 4.), показываетъ не только наименованіе человѣка самимъ Богомъ (Быт. 5, 2.), но и самое значеніе слова *Адамъ*, которое означаетъ *краснаго* (темноцвѣтнаго — *fuscus*. E. Meier's Hebr. Wurzelvort. 1845, 357—360.), и по общепринятому еще издревле изъясненію производится отъ червеной земли (Joseph Antiqu. L. I. c. 1. Быт. 2, 7.); такое названіе указываетъ на частность наименованія лица отъ какого-либо свойства или обстоятельства (каково напр. созданіе Адама изъ земли), и не имѣетъ никакого значенія отношеніи ко всему роду человѣческому.

(м) Какая причина двукратнаго повторенія сказанія о сотвореніи человѣка? — Нѣкоторые новѣйшіе толкователи (наприм. Аструкъ, Эйхгорнъ, Гартманнъ, Деветте и др.) изъясняютъ сіи повторенія о твореніи человѣка въ книгѣ Бытія тѣмъ, что Моисей вносилъ въ свое бытописаніе, безъ измѣненія, извлеченія, или отрывки изъ древнѣйшихъ сказаній или письменныхъ памятниковъ о первыхъ временахъ міра; выраженія: *сія книга бытія небесе и земли* (2, 4.), *сія книга бытія человѣча*, почтаются надписаніями такихъ древнѣйшихъ отрывковъ, внесенныхъ въ книгу Бытія ея составителемъ. Но это мнѣніе о составѣ книги Бытія изъ отрывковъ древнѣйшихъ историческихъ памятниковъ не можетъ быть соглашено съ цѣлостію книги и боговдохновенностію ея писателя. Повторенія однихъ и тѣхже событій не могутъ показаться необыкновенными

II. Въ дальнѣйшемъ повѣствованіи о событіяхъ въ родѣ человѣческомъ, произшедшихъ еще при жизни первыхъ праотцевъ, — и именно въ исторіи Каина и Авеля, находится нѣкоторыя указанія на многочисленность людей, еще при жизни Адама. Основываясь на этихъ указаніяхъ, защитники сотворенія нѣсколькихъ прародителей въ человѣческомъ родѣ думаютъ видѣть здѣсь свидѣтельство о суще-

и при цѣлости книги, когда вспомнимъ объ особенномъ намѣреніи писателя и обратимъ вниманіе на обыкновенный характеръ древнѣйшей исторіографіи и древнѣйшей поэзіи, гдѣ подобныя повторенія встрѣчаются постоянно (напр. у Гомера); у самого Моисея встрѣчаются онѣ въ тѣхъ отдѣленіяхъ, кои очевидно составляютъ одно цѣлое повѣствованіе; таково напр. двукратное въ одной главѣ повтореніе исторіи потопа (гл. 7, ст. 7—12. см. ст. 12—18.) и др. Ближайшее основаніе такого двукратнаго и даже троекратнаго повторенія сказанія о сотвореніи Адама заключается въ намѣреніи св. писателя изобразить въ большей полнотѣ и съ особенною ясностію сотвореніе чловѣка, чѣмъ прочихъ существъ, какъ лица, составляющаго главный предметъ всей книги — *(сіа книга бытіа чловѣка 5, 1.)*. Въ 1-й главѣ сотвореніе чловѣка поставлено на ряду съ твореніемъ прочихъ существъ; самое дѣйствіе творенія и порядокъ произхожденія, — описаніе того, какъ *совершилася небо и земля и все украшеніе ихъ* (2, 1.), составляетъ главное содержаніе повѣствованія. Во 2-й же главѣ главный предметъ бытописанія чловѣкъ; здѣсь и самый міръ и все *украшеніе* его бытописатель разсматриваетъ уже только по отношенію къ чловѣку. Онъ упоминаетъ снова о сотвореніи растений, но съ тѣмъ, чтобы указать на значеніе и цѣль сего творенія по отношенію къ чловѣку; — до Адама чловѣкъ *не блше дѣлати* землю (ст. 6.), но съ сотвореніемъ его и изведеніемъ въ рай *дѣлати и хранити* его (ст. 15.) уясняется и цѣль творенія произрастеній земли и ихъ значеніе для чловѣка. По сотвореніи уже Адама, Моисей упоминаетъ вновь о сотвореніи *всѣхъ звѣрей сельныхъ и птицъ не-*

ствованіи еще во времена Адама племень, не отъ него происшедшихъ. Такъ, во 2-мъ стихъ 4-й главы сказано: *бысть Авель пастырь овецъ; Каинъ же бы дѣлалъ землю.* Земледѣліе, по мнѣнію Пейрера, требуетъ предварительнаго открытія и усовершенія многихъ орудій, некуществъ и пособій; овцеводство — укрощенія и приученія животныхъ, а существованіе пастыря предполагаетъ нужнымъ защищеніе стадъ

бесныхъ (ст. 19), съ тѣмъ, чтобы показать мудрость перваго человека въ нареченіи имъ именъ. — Мысль о преимущественной важности творенія человека предъ созданіемъ прочихъ существъ, какъ причину повторенія сказанія о семъ твореніи у Моисея, имѣли и св. истолкователи св. книгъ. «Отъ чего», говоритъ св. Василій Великій, «выше тамъ (1 гл. ст. 27.) сказано уже о сотвореніи человека: и сотвори Богъ человека по образу Божию сотвори его, а здѣсь (во 2-й гл.) опять сначала повѣствуется о происхожденіи человека, какъ-будто намъ ничего еще не было известно объ образованіи его?...» Показавши, что здѣсь не говорится о различномъ сотвореніи тѣла и души, какъ думали нѣкоторые въ его время, св. Василій продолжаетъ: «иногда говорится намъ вообще, а иногда повѣствуется подробно, какимъ образомъ, что произошло. Итакъ, выше (въ гл. 1-й) сказано только о томъ, что сотворилъ Богъ, но умолчано объ образъ творенія; а здѣсь (во 2-й гл.) показано и то, какъ сотворилъ; ибо если бы сказано было только: *сотвори* (человѣка), то можно было бы подумать, что сотворилъ такъ, какъ звѣрей, какъ растенія, какъ траву,—потому, чтобы избѣжать тебѣ такого общенія съ животными, слово предало, «какимъ образомъ Богу угодно было сотворить собственно теби, — взявъ Богъ персть отъ земли (2, 7.). Тамъ сказано только то, что сотворилъ, а здѣсь — и какъ сотворилъ....» *Περὶ τῆς τῆ ἀνθρώπου κατασκευῆς λόγος.* 2. S. Basil, oper. ed. Garnier. T. I. p. 479, 480.). Туже мысль выражаютъ св. Теофиль въ посл. къ Автолику (Lib. 2. с. 19. 20.) и св. Іоаннъ Златоустъ (in Gen. Hom. 12. opera ejus. ed. Ducaei).

отъ грабителей и воровъ ; но такъ-какъ ихъ не могло быть въ немногочисленномъ семействѣ Адама, гдѣ были только Каинъ и Авель, — то это указываетъ на существованіе чуждыхъ Адамову роду людей. Въ 17-мъ стихѣ тойже главы говорится о женѣ Каина, въ 14-мъ Каинъ выражаетъ опасеніе, что *всякъ обрѣтаетъ его убіетъ* его ; то и другое не могло произойти въ семействѣ Адама, какъ по родственному союзу, такъ и потому, что рожденіе у Адама дочерей и сыновей, упоминается уже послѣ рожденія Сива. Притомъ, Каинъ выражаетъ свое опасеніе, уже послѣ намѣренія скрыться отъ лица Божія и отъ своего рода (ст. 14.) ; если бы земля была пуста и ненаселена, то скрываясь отъ своего рода въ пустыню, кого бы могъ онъ опасаться? Населеніе въ то время земли иными племенами, не Адамова рода, показываетъ самое удаленіе его въ землю Нандъ, и построеніе тамъ города, названнаго Енохомъ, по имени сына его. Строеніе города предполагаетъ многочисленность населенія, изобрѣтеніе художествъ и общественную жизнь ; города, говорятъ, не могли явиться на землѣ еще при жизни Адама ; для кого и какъ бы сталъ Каинъ строить городъ, только съ своею женою и родившимся тамъ первенцемъ Енохомъ ? *Названіе* городу дается обыкновенно для того, чтобы отличить его отъ другихъ городовъ : это показываетъ уже значительное развитіе гражданственности во время Адама, которое подтверждается еще упоминаніемъ въ словахъ Господа Каину — *вратъ судей* (4, 7.), что даетъ знать о существованіи судищъ и общественныхъ законовъ въ то время. Все это, по мнѣнію Пейрера, объяснимо

только, когда допустимъ бытіе инаго рода людей, прежде Адама.

Очевидно, что вся сила этихъ возраженій основывается на предварительно принятомъ за истинное и ничѣмъ не доказанномъ предположеніи, что во время всѣхъ сихъ событій у Адама не было потомства болѣе Кайна и Авеля, и что прочіе сыны и дочери Адама (15,5.) упоминаются въ бытописаніи, а потому и родились уже послѣ Сиѳа. Предположеніе совершенно несправедливое. Порядокъ упоминаенія въ бытописаніи Моусеевомъ различныхъ сыновей Адама вовсе не есть порядокъ рожденія. Главная цѣль повѣствованія о Кайнѣ и Авелѣ въ гл. 4-й у Моисея не та, чтобы показать преемственность ихъ рожденія и родословіе потомковъ Адама (что составляетъ предметъ особеннаго повѣствованія въ книгѣ Бытія, обнимающаго 5-ю главу), но изобразить важное въ исторіи міра событіе, бывшее причиною раздѣленія потомства Адамова на сыновъ Божіихъ и человѣческихъ; оттого повѣствованіе о Кайнѣ и Авелѣ и поставлено прежде самыхъ родословій потомковъ Адама Кайна и Сиѳа, чтобы объяснить причины ихъ раздѣльности. Самыя слова книги Бытія о рожденіи Авеля послѣ Кайна,—и приложи (Евр. и еще роди ти брата его Авеля (4, 2.)), нисколько не показываютъ, чтобы Авель непосредственно былъ второй сынъ Адама послѣ Кайна; послѣдовательность рожденія потомковъ у бытописателя, когда онъ имѣетъ ее въ виду, обыкновенно выражается ясно: *по семь роди, и роди сына втораго, пятаго, шестаго и проч.*; такъ изображается преемственное рожденіе сыновей у Иакова (Быт. гл. 29, ст. 33—35. гл. 30,

ст. 7, 12, 17 и др.). Существенная цѣль св. писателя книги Бытія, не только въ историческихъ повѣствованіяхъ, но и въ самыхъ родословіяхъ, не точная послѣдовательность потомковъ и полнота указаний сего рода, но отношеніе къ царству Божию какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и самыхъ племенъ. Такъ, въ родословіи потомковъ Каина Моисей не исчисляетъ всѣхъ ихъ, но упоминаетъ только о немногихъ извѣстныхъ изобрѣтеніемъ искусствъ или знаменитыхъ пороками (4, 19—25). Такъ, въ родословіи сыновъ Ноя (Быт. гл. 10) онъ съ особенною подробностію изображаетъ потомство тѣхъ сыновъ и внуковъ Ноевыхъ, отъ коихъ произошли народы, имѣвшіе ближайшее отношеніе къ исторіи Церкви и народа Божія, только кратко упоминая о потомствѣ другихъ. Такимъ образомъ, при ясныхъ указаніяхъ въ Св. Писаніи на нѣкоторую многочисленность рода человеческого еще при жизни Адама и до рожденія Снѣа, мы должны со всею несомнѣнностію допустить, что, между рожденіемъ Каина и смертію Авеля, Адамъ, какъ свидѣтельствуемъ слово Божіе, *роди сыны и дщери* (Быт. 5, 4.), потомствомъ коихъ начинала наполняться земля еще и при его жизни. При этомъ многочисленность населенія не представитъ ничего неудобобизьяснимаго. Если мы знаемъ, что Снѣъ родился на 230-мъ году жизни Адама (Быт. 5, 3. ст. 4, 25.), а годомъ ранѣе сего съ вѣроятностію можно положить убіеніе Авеля, за потерю коего Снѣъ былъ скорымъ утѣшеніемъ отъ Бога (4, 25.), и если теперь рожденіе Каина отнесемъ къ 30-му году жизни Адама, то получимъ пространство времени почти въ 200 лѣтъ, а въ это время, какъ потомство Адама,

такъ его дѣтей и внуковъ могло получить значительное распространеніе и населить уже не двѣ только, но и болѣе странъ земли ; въ это время могли быть открыты первоначальныя удобства общежитія и простыя орудія, нужныя для построенія зданій. При такой естественно объяснимой возможности немалочисленнаго и довольно обширнаго заселенія земли еще при жизни Адама не лзя устранить мысли и объ особенной дѣйственности Божія благословенія—умножаться и населять землю,—даннаго человѣку въ то время, когда и открывалась нужда скорѣйшаго населенія земли и производительныя силы природы были въ болѣе животворномъ состояніи во времена ближайшія къ началу міра; долголѣтіе Патріарховъ, по видимому, имѣло тѣже причины и ту же цѣль (и).

(и) Примеръ быстрого увеличенія народонаселенія, при помощи благословенія Божія, даже во времена послѣ-потопныя, можемъ видѣть въ потомствѣ Авраама. Отъ сего одного праотца, втеченіи 405 лѣтъ, отъ рожденія Исаака до исхода израиля изъ Египта, произошло не только многочисленное потомство народа израильскаго, который, по исчисленію, произведенному при началѣ втораго года по изшествіи изъ Египта (Числ. I, 1—2.), простирался до 603,550 лицъ мужскаго пола, достигшихъ 20 лѣтъ и способныхъ носить оружіе, кромѣ дѣтей, женъ, пришельцевъ и цѣлаго кольна Левина (Числ. I, 45. 46.), что, по малой мѣрѣ, даетъ приблизительное число всего народонаселенія болѣе двухъ милліоновъ,—но и другія племена и народы. Такъ, по обѣтованію Божію, отъ Измаила происходятъ двѣнадцать народовъ (Быт. 17, 20.); многочисленное потомство происходитъ отъ шести сыновъ, рожденныхъ отъ Хеттуры, изъ коихъ двое были родоначальниками 13-ти племенъ (Быт. 25, 1—6.); отъ Исава произошли многочисленныя племена едомскія (Быт. гл. 32.). Умноженіе израиля въ Египтѣ отъ 75 душъ (Исх. I, 5. Быт. 46, 28), вышедшихъ изъ Хананеи съ Іаковомъ, до двухъ

Итакъ, нѣкоторая многочисленность уже рода человѣческаго и существованіе простѣйшихъ искусствъ еще при жизни Адама не даетъ никакого права предполагать существованіе въ то время людей инаго, не Адамова рода, какъ думаютъ противники истины единства рода нашего. Но не лѣзя не замѣтить, что и въ самомъ изображеніи многочисленности людей и общественнаго развитія въ то время, они допускаютъ крайнія преувеличенія или совершенно ложныя заключенія. Такъ, ни земледѣліе Каина, ни овцеводство Авели не даютъ никакого основанія къ мысли о какомъ бы то ни было особенно высокомъ состояніи искусствъ и пр. Каинъ и Авель могли быть и первыми изобрѣтателями своихъ искусствъ; простота этихъ занятій, особенно при плодородіи почвы и благоприятномъ климатѣ, ветребовавшихъ ни сложныхъ орудій, ни пособій другихъ искусствъ, вполне прилична первобытнымъ временамъ. Едва ли нужно упоминать, что пастыръ нуженъ при стадѣ не для одной только защиты отъ хищниковъ, и что выводъ, который отсюда дѣлаетъ Пейреръ, болѣе страненъ, нежели правилень.

и болѣе миллионъ, въ продолженіе времени около 200 лѣтъ, при всѣхъ препятствіяхъ къ оному и гоненіяхъ, легко объясняетъ умноженіе рода человѣческаго при Адамѣ, въ продолженіе того же времени, въ несравненно большемъ числѣ, когда вспомнимъ долготу того времени, которое, простираясь долѣе на нѣсколько предѣловъ жизни человѣческой послѣ-потопной, должно было производить и соответственное сему распространеніе потомства. Математическія исчисленія совершенно оправдываютъ мысль о возможности чрезвычайнаго умноженія населенія въ данный періодъ (200 л.), и при данномъ среднемъ предѣлѣ человѣческой жизни въ то время.

Нѣтъ ничего невѣроятнаго и въ томъ, что жена Каина была вмѣстѣ и сестра его. «Когда была «нужда, чтобы чрезъ рожденіе умножились люди, «а другихъ людей, кромѣ тѣхъ, кои родились отъ «двоихъ, не было, то мужи получали въ супру- «жество своихъ сестеръ; что, понстивъ, въ какой «мѣрѣ въ древности было позволено, по требованію «крайней нужды, въ такой мѣрѣ въ послѣдствіи по «запрещеніи религіею сдѣлалось достойнымъ осу- «жденія» (о). Съ сими словами бл. Августина со- гласно изъясняютъ супружество Каина и первыхъ сыновей Адама св. Іоаннъ Златоустъ, св. Епифаній, св. Амвросій Медиоланскій и другіе богомудрые истолкователи Св. Писанія (п).

(о) Бл. Августин. de Civ. Dei. lib. XV, с. 16.

(п) «Можетъ быть, спросить кто, говоритъ св. Златоустъ, какъ это, когда Писаніе нигдѣ не упоминаетъ о другой женѣ (кромѣ Евы), Каинъ имѣлъ жену? Не удивляйся сему, возлюбленный. Св. Писаніе нигдѣ не дѣлаетъ точнаго исчисленія женскаго пола, но, избѣгая излишества, вкратцѣ упоминаетъ о мужахъ, и то не всѣхъ, напротивъ, и о нихъ очень кратко повѣствуетъ намъ, напримѣръ, что такой-то родилъ сыновей и дочерей, и умеръ. И въ настоящемъ случаѣ можно полагать, что Ева, кромѣ Каина и Авеля, родила дочь, которую Каинъ и взялъ себѣ въ жену. Такъ-какъ это было вначалѣ, а роду человѣческому пужно было размножаться, то и позволено было жениться на сестрахъ». (Св. Златоустъ, въ бес. 20, на кн. Быт.—Хр. Чт. Октябрь 1851 г. стр. 348.). Ту же мысль утверждаетъ св. Епифаній (Haer. XIX. Sethiani), св. Амвросій Медиоланскій (De Cain et Abel Lib. 2, с. 9.), бл. Θεодоритъ (in Gen. quaest. 72. въ Хр. Чт. 1843 г. III. кн. 374 стр.). Древнія преданія іудеевъ сохранили также воспоминаніе какъ о бракѣ Каина и Авеля на своихъ сестрахъ, такъ и о многихъ сынахъ и дочеряхъ Адама, — даже измыслили имена имъ. Fabricii Codex. Pseud. vet. Test. ed. 1722 an. p. 125—130 et al.

Существованіемъ довольно многочисленнаго потомства у Адама, ввремя описанныхъ у Моусея въ 4-й главѣ событій, легко изъясняется и Каиново опасеніе отмищенія и не только на мѣстѣ совершенія преступленія, но и въ той землѣ странствія (Быт. 4, 15.), куда онъ удамлся, скрываясь отъ лица Божія. Вѣроятно, Каинъ скрылся туда со всеѣмъ своимъ потомствомъ, которое могло быть довольно многочисленнымъ, и способствовать ему въ построеніи города; потому что нѣтъ никакой нужды почитать Еноха первенцемъ, и бракъ Каина полагать уже по удаленіи его въ землю Нандъ (Быт. 17, 4.), или думать, что построеніе города произошло тотчасъ по рожденіи Еноха. Что касается до самого построенія, то оно не представляетъ ничего особенно труднаго, и не предполагаетъ никакого значительнаго развитія общественнаго, когда вспомнимъ, что именемъ *города* евреи называли всякое селеніе, огражденное стѣнами (р), а такое огражденіе нужно было Каину или для защиты отъ дикихъ звѣрей, или, что вѣроятнѣе, для сокрытія здѣсь своего малодушія, которое не было успокоено обещаніемъ безопасности состороны самого Господа (Быт. 14, 15.), но всегда ждало нападенія и отмищенія за кровь Авеля. *Наименованіе города* не необходимо предполагаетъ существованіе другихъ городовъ, и отличіе отъ нихъ, хотя при многочисленности потомства Адамова не было бы невѣроятнымъ и построеніе многихъ селеній и огражденныхъ мѣстъ. Повиди-

(р) Зап. на кв. Бытія стр. 147.

тому, основаніе и нареченіе города Каиномъ не безцѣльн упомянуто въ Св. Писаніи. Слова о Каинѣ: *и бѣ зиждей градъ и именована градъ во имя сына своего: Енохъ* (Быт. 4, 17.), указываютъ именно на опытъ *перваго* основанія города и *перваго* наименованія, — словомъ, — на первыя начала образованія и общественной жизни въ потомствѣ Каина, и состоятъ въ очевидной связи съ изобрѣтеніемъ разныхъ житейскихъ искусствъ въ томже потомствѣ, о коихъ здѣсь же и упоминается (Быт. 14, 19. 20. 21.).

Пейреръ говоритъ, будто въ книгѣ Бытія упоминаются *врата судей* уже во время Адама? Но 7-й стихъ 4-й главы, гдѣ онъ думаетъ находить такое упоминовеніе, съ еврейскаго подлинника читается такъ: *аще благо сотвориши не возношеніе* (или, *не благопріятіе ли? или иначе, не прощеніе ли?*); *аще ли же не благо сотвориши, не при дверехъ ли грѣхъ лежитъ?* (с) Находить въ выраженіи: *при дверехъ грѣхъ лежитъ*, указаніе на *врата судей*, можетъ только одинъ предубѣжденный въ пользу предзанятой мысли взглядъ, а толкованіе сихъ словъ въ томъ смыслѣ, что, въ случаѣ преступленія Каинова, Богъ угрожаетъ предать его въ руки земнаго правосудія, совершенно не соответствуетъ ни общему характеру самой рѣчи, ни связи ея съ послѣдующими словами (ст. 9.). Угроза земнаго отмщенія за преступленіе еще несовершенно Каиномъ, и притомъ, когда самъ Господь впоследствии предохраняетъ Каина отъ человѣческаго мщенія, — въ раз-

(с) Зап. на кн. Бытія, стр. 132.

сма­три­вае­мыхъ нами сло­вахъ со­вер­шен­но не мо­жетъ имѣть мѣста, а по­слѣ­ду­ю­щія за тѣмъ сло­ва Го­спода къ Ка­инну: *умолкни, къ тебѣ об­ра­щеніе его....* и пр. (ст. 7.), при по­доб­номъ изъясненіи остаются со­вер­шен­но не­понятными. Вы­ра­женіе: *грѣхъ при д­верехъ ле­житъ* — бли­же всего озна­ча­етъ скорое об­на­ру­женіе, явленіе грѣха. По­доб­ное сло­во­вы­ра­женіе мы на­хо­димъ въ сло­вахъ Спа­сителя о Сво­емъ при­шествіи — (*вѣдите, яко близъ есть при д­верехъ....* Марк. 13, 29.) и Ап. Іакова о той­же скорости явленія Господня (*се Судія предъ д­верми сто­итъ....* Іак. 5, 9.). При такомъ значеніи выра­женія: *при д­верехъ*, и при со­об­ра­женіи всего об­ли­ченія Господня, об­ра­щеннаго къ Ка­инну, смыслъ всего стиха, нами раз­сма­три­ваемаго, дѣлается яснымъ. Господь прежде всего об­ра­щаетъ вни­маніе на вѣшній видъ Каина: *вскую прискорбень былъ еси и вскую испаде лице твое?* Оче­вид­но, въ слѣ­ду­ю­щихъ сло­вахъ мы дол­жны ожи­дать изъясненія причинъ и цѣли сего вопро­са: *« аще благо сотвориши, если ты бла­гъ, и совѣсть твоя спо­койна, то не возношеніе ли? не должно ли лице твое быть вознесено радостію и Мо­имъ благоволеніемъ? Аще ли же не благо сотвориши, если ты не имѣешь внутренней бла­гости, то не при д­верехъ ли грѣхъ ле­житъ? Не онъ ли ис­хо­дитъ изъ сердца на лице, и является въ мрачныхъ и раз­стро­енныхъ чертахъ его? »* (т). Самыи видъ твой и испадшее лице не об­на­ру­жи­ва­ютъ ли зависти и злыхъ пред­ва­мѣреній?

(т) Зап. на кн. Бытія стр. 132, 133.

III. Нѣкоторые думаютъ находить въ сказаніи Бытописателя о сынахъ Божіихъ и сынахъ человѣческихъ (Быт. гл. 6.) свидѣтельство о двухъ различныхъ племенахъ человѣчества—Адамовомъ и другомъ, происшедшемъ не отъ его племени (у). Мысль совершенно произвольная. Самое уже наименованіе: *сыны Божіи и человѣческіе* ясно указываетъ, что это раздѣленіе людей было собственно религіозное, а не племенное, при которомъ то и другое названіе не имѣло бы никакого основанія и значенія. Цѣль Бытописателя показать не брачные только союзы племенъ, а раздѣленіе Церкви между потомствомъ Сива,—сынами Божіими по благодати (Втор. 14, 1; Иоанн. 1. гл. 3, 1.) и по служенію Іеговъ,—и между нечестивымъ потомствомъ Каина, слѣдствіемъ смѣшенія коихъ было преумноженіе нечестія, и послѣдовавшій за оное судъ Божій (Быт. 6, 56.—12, 13.). Изъясненіе сихъ наименованій находимъ въ самой книгѣ Бытія, гдѣ указывается происхожденіе и значеніе имени Сыновъ Божіихъ. Ибо слова Писанія объ Еносѣ: *сей упова призывати имя Господа Бога* (Быт. 4, 26.), согласно съ еврейскимъ словоупотребленіемъ, могутъ имѣть такой смыслъ: тогда начали именоваться по имени Божіемъ или отъ имени Божія (Ф), т. е. племя благочестивыхъ совершенно отделилось отъ сѣмени Каинитовъ, и приняло наименованіе отъ имени Іеговы, Коему служеніе, и, вѣроятно, у-

(у) Эту мысль въ особенномъ сочиненіи раскрывалъ Эдуардъ Кнингъ (King). О немъ въ *Histoire. d. Sectes Relig.* p. Gregoire. T. II. p. 2, 3.

(Ф) Зап. на кн. Быт. стр. 155.

становленіе общественнаго, внѣшняго богослуженія во время Еноса, составляло не только внутреннее, но и внѣшнее отличіе Синова потомства.

IV. Новое основаніе мысли о происхожденіи различныхъ племенъ рода человѣческаго отъ различныхъ прародителей думаютъ нѣкоторые (х) находить въ родословіи сыновъ Ноевыхъ въ 10-й гл. книги Бытія. Племена и народы, исчисляемые здѣсь, принадлежатъ только къ такъ называемому *бѣлому* поколѣнію человѣческаго рода, которое обнимаетъ семитическія и индо-германскія племена; о другихъ породахъ существенно отличныхъ отъ кавказской,—каковы: негрская и монгольская, Моусей ничего не говоритъ въ описаніи племенъ, произшедшихъ изъ рода Адамова. Это доказываетъ отличное и раздѣльное отъ описаннаго во 2-й гл. книги Бытія происхожденіе сихъ, неизвѣстныхъ ни Моусею, ни народу израильскому племенъ.

Прежде нежели обратимъ вниманіе на то, справедлива ли мысль, что Моусей и не знаетъ и не упоминаетъ о другихъ племенахъ человѣческаго рода, кроме кавказскаго, должно замѣтить, что нѣтъ никакого основанія искать, въ предложенномъ у Моусея родословіи потомковъ Ноевыхъ, точныхъ и подробныхъ свѣдѣній о распредѣленіи всѣхъ народовъ земли и ихъ племенныхъ отличійхъ. Существенная цѣль всего бытописанія—изображеніе состоянія и судьбы Церкви Божіей на землѣ; внѣшнія происшествія изображаются и упоминаются только въ той мѣрѣ, въ ка-

(х) *Cocserotz*, въ *Tableau Synopt. des races hum.* также см. *art. Нотте* въ *N. Dict. de la Convers.* edit. p. A. Wahlen. Brux. 1843.

кой онъ входятъ и соприкасаются съ главнымъ предметомъ св. книгъ, исторіею царства Божія на землѣ. И такъ-какъ въ ветхомъ завѣтѣ истинная Церковь находилась среди одного народа еврейскаго, то, частіе, Бытописатель упоминаетъ изъ числа вѣщившихъ событій міра только тѣ, кои имѣютъ какое-либо отношеніе къ исторіи народа избраннаго. Такой способъ и цель изображенія вѣщившихъ событій, общій всему Св. Писанію въ историческомъ его содержаніи, ясно можно примѣтить и въ родословіи потомковъ Ноевыхъ. Здѣсь съ большою подробностію и отчетливостію изображается происхожденіе тѣхъ племенъ и народовъ, кои имѣли какое-либо вліяніе на судьбы народа Божія или вступали съ нимъ въ близкія отношенія; о потомствѣ тѣхъ родоначальниковъ, племена коихъ мало имѣли отношенія къ израильскому народу, говорится кратко; о тѣхъ, даже великихъ народахъ, коихъ исторія не соприкасалась съ исторіею Церкви, Бытописатель умалчиваетъ, такъ-какъ описанія подобныхъ племенъ чужды главной цели св. повѣствованія. Поэтому неудивительно, что мы затруднимся по родословію Моусееву опредѣлить напр. происхожденіе китайцевъ, индѣйцевъ, несмотря на древность этихъ народовъ, восходящую до времени Моусея и далье. Такъ, Моусей очень кратко говоритъ о потомствѣ Іафета (Быт. 10, 1—3), несмотря на то, что отъ него, вслѣдствіе благословенія Ноева о преимущественномъ распространеніи его потомства (Быт. 9, 27) должно было произойти много народовъ. Изъ потомковъ Іафета онъ только вкратцѣ перечисляетъ сыновей Гамера и Іавана родоначальниковъ племенъ, первоначально жившихъ въ Малой Азіи

и близкихъ по сему къ Палестинѣ. Съ несравненно большею подробностію, до втораго и третьяго колѣна, перечисляетъ Моусей потомство Хама, и особенно Мисраима, Хуса и Хаанаана, отъ коихъ произошли народы, имѣвшіе самое близкое отношеніе къ израильтянамъ, — египтяне, вавилоняне, ассиріяне и ханаанскія племена; здѣсь Бытописатель входитъ въ нѣкоторыя подробности о первоначальномъ происхожденіи царствъ (ст. 10.), объ основаніи нѣкоторыхъ городовъ (ст. 11. 12.). Но съ особенною полнотою изображаетъ Моусей потомство ханаана, перечисляя до одиннадцати его потомковъ, родоначальниковъ незначительныхъ въ историческомъ отношеніи племенъ, но занимающихъ важное мѣсто въ исторіи народа израильскаго; здѣсь онъ даже съ точностію обозначаетъ границы расселенія ханаанскаго племени (ст. 10. 19.). Въ родословіи потомковъ Сима особенное вниманіе обращено на потомство Арфаксада, родоначальника егрейскаго народа. Тогда-какъ о прочихъ сынахъ Сима, напр. Елама, Асуръ, Лудъ, — упоминается только по имени, съ большею подробностію перечисляется потомство Іектана, сына Еверова, даже въ пятомъ колѣнѣ отъ Сима, тринадцать сыновей коего были предками такого же числа незначительныхъ племенъ аравійскихъ. Такой особенный характеръ и особенная цѣль родословія, предложеннаго Моусеемъ, не позволяетъ намъ искать въ немъ полной этнографической генеалогіи народовъ, и опровергаетъ заключенія тѣхъ, кои изъ молчанія Моусеева о томъ или другомъ народѣ думаютъ вывести, что Моусей не зналъ объ ихъ существованіи, или что они происходятъ не отъ потомства Адамова.

Но если, по самой цѣли своей, родословіе сыновъ Ноевыхъ не довольно полно, чтобы искать въ немъ родоначальниковъ всѣхъ племенъ и народовъ; то оно во всякомъ случаѣ достаточно, чтобы показать, что Моисею не были неизвѣстны племена рода человеческого и непринадлежащія къ племени кавказскому, и что, несмотря на ихъ отличіе по цвѣту кожи и тѣлеснымъ особенностямъ отъ племени, къ которому принадлежалъ народъ еврейскій, онъ тѣмъ не менѣе включалъ ихъ въ потомство единого родоначальника—Адама. Болѣе яснымъ свидѣтельствомъ сего можетъ служить потомство Хуса (Быт. 10, 6. 7.), какъ племя болѣе извѣстное и опредѣленное.

По свидѣтельствамъ Священнаго Писанія 1.) племя Хуса преимущественно занимало страны, лежащія къ югу отъ Египта, — вообще, кромѣ древней Еѳіопіи, страны извѣстныя въ настоящее время подъ именемъ Нубіи и Кордофана (Іов. 28, 19. — Исаіи XI, 11. Іезек. 29, 10. Зах. 2, 12. Ам. 9, 7 и др.). 2.) Что касается до наружнаго вида хуситовъ, то изъ Священнаго Писанія извѣстно, что они имѣли природный, неизмѣнный, черный цвѣтъ тѣла (Іер. 13, 23.). Эти черты показываютъ, что подъ именемъ сыновъ Хуса — Бытописатель разумѣетъ тѣ племена, кои въ древности извѣстны были подъ именемъ эѳіоплянъ. Названіе Еѳіопіею страны Хусъ (Кушь—евр.) принимаемое и въ самомъ Св. Писаніи (Іудѣѣ 1, 10.) вездѣ было употребляемо для обозначенія потомковъ Хуса семьюдесятью Переводчиками. По свидѣтельству Іосифа Флавія и Іеронима не только евреи, но и вся Азія называла Еѳіопію страню

Хуса (ц). Наконецъ, согласіе почти всѣхъ истолкователей Св. Писанія, до новѣйшихъ временъ, въ тождествѣ земли Хусъ и Еѳіопіи дѣлаетъ несомнѣннымъ, что Моусею были опредѣленно извѣстны племена, населяющія Верхній Египетъ (ч).

(ц) Hier. Quaest. X. in Gen. Иосифъ Флавій, Antiqu. Lib. 1. с. 7.

(ч) Тождеству Хуса и Еѳіопіи, призванному всѣми древними и большію частію новѣйшихъ толкователей Св. Писанія, противоположаютъ мнѣнія знаменитаго Бохарта, принятое и нѣкоторыми другими, что земля и племя Хусъ находится въ восточной части Аравіи. Неоспоримые слѣды мѣстообитанія хуситовъ въ Азій (Быт. 2, 13.), въ древнѣйшія времена, названіе мадіантянки жены Моусеевой еѳіоплянинею (Исх. 3, 1. Числ. 12, 5.), сопоставленіе Хуса и Мадіана, какъ родственныхъ и сопредѣльныхъ племенъ (Аввак. 3, 7.), войны хуситовъ въ Азій (4 Царств. 19, 9. 2 Парал. 14, 9.), мѣстопробываніе нѣкоторыхъ племенъ потомства Хусова въ Аравіи (напр. Сава, Евила, Саваоа и др. Быт. 7, 27.) и нѣкоторыя свидѣтельства древнихъ писателей, дававшихъ имя еѳіоплянь племенамъ азіатскимъ, обитавшимъ по берегамъ Чермнаго Моря, — вотъ основанія, предлагаемая Бохартомъ въ защиту своего мнѣнія. Но онъ не могутъ отстранить ясныхъ доказательствъ въ пользу единства Еѳіопіи и Хуса. Что касается до неоспоримыхъ и ясныхъ указаній Св. Писанія на хуситовъ въ Азій; то это не представляется удивительнымъ во времена Моусея и ближайшія къ нему, когда вспомнимъ, что Азія была первоначальнымъ мѣстомъ обитанія всѣхъ племенъ и центромъ последующаго разселенія: еѳіопское племя въ то время не могло быть такъ отрѣшеннымъ отъ прочихъ, и опредѣленнымъ въ своихъ границахъ, какъ нынѣ; берега Чермнаго Моря, какъ главный путь переселенія народовъ въ Африку, естественно, долгое время могли быть занимаемы хуситскими племенами, пока не были вытѣснены уже совершенно въ Африку арабійскими племенами, потомками Измаила. Кромѣ того, не всѣ изъ основаній Бохарта сами по себѣ тверды: напримеръ, войны еѳіоп-

Это тождество еѳіоплянъ древняго міра и кушитовъ Св. Писанія ясно говоритъ, что Бытописателемъ въ исчисленіи потомства Адамова не были забыты и племена, отличныя по цвѣту тѣла отъ того, къ коsmу принадлежалъ народъ избранный. Еѳіопляне, съ ихъ отличительными признаками, очевидно, не могли быть неизвѣстными Моисею и народу израильскому, особенно ввремя продолжительнаго пребыванія въ Египтъ, гдѣ, какъ показываютъ изображенія на древнихъ памятникахъ, историческія и археологическія изслѣдованія, издревле были извѣстны племена и обитатели еѳіопскаго племени (ш).

лявъ въ Азіи нисколько не удивительны, если вспомнимъ древнее могущество этого племени, частое покореніе имъ Египта путемъ завоеваній и близость Еѳіопіи къ Азіи. Наименованія древними еѳіопами въкоторыхъ азіатскихъ племенъ свидѣтельствуютъ болѣе о неточности словоупотребленія, нежели даютъ свидѣтельство о дѣйствительно-еѳіопскомъ началѣ этихъ племенъ; древніе часто называли еѳіопами всѣ темноцвѣтныя племена (даже напр. индѣйцевъ, мавровъ), не взирая на ихъ происхожденіе. Замѣчательно, что и библейское наименованіе Кушь обозначало не столько опредѣленный народъ въ политическомъ отношеніи, сколько отдѣльное племя, отличающееся отъ другихъ чернымъ цвѣтомъ кожи.

(ш) Не говоря о сопредѣльности Египта и Еѳіопіи, о тѣсныхъ племенныхъ отношеніяхъ ихъ обитателей, о постоянной исторической связи и близкихъ отношеніяхъ египтянъ и еѳіоплянъ, по которымъ въ разныя времена то еѳіопскія племена путемъ завоеванія утверждались на берегахъ Нила, то наоборотъ египтяне простирали свое господство надъ ними, — обстоятельства, которыя дѣлаютъ болѣе, чѣмъ вѣроятнымъ пребываніе многихъ лицъ и племенъ еѳіопскаго происхожденія во времена Моисея, мы имѣемъ въ памятникахъ самого египта историческія свидѣтельства извѣстности негрскаго

Что касается до третьяго главнаго племени чело-
вѣческаго рода, извѣстнаго подъ именемъ монголь-
скаго, котораго также не находятъ въ родословіи на-
родовъ въ книгѣ Бытія, то неудивительно было бы,
что народы сего племени, издревле обитавшіе въ
сѣверной и восточной части Азіи, отдѣленные об-
ширнымъ пространствомъ отъ Іудей и не входившіе
съ ними ни въ какія отношенія, не имѣютъ мѣста
въ исчисленіи Моусеевомъ: но и здѣсь въ потомствѣ
Іафета мы встрѣчаемъ одно имя, которое, по общему
мнѣнію большей части толкователей, относится къ
кочующимъ народамъ средней Азіи, принадлежащимъ
къ монгольскому поколѣнію. Это имя *Магогъ* (Быт.
10, 2.), подъ коимъ Св. Писаніе разумѣтъ отдален-
ные варварскіе народы Сѣвера и Сѣверо-Востока
(Іез. 38, 6. 1 Мак. 4, 47.), признаваемые большою

племени въ самыя древнія времена. Въ іероглифическихъ изобра-
женіяхъ и картинахъ въ мѣстахъ погребеній, среди темноцвѣтныхъ
египтянъ, ясно отличаются совершенно черные еіопляне, со всеми
рѣзко опредѣлившимися чертами негрскаго племени: то изображены
побѣды египетскихъ царей надъ еіоплянами, то послѣдніе являются
какъ рабы, то какъ соучастники и помощники при жертвоприно-
шеніяхъ (Lepsius въ Meyer's Hebr, Würzeln. 1845. Ang. III. 745.
746, p. Prichard's Naturg. d. Mensch. T. II, p. 262.). Исследо-
ваніе древнихъ мумій показало, что среди египетскаго населенія на-
ходились жители негрскаго происхожденія (Blumenbach. De gen.
hum. Variet. 1795. p. 187, 188.). Свидѣтельства этихъ памятни-
ковъ, кои мы по справедливости можемъ почитать не только со-
временными Бытописателю родословія сыновъ Ноевыхъ, но, можетъ
быть, восходящими далѣе поселенія сыновъ прапарлевыхъ въ Египтъ,
ясно говорятъ, что различіе племенъ не препятствовало Моусею
признавать весь родъ человѣческой потомствомъ единаго Адама.

частью древнихъ и новѣйшихъ толкователей за одно съ скиѳами (ш), именемъ которыхъ обозначаются обыкновенно многочисленныя и кочующія племена на обширныхъ равнинахъ, простиравшихся изъ глубины средней Азии до самыхъ предѣловъ греческихъ поселеній по берегамъ Чернаго моря.

Такимъ образомъ, мы находимъ въ Св. Писаніи указанія на всѣ три главныя племени рода человеческого, кои производятся Бытописателемъ отъ одного общаго праотца Адама. Это показываетъ, въ какой мѣрѣ насправедливо утверждаютъ, будто Моисей не хотѣлъ и не могъ говорить о другихъ породахъ, кромѣ бѣлой (кавказской), что онъ не зналъ и не могъ наименовать еврейскій родъ монгольской и негрской, совершенно ни въ какихъ извѣстныхъ (ъ).

V. Наконецъ, и самое ясное ученіе Апостола Павла о происхожденіи всѣхъ людей отъ единаго Адама,

(ш) Юсифъ Флавій (Ant. 1. с. 6. 3.) переводитъ слово Магогъ—скиѳами. Въ сирійцы, по свидѣтельству Ассемана, употребляютъ это названіе для обозначенія всѣхъ племенъ, живущихъ къ сѣверу отъ Индіи и къ востоку отъ Персіи (племена Татаріи); также и арабѣ называютъ симъ именемъ народы крайняго сѣвера и сѣверо-востока Азии. Бл. Иеронимъ такъ опредѣляетъ положеніе страны и племени Магога: «Magog esse gentes Scythicos immanes et innumerabiles, quae trans Caucasum montem et Maeotidem paludem et prope Caspium mare ad Indiam usque tendantur». Толк. на Исек. 38, 2. Въ призываніи Магога—скиѳами, а снхъ послѣднихъ—принадлежащими къ монгольскому племени, согласны большая часть новѣйшихъ изсѣдователей Winer's Bibl. Realvort. 1848. art. Magog.

(ъ) Jaucerotte,—Tableau Synopt. d. Races Hum. Art. de l'unité d. g. humaine.

коимъ Апостолъ изъяснялъ всеобщность грѣха и смерти въ родъ человѣческомъ, и которое поставилъ въ тѣсной, существенной связи съ догматомъ искупленія всѣхъ заслугами единого новаго Адама (Римл. 3, 8. 9. 6, 12. 1 Кор. 15, 46. 48.), не избѣгло дерзновеннаго искаженія у Пейрера и другихъ преадамитовъ. Такъ какъ, по ученію Апостола, смерть есть слѣдствіе грѣха Адамова (Римл. 5, 12.), и по-сему самое дѣйствіе смерти служитъ уже свидѣтельствомъ происхожденія всѣхъ смертныхъ отъ него одного, то Пейреръ ничѣмъ не могъ отстранить яснаго ученія Апостола, какъ совершенно отвергнувъ оное и допустивъ, что смерть есть естественное слѣдствіе устройства и природы нашего тѣла, а не плодъ преслушанія Адамова, и потому, господствовала и надъ предшественниками (по его словамъ) Адама на землѣ. Въѣсть съ этимъ онъ извратилъ и ученіе Апостола о грѣхѣ первородномъ, распространившемся на весь родъ человѣческой путемъ происхожденія всѣхъ отъ Адама. Грѣхъ, по его мнѣнію, существовалъ и до Адама, но преступленіемъ содѣлался только съ нарушеніемъ положительной заповѣди Божіей Адамомъ. Преступленіе Адама въѣнено всему роду человѣческому, по единству природы всѣхъ людей, такъ же какъ въѣняются напр. заслуги одного всему обществу или преступленіе одного члена или предка семейства всему роду и проч.

Подобныя мысли о началѣ смерти, и о сущности грѣха первороднаго, ясно противорѣчатъ Св. Писанію, и давно обличены и осуждены Церковію въ ихъ источникъ — ереси Пелагія. Кромѣ известныхъ уже пелагіанскихъ умствованій въ защиту лжеученія,

новое доказательство, изобретенное Пейреромъ въ защиту своего мнѣнія, отнюдь не уступаетъ прежнимъ, если не превосходить ихъ въ самомъ насильственномъ перетолкованіи словъ Св. Писанія. Слова Апостола: *до закона бо грѣхъ бѣ въ мѣръ, грѣхъ же не смѣлился не сущу закону; но царствова смерть отъ Адама даже до Моисея и надъ несогрѣшившими по подобію преступленія Адамова* (Римм. 5, 14.), онъ перетолковываетъ такъ: грѣхъ существовалъ въ мѣръ еще до закона, или заповѣди, данной Адаму, — отсюда видно, что были люди еще до Адама; но тогда грѣхъ не смѣлился, потому что не было положительнаго закона и повелѣнія Божія, даннаго въ первый разъ только Адаму. Равнымъ образомъ и смерть царствовала отъ Адама до Моисея и надъ тѣми, кои, не произходя отъ Адама и не зная о его грѣхѣ, не грѣшили по подобію его преступленія. Отсюда слѣдуетъ, по мнѣнію Пейрера, что смерть не была слѣдствіемъ грѣха Адамова.

Нѣтъ нужды говорить, что подобное перетолкованіе не только несогласно съ духомъ всего ученія Апостола Павла, но и противорѣчитъ яснымъ словамъ его, находящимся въ тойже главѣ, даже въ предшествующемъ стихѣ, въ коемъ говорится, что грѣхъ и смерть вошли въ мѣръ однимъ человѣкомъ. Очевидно, что все перетолкованіе основывается, кромѣ предзанятыхъ мнѣній, на томъ, что виновникъ его подъ словомъ *законъ* разумѣетъ заповѣдь, данную Богомъ Адаму въ раю. Ложность такого разумѣнія очевидна, когда вспомнимъ, что по многократному словоупотребленію Св. Писанія Поваго Завета (напр. Матѣ. 5, 7—22. 36. 40. Лук. 16, 16. Іоан. 1, 17. 7, 19. и

др.) и вособенности Апостола Павла, и притомъ, чаще всего въ томъ же самомъ Посланіи къ Римлянамъ, гдѣ находятся и разсматриваемыя нами слова (Римл. 7, 7. 3, 19. 20. 21. 37. 4, 13. 18. и др.), слово *законъ* означаетъ собственно *законъ Моусеевъ*. При такомъ значеніи сего выраженія смыслъ словъ Св. Писанія ясно опредѣляется такимъ образомъ: и до закона Моусеева былъ грѣхъ въ мірѣ, но до сего времени онъ не вѣнялся: ибо вѣняется преступленіе ясное, сознательное, нарушеніе положительной заповѣди Божіей, а гдѣ нѣтъ закона, тамъ нѣтъ и преступленія, по ученію Апостола (Римл. 4, 15.); ибо грѣхъ познается только закономъ (Римл. 3, 19.), а безъ закона грѣхъ мертвъ (Римл. 3 гл. 8 ст.), какбы не существуетъ. Но несмотря на это, смерть царствовала и надъ несогрѣшившими подобно преступленію Адама, и надъ тѣми, кои не преступали положительнаго повелѣнія Божія, потому что смерть, какъ сказалъ Апостолъ въ предыдущемъ стихѣ (который здѣсь поясняется) передается наследственно, какъ плодъ грѣха *одного* Адама, хотя не согрѣшили, подобно ему, происшедшіе отъ него (ы). Итакъ, въ словахъ

(ы) Сіе изъясненіе словъ Апостола согласно съ мыслію бл. Августина, главнаго противника пелагіанъ, и обличителя ихъ заблужденій (De peccat. meritis et remis. L. I. c. 2., или Epist. ad Hilariūm CLVII cap. 18, 19 и въ др. мѣстахъ). Св. Златоустъ, съ коимъ единомудрствуетъ и бл. Теодоритъ, не отвергая сего изъясненія, принимаетъ другое, изъясняя слова: *до закона* (ἄχρι νόμου) во все время продолженія закона, пока существовалъ законъ Моусеевъ; такъ какъ частица ἄχρι можетъ имѣть значеніе — *во время, тогда какъ, пока* (Евр. 3, 13 и др.). Когда Апостолъ говоритъ,

Апостола, правильно изъясняемыхъ, содержится ученеіе противное тому, какое хотѣли видѣть въ нихъ чрезъ перетолкованіе. Слова : царетвова смерть *отъ Адама до Моисея* — ясно указываютъ на Адама какъ на перваго челоуѣка и перваго смертнаго.

Очевидная принужденность и несправедливость перетолкованія словъ Св. Писанія въ пользу ложнаго мнѣнія о нѣсколькихъ прародителяхъ рода челоуѣческаго, показываетъ, какъ слабы и ничтожны доказательства сего мнѣнія, заимствуемая изъ Св. Писанія.



что грѣхъ былъ въ мірѣ до закона (*ἄρχῃ νόμου*), чрезъ сіе, какъ думаю, разумѣть, что, по изданіи закона, обладалъ уже грѣхъ преступленія закона, который и господствовалъ *все то время*, пока существовалъ законъ. Ибо грѣхъ не могъ утвердиться, говоритъ Апостоль, пока не было закона. Итакъ, ежели сей самый грѣхъ, грѣхъ преступленія закона, *породилъ смерть*, почему умерли жившіе до закона? Ибо, ежели смерть имѣла свой корень во грѣхѣ, а грѣхъ, пока не было закона, не вѣнялся, то почему возобладала смерть? Изъ сего видно, что не сей грѣхъ, не грѣхъ преступленія закона, но другой, именно грѣхъ преступленія Адама, былъ причиною общаго поврежденія : *чѣмъ же сіе доказывается?* тѣмъ, что умерли всѣ жившіе до закона» (На посл. къ Римл. Бес. 9.).

О КОНЕЧНЫХЪ ПРИЧИНАХЪ.

Письмо VI.

Начинаю вамъ письмо отвѣтомъ на вопросъ, который предлагаете по прочтеніи моего предшествовавшего письма.

Вы спрашиваете, какъ же, послѣ столь ясныхъ пророчествъ, іудеи могли не узнать Мессіи въ лицѣ Іисуса Христа? Послѣ плѣна вавилонскаго народъ еврейскій дѣйствительно сдѣлался очень внимательнымъ къ Закону и Пророкамъ. Въ народѣ распространилось знаніе Закона и пророчествъ и вслѣдствіе сего было всеобщее ожиданіе грядущаго Мессіа. Однакоже, пришедшаго Мессію не призналъ и не принялъ еврейскій народъ. Чтобы понять, какъ это могло быть, нужно знать внутреннее состояніе іудейской Церкви и народа во времена предъ пришествіемъ Христовымъ. Состояніе сіе объясняется въ словахъ Господа: *на Моисеовъ съдалищи съдоша книжницы и фарисеи* (Матѣ. 23, 2.). Кто же были книжники и фарисеи, и въ какомъ отношеніи они стояли къ народу?

Книжникъ, въ общемъ значеніи этого слова, есть человекъ свѣдущій, ученый (1 Парал. 27, 32.), какъ, напротивъ, люди изъ низшаго сословія, простые и необразованные, называются некнижными (Дѣян. 4, 13.). Книжники, люди особенно свѣ-

душіе въ Писаніи, появляются въ еврейской исторіи, какъ народныя законоучители, какъ наставники и руководители народа въ разумѣніи Закона и пророчествъ. Такихъ наставниковъ мы не видимъ въ древности. Они появляются уже послѣ плѣна, когда прекратился рядъ боговдохновенныхъ учителей или Пророковъ, и быстро начинаютъ размножаться со времени Ездры. Народъ, угьломудренный плѣномъ, возчувствовалъ благоговѣніе къ забытому имъ закону Божию и пламенную ревность къ его познанію и изученію. При такой всеобщей ревности къ изученію Писанія открылась настоятельная потребность въ людяхъ свѣдущихъ въ Законъ, которые бы могли руководить народъ въ пониманіи Моисея и Пророковъ. Вызванное потребностію времени сословіе сихъ законовѣдцевъ или богослововъ постоянно возрастало до той многочисленности, въ какой оно является во времена Иисуса Христа.

Не лзя не созваться, что книжники, понимая, на чемъ держится ихъ вліяніе на народъ, почти съ безпримѣрнымъ въ исторіи трудолюбіемъ и неутомимою ревностію занимались своимъ дѣломъ, изученіемъ Закона и Пророковъ. Плодомъ ревностнаго и неутомимаго изученія было полное и подробное знаніе священныхъ книгъ: но къ сожалѣнію это изученіе и знаніе остановились только на буквѣ Закона, нисколько не проникая въ его духъ или въ его внутренній смыслъ. Конечно, такое уваженіе къ буквѣ держалось на благоговѣніи къ Закону, Богомъ изреченному, въ которомъ, следовательно, каждое слово есть слово самого Бога. Но эта привязанность къ буквѣ, хотя и выходила изъ добраго основанія, довела еврейскихъ

богослововъ до крайностей въ изъясненіи Закона и превратилась въ изученіе совершенно внѣшнее, нисколько не проникающее въ духъ Закона. Такое внѣшнее, буквальное изученіе Закона породило въ книжникахъ то сухое, безжизненное и мелочное направленіе, которое выражается и въ образъ ихъ мыслей, въ пониманіи предписаній Закона, и въ образъ ихъ фарисейской жизни, въ наружномъ, лицемѣрномъ исполненіи Закона. Талщійся за буквой духъ, внутренній смыслъ и значеніе Закона были имъ невѣдомы. Все пониманіе и исполненіе Закона ограничивалось одною внѣшностію, обрядностію, формою. Въ изъясненіе Закона книжники составили множество толкованій, частью излишнихъ и бесполезныхъ, частью софистическихкихъ и ложныхъ, какъ напр. они утверждали, что не имѣетъ значенія клятва храмомъ, но не позволительна клятва златомъ храма (Матѳ. 23, 16.). Въ руководство къ исполненію Закона составили множество правилъ и предписаній, пустыхъ и бессмысленныхъ, которымъ придавали важность божественныхъ повелѣній, какъ напр. умытіе рукъ предъ объдомъ, омовеніе по возвращеніи съ торжшца, обмытіе чашей, кувшиновъ, котловъ и скамей (Марк. 7, 3. 4.). Эти преданія старцевъ, произшедшія отъ самихъ же книжниковъ, съ теченіемъ времени болѣе и болѣе размножались, и получали надъ народомъ такую же, если не большую, силу и обязательность, какую имѣли заповѣди Божіи (Матѳ. 15, 3—6.). Такимъ образомъ книжники, съ одной стороны обременяли народъ пустыми преданіями и предписаніями, которыя безъ нужды и пользы только увеличивали и безъ того тяжелое бремя законнаго рабства (Матѳ.

23, 4.); а съ другой стороны—держали народъ въ ослѣпленіи, остававшая его на буквъ, на формѣ и закрывая отъ него внутренній смыслъ и назначеніе Закона. Ограничивая всю праведность исполненіемъ обрядовъ и храненіемъ преданій, они подавляли въ народъ сознаніе человѣческой немощи и необходимости въ Божественной помощи, къ чему долженъ былъ возводить людей законъ Моисеевъ. Посему-то Господь, обличая книжниковъ, говоритъ, что они, слѣпые и несмысленные вожди народа (Матѳ. 23, 16.), взяли себѣ ключъ разумѣнія, но и сами не вошли въ истинное пониманіе Закона, и желавшихъ войти не пустили. *Горе вамъ законникамъ, яко взясте ключъ разумѣнія; сами невидосте, и входящимъ возвратисте* (Лук. 11, 52.). Таковы-то были книжники. И эти-то люди имѣли огромное, почти неограниченное вліяніе на народъ, и держали въ своей власти его умственную, религіозную и гражданскую жизнь.

Уваженіе, питаемое народомъ къ Закону, въ извѣстной мѣрѣ отражалось на его толкователей и изъяснителей. Народъ благоговѣлъ предъ ними, такъ что въ народномъ мнѣніи простой книжникъ стоялъ выше неученаго первосвященника. Во времена Сираха они занимали мѣсто посреди вельможъ, и пользовались великою славою и уваженіемъ въ народѣ. На нихъ смотрѣли какъ на пророковъ: ихъ вліяніе было сильнѣе, чѣмъ вліяніе первосвященника (а). Такое уваженіе народа къ книжникамъ дало имъ возможность подчинить своему вліянію всю жизнь народа.

(а) Joseph. Ant. 17, 2. 4. 7, 10. 5.

Въ синагогахъ книжники, какъ свѣдушіе во всѣхъ догматахъ Моисеевой религіи и хранители священ-ныхъ преданій, постоянно занимали мѣста истолкова-телей Закона и учителей народа. Въ народныхъ учи-лищахъ они занимали мѣста учителей еврейскихъ юношей. Такимъ образомъ, книжники были единствен-ные люди, отъ которыхъ распространялось по Іудеѣ знаніе Закона, а этимъ знаніемъ и ограничивалось все образованіе у евреевъ. Народъ не зналъ другихъ му-дрецовъ, кромѣ своихъ книжниковъ, другихъ настав-никовъ, кромѣ своихъ законоучителей. Подъ вліяні-емъ ихъ идей и ихъ правилъ постоянно стоялъ на-родъ еврейскій въ своей умственной и религіозной жизни.

Подъ ихъ же вліяніемъ стояла и гражданская жизнь народа. Законъ Моисеевъ опредѣлялъ не только внутреннюю, религіозную, но и ввѣшнюю, граждан-скую жизнь народа. Посему, еврейскій богословъ былъ вмѣстѣ и законовѣдцемъ. Посему книжники, занима-шіе высшія мѣста въ синагогахъ или въ религіоз-ныхъ собраніяхъ, какъ богословы, должны были за-нимать высшія мѣста въ собраніяхъ правительствен-ныхъ, какъ законовѣдцы. Изъ Евангельской исторіи видянь, что они были членами верховнаго судилища іудейскаго и по всей вѣроятности имѣли преимуще-ственную силу (Мѡ. 26, 21. 26, 3, 57, 27, 41. Марк. 8, 31. 11, 27. 14, 43. 53. 15, 1. Лук. 9, 22. 20, 1. 22, 66. и др.) и изъ среды ихъ нередко былъ выбираемъ председатель судилища. Теперь понятно, что книжники, глубоко уважаемые народомъ, един-ственные его наставники и руководители, первыя ли-ца въ синагогахъ и правительственныхъ собраніяхъ,

неограниченно господствовали надъ умами народа, надъ его понятіями, вѣрованіями, направленіями.

Такіе полномочные вожди народа, конечно, легко могли ввести его за собою въ царство Мессіи; но, какъ сказалъ Господь, они и сами не входятъ въ него, и желающихъ войти не допускаютъ, а затворяютъ царствіе небесное предъ челоуѣки (Матѣ. 23, 13.), затворяютъ его и своимъ нравственнымъ вліяніемъ, и, гдѣ нужно, своею внѣшнею властію. Ихъ исключительное буквальное пониманіе Закона, ихъ безжизненное коситіе на одной его внѣшности, встрѣчаетъ новое, совершенно противоположное направленіе въ ученіи Спасителя, которое есть духъ и жизнь (Іоан. 6, 63.). Книжникамъ оставалось одно изъ двухъ, или сознаться, что они, учителя народа, всю жизнь почивающіе на Законѣ, не поняли въ немъ главнаго и существеннаго, что все ихъ пониманіе крайне поверхностно и односторонне, или не отрекаться отъ своихъ вѣковыхъ религіозныхъ понятій и убѣжденій въ своемъ глубокомъ знаніи Закона, не принять ученіе Христово, какъ ученіе новое, противное закону Моисееву и только обольщающее народъ (Іоан. 7, 12.). И не такимъ людямъ, каковы были книжники, слишкомъ самоувѣренные въ своемъ знаніи и пониманіи Закона (Іоан. 9, 34. 7, 48. 49.) трудно бы было вдругъ отречься отъ всѣхъ своихъ привычныхъ взглядовъ, отъ застарѣлыхъ убѣжденій и вѣрованій. Божественное слово Спасителя, раскрывающее сущность христіанской любви, умичающее строгость Закона и возвышающее духъ его, представлялось имъ, при ихъ безусловной привязанности къ буквъ Закона, явнымъ противорѣчіемъ Моисею,

отмѣненіемъ законныхъ заповѣдей (Матѣ. 5, 43—47. Іоан. 8, 5.). Ихъ буквальному пониманію Закона срываніе класовъ или изцѣленіе больнаго въ субботу казалось нарушеніемъ субботняго покоя (Матѣ. 12, 2. 10.), неумытіе рукъ предъ обѣдомъ грѣхомъ великимъ и тяжкимъ (Марк. 7, 5.), допущеніе къ себѣ мытарей и грѣшниковъ оскверненіемъ законной чистоты (Лук. 15, 2.). Въ этой-то рабской, слѣпой и упорной привязанности книжниковъ къ буквѣ и внѣшности Закона и скрывается первое начало той вражды, съ которою они встрѣтили и постоянно преслѣдовали ученіе Спасителя. Увѣренные въ непогрѣшительности своихъ мнѣній, они видѣли въ ученіи Господа ученіе совершенно противоположное своимъ мнѣніямъ и вѣрованіямъ, слѣдовательно, на ихъ взглядъ противное Закону и истинѣ, неутомимо слѣдили за Божественнымъ Учителемъ, вынуждали у Него отвѣты на многое, подыскиваясь подъ Нимъ (Лук. 11, 53. 54.) и совѣтовались между собою, какъ бы уловить Его въ словахъ (Матѣ. 22, 15.). Они видѣли въ Немъ льстиваго учителя, который, впрочемъ, опасень не для нихъ, непоколебимыхъ въ своихъ убѣжденіяхъ, но для простаго народа, для невѣждъ въ Законѣ (Іоан. 7, 58. 59.). Но они имѣли въ рукахъ все средства остановить стремленіе народа къ новому Учителю.

Правда, дорого человѣку его внутреннее, глубокое убѣжденіе, и способенъ онъ всѣми силами отстаивать свое направленіе, особенно укрѣпленное временемъ и проникнувшее всѣ стороны жизни. И чѣмъ исключительнѣе и одностороннѣе это направленіе, каково оно было въ іудейскихъ законникахъ, тѣмъ оно ближе къ

ослѣпленію и упорству. Но и истина говоритъ сама за себя. Если бы въ книжникахъ при всей ихъ односторонности въ разумѣніи Закона, была искренняя любовь къ истинѣ, они не могли бы не признать божественную силу и величіе ученія Христова. И одна только односторонность, заблужденіе мысли едва ли бы могла возжечь въ нихъ ту страшную злобу и непримиримую ненависть, съ которой они преслѣдовали Господа во все время Его земнаго служенія, и наконецъ возвели Его на крестъ. И точно, въ нихъ дѣйствовало противъ Иисуса не одно только заблужденіе, не сила только ложной мысли, но страсть и ужаснѣйшая изъ страстей — духовная гордость.

Почти всѣ книжники были изъ секты фарисейской, господствовавшей во Іудеѣ. Фарисейская секта образовалась послѣ плѣна, обративъ въ свою исключительную собственность тѣ строгія правила благочестія и набожности, которымъ вначалѣ слѣдовали и всѣ іудеи, по возвращеніи изъ Вавилона.

Фарисеи вначалѣ были строгіе ревнители и блюстители закона Моусеева, отличавшіеся особеннымъ благочестіемъ и праведностію. Таковыми были немногіе изъ нихъ и во времена евангельскія, какъ напр. Савль, Никодимъ (Іоан. 3, 1.), Гамалииль (Дѣян. 5, 31.). Но большинство фарисеевъ давно уже потеряло свой первоначальный характеръ. Мало-по-малу ихъ праведность теряла внутреннюю силу, искренность и любовь къ Закону, переходила въ праведность только внѣшнюю, наружную, лицемерную. Самомечтательность есть признакъ внутренней пустоты. Праведность фарисеевъ, по мѣрѣ того, какъ

оскудѣвала въ своей внутренней силѣ, дѣлалась кичливою, самомнительною, искала во вѣншихъ почестяхъ и уваженіи народа восполненія своей внутренней пустоты. Внутренній характеръ фарисейства есть духовная гордость, высокое мнѣніе о своей святости и праведности, и какъ гордость, оправдываясь на совершенства мнимыя и мечтательныя, то гордость съ одной стороны высокоумная и до крайности презрительная ко всѣмъ, не принадлежащимъ къ фарисейской сектѣ, а съ другой стороны гордость до крайности честолюбивая и тщеславная, ищущая вѣншихъ почестей и уваженія. Фарисеи не признаютъ въ себѣ людей обыкновенныхъ, немощныхъ и грѣшныхъ, такихъ, *яко же прочіи челоувцы* (Лук. 18, 41.), но видятъ въ себѣ великихъ праведниковъ, безукоризненныхъ и безгрѣшныхъ блюстителей Закона и преданій. Смотрятъ они на простой народъ, какъ на невѣждъ въ Законъ и грѣшниковъ (Іоан. 7, 49. 9, 34.), къ которымъ самое прикосновеніе нечисто (Лук. 7, 39.) и всякая близость къ нимъ осквернительна (Матѣ. 11, 19.). Ослѣпленные гордостью они хотѣли, чтобы народъ уважалъ ихъ какъ пророковъ (б). Народное уваженіе и воздаваемая имъ почести они принимали какъ должное поклоненіе своей святости, какъ законную дань своей праведности. А между-тѣмъ фарисейская праведность — одно лицемеріе, только личина, подъ которой скрывались ихъ страсти, только средство, которымъ пользовались ихъ честолюбіе или орудіе, которымъ они по-

(б) Ioseph. Antt. 17, 2. 4.

коряли себя умы и сердца народа. И этимъ орудіемъ они совершенно достигали своей цѣли. Если фарисеи сильны были въ народѣ, какъ книжники, учителя Закона: то еще большее имѣли они вліяніе на народъ, какъ праведники и ревнители Закона. И вообще, внѣшность всегда сильно дѣйствуетъ на народъ. Но фарисейская праведность еще имѣла надъ нимъ особенную силу, потому что народъ, обратившійся къ благочестію, былъ способенъ, чѣмъ когда-нибудь, покоряться внѣшнему вліянію благочестія, и расположенъ, чѣмъ когда-нибудь, уважать въ фарисеяхъ образцы предписанныхъ Закономъ добродѣтелей, безъ всякихъ сомнѣній и подозрѣній, съ полною вѣрою въ ихъ чистоту и святость. Въ древнія времена народъ не могъ равнодушно слушать обличеній пророческихъ: теперь онъ смиренно переноситъ самое презрѣніе къ себѣ фарисеевъ, считая себя дѣйствительно нечистымъ и грѣшнымъ предъ этими праведниками. Фарисеи съ своей стороны дѣлали все, чтобы придать внѣшности своего благочестія какъ можно большую силу и вліяніе и за внѣшностію совершенно скрыть отъ глазъ народа внутренній духъ и побужденія своей мнимой праведности. Самъ Спаситель свидѣтельствуетъ, что фарисеи по внѣшности представляются людьми праведными (Матѣ. 23, 28.) и все свое благочестіе стараются выставить на-показъ, вся дѣла своя творять, да видими будутъ чловѣки (—5.). Они показываютъ предъ народомъ самую пламенную ревность къ Закону, и самую строгую точность въ соблюденіи преданій (Матѣ. 12, 2. Іоан. 9, 16. Лук. 11, 38.), желая явить въ себѣ ревнителей Закона и благоче-

стія, они предпринимають далекія путешествія, чтобы обратить въ іудейство хотя одного иноплеменика (Матѳ. 23, 15.), строятъ гробницы Пророкамъ и украшаютъ памятники праведниковъ (—29.). Ихъ частыя омовенія и заботливость о чистотѣ хотя только наружной (Марк. 7, 2—5.), ихъ произвольные и продолжительные посты, и унылыя и мрачныя лица вовемя пощенія (Матѳ. 9, 14. 6, 16.), ихъ милостыни, раздаваемыя какъ можно виднѣе и разглашаемыя въ городѣ, ихъ молитвы, на которыя они любили становиться въ синагогахъ и на улицахъ (6, 2. 5.) — все это наружное благочестіе и набожность сильно дѣйствовали на народъ и давали фарисеямъ въ глазахъ его видъ праведниковъ и право на самое глубокое и благоговѣнное уваженіе. Имъ уступали первыя мѣста на пиршествахъ и въ синагогахъ, имъ кланялись въ народныхъ сборищахъ и привѣтствовали ихъ почетными названіями учителей (Матѳ. 23, 6. 7.). Такимъ образомъ, великая сила и вліяніе, которое имъ было надъ народомъ книжники, какъ учителя Закона, еще болѣе увеличивалось ихъ фарисейскою праведностію. И умы и сердца народа, и его понятія и вѣрованія, были въ полной ихъ власти. Какъ члены верховнаго судилища, они легко могли, гдѣ нужно, поддерживать эту нравственную власть внѣшними средствами.

Если далеки были отъ царства Христова книжники, по своему одностороннему и безжизненному пониманію Закона: то несравненно дальше они были отъ него по своему фарисейскому направленію, по духу своихъ нравственныхъ убѣжденій и страстей. Гордые и честолюбивые, самоувѣренные въ своей

праведности, дорожащіе своимъ вліяніемъ на народъ, ослѣпленные почестями и всеобщимъ уваженіемъ, они конечно воображали, что Мессія, по Своемъ пришествіи, прямо обратится къ нимъ, какъ къ благодѣтелямъ и вѣдцамъ Закона, какъ къ праведникамъ во израилѣ, и что они прежде всѣхъ войдутъ въ царство Его. Господь начинаетъ Свое служеніе на Иорданѣ, безъ всякаго отношенія къ фарисеямъ, за свидѣтельствоваанный только, или указанный народу Іоанномъ, какъ пришедшій Мессія и какъ *Агнецъ Божій, вземлай грѣхи міра* (Іоан. 1, 29. 30.). По возшествіи во Иерусалимъ Господь обращаетъ Свою проповѣдь и Свою чудодѣйственную силу къ народу, а не къ фарисеямъ, которые только по слуху узнаютъ объ умноженіи учениковъ Его (Іоан. 4, 1.). И ихъ Господь не исключаетъ изъ числа Своихъ слушателей, но не обращается къ нимъ особенно. Такое отсутствіе въ Господѣ особеннаго вниманія къ фарисеямъ вождямъ и представителямъ народа могло уже оскорбить ихъ гордость и возбудить въ нихъ подозрѣніе къ новому Учителю. Они не умѣли понять и оцѣнить близость Господа къ простому народу, на который сами они смотрѣли съ презрѣніемъ (Іоан. 7, 48. 49.), — Его милосердія къ людямъ нечистымъ и грѣшнымъ (Матѣ. 9, 10. 11.). Даже благонамѣренные изъ нихъ выводили ложныя заключенія изъ такой снисходительности Его. Въ домѣ Симона блудница обливаетъ слезами ноги Господа и отираетъ ихъ волосами главы своей. Фарисей видя, что Господь допускаетъ прикосновеніе къ Себѣ нечистой, приходитъ въ сомнѣніе о Его святости (Лук. 7, 39.). Съ презрѣніемъ фарисей называютъ Его

другомъ мытарей и грѣшниковъ (Матѣ. 11, 19. Лук. 7, 34.). По презрѣніе скоро смѣнилось въ нихъ другимъ чувствомъ. Сила ученія Господа и могущественное впечатлѣніе его на народъ (Матѣ. 7, 27. 29. Іоан. 7, 46.), слава чудесъ, возрастающая приверженность къ Нему народа возбуждаютъ въ фарисеевъ страхъ, потерять собственное вліяніе на народъ, и особенно возбуждаютъ зависть, готовую на все, чтобы только восторжествовать надъ новымъ Учителемъ столь для нихъ опаснымъ. Съ неусыпною бдительностію зависти следятъ они за словами Господа, чтобы уловить что-нибудь изъ устъ Его, въ чемъ бы можно обвинить Его (Лук. 12, 54.), что бы умалило славу Его въ народъ, совѣщаются между собою, *яко да обольстятъ Его словомъ* (Матѣ. 22, 15.), нѣсколько разъ пристунаютъ къ Нему съ искусительными вопросами (Матѣ. 22, 17. Іоан. 8, 2—9.), но отходятъ пораженные и посрамленные предъ глазами народа, такъ что наконецъ не осмѣливаются больше искушать Его (Матѣ. 22, 46.). Невозможность уловить Его хотя въ одномъ словѣ (Іоан. 8, 46.) только сильнѣе раздражаетъ ихъ ненависть къ Нему. Видите, разсуждали между собою фарисеи, *яко никакая же польза есть; и мѣръ по Немъ идетъ* (Іоан. 12, 19.) и тѣмъ высказали и весь свой страхъ, внушаемый имъ славою Господа, и все безсиліе своихъ покушеній противъ Него, и всю силу своей зависти къ Нему.

Но ничто такъ не озлобило фарисеевъ противъ Иисуса Христа, какъ Его обличеніе фарисейскаго лицемерія. Предъ лицемъ всего народа—Господь срываетъ съ фарисеевъ личину праведности, которою

они прикрывали свою гордость и честолюбіе, обличать лицемеріе ихъ молитвъ, постовъ и милостыней укоряетъ ихъ въ хищеніи, лукавствѣ и беззаконіяхъ, открываетъ ихъ любочестіе и тщеславіе и предсказываетъ униженіе и посрамленіе ихъ гордости. Сіи учителя и руководители народа, досель считаемыя мудрыми и непогрѣшительными, теперь являются какъ *вожди слѣпшіи и безумшіи* (Матѳ. 23, 16. Лук. 11, 40.). Эти самомечтательные праведники израиля, досель чтимые и уважаемые какъ Пророки, теперь выставляются народу въ ихъ настоящемъ видѣ, какъ *гробы поваленныя*, которые снаружки кажутся красивыми, а внутри полны костей и всякой нечистоты (Матѳ. 23, 27.). Такія обличенія фарисеи выслушивали предъ цѣлымъ народомъ. Безмолвные предъ ихъ силою и истиною, не имѣя силъ защищаться и оправдываться, они воспылали злобою и яростно противъ божественнаго Обличителя. А злоба оскорбленной гордости, пораженнаго и посрамленнаго честолюбія есть злоба сильнѣйшая и неукротимѣйшая, къ какой только способна человеческая душа, злоба ослѣпленная и ожесточенная, непримиримая и безпощадная, ненасытимая въ своей мстительности.

Еще во второй годъ служенія Иисуса Христа между фарисеями было рѣшено погубить Его (Матѳ. 12, 14.). Отъ народа они скрываютъ свою личную ненависть къ Нему, но между собою откровенны. На совѣтъ, собравшемся по воскрешеніи Лазаря фарисеи не скрываютъ другъ отъ друга побужденій, по которымъ дѣйствуютъ противъ Господа. *Что сотворимъ*, разсуждаютъ члены христуобійственнаго совѣта, яко *Человикъ сей многа знаменія творить*.

Аще оставимъ Его тако, вси увѣрують въ Него (Іоан. 11, 47. 48.). Но въ глазахъ народа своей личной ненависти и злобѣ они хотять придать видъ ревности по Закону. Гдѣ представлялся случай, они старались представить Господа предъ народомъ какъ нарушителя Закона, оскорбителя субботы, разрушителя отеческихъ преданій, виновнаго въ богохульствѣ (Лук. 6, 1—11. Марк. 7, 2. 5. Матѹ. 9, 14. Іоан. 10, 33. Лук. 5, 21 и др.). Но такія обвиненія не могли имѣть большаго вліянія на народъ, какъ основанныя на ложномъ толкованіи Закона, и убѣдительно опровергаемыя Господомъ, славою и благодѣтельностью чудесъ Его. Чтѣ сказалъ слѣпорожденный фарисеямъ, увѣрявшимъ его, что Даровавшій ему зрѣніе *человѣкъ грѣшенъ есть: отъ вѣка не бысть слышано, яко кто отверзе очи слѣпоруждену. Аще не бы былъ Сей отъ Бога, не могъ бы творити шесогоже* (Іоан. 8, 24. 32. 33.); то конечно было мнѣшиемъ и очень многихъ въ народѣ. Когда Христосъ защищалъ предъ начальникомъ синагоги изцѣленіе бѣсноватой, совершенное Имъ въ субботу, — фарисеи не могли скрыть своего стыда, а народъ своей радости (Лук. 13, 14—17.). Видя, что ихъ нравственное вліяніе на народъ изнемогаетъ предъ силою ученія и чудесъ Иисусовыхъ, они прибѣгаютъ къ вѣшнимъ средствамъ, опредѣляютъ отлучать отъ синагоги всякаго, кто признаетъ Иисуса за Мессію. Это средство не только сдерживаетъ стремленіе къ Иисусу Христу простаго народа, но и князи, увѣровавшіе въ Него, *фарисей ради не исповѣдаху, да не изъ сонмищъ изгнани будутъ* (Іоан. 13, 42.). Никодимъ, осмѣлившійся сказать нѣсколь-

ко словъ въ защиту Иисуса, тотчасъ долженъ былъ умолкнуть (Іоан 7, 50—52.). Постоянно фарисеи искали случая возложить на Него руки, но боялись народа (Лук. 20, 19. Матѳ. 21, 46.). Наконецъ, пришелъ часъ Его (Іоан. 7, 30.) искупительной смерти, опредѣленный въ предвѣчномъ советѣ Божіемъ. Воскрешеніе Лазаря и входъ Господа въ Іерусалимъ приводитъ фарисеевъ въ великій страхъ потерять всю свою силу и вліяніе на народъ, и до послѣдней степенн раздражаетъ ихъ злобу и зависть. Рѣшено предать смерти Иисуса. Скрытность, съ которою взяли Его, поспѣшность суда надъ Нимъ показываетъ въ фарисеяхъ сильное опасеніе, чтобы народъ не явился защитникомъ осужденнаго Праведника. На окончательномъ судѣ предъ Пилатомъ фарисеи вмѣстѣ съ архіереями являются впереди народа, какъ его представители и вожди, своимъ присутствіемъ держать народъ въ подчиненіи себя, своими внушеніями и настояніями побуждаютъ его поддерживать свои обвиненія на Иисуса и требованія смерти Его. И когда малодушный Пилать предлагаетъ на выборъ народа освобожденіе, или Иисуса, или Вараввы, *Архіереи и старцы напустиша народы, да испросятъ Варавву, Иисуса же погубятъ* (Матѳ. 27, 20.). Теперь вы можете видѣть, какъ могло случиться, что народъ, имѣющій столь ясныя пророчества о Мессіи, вразумленный плѣномъ и возчувствовавшій искренною любовью къ Закону, нетерпѣливо ожидавшій Мессіи, не узналъ и не принялъ Его. Ослѣпленіе книжниковъ, и особенно злоба и зависть фарисеевъ, имѣвшихъ сильное вліяніе на народъ — затворили отъ него царство Мессіи, не допустивъ и хотящихъ войти въ оное.

Но правда ли, что одни только книжники и фарисеи виноваты въ томъ, что Мессія не принятъ іудеями? Изъ Евангельской исторіи видимъ, что и народъ по большей части не узнаетъ въ лицъ Иисуса Христа Мессіи, а почитаетъ Его только за Пророка (Матѳ. 21, 46.). Были люди, которые вѣровали въ Него какъ въ Месію, какъ напр. слѣпорожденный, сестра Лазаря и другіе (Іоан. 9, 35. 38. 11, 27.). Но болѣе общимъ мнѣніемъ народа было то, что Господь Иисусъ есть одинъ изъ древнихъ Пророковъ, воскресшій и явившійся предъ пришествіемъ Мессіи. Спаситель уже въ послѣдній годъ Своего общественнаго служенія спрашивалъ учениковъ Своихъ: *кого Мнѣ глаголютъ человѣцы быти, сына человѣческаго?* Апостолы пересказываютъ Ему народныя мнѣнія. — *Они же рѣша: ови убо Іоанна Крестителя: инии же Ілію: друзіи же Іеремію, или единаго отъ пророкъ* (Матѳ. 16, 13. 14.).

Народъ по большей части не узнавалъ въ І. Христвъ Мессіи, потому что смиренный и униженный видъ Христа Спасителя былъ несогласенъ съ народными понятіями о Мессіи. Пророчества объ униженіи Мессіи, о Его страданіяхъ и смерти были мало извѣстны народу. Его взоры были устремлены и остановлены преимущественно на свѣтлыхъ пророчествахъ о Мессіи какъ о Царѣ, и о славѣ царства Его. Сообразно съ симъ народъ ожидалъ, что Мессія хотя родится въ Виѳлеемѣ, но явится вдругъ неизвѣстно откуда (Іоан. 7, 27.), какъ Царь съ царственного славою и величіемъ. Понятія, о царствѣ Мессіи, хотя взяты были изъ пророческихъ книгъ, но искажены толкованіями ложными и произвольны-

ми. Въ народъ было ожиданіе, что царство Мессіи будетъ вѣчное, однакоже земное и видимое, среди другихъ земныхъ царствъ и народовъ, самостоятельное и независимое отъ язычниковъ (Матѳ. 5, 5. Дѣян. 1, 6. Лук. 24, 21.), и что Мессія вѣчно будетъ Царемъ сего земнаго царства (Іоан. 12, 34.), что явленію Его будетъ предшествовать пророкъ Ілія и устроить пути Ему (Матѳ. 17, 10—13.). Всѣ израильтяне, по мнѣніямъ народа, войдутъ въ царство Мессіи безъ всякаго отношенія къ нравственнымъ совершенствамъ и достоинствамъ, по одному только праву происхожденія, какъ сыны Авраамовы (Матѳ. 3, 9.). Не закрытъ будетъ входъ въ царство Мессіи и язычникамъ, но только подъ условіемъ принятія закона Моусеева (Лук. 7, 2—5.). Всѣ израиль войдутъ въ царство Мессіи, хотя одни будутъ въ большей близости къ Мессіи Царю, другіе въ меньшей, одни болѣе будутъ участвовать въ славѣ Его, другіе менѣе (Матѳ. 18, 1. 20, 20. 21.).

Но для всѣхъ ожидаемое царство Мессіи, по вѣрованію народа, будетъ царствомъ мира и благоденствія (Лук. 22, 51.), въ которомъ прекратятся всѣ болѣзни, скорби и страданія, и настанетъ безконечное время земныхъ радостей и утѣхъ (Лук. 14, 15.). Такое невозмутимое и всеобщее блаженство будетъ поддерживаться непрерывнымъ рядомъ чудесъ, совершаемыхъ Мессіею въ благоденствіе израиля (Іоан. 6, 10. 26.). Таковы были, во дни Спасителя, народныя понятія, или лучше, мечты о грядущемъ царствѣ Мессіи. Немногіе только избранные и богосвѣщенные возвышались надъ такими понятіями народа до прозрѣнія въ нравственное и духовное

царство Мессіи (см. напр. Лук. 1, 75. 2, 30—32.). Что касается до народа, то его чувствєнныя понятія и ожиданія встрѣчаютъ себя рѣшительное опроверженіе въ дѣлахъ и ученіи Спасителя. Господь приходитъ въ видѣ смиренномъ и уничиженномъ, безъ всякой царской пышности и величія, и по собственному Его слову, *не имать, гдѣ главы подклонити* (Матѹ. 8, 20.). Послѣдователямъ Своимъ Онъ обѣщаетъ не славу и утѣхи, но крестъ, самоотверженіе (Матѹ. 16, 24—26.), гоненія, озлобленія, скорби и страданія (Матѹ. 5, 11. 44.). Господь возвыщаетъ іудеямъ, что ожидаемое ими царство Мессіи не есть царство видимое и земное, но внутреннее или духовное (Лук. 17, 20. 21.), отвергаетъ народное вѣрованіе, что въ царство Мессіи вводитъ одно плотское происхожденіе отъ Авраама, доказывая, что не происхожденіе только, но вѣра и благочестіе дѣлаютъ сыномъ Авраамовымъ (Іоан. 8, 39.), предсказываетъ имъ, что потомки Авраама за свое невѣріе и жестокосердіе, не будутъ приняты въ царство Мессіи, а вмѣсто ихъ войдутъ въ него язычники отъ востокъ, и западъ, и сѣвера, и юга, и что іудеи, первые по призванію, будутъ послѣдними (Лук. 13, 25—30.). Наконецъ, Господь увѣряетъ іудеевъ, что Онъ какъ Мессія, не останется, какъ они ожидаютъ, вѣчно съ ними на землѣ видимымъ Царемъ Іудеи, но что *Ему подобаетъ вознестися* (Іоан. 12, 32. 34.) сперва на крестъ, потомъ на небо. Все сіе ученіе Господа о Себѣ и о царствѣ Своемъ, очевидно, было противоположно народнымъ понятіямъ о Мессіи.

Но, спрашивается, кто же ввелъ въ народъ такія

понятія и чувственныя ожиданія, удалявшія народъ отъ Мессіи? Опять тѣже книжники и фарисеи, какъ учителя народа и руководители въ Законъ. Въ своей самомечтательной праведности, они исключительно устремляли умы и взоры къ предъизображенному Пророками свѣтлomu образу царственного величія и славы Мессіи, любили созерцать сію славу, въ которой думали быть главными участниками, съ самоуслаженіемъ созерцали сіе грядущее царство, въ которомъ, конечно, обѣщали себѣ первыя мѣста. Порабощенные и ослѣпленные страстями, подъ личной своей праведности, люди чувственные и неспособные къ духовному служенію Богу, они не могли понять сего царства, въ его духовномъ значеніи, а представляли его себѣ, какъ царство видимое и земное, и возвѣщаемое въ немъ обиліе благодатныхъ даровъ они поняли, какъ обиліе чувственныхъ радостей и утѣхъ для израиля. Наполнявшая ихъ души мечта о своей чистотѣ и святости скрывала отъ нихъ глубокое поврежденіе чловѣка, невозможность примиренія его съ Богомъ собственными силами, необходимость искупленія. Пророчества объ уничиженіи Мессіи, о Его болѣзняхъ и страданіяхъ ради насъ, о взятіи Имъ на Себя грѣховъ міра, объ Его искупительной смерти, — всѣ сіи пророчества, несогласныя съ односторонними и чувственными понятіями фарисеевъ, они или вовсе устранили изъ вниманія, какъ непонятныя и необъяснимыя, или перетолковывали ихъ сообразно съ своими взглядами и самомечтательными ожиданіями. Свои одностороннія и чувственныя понятія о Мессіи они передали и народу, и сами не видѣли, и отъ народа скрывали

въ Мессіи грядущаго Пскупителя, а указывали въ Немъ только Царя, славнаго землею славою и неистощимо богатаго земными дарами и благами. И здѣсь отвергается истинность обличенія, что книжники и фарисеи взяли себѣ *ключъ* разумнїя, но и сами *не вошли* въ истинное разумнїе Закона и Пророковъ, и другихъ *не пустили войти* (Лук. 11, 52.). Видно, что народъ былъ въ недоумѣніи о томъ, кто Иисусъ, пророкъ ли, или Христосъ, — что въ народѣ ходили различныя мнѣнія о Немъ, но всѣ ожидали, какъ рѣшать дѣло книжники и фарисеи, и удостовѣрятся ли въ томъ, что Онъ подлинно Христосъ (Іоан. 7, 12, 40, 41. 32, 26.). Не смотря на свои одностороннія понятія о Мессіи, народъ, видя чудеса, совершаемыя Господомъ, близокъ былъ къ тому, чтобы увѣровать въ Него. Въ праздникъ кущей, во время пребыванія Господа въ Іерусалимѣ, мнози отъ народа *вървоаша въ Него, и глаголаху, яко Христосъ, егда приидеть, еда больша знаменїя сотворитъ, аже Сей творитъ* (Іоан. 7, 31.). Фарисеи, услышавъ сіе, посылають схватить Его, и когда посланные возвратились съ увѣреніемъ о силѣ Его ученія, фарисеи говорятъ имъ съ презрѣніемъ: *еда и вы прельщени бысте? Еда кто отъ князь вървоа въ Онъ, или отъ фарисей? Но народъ сей, иже не вѣсть закона, проклѣти суть* (45 – 49.). Въ другомъ подобномъ случаѣ, когда народъ, пораженный чудесами Господа, готовъ былъ принять Его за Мессію, фарисеи пускають въ народъ мнѣніе, что Онъ изгоняетъ бѣсовъ сплюю бѣсовскаго же князя Веельзевула (Матѣ. 12, 23, 24.). Такія мнѣнія фарисеевъ, которымъ народъ привыкъ безусловно

вѣрять и повиноваться, мнѣнія выражаемыя съ такою надменною самоувѣренностію и съ такимъ презрѣніемъ къ новому Учителю, разходясь въ народъ, конечно, во многихъ останавливали вѣру, готовую возникнуть, въ другихъ ослабляли и убивали вѣру уже возникшую.

Согласны ли же, спросите вы, судьбы еврейскаго народа съ Божіими обѣтованіями ему данными, и исполнилъ ли этотъ народъ цѣль, назначенную ему въ планѣ домостроительства? Народъ возванъ къ бытію, отдѣленъ отъ всѣхъ народовъ земныхъ, Богомъ воспитанъ, устроенъ, съ дивною Божіею мудростію и особенною попечительностію веденъ къ Мессіи, уготовляемъ къ принятію Его, — и не принявъ Мессіи, отвергъ Его, и самъ былъ отверженъ и разсѣянъ. Всѣ данныя ему обѣтованія перешли къ язычникамъ. Въ царство Христово, устроенное во израиль, первые вошли язычники, и доселѣ наполняютъ его, а израиль въ отчужденіи отъ сего царства и въ разсѣяніи. Но что-же? Еврейскій народъ былъ только орудіемъ премудрости Божеской, и какъ ни слабо было это орудіе, всецѣльная премудрость Божія вполне достигла имъ Своей цѣли. На еврейскій народъ возложено было Промысломъ служеніе цѣлому человечеству, сохраненіе вѣры въ Бога истиннаго, принятіе и сохраненіе обѣтованія объ Искупитель. И народъ исполняетъ свое великое служеніе — сохраняетъ для міра и вѣру, и обѣтованіе, принимаетъ Мессію, хотя не узнавая Его, устраиваетъ Ему крестъ, спасительный для міра, хотя не думая исполнять смѣ устроеніемъ Божественное предопредѣленіе о страданіяхъ Спасителя, и когда не хочетъ

войдти въ устроенное среди него царство Христово, отвергается Богомъ, но самымъ своимъ отверженіемъ отвергаетъ въ него входъ всемъ народамъ земли. Вся данныя ему и сохраненныя имъ обѣтованія онъ передаетъ язычникамъ, отрекаясь участвовать вмѣстѣ съ ними въ благодатномъ осуществленіи силъ обѣтованій. Въ этомъ смыслѣ и говоритъ Апостолъ объ іудеяхъ, что прегрѣшеніе ихъ богатство міра и отпаденіе ихъ богатство языковъ (Римл. 11, 12.). Такимъ образомъ еврейскій народъ, какъ орудіе Премудрости, выполнилъ свое назначеніе.

Но, скажете, народъ не мертвое же орудіе. Еврейскому народу назначено было не только служить для другихъ, но обѣщано, что онъ самъ и первый войдетъ въ обѣтованное царство Мессіи; однакоже, его предварили язычники, и остается онъ внѣ сего царства. Избранные изъ сего народа вошли въ царство Божіе, и отъ прочихъ не Богъ затворилъ двери сего царства, а самъ народъ отрекся войдти въ оное. Богъ не взялъ назадъ Своего обѣтованія, потому что *нераскаинны дарованія и званіе Божіе* (Римл. 11, 29.). Народъ неизключенъ изъ плана домостроительства. Апостолъ свидѣтельствуетъ, что Богъ не отринулъ окончательно народъ Свой (Римл. 11, 1.), что какъ во дни идолопоклонства оставалось понѣскольку тысячъ въ израиль непреклонившихъ коленъ Ваалу, такъ и теперь, въ отпадшемъ израиль, есть остатокъ спасающихся, обращающихся, или имѣющихъ обратиться (2—5.), что спасеніемъ язычниковъ Богъ раздражаетъ израильянъ, или возбуждаетъ ихъ къ обращенію (11.). Наконецъ, Апостолъ въ глубокомъ изумленіи предъ непостижимостію и пре-

мудростію путей Божіихъ, открываетъ намъ тайну послѣдней судьбы израиля, именно ту тайну, что отверженіе израиля только на время, что онъ будетъ возстановленъ и займетъ свое мѣсто въ царствѣ Христовомъ, послѣ того какъ войдетъ въ него полное число язычниковъ. *Не хочу васъ невѣдѣти тайны сего, братіе, да не будете о себѣ мудри, яко ослѣпленіе отъ части Израилеви бысть, дондеже исполненіе языковъ видѣтъ. И тако весь Израиль спасетъ, якоже есть писано: придетъ отъ Сіона Избавляя и отвертитъ нечестіе отъ Іакова* (Римл. 11, 25, 26. Лук. 21, 24. 28.).

Обращаемся теперь къ судьбамъ міра языческаго.

Приготовленіе языческаго міра къ принятію Исполнителя.

Пока во Іудеѣ, подъ непосредственнымъ распоряженіемъ Духа Божія, шло приуготовительное устроеніе всемірнаго царства Мессіи, въ какомъ отношеніи къ сему уготовляемому царству стояли народы языческіе? Царство Божіе на землѣ устроилось для всѣхъ племенъ и народовъ земныхъ: вѣроятно ли же, что народы сии держались въ безъисходной далекости и нисколько не приближались къ сему царству, въ которое они должны войти въ опредѣленное время? Израиль называетъ Мессію чаяніемъ языковъ (Быт. 49, 10.), Пророки видятъ въ Немъ желаніе, исканіе народовъ (Агг. 2, 8. Ис. 11, 10.). Слѣдовательно, прозорливцы замѣчаютъ въ языческомъ мірѣ, хотя во внѣшности и незамѣтныя, какія-нибудь предчувствія, стремленія, потребности, надежды, по которымъ

Мессія, еще невѣдомый міру, былъ уже для него Чаемымъ и Желаннымъ. И въ язычникахъ были внутреннія прирожденныя чловѣку стремленія и исканія, для нихъ самихъ неразгаданныя и непросвѣщенные, или лучше, потемненные и помраченные грѣхомъ, въ которыхъ заключалась, однако, хотя ослабленная, но не вовсе сокрушенная способность для вступленія въ благодатное царство Мессіи. Въ тѣлесной природѣ чловѣка, въ его младенчествѣ, есть потребности питанія и самосохраненія, влеченія сильныя и цѣлесообразныя, хотя въ тоже время нисколько не сознающія ни своей цѣли, ни средствъ для ея достиженія. Есть такія же цѣлесообразныя, хотя и бессознательныя потребности и въ духовномъ младенчествѣ и каждаго чловѣка и цѣлаго чловѣчества, потребности духовнаго питанія и самосохраненія, исканія Того, Кто былъ всегда и есть Жизнь и Свѣтъ чловѣковъ (Іоан. I, 4.). Выражая эту мысль одинъ изъ учителей Церкви сказалъ, что душа чловѣческая по самой природѣ своей христіанка (в). Если бы грѣхъ не наполнилъ мракомъ души чловѣческой, — ея стремленія къ Богу были бы всегда неуклонны, свѣтлы, сознательны, каковы онѣ были въ душѣ первозданнаго. Но въ потомкахъ его сіи духовныя стремленія ослаблены и помрачены, и хотя слабы, но не совсѣмъ мертвы, подавлены, но не искоренимы, потому что въ основаніи ихъ лежитъ несокрушенный въ чловѣкѣ образъ Божій. Въ языческомъ мірѣ мы постоянно видимъ стремленія къ

(в) Тертуліанъ въ своей апологіи (гл. 17.).

истинъ, хотя идущія къ ней медленно и блуждающія по распутіямъ лжи, стремленія къ добру, хотя безсильныя и по большей части безплодныя, жажду истиннаго и успокоительнаго блаженства, хотя ищущую удовлетворенія и въ скудныхъ и нечистыхъ источникахъ земныхъ радостей, наконецъ, видимъ проходящее чрезъ всю исторію языческаго міра исканіе Божественнаго, хотя постоянно останавливающееся и преклоняющееся предъ тварями. Въ такія стремленія духа, если не могли совершенно умолкнуть въ человѣчествѣ, но постоянно обнаруживались и блуждали, ища себѣ удовлетворенія, должны были привести языческій міръ къ какимъ-нибудь убѣжденіямъ, и всего ближе и прямѣе, къ убѣжденію въ недостижимости собственными силами того, чего впродолженіи цѣлыхъ тысячелѣтій тщетно искали умы. Послѣ тысячелѣтнихъ исканій, блужданій и круговращеній мысль если не нашла искомаго, то имѣла время дойти до убѣжденія въ его недостижимости, или до сознанія человѣческой немощи и безсилія въ стремленіи къ истинѣ и добру, въ исканіи Божественнаго. И исторія свидѣтельствуетъ, что языческій міръ дѣйствительно дошелъ, наконецъ, до этого сознанія. Сознаніе своей немощи и безсилія въ исканіи Божественнаго, конечно, не есть уже обрѣтеніе или единеніе съ искомымъ: но возможная въ разлѣнномъ человѣчествѣ пріемлемость Божественнаго, способность или готовность къ благодатному единенію съ Богомъ. Каждый человѣкъ изъ жизни естественной входитъ въ жизнь благодатную или въ царство Христово по вѣрѣ въ Искушителя. Но къ чему прививается и на чемъ основывается

такая вѣра? На сознаніи собственной немощи и безсилія въ дѣлѣ спасенія. Такое же значеніе имѣло это сознаніе въ духовной исторіи всего языческаго міра, какое оно имѣетъ въ жизни каждаго чловѣка, сознательно вступающаго въ царство благодати. Въ этомъ сознаніи, какъ-скоро достигъ его міръ языческой, открылась въ язычникахъ пріемлемость вѣры, возчувствовалась потребность высшей помощи, возникла изъ-подъ грѣховныхъ наростовъ подавленная способность къ воссоединенію съ Богомъ во Христѣ.

Повидимому, для чловѣка нѣтъ ничего легче и естественнѣе, какъ сознаніе своей духовной немощи. Конечно, нетрудно выдавать чужое убѣжденіе за свое, проповѣдывать свою немощь, еще не зная своихъ силъ. Но иное дѣло сознаніе искреннее, основанное на собственномъ убѣжденіи, которое пріобрѣтается и укрѣпляется опытами цѣлой жизни. Признаніе Сократа въ немощи чловѣческаго ума имѣетъ всю силу убѣжденія, потому что мудрецъ пріобрѣлъ сіе сознаніе опытомъ цѣлой жизни, посвященной исканію истины. Точно также нельзя думать, чтобы и чловѣчеству легко и скоро досталось сознаніе своей духовной немощи. Путь къ нему былъ длиненъ и труденъ, и начало его теряется во мракѣ глубокой древности, невѣдомой исторіи. Надлежало, чтобы люди воспрянули изъ грубаго и глубокаго чувственнаго усыпленія, въ которомъ дремали они, напоенные еще свѣжимъ ядомъ грѣха. Въ людяхъ допотопнаго міра, какъ изображаетъ ихъ библейская исторія, видна совершенная духовная безпечность, равнодушіе и холодность ко всему, что выше чувствъ и времени, непробудное усилненіе всѣхъ вѣчныхъ и существенныхъ

стремленій человеческого духа, наконецъ, отсутствіе всякой вѣры, кромѣ вѣры въ чувственныя силы, въ чувственныя радости и блага. Потопъ пробудилъ такое усыпленіе. Возникло въ людяхъ стремленіе къ сверхчувственному, исканіе Божественнаго. Когда Авраамъ вызванъ былъ изъ міра,—весь тогдашній міръ поклонялся богамъ, и, слѣдовательно, на мѣсто допотопнаго невѣрія всюду вступила религія. Воспріянувшее или пробужденное въ людяхъ исканіе Божественнаго должно было быть искренне, неутомимо, чтобы переходить изъ рода въ родъ, переживать тысячелѣтія, завѣщая послѣдующимъ родамъ пріобрѣтенія предшествовавшихъ. Мысль ищущая Божественнаго заключала въ себѣ непреоборимую силу влеченія и любовь къ истинѣ, если при своихъ многовѣковыхъ усиленныхъ стремленіяхъ къ постиженію Божества и единенію съ Нимъ, хотя по временамъ и уклонялась, но окончательно не могла остаться въ состояніи сомнѣнія, невѣрія, отчаянія въ истинѣ, а сохранила вѣру въ Божественное, несмотря на все свои блужданія и круговращенія, несмотря на сознаніе своей немощи—постигнуть Вѣруемаго и Искомаго. Впрочемъ, не будемъ приписывать человеческой силѣ того, чего сама собою не могла она сдѣлать. Зная немощь ея и преклонность къ чувственности, трудно и невозможно повѣрять, чтобы мысль человеческая сама собою, безъ тайной высшей помощи, прошла чрезъ весь языческій міръ, неутомившись и неохладѣвши въ своихъ духовныхъ исканіяхъ, не погрязла въ чувственности, не впала въ неисходное сомнѣніе и невѣріе, а пришла именно въ такое состояніе, какое сообразно было съ цѣлями Промысла

и успѣла прійти въ это состояніе не ранѣе и не позднѣе надлежащаго времени. Призывать сіе дѣломъ одной только человѣческой мысли не позволяютъ намъ знаніе ея немощи и опыты тѣхъ людей, которые въ продолженіе своей недлинной жизни успѣвають совершенно усыпить и подавить въ себѣ всѣ духовныя стремленія ума. Святой Іоаннъ Богословъ благовѣствуетъ о Богѣ Словѣ : *въ Томъ животъ бѣ, и животъ бѣ свѣтъ челоувѣкомъ. И свѣтъ во тмѣ свѣтитя, и тма его необъятъ* (Іоан. 1, 4 5). Сіе благовѣстіе свидѣтельствуегь, что Слово, Униотасная Премудрость Божія, было свѣтомъ и руководителемъ умовъ и во мракъ язычества, хотя Его свѣтеніе и водительство не было сознаваемо и ощущаемо. Внимающій крикамъ итенцевъ ворона, взывающихъ къ Нему о пищѣ (Іов. 38, 41.) могъ ли не внимать стремленіямъ челоувѣческихъ умовъ, ищущихъ истины? Если премудрость Божія не считала для себя унизительнымъ до такой степени снисходить къ дѣтскому состоянію людей, въ какой представляетъ это премудрый Соломонъ (Притч. 28, 31.): то почему же недостойно было ея преклоняться къ исканіямъ челоувѣческаго ума, и не стѣсняя его свободныхъ движеній, насильно не преграждая его блужданій, постоянно вести его къ плодотворному сознанію челоувѣческой немощи, охраняя отъ далекихъ уклоненій на пути сомнѣнія и невѣрія, подобно тому, какъ таже Божія премудрость, несмотря на всѣ заблужденія и преступленія народа избраннаго постоянно вела его къ опредѣленной ему цѣли?

Такой взглядъ на значеніе философіи въ языческомъ мірѣ оправдываютъ Отцы и Учители Церкви. Такъ, Климентъ Александрійскій признаегь явленіе и

направленіе философіи въ изыческомъ міръ дѣломъ Божественнаго Промысла, устрояющаго судьбы изычниковъ. «Послѣ того, какъ пришло къ намъ съ небесъ само Слово, нѣтъ намъ пужды въ человѣческомъ ученіи, не зачѣмъ путешествовать ни въ Аѳины, ни въ другіе города Греціи. Намъ, сдѣлавшимся учениками Господа, открыта истинная мудрость, къ которой и лучшіе изъ философовъ приближались только гадательно» (г). Не усвоив философіи такого же значенія въ христіанствѣ, какое она имѣла прежде, Климентъ, однако, порицаетъ тѣхъ, которые не хотѣли признать пользы ея и для изычниковъ, и думали, что философія явилась на зло и на погибель людямъ, и есть дѣло лукаваго изобрѣтателя. «А я намѣренъ доказать», говоритъ Климентъ, «что и философія есть дѣло Божественнаго промышленія (д). Прежде пришествія Господа философія необходима была грекамъ для руководства въ правдѣ. Вѣроятно, самъ Господь даровалъ ее грекамъ, прежде нежели призвалъ ихъ. Ибо и она дѣтководительствовала еллинамъ ко Христу (е). Еллинская философія представляетъ въ себѣ истину, хотя и темно, и не всю, но по частямъ. Но если и не обнимаетъ всю высоту истины, и не даетъ силъ къ исполненію Господнихъ заповѣдей, однако, приготовляетъ путь царственному ученію, нѣкоторымъ образомъ уцѣломудриваетъ челоуѣка, устрояя его нравы (ж), какбы предпочитаетъ

(г) Cohort. p. 86. 87.

(д) Strom. 1, p. 326.

(е) Strom. 1, p. 331.

(ж) Strom. 1. p. 366.

и располагаетъ душу къ принятію вѣры (з). Я желалъ бы, писалъ Оригенъ своему воспитаннику Григорію Неокесарійскому, чтобы ты ознакомился и съ греческою философіею, потому что она нѣкоторымъ образомъ можетъ служить руководствомъ или приуготовленіемъ къ христіанству (и). Святой мученикъ Іустинъ, самъ дошедшій до христіанства путемъ философскаго убѣжденія, смотритъ на греческихъ философовъ какъ на свѣтильники, которые Слово поставило въ глубокой ночи язычества, и которые свѣтили свѣтомъ Его. Мы научены, пишетъ святой Іустинъ, что Христосъ есть Первородный Божій, и что Онъ есть Слово, Котораго причастенъ весь человѣческій родъ. И тѣ, которые жили подъ водительствомъ Слова, суть христіане, хотя и именуются язычниками. Таковъ между еллинами былъ Сократъ и ему подобные (і). Все, что ни сказалъ кто хорошаго, есть наше — христіанское. Ибо весь писатели чрезъ насажденное въ нихъ сѣмя Слова, могли въ нѣкоторой степени прозрѣвать истину (к). И стонки прекрасны были въ своихъ нравственныхъ изреченіяхъ чрезъ насажденное въ весь родъ человѣчскій сѣмя Слова (л). И Сократъ подъ водительствомъ Слова сказалъ о познаніи Бога невѣдомаго язычникамъ слѣдующія слова: Отца и Творца всяческихъ найдти

(з) Strom. VII, p. 839.

(и) Evseb. Hist. Ecc. VII, c. 13.

(і) Pro Christ. Apol. II, p. 83.

(к) Apol. I, p. 51.

(л) Apol. I, p. 46.

трудно, а говорить о Немъ всѣмъ небезопасно (м). И Платоново ученіе печуждо Христа, хотя не во всемъ подобно (н). Чтò во всѣ времена было сдѣлано и сказано философамъ и законодателями, это достигалось ими въ такой мѣрѣ, въ какой было доступно имъ и созерцаемо ими Слово. Конечно, они не могли совершенно постигнуть Слово, Которое есть Христость (о). Святый Василій Великій видитъ въ философскомъ ученіи тѣнь истинъ откровенныхъ, предъизображеніе или отъенокъ добродѣтели, изображенной въ Писаніи, отраженіе свѣта Христовой истины, подобное отраженію солнца въ водахъ. Давая уроки христіанскимъ юношамъ, какъ пользоваться языческими сочиненіями, Святитель говоритъ : въ будущую жизнь вводятъ насъ, конечно, Священные Писанія, образующія насъ посредствомъ ученій таинственныхъ; но пока, по возрасту, не можемъ изучить глубину смысла ихъ, мы и въ другіхъ писаніяхъ не восве отъ нихъ далекихъ, упражняемъ навремя духовное око, какъ въ нѣкоторыхъ тѣняхъ и зеркалахъ... Хотя добродѣтели совершеннѣе обучимся изъ нашихъ писаній, однакоже, и изъ вѣдшихъ уроковъ очертаемъ какбы нѣкоторый отъенокъ добродѣтели, посвящая себя предварительному изученію вѣдшихъ писателей, потомъ уже начнемъ слушать священныя и таинственныя уроки, и какбы привыкнувъ смотреть на солнце въ водѣ, обратимъ, наконецъ, взоры къ самому Свѣ-

(м) Арол. I, р. 48

(н) — — р. 51.

(о) — — р. 48.

ту, и какъ срывая цветы съ розоваго куста избѣгаемъ шиповъ; такъ и въ сихъ сочиненіяхъ (языческихъ) воспользовавшись полезнымъ, будемъ остерегаться вреднаго (п). Полагаю, пишетъ Святой Григорій Богословъ, что всякій, имѣющій умъ, признаетъ первымъ для насъ благомъ ученость, и не только сію благороднѣйшую и нашу ученость, которая, презирая все украшенія и плодovitость рѣчи, емлется за единое спасеніе и за красоту умосозерцаемую, но и ученость внѣшнюю, которою многіе изъ христіанъ, по худому разуменію, гнушаются какъ злохудожною, опасною и удаляющею отъ Бога (р).

Такимъ образомъ, извѣстная мысль, что міръ языческой оставленъ былъ самому себѣ, вовсе не хочетъ сказать того, что взоръ Божій не слѣдилъ за его судьбами, и чтобы рука Божія не направляла сихъ судебъ къ цѣли спасительной для цѣлаго человечества. И въ языческомъ мірѣ внимательному взору открывается водительство Божіе болѣе тайное и сокровенное, чѣмъ въ народѣ еврейскомъ, но также сообразное съ цѣлями Промысла и достойное Бога разумовъ. Слово Божіе, свѣтъ и жизнь всякой разумной твари, не гнушается низойти своимъ таинственнымъ и всеоживляющимъ дѣйствіемъ во мракъ язычества, слѣдитъ движенія человеческой мысли, ищущей Божественнаго, удѣляетъ ей посланную мѣру жизни, поддерживаетъ въ ней бодрость въ ея трудныхъ и

(п) Беседа 22. Творен. Святыхъ Отцевъ въ русскомъ переводѣ VIII. 346—364.

(р) Слово 43. Творен. Св. Отц. въ русск. переводѣ IV. стр. 63.

тысячелѣтнихъ исканіяхъ , не попускаетъ ей совершенно погибнуть въ чувственности , въ сомнѣніяхъ , въ невѣрїи , сквозь всѣ ея заблужденія ведетъ ее сообразно съ планомъ Своего домостроительства , постепенно направляя ее къ тому сознанию , которое въ человѣкѣ уготовляетъ прїемлемость высшаго озаренія. Наконецъ , умъ человѣческій возвышается до идеи о Богѣ единомъ , Который есть безконечный умъ и совершенѣйшая красота , и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко чувствуетъ свое крайнее безспіе прїидти въ единеніе съ симъ умомъ и красотою. Не имѣя силъ держаться на высотѣ такого созерцанія , въ горькомъ чувствѣ своей далекости отъ Бога и недостижимой неприступности Божества , когда человѣческій умъ былъ въ опасности низнѣсть въ глубину сомнѣній и отчаянія въ истинѣ , въ Иерусалимѣ возсіяваетъ Свѣтъ языковъ : къ Нему идутъ народы (Ис. 60, 1—3.), и находятъ въ Немъ свое исканіе и чаяніе.

Исторія языческой философіи и религіи представляетъ въ себѣ осуществленіе такого воззрѣнія на языческой міръ , въ его отношеніи къ плану Божественнаго домостроительства. Такое отношеніе можно будетъ рассмотреть и въ тѣхъ краткихъ очеркахъ , въ какихъ мы изображаемъ здѣсь историческій ходъ языческой мысли и вѣры.

Въ своемъ паденіи человѣкъ потерялъ сознание своего царственнаго владычества надъ тварію и свою духовную свободу. Умъ , разъединившись съ Богомъ , сдѣлался рабомъ чувственныхъ желаній , а потомъ рабомъ подчиненныхъ ему тварей , въ которыхъ находилъ удовлетвореніе возобладавшихъ надъ нимъ желаній. Омраченный и подавленный грѣхомъ умъ

такъ ослабѣлъ, что сдѣлался немощнымъ и неспособнымъ къ своему естественному восхожденію отъ дѣйствій къ причинѣ, отъ образовъ къ первообразу, отъ видимаго и множественнаго къ единому и невидимому, и въ семъ восхожденіи остановился въ изнеможеніи далеко отъ цѣли (Прем. 13, 5. 8.). Сквозь облегающій его мракъ грѣха, не имѣя силъ возвысить взоръ къ Первообразу и Виновнику всѣхъ созданныхъ красотъ и совершенствъ, онъ обаянъ былъ красотою и великолѣпіемъ твари, и увлекаемый силою зла все далѣе и далѣе отъ Бога,—онъ забылъ Его, преклонился предъ природою, воздалъ ей божескую честь и поклоненіе. Природа сдѣлалась божествомъ чловѣка. Вѣра въ Творца міра сохранялась только въ Церкви патріархальной, устроенной Богомъ въ потомствѣ Авраама. Въ сей Церкви люди, какъ только запомнятъ ихъ исторію, являются поклонниками природы, боготворящими ея силы, красоты, дары. На Востокъ, между древнѣйшими народами ощутительно вѣяніе духа, недалекаго отъ истины, еще видны отраженія ея заходящаго свѣта. Идея о Богѣ, единомъ виновникѣ всей твари, еще не успѣла потеряться въ хаосъ многобожія. Въ восточныхъ религіяхъ, и особенно въ одной изъ древнѣйшихъ, въ религіи индѣйской, ясно просвѣчиваетъ идея Божества единаго и безконечнаго, необъятнаго и всеобъемлющаго, самоисточнаго и всеоживляющаго. Идея эта представляетъ въ себѣ отраженіе истиннаго понятія о Богѣ, Творцѣ и Промыслителѣ, Котораго невидимое существо, присносущная сила и Божество видимы въ тваряхъ: но отражаемыя въ сей идеѣ черты образа или истиннаго понятія о Богѣ начинаютъ сли-

ваться и сдѣшиваться, приближаются къ пантеистическому міросозерцанію, по которому Божество не есть существо личное, творящее міръ, но безличная и безпредѣльная сущность бытія, изъ которой все истекло, и въ которую все возвратится. При такомъ понятіи о Божественномъ еще не терлется совершенно чувство единого Божества, но уже отворяется входъ многобожію или обоготворенію, подъ именами и образами боговъ, различныхъ истеченій или проявленій Божественной сущности. Посему, на Востокъ мысль о Богѣ единомъ скрывалась въ глубокомъ мракѣ многобожія и идолопоклонства, какъ и въ нынѣшнемъ состояніи браминской религіи, которая сохранила въ себѣ и весь пантеонъ измышленныхъ боговъ и идею Бога единого, господствующаго надъ прочими богами какъ надъ своими рабами (с). Но что составляло святыню древнихъ религій,—это уцѣлвшія преданія священной древности, истины Божественнаго откровенія, перешедшія изъ первобытнаго міра. Таково общее на Востокъ преданіе о первобытномъ блаженномъ состояніи чловѣка въ міръ и союзъ съ Богомъ, о паденіи чловѣка и разъединеніи съ Богомъ, слѣдствіемъ чего было помраченіе и растлѣніе чловѣческаго рода, наконецъ, вѣра въ будущее примиреніе и воссоединеніе съ Богомъ посредствомъ Божественнаго Избавителя и Примирителя. Въ книгахъ, называемыхъ священными у китайцевъ, въ такихъ чертахъ изображается лице Избавителя: Онъ великій святой, Который все знаетъ и все видитъ, слова Его

(с) Ист. Филос. Ригтер. пер. съ Нѣмец. ч. 1. стр. 86.

назидательны и мысли истинны, Онъ весь какъ небесный чудень; мудрость Его безпредѣльна, предъ очами Его открыто все будущее. Онъ едино съ Богомъ и Онъ только можетъ принести Богу достойную жертву. Народы ждуть Его, какъ поблекшія растенія ждуть дождя. Онъ обновитъ міръ, измѣнитъ нравы, заглядитъ грѣхи міра, умретъ въ болѣзняхъ и поношеніяхъ и отверзетъ небеса. Онъ изображается въ китайскихъ книгахъ подъ именами Господа, Царя, и наставника челоуѣковъ, челоуѣка божественнаго, сына неба, челоуѣка совершеннаго, великаго святаго, учителя мудрыхъ (т). Въ персидской религіи было также ожиданіе посредника или примирителя между Божествомъ и челоуѣчествомъ. Примиритель сей, по сказанію Зендавесты, прекратитъ борьбу между зломъ и добромъ, побѣдитъ смерть и уничтожитъ враждебныя дѣйствія духовъ злыхъ, служебныхъ царю мрака (Ариману). Въ индѣйской религіи есть, хотя искаженная, идея о воплощеніи Божества для примиренія съ Собою челоуѣчества. Одна изъ торжественнѣйшихъ жертвъ въ Индіи жертвенное закланіе агнца сопровождалось молитвою, въ которой было просительное призываніе имѣющаго прійти Искупителя (у). Присутствіе въ древнихъ религіяхъ такихъ преданій, хотя уже искаженныхъ и обезображенныхъ, имѣло, однакоже, сильное вліяніе на религіозную настроенность восточнаго челоуѣка. Оно выразилось въ глубокомъ чувствѣ челоуѣческой виновности и нечистоты,

(т) Ur-offenbar. v. Schmitt p. 223. 224.

(у) Ibid. p. 244. Das alte Indien v. Bohlen. Th. 1. cap. 2.

въ благоговѣйномъ трепетѣ предъ Божествомъ, въ отреченіяхъ отъ міра, его радостей и благъ, въ трудахъ созерцанія, въ строгости самоизнуренія и покаянныхъ подвиговъ. Съ такою религіозною настроенностію сообразенъ былъ и внѣшній, мрачный и страшный видъ восточнаго богочтенія.

Впрочемъ, преданія, хранимыя въ восточныхъ религіяхъ, не были общимъ достояніемъ, върою народною. Онѣ были тайною жрецовъ, мало доступною народу. Точно также идея единства Божія, сознаваемая мудрыми, отъ глазъ народа скрывалась во мракъ идолопоклонства и многобожія. Терялось и затемнялось, прежнее значеніе боговъ, какъ олицетвореній божескихъ дѣйствій или проявленій. Народъ держали въ ослѣпленіи; но и мудрые не умѣли пользоваться истинами и хранили ихъ въ бесплодной неприкосновенности. Мысль была въ застоѣ, коснѣла погруженная въ страдательное и неподвижное созерцаніе Божественнаго. Подвиги очищенія и покаянія приняли характеръ фанатическій, перешли въ бессмысленное и изуверское самоумерщвленіе, которымъ думали предуготовлять себя къ погруженію въ безконечную сущность. Мысль должна была найти исходъ изъ такого оцѣпенѣнія.

Новое умственное движеніе язычества начинается въ Греціи. Греческіе боги первоначально были олицетворенныя силы природы, къ которымъ впоследствии причислены были люди, обоготворенные за великіе подвиги, за мудрость, даже за особенную красоту. Въ греческой религіи является уже многобожіе безъ всякаго чаянія или идеи о Божествѣ единомъ. Греческіе боги не представляются уже проявленіями или

олицетвореніями единого Божественнаго, какъ было на Востокъ; это отдѣльные, самостоятельныя существа, между которыми Зевесъ имѣетъ только достоинство первенства, хотя и носитъ громкое имя отца боговъ и человѣковъ. Въ богахъ Греціи неудерживается ихъ прежній физическій и историческій смыслъ; они являются какъ произведенія фантазіи, которая облакаетъ ихъ въ художественныя формы; восточный символизмъ, думавшій изобразить необъятность и безконечность Божественнаго существа въ громадныхъ и чудовищныхъ формахъ своихъ идоловъ, въ Греціи уступаетъ свое мѣсто художественному антропоморфизму. Въ олимпійцахъ греческая религія признаетъ существа совершенно человѣкообразныя, сіяющія красотой и всѣми пластическими совершенствами челоувѣческаго тѣла, съ тѣмъ только различіемъ, что челоувѣческая красота и крѣпость неподчинена на Олимпѣ закону времени, не знаетъ старости и истощанія. Въмѣсто страшныхъ и безобразныхъ восточныхъ идоловъ на греческихъ алтаряхъ стоятъ художественныя изваянія, представляющія боговъ въ образахъ челоувѣческихъ, въ образахъ юности, женской красоты, мужеской сановитости, геройской силы и т. п. Съ челоувѣческими формами олимпійскіе боги принимаютъ челоувѣческое естество и свойства. Взглядъ Гомера на боговъ оставался вѣрою народною во все время греческаго идолопоклонства. Боги, изображенные Гомеромъ, по-челоувѣчески мыслятъ, по-челоувѣчески чувствуютъ. Они съ челоувѣческими немощами, увлеченіями, страстями. Доступно имъ все челоувѣческое и даже все языческое. Общи у нихъ съ людьми и сердечныя заблужденія и грубые пороки чувственности

и дѣла темныя и позорныя. Отношеніе ихъ къ людямъ самое короткое и постоянное. Подъ ихъ водительствомъ идетъ вся жизнь чловѣка отъ колыбели до могилы. Они входятъ своимъ участіемъ во всю чловѣческія дѣла и намѣренія, во всю даже самыя частныя обстоятельства чловѣческой жизни. Всякое начинаніе и предпріятіе чловѣка, всякое событіе въ его жизни имѣетъ на Олимпѣ своего покровителя особеннаго или покровительницу въ лицѣ какого-нибудь бога или богини.

Такая религія, конечно, не могла успокоить мысль ищущую Божественнаго. Близость греческихъ боговъ къ людямъ вовсе не имѣла тѣхъ нравственныхъ вліяній, которыя отражаются въ душѣ чловѣческой чувствомъ благоговѣнія и возвышеніемъ ума: это была короткость, унижительная для боговъ, и невозвышающая чловѣческаго самосознанія. Конечно, никакая религія не можетъ не имѣть нравственныхъ, улучшающихъ и обуздывающихъ вліяній на чловѣка, точно такъ-же, какъ всякая религія, какъ признаніе чловѣкомъ Божественной силы, какъ связь между чловѣкомъ и Божествомъ, разумѣется, несравненно лучше, чѣмъ рѣшительное подавленіе идеи Божественнаго или совершенное невѣріе. Безспорно, имѣетъ значеніе въ духовной жизни язычника самое присутствіе въ его сознаніи идеи о Божествѣ, чувства религіознаго, хотя бы оно и обращалось къ существамъ, подобнымъ олимпійскимъ богамъ. Въ молитвахъ греческаго хлѣбопашца къ Деметръ покровительницу земледѣлія, или въ молитвенныхъ воздыханіяхъ греческой женщины предъ богиней, которую называли *помощницею въ родахъ*, конечно, слышится голосъ ума, пробужде-

ніе въ человѣческомъ духѣ движеній религіозныхъ. Притомъ, въ греческихъ божествахъ олицетворялись добродѣтели человѣческія и совершенства, а не однѣ немощи и пороки, олицетворялась и дѣйствительно божественная важность закона нравственнаго, прирожденнаго человѣку и неискоренимаго въ душѣ его. Народъ вѣровалъ, что Зевесъ есть защитникъ законовъ, каратель клятвопреступленія и вѣроломства, неоставляющій безъ наказанія сына непочтительнаго къ престарѣлому отцу, притѣснителя сиротъ, обольстителя чужой жены, что Гера охраняетъ чистоту брачныхъ союзовъ, что Фуриі преслѣдуютъ неумолимымъ мщеніемъ убійцу и т. п. Но рядомъ съ такими вѣрованіями, стоитъ и разрушительное для нравственности и растлѣвающее вліяніе греческой религіи. Въ соблазнительныхъ похожденіяхъ и примѣрахъ боговъ народъ видѣлъ оправданіе и какбы освященіе своихъ пороковъ. Не смятеніе и не раскаяніе чувствовалъ греческій язычникъ, исповѣдая предъ своими богами свою страсть и свое чувственное желаніе : тѣже пожеланія и страсти онъ видѣлъ въ своихъ богахъ, а потому, смѣло просилъ у нихъ не силы побѣдить страсть, молилъ не о забавленіи отъ нея, но удовлетвореніи ея, просилъ покровительства своимъ порочнымъ начинаніямъ, успѣха въ своихъ темныхъ дѣлахъ. Такая религія не могла успокоить человѣка и въ земной жизни, тѣмъ болѣе не могла поддерживать и руководить человѣчскій духъ въ его стремленіяхъ за предѣлы временнаго и земнаго. Въ скорбяхъ и страданіяхъ жизни она не находила для человѣка никакого успокоительнаго утѣшенія и опоры. Вся блага, которыя она обѣща-

ла и могла обѣщать челоуѣку отъ имени боговъ, были блага временныя и преходящія. Несчастіе и бѣдствіе жизни она производила отъ неблаговоленія боговъ, и называла наказаніемъ за нечестіе; въ чувственномъ счастьи и земныхъ успѣхахъ челоуѣка видѣла свидѣтельство его благочестія и богоугодности. Аристотель уже замѣтилъ это неутѣшительное понятіе своей религіи, по которому люди счастливѣйшіе въ жизни признаются и благочестивѣйшими (ф), такъ-что несчастливцамъ не оставалось никакого утѣшенія ни вещественнаго, ни духовнаго, ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ. И счастье добродѣтельныхъ, и самая милость боговъ не простирались далѣе предѣловъ земной жизни. Если и были какія представленія и чаянія жизни загробной, то столь смутныя и неопредѣлennyя, что не могли имѣть добраго вліянія на людей. Думали, что обитель отшедшихъ душъ есть состояніе безжизненное, безотрадное, гдѣ мертвыя души только тѣни отшедшихъ, лишеныя чувства, безжизненно вѣютъ. Тамъ добродѣтельные и порочныя, и люди великіе и люди ничтожныя влечуть одинаковое, тяжкое и томительное бытіе. Ахиллесъ имѣетъ царственную власть въ Аидѣ; однакожь, въ печальномъ видѣ изображаетъ свое состояніе Одиссею, который думалъ утѣшить его (х).

А Ахиллесъ былъ великій челоуѣкъ во мнѣніи гре-

(ф) Rhetor. L. II. cap. 17. p. 240. Tom. IV. edit. Vipont.

(х) О, Одиссей! утѣшенія въ смерти мнѣ дать не надѣйся;
 Лучшебъ хотѣлъ я живой, какъ поденщикъ работая въ полѣ
 Службой у бѣднаго пахаря хлѣбъ добывать свой насущный,
 Нежели здѣсь надъ мертвыми царствовать мертвый (Одисс. XI.
 475, 476. 484—491.).

ковъ ; при жизни считали его равнымъ богамъ, уважали какъ бога безсмертнаго.

Съ своими человѣкоподобными богами, съ своими скудными обѣтованіями, съ своимъ безотраднымъ взглядомъ на будущее, конечно, греческая религія не могла успокоить человѣческой духъ, въ которомъ есть внутреннее стремленіе къ единому Безконечному, природная вѣра въ свое безсмертіе и въ безусловное достоинство нравственнаго добра. Греческая религія, не имѣя въ себѣ восточной идеи Единаго, всеобщаго и необъятнаго, сближая до послѣдней возможности боговъ съ людьми, не держала уже человѣческой мысли въ неподвижномъ созерцаніи Божественнаго, какъ было на Востоку.

Философскій духъ, пробудившійся въ Греціи, не могъ сойтись съ народною вѣрою. Баснословныя сказанія о богахъ, какъ преданія, не имѣли никакой исторической достовѣрности и, потерявъ свое прежнее значеніе, представлялись вымыслами, которыя не давали никакого отвѣта разуму на его философскіе вопросы, и своими соблазнительными подробностями возмущали нравственное чувство. Послѣ этого очень естественно, что греческая философія съ перваго же своего появленія стала въ разьединеніи съ народною религіею и послѣ никогда не могла примириться съ нею. Чѣмъ далѣе шла философская мысль въ своемъ развитіи, тѣмъ рѣшительнѣе дѣлался разрывъ ея съ религіею народа. Исторія греческой философіи есть исторія возвышенія человѣческой мысли отъ многобожія къ идее Бога единаго, и съ тѣмъ вмѣстѣ исторія паденія народной вѣры въ боговъ олимпійскихъ. Видя въ богахъ пустые вымыслы воображенія

Философствующая мысль, прежде всего, стремится отыскать или открыть коренное, источное начало всѣхъ вещей. Понятно, что съ перваго же раза она не можетъ возвыситься надъ природой и первоначально ищетъ и думаетъ найти сіе начало въ самой же природѣ. То въ томъ, то въ другомъ изъ естественныхъ началъ или стихій признавали источное начало вещей, правящее жизни міра. Первые младенческія движенія философской мысли уже свидѣтельствуютъ, какъ глубоко было погруженіе человѣческаго ума въ мракъ грѣха, и какъ велико было его удаленіе отъ Бога: не находя божественнаго въ богахъ, умъ принимаетъ за искомое Божество воду, воздухъ, огонь, хаосъ или нераздѣльное смѣшеніе составныхъ вещественныхъ частицъ, которое упорядочивалось и приходило въ отдѣльныя формы вещей. Въ такихъ исказеніяхъ ума, конечно, не видно еще и предчувствія истины, но мнѣніе о физическомъ началѣ міра не оставалось неподвижнымъ; тихо и незамѣтно, но постоянно и безостановочно приближалось къ духовному понятію о Божествѣ. Стихійное начало вещей постепенно возвышалось въ мнѣніи философовъ надъ вещественностію, просвѣтлялось, принимало свойства духовности, разумности, свойство собственно Божеское — безконечность. Анаксагоръ, оканчивающій собою первоначальное, физическое направленіе греческой философіи, уже ясно признаетъ различіе между тѣлесностію и духовностію, между веществомъ міра и его Образователемъ, Котораго философъ называетъ умомъ и видитъ въ Немъ существо безконечное, отдѣльное отъ міра, независящее отъ него, самостоятельное (ц). Хотя фило-

(ц) Вотъ Анаксагорово понятіе о Богѣ, въ которомъ слышится

софъ видить въ этомъ самостоятельномъ умѣ еще не Творца, но устроителя и образователя міра, изъ готовой массы первобытныхъ сѣменъ (ч), но и такое мнѣніе столь много возвышалось уже надъ народною вѣрою, что признано было худюю на боговъ, и Анаксагоръ осужденъ на смерть, какъ хулиитель религіи (ш). Пифагоръ старается сохранить возможности миръ съ народною религіею, хотя миръ только наружный. Онъ вѣруетъ въ нравственныя цѣли міра, мудрость и добродѣтель ставить выше чувственныхъ благъ. Добродѣтель, проповѣдуемая Пифагоромъ, не имѣетъ себѣ образца на Олимпѣ: характеръ ея строгій и аскетическій и главная ея доблесть—укрощеніе страстей и чувственныхъ пожеланій. Пифагоръ отвергаетъ и гомеровское царство тѣней, потому что вѣруетъ въ безсмертіе душъ, и горнее жилище добродѣтельныхъ различаетъ отъ тартара, въ которомъ Фурии держатъ порочныхъ въ несокрушимыхъ оковахъ (щ). Хотя Пифагоръ и внушаетъ воздавать поклоненіе богамъ, однакожъ имѣетъ свою идею о Богѣ единомъ, Который есть источникъ всякаго бытія и всякаго порядка въ бытіи. Цицеронъ такъ передаетъ пифагорейское понятіе о Богѣ: Богъ есть духъ разлитый и дѣйствующій во всей

последнее слово древнѣйшей греческой философіи о причинѣ міра Умъ безконеченъ, самовластенъ, не смѣшивается ни съ какою вещію, но существуетъ одинъ самъ по Себѣ. Simplic. phys. fol. 35. 6.

(ч) Pamm. Ч. I, стр. 262—265.

(ш) Diog. Laërt. lib. II. Anaxag. cap. 12.

(щ) Diog. Laert. VIII, 31.

природѣ вещей, и отъ сего источника духа произошли и наши души (ъ).

Въ одно время съ пифагорейскимъ аскетизмомъ и созерцательная философія является съ новымъ направлениемъ столь духовнымъ и возвышеннымъ, что оно рѣшительно унижаетъ олимпійскихъ боговъ, и представляетъ въ себѣ уже нескрываемое болѣе возстаніе на религію народную. Эта новая философія возвышается надъ природою, сознавая, что не въ самой природѣ скрывается ея источникъ начало, и вслѣдствіе сего сознанія, она не хочетъ опираться только на одніе чувственныя представленія, но стремится выше чувственного и видимаго, въруая только въ идеи или въ созерцанія ума (ы). Основатель метафизическаго направленія философіи — Ксенофанъ замѣчательнѣе глубокимъ чувствомъ благоговѣнія къ Божеству невидимому очами тѣлесными, но созерцаемому умомъ, и тою силою, съ которою вооружался онъ противъ боговъ и многобожія. Мы не имѣемъ нужды далеко входить въ духъ его философіи, которая сильно склоняется къ пантеизму; остановимся только на главной цѣли его философскихъ изысканій, — на понятіи о Богѣ, которое Ксенофанъ противопоставляетъ греческой религіи. По мнѣнію Ксенофана, Богъ ни въ чемъ не подобенъ людямъ. Единъ Богъ превысшій боговъ и людей, ни видомъ, ни духомъ, неподобный смертнымъ (ь). Онъ весь умъ

(ъ) De natur. deor. 1, 11. Сл. Porphir. vit. Pythag. p. 203.

(ы) Аристот. у Евсев. Praepar. Evang. L. XIV, cap. 17.

(ь) Clem. Alexand. Strom. lib. V. p. 714. Edit. Pott.

или мысль, весь зрѣніе, или слухъ (ѳ). Богъ есть существо вѣчное, и какъ существо всесовершенное и всемогущее, то необходимо существо единое, и кромѣ Его единаго нѣтъ никакого другаго бога (э). Безъ всякаго труда Онъ всѣмъ управляетъ по мыслямъ ума Своего (ю). При такомъ возвышенномъ понятіи о Богѣ естественно уже казалась Ксенофану жалкою и бессмысленною народная вѣра въ боговъ, и онъ не скрываетъ своихъ мыслей о многобожій. Онъ считаетъ застарѣлымъ предразсудкомъ то мнѣніе, что боги научили людей различнымъ дѣламъ и искусствамъ, за которыя люди обязаны только времени и своему труду. Возмущаетъ душу философа безправственность боговъ олимпійскихъ. Безпощадными укоризнами преслѣдуетъ онъ эту безправственность, за что и прозванъ былъ бичемъ Гомера (я). Гомеръ и Гезіодъ, говоритъ Ксенофанъ, приписываютъ богамъ такія дѣла, которыя и человека покрываютъ позоромъ и безчестіемъ: прелюбодѣвія, хищенія, обманы. Сильно обличаетъ Ксенофанъ тѣхъ, которые говорятъ, что боги рождаются, и тѣхъ, которые утверждаютъ, что боги умираютъ. То и другое означаетъ, что боговъ нѣтъ. Люди думаютъ, что боги рождаются, имѣютъ нашъ видъ, и голосъ, и наружность. Но если бы львы и быки имѣли человѣческія руки и могли рисовать или дѣлать статуи,

(ѳ) Diog. L. IX. 19.

(э) Arist. de Xenoph. Zen. et Gorg. cap. 3. Simplic. Phys. fol. 6.

(ю) Simplic. ibid.

(я) Diog. L. IX. 18.

они представляли бы боговъ въ своихъ образахъ и давали бы имъ формы своихъ тѣлъ. Изображаютъ же еѳіопляне своихъ боговъ черными, съ плоскимъ носомъ, каковы сами они, а ѳракіяне— блѣдыми, съ голубыми глазами (ѳ). Всѣмъ ясно, говорить Ксенофанъ, что великъ и могущъ Тотъ, Кто все движетъ и все поконтъ: но какой видъ у Него, никому неизвѣстно. И солнце не позволяетъ смотрѣть на себя: а кто станеть дерзко его разглядывать, потеряетъ глаза. Какая же плоть можетъ видѣть глазами Бога небснаго, истиннаго, безсмертнаго, обитающаго на высотахъ небсныхъ (v). У Ксенофана впервые, и потомъ у его послѣдователей, слышатся жалобы на немощъ человѣческаго ума, на скудость человѣческихъ знаній, на невозможность созерцать истину прямо, на необходимость уловлять ее въ частныхъ раздробленныхъ чертахъ, въ образахъ преходящаго. Человѣкъ не можетъ ясно познать Бога. Если бы и удалось ему свое понятіе о Богѣ облечь въ слово, все же это будетъ не видѣніе, а только мнѣніе (δόξος) (а). На старости Ксенофанъ оплакиваетъ немощъ своей мысли, которая не знаетъ, какъ утвердиться, и раздвоилась на одно и на все (б), т. е. стремится къ одному и должна пробираться къ нему чрезъ множественность преходящихъ вещей

(ѳ) Sext. Empir. advers. Mathem. lib. IX. Aristot. Rhetoric. II. 5. p. 788. Clem. Strom. V, p. 715. сл. VII, p. 841.

(v) Ibid. V. 714.

(а) Sext. Empir. advers. Mathem. VII, p. 157.

(б) Pyrrh. hypot. I. p. 46.

и явленій. Божество, говоритъ Эмпедоклъ въ своей поэмѣ, недоступно ни оку, ни уху, и непостижимо умомъ. Повѣрь, что смертный не видитъ ничего выше смертнаго (в). Богъ есть умъ святой и незримый, Своими мыслями обтекающій и наполняющій всю вселенную (г).

Но и философія слишкомъ далеко увлеклась духомъ отрицанія. Современнo послѣднимъ судьбамъ царства іудейскаго, въ греческомъ мірѣ являются такъ называемые софисты. Это безбожники—не вѣрующіе ни въ боговъ, ни въ самую истину, ни во что духовное и сверх-чувственное. Слѣпой случай признавъ причиною міра. Матеріализмъ возведень на степень сознательнаго убѣжденія. Душа признана сѣпленіемъ тонкихъ пылинокъ или шариковъ, пестина—призракомъ, вѣра въ человеческое знаніе—мечтою. Софисты брались съ равною основательностію и защищать и опровергать всякое положеніе, говорить и за истину, и противъ всякой истины. Все-совершенное преданіе жизни случаю объявлено главнымъ правиломъ нравственной мудрости (д). Такой мрачный и страшный духъ отрицанія и сомнѣнія быстро и глубоко проникаль въ греческую жизнь, потому что все воспитаніе юношества было въ рукахъ софистовъ.

Мы вѣруемъ, что Богъ премудрости предводитель есть и премудрыхъ исправитель (Прем. 7, 15.). Усмотрѣнная и засвидѣтельствованная мудрымъ бди-

(в) Vers. 330—334. (г) Vers. 298.

(д) Римм. Ч. I, кн. 6, стр. 470—523.

тельность Божественнаго Промысла надъ языческаго мудростию ощутительно даетъ видѣть себя въ послѣднихъ судьбахъ греческой философіи. Философствующій умъ, утомленный вѣковыми искаженіями истины, теряетъ наконецъ всю энергію и самую надежду найти искомое, и самую вѣру въ истину. Философія въ лицѣ софистовъ отвергаетъ народныхъ боговъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ отрекается отъ всѣхъ философскихъ идей о Божествѣ, отъ вѣры въ невидимое и сверхчувственное, и всякую истину признаетъ мечтою. При такомъ униженіи и изнеможеніи философствующей мысли, конечно, никакая человѣческая проникательность не могла бы предсказать ей, по крайней мѣрѣ, столь скорого и быстрого, возвышенія и просвѣтленія, каково было на самомъ дѣлѣ. Исторія свидѣтельствуетъ, что философская мысль изъ мрака сомнѣнія и отчаянія, быстро восходитъ на такую высоту созерцанія, до которой возвышалась только мысль языческая, и принимаетъ новое нравственное направленіе, на которомъ именно и могла раскрываться въ умѣ человѣческомъ его естественная, но подавленная грѣхомъ, пріемлемость Христовой истины и благодати. Если мы сопоставимъ мрачное и отчаянное мудрованіе софистовъ съ высокою мудростию Сократа и Платона, то должны будемъ согласиться, что такой быстрый непосредственный переходъ ума человѣческаго отъ тмы къ свѣту, такое возвышенное пареніе къ истинѣ, непосредственно послѣ рѣшительнаго отреченія отъ нея, — не можетъ быть объяснено только естественнымъ, логическимъ ходомъ или развитіемъ человѣческой мысли. По такія явленія въ исторіи ума удовлетворительно объ-

являются въ Откровеніи, которое возвыщаетъ намъ, что языческая мудрость, въ своемъ ходѣ и развитіи, стояла подъ водительствомъ премудрости Божественной (Прем. 7, 15. Притч. 8, 31. Іоан. 1, 4. 5.). Подъ симъ Божиимъ водительствомъ естественный умъ, нестѣсняемый въ свободныхъ движеніяхъ своей мысли, хотя и могъ впадать въ заблужденія, въ сомнѣнія, въ отрицаніе истины, но не могъ несподручно остаться въ такихъ состояніяхъ, чувствовалъ въ себѣ силу неудержимо влекущую его къ истинѣ, и когда настало время, возведенъ былъ въ доступную для него близость къ истинѣ, располагаемый и уготовляемый во срѣтеніе Того, Кто искони былъ свѣтъ челоуѣковъ, свѣтилъ и естественному уму во тмѣ язычества, и наконецъ явился во плоти, свѣтъ къ просвѣщенію язычниковъ (Лук. 2, 32.).

Философія, съ перваго же своего появленія въ Греціи, постоянно стояла въ разъединеніи съ народною вѣрою, сознавая ничтожность олимпійскихъ боговъ, и предугадывая бытіе Божества единого, въ Которомъ основаніе всего сущаго. Но долго и философія не могла возвыситься до идеи о Богѣ, достойной ума. Философы прежде другихъ поняли, что въ числѣ олимпійскихъ боговъ вѣтъ того Божества, Котораго бытіе, хотя слабо, предчувствовали и предугадывали младенчествующей умъ и къ Которому стремились первыя движенія пробудившейся мысли. Они стали искать сего Божества въ видимой природѣ. Ихъ умъ, воспитанный въ понятіяхъ о богахъ, внушаемыхъ религіею, понятіяхъ очень невысокихъ, иногда жалкихъ и низкихъ, не могъ вдругъ возвыситься до идеи о Божествѣ безконечномъ и всесовершеннѣйшемъ.

Пораженный чудными силами природы, ея красотами и совершенствами, мудрою целесообразностію ея устройства и жизни, онъ еще не имѣлъ силъ возвысить свой взоръ выше этой чудной и могущественной природы. Въмѣсто того, чтобы видѣть въ природѣ дѣйствія и проявленія совершенствъ Божества, онъ призналъ въ ней самое искомое Божество, почитая Бога источнымъ началомъ природы, ея жизнью, ея душою, ея умомъ, такъ-что предъ взорами разума Богъ и природа болѣе или менѣе сливались въ одно нераздѣльное цѣлое. И прежде Платона обнаруживались стремленія возвыситься до идеи о Богѣ, какъ о существѣ самобытномъ и духовномъ, какъ о Творцѣ, но крайней мѣрѣ образователь и строитель міра: но такая высокая идея была еще не по-силамъ древней философій; полное ея развитіе принадлежитъ уже Платону, до времени котораго пантеистическія понятія были господствующими въ философій.

Греческое многобожіе была религія, не имѣвшая почти никакого возвыщающаго и очищающаго вліянія на нравственность. Олимпійскіе боги не представляли въ себѣ образцы добродѣтелей. Ихъ дѣла и подвиги казались соблазнительными для самыхъ язычниковъ, но крайней мѣрѣ, для лучшихъ изъ нихъ. Всѣ обѣтованія религіи были только чувственные и земныя. Примѣры боговъ, освящающіе въ глазахъ язычника всѣ увлеченія и пороки, дѣлали невозможнымъ нравственное и истинное религіозное стремленіе чловѣка къ Божеству. Чувственность боговъ, и ихъ близость и подобострастіе чловѣку, не позволяли возникнуть въ душѣ язычника и самой мысли о своей внутренней нечистотѣ, о своей при-

родной псорченности и грѣховности, о необходимости внутренняго нравственнаго очищенія. Далекій отъ такихъ чувствъ и мыслей древній грекъ поставялъ себя слишкомъ въ близкое отношеніе къ своимъ богамъ, и если подвергался какому-нибудь бѣдствію, то видѣлъ въ немъ личное къ себѣ нерасположеніе какого-нибудь бога, временную немилость или наказаніе за небрежность къ религіознымъ обязанностямъ, за какой-нибудь частный проступокъ неприятный богамъ, противный ихъ видамъ, связямъ, страстямъ и т. п. Въ такомъ случаѣ человекъ спѣшилъ помириться съ богами и возвратитъ себѣ ихъ благоволеніе жертвами и приношеніями. При такой религіи человекъ не могъ имѣть и мысли о своей грѣховности, въ томъ смыслѣ, какъ мы теперь понимаемъ ее.

Но и древняя греческая философія (д) еще не успѣла въ нравственномъ отношеніи возвыситься надъ народною вѣрою и указать человеку нравственныя цѣли жизни, невѣдомыя народной религіи. Философствующій умъ, исключительно занятый созерцаніемъ природы и исканіемъ въ ней Божества, еще не успѣлъ обратиться во-внутрь себя, прійти въ самосознаніе и вызвать въ него нравственныя духовныя потребности и стремленія человека, и потомъ искать имъ удовлетворенія. И философія имѣла свой дѣтскій возрастъ, похожій на дѣтство каждаго человека. Дитя все предано внешней природѣ, и не подозревая, что внутри

(д) За исключеніемъ, впрочемъ, шаагорейской философіи, въ которой есть уже начатки нравственныхъ понятій.

его таителъ міръ несравненно высшій видимаго. Такимъ образомъ услуга, оказанная истинъ древнею греческою философіею, была услуга чисто-отрицательная, — именно отверженіе многобожія. Философія поняла ничтожность олимпійскихъ боговъ, но и сама еще не возвысилась до истинной идеи о Богѣ, и блуждала въ пантеистическомъ омраченіи. Она создала уже низость и неестественность тѣхъ отношеній, въ которыхъ народная религія поставляла человека къ своимъ богамъ: но еще не въ-силахъ была опредѣлить нравственное отношеніе человека къ Божеству и указать нравственную цѣль жизни. Такъ, она только потрясла и разрушила старыя языческія вѣрованія и убѣжденія; но на ихъ развалинахъ не создала еще новыхъ идей и убѣжденій, не указала новыхъ цѣлей, не пробудила новыхъ потребностей.

Сократъ даетъ новое направленіе философіи, по которому она скоро пришла въ доступную для естественнаго ума близость къ истинѣ. Сократъ не имѣлъ школы, въ которой бы, подобно другимъ философамъ, преподавалъ свое ученіе опредѣленному числу учениковъ. Онъ былъ учитель народный, который училъ вездѣ, гдѣ было кому его слушать, и все свое время и жизнь посвятилъ воспитанію и образованію юношей (e). Что же новаго сдѣлалъ Сократъ въ исторіи философіи? До него философія исключительно занималась созерцаніемъ внѣшней природы, не обращая вниманія на міръ нравственности. Сократъ открываетъ этотъ міръ, оставляетъ внѣшнюю

(e) Plato. *Enthyphr.* p. 2. edit. Serran.

природу, въ основаніе всей мудрости полагаетъ самосознаніе, указываетъ жизни цѣли нравственныя, и въ глубинѣ души человѣческой находитъ свидѣтельство о Богѣ. Все его ученіе направлено къ нравственному улучшенію чловѣка. Сократъ не ругался надъ олимпійскими богами, какъ дѣлали его предшественники: но прямо и смѣло отрекался высказывать свои мнѣнія о богахъ, и разбирать мифологическія о нихъ сказанія, подъ тѣмъ предлогомъ, что у него нѣтъ времени заниматься такими предметами, и что онъ исключительно занятъ самопознаніемъ (ж). Имѣя въ виду только нравственное состояніе своихъ слушателей, онъ не входилъ въ метафизическія излѣдованія о бытіи и единствѣ Божіемъ, хотя вѣровалъ въ Бога единаго, невидимаго, Творца и Промыслителя міра. Богъ, по ученію Сократа, есть умъ, устроитель и виновникъ всего (з). Онъ одинъ мудръ, и предъ Его премудростію человѣческая мудрость малоцѣнна и даже ничтожна (и). Язычнику, воспитанному въ своей чувственной религіи, трудно было возвыситься до идеи о Богѣ невидимомъ. Да ты не видишь и своей души, говорилъ Сократъ, которая однако господствуетъ надъ твоимъ тѣломъ; слѣдовательно, можешь сказать, что въ тебѣ нѣтъ и ума, и что все ты дѣлаешь случайно (і). Ясно, что душа царствуетъ въ нашемъ тѣлѣ, но она невидима. Знай, что невозможно видѣть лица боговъ, довольно съ тебя ви-

(ж) Plaedr. p. 229. (з) Plaedo p. 97.

(и) Apolog. Socrat 23.

(і) Xenoph. Memorab. I, IV, 9.

дѣть дѣла ихъ, чтобы поклоняться имъ и чтить ихъ. Тотъ, Кто устроилъ и объемлетъ весь мѣръ, въ Комъ вся красота и благо, созерцается въ Своихъ великихъ дѣлахъ, но невидимъ въ Своемъ домостроительствѣ. Подумай, что и солнце, которое кажется для всѣхъ видимо, не позволяетъ однакоже пристально смотреть на себя; и если бы кто съ наглостію устремилъ на него глаза, — потерялъ бы зрѣніе (к). Такое Божество, возражали Сократу, такъ высоко и величественно, что не имѣетъ никакой нужды въ человѣческомъ поклоненіи. Такъ что же, отвѣчалъ мудрецъ, чѣмъ выше то Существо, Которое удостоиваетъ тебя приносить Ему поклоненіе, тѣмъ усерднѣе ты долженъ чтить Его (л). Богъ хотя и невидимъ, пріемля поклоненіе людей, печется объ нихъ, видитъ все въ мѣръ и все объемлетъ Своимъ промысленіемъ. Последнюю мысль Сократъ раскрывалъ съ особенною силою и любовію. Ты согласишься, говаривалъ философъ, что твой умъ, живя въ твоемъ тѣлѣ, управляетъ имъ, какъ хочетъ: долженъ согласиться и на то, что Умъ, живущій во всемъ, все устрояетъ такъ, какъ Ему угодно. И твое око можетъ простираться на много стадій: а око Божіе будто не можетъ обнять все однимъ взоромъ? И твоя душа можетъ обтекать мыслію и здѣшнія мѣста, и сграны египетскія и сицилійскія: неужели же Божія мысль не въ - сплахъ обнимать все существующее (м).

(к) Xenoph. Memorab. IV, 3. 13. 14.

(л) Ibid. I, IV. 10.

(м) Xenoph. Memorab. I, IV, 17.

Высокое мнѣніе имѣетъ Сократъ и о человѣческой душѣ, возвышаетъ ее надъ всѣмъ видимымъ и временнымъ, и вмѣсто безотраднато и безжизненнаго бытія въ царствѣ тѣней, возвыщаетъ жизнь безсмертную и лучшую настоящей, въ союзъ съ Божествомъ благимъ, не такимъ, каковы боги, признаваемые религіею. «Человѣческая душа болѣе, чѣмъ все другое человѣческое, причастна Божества. Она видимо управляетъ тѣломъ, хотя сама невидима. Посему, человекъ мыслящій не долженъ презирать невидимое, но, изучая его силу изъ дѣйствій, чтить въ ней (въ душѣ) Божественное» (н). Самопознаніе открыло Сократу, что душа по природѣ есть существо кроткое и простое, причастное незлобиваго естества Божественнаго (о). Предсмертныя рѣчи Сократа проникнуты вѣрою въ безсмертіе и во всеблагое Божество, хотя философъ по привычкѣ или по иной причинѣ и говоритъ о семъ Божествѣ языкомъ многобожника. Если бы я не думалъ, что пойду къ инымъ богамъ мудрымъ и благимъ, и къ отщедшимъ людямъ, которые лучше здѣшнихъ: то, конечно, я былъ бы неправъ, равнодушно смотря на смерть. Но теперь знайте, что я надѣюсь увидѣться съ добрыми людьми, хотя этого и не могу доказать рѣшительно; но что я предстану предъ владычественныхъ боговъ, всеблагихъ, будьте увѣрены, это и могу доказать рѣшительнѣе, нежели что другое. Посему, я и не скорблю, но увѣренъ, что умершіе существуютъ, и что добрымъ тамъ гораздо лучше,

(н) Xenoph. Memorab. IV, 3. 14. (о) Plat. Phaedr. p. 230.

чѣмъ злымъ (п). Душѣ причастной Божества и безсмертной Сократъ указываетъ цѣль жизни сообразную съ ея природой — возвышеніе надъ всѣмъ чувственнымъ и временнымъ. Цѣль жизни, по ученію Сократа, есть добродѣтель. Добродѣтель есть мудрость или знаніе добра и неразлучно соединенное съ знаніемъ исполненіе добра, внушаемаго нравственнымъ закономъ, который насажденъ въ душѣ чловѣка самимъ Богомъ (р). Мудрость принадлежитъ единому Богу; чловѣку возможно здѣсь предпочищеніе себя или приготовленіе къ ней. Какъ руководство, ведущее чловѣка къ уразумѣнію нравственнаго закона и къ исполненію его предписаній или руководство къ мудрости, Сократъ представляетъ философію. Подъ понятіемъ философіи разумѣется неотвлеченная или чисто созерцательная дѣятельность ума. Истинное философствованіе, по выраженію Сократа, есть помышленіе о смерти и умираіи. Эта философская смерть, ведущая къ мудрости, есть постепенное очищеніе души отъ чувственности, отреченіе отъ телесныхъ удовольствій и наслажденій, удаленіе отъ вѣшняго во внутрь самаго себя, и въ этомъ внутреннемъ уединеніи стремленіе превыше всего временнаго и преходящаго къ Сущему или къ Богу. Такъ объясняетъ сущность философствованія самъ Сократъ. Въ томъ именно и видѣнъ философъ, говоритъ Сократъ, что преимущественно предъ другими людьми отрѣшаетъ свою душу отъ общенія съ тѣломъ.

(п) Phaedo. p. 65.

(р) Aristot. Ethic. ad Eudem. I, 5 Xenoph. Memor. III. 3. 4. 5

А многимъ людямъ представляется, что не стоить и жить тому, кто не принимаетъ участія въ чувственныхъ наслажденіяхъ, и почти умерь тотъ, кто не заботится о тѣлесныхъ удовольствіяхъ. Философствованіе есть такое состояніе души, когда ничто чувственное не возмущаетъ ее, ни слухъ, ни зрѣніе, ни скорбь, ни удовольствіе, но когда она остается сама съ собою, переставъ сочувствовать наслажденіямъ тѣлеснымъ, и сколько возможно, избѣгая общенія и соприкосновенія съ нимъ, стремится къ Сущему. Доколь мы живемъ здѣсь, мы настолько будемъ приближаться къ вѣдѣнію мудрости, насколько будемъ разъединяться съ тѣломъ, исключая крайней необходимости, не будемъ насыщаться тѣмъ, что ему естественно, но будемъ очищаться отъ тѣлеснаго, доколь самъ Богъ (*ὁ Θεὸς αὐτός*) не разрѣшитъ насъ отъ тѣла. Тогда мы, освободившись отъ тѣлеснаго безсмыслія, чистые непосредственно узнаемъ чистое, то есть, можетъ быть, самую истину, но нечистое не можетъ имѣть прикосновенія къ чистому. Очищеніе же наше состоитъ въ томъ, чтобы всѣми силами отрѣзать душу отъ тѣла, и приучать ее самую всѣми мѣрами высвободить и извлекать себя изъ-подъ вліянія тѣла и сколько возможно, и въ настоящемъ вѣкѣ, какъ въ будущемъ, жить въ самой себѣ какъ бы разрѣшенной отъ узъ тѣлесныхъ (с).

Зная духъ греческой жизни и религіи, нетрудно представить, какое сильное впечатлѣніе на умы грековъ должно было произвести такое ученіе, столь новое для тогдашняго человѣка и еще неслыханное въ язы-

(с) Plat. Phaedr. p. 64—67.

ческомъ міръ. Оно разрушительно дѣйствовало на всѣ ложныя понятія, убѣжденія, вѣрованія греческаго многобожника. Чувственность была та стихія, въ которой necessarily вращался древній грекъ, и исторгаться изъ нея не имѣлъ никакихъ побужденій. Во времена Сократа въ большемъ ходу было мнѣніе, что удовольствіе или наибольшая сумма удовольствій, называемая счастьемъ, есть послѣдняя цѣль жизни. И религія не могла указать цѣли высшей. За предѣлами земной жизни она хотя и обѣщала бытіе, но безрадостное и безжизненное. Боги собственными примѣрами оправдывали и узаконяли для язычника всѣ удовольствія, увлеченія и страсти. Совершенная челоѵкообразность такихъ боговъ и сближеніе съ ними челоѵка равно удаляла его и отъ сознанія своего величія и истиннаго достоинства, и отъ сознанія своего ничтожества и немощей. Сознаніе собственно челоѵческой духовной природы оставалось въ глубокомъ усыпленіи, и ничто не пробуждало его. Философія Сократа потрясаетъ самыя основанія языческихъ понятій и вѣрованій. Умы своихъ современниковъ Сократъ направляетъ выше чувственнаго, къ невидимому и духовному, какъ къ сродному челоѵческой душѣ, которая и сама невидима. Въ невидимой глубинѣ души мудрецъ открываетъ и указываетъ доселѣ неслышимое, но неопровержимое свидѣтельство о Богѣ невидимомъ, Который все видитъ и все объемлетъ. Къ такому Божеству, недоступному и единому премудрому, невозможны и тѣ отношенія, въ которыхъ стоялъ язычникъ къ своимъ богамъ. Сократъ вводитъ въ язычскій міръ еще новую для него и неслыханную имъ мысль о далекости или удаленіи челоѵка отъ Бога, хотя

Богъ и ко всѣмъ и ко всему близокъ, о чело-
вѣческой нечистотѣ, дѣлающей для чловѣка не-
приступнымъ Божество, о необходимости нравствен-
наго очищенія и возвышенія для соединенія съ Бо-
жествомъ. Чувственныя пристрастія и увлеченія,
тѣлесныя наслажденія и удовольствія, любимыя и
дорогія чловѣку, признаются нечистыми, подавляю-
щими и унижающими душу. Сократъ требуетъ отъ
своихъ слушателей нравственнаго улучшенія, корен-
наго измѣненія въ понятіяхъ, убѣжденіяхъ и вѣро-
ваніяхъ; а это, конечно, не могло совершиться безъ
борьбы и страданій. Пробужденіе сознанія о своей
нечистотѣ, о необходимости нравственнаго измѣненія,
труднаго и болѣзненнаго, не могло быть сладостнымъ
и покойнымъ. Не по этому ли и называли Сократа
въ Греціи чловѣкомъ безпокойнымъ, страшнымъ,
который вводитъ людей въ колебаніе, въ недоволь-
ство собою, въ недовольство жизни (т)? Самъ Сократъ
называетъ вліяніе, производимое своимъ ученіемъ, бо-
лѣзнями духовнаго рожденія и унодобляетъ ихъ бо-
лямъ рожденія тѣлеснаго. Сократъ, какъ извѣстно,
былъ сынъ повивальной бабки. Свое ученіе онъ
сравниваетъ съ искусствомъ своей матери. Мое ис-
кусство имѣетъ только ту особенность, говоритъ
Сократъ, что имѣетъ дѣло не съ женщинами, а съ
мужчинами, и наблюдаетъ не надъ родами тѣлесными,
а надъ родами духовными. Богъ повелѣваетъ мнѣ
помогать при семь рожденіи. Мои слушатели и
близкіе ко мнѣ страдаютъ, какъ родильницы. Они
болѣзнуютъ въ родахъ и въ борьбѣ съ собою день

(т) Socrat. Apol. p. 21. Theaet. p. 149.

и почь, и ихъ боли гораздо сильнѣе, чѣмъ у родильницъ. Возбуждать сѣи боли и унимать ихъ — дѣло моего искусства (y).

Наконецъ, человѣческая мысль, ищущая Божества, послѣ тысячекратныхъ усилій восходитъ на доступную ей, при всей помощи ея, высоту созерцанія. Богъ, по ученію Платона, есть умъ, несозерцаемый непосредственно смертными очами и неостижимый, но видимый въ Своихъ образахъ или отраженіяхъ (ф). Онъ есть благодѣтель, причина всего добраго и благого въ міръ видимомъ и мысленномъ (х); Онъ есть красота, въ созерцаніи которой наше блаженство, и въ причастіи которой основаніе нашей добродѣтели и безсмертія, красота, которая всегда существуетъ, не начинается и не гибнетъ, не возрастаетъ и не уменьшается, не есть что-либо тѣлесное и не является ни въ какомъ образѣ, ни въ животномъ, ни въ землѣ, ни въ небѣ, ни въ чемъ, но существуетъ сама по себѣ и одинакова съ самою собою, всякое же другое прекрасное причастно ей, но такъ, что не смотря на рожденіе и угибаніе другихъ красотъ, причастныхъ ей, она не увеличивается и не уменьшается и ничего не теряетъ. Созерцающій сѣю красоту, истинную, чистую, несмѣшанную и неоскверненную человѣческою плотію и свойствами смертности, но истинно божественную, не можетъ худо провождать жизнь. Созерцая такую красоту и обращаясь съ нею, онъ можетъ производить не призракъ добродѣтели, поколику касался не призрака, но истинную добро-

(y) Theact. p. 150. 151.

(†) De legib. X, 897.

(x) De republ. VII, p. 517.

дѣтель, поскольку касался истины. Раждая же и питая добродѣтель истинную, онъ, безъ сомнѣнiя, былъ бы любезенъ Богу, и если кто изъ людей, то кольми паче онъ шелъ бы къ безсмертiю (ц). Богъ — Умъ или Духъ единый, премудрый (ч), всеблагiй, самодовольный и безконечно и неизмѣнно блаженный, есть Создатель всего, что есть прекраснаго и благаго въ мiръ (ш). Платонъ понималъ, что Богъ не можетъ быть виновникомъ зла. Благость не можетъ быть виною всего, но только причиною добра, зла же не можетъ быть виною. Богъ, поелику благъ, не есть виновникъ всего, какъ многiе говорятъ, и въ человечествѣ. Онъ виновникъ немногаго, а многаго невинникъ. Ибо добра въ насъ гораздо меньше, чѣмъ зла. Добра виновникъ никто иной, кромъ Бога; но есть какая-нибудь причина зла, только не Богъ (щ). Сiя причина зла, по мнѣнiю Платона, есть матерiя, изъ которой Богъ образовалъ мiръ, и которая находилась въ хаотическомъ, бурномъ движенiи. Изъ этого хаотическаго броженiя Богъ привелъ матерiю въ состоянiе благоустроенное и упорядоченное, и тѣмъ, сколько возможно, претворилъ зло въ добро (ъ). Допущенiе вѣчной матерiи, въ которой зло есть необходимость, которую и само Всемогущество могло только ослабить, но не уничтожить, — такое понятiе есть темная точка въ свѣтлой

(ц) Conviv. 210.

(ч) Phaedr. 278.

(ш) Timaeus 68

(щ) De republ. II, 379.

(ъ) Timaeus 30.

идея Платона. Матерія есть начало зла, но что есть въ міръ благаго, то создалъ самъ Богъ (ы). Богъ устроилъ міръ по вѣчной и неизмѣнной идее Своего ума (ь), движимый любовію, желая приблизить къ Себѣ твари, и тѣмъ ихъ облаженствовать. Теперь скажемъ, говорить Платонъ, ради какой причины Зиждатель устроилъ измѣняемое бытіе и вселенную? Онъ благу, а къ благому ни въ чемъ никогда не приближается никакая зависть. Чуждый ея Онъ восхотѣлъ, чтобы все существа, сколько возможно болѣе, были къ Нему приближены и Ему подобны (ь). Богъ есть промыслитель міра, все направляющій ко благу и совершенству. Судьбы самаго малаго существа въ міръ стоятъ подъ промыслительнымъ попеченіемъ Божиимъ. Промышляющій о всемъ такъ все устроилъ ко благу и совершенству цѣлаго, что каждая его часть своимъ страданіемъ и дѣйствіемъ по возможности стремится къ сей общей цѣли. Надъ самаго малаго страданіемъ или дѣйствіемъ есть свои власти, и это простирается до послѣдней частички. И твоя часть, хотя крайне малая, но все же подстроивается подъ гармонію цѣлаго. Промышленіе не есть дѣло трудное для Бога, Который всемъ управляетъ съ чудною легкостію. Царь нашъ придумалъ, гдѣ помѣститъ каждую часть такъ, чтобы въ цѣломъ добродѣтель удобнѣе могла быть побѣдительницею, а порокъ побѣждаемымъ, придумалъ, какое жилище и мѣсто въ цѣломъ должно занимать

(ы) Ibid. 68.

(ь) Ibid. 28.

(ѳ) Timaeus. p. 29.

каждое бытіе (э). Богъ, содержащій въ Себѣ начало, средину и конецъ всѣхъ вещей, шествуетъ прямо и проникаетъ вселенную, Ему вездѣ сопутствуетъ правосудіе, каратель тѣхъ, которые нарушаютъ законъ Божественный. Стремящійся къ будущему блаженству покоряется сему суду со смиреніемъ и кротостію (ю).

Нравственное ученіе Платона соответствуетъ столь высокой идее о Богѣ. Вѣруя въ богоподобіе человеческой души, въ ея безсмертіе, въ ея загробную жизнь, блаженную для добродѣтельныхъ и въ тягостное странствіе душъ порочныхъ, Платонъ не могъ раздѣлять современныхъ ему мнѣній о цѣли и назначеніи чловѣка. Общимъ убѣжденіемъ языческаго міра было то мнѣніе, что цѣль чловѣка не выше земли, что она есть возможно большая сумма чувственныхъ удовольствій и благъ земныхъ, или земное счастье. Взглядъ Платона на цѣль чловѣка иной. Единственнымъ, безусловнымъ благомъ онъ признаетъ одну добродѣтель, а во всѣхъ земныхъ благахъ видитъ только средства для послѣдней цѣли чловѣка, и то средства годныя только въ рукахъ добродѣтельнаго, а губельныя въ рукахъ порочнаго. Есть два рода благъ, говоритъ Платонъ, однѣ чловѣческія, а другія Божественныя. Божественныя суть основаніе прочимъ. Изъ благъ меньшихъ первое — здоровье, второе — красота, третье — тѣлесная сила, четвертое — богатство, не слѣпое, но зоркое, управляемое мудростію. Изъ Божественныхъ благъ первымъ признается

(э) De legib. X, 903. 904.

(ю) Ibid. IV, 716.

мудрость, послѣ нея умѣренность, изъ соединенія ихъ съ мужествомъ раждается третіе благо—справедливость (я). Человѣкъ добродѣтельный, умѣренный и справедливый, счастливъ и блаженъ, несмотря на то, великъ ли онъ и силенъ, или малъ и немощенъ, богатъ или бѣденъ; а несправедливый несчастенъ и жалокъ, хотя бы богаче былъ Мидаса (ѳ). Итакъ, въ добродѣтели Платонъ видитъ благо единственное и столь высокое, что предъ нимъ ничтожно, если бы было возможно, и вѣчное счастье порочнаго. Вся другія блага имѣють цѣну только какъ служебныя орудія добродѣтели: но сама добродѣтель есть средство, ведущее человѣка къ послѣдней цѣли его жизни и бытія. Эта послѣдняя цѣль человѣка опредѣляется идеею о Богѣ, Который создалъ разумныя твари, чтобы приблизить ихъ къ Себѣ, и въ семъ возможномъ приближеніи ихъ къ Себѣ открыть для нихъ источникъ блаженства. Слѣдовательно, послѣдняя цѣль человѣка есть приближеніе къ Богу, или уподобленіе Ему, отраженіе на себѣ Его совершенствъ. Зло, говоритъ Платонъ, обходитъ смертную природу и сіе наше мѣстопробываніе. Посему, нужно стараться бѣжать отсюда, какъ можно скорѣе: бѣгство же есть послѣднее уподобленіе Богу, уподобленіе же состоитъ въ справедливости и мудрому благочестіи (v). Добродѣтель и есть уподобленіе Богу. Это—1.) мудрость или умное созерцаніе высочайшаго добра, Божеской святости и благодти,—2.) мужество, или

(я) De legib. 1, 631.

(ѳ) — — II, 661.

(v) Theact. p. 176.

знаніе нравственныхъ опасностей, и умѣнье побѣдять ихъ, — 3.) умѣренность, водворяющая гармонію въ душѣ, утишающая сердечныя влеченія и порывы. То, что сообщаетъ симъ добродѣтелямъ силу вѣдряться, и вѣдрившись сохраняться въ душѣ — есть, 4.) справедливость, праведность или святость (а). Богъ, говоритъ Платонъ, никогда ни въ чемъ не бываетъ неправеденъ : Онъ безконечно праведенъ. И нѣтъ ничего подобнаго Богу, какъ если кто изъ насъ возможно праведенъ (б).

При свѣтѣ своихъ идей о Богѣ и о назначеніи чело­вѣка Платонъ ясно понимаетъ и непостижимость Божества, и недостижимость послѣдней цѣли чело­вѣка его естественными силами, сознаетъ и немощь чело­вѣческаго ума въ дѣлѣ богосозерцанія, и немощь воли чело­вѣческой въ уподобленіи Божеству, или въ дѣлѣ добродѣтели и, наконецъ, приходитъ къ ясному сознанію въ необходимости Божественной по­мощи и для ума, и для воли. Платонъ сравниваетъ людей съ узниками, которые, съ самого дѣтства ско­ванные цѣпями, сидятъ въ глубокой и темной пещерѣ, и изъ своей темной глубины видятъ только тѣни пред­метовъ, проходящихъ вверху надъ отверстіемъ пе­щеры, принимая сіи тѣни за самыя вещи. Если бы кто изъ нихъ былъ выведенъ на свѣтъ, онъ ощутилъ бы боль въ глазахъ, и не могъ бы вдругъ смотрѣть на предметы, коихъ видѣлъ тѣни (в). Смыслъ этой

(а) De republ. IV, 433.

(б) Theaet. p. 176.

(в) De republ. VII, 515. 516.

притчи очень понятны. Человѣкъ, окованный узами тѣла, въ нѣдрѣ природы чувственной живетъ, какъ въ пещерѣ, не можетъ созерцать истину, верховное благо—Бога лицомъ къ лицу, но долженъ прозрѣвать Его въ чувственныхъ, преходящихъ образахъ и отображеніяхъ, которыя такъ-же относятся къ Божеству, какъ тѣнь къ тѣлу. Свѣтъ Божества нестерпимъ для ума, обложеннаго плотію. Близкое созерцаніе Его невозможно и недоступно умному оку, подобно тому, какъ и тѣлесному глазу солнце не даетъ смотрѣть на себя прямо и непосредственно, но показываетъ ему себя въ своихъ отраженіяхъ, въ водахъ или иныхъ вещахъ (г). Творца и Отца всяческихъ, говоритъ Платонъ, познавать трудно, а пересказывать о Немъ другимъ и невозможно (д). Какъ уму недоступно Божество, такъ для человѣческой воли недостижима послѣдняя цѣль человѣка, уподобленіе Богу. Зло обходитъ смертную природу (е), оно живетъ внутри человѣка, ведетъ борьбу съ его добродѣтелью, сдерживаетъ ее въ стремленіи къ Богу, и никогда не даетъ ей достигнуть полноты и неизмѣннаго совершенства. Каждый врагъ самъ себя, говоритъ Платонъ. Побѣда надъ самимъ собою есть первая и лучшая изъ всѣхъ побѣдъ, равно какъ пораженіе себя самимъ собою есть самое позорное и порочное пораженіе. Въ каждомъ изъ насъ идетъ война противъ самого себя (ж). Дать человѣку добродѣтель

(г) Ibid.

(д) Timaeus. edit. Bipont. IX, 303.

(е) Theaet. p. 176.

(ж) De legib. 1, 626.

можетъ одинъ Богъ (з)». Платонъ вполне соглашается съ Симонидомъ, изъ поэмы котораго приводитъ мысли о неизцѣльной немощи человеческой добродѣтели (и).

При этомъ убѣжденіи Платонъ высказываетъ увѣренность, что Богъ когда-нибудь сдѣлаетъ сіе, *окажетъ сію необходимую помощь челоѣку, потому что Богъ самъ благость, и челоѣкъ предметъ особеннаго попеченія Божія. Свою увѣренность въ помощи Божіей Платонъ влагаетъ въ уста Сократу, который, доказывая Алкивіаду, что челоѣкъ не знаетъ и о чемъ молиться Богу, говоритъ въ заключеніе: необходимо теперь ожидать, пока не научитъ кто-нибудь, какъ надобно вести себя по отношенію къ богамъ и людямъ. А когда настанетъ это время, спрашиваетъ Алкивіадъ, и кто будетъ этотъ учитель? Это будетъ Тотъ, отвѣчаетъ Сократъ, Который прамышляетъ о тебѣ. Но я думаю, что какъ Аѳина, по сказанію Гомера, разгнала мракъ очей у Діомиды, чтобы онъ вѣрно звалъ, Бога ли видитъ или челоѣкъ: такъ и у тебя необходимо прежде разгнать мракъ души, теперь ее облегающій, и потомъ уже сообщить тебѣ познаніе того, что добро и что зло. А теперь, кажется, ты не въ-силахъ принять это. Пусть Онъ разсѣваетъ мракъ моихъ очей, если Ему угодно, или иное что дѣлаетъ, отвѣчалъ Алкивіадъ. Я готовъ исполнять всѣ Его повелѣнія, кто бы ни былъ этотъ челоѣкъ, только бы онъ умучилъ меня. И справедливо, примолвилъ Сократъ, ибо Онъ

(з) Xenoph. memorab.

(и) Protag. p. 339—345.

дивнымъ образомъ промышляетъ надъ тобою (i). Вотъ послѣднее слово естественной мудрости, высказывающее возчувствованную немощь челоѵческаго естества и потребность Откровенія и благодати!

Теперь мы видимъ, что философія сдѣлала свое дѣло, указанное ей Промысломъ. Она отвергла многобожіе, показала нельность языческихъ вѣрованій и отношеній челоѵка къ олимпійскимъ богамъ, возвѣстила Бога единого невидимаго, всѣмъ управляющаго, Творца и Промыслителя міра, указала челоѵку цѣль его жизни и бытія, но вмѣстѣ и недостижимость этой цѣли естественными силами самого челоѵка, привела въ сознаніе челоѵка его нечистоту предъ Богомъ и необходимость очищенія отъ чувственности и, наконецъ, открыла непцѣльную немощь челоѵка и необходимость для него Божественной помощи. Но философскія идеи, само собою разумѣется, не могли же вдругъ войти въ жизнь народа и сдѣлаться общимъ убѣжденіемъ или вѣрою греческаго міра. Рядомъ съ философскими школами стояли храмы языческихъ боговъ, попрежнему наполняемые усердными поклонниками. Не только въ простомъ народѣ сохранялась вѣра отцевъ, но и люди, уже понявшіе ничтожность боговъ, являлись съ жертвами тѣмже самимъ богамъ. Подвижность или нестойкость въ убѣжденіяхъ была отличительною чертою аѳинянина. Нынѣ невѣрующій въ ложныхъ боговъ чрезъ день усердно молился какому-нибудь изъ нихъ, и въ одинъ и тотже день смѣялся надъ богами въ театрѣ и

(i) Alcib. II, 150. 151.

приносилъ имъ жертвы во храмъ. Вообще, вѣщность религіи оставалась неприкосновенною. Но не лѣзя думать, чтобы въ такой же неприкосновенности уцѣлѣло и ея внутреннее вліяніе на сердца людей. Три вѣка прошли отъ начала философіи въ Греціи до Платона, и во все это время философія стояла въ разъединеніи съ народною религіею, подрывала вѣрованія и убѣжденія многобожника. Могла ли же она не имѣть вліянія на народъ, какъ бы мало ни были доступны ему философскія созерцанія? Сократъ находилъ себѣ слушателей не въ одномъ только кругу образованныхъ юношей: мудрый старецъ любилъ бесѣдовать съ людьми самыми простыми и некнижными, съ ремесленниками и пастухами (к). Конечно, не всѣ были способны къ философскимъ изслѣдованіямъ: но окончательныя убѣжденія, до которыхъ дошла философія, могли быть всѣмъ доступны. Мысль о Богѣ единомъ, о Промыслѣ, о безсмертіи, о загробной жизни, о нравственной нечистотѣ предъ Богомъ, — такія и подобныя имъ мысли могли вѣдряться въ сознаніе народа и охлаждать его къ своимъ богамъ и къ своей религіи, которая не могла дать отвѣта на вопросы, нерешенныя къ народу изъ философскихъ школъ. Истина и добро сродны человеческой душѣ, и въ ней есть природная къ нимъ пріемлемость. Нужно только открыть истину и приблизить ее къ пониманію: она найдетъ себѣ сочувствіе во всякой не вовсе огрубѣлой душѣ. Сократъ умѣлъ многихъ и изъ простыхъ людей отучить отъ

(к) Xenoph. Memorab. 1. 2. 37.

грубыхъ пороковъ, и въдрить въ нихъ желаніе добродѣтели (1). Но болѣе имѣла вліянія философія на образованное общество. Вопросы, поднятые философіею, привели умы въ движеніе. Безсмысленный и безпечный покой язычника, не выдающаго ничего далѣе временнаго и чувственнаго, для многихъ сдѣлался невозможнымъ. Возчувствовалась потребность понять смыслъ и цѣль жизни, найти опору для успокоенія духа. Этою потребностію и были вызваны послѣднія философскія ученія, возникшія въ Греціи. Цѣлью этихъ школъ было не столько умозрѣніе, сколько устройство нравственной жизни человѣка, примиреніе его съ своею судьбою. Одни предлагали успокоеніе человѣку въ нравственномъ самозабвеніи, въ самодовольствѣ животнаго (эпикурейцы); другіе хотѣли сдѣлать человѣка безчувственно холоднымъ и совершенно равнодушнымъ и къ радостямъ и къ горестямъ жизни, и ко всемъ ударамъ судьбы (стоики). Но тѣ и другіе, при всей противоположности направленія, сходились въ одномъ сознаніи своей немощи совершенно успокоить человѣчскій духъ, а потому, одни разрѣшали, а другіе даже предписывали самоубійство, если кто не могъ успокоиться въ самозабвеніи или не умѣлъ достигнуть стоическаго безстрастія.

Тогда-какъ въ Греціи философія окончила свою дѣятельность, въ Римѣ господствовало многобожіе во всей своей первобытной силѣ и неприкосновенности. За полтора столѣтія до рождества Христова греческая философія переходитъ въ столицу міра, и здѣсь

(1) Ibid. 1, 2. 2.

становится точно въ тоже отношеніе къ народной вѣрѣ, въ какомъ была въ Греціи. Епикурейское безбожіе и стоическій пантеизмъ быстро распространяется между римлянами. Платонова идея о Богѣ также находитъ себѣ послѣдователей. Невѣріе въ отечественныхъ боговъ увеличивается со дня на день; храмы ихъ, конечно, не остаются безъ поклонниковъ; но лучшая часть общества, по крайней мѣрѣ въ душѣ, отреклась отъ этихъ прежде чтимыхъ покровителей Рима. Боги крѣпкіе своею давностію оставались на своихъ алтаряхъ, хотя постоянно теряли свое вліяніе, и должны были переживать и пережить своихъ поклонниковъ. Однакоже, потрясенное многобожіе чувствовало угрожающее себѣ паденіе, и нашло себѣ защитниковъ, которые старались придать богамъ такое значеніе, какого въ нихъ никто не подозрѣвалъ, и согласить идеи Платона о Богѣ и о назначеніи чело-вѣка съ понятіями народной вѣры. Но эти ученые защитники язычества впоследствии нѣсколько приостановили слишкомъ быстрое распространеніе эпикурейскаго безбожія и въ душахъ отрѣшившихся отъ всякой вѣры снова пробудили стремленіе къ сверхчувственному, потребность религіи: но не могли поддержать многобожія и возвратити богамъ постоянно теряемую ими силу и вліяніе на людей. Въ первое время имперіи римскій міръ представляетъ явленіе безпримѣрное въ исторіи: съ одной стороны идолопоклонство, потерявшее внутреннюю связь и цѣлость, соединеніе въ Римѣ всѣхъ языческихъ богослуженій, поклоненіе богамъ, собраннымъ со всего свѣта въ столицу міра; съ другой стороны открытое безбожіе, отреченіе отъ всякой религіи, невѣріе въ боговъ и

отечественныхъ и чужеземныхъ ; среди этихъ крайностей— философія, равно отвергающая и многобожіе и безбожіе, съ своими пантеистическими понятіями о Богѣ, какъ душѣ міра, съ идеею о Богѣ единомѣ, невидимомѣ, Творцѣ и Промыслителѣ міра. Не могъ же долго продолжаться этотъ нравственный хаосъ, это броженіе и столкновеніе стихій столь противоположныхъ и враждебныхъ. Ниодно изъ этихъ противоположныхъ началъ не могло возвыситься надъ другими и образовать собою стихію, для всѣхъ успешную и отрадную. Не могло же восторжествовать невѣріе и безбожіе, свергнуть стремленіе къ Боже-ству, непрерывавшееся въ человѣчествѣ со времени потопа. Но и люди, отрекшіеся отъ многобожія, не могли возвратиться къ отечественнымъ богамъ, не отрекаясь отъ тѣхъ истинъ, до которыхъ дошелъ чело-вѣческой умъ тысячелѣтними усиліями. Люди, ко-торые говорили, что не за чѣмъ искать далеко Боже-ства, что Юпитеръ вездѣ, куда ни взглянешь и куда ни ступишь, какъ отвѣчалъ Катонъ Ливанію, который совѣтовалъ ему сходить къ оракулу, тѣмъ паче люди, ставшіе выше пантеизма и принявшіе Платонову идею о Богѣ Творцѣ міра, конечно уже, не могли искренно преклоняться предъ идолами и находить успокоеніе въ народной религіи. Но ея мѣсто не могла заступить и философія, или философское единобожіе. Филосо-фія сообщила высокое понятіе о Богѣ и указала цѣль чело-вѣческаго бытія ; но сама же созначала и недо-ступность Боже-ства, и недостижимость указанной цѣ-ли, и далекость чело-вѣка отъ Бога, и его безсиліе приблизиться къ Нему, открыла немощь чело-вѣческа-го ума и растлѣнность чело-вѣческой воли, но не да-

вала и не могла дать никакихъ силъ для укрѣпленія этой немощи, для уврачеванія растлѣнія, для сближенія чловѣка съ Божествомъ. Никакая чловѣческая сила и никакая чловѣческая мудрость не могла бы найти средства упорядочить это хаотическое броженіе непримиримыхъ стихій и остановить внутреннее распаденіе и разрушеніе язычества. Религіозная жизнь древняго міра разрушалась, необходимо было обновленіе и воссозданіе чловѣчества, возможное только Создателю. Но когда міръ язычскій дошелъ до такого внутренняго распаденія, — во Иерусалимѣ уже совершенно было дѣло искупленія, и Апостоламъ дана уже была заповѣдь: *шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа* (Матѳ. 28, 19.).

Философское исканіе Божества было внутренній путь, по которому язычскій міръ приближался къ царству Мессіи. Къ сему же царству вели язычниковъ особые пути вѣщныя, пролагаемые и устрояемые Промысломъ. Это постоянныя сношенія и соприкосновенія язычниковъ съ евреями и вслѣдствіе того распространеніе въ язычскомъ мірѣ іудейскихъ понятій, вѣрованій и ожиданій.

Извѣстно, что еще изъ Египта евреи вывели съ собою немало язычниковъ, и самъ Моисей, предвидя умноженіе такихъ пришельцевъ, подчиняетъ ихъ нѣкоторымъ законамъ наравнѣ съ евреями, среди которыхъ они будутъ жить (Исх. 12, 38. 20, 10. Лев. 17, 12. 24, 16.). Молитва Соломона, въ которой онъ проситъ Бога выслушивать въ новоосвященномъ храмѣ молитвы не только іудеевъ, но и язычниковъ, заставляетъ несомнѣнно предполагать, что во времена Со-

ломона въ іерусалимскомъ храмъ бывали прозелиты или пришельцы, т. е. язычники, перешедшіе въ іудейскую вѣру, и принявшіе законъ Моусеевъ (3 Цар. 8, 41—43.). Въ книгахъ пророческихъ также находимъ указанія на иноплеменниковъ, всѣмъ сердцемъ обратившихся къ Богу Израилеву (Иса. 56, 6. 8.).

Но собственно, къ распространенію іудейства среди языческаго міра много способствовали переселенія іудеевъ въ языческія земли и разсыпаніе ихъ среди языческихъ народовъ. Разсыпаніе іудеевъ было наказаніемъ за ихъ нечестія; но это наказаніе въ рукахъ Промысла служило средствомъ къ распространенію среди язычниковъ іудейскихъ понятій и вѣрованій. По разрушеніи царства израильскаго большая часть народа была отведена въ плѣнь Царемъ ассирійскимъ. Плѣнники не возвращались въ отечество, и навсегда остались въ странѣ плѣненія. Не всѣ іудеи возвратились и изъ плѣна вавилонскаго. При Птоломеевѣ Лагѣ до двухъ сотъ тысячъ іудеевъ было переселено въ Египеть. Всѣ сіи выходцы или переселенцы разсыялись по всему Востоку, были въ Вавилонѣ, Персіи, Мидіи, Сиріи, Финикіи, Египтѣ. Въ Египтѣ они нашли себѣ какбы второе отечество, населяли цѣлые города, имѣли права гражданства, синагоги, свое верховное судилище, устроенное по образцу іерусалимскаго. За полтора ста лѣтъ до рождества Христова въ Іліополь былъ построенъ храмъ подобный іерусалимскому, и учреждено въ немъ богослуженіе по закону Моусееву. Не одна надежда обогащенія привлекаетъ евреевъ и въ Римъ. Латинскіе писатели жалуются на значительное распространеніе въ Римѣ іудейскихъ вѣрованій и узаконеній, ради ко-

торыхъ римляне оставляютъ свои обычаи и законы (м). Какъ далеко распространились іудеи по странамъ міра языческаго, это можно видѣть въ письмѣ Агриппы къ римскому Императору Калигулѣ. Святыи городъ Іерусалимъ, пишетъ Агриппа, не есть столица одной только іудеи, но и многихъ іудейскихъ поселеній въ сосѣдственныхъ земляхъ египетскихъ, финикійскихъ, сирійскихъ, именно въ Памфиліи, Киликіи, во многихъ мѣстахъ малой Азіи даже до Вепшии и Понта, въ Европѣ, въ Фессаліи, Беотіи, Македоніи, Этолій, Аттікѣ, Аргосѣ, Коринтѣ, и въ большей и лучшей части Пелопонеса, также на островахъ Евбѣѣ, Кипрѣ и Критѣ (н). Въмѣстѣ съ евреями, естественно, распространялись въ языческомъ мірѣ іудейскія понятія и вѣрованія.

Особеннымъ дѣломъ Промышленія Божія объ язычникахъ былъ переводъ Священнаго Писанія съ еврейскаго языка на общеупотребительный тогда языкъ греческій. Переводъ сдѣланъ ранѣе, нежели за два столѣтія до рождества Христова, мужами богопророческими, извѣстными подъ именемъ LXX Толковниковъ. Въ память сего событія въ Александріи установленъ ежегодный праздникъ; событіе сіе было важно и спасительно не для однихъ александрійскихъ іудеевъ, но для всего язычества, и для всѣхъ будущихъ христіанъ, которые не могли читать Писаніе въ еврейскомъ подлинникѣ. Въ переводѣ LXX Откровеніе Божіе, данное прежде іудеямъ, но сокрытое отъ

(м) Tacit. Hist. L. V. c. 5. Juvenal. Satir XIV. v. 100—102.

(н) Philo de legat ad Cajum. T. II. p. 587. ed. Mang.

язычниковъ подѣ непонятною для нихъ буквою, теперь передается язычникамъ тѣмже іудеями. Писаніе, переведенное на греческій языкъ, сдѣлалось доступнымъ для всѣхъ ученыхъ и любознательныхъ язычниковъ, и, конечно, много способствовало къ распространенію между лучшими изъ нихъ іудейскихъ понятій и вѣрованій (о).

Народу іудейскому не дано было повеленія распространять свою вѣру среди язычниковъ. Міръ языческій былъ веденъ другими путями, и еще былъ неспособенъ внимать откровенной истинѣ. Іудеи ожидали, что Мессія, по Своемъ пришествіи, Самъ распространитъ по всей землѣ познаніе Бога истиннаго. Но послѣ вавилонскаго плѣна, со временъ Маккавеевъ, конечно, не безъ особеннаго же Божія водительства, они почувствовали особенную ревность къ распространенію своей религіи. Вслѣдствіе такой ревности начало умножаться число прозелитовъ во всѣхъ языческихъ странахъ, гдѣ жили іудеи, какъ свидѣтельствуеть Іосифъ Флавій (п), не исключая и Рима, какъ доказываютъ жалобы латинскихъ писателей на распространеніе іудейства (р). Фарисеи предпринимають даже нарочитыя путешествія для обращенія язычниковъ, какъ свидѣтельствуеть о нихъ Господь, что они *преходятъ море и сушу, сотворити единаго пришельца* (Матѣ. 23, 15.). Въ праздникъ Пя-

(о) Смотри напр. Diodor. Sicul. Eclog. XL. 1. Т. II. p. 542. edit. Wess. Tacit Hist. Lib. v. cap. 5.

(п) Joseph. de bello Judaic. 7, 3. 3, 2, 17. 10. Antt. 20, 2. 4.

(р) Horat. Satir 1. 4. 142. Juvenal 14. 96—102. Dco Cass. lib. 36 p. 36. Senec у Августина de Civit. Dei lib. VI. cap. 11.

тидесятницы, въ день сошествія Святаго Духа на Апостоловъ, въ Іерусалимъ были, по сказанію книги Дѣяній Апостольскихъ, *пришельцы отъ всего языка, иже подъ небесемъ* (2, 5—11.).

Такимъ образомъ, переводъ Священнаго Писанія, разсѣяніе евреевъ по всѣмъ странамъ языческаго міра, возчувствованная ими послѣ вавилонскаго плѣна ревность къ распространенію вѣры, и, вслѣдствіе сего, повсемѣстное распространеніе между язычниками іудейскихъ вѣрованій и умноженіе принявшихъ сіи вѣрованія, объясняютъ происхожденіе языческихъ ожиданій могущественнаго Царя изъ Іудей, ожиданій столь всеобщихъ въ языческомъ мірѣ предъ пришествіемъ Христовымъ.

На Востокъ, какъ выше было сказано, сохранились священныя преданія, останки первоначальнаго откровенія Божія, вынесенныя изъ первобытнаго міра, именно, преданіе о блаженномъ состояніи чловѣка невиннаго, о его паденіи, вѣра въ будущее воссоединеніе падшаго чловѣка съ Богомъ, и ожиданіе Божественнаго Примирителя и Искупителя. Хотя преданія сіи хранились жрецами, какъ неприкосновенная и таинственная святыня: но не могли онѣ быть совершенно сокрыты отъ народа, тѣмъ болѣе, что вліяніе сихъ священныхъ преданій, хотя уже утратившихъ первоначальную свою чистоту, отражалось въ духѣ восточныхъ религій и въ религіозныхъ обязанностяхъ чловѣка. Въ глубокомъ мракѣ язычества на Востокъ мы видимъ мужей съ свѣтлыми понятіями о Богѣ истинномъ и съ вѣрою въ грядущаго Искупителя. Въ Ханаанѣ жилъ священникъ Бога Вышняго Мелхиседекъ, у котораго принялъ благословеніе самъ Отецъ въ-

рующихъ (Быт. 15, 18. 19.). Въ Аравіи жилъ Іовъ, мужъ праведный и благочестивый, съ свѣтлыми понятіями о Богѣ и съ сильною вѣрою въ Искупителя (Іов. 19, 25. 26.). Друзья и собесѣдники Іова также представляютъ въ себѣ чтителей Бога истиннаго. Въ Месопотаміи удостоенъ внушеній Божественныхъ Валаамъ, имѣвшій возвышенныя понятія о Богѣ, возвѣщавшій пришествіе Избавителя (Числ. 24, 17.), хотя послѣ и сдѣлался врагомъ Божіимъ. Въ землѣ мадіамской обиталъ Іофоръ, мужъ мудрый и благоговѣйный (Исх. гл. 18.). Нееманъ, князь силы сирійскія, изцѣленный Пророкомъ Елиссеемъ возвращается въ отечество съ крѣпкою вѣрою въ Бога единого, Бога Израилева, и съ обѣтомъ не приноситъ жертвъ богамъ инымъ, но Господу единому (4 Цар. 5, 1. 15. 17.). Въ Ниневіи Іона проповѣдывалъ имя и силу Бога Израилева, и его проповѣдь возбудила въ народъ вѣру и покаяніе. Въ Вавилонѣ Даніилъ былъ поставленъ главою тамошнихъ мудрецовъ, и остался въ Вавилонѣ по возвращеніи іудеевъ въ землю обѣтованія. Такіе мужи, конечно, не могли не имѣть вліянія на религіозныя мнѣнія и вѣрованія восточныхъ народовъ, и, по крайней мѣрѣ, въ лучшей части людей могли просвѣтлять и поддерживать существующія у нихъ, но затемняемыя и забываемыя преданія о пришествіи Искупителя. И очень неудивительно послѣ сего, что евреи, разсѣявшіеся по Востоку, во многихъ встрѣчали вѣру своимъ сказаніямъ о скоромъ пришествіи могущественнаго Царя, и возбуждали ожиданія сего Царя. Мы знаемъ изъ Евангельской исторіи, что при рожденіи Господа съ Востока приходятъ волхвы или мудрецы, поклониться новорожден-

ному Царю, и приносятъ Ему дары (Матѳ. 2, 1.). Есть сказаніе китайскихъ историковъ, что чрезъ 65 лѣтъ по рождествѣ Христа Спасителя китайскій Императоръ отправлялъ пословъ въ Палестину, чтобы узнать, точно ли явился міру великій Посланникъ Неба (с).

Въ послѣднія времена предъ пришествіемъ Христа Спасителя ожиданія могущественнаго царя и возстановителя золотаго вѣка распространяются въ столицѣ тогдашняго міра, въ Римѣ. У римлянъ около времени рождества Христова сильно распространилось ожиданіе великаго царя, который прійдетъ на землю и возстановитъ всемірный миръ и благоденствіе народовъ. Въ честь сына, котораго ожидали отъ супруги консула Полліона, Виргилій написалъ Эклогу (т), въ которой представляетъ ожидаемаго младенца подъ образомъ царя и называетъ его драгоцѣннымъ потомкомъ боговъ, великою отраслью Юпитера. Будущій царь, по изображенію поэта, утвердитъ благоденствіе народовъ, истребитъ неправды и безпорядки на землѣ, возвратитъ людей въ первобытное состояніе невинности и блаженства. Хотя во дни его и будутъ еще видимы нѣкоторые слѣды неправды, хотя еще будутъ обносить стѣнами города и вести войны: но наконецъ все утихнетъ и воцарится на землѣ всеобщій миръ и счастье. И не только люди, но и природа измѣнится и обновится въ будущемъ цар-

(с) Geschichte d. Religion J. Chris. v. Gratt zu Stolberg. Th. 1. Beilag. V. Seit. 395 Wien. 1817.

(т) Eclog. IV. Pollio.

ствѣ ожидаемаго царя. Съ его явленіемъ, говоритъ поэтъ, и царство растений и животныхъ измѣняется: левъ уже не кровожаденъ, змѣя и ядъ не вредятъ, вся земля цвѣтеть, на терніяхъ растеть виноградъ и съ дубовъ каплетъ медъ росою. Въ этой пѣсни очевидно изображается ожидаемый возстановитель золотого вѣка. *Виргилій* думаетъ видѣть исполненіе сего ожиданія въ лицѣ *Августа*. *Августъ*, по мнѣнію поэта есть тотъ предсказанный царь, который облаженствуетъ народъ, возстановитъ золотой вѣкъ, тотъ могущественный повелитель, котораго царство должно распространиться далѣе предѣловъ индійскихъ, до отдаленнѣйшихъ концевъ земли (y). Такое предсказаніе и ожиданіе необыкновеннаго царя пришло въ Римъ съ Востока. *Тацитъ*, описывая іудейскую войну, замѣчаетъ: весьма многіе вѣрили древнимъ свидѣтельствамъ жрецовъ, что въ это самое время Востокъ пріобрѣтетъ новыя силы, и что имѣющіе прійти изъ іудей сдѣлаются властителями міра (ф). Еще сильнѣе свидѣтельствуеть о такихъ вѣрованіяхъ *Светоній*: на всемъ Востокъ распространено древнее и постоянное мнѣніе, будтобы предопредѣлено, что въ это время имѣющіе прійти изъ іудей сдѣлаются обладателями міра (x). Очевидно, что здѣсь говорится о томъ же ожиданіи народовъ, которое почти за сто лѣтъ до *Тацита* изображается у *Виргилія*, какъ ожиданіе возстановителя золотого вѣка. Ни *Тацитъ*, ни *Светоній*

(y) *Aeneid. Lib. XVI.*(ф) *Histor. Lib. v. cap. 13.*(x) *Vit. Vespasian. cap. 4.*

не опровергають дѣйствительности ожиданія. Только, какъ *Виргилій* видѣлъ въ свое время исполненіе сего ожиданія въ лицѣ *Августа*, такъ *Тацитъ* видитъ исполненіе его въ *Веспасіанѣ* и *Титѣ*, римскихъ военачальникахъ, пришедшихъ изъ *іудей*, а *Светоній* увѣренъ, что *іудей* применили къ себѣ предсказаніе, которое, какъ послѣ оказалось, относилось къ римскому Императору (п). Вообще, въ послѣднее столѣтіе предъ рождествомъ Христовымъ ожиданіе великаго царя было всеобщимъ въ Римѣ, сильно занимало умы, такъ-что честолюбцы покушались пользоваться имъ для своихъ цѣлей. *Лентуль*, по свидѣтельству *Саллюстія*, основываясь на этомъ ожиданіи, вмѣшался въ заговоръ *Катиллины*, и съ тщеславіемъ утверждалъ, что предсказанный царь долженъ явиться изъ *Корнеліевой* фамиліи (ч). Слѣдовательно, и на Востокѣ, какъ говоритъ *Светоній*, и въ Римѣ, а потому, и въ цѣломъ мірѣ, предъ пришествіемъ Господа, было всеобщее ожиданіе Мессіи, какъ могущественнаго царя, всемірнаго обладателя, возстановителя первобытной невинности и блаженства.

Конечно, ожиданія сіи слишкомъ чувственны, односторонни, сходны съ тѣми односторонними понятіями о Мессіи, которыя послѣ вавилонскаго плѣна господствовали между *іудеями*, и распространялись отъ нихъ между язычниками. Но и сіи понятія, еще искаженные язычниками, несмотря на ихъ чувственность и искаженность, были выше языческихъ вѣрованій и убѣжденій, и принимаемыя язычниками, дѣйствитель-

(п) loc. citat.

(ч) Sallust. in Catelin. Cicero. orat III. in Catelin.

но руководствовали ихъ къ грядущему царству Мессіи, направляли къ нему ихъ умы и сердца. Язычники, неослѣпленные фарисейскими страстями и личною ненавистію къ Господу, легче и скорѣе, нежели фарисеи и слѣдовавшіе ихъ водительству іудеи, могли отрѣшиться отъ чувственныхъ понятій и возвышаться къ духовному разумнію благодатнаго царства Христова, когда проповѣдники евангелія объясняли имъ истинное значеніе царства Христова, представленнаго имъ подъ чувственными образами. Это не простое предположеніе, но истина засвидѣтельствованная исторіею Апостольскихъ дѣяній. Язычники прозелиты, слушая вмѣстѣ съ іудеями въ синагогахъ проповѣдь Апостола Павла, который доказывалъ, что Христу надлежало пострадать, въ великомъ множествѣ обращались къ вѣрѣ, тогда-какъ іудеи, подъ вліяніемъ фарисейскихъ наставленій упорствовали въ невѣріи (Дѣян. 17, 2—5. см. 14, 2.). Для ума свѣтлаго и безпристрастнаго нетрудно восхожденіе отъ чувственнаго образа къ его духовному значенію: такое восхожденіе было трудно для фарисеевъ, потому что къ чувственнымъ понятіямъ о Мессіи они были прикованы страшною силою страстей своихъ.

Оба мои письма о приуготовленіи рода человѣческаго къ Искушителю служатъ отвѣтомъ на вопросъ: почему Господу неблагоугодно было исполнить Свое предвѣчное опредѣленіе о искупленіи человѣка немедленно по его паденіи, и почему Спаситель благоволилъ прійти на землю чрезъ нѣсколько тысяцелѣтій по паденіи человѣка? Надлежало прежде приготовить родъ человѣческій къ принятію Искупителя.

Господь не замедлил явиться, когда приготовленіе людей доведено было до возможной для них полноты. Непознаваемая премудрость и неистощимая любовь Божія открываются намъ и въ начальномъ устройствѣ царства Христова, и въ приуготовленіи къ нему людей. Но чѣмъ далѣе раскрывается планъ Божественнаго домостроительства, тѣмъ болѣе открывается благоговѣющей мысли чудесь сей непостижимой премудрости и любви.



С Л О В О,

ВЪ ДЕНЬ СВ. ВЕРХОВНЫХЪ АПОСТОЛЪ

ПЕТРА и ПАВЛА.

Аминь аминь глаголю тебѣ: егда былъ еси юнъ, поясался еси самъ, и ходилъ еси, аможе хотѣлъ еси: егда же состарѣешися, воздѣжеши руцѣ твои и инъ тя пошеетъ, и ведетъ, аможе не хоцещи (Іоан. 21, 18.).

Вѣдущій вся, а потому, Вѣдавшій и любовь Петрову, въ образѣ челоуѣка, которій въ преклонныхъ лѣтахъ, при всей крѣпости воли и опытности ума, по причинѣ тѣлесныхъ немощей имѣеть нужду въ содѣйствіи другихъ и зависить нерѣдко отъ воли другихъ, прорекаетъ возлюбленному ученику мученическую его кончину, какъ изъясляетъ другій возлюбленный ученикъ Христовъ. *Сіе же рече, назнаменуя, кою смертію прославитъ Бога.*

Но зная, какимъ ученикомъ былъ Петръ и за какого Учителя ему надлежало пострадать, несомнѣнно вѣримъ, что радовавшійся, когда сподобился *пріяти безчестіе за имя Господа Исуса* (Дѣян. 5, 41.), и самую смерть за Него почиталъ *пріобрѣ-*

лемъ; въ противномъ же случаѣ неминуемо подвергается опаснымъ поползновеніямъ и наденіямъ, какъ замѣчаетъ св. Макарій, «по неопытности вводимый въ обманъ тѣмъ самымъ, что дѣйствуетъ въ немъ благодать (Мак. бес. 18.). О таковой юности, при Божіей благодати, утвердившейся въ добръ, говоритъ Апостолъ: *писахъ вамъ юноши, яко крѣпцы есте, и побѣдите лукаваго.* Иные же, при вѣрѣ, споспѣшествуемой любовію, вполне пріобрѣли умное и свободное въдѣніе истиннаго и благаго; потому что все познаютъ въ Богѣ и отъ Бога; Ему одному все восписуютъ, въ Немъ одномъ живутъ, въ Немъ мыслятъ, желаютъ и дѣйствуютъ. О достигшихъ сего духовнаго возраста говоритъ Іоаннъ: *пишу вамъ отцы, яко познасте Безначальнаго* (13 ст.). О сихъ совершенныхъ духомъ, достигшихъ въ мѣру возраста Христова, вѣрно и истинно слово тогоже Апостола: *всякъ рожденный отъ Бога грѣха не творитъ* (1 Іоан. 3, 5.), *помазаніе имать отъ Святаго, и вѣсть вся* (2, 20.).

Поелику верховному изъ Апостоловъ надлежало быть свѣтломъ для цѣлаго міра, содѣлаться образцомъ подражанія для проходящихъ различныя степени духовной жизни: то и самъ онъ является намъ въ различныхъ возрастахъ сей жизни. Посему-то, сей многочисленный камень, великимъ Строителемъ изъятый изъ ветхаго іерусалимскаго храма, хотя заранѣе отъ всѣхъ нечистотъ и чуждыхъ примѣшеній обрѣзанъ былъ обрѣзаніемъ Авраамовымъ, усѣченъ и уравниенъ по строгому мѣрилу закона Моисеева, однакоже, вновь переплавляется въ горниль Духа и постепенно пріуготовляется, чтобы ему,

то-есть вѣрь его содѣлаться тѣмъ каменемъ, на которомъ угодно было Господу создать Свою новую, всемірную Церковь, неодолимую вратами адовыми.

Еще какъ ревнитель отеческаго Закона, по обитованіямъ онаго *члвчій царствія Божія* (Лук. 23, 52.), Петръ съ радостію отъ брата Андрея пріемлетъ благоую вѣсть: *обрѣтохомъ Мессію, ежесть* *сказано Христосъ* (Іоан. 1, 11.), и вслѣдъ за Андреемъ немедленно течеть къ Іисусу. Но когда, приведенный въ ужасъ чудесною ловитвою рыбъ, молитъ Господа: *изыди отъ мене, яко мужъ грѣшенъ есмь*, и слышитъ отъ Господа: *не бойся: отсель будещи человеки лова* (Лук. 5, 8. 10.); тогда сей, возросшій подъ пѣстунствомъ Закона, и руководившійся во всемъ мановеніямъ своего пѣстуна, поставляетъ себя какбы выше Закона, перестаетъ быть отрокомъ, и какъ доблестный юноша дѣйствуетъ, хотя тоюже благою, какой навѣль подъ пѣстуномъ—Закономъ, но вполне уже свободою волею. Не разсуждастъ онъ, для чего отъ обычной ему и невинной ловитвы рыбъ призывается къ другой невѣдомой ему, и неизвѣстно, согласной ли съ Закономъ, ловитвѣ; но извлекаетъ корабль свой на землю, оставляетъ все и идетъ во слѣдъ Зовущаго, хотя видитъ, что, переходя изъ веси въ весь, изъ града въ градъ, *не имать Оупъ гдѣ главы подклонити* (Матѣ. 8, 20.). И съ сего времени не оставляетъ Петръ Учителя, развѣ по Его только повелѣнію. Когда другіе удаляются отъ Господа, онъ взываетъ: *Господи, къ кому идемъ? глаголы живота вѣчнаго имаша* (Іоан. 6, 68.). Съ какимъ любовдѣніемъ уловляетъ онъ каждое

слово своего Наставника, открываетъ Ему и свои и другихъ учениковъ недоумѣнія, и для себя и для другихъ просить объясненія на сказанное въ притчахъ? За все сіе св. Іоаннъ Златоустый справедливо называетъ Петра *устами Апостоловъ* (на Матѣ. бес. 54.). Но чѣмъ наименовать его за ту вѣру, по которой прежде другихъ Апостоловъ сподобился онъ откровенія тайны, для нихъ еще сокровенной? Послѣдствующіе за Іисусомъ, изумлявая предъ величіемъ чудесъ Христовыхъ, и предъ выотою ученія Христова, съ недоумѣіемъ спрашиваютъ о Христвъ: *не Сей ли есть тектонъ* (Марк. 6, 3.)? и теряются о Немъ въ различныхъ догадкахъ. Наиболье свѣдущіе въ Писаніи, какъ Филиппъ и Наѳанайль, приходятъ къ ясному заключенію, что обрѣли во Іисусъ, *Его же писа Моисей въ законъ и пророцы* (Іоан. 1, 45.), даже именуютъ Его Сыномъ Божіимъ, но съ сямъ наименованіемъ не соединяютъ, конечно, надлежащаго разумѣнія. Самые приближенные ко Христу ученики, когда видятъ Его ходящимъ по морю и запрещающимъ морскому волненію, хотя въ изумленіи поклоняются Ему и говорятъ: *воистину Божій Сынъ еси*; однакоже, не ублажаются за сіе Господомъ; а изъ сего видно, что и ихъ понятіе оставалось еще въ предѣлахъ человѣческаго разумѣнія. Одинъ Петръ, который при другихъ обстоятельствахъ не оказывался глубоко разумьющимъ Писаніе, не какимъ-либо необычайнымъ чудомъ возбужденный къ исповѣданію, но въ тихой бесѣдѣ съ Господомъ твердо и несомнѣнно возвыщаетъ то, что не плоть и кровь открыли ему, но что явилъ ему Отецъ Небесный, и сказавъ: *Ты еси Христось, Сынъ Бога живо*

(Матѣ. 16, 16.), исповѣдуетъ единосущіе Сына со Отцемъ. Такова была юность Петрова. Сынъ Божій призвалъ его въ апостольство, Духъ Святой укрѣплялъ его въ неослабномъ послѣдованіи Христу, самъ Отецъ открылъ Ему высокую тайну Божества Христова; всего же этого сподобился онъ за свою вѣру, которая была его препоясаніемъ, и содѣлала крѣпкимъ въ его высокомъ служеніи.

Но Господу угодно было, чтобы сей же Петръ, конечно, въ наше назиданіе, показалъ въ себѣ и примѣры человѣческихъ немощей, когда, по смотрѣнію Божію, благодать Христова отступала отъ Петра навремя, и юношеская ревность его представлялась себѣ самой, что Господь и называетъ въ Петрѣ самовольнымъ хожденіемъ.

Видитъ Петръ ходящаго по водамъ Господа, и когда сопутствовавшіе Петру въ страхъ думаютъ, что предъ ними призракъ, Петръ, какъ бы искушая Христа, взываетъ: *Господи, аще Ты еси, повели ми прійти къ Тебѣ по водамъ* (Матѣ. 14, 19.). Господь повелѣваетъ, и Петръ ходитъ по водамъ. Сила Иисуса держитъ Петра на зыбкой стѣпкѣ, какъ на камнѣ, и въ тоже время попускаетъ ему колебаться отъ дуновенія вѣтра. Вѣра Петрова, сгустившая подъ нимъ воды, не находитъ въ себѣ твердости противостать крѣпкому вѣтру. Петръ ощущаетъ въ себѣ немощь, какой не сознавалъ прежде, приходитъ въ боязнь и начинаетъ утонать.

Исповѣдуетъ Петръ Иисуса Христа единосушнымъ Отцу Сыномъ Божіимъ. Но какъ-скоро Христосъ, вразумивъ Петра, что самъ Отецъ явилъ ему сіе, и возвѣстивъ ему великія Божіи обѣтованія, пред-

сказываетъ о Своемъ страданіи, смерти и воскресеніи, поемъ *Его Петръ*, начатъ прерѣцати Ему глаголя: *милосердѣ Ты Господи, исцямъ быти Тебѣ сіе* (Матѣ. 16, 22.). Какое самозабвеніе, какое дерзновеніе! Не надлежало ли Петру остановиться на той мысли, что небесный Отецъ, благоволившій открыть ему тайну Божества Христова, и утаить отъ него нѣчто, и безпрекословно повѣрить Учителю, или просить у Него разрѣшенія своихъ недоразумѣній? Но Петръ глубину разума Божія отваживается измѣрять умомъ человѣческимъ. Подлинно мудрованіе плотское вражда на Бога (Римл. 8, 7.), и разумъ нашъ, блуждающій по стихіямъ міра, готовъ отрицать бытіе свѣта въ самомъ источникѣ свѣта!

Наконецъ, когда Господь Иисусъ Христосъ готовится на крестный подвигъ, Петръ своею самонадбьянностію къ безконечной скорби Его прилагаетъ новую скорбь. Господь предвѣщаетъ ученикамъ: *все вы соблазнитесь о Мнѣ въ ночь сію*, и какбы въ утѣшеніе имъ, показывая, что и сіе будетъ по Божію предусмотрѣнію, присовокупляетъ: *писано бо есть: поражу Пастыря, и разыдутся овцы. Отвѣщавъ же Петръ рече Ему; аще и все соблазнятся, азъ же никогда же соблазнюся* (Матѣ. 26, 31. 33-). Прежде другихъ соблазнился уже Петръ объ Учителѣ, потому что не вѣрить слову Его; но и сего прежде соблазнился онъ о себѣ самомъ, помысливъ, что любитъ Учителя больше прочихъ учениковъ. Господь открываетъ, въ чемъ будетъ состоять соблазнъ Петровъ, именно, въ троекратномъ отреченіи отъ Господа. Но Петръ

твердо стоитъ въ своемъ соблазнѣ, говоря: *еще ми есть и умерти съ Тобою, не отвергуся Тебе* (35.).

Но къ чему говорить о Петровыхъ немощахъ при настоящемъ торжествѣ Церкви, совершаемомъ въ честь и прославленіе имени Петрова? Послушаемъ, что говорить о себѣ другій воспѣваемый нынѣ Церковію Апостоль. *Сладуць похвалюся паче въ немощехъ моихъ* (2 Кор. 12, 9.), восклицаетъ Павелъ. Поелику въ человѣческой немощи совершается Божія сила, то Павелъ желаетъ хвалиться одними своими немощами. И себѣ и другимъ похвала наша тогда только бываетъ истинна, когда прославляется нами не человѣкъ, но Богъ. Посему и Петръ паче другихъ и попремногу достоинъ похвалы въ немощахъ своихъ. Паденія Петровы сопровождаются явленіемъ въ немъ преизбыточествующей благодати Божіей; повидимому, для того онъ и падаетъ, чтобы востать въ новой и большей силѣ духа. Когда прочіе ученики оставляютъ только Господа, Петръ отвергается Его троскратно; но и сіе, кажется, для того, чтобы, послѣ горькихъ слезъ покаянія, обратиться, собрать и утвердить ему расточенную братію. Попускается ему навремя ходить по хотѣнію сердца своего, чтобы, наученному собственнымъ опытомъ, сколько хотѣнія человѣческія несовмѣстны съ Божіею волею, тѣмъ совершеннѣе предаться водительство Духа Божія, когда Духъ поставитъ его вождемъ Церкви.

Какими же похвалами достойно возвеличимъ тебя, великій въ Апостолахъ Петръ, послѣ того какъ Духъ Святый въ видѣ огненныхъ языковъ, какъ на прочихъ Апостоловъ, какъ и на тебя снишелъ

въ горнищѣ іерусалимской? Блаженъ слышавшій первую твою проповѣдь; онъ не могъ не умилиться сердцемъ, не пріять слово твое любезно, и не креститься. Не имѣешь ты серебра и золота, но есть у тебя безцѣнное сокровище; кому скажешь: *во имя Иисуса Христа Назорея, востани и ходи* (Дѣян. 3, 6.), тотъ ходитъ, и скажетъ, и хвалитъ Бога. Довольно, если и тѣнь твоя осянеть кого изъ недужныхъ; онъ изцѣляется. Подлинно даны тебѣ ключи царствія; чтò связываешь на землѣ, то связано на небесахъ. Обличилъ ты Ананію во лжи Духу Святому, и онъ падаетъ мертвымъ. Съ какимъ же дерзновеніемъ проповѣдуешь Иисуса Христа распятаго? Ни сила, ни прещеніе не заграждаютъ устъ твоихъ. *Повиноватися подобаетъ Богови паче, нежели челоуѣкомъ* (Дѣян. 5, 23.), необязанно отвѣщаешь ты христорборному сонмищу.

Такъ Петръ, 'по пріятію имъ Духа Святаго, является намъ Ангеломъ Божиимъ, превысшимъ естества челоуѣческаго; однакоже, не перестаетъ онъ быть и челоуѣкомъ. *Азъ самъ челоуѣкъ есмь*, говоритъ онъ о себѣ Корнелію (Дѣян. 10, 26.). И дѣйствительно, въ немъ видна еще челоуѣческая воля, именуемая сквернымъ и нечистымъ, чтò нескверно для Бога. Но сія воля Петрова, какъ немощна уже предъ волею Божіею! Видитъ Петръ въ сходящемъ съ неба сосудѣ четвероногихъ земли, и звѣрей, и гадовъ, и птицъ небесныхъ, слышитъ гласъ: *воставъ Петре, заколи и яждь*, и какъ челоуѣкъ отвращается отъ сего, и отвѣтствуетъ: *никакоже Господи, яко всяко скверно или нечисто шкочимже вииде во уста моя* (Дѣян. 10,

13. 14.). Но пока недоумѣвалъ еще Петръ, что значить видѣніе сіе, приходятъ къ нему посланные отъ Корнилія; Духъ повелѣваетъ ему идти съ сими посланными, *ничтоже разсуждая* (20.). И Петръ идетъ въ домъ язычника, и тамъ уже познаетъ, что *Богъ показа ему шединаго скверна или нечиста глаголати чловѣка* (26.) И когда *Духъ Святый нападе на вся слышащія слово* Петрово (44.); тогда Петръ не возбраняетъ имъ и воду, повелѣвая креститься во имя Христово.

Но Петрова благопокорность Богу еще виднѣе изъ смиренія его предъ людьми. Вѣрныя отъ обрѣзанія пренираются съ Петромъ за то, что вступилъ онъ въ общеніе съ язычниками. Петръ могъ бы указать имъ на ясное повелѣніе Господне: *шедше, научите вся языки, крестяще ихъ* (Матѹ. 28, 19.), могъ бы объяснить, что *все пророцы свидѣтельствуютъ оставленіе грѣховъ пріяти именемъ Христовымъ всякому вѣрующему въ Онъ* (Дѣян. 10, 43.). Но не такъ поступаетъ Петръ; рассказавъ подробно, какъ пришелъ онъ къ Корнилію, и что происходило тамъ, присовокупляетъ только: *азъ же кто бѣхъ могій возбранити Бога* (Дѣян. 11, 17.)? Не по своей воли шель Петръ къ Корнилію, не отъ себя глаголялъ язычникамъ слово спасенія, не его духъ изліялся на слушающихъ; онъ только не возбранилъ Богу. Петръ воздѣлъ только руки свои, ннѣ же—Духъ Божій и повесалъ и велъ его, даже куда не хотѣлъ Петръ.

Теперь понятно, что значило состарѣніе Петрово, прореченное Господомъ. Это было изнеможеніе и даже совершенное безспіе въ Петръ ветхаго, есте-

ственнаго чловѣка, чтобы невозбранно пребывалъ и дѣйствовалъ въ немъ Божій Духъ. И ежели отвергнуться собственнаго ума и собственной воли, чтобы жить умомъ Христовымъ, Христовою волею, по Писанію, значитъ умертвить въ себѣ ветхаго Адама; то можно сказать, что Петръ и таковою смертію наче всѣхъ прославилъ Бога.

По Петру надлежало прославить Бога и смертію естественною. Самая правда Божія требовала, чтобы Петръ давшій обѣтъ Учителю, умереть за Него, исполнилъ сіе обѣщаніе. Потому и Господь, предрекая ему будущую судьбу его, удостовѣряетъ, что любовь Петрова увѣщаніемъ мученичествомъ, что Петръ умереть за Иисуса Христа, и смертію своею прославить Бога, то-есть, умереть тогда, когда собственное его желаніе и жить и умереть пожертво будетъ единымъ желаніемъ не слѣдовать иной воли, кромѣ воли Божіей; умереть тогда, когда, при всей своей ревности умереть за имя Христово, изведется на позорище смерти противъ собственной воли; потому что будетъ почитать себя недостойнымъ умереть такою же смертію, какою умеръ Учитель и Господь его; наконецъ, умереть тогда, когда состарѣется въ немъ Петръ, обѣщавшійся умереть съ Учителемъ, и отрекшійся отъ Него.

Возвеличимъ же Господа, даровавшаго Петру и силу и крѣпость, къ прославленію Своему, такою смертію прославить Бога. Онъ — *Богъ всякія благодати, и насъ призываетъ въ вѣчную Свою славу о Христвъ Иисувъ, да совершитъ ны, да утвердитъ, да оснуетъ. Ему слава и держава во вѣки вѣковъ, аминь* (1 Петр. 5. 10.).

II.

СТРАДАНИЕ

СВЯТАГО МУЧЕНИКА ПАВЛА РУССКАГО (а)

(въ великій пятокъ 4 д. апрѣля 1683 г.).

Сей блаженный Павелъ родомъ былъ русскій. Еще въ дѣтствѣ изъ отечества своего отведенъ онъ въ рабство татарами, у которыхъ впоследствии купилъ его одинъ христіанинъ, и продержавъ у себя въ услуженіи много лѣтъ, отпустилъ на волю. Павелъ вступилъ въ бракъ съ одной соотечественницею своею, которая также уведена была въ рабство изъ Россіи, и потомъ отпущена на волю: и жилъ съ нею благочестиво.

По естественной ли какой причинѣ, или по дѣйствию бѣса (что также бываетъ нерѣдко), впалъ

(а) Переведено изъ той же книги, о которой сказано выше стр. 468.

онъ въ помѣшательство ума; и послѣку болѣзни продолжалась, припадки безумія повторялись ежедневно, то для изцѣленія сего умопомѣшательства жена или сосѣди придумали, вести его въ храмъ Пресвятыя Богородицы, именуемой Муглунійской; потому что и многимъ другимъ, страдавшимъ подобною болѣзнію, въ семъ храмъ Богоматери возвращалось здоровое состояніе ума. Блаженный не зналъ, для чего вели его туда, поэтому, много сопротивлялся и не хотѣлъ идти; нужно было вести его почти на рукахъ. На дорогъ встрѣтилось нѣсколько агарянъ и они спрашивали: «куда съ нимъ идутъ»? Павелъ же, въ помѣшательствѣ ума, увидѣвъ агарянъ, началъ просить у нихъ помощи, и кричать: «я—агарянинъ, и былъ агаряниномъ». Но агаряне ничего при семъ не сказали и не сдѣлали. Поэтому, несшіе больнаго и принесли его въ церковь Богоматери.

По прошествіи же двухъ дней проклятые агаряне, припоминая слова, сказанныя мученикомъ, стали разсуждать между собою: «какже это не обратили мы вниманія на брата своего магометанина, который, находясь въ рукахъ враговъ нашихъ, кричалъ и просилъ нашей помощи? Такой поступокъ нашъ противенъ вѣрѣ нашей». Особенно одинъ изъ нихъ возревновалъ о своей вѣрѣ, и до того разгорячился прочихъ, что магометане сіи сказали другъ другу: «пойдемъ къ Визирю, доложимъ ему, какъ здѣсь, въ томъ самомъ городѣ, гдѣ господствуетъ наша вѣра, невѣрные греки осмѣливаются человека, который былъ магометаниномъ, насильно вести въ свою церковь (ибо слышали они, что съ больнымъ

шли въ церковь), и еще выдумали, будто бы онъ не въ своемъ умѣ и помѣшанъ». Итакъ, пошли они къ Визирю, и дѣло представили на письмѣ. Визирь, приведенный въ гнѣвъ, немедленно даетъ приказаніе, какъ можно скорѣе, представить къ нему сего чловѣка, а іереевъ той Церкви и прочихъ христіанъ, какіе тамъ найдутся, заключить въ узы.

По промышленію Божию одинъ изъ докащиковъ, въ надеждѣ получить деньги, тотчасъ же пошелъ и извѣстилъ іереевъ и прочихъ прихожанъ церкви о данномъ отъ Визиря приказѣ; тогда мученика съ поспѣшностію вывели изъ церкви. И надъ нимъ вдругъ совершилось неожиданное чудо: внезапно оказался онъ здравымъ и въ полномъ умѣ. Поэтому, стали ему совѣтовать, чтобы вовсе не сказывалъ Визирю, какъ приходилъ въ церковь. Но не успѣли кончить сего слова, какъ посланный Визиремъ пришелъ съ своею стражею, безъ жалости связалъ мученика и іереевъ, и представилъ ихъ къ Визирю.

Визирь велѣлъ іереевъ немедленно бросить въ самую мрачную и зловонную темницу, а блаженнаго Павла ласково спрашивалъ: «дѣйствительно ли, былъ онъ когда магометаниномъ? Но онъ громко воскликнулъ, что не зналъ за собою такого незаконнаго дѣла. Донощики свидетельствовали, какъ въ тотъ день, когда несли его, самъ онъ кричалъ о себѣ, что онъ—магометанинъ. Мученикъ сказалъ: «вы лжецы, и выдумали эту клевету». Визирь говоритъ ему: «для чего же христіане водили тебя въ церковь? Павелъ отвѣчалъ: «нѣтъ, господинъ Визирь; въ церковь меня не водили; но поелику стра-

даю падуцею болѣзнію, и произвелъ я безпорядокъ, то послѣ меня домой (б); я и былъ христіаниномъ, и теперь христіанинъ, и буду христіаниномъ». Визирь говоритъ ему: «вотъ по свидѣтельству этихъ магометанъ, которые показываютъ, что изъ устъ твоихъ слышали, какъ самъ ты называлъ себя магометаниномъ, или тебѣ надобно исповѣдать теперь магометанскую вѣру и сдѣлаться туркомъ, или немедленно предаю тебя смерти. Рѣшайся же скорѣе, и избирай одно изъ двухъ. Если сдѣлаешься туркомъ, сдѣлаю тебя богатымъ и большимъ челоукомъ; а если нѣтъ, то ждетъ тебя мучительная смерть».

Позади мученика стояла благословенная жена его, изъ церкви слѣдовавшая за нимъ до Визиря; и она подкрѣпляла мужа, говоря ему по-русски: не бойся, мужъ мой, не страшись смерти, но твердо стой за вѣру Христову? Чашу смерти примешь ты въ одно мгновеніе ока, а потомъ возвеселишься и возрадуешься съ Христовыми мучениками; да и я почти себя блаженною, когда буду женою мученика». Визирь спросилъ: «что это за женщина, и что говоритъ ему?» Одинъ изъ стоявшихъ тамъ агарянъ, знавшій порусски сказалъ: «это — жена его, господина Визиря; она убѣждаетъ его не страшиться смерти и не отречься отъ своей вѣры». Тогда Визирь съ гнѣвомъ приказываетъ взять блаженнаго, привязать къ столбу и немилосердо бить палками.

(б) Такой отвѣтъ мученика объясняется, отчасти, его прежнимъ болѣзненнымъ состояніемъ, отчасти,—желаніемъ оградить своихъ единовѣрныхъ отъ истязаній, со стороны магометанъ.

Когда же было это сдѣлано, послалъ онъ мученика въ темницу.

Черезъ три дня опять приказываетъ привести его къ себѣ, и снова говоритъ мученику тоже, что и прежде. Но мученикъ мужественно противится прельщеніямъ его и повторяетъ только: «я — христіанинъ». Тогда Визирь даетъ приказаніе отсѣчь святую главу его; и исполнитель сего повелѣнія, взявъ мученика, отводитъ его на иннодромъ, по-турецки называемый ат-мецданъ, и тамъ отсѣкаетъ святую и честную главу его. Такъ достославный Павелъ, по благодати Господа нашего Иисуса Христа, пріимъ мученическій вѣнецъ. Іереи же чрезъ нѣсколько дней за деньги были освобождены.

По молитвамъ мученика да избавимся всѣ мы вѣчныхъ мукъ и сподобимся съ нимъ вѣчнаго блаженства! Аминь.



III.

СТРАДАНИЕ

ПРЕПОДОБНАГО ПАХОМІЯ

(ВЪ МАІЬ 1730 ГОДА) (а).

Всечестный Отець сей былъ родомъ изъ Малой Россіи, сынъ благородныхъ родителей. Въ ранней молодости взятъ онъ въ плѣнь татарами, которые продали его одному турку, ремесломъ кожевнику. Турокъ, взявъ его, увезъ на родину, въ мѣстечко называемое Узаки и находящееся въ Филадельфійской области. Тамъ старался онъ научить юнаго Пахомія не только ремеслу своему, но и вѣрѣ своей. Видя же, что ремесло онъ перенимаетъ, а вѣру ненавидитъ и гнушается ею, наказывалъ его побоями, бранью, угрозами, лишеніемъ пищи. Но доблестный Хри-

(а) Сказаніе сіе извлечено изъ похвального слова Преподобномученику Пахомію, помѣщенного въ книгъ подъ заглавіемъ: Священная труба. Мощи Святого нынѣ находятся въ святой обители Іоанна Богослова, на островъ Патмосъ.

стовъ воинъ съ радостію терпѣлъ все сіе за благочестіе во все время, какъ былъ рабомъ, двадцать семь лѣтъ; и служилъ своему хозяину такъ усердно и вѣрно, что онъ расположенъ былъ выдать за него дочь свою и сдѣлать его своимъ наслѣдникомъ, если бы только отрекся онъ отъ Христа. Добрый же сей юноша, высокій хранитель цѣломудрія, вмѣнялъ и супружество и богатство за уметы, повторяя въ сердцѣ своемъ Апостольское слово: *Кто ны разлучитъ отъ любви Христовы? скорбь ли, или тѣснота, или гоненіе, или гладъ, или нагота, или мечь* (Рим. 8, 35.)? Наконецъ, хозяинъ, видя непоколебимость Пахомія въ своихъ мысляхъ и намѣреніяхъ, далъ ему свободу, позволивъ идти, куда хочетъ.

Тогда, какъ мученикъ собирался отойти отъ своего хозяина, впалъ въ болѣзнь. Посѣщавшіе его во время болѣзни агаряне выдумали ложь, будто бы изъявилъ онъ желаніе отречься отъ Христа и принять вѣру магометанскую; а когда выздоровѣлъ, заставили его одѣваться по-турецки, однакоже, не принуждали къ обрѣзанію. Но Христовъ мученикъ, гнушаясь симъ, удаляется оттуда, въ видѣ купца приходитъ въ Смирну, и тамъ, сложивъ съ себя турецкую одежду, идетъ на святую гору.

Здѣсь въ обители Святаго Павла находитъ одного добродѣтельнаго и разсудительнаго священно-инока, по имени Юсифа. Исповѣдавъ предъ нимъ тайны сердца своего, умоляетъ старца, принять его къ себѣ въ послушаніе, и постричь въ монашество, что и было исполнено. Двѣнадцатъ лѣтъ прожилъ онъ съ Юсифомъ, подражая ему во всѣхъ добродѣ-

теляхъ. По прошествіи же двѣнадцати лѣтъ услышавъ о чудномъ житіи преподобнаго Акакія Кавсокаливита, переселился онъ въ Кавсокаливцу, и провѣлъ тамъ шесть лѣтъ, питаясь отъ собственныхъ трудовъ и, какъ трудолюбивая пчела отъ цвѣтовъ, собирая отовсюду совершенство добродѣтелей. Поэтому, для всѣхъ тамошнихъ Отцевъ сдѣлался онъ образцемъ и примѣромъ монашескаго житія, отличался особенно кротостію, пріветливостію, добродушіемъ, такъ-что всѣ любили его.

Но сердце Пахомія не удовлетворялось сими подвигами, онъ желалъ претерпѣть мученіе за Христа. Къ сему побуждали Пахомія, съ одной стороны, божественная любовь, съ другой—опасеніе, не вырвалось ли вовремя болѣзни, безсознательно, изъ устъ его слово отреченія, по которому турки надѣли на него свои одежды. О такомъ желаніи мученичества Пахомій объявилъ старцу своему; но старецъ думая, что сей помыслъ внушенъ ему гордостію, дѣлалъ ему много выговоровъ и укоризнъ. Послѣ желаніе въ Пахоміѣ не ослабѣвало, то старецъ цѣлый годъ испытывалъ его различными трудами и поучительными для него дѣйствіями и во всемъ нашелъ его усерднымъ. Тогда оба они въ постѣ и бдѣніи стали умолять Бога, чтобы открылъ Онъ, есть ли на то Его воля. Потомъ, сообщаютъ о намѣреніи Пахомія добродѣтельнѣйшимъ изъ Отцевъ святой горы: и всѣ были согласны съ его желаніемъ.

Наконецъ, съ молитвами и напутственными совѣтами сихъ Отцевъ, вособенности преподобнаго Акакія, Пахомій и старецъ Іосифъ оставляютъ свя-

тую гору и приходятъ въ Узакн , родину Пахоміева хозяина. Юсіфъ остается въ общей гостинницѣ, а Пахомій немедленно идетъ въ домъ своего хозяина, и потомъ на торжище, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы его узнали. И дѣйствительно, агаряне, увидѣвъ его, узнали, схватили, привели къ судѣ и сказали: « это—рабъ такого-то; во время болѣзни отрекся онъ отъ Христа, и по выздоровленіи одѣтъ былъ нами по-турецки; но теперь видишь, какъ онъ одѣтъ ». Судья спросилъ Пахомія: « правда ли это »? Христовъ мученикъ Пахомій съ радостнымъ лицомъ дерзновенно возвѣщаетъ: « никогда не отрекался я отъ Господа Іисуса Христа ни словомъ, ни мыслию, исповѣдую же Христа совершеннаго Бога и совершеннаго чловѣка, и за сіе исповѣданіе готовъ претерпѣть тысячи мученій, и всякій родъ смерти ». Судья выслушалъ сіе и видя благодушную твердость святаго, много дѣлалъ ему угрозъ и оскорбленій, потомъ сказалъ: « поелику произнесъ ты слово отреченія и одинъ разъ, то уже невозможно оставаться тебѣ въ этой христіанской одеждѣ, но должно избрать одно изъ двухъ, или отречься отъ Христа, или испытать самую жестокою смерть ». При семъ Христовъ мученикъ воскликнулъ: « да не будетъ того, Христе Царю, чтобы хотя однимъ помышленіемъ отрекся я отъ святаго имени Твоего! Напротивъ, изъ любви къ Тебѣ готовъ я въ огонь и на смерть ». Услышавъ сіе, судья отдалъ повелѣніе, и мученика ввергли въ самую мрачную темницу.

Тамъ Пахомій, какбы въ новомъ раю, пребывалъ безъ пищи, безъ сна и безъ всякаго чловѣческаго утѣшенія, питаясь однимъ божественнымъ уповані-

смѣ. На третій день послѣдовалъ приговоръ умертвить святаго. Темничный стражъ приноситъ ему сію вождельнную вѣсть о смерти. И мученикъ, услышавъ, весьма обрадовался, прославилъ имя Господне, и всю ту ночь провелъ въ молитвѣ. Утромъ выводятъ его изъ темницы, и представляютъ къ судья, который говоритъ : « вотъ за упорство свое ты преданъ будешь на смерть ; смотри , чтобы не было поздно раскаяваться тебѣ ». Святый Пахомій отвѣчаетъ съ прежнимъ дерзновеніемъ : « никогда, судья, не отрекусь я отъ Христа моего , хотя бы предалъ меня тысячамъ самыхъ жестокихъ смертей. Только, что хочешь дѣлать, дѣлай скорѣе ». Судья выслушавъ сіе, далъ о немъ послѣдній приговоръ.

Бывшіе при семъ агаряне, связавъ мученика, повлекли его на мѣсто мученія, внѣ города—туда, гдѣ закалали овецъ. За нимъ послѣдовали и другіе многіе турки и христіане, и одни изъ турокъ насмѣхались надъ святымъ, другіе плевали на него, иные же убѣждали его отречься отъ Христа. Но мученикъ, никакая единой молитвѣ, шествовалъ вождельннымъ путемъ мученичества, и достигнувъ помянутаго мѣста, преклонилъ колѣна. Когда же исполнитель казни убоялся отсѣчь ему главу, даже сталъ преклонять къ отреченію отъ Христа, говоря тихо къ уху мученика: тогда доблестный Христовъ подвижникъ ободрялъ его, и съ благодушіемъ сказалъ: « исполний, что тебѣ повелѣно и не теряй напрасно времени ». И тотъ, ободрившись, отсѣкъ святую главу его. Такъ достославный страдалецъ пріялъ вѣнецъ мученичества! Христіане, по прошествіи трехъ дней, взяли честныя мощи его, и предали погребенію. А

исполнитель казни, послѣ сего, объять былъ злымъ духомъ, бѣсноватымъ, и, бѣгая по городу, кричалъ, испускалъ пѣну, по прошествіи же нѣсколькихъ дней въ мученіяхъ извергъ душу.

Старець, наставникъ святаго, оставившійся безвыходно въ гостинницѣ, узнавъ о желанной смерти ученика своего, съ радостію и слезами возблагодарилъ Бога. Потомъ пришелъ на мѣсто, гдѣ лежало тѣло мученика, и увидѣвъ оное, со слезами приветствовалъ святаго, говоря: «достигъ ты, мой Пахомій, того, чего давно желалъ! Молись ко Господу о мнѣ и о всѣхъ призывающихъ тебя».

И дѣйствительно, чрезъ нѣсколько дней открылась сила молитвы Пахомія. Преподобный Юсифъ былъ въ сильномъ страхѣ и боязни; и вотъ, является ему во снѣ мученикъ Пахомій, съ лицомъ веселымъ и пріятнымъ, и говоритъ: «не бойся старецъ, ты не потерпишь никакого зла». И тотчасъ съ симъ словомъ удалилась боязнь отъ сердца смущеннаго старца. Еще: одна христіанка изъ той страны, отъ юности страдавшая неизцѣльною болью въ половинѣ головы, съ вѣрою призвала въ помощь Преподобномученика, и помазавъ свою голову кровію его, совершенно освободилась отъ долговременной болѣзни. Въ память такого благодѣянія и изцѣленія благоговѣйная сія жена послала на Аѳонскую гору къ тѣмъ Отцамъ, которые знали мученика лично, чтобы написали для нея икону его. Получивши сію святую икону, какъ желала, она свѣтло и благоговѣйно каждый годъ стала совершать празднество Преподобномученику Пахомію. Его молитвами и да сподобимся и мы небеснаго царствія! Аминь.

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗЪ ПИСЕМЪ

АРХІЕПИСКОПА КАМЧАТСКАГО ИННОКЕНТІЯ

КЪ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЪЙШЕМУ ФИЛАРЕТУ,

МИТРОПОЛИТУ МОСКОВСКОМУ.

І.

Аянскій Портъ. Ноябр. 30 д. 1851 г.

Посланный мною въ 1850 году на курильскіе острова іеромонахъ Сергій нынѣ возвратился оттуда, и донесъ мнѣ между-прочимъ, что всеблагій Господь, во утѣшеніе курильцовъ, а паче во утверженіе вѣры сего малѣйшаго стада Своего (всѣхъ курильцовъ не болѣе 60 душъ обоюго пола), благоволилъ явить имъ видимое знаменіе силы Креста и благословенія Церкви. На томъ острову, гдѣ зимоваль іеромонахъ, нѣтъ рѣчки (и нѣтъ постоянныхъ жителей), и водою обыкновенно пользуются проѣзжіе изъ находящагося тамъ озера; а въ этомъ озерѣ столько разныхъ букашекъ и насѣкомыхъ, что воду изъ него нельзя было употреблять иначе, какъ про-

цѣживая сквозь что-нибудь. Такъ было до 6-го генваря сего 1851-го года. Въ этотъ день было совершено въ немъ освященіе воды по чиноположенію; и съ того самаго часа въ озерѣ вдругъ не стало ни одного насѣкомаго. Такъ было во все остальное время прожитія ихъ на томъ острову до 21 мая, и при вторичномъ ихъ пребываніи на немъ, на обратномъ пути съ 8 острова на Шумшу 2-го іюля.

Зимовать на томъ острову іеромонаха и бывшихъ съ нимъ заставили бурные осенніе вѣтры. И такъ-какъ на этомъ острову, и особенно зимою, нѣтъ ни птицы, ни звѣря и ни рыбы около его; то іеромонахъ съ причетникомъ своимъ, не имѣя возможности взять съ собою съ острова Шумшу запасу болѣе 6 пудовъ муки, послѣдніе два мѣсяца принуждены были питаться почти одними кореньями травъ. А курильцы всю зиму питались почти одною морскою капустою съ небольшимъ количествомъ жиру. Такой роскошный столъ у нихъ зимою нерѣдко бываетъ. И послѣ того удивительно ли, что они уменьшаются? А помочь имъ почти нельзя.

О курильцахъ іеромонахъ отзывается, что они вообще очень усердны къ молитвѣ, съ охотою и радостію исполняли все, чтò отъ нихъ требовалось Церковію. Нравственность ихъ не худа. Охотно и со вниманіемъ слушали они книги, которыя имъ читалъ іеромонахъ по вечерамъ; часто сами просили его о томъ. За посѣщеніе ихъ священникомъ остались очень благодарны.

II.

Анискій Портъ. Июн. 25 д. 1852 г.

Въ квихпакской миссiи строящаяся церковь къ половинѣ лѣта сего года на вѣрное будетъ освещена. Туземцы съ охотою и усердіемъ помогаютъ въ семь дѣль.

Паства квихпакской миссiи годъ отъ году постоянно увеличивается болѣе и болѣе присоединеніемъ къ ней новообращающихся, и надежда на пріобрѣтеніе новыхъ чадъ, можно сказать, несомнѣнна. Это особенно доказываетъ поѣздка миссiонера въ верхъ рѣки Квихпака и по рѣкѣ Чагелюкъ. Рано наступившая весна въ 1851 году дала ему возможность побывать въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ давно уже его ожидали. И 137 человекъ обоюго пола присоединилось къ Церкви изъ народа, называемаго Инкалты. И нѣтъ сомнѣнія, что если бы въ это время всѣ жители тѣхъ селеній были дома: то гораздо болѣе бы присоединилось къ Церкви; ибо тозны ихъ, принявшіе крещеніе въ прошедшихъ годахъ, всѣми мѣрами содѣйствовали обращенію прочихъ. Но, къ сожалѣнію, не было никакой возможности собрать всѣхъ жителей, изъ коихъ многіе отдалились за промыслами очень далеко. Въ время обыкновенной своей поѣздки зимою на рѣку Кускоквимъ миссiонеръ пріобрѣлъ 32 человека новыхъ чадъ Церкви

изъ числа прибрежныхъ жителей рѣки Кускоквима; а всего съ іюля 1850 по іюль 1851 года окрещено 203 человека. Въ доказательство надежды своей на распространеніе и утвержденіе христіанства между тамошними жителями, миссіонеръ между-прочимъ приводитъ слѣдующій примѣръ. Одинъ изъ жителей при миссіи, долго остававшійся въ язычествѣ, наконецъ обратился къ свѣту истины. Послѣ послѣдней ему проповѣди онъ сказалъ: « я хотя и слышалъ проповѣдь эту давно (еще въ 1846 году) и хотя не отвергалъ вовсе, но думалъ и то, что все это есть выдумка: но теперь я вполне убѣждаюсь изъ примѣровъ, видимыхъ мною, что христіанство не есть выдумка и не человѣческое дѣло, а Божіе », и тогда же окрестился съ дѣтьми своими и съ ними — двѣ престарѣлыя женщины тогоже селенія, также остававшіяся долго въ невѣрїи « и о коихъ, говоритъ миссіонеръ, я болѣе болѣзновалъ: но съ обращеніемъ ихъ возрадовалось мое сердце и тѣмъ болѣе, что съ обращеніемъ ихъ не осталось ниодного язычника въ селенїи, гдѣ находится миссіа ».

« Благочестіе въ новообращенныхъ народахъ, говоритъ миссіонеръ, возрастаетъ только тамъ, гдѣ онъ болѣе занимается съ ними и преимущественно въ селенїи при миссіи. Доказательствомъ тому служитъ то, что какъ дѣти, такъ и взрослые съ охотою слушаютъ предлагаемыя имъ поученія: и (послѣдніе) сами стали приглашать миссіонера въ свои собранія, именно для того, чтобы послушать отъ него полезное, чего прежде не бывало, или приходятъ для того къ нему. Но тамъ, гдѣ миссіонеръ не бываетъ, или бываетъ рѣдко и не надолго, благочестіе воз-

растаетъ мало, а въ другихъ мѣстахъ, говоритъ миссіонеръ, можно сказать, вовсе не возрастаетъ. Причиною тому то, что миссіонеръ не имѣетъ возможности посѣщать всѣхъ. Въ селеніяхъ—при миссіи и на Кускоквимѣ—къ богослуженіямъ собираются охотно, несмотря на то, что это по настоящимъ мѣстнымъ обстоятельствамъ для нихъ очень трудно, особливо ввремя большихъ морозовъ. Христіанскій долгъ очищенія совѣсти исполняютъ съ усердіемъ, въ послѣдніе годы видимо возрастающимъ; такъ-что нѣкоторые прѣзжаютъ для того изъ отдаленныхъ мѣстъ. Еще не было примѣра, чтобы кто-нибудь изъ новокрещенныхъ отрекся отъ принятой ими христіанской вѣры. И даже соблазнительные примѣры язычниковъ не могутъ отвратить ихъ отъ исполненія христіанскихъ обязанностей.

Число всѣхъ обращенныхъ въ кивикпакской миссіи по 12 іюля 1851 года простирается до 1516 душъ.

Кенайскій миссіонеръ іеромонахъ Николай съ августа 1849 до половины апрѣля 1850 года проживалъ въ своей миссіи; а съ того времени онъ отправился въ Нушагакъ, гдѣ прожилъ съ начала іюня до половины мая 1851 года.

Когда проживалъ въ кенайской миссіи, первымъ дѣломъ его было приготовленіе церкви къ освященію. И 8 сентября оно совершено. «По совершеніи священнодѣйствія, говоритъ миссіонеръ, всѣхъ бывшихъ участниками сего духовнаго торжества (туземцевъ) я угостилъ по приличію, дабы памятно было намъ наше торжество. Не въ похвалу себѣ скажу: многихъ бѣдныхъ покрылъ наготу чистыми бѣлыми одеждами, дабы Господь подкрѣпилъ меня непороч-

по совершать въ семь храмъ служеніе, върешное мнѣ недостойному. Впрочемъ, это обыкновеніе русское я исполняю всегда въ большіе праздники до литургіи или на-канунѣ. Хотя незначительно, но покрываю и насыщаю нѣсколько разъ въ годъ. Итакъ, день (8 сентября) провелъ я въ духовной радости».

Относительно духовнаго состоянія кенайской паствы миссіонеръ отзывается весьма утѣшительно. Кенайцы не только охотно слушаютъ поученія, но нѣкоторые сами приходятъ къ миссіонеру и просятъ его учить ихъ. Долгъ очищенія совѣсти исполняютъ всѣ охотно; къ Св. Тайнамъ приступаютъ съ благоговѣніемъ и страхомъ истинно христіанскимъ. Противниковъ и противорѣчащихъ не встрѣчалось. Многіе изъ нихъ знаютъ молитвы и учатъ тому другъ друга. Любимымъ занятіемъ многихъ есть—пѣть церковныя пѣсни. Въ журналѣ своемъ онъ между прочимъ говоритъ объ одномъ кенайцѣ—жителѣ дальняго селенія, который, будучи больнъ, пріѣхалъ въ миссію съ тѣмъ, чтобы умереть при церкви. «Не подкрѣплять вѣру умирающаго при—
«ходилъ я къ больному, говоритъ миссіонеръ, а
«учиться богоугодному приготовленію къ смерти». Больной предузналъ часъ своей смерти; и когда шелъ къ нему миссіонеръ со Св. Дарами,—ему слышался звонъ въ большіе колокола. Никто не могъ увѣрить его, что этого звона не было. И какъ онъ принялъ Святые Дары, перекрестился и сказалъ: Слава Тебѣ, Исусе Христе: только этого я и дожидался, и, сказавъ: прощайте, пересталъ говорить; и только по временамъ крестился и вскорѣ скончался.

Изъ тогоже журнала миссіонера видно, что онъ подвергался большимъ опасностямъ, но все прошло благополучно. Такъ, онъ въ февраль, по просьбѣ жителей одного изъ ближайшихъ селеній, путешествовалъ пѣшкомъ для того, чтобы всѣмъ старымъ и немощнымъ дать случай исполнить долгъ очищенія совѣсти. На пути въ селеніе сіе среди дороги застигла его сильная непогода въ пустомъ мѣстѣ; и онъ едва могъ дойти до жилища, а на обратномъ пути едва не лишился употребленія руки отъ ушибу. Послѣ того на пути его изъ кенайской миссіи въ Нушагакъ, когда онъ ѣхалъ съ прочими въ байдарѣ, постигла ихъ крайняя опасность, такъ что все сбѣли. Миссіонеръ началъ ихъ ободрять спасеніемъ отъ Господа, — и Господь спасъ ихъ. Вдругъ сдѣлалось тихо.

Проживая въ нушагакской миссіи, миссіонеръ посѣтилъ все селенія, принадлежащія сей миссіи, кромѣ одного *Угашикъ*, куда не допустили его бурные осенніе вѣтры, а весною побывать не удалось. Въ время сихъ поѣздокъ вновь присоединилось къ Церкви изъ язычниковъ всего 310 душъ, и, по отбытіи его оттуда, Церковь Нушагакская состояла изъ 1448 душъ обоюга пола. Миссіонеръ говоритъ, что стѣнтъ только проѣхать на рѣку Кусоквимъ, и число крещенныхъ увеличится до 2000.

Все жители исполнили долгъ очищенія совѣсти съ охотою, ближайшіе къ церкви пріѣзжали для того сами, а прочіе при посѣщеніи ихъ миссіонеромъ. А что всего утѣшительнѣе, кіятинцы — жители ближайшаго къ Нушагаку селенія, которые въ 1848 году, несмотря на все убѣжденія этого же миссіо-

нера, отказались исполнить обязанности христіанскія и явно хвалились, что они будутъ шаманить и проч. (о коихъ напечатано на 168 страницъ Прибавленій къ Твореніямъ Святыхъ Отець 1850 года.), нынѣ приняли миссіонера съ видимою радостію, и съ полною охотою и раскаяніемъ исполнили все, что отъ нихъ требовалось Церковію. Миссіонеръ пишетъ : « Когда я ѣхалъ къ нимъ, они высылали ко мнѣ на-
« встрѣчу съ привѣтствіемъ по два человека однихъ
« за другими, всего семь паръ, одна отъ другой
« въ нѣкоторомъ разстояніи. Наконецъ, въ виду селе-
« нія старшины и закацки сами встрѣтили меня
« съ радушіемъ и искренно добрымъ выраженіемъ
« лица, и съ ними, кажется, всѣ до одной души; и
« всѣ кричали *куяна, куюна* (благодаримъ, благода-
« римъ). Старшины сказали: мы думали, ты насъ
« бросишь и не посмотришь какъ на негодныхъ
« собакъ; а ты пріѣхалъ къ намъ... *куяна, куюна*
« и проч. Потомъ всѣ подошли на благословеніе...
« Конечно, здѣсь не мое умѣніе, а Божіе мановеніе...
« Итакъ *кїятницы* теперь опять наши ».

Живущіе вблизи церкви аглегміоты со слезами провожали миссіонера и настоятельно просили его, чтобы у нихъ былъ священникъ всегда. Но дьячка Шишкина имѣть священникомъ у себя не желаютъ; ибо онъ по легкомыслію, свойственному подобнымъ ему (онъ креоль), поступками своими потерялъ всякое уваженіе и довѣріе къ себѣ.

Протоіерей Литвинцовъ доноситъ, что втеченіе минувашаго 1851 года и въ началѣ 1852 окрещено имъ, кромѣ дѣтей и малолѣтнихъ, 78 душъ колошъ. Къ принятію крещенія были собственные ихъ вызо-

вы; мое дѣло, говорить протоіерей, состояло только въ поученіяхъ и совершеніи таинствъ.

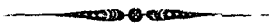
Анадырскій священникъ Никифоровъ, по слѣдамъ своего предшественника, бывшего миссіонера Романа Верещагина, путешествовалъ лѣтомъ прошедшаго 1851 года на устьѣ рѣки Анадырее, и Господь помогъ ему обратить 60 душъ чукочъ обоого пола.

Удской священникъ въ обычную свою поѣздку для посѣщенія своихъ прихожанъ тунгусовъ, разсыянныхъ на пространствѣ 2500 верстъ, на Буруканѣ окрестилъ еще одного нигидальца по собственному его вызову: съ нимъ пріѣзжало до 15 человекъ его соплеменниковъ, изъ коихъ нѣсколько крещенныхъ пріѣзжали болѣе для того, чтобы исполнить долгъ очищенія совѣсти — и исполнили. Священникъ, проживая здѣсь немало времени, ѣздилъ къ одному крещенному нигидальцу, живущему въ 10 верстахъ отъ буруканской часовни — именно для того, чтобы посмотрѣть его *христіанское пребываніе*; и нашелъ, что у него въ домѣ есть два образа; крестится и молится, какъ слѣдуетъ; дѣтей своихъ воспитываетъ по христіанскому обряду; домъ у него рубленой (по анбарному) и содержится въ чистотѣ.

ОПЕЧАТКИ:

	напечатано:		должно читать:
стр.	стр.		
11	11	снизу до Героваама 11	до Героваама II
12	8	— Тургумъ	Таргумъ
13	4	— даже	дома
20	13	сверху <i>бронію</i>	<i>бранію</i>
—	12	снизу <i>Геѡѡ</i>	<i>Геѡѡ</i>
23	послед.	образомъ предполагать	образомъ право предполагать
24	6	снизу <i>vekaen</i>	<i>vekaeu</i>
31	послед.	<i>Onomust.</i>	<i>Onomast.</i>
32	10	сверху Прококъ	Пророкъ
34	12	— роскошной	роскошной
—	9	снизу <i>Aner.</i>	<i>Anev.</i>
—	4	— историческое	исторически
37	18	— Баалбенъ	Баалбекъ
—	16	— <i>scheret</i>	<i>schevet</i>
38	14	— Арною	Акрою
45	2	— <i>gesucil.</i>	<i>gesucil.</i>
49	13	сверху <i>Pava</i>	<i>рова</i>
55	3	снизу <i>Hagstenb.</i>	<i>Hengstenb.</i>
65	10	— <i>Sonar.</i>	<i>Zonar.</i>
66	10	сверху Аргастолія	Аргостолія
69	4	— Лихудамъ	Лихудами
—	6	снизу грамоту	грамоту
71	5	снизу монастырнаго	монастырскаго
82	9	— Фавраль	Февраль
98	11	— Пилиту	Пилату
147	3	— дѣлю дѣлю	дѣлю
149	11	сверху собакъ	собакъ
150	16	— священникъ	священникъ

стр.	стр.		
171	4	снизу медрцовъ	мудрцовъ
379	15	— маса	мяса
380	7	сверху Сифъ	Сифъ
387	17	снизу Божія	Божіе
391	2	— свидѣльствуетъ	свидѣльствуетъ
421	4	сверху компа	конца
426	5	— Соломововъ	Соломоновъ
443	7	— ибъ	объ
468	1	— Свденія	Свденія



ВЪ РЕДАКЦІИ ИЗДАВАНІЯ ТВОРЕНІЙ СВ. ОТЦЕВЪ

и въ Канцеляріи Правленія
МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ
ПРОДАЮТСЯ КНИГИ:

1. **ТВОРЕНІЯ СВ. ГРИГОРІЯ БОГОСЛОВА** въ русскомъ переводѣ. Часть 5-я. Цѣна съ пересылкою. . . 1 р. 50 к. —
 2. — — — Часть 6-я. Цѣна та-же 1 р. 50 к. —
 3. **УКАЗАТЕЛЬ КЪ СЛОВАМЪ И РЪЧАМЪ ВЫСОКОПРЕСВЯЩЕННѢЙШАГО ФИЛАРЕТА, МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО**, составленный по изданію въ 3-хъ томахъ, въ Москвѣ, 1844—1845 г. Цѣна 30 к. —
на пересылку прилагается за 1 фунтъ.
 4. Исторія Русской Церкви Филарета, Епископа Харьковскаго, періодъ первый, изданіе 2-е, Харьковъ, 1850 г. Цѣна съ пересылкою. 1 р. 30 к. —
 5. Слова на Воскресные дни Кирилла, Архіепископа Подольскаго, 1841 г. Москва. Цѣна. 1 р. 40 к. —
на пересылку прилагается за 2 фунта.
 6. Достопамятныя сказанія о подвижничествѣ святыхъ и блаженныхъ Отцевъ. Цѣна. 1 р. 30 к. —
на пересылку прилагается за 2 фунта.
 7. Жизнь св. Аѳанасія, Архіепископа Александрійскаго. 50 к. —
на пересылку прилагается за 1 фунтъ.
 8. Св. Иоанна Лествичника Лествица и Слово къ Настырю, переводъ съ греческаго. Цѣна съ пересылкою. . . 1 р. 50 к. —
 9. Разсужденія: О ересьяхъ и расколахъ въ Россіи. Ц . 75 к. —
на пересылку прилагается за 2 фунта.
 10. — О христіанскомъ мученичествѣ 40 к. —
 11. — О христіанскихъ путешествіяхъ. 15 к. —
 12. — О Владыкѣ Израилевомъ (Мих. 5,2) 7 к. —
 13. — О Муромозаніи 15 к. —
 14. — Объ спитиміяхъ 15 к. —
 15. — О Божествѣ Сына Божія 20 к. —
 16. — О Крестныхъ ходахъ Православной Церкви . . . 20 к. —
 17. — О поведеніи первенствующихъ христіанъ въ отношеніи къ язычникамъ. 35 к. —
 18. — О поминовеніи усопшихъ. 25 к. —
 19. — О Литургіи преждеосвященныхъ Даровъ 50 к. —
 20. Пресвященный Тихонъ, 1-й Епископъ Воронежскій и Елецкій. 40 к. —
 21. Святой Левъ, Папа Римскій 30 к. —
 22. Исторія Флорентійскаго Собора 50 к. —
- На пересылку 13 сочиненій, вмѣстѣ, прилагается за 10 фунт.
23. Святой Димитрій, Митрополитъ Ростовскій. 1 р. — —
На пересылку прилагается за 2 фун.
 24. Историко-статистическое описаніе Харьковской епархіи
Цѣна съ пересылкою. 1 р. —
 25. Предъизображеніе Господа нашего Іисуса Христа и Церкви
Его въ ветхомъ заветѣ. Цѣна. 1 р. —

СОДЕРЖАНІЕ.

ТВОРЕНІЯ СВ. ЕФРЕМА СИРИНА.

	стр.
1. Толкованіе на книгу пророчества Исаи.	221.
2. Толкованіе на книгу пророчества Иереміи.	353.
3. Толкованіе на нѣкоторые мѣста Плача Иереміи.	471.

ПРИБАВЛЕНІЯ.

1. Слово, по освященіи храма Покрова Пресвятыя Богородицы, въ Московскомъ тюремномъ замкѣ, говоренное Синодальнымъ Членомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Филаретомъ, Митрополитомъ Московскимъ, сентября 18 дня, 1852 года.	489.
2. Его-же Бесѣда на обновленіе храма святыхъ Апостоловъ Петра и Павла при 4 Московскомъ Кадетскомъ корпусѣ, октября 18 дня 1852 г.	497.
3. О единствѣ рода человѣческаго.	502.
4. О конечныхъ причинахъ. Письмо VI.	548.
5. Слово, въ день Св. верховныхъ Апостоловъ Петра и Павла.	633.
6. II. Страданіе св. мученика Павла русскаго.	644.
7. III. Страданіе Преподобнаго Пахомія.	649.
8. Извлеченіе изъ писемъ Архіепископа Камчатскаго Иннокентія къ Высокопреосвященнѣйшему Филарету, Митрополиту Московскому.	655.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ОДННАДЦАТОЙ ЧАСТИ

ПРИБАВЛЕНІЙ КЪ ТВОРЕНІЯМЪ СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ.

УЧЕНІЕ ВЪРЫ.

	<i>стр.</i>
О пророческомъ служеніи Амоса и книгъ Его пророчествъ. . .	11
О конечныхъ причинахъ письмо IV.	170
Слово Каеолическаго Православія Римскому Католичеству. . .	272
О различіи Ученія Протестантскаго отъ истинъ Православія. .	359
О конечныхъ причинахъ письмо V.	382
О единствѣ рода человѣческаго.	509
О конечныхъ причинахъ письмо VI.	548

УЧЕНІЕ ХРИСТІАНСКОЙ ПРАВСТВЕННОСТИ.

Слово въ недѣлю Сыропустную и на память Святителя Алексія, говоренное Синодальнымъ членомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Филаретомъ, Митрополитомъ Московскимъ. . . .	3
Слово въ день Святителя Николая и Тезоименитства Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича.	136
Слово въ день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, говоренное Синодальнымъ членомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Филаретомъ, Митрополитомъ Московскимъ.	163

II

стр.

Его-же Слово въ день рожденія Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича.	337
Его-же Слово въ день обрѣтенія мощей Преподобнаго Отца Сергія.	345
Его-же Беседа на празднество Успенія и въ третій день явленія Божіей Матери Апостоламъ.	353
Его-же Беседа на освященіе храма Св. Апостола Филиппа на Иерусалимскомъ въ Москвѣ подворьѣ.	461
Его-же Слово, по освященіи храма Покрова Пресвятыя Богородицы въ Московскомъ Тюремномъ замкѣ.	489
Его-же Беседа, на обновленіе храма св. Апостоловъ Петра и Павла при 1 Московскомъ Кадетскомъ корпусѣ.	497
Слово, въ день св. Верховныхъ Апостоловъ Петра и Павла.	633

ДУХОВНАЯ ИСТОРИЯ.

Начало Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи.	62
Начало монашества въ Россіи статья 3.	95
Выписки изъ писемъ Преосвященнаго Иннокентія Архіепископа Камчатскаго къ Митрополиту Московскому.	144. 154
Фотій Митрополитъ Кіевскій и всея Россіи.	207
Последніе дни Спасобородиной Игуменіи Маріи.	458
Подвижники веры на Востокъ послѣ паденія Имперіи Греческой.	467
Подвиги и страданія равноапостольнаго Космы.	471
Страданіе Павла Русскаго.	644
Страданіе Пахомія.	649
Извлеченіе изъ писемъ Преосвященнаго Иннокентія Алеутскаго и Курильскаго.	655

